Сесили Вероника Веджвуд

Сесили Вероника
Веджвуд

Сесили Вероника Веджвуд

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
Полиграфиздат
МОСКВА

УДК 94(4)"1618/48"
ББК 63.3(4)5
В26

Scan By Vitautas & Kali

Cicely Veronica Wedgwood
THE THIRTY YEARS WAR

Перевод с английского И.В. Лобанова

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения издательства The Estate of C.V. Wedgwood и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Подписано в печать 29.11.11. Формат 84x108/ 32.
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 3 000 экз. Заказ № СК 3699М.

Веджвуд, С. В.

В26 Тридцатилетняя война / Сесили Вероника Веджвуд; пер. с англ. И.В. Лобанова. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2012. – 571, [5] с.

ISBN 978-5-17-075923-1 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-271-40322-4 (ООО «Изд-во Астрель»)
ISBN 978-5-4215-3062-6 (ООО «Полиграфиздат»)

В начале XVII века Европа представляла собой взрывоопасный котел, в котором бурлили страсти взаимной ненависти протестантов и католиков. Территориальные претензии друг к другу предъявляли практически все страны материка, а многочисленные правящие дома вели бесконечные политические и дипломатические интриги. Взрыв был лишь вопросом времени и повода — поводом же послужила кровавая расправа в Праге над тремя представителями Священной Римской империи.

Так началась масштабная Тридцатилетняя война. С 1618 по 1648 год в нее втягивались все новые государства, и, в итоге, она охватила всю Европу — от Испании до Швеции.

Сесили Вероника Веджвуд не просто предлагает читателю научную хронику Тридцатилетней войны — она рисует картины далекого прошлого так ясно и ярко, что невольно ставишь себя на место тех, кому довелось жить в эту суровую эпоху...

УДК 94(4)"1618/48"
ББК 63.3(4)5

© The Estate of C.V. Wedgwood, 1938
© Перевод. И.В. Лобанов, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Посвящается
Р. Л. В. и Дж. В. В.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Веронике Веджвуд не исполнилось и тридцати лет, когда вышла в свет ее «Тридцатилетняя война». Однако уже в этом исследовании она проявила себя как состоявшийся, зрелый автор и по содержанию, и по стилю изложения. Веджвуд опирается только на факты и обращается к первоисточникам, изданным на многих иностранных языках, а не к сентенциям каких-нибудь современных «докторов Штумпфнаделей». Автору удалось выстроить ясную и четкую сюжетную линию повествования о столь разбросанной и хаотичной войне, длившейся с 1618 до 1648 года, а понять ее можно только через призму политических интересов и маневров монарших дворов и переговоров, касавшихся десятка держав. На передний план выходят немыслимые человеческие страдания.

Веджвуд пишет изящно, плавно, динамично и удивительно просто, в ее повествовании замыслы мрачных государей предстают так же зримо, как мытарства наемников, замерзающих в открытом поле, или крестьян, у которых те же наемники отбирают скот и урожай. Ее рассказ во второй главе о первом серьезном столкновении — дефенестрации[1] в Праге — исполнен почти как кинодокумент. Невозможно

[1] От fenestra — окно (*лат.*). Акт выбрасывания кого-либо из окна. — *Примеч. ред.*

забыть этот инцидент — католических членов чешского сейма выбрасывают в окно замка в Градчанах, и они остаются живы только потому, что падают на кучу гниющего навоза. Несколькими емкими, яркими фразами автор создает художественный образ, равноценный крупному плану в кино: «Славата продержался дольше под градом кулаков, цепляясь за раму и взывая к Пресвятой Богородице, пока кто-то не ударил его так, что он потерял сознание, окровавленные руки разжались, и его тело тоже рухнуло в ров». Такой художественной силой, образностью и детализацией пронизано все ее печальное повествование о человеческих заблуждениях, безрассудстве, самообмане, плутовстве и жажде разрушать и убивать.

Поразительны и литературный стиль молодого автора, и понимание Германии XVII века, ее барочного великолепия и нищеты. Веджвуд особое внимание уделяет личностям — и великим и менее великим, которые, по ее мнению, определяли развитие событий в этот период. В равной мере интересны ее замечания о быте и социально-экономических условиях того времени — к примеру, о том, что «неадекватность каналов передачи информации исключала возможность действенного участия в политике общественного мнения». В кратких, но основанных на дотошных исследованиях зарисовках, таких же убедительных и обстоятельных, как и очерки об исторических событиях, рассказывается о жизни в городах и деревнях, в войсках, об организации армий и военной тактике, о церковных конфликтах и теологии, об «охоте на ведьм». Тем не менее Веджвуд не берется за объяснение причин этой войны, она просто излагает ее историю. Автор не претендует на то, чтобы дать более глубокое толкование истоков и перипетий тридцатилетнего противоборства. По ее мнению, большинство участников конфликта не имели каких-либо высоких целей, случайности определяли и начало войны, и исход. Вердикт автора звучит как латинская эпитафия: «Морально отвратительная, экономически разрушительная, социально губительная, преследовавшая

малопонятные цели, бесчестная и фактически безрезультатная, эта война вошла в историю Европы как выдающийся пример бессмысленного кровопролития». В этом утверждении слышны викторианские нотки, но они были актуальны и в XX столетии, и очень современны сегодня — по крайней мере в отношении бессмысленности войны, — и гораздо правильнее многих заявлений, которые делаются в наше время.

Историком и писателем Веджвуд стала не случайно. Она родилась в семье известного основателя керамического дела в Англии и в детстве много путешествовала с отцом, деятельным управляющим железными дорогами. Вероника училась в частной школе в Лондоне и у гувернанток и, прежде чем поступить в Оксфорд, освоила немецкий и французский языки на континенте. В Оксфорде она произвела большое впечатление на своего преподавателя А. Л. Рауса, сдала с отличием экзамены на степень бакалавра сначала по классической филологии, а потом по истории. Затем Веджвуд приготовилась к тому, чтобы работать над диссертацией с Р. Х. Тони, христианским социалистом и начинающим исследователем в области социально-экономической истории. Перед ней открывалась дорога в большую науку, и она какое-то время давала уроки в Сомервильском колледже Оксфордского университета. Однако Веджвуд не пожелала надевать на себя смирительную рубашку академизма. Она, как и многие представители ее поколения, унаследовала что-то от беспредельной любознательности и отваги великих деятелей Викторианской эпохи, несмотря на скептическое отношение к их религиозным и политическим ценностям. С детства Вероника питала страсть к книгам по истории, которые она находила в богатейшей библиотеке отца, и уже любила сочинять.

«К тому времени, когда мне исполнилось двенадцать лет, — вспоминала позднее Веджвуд, — я обнаружила, что пишу слишком легко и быстро. Тогда были особые блокноты, называвшиеся «Маммот», две сотни листов, кварто,

линованные, и они разлетались, как будто их ветром сдувало».

Отец предложил ей заняться историей. «Даже из плохого писателя может получиться полезный историк», — сказал он. Не без его содействия образовался круг друзей, в числе которых оказались Дж. Э. Мур (философ), Ральф Воан-Уильямс (композитор и дирижер), Дж. М. Тревельян (историк). В один из уик-эндов Тревельян и высказал идею бросить скучную, нудную диссертацию и написать о Томасе Уэнтворте, графе Страффорде, побуждавшем короля Карла I к утверждению в Англии абсолютной власти. Веджвуд с головой окунулась в исследование, подготовив вскоре первый вариант биографии Уэнтворта, который сама же впоследствии назвала Веду Мехте «слишком женским и сентиментальным». С помощью Джона Нила она переделала свой опус, и получилось острое и увлекательное жизнеописание государственного деятеля, презираемого большинством историков с того времени, когда Долгий парламент приговорил его к казни в 1641 году.

С 1935 года, когда издатель Джонатан Кейп опубликовал ее первую книгу, Веджвуд уже могла считать, что с профессией определилась. «Тридцатилетняя война», вышедшая через три года после «Страффорда» и получившая широкое признание, подтвердила: в Англии появился новый серьезный писатель-историк. Если не хватало гонораров от книг, а это случалось, то она зарабатывала на жизнь, «очень и очень неплохо», статьями для женского еженедельника «Тайм энд тайд» и газеты «Дейли телеграф» и переводами (в частности, «Аутодафе» Элиаса Канетти). В отличие от ученых академического склада, пытавшихся разобраться в том, *почему* произошли те или иные исторические события, Веджвуд, предпочитала рассказывать о том, *как* они происходили. Она не стремилась к тому, чтобы вскрывать структурные, или социальные, или экономические причины, к примеру гражданской войны в Англии, а, используя яркие и живописные

детали, повествовать о ней в двух, довольно роялистских, из трех запланированных томов.

Веджвуд всегда отличалась пристрастием к историческим свидетельствам и документам. «Ничто не может соединить годы так зримо, как старые письма, — считала она, — случайные песчинки, приклеившиеся к чернилам на бумаге, отскочившие через триста лет и смешавшиеся со вчерашней пылью».

Когда стали доступны личные письма Страффорда — через три десятка лет после издания книги, — Веджвуд кардинально переработала его биографию. Писателя увлекал поиск не столько новых фактов, сколько деталей. Задолго до зарождения нового типа социально-культурной истории девяностых годов XX века Веджвуд в стиле Вирджинии Вулф поведала нам о том, какое одеяние было на Карле I во время его последнего рождественского представления театра масок в 1639 году, и обрисовала облик разбойника с большой дороги, сжато и образно передав дух эпохи.

Веджвуд присуще такое же заинтересованное отношение к человеку, его странностям, прихотям и невзгодам, какое отличало всех великих интеллектуалов ее времени, ее учителя Тони и ее коллегу — журналистку Веру Бриттен. Психологические описания бессмысленных страданий людей в XVII веке во многом основаны на собственном восприятии последствий войны в XX веке. Рыжеволосой, крепкого телосложения женщине с высоким лбом и испытующим взглядом, чей портрет Лоренс Гауинг написал в 1944 году, еще в юные годы довелось увидеть злосчастия людей, вынужденных покидать родные места, беженцев с паспортами Нансена. Она без устали помогала им в Англии в годы Второй мировой войны, оставаясь всегда страстным поборником прав человека. Блистательный мастер исторического повествования, Веджвуд описывает самые сложные проблемы и ситуации простым и доходчивым литературным языком. Ясность и совершенство прозы напоминают истори-

ческие шедевры героя одной из ее книг — Эдуарда Гиббона. Но выразительность ее художественного стиля, непревзойденное умение создать у читателя ощущение эпохи, пожалуй, могли взволновать и автора классической истории «Священной Римской империи». «Тридцатилетняя война» — лучшее эпическое произведение Вероники Веджвуд.

Энтони Графтон

ВСТУПЛЕНИЕ

В историческом исследовании неизбежно отражается эпоха, в которую оно написано, так же как и в любом другом литературном повествовании. Хотя материал историка ограничивает его в большей мере, чем новеллиста или поэта, он, как и они, опирается на собственный жизненный опыт и использует мыслительно-художественные образы, присущие как его индивидуальности, так и времени, в котором он живет.

Это вовсе не означает, что результат обязательно будет неверным или ошибочным; он скорее всего может быть неполным и предвзятым. Вследствие собственного мировоззрения и влияния окружающей среды историк, естественно, воспринимает отдельные аспекты предмета исследования лучше, чем другие. Он акцентирует на них внимание, потому что они представляются ему наиболее важными, и пренебрегает другими моментами, которые выходят за рамки его воображения и жизненного опыта.

Я писала книгу в тридцатые годы на фоне экономической депрессии у себя дома и нарастающей напряженности за рубежом. Тревоги этого тяжелого времени не могли не повлиять на оценку событий прошлого. Я писала, уже имея представление о том, как живется людям в бедных и заброшенных регионах, о тяжелой судьбе обездоленных и отверженных — двух миллионов безработных на моей родине,

беженцев из Германии, евреев и либералов. Видя страдания своих современников, я острее и явственнее осознавала горькую участь человека, жившего в годы Тридцатилетней войны, бесприютного, голодающего, напуганного насилием и чумой. Человеческие страхи и лишения, возможно, стали одним из главных мотивов моей книги.

Я нисколько не сожалею об этом. Несмотря на все гиперболизации и пропагандистские комбинации, сохранилось достаточно свидетельств, подтверждающих исключительно жуткий характер насилия, совершавшегося над человеком в этой войне. Как и двадцать лет назад, так и сейчас я убеждена в том, что политический историк должен в первую очередь вскрывать то, как политика правителей сказывается на судьбе человека, пробуждать у современников интерес и сочувствие к миллионам людей, живших в далеком прошлом.

Нельзя не коснуться и другой проблемы. Бедствия и человеческие страдания, вызванные Тридцатилетней войной, занимают особое место в традиционной интерпретации германской истории. Война преподносится как источник чуть ли не всех несчастий — экономических, социальных, национальных, нравственных. Обычно считается, что она задержала развитие германской цивилизации (трудно сказать, какой смысл вкладывается в это понятие) на двести лет. Позволю себе с этим не согласиться. Последствия Тридцатилетней войны для Германии, как правило, преувеличиваются. Экономический упадок в Германии начался задолго до войны, а политическая дезинтеграция была скорее одной из ее причин, а не следствием. Последствия войны не были столь масштабные, продолжительные и катастрофические, как это изображается в популярной литературе. Все это я постаралась отразить в первой и последних главах. Предоставляю читателю самому делать выводы.

В библиографических заметках я обращаю внимание читателей на некоторые новые исследования по данной теме. Однако за минувшие двадцать лет не появилось ничего такого, что могло бы изменить мои взгляды на войну. Ко-

нечно, на выбор предмета исследования и методологии определенное влияние оказала социально-политическая атмосфера тридцатых годов. Мое поколение, выросшее под психологическим воздействием тягостной памяти о Первой мировой войне, искренне верило в то, что все войны бессмысленные, бесполезные и ненужные. Я лично больше так не считаю, но по-прежнему убеждена: именно такой бессмысленной, бесполезной и ненужной была Тридцатилетняя война. Ее не следовало затевать, и она, собственно, ничего существенного не достигла. Да, в Западной Европе стала доминировать не Испания, а Франция, и это обстоятельство, безусловно, сыграло свою роль в истории Западного мира. Однако такой же результат можно было получить гораздо меньшими усилиями и потерями и без того, чтобы мучить войной целое поколение немцев, которым в общем-то не было никакого дела до проблем воюющих сторон. Несколько государственных мужей за пределами Германии время от времени вмешивались и направляли войну в то или иное русло, ни один государственный муж в самой Германии не осмелился остановить ее. Весь сумбурный и трагичный конфликт, тянувшийся тридцать лет, дает нам поучительный пример того, как опасны и губительны для народов тщеславные и безмозглые правители.

Лондон, 1956 год
С.В. Веджвуд

Глава первая

ГЕРМАНИЯ И ЕВРОПА 1618

Сколько их, жаждущих твоих[1] одежд? Разве они не обещаны слишком многим, ждущим только, когда пробьет час твоей гибели? Долго ли ты просуществуешь в благоденствии? Истинно ровно столько, сколько пожелает Спинола.

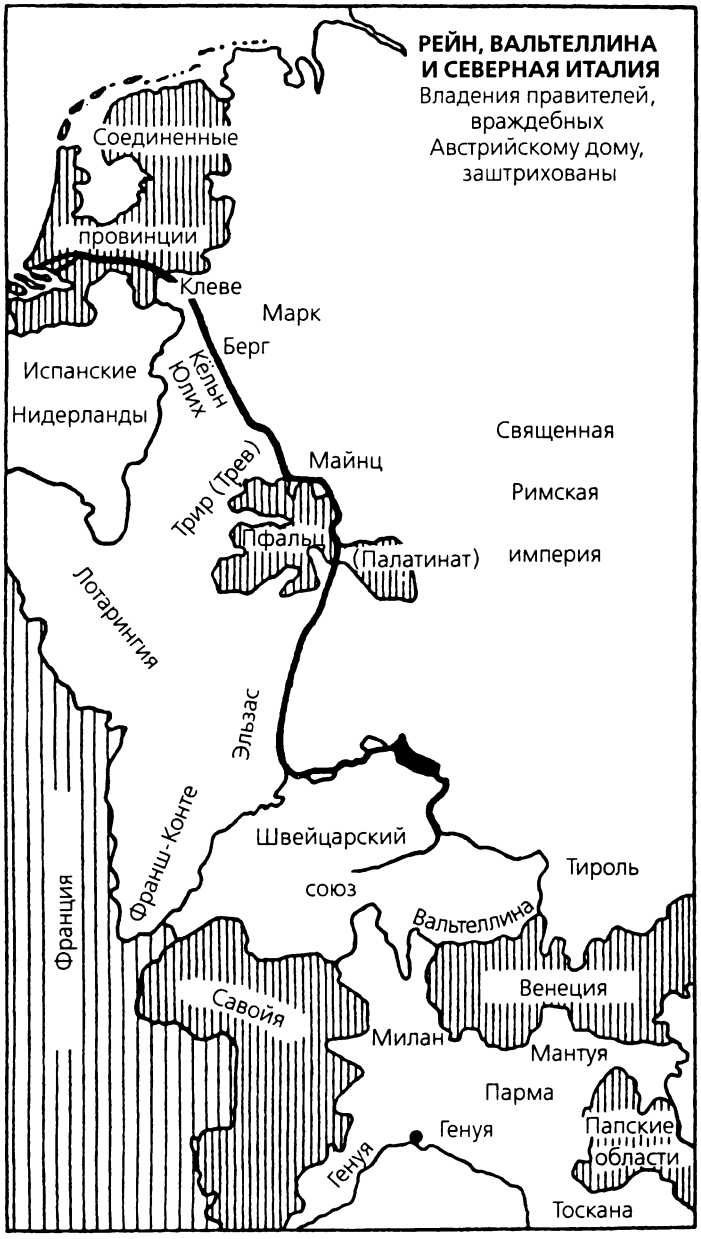
Памфлет, 1620 год

1

1618 год был одним из тех нелегких лет, из которых складывались довольно длительные периоды вооруженного нейтралитета в истории Европы. В жизни людей постоянно присутствовало предчувствие беды, социальную атмосферу, как перед грозой, время от времени сотрясали громовые раскаты надвигающейся бури. Дипломаты просчитывали последствия очередного кризиса, политики гадали, купцы оценивали убытки или барыши на шатком товарном и денежном рынке, князья и рыцари посматривали на мечи, а сорок миллионов крестьян, на которых всегда ложится бремя и войны и мира, трудились в поле, и им не было никакого дела до переживаний своих сеньоров.

Испанский посол в Лондоне требовал казнить сэра Уолтера Рали, в то время как народ, собравшийся возле дворца, скандировал проклятия в адрес короля, неспособного его спасти. В Гааге непреходящая вражда между двумя религиозными фракциями переросла в бунт, на улицах прохожие нагло освистывали вдову Вильгельма Молчаливого. Франция и Испания совершенно рассорились, оба правительства претендовали на Вальтеллину, стратегическую долину меж-

[1] Германия.

РЕЙН, ВАЛЬТЕЛЛИНА
И СЕВЕРНАЯ ИТАЛИЯ
Владения правителей,
враждебных
Австрийскому дому,
заштрихованы
Соединенные
провинции
Клеве
Марк
Берг
Испанские
Нидерланды
Кельн
Юлих
Священная
Римская
империя
Майнц
Трир (Трев)
Пфальц
(Палатинат)
Лотарингия
Эльзас
Франш-Конте
Швейцарский
союз
Тироль
Вальтеллина
Венеция
Франция
Савойя
Милан
Мантуя
Парма
Генуя
Папские
области
Генуя
Тоскана

ду Италией и Австрией. В Париже опасались, что вот-вот разразится война в Европе[1], в Мадриде больше беспокоились по поводу прочности брачного союза инфанты Анны и юного короля Франции. Семнадцатилетний Людовик XIII относился к супруге прохладно[2], и разрыв между ними мог разрушить последний мостик дружбы, пока еще связывавший правящие династии Франции и Испании. Австрийские кузены испанского короля пытались помочь, предложив женить молодого эрцгерцога на французской принцессе[3], но регентское правительство в Париже начало переговоры о ее браке с герцогом Савойским, заклятым врагом и австрийского и испанского дворов.

Раскрытие испанского заговора, имевшего целью свергнуть республиканское правительство Венеции, и восстание протестантов в Вальтеллине создали угрозу развязывания войны в Италии. На севере Европы честолюбивый король Швеции завладел Эстляндией и Ливонией, и наметившийся альянс с голландцами[4], в случае успеха, мог позволить им взять под свой контроль северные водные пути Европы. Протестанты в Праге, восстав, сбросили ненавистное католическое правительство.

Политическая обстановка накалилась до такой степени, что любой из этих инцидентов мог привести к крупному конфликту. Люди знающие и информированные уже почти не сомневались в неизбежности войны, неясны были лишь ее инициаторы и масштабы.

Восстание в Праге произошло 23 мая 1618 года. Традиционно эта дата считается и началом Тридцатилетней вой-

---

[1] *La Nunziatura di Francia del Cardinale Guido Bentivoglio. Lettere a Scipione Borghese...* ed. L. de Steffani. Florence, 1863—1879, II, p. 409.

[2] *Nunziatura di Bentivoglio*, II, pp. 394, 520. N. Barozzi and G. Berchet, *Relazioni dagli Ambasciatcri Veneti, Francia*. Venice, 1856—1878, II, p. 101.

[3] N. Barozzi and G. Berchet, *Relazioni dagli Ambasciatcri Veneti, Francia*, II, p. 99.

[4] *Nunziatura di Bentivoglio*, II, pp. 435, 498.

ны. Но только через семнадцать месяцев стало понятно, что именно это восстание дало толчок общеевропейскому конфликту. Чешские события подорвали взрывоопасную ситуацию, созревавшую уже давно, как пороховую бочку.

2

На деятельности политиков и дипломатов, безусловно, отражались социально-психологические факторы той эпохи. Не существовало никакого установленного порядка в государственном управлении, проявления честности, ответственности и служебного рвения были большой редкостью, чиновники считали нормой утечку как информации, так и государственных средств.

Дипломатическая почта не отличалась оперативностью: она полностью зависела от неторопливого гужевого транспорта и превратностей погоды. Снегопады, ливневые дожди или штормовые ветры могли помешать своевременному предотвращению международных кризисов. Принятие важных решений задерживалось или откладывалось до получения инструкций от вышестоящих властей.

Общественное мнение практически не оказывало сколько-нибудь значительного влияния на политику и по причине отсутствия информации, и в силу традиции. Крестьянство в большинстве своем ничего не знало о том, что творится вокруг, и переносило жизненные тяготы молча, а восставало только тогда, когда жизнь становилась совершенно невыносимой. У горожан, имевших хоть какой-то доступ к информации, было больше возможностей для того, чтобы выражать свое мнение, но только относительно богатые и образованные люди могли воспользоваться политической осведомленностью. Основная часть населения оставалась невежественной, инертной и безучастной. В результате дипломатические отношения в Европе регулировались декретами, настроениями отдельных государственных деятелей и династическими амбициями.

Войны несли бедствия не сразу, не везде и не всем, они велись в основном профессиональными армиями, и гражданское население — кроме районов, где проходили сражения, — не ощущало на себе их последствия до тех пор, пока на него не обрушивались неимоверные поборы и налоги. Но даже и там, где шли бои, люди страдали от войны меньше, чем в наше хваленое цивилизованное время. Кровопролитие, изнасилования, грабежи, пытки, голод не возмущали человека так, как в наши дни, поскольку они были частью его повседневной жизни. И в мирных условиях он постоянно сталкивался с грабежом и насилием; пытками сопровождались почти все судебные процессы; жуткие и продолжительные казни совершались в присутствии огромных толп зрителей; стали привычными рецидивы массового голода и эпидемий чумы.

Образ жизни человека образованного был также малопривлекательным. Под внешним лоском и напускной учтивостью скрывалась убогость воспитания; грубость и пьянство были присущи всем классам; чаще встречались судьи безжалостные, а не справедливые; авторитет светских властей держался не на популярности, а на жестокости; благотворительность в нашем понимании отсутствовала. Лишения были настолько привычными, что не вызывали ропота. Бытовые условия европейского человека были не приспособлены к зимней стуже и в равной мере к летней жаре: в его доме было сыро и холодно зимой и душно летом. И принц и нищий одинаково притерпелись к отвратительным запахам, исходившим от гниющих нечистот, выброшенных на улицу, отстойников, грязи, накопившейся в канализации, и омерзительному виду хищных птиц, терзающих трупы, разлагавшиеся на виселицах или в колесах. Один путешественник насчитал на дороге от Дрездена до Праги «более ста сорока виселиц, на которых раскачивались разбойники, и недавно повешенные, и полуразложившиеся, а также колес, из которых торчали переломанные конечности убийц»[1].

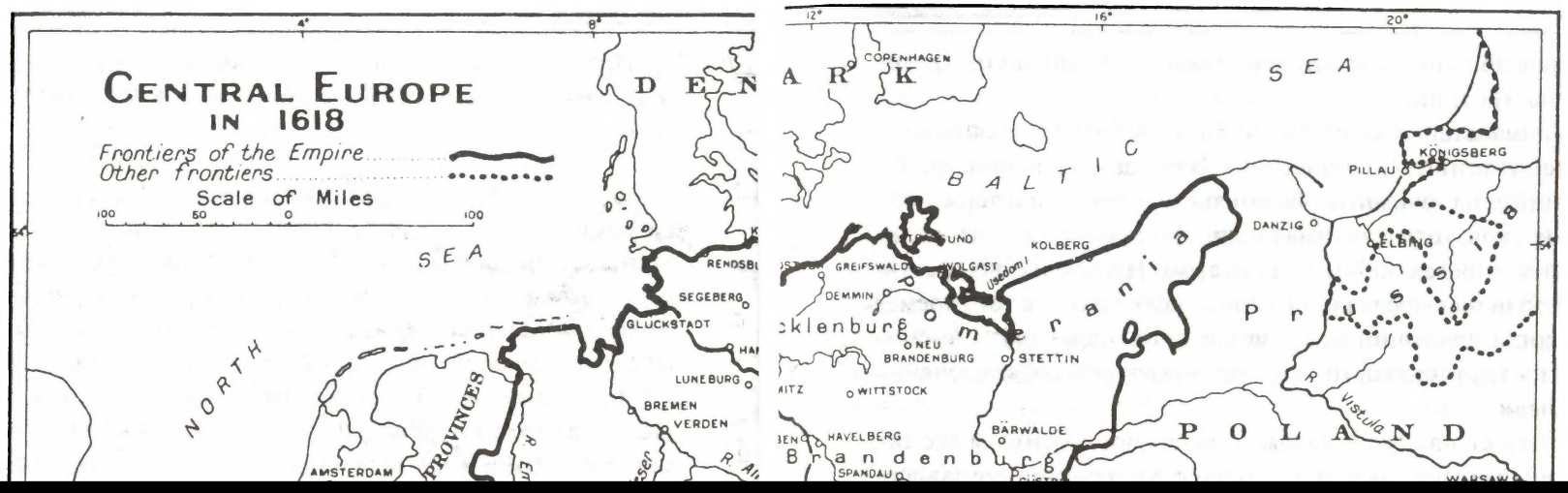
[1] *Taylor his Travels: from the Citty of London in England to the Citty of Prague in Bohemia... with many relations worthy of note.* London, 1620.

Для таких людей война должна быть особенно длительной и мучительной, чтобы побудить их к массовому протесту.

Франция, Англия, Испания, Германия... В XVII веке уже существовали нации, хотя и трудно определить, насколько тесно они были связаны с индивидуумами, их населявшими. У всех народов имелись свои пограничные проблемы, меньшинства, расслоения. В некоторых профессиях принадлежность к какой-то нации была настолько расплывчата, что она показалась бы современному человеку несуразной. Но тогда никого не удивляло, если французский генерал командовал армией, сражавшейся против Франции. В ту эпоху верность долгу, религии, даже хозяину ценилась больше, чем преданность стране. Тем не менее осознание национальной принадлежности приобретало политическую окраску и значимость. «Надо, чтобы люди любили свою страну, — писал Бен Джонсон. — Тот, кто считает иначе, может сколько угодно восхищаться своим особым мнением, но сердце его там».

Однако национальные чувства, если они и были, связывались по большей части с сюзереном, и династии, за малыми исключениями, в европейской дипломатии были важнее наций. Династические браки играли первейшую роль во внешней политике, и ее движущей силой была личная воля сюзерена и интересы его семьи. На международной арене выступали не столько Франция и Испания, сколько Бурбоны и Габсбурги.

Трансформация социально-экономической базы создавала новые проблемы. В большинстве западноевропейских стран правительства были аристократические, сформировавшиеся в условиях, когда власть держалась на землевладении. Эта форма правления сохранилась и после того, как деньги стали могущественнее земли. Политическая власть оставалась в руках тех, кто не обладал достаточным финансовым богатством, и купечество, имевшее средства, но ли-

CENTRAL EUROPE
IN 1618
Frontiers of the Empire
Other frontiers
Scale of Miles
100 50 0 100
SEA
NORTH
SEA
BALTIC
SEA
COPENHAGEN
KÖNIGSBERG
PILLAU
DANZIG
ELBING
KOLBERG
GREIFSWALD
WOLGAST
Usedom I.
DEMMIN
NEU BRANDENBURG
STETTIN
WITTSTOCK
HAVELBERG
BARWALDE
SPANDAU
SEGEBERG
GLUCKSTADT
LUNEBURG
BREMEN
VERDEN
AMSTERDAM
PROVINCES
Pomerania
Prussia
POLAND
Brandenburg
Vistula
WARSAW
4°
8°
12°
16°
20°
54°

шенное доступа к власти, зачастую проявляло оппозиционные настроения.

Пришествие класса, не связанного с землей, сопровождалось угасанием крестьянства. В феодальной системе, основанной на взаимных обязательствах сеньора и держателя земли, серв, хотя и занимал подчиненное положение, пользовался определенным авторитетом. Недовольство крестьян зародилось после краха феодализма, то есть с того времени, когда правящий класс землевладельцев начал обменивать их труд на деньги и использовать его для извлечения прибыли.

Феодальная система выстроила мир, в котором все так или иначе были связаны с землей и благосостояние зависело от землевладельца. Когда этот порядок стал рушиться, на государство и церковь легли новые обязанности. Медлительный транспорт, плохие коммуникации и нехватка денег не позволяли правительствам создать эффективный механизм для регулирования новых отношений, поэтому им пришлось перекладывать часть своих полномочий на существующие институты власти: мировых судей в Англии, приходских священников и местных землевладельцев в Швеции, сельских старост и городских бургомистров во Франции, родовую знать в Польше, Дании и Германии. Ни одно правительство не могло функционировать без участия этих незаменимых помощников. В результате польские, германские и датские аристократы и английские джентри возымели над правительствами такую силу, которая не соответствовала их реальному богатству и восстановила баланс влияния землевладельческого и купеческого классов.

Не существовало связи между законодательными и исполнительными ветвями власти, отсутствовала концепция использования общественных денег. Поскольку налогообложение возникло преимущественно взамен воинской повинности, то денежные поборы в сознании людей ассоции-

ровались с войной. Идея взимания налогов на общественные и государственные нужды еще не зародилась. Парламенты, сеймы, ландтаги, кортесы — все эти лишь частично представительные органы власти, появившиеся в последние столетия, исходили из того, что только во времена кризисов надо вводить денежные поборы, и отказывались помогать правительствам в исполнении их повседневных обязанностей. Это приводило к разного рода злоупотреблениям. Сюзерены бездумно растрачивали свои доходы, продавали коронные земли, закладывали привилегии, ослабляя тем самым финансовую обеспеченность государственного управления.

Сумятица во власти отчасти и объясняет то недовольство и недоверие к правителям, которое испытывали средние слои населения в начале XVII века, проявлявшееся в неповиновении и эпизодических мятежах. Перемены всегда связаны с анархией в управлении, и самой насущной проблемой была его эффективность. Та небольшая часть населения, обладавшая политическим влиянием, но обеспокоенная ненадежностью своего положения, была готова принять любое правительство, способное навести порядок и гражданский мир.

Стремление к тому, чтобы участвовать в политике, вызывалось не столько помыслами о свободе, сколько желанием иметь действенное правительство. Идеи правды и неправды, божественного предопределения или естественного равенства людей превращались в боевой клич, символы, за которые люди шли на смерть; не важно кто это был — король Англии, сложивший голову на плахе, или австрийский крестьянин, казненный на колесе. Конечный триумф или крах — все зависело от эффективности административной системы. Не много найдется людей, кто предпочел бы терпеть лишения при правильном, по их мнению, правительстве, а не жить в достатке при власти, которую они тем не менее считают неправильной. Представительное правитель-

ство в Богемии[1] рухнуло потому, что оно функционировало хуже, чем прежний деспотичный режим, а Стюарты потерпели фиаско не из-за того, что право помазанников Божьих оказалось недействительным, а вследствие некомпетентности правительства.

3

Поколение, жившее накануне Тридцатилетней войны, возможно, было менее добродетельное, чем предыдущее, но, без сомнения, гораздо более набожное. Откат от материализма Ренессанса, начавшийся к середине XVI века, принял самые широкие масштабы, духовное возрождение пронизало все общество, религия служила особой реальностью для тех, кому была безразлична политика и неизвестна социальная жизнь.

Теологический диспут завладел умами представителей всех классов, проповеди формировали их мировоззрение, трактаты о морали и нравственности заполняли досуг. Среди католиков необычайную популярность приобрел культ святых, он стал неотъемлемой и даже доминирующей частью образа жизни и образованных и малограмотных людей; человек вновь начал искренне верить в чудеса, вселявшие в унылую повседневность надежды на лучшее будущее. Трансформации в материальном мире, крушение установившихся традиций и порядков пробуждали тягу к духовному, таинственному и необъяснимому. Те, кого не устраивала церковь, находили прибежище в оккультизме. Розенкрейцерство из Германии перенеслось и во Францию, в Испании расцвело иллюминатство. Боязнью колдовства заразились и высокообразованные люди, среди широких масс населения распространился культ Сатаны. Черная магия проникла в самые отдаленные районы — от севера Шотландии до средиземно-

[1] В российской исторической литературе Богемию и того периода принято называть Чехией. — *Примеч. пер.*

морских островов — и одинаково устрашала и суровых кельтов, и забитых крестьян России, Польши и Богемии, и практичных купцов Германии, и невозмутимых йоменов Кента.

Веру в сверхъестественное насаждали памфлетисты, фиксировавшие и раздувавшие каждое странное и непонятное явление. Мистика стала сопровождать человека на каждом шагу. Видный ученый в Вюртемберге совершенно серьезно считал, что его брат умер от рук «разбойников или призраков»[1]. Князь Ангальтский, образованный и здравомыслящий молодой человек, описывал в дневнике привидения[2], не выражая при этом ни удивления, ни сомнений. В семействе курфюрста Бранденбурга искренне верили в существование «белой женщины», предупреждающей о близкой смерти: якобы после ее оплеухи вскоре умер надоедливый паж[3]. Герцог Баварский заставлял жену изгонять злых духов, чтобы снять с нее проклятие бесплодия[4].

Вошло в моду псевдонаучное увлечение астрологией. Даже Кеплер полушутя-полусерьезно утверждал, что астроном может существовать только благодаря причудам своей «маленькой и глупенькой дочки» — астрологии[5]. Он был одним из тех немногих настоящих мыслителей, которых неспокойные времена побуждали заниматься исследованием не достижений религии, а строения и возможностей материального мира. Во второй половине XVI века анатомические школы появились в Падуе, Базеле, Монпелье и Вюрцбурге. Попытки создать общества для изучения естественной истории были предприняты в Риме в 1603 году и в Ростоке в 1619-м[6]. В Копенгагене и во всех школах Дании

[1] J. V. Andreae, *Vita*. Berlin, 1849, IV, p. 120.

[2] Hermann Wäschke, *Eindrücke vom Kurfürstentag zu Regensburg, 1630. Deutsche Geschichtsblätter*, XVI, iii, iv, p. 67.

[3] Streckfuss, *500 Jahre Berliner Geschichte*. Berlin, 1900, pp. 206—207.

[4] Riezler, *Geschichte Bayerns*. Gotha, 1903, VI, p. 129.

[5] Janssen, VI, p. 500.

[6] Paulssen, *Geschichte des gelehrten Unterrichts*. Dritte Auflage, ed. R. Lehmann. Leipzig, 1919, I, p. 471.

молодой и просвещенный король поощрял преподавание физики, математики и естественных наук. Открытие кровообращения Уильямом Гарвеем революционизировало медицину точно так же, как перевернуло представление о материальном мире утверждение Галилея о том, что Земля вращается вокруг Солнца.

Но еще до Галилея отчасти была признана противоположность между верой и наукой. Лютер яростно выступал против блудного разума, называя его «шлюхой». Философия, наука, рациональность мышления допускались лишь в том случае, если они руководствовались религиозным откровением. Истину рождало только божественное откровение. Научные факты, в которых человек не может быть уверен, как и в своих способностях, являются продуктом деятельности дьявола, сознательно вводящего всех в заблуждение. Естественный консерватизм человеческого разума помогал церкви противостоять новому мировоззрению. Человек хотел ясности и определенности, а не новых зацепок для сомнений и колебаний. Научные открытия отягощали его странными и непонятными теориями о земле, по которой он ходит, и о нем самом, и ему было гораздо проще и удобнее иметь дело с твердыми и не допускающими разнотолков религиозными догматами.

Никогда еще церковь не была так сильна, как в первые десятилетия XVII века. И лишь одному поколению было суждено увидеть то, как она лишится политического господства. Крах зарождался в 1618 году. Главным было противоречие между богооткровенными и рациональными верованиями. Но церковь не осознавала в полной мере эту угрозу и не объединилась для того, чтобы ей противостоять. На первый план вышел менее значительный конфликт между католиками и протестантами, и церковь начала рыть себе могилу.

На поверхностный взгляд в Европе существовало две религии — католическая и протестантская, но последняя была так явно разделена внутри себя, что было три враждебных

партии[1]. Реформацию возглавляли два выдающихся лидера — Лютер и Кальвин, и их учения, а вернее — политические последствия учений, разделили это движение на два далеко не дополняющих друг друга направления. Лютер, человек в большей мере эмоциональный, а не рациональный, очень быстро стал жертвой амбиций правящих классов. Светским правителям понравилось его учение, освобождавшее их от вмешательства чужеземного папы, и молодое движение, еще слабое и не оперившееся, попало в услужение государству. Духовная сила лютеранства не погибла, но ее частично задушили материальные интересы. Новая церковь обрела богатство и респектабельность, монархи ее защищали, а торговцы всячески поддерживали. Мы указываем на это обстоятельство вовсе не для того, чтобы осуждать лютеранство. Ни князья, ни простые люди не принимали лютеранскую веру исходя из каких-то циничных и корыстных соображений, как это могло показаться в последующих анализах их мотивов. Они верили, потому что хотели верить. В этих религиозных чувствах, конечно, было больше веры, чем желания, но многие из них отдали жизни за свою веру.

Первоначальное отторжение папы имело свои последствия. Светские власти использовали его в борьбе против господства духовенства. Если реформаторская церковь не оказала существенной помощи мятежникам, то она по крайней мере разрушила единство католического христианства и открыла дорогу для более свободного волеизъявления.

Вмешательство Лютера в церковные дела разрешило религиозные проблемы лишь для определенной части общества. Смуты не только не утихли, а, напротив, усилились. С пришествием новой веры сохранилось превосходство католической церкви. Возрождению католической и протестантской Европы способствовало не только учение Лютера. В 1536 году Кальвин опубликовал трактат «*Christianae Reli-*

[1] Имеется в виду католичество, лютеранство и кальвинизм. — *Примеч. ред.*

gionis Institutio» — «Наставление в христианской вере», через два года Игнатий Лойола основал «Общество Иисуса».

Лютер видел в религии духовную опору и успокоение для человечества, переживал за людей — и заговорил, потому что не мог больше молчать. Для Кальвина религия была познанием Слова Божьего, собранием неотвратимых умозаключений из Священных Писаний, непререкаемых и совершенных безотносительно к материальным потребностям человека. Главными постулатами кальвинизма были и остаются Божественная благодать и предопределение. Судьба каждого человека — рай или ад — предустановлена всемогущим Господом, и человек рождается с Божьей благодатью или без оной.

Это суровое учение, не для всех утешительное, имело одно немаловажное преимущество по сравнению с доктриной Лютера. Оно предлагало не только новую теологию, но и новую политическую теорию. Введя институт старейшин, Кальвин вверил мирянам контроль за нравственностью общины и деятельностью служителей Бога. Новая теократия, ставившая во главу угла Бога, а общину — над священниками, сочетала принципы авторитаризма и представительства с ответственностью индивидуума перед обществом. По мере распространения новой религии она оказывала на монархии Европы и духовное и политическое воздействие.

Католическая церковь Ренессанса оказалась в таком положении, когда грубые методы ее основателей стали неуместными, а «варвары», живущие за Альпами, требовали от папы перемен. Назрела необходимость в реформах, которые подтвердили бы жизнеспособность католицизма.

Первый шаг в этом направлении был сделан в 1524 году, когда появился орден театинцев. Этот орден не был монашеским, хотя его члены и давали тройной обет целомудрия, бедности и послушания. В него вступали регулярные священники, которые предавались не только размышлениям и познаниям, но и читали проповеди, работали с населением. Членами ордена могли стать лишь сыновья из аристократических семей: основатели намеревались сде-

лать из него некий учебный центр для подготовки нового духовенства, — однако желающих вступить в него было не так много и орден превратился не в школу пастырей, а в семинарию, готовившую будущих лидеров церкви. Контрреформация получала не приходских священников, а епископов, кардиналов и пап.

Действительная Контрреформация началась только лишь после образования «Общества Иисуса» в 1534 году. Это был последний из воинствующих орденов и, пожалуй, величайший. Он представлял собой иерархическое объединение специально обученных людей, связанных клятвой верности вышестоящему руководителю и управлявшихся генералом; его организация во многом напоминала армейскую. Когда католическая церковь после Тридентского собора наконец обрела силу для борьбы, она уже располагала боевым подразделением иезуитов, готовых насаждать веру любыми средствами и в любой точке земного шара. Инквизиция, зародившаяся в Испании, вновь заработала в Риме, служа действенным орудием для обнаружения и искоренения ереси.

Кальвинизм пустил корни в Германии, Польше, Богемии, Австрии, Венгрии и Франции, но не располагал возможностями для того, чтобы удерживать завоевания. В отличие от иезуитов, кальвинисты были не способны основательно подорвать установившиеся традиции. Иезуиты представляли собой высокоорганизованную, отборную силу, объединенную призванием. Движение кальвинистов состояло из неоднородной массы разрозненных общин, не имевших централизованного управления. Хотя они проявляли и активность, и добивались успеха, им было трудно защищать и самих себя, и миссионеров-протестантов так, как это делали иезуиты для римско-католической церкви. Кальвинисты образовывали воинствующее левое крыло протестантизма, а иезуиты — воинствующее правое крыло католицизма. Существенное различие заключалось в том, что иезуиты были едины в достижении сравнительно общей цели, а каль-

винисты ненавидели своих же соратников-протестантов, особенно лютеран, не меньше, чем папистов.

Реальную оппозицию иезуитам могли составить только капуцины, приверженцы той же католической церкви, но их оппозиция сводилась к соперничеству, а не к вражде. Капуцины, реформированная ветвь ордена францисканцев, появились незадолго до того, как иезуиты чуть ли не стали играть решающую роль в Контрреформации. Однако в первые годы XVII века они не намного уступали им в мессианском рвении и значительно превзошли их в понимании политической интриги. Капуцины специализировались на дипломатии, заявили о себе как о деятельных неформальных посредниках между ведущими католическими монархиями, в чем иезуиты, заинтересованные в распространении веры и воспитании молодежи, даже и не пытались преуспеть. Если бы эти два ордена объединились, то смогли бы многого добиться в борьбе католического христианства против ереси. Тем не менее со временем их соперничество переросло в антагонизм, который все углублялся и никак не способствовал тому, чтобы остановить охлаждение отношений между католическими правительствами Европы. Примечательно, что иезуиты пользовались влиянием в Испании и Австрии, а капуцины — во Франции.

Так или иначе, существование двух орденов свидетельствовало о расколе в католической церкви — не столь явном, но не менее серьезном, чем в протестантстве. Когда дело дошло до конфликта между Римом и ересью, то расхождение интересов не могло не сказаться на поведении всех его участников.

Вражда между противоборствующими религиями неуклонно нарастала. В непреходяще опасном положении оказались те, кто на первое место ставил интересы своей веры, а не страны. Во многих районах Польши протестантские пасторы читали проповеди, рискуя жизнью; в Богемии, Австрии и Баварии католические священники вооружались[1].

[1] Ranke, *Sämmtliche Werke*. Leipzig, 1872—1885, XXXVIII. *Die römischen Päpste*, II, p. 261.

Путешественники не чувствовали себя в безопасности. В кантоне Люцерн и в Черном Лесу (Шварцвальде) протестантских купцов излавливали и подвергали сожжению[1].

В первые годы Реформации многие католические правители вследствие своей слабости пошли на уступки протестантам, и в отдельных католических странах оказалось больше протестантских общин, чем католических приходов в протестантских государствах. Исключая Италию и Испанию, почти все католические государства допускали у себя существование той или иной протестантской общины. Это обстоятельство, без сомнения, раздражало и возбуждало чувства обиды и несправедливости среди католиков, точно так же как любое ущемление привилегий протестантов вызывало возмущение и негодование протестантских правителей.

Угроза столкновения присутствовала постоянно. В конфликте, казалось, должно было победить католичество как более давняя и единая вера. Прошло менее столетия с начала Реформации. Католическая церковь лелеяла вовсе не иллюзорные надежды на объединение христианства. Но ее надежды не оправдались. Этому способствовало множество факторов. Но один из них сыграл определяющую роль. Судьбы церкви роковым образом переплелись с интересами Австрийского дома. Династические и территориальные амбиции оттеснили католическую церковь и разобщили тех, кто должен был объединиться для ее защиты.

4

В 1618 году династия Габсбургов главенствовала в Европе. Ее девиз *«Austriae est imperatura orbi universo»* — «Австрии назначено править миром» — в тех ограниченных рамках, в которых

[1] Weller, *Annalen der poetischen National-Literatur der Deutschen*. Freiburg-i.-B., 1862—1864, p. 267; Khevenhüller, *Annales Ferdinandei*. Leipzig, 1721, XII, p. 1281.

мир представлялся среднему европейцу, имел под собой видимые основания. Габсбурги обладали Австрией и Тиролем, Штирией, Каринтией, Карниолой (Крайной), Венгрией в той ее части, которая не принадлежала туркам, Силезией, Моравией, Лусатией и Богемией. Они же имели суверенные права в Бургундии, Нижних странах (Бельгия и Люксембург), на отдельные районы Эльзаса, в Италии — на Миланское герцогство, феоды Финале и Пьомбино и Неаполитанское королевство, в которое входила вся южная половина полуострова с Сицилией и Сардинией. Короли Испании и Португалии в Новом Свете владели Чили, Перу, Бразилией и Мексикой. Венчания, а не завоевания сделали их могущественными, похвалялись Габсбурги. Когда не находилось наследниц, они крепили династию, устраивая браки между собой. Случалось так, что один и тот же правитель оказывался кузеном, зятем и шурином другого — тройные узы любви и долга[1].

Такая концентрация власти не могла не привести в трепет соседей, но за последние пятьдесят лет династия навлекала на себя только злобу, и главным образом по двум причинам. Ее коронованные особы бескомпромиссно насаждали абсолютизм и верховенство католической церкви, и делали это столь дружно и настойчиво, что за пределами дворцов Габсбургов уже не различали действия отдельных монарших персонажей.

Главой семейства был испанский король, представитель старшей линии, ассоциировавшийся с воинствующим правым крылом католицизма — святого Игнатия и иезуитов. Подчинение интересов династии капризам испанского двора постоянно подпитывало одну из самых застарелых междоусобиц в Европе. Монархи Франции и Испании соперничали уже три столетия, и теперь, когда династия контролировала большую часть Италии, Верхний Рейн и Нижние

[1] Такие отношения сложились у Филиппа IV Испанского с императором Фердинандом III и у курфюрста Максимилиана Баварского (он был не Габсбургом, а Виттельсбахом. — *Ред.*) с императором Фердинандом II.

страны, Габсбурги не соседствовали и не создавали непосредственную угрозу Франции только по морским побережьям. В продолжение всей последней четверти XVI столетия испанская монархия настойчиво пыталась вмешиваться во внутренние дела соседа, с тем чтобы прибрать к рукам и французскую корону. Затея Мадрида провалилась, из конфликта вышел победителем основатель новой династии — Бурбонов — Генрих Наваррский. Короля убили в 1610 году, когда он был полон сил для того, чтобы продолжить завоевания, а регентство оказалось слишком слабым для осуществления его проектов. С Испанией был подписан мир, и мальчика-короля обручили с испанской принцессой. Временная и обманчивая дружба не могла погасить латентную вражду между Бурбонами и Габсбургами. Многие годы она оставалась главным фактором формирования политической обстановки в Европе.

Пока же самую острую проблему создавало голландское восстание. Так называемые Соединенные провинции, протестантские Северные Нидерланды, взбунтовались против Филиппа II. После сорокалетней борьбы они подписали с его преемником перемирие в 1609 году, обеспечив себя на двенадцать лет независимостью и иммунитетом от агрессии. Однако провинции были слишком важны для Мадрида, и испанское правительство согласилось на временное прекращение военных действий не в расчете на долгосрочный мир, а для того, чтобы всесторонне подготовиться к окончательному подавлению мятежа. Перемирие истекало в 1621 году, и это обстоятельство заключало в себе угрозу возникновения общеевропейского кризиса — повод, с одной стороны, для всех протестантских правителей выступить на защиту свободной республики и, с другой стороны, возможность для династии Габсбургов и католической церкви упрочить свои позиции.

Скрытая вражда Бурбонов и Габсбургов и неотвратимость нападения испанского двора на голландцев домини-

ровали в дипломатических приоритетах государственных деятелей Европы в 1618 году.

Испания создавала самую большую головную боль для политиков, рассуждавших о ее слабости и в то же время рекомендовавших принимать меры предосторожности против ее военной мощи. «Слабость правительства обнаруживает себя каждодневно. Мудрейшей и самой благоразумной нации приходится и мириться с этим, и сокрушаться... Такая праздность и нерадивость в отношении к своим важнейшим делам... она выставляет перед всем миром наготу своей бедности», — отмечал один англичанин еще в 1605 году, и его наблюдения подтверждались голландскими и итальянскими путешественниками[1]. Тем не менее король Англии упорно набивался в друзья и стремился к альянсу с Испанией. Германские памфлетисты обзывали испанцев расой декадентов, задавленных церковниками, и тут же расписывали во всех красках гигантские армии и тайные крепостные сооружения на Рейне, которые, оказывается, построили эти «мозгляки»[2].

Истина, как всегда, находилась где-то посередине. Действительно, экономика Испании деградировала с каждым годом, темпы падения нарастали, еще стремительнее сокращалось население, особенно в Кастилии. Экономическая политика правительства была в равной мере бездарной и в товарном производстве, и в сельском хозяйстве, а финансовой программы вообще не существовало. Нагрузка на бюджет за последние десятилетия неимоверно выросла, зачастую налоги выплачивались напрямую кредиторам короны, минуя казну. В 1607 году правительство в четвертый раз за пятьдесят лет отказалось возмещать долги, получив лишь небольшую передышку. Освобождение духовенства от финансовых обязательств легло тяжелым бременем на средние

[1] Sawyer, *Memorials and Affairs of State in the reigns of Elizabeth and King James I, collected from the original papers of Sir Ralph Winwood.* London, 1725, II, p. 95; Canovas del Castillo, *Bosquejo Historico*, Madrid, 1911, p. 221.

[2] *Spannische Sturmglock und Teutsches Warngloecklein*, 1616, p. 2.

классы и крестьянство и еще больше обострило экономический кризис. Тем не менее великое государство оставалось сильным и в период экономического спада. Англия была процветающей страной, но не имела и четвертой части той мощи, которой располагала Испания. Даже Франция не обладала теми ресурсами, которыми все еще распоряжалась слабеющая испанская монархия. Хиреющее правительство держалось даже не на трех, а на четырех китах: серебряных рудниках Нового Света, рекрутах Северной Италии, верности Южных Нидерландов и полководческой гениальности генуэзца Амброзио Спинолы[1]. Монархия имела армию, лучшую в Европе, и могла содержать ее, поскольку серебро Перу в основном для нее и предназначалось[2], в ее распоряжении были база во Фландрии для покорения голландцев и генерал, который был способен это сделать. Если удастся вновь завладеть северными провинциями, то экономическое возрождение будет обеспечено для всей испанской империи.

Южные провинции Нидерландов (Фландрия), откуда и предстояло напасть на их северных соседей, вышли из войны с голландцами в 1609 году обедневшими и еще более зависимыми от Испании. Внешне тем не менее они казались процветающими. Подаренные в качестве приданого инфанте Изабелле, дочери Филиппа II, когда она выходила замуж за своего кузена эрцгерцога Альбрехта, эти провинции формально считались независимыми, по крайней мере до смерти ее супруга. Поскольку брак оказался бездетным, то в случае кончины Альбрехта им было уготовано возвратиться в лоно испанской короны. Естественно, старый эрцгерцог и Изабелла, несмотря на все свои старания поощрять нацио-

[1] R. Ehrenberg, *Das Zeitalter der Fugger. Geldkapital und Kreditverkehr im 16. Jahrhundert.* Jena, 1896, II, pp. 199—200, 259; Atamira y Crevea, *Historia de España*, Barcelona, 1900, III, p. 447 f.; E. J. Hamilton, *American Treasure and the Price Revolution in Spain*, Cambridge, Mass., 1934, p. 74 f.

[2] *Relazioni dagli Ambasciatori, Spagna*, I, p. 566.

нальные чувства и выдвигать повсюду фламандцев, строили политику так, чтобы она устраивала в первую очередь короля Испании[1].

Деятельные, великодушные, благочестивые и праведные, они искренне думали, что служат народу. Возрождение веры вдохнуло новые силы и способствовало единению нации; благодаря интеллектуальной экстравагантности двора Брюссель превратился в эпицентр европейских искусств, а дисциплинированная и хорошо оплачиваемая армия помогла оживить экономику по всей стране. Народ боготворил милосердную и отзывчивую эрцгерцогиню Изабеллу[2], ее популярность поднимала и авторитет правительства, и почти никто не замечал, что у эфемерной независимости нет будущего.

Южные и северные провинции разделяла произвольная граница, приблизительно соответствовавшая только оборонительной линии, которую смогли обозначить голландцы. Она, собственно, отражала неразрешенность конфликта, поскольку в ней не было ни религиозного, ни языкового смысла. На голландском языке говорили и в районах южнее границы, во Фландрии и Брабанте, католики жили и на севере, в Голландии, Зеландии и Утрехте, а протестанты — на юге[3]. Перемирие не привело к урегулированию ни религиозных, ни национальных противоречий. Оно на время сняло угрозу новой войны, но разрушило хрупкое единство мятежников.

Испанские Нидерланды, если даже и были внутренне слабы, по крайней мере жили единой семьей и имели сильное и популярное правительство. В то же время каждая из семи Соединенных провинций претендовала на независимые привилегии, невзирая на общность целей. В народе боялись тайных католиков, полагая, что их гораздо больше,

[1] *Opere del Cardinal Bentivoglio.* Venezia, 1644, pp. 63—64.

[2] Ibid., p. 57.

[3] Geyl, *Geschiedenis van de Nederlandsche Stam*, II, p. 9; H. G. R. Reade, *Sidelights on the Thirty Years War*, I, p. 133.

чем на самом деле, особенно в трех провинциях, а сами протестанты разделились на два непримиримых лагеря. Некий элемент единства привносил Мориц, принц Оранский, сын Вильгельма Молчаливого, командовавший армией и исполнявший обязанности статхаудера. Но у него было немало врагов. Набирала силу партия, подозревавшая его в династических амбициях и опасавшаяся того, что страна, избавившаяся от тирании Габсбургов, попадет в иго к оранжистам. Две религиозные фракции, на которые разбились протестанты в Голландии, в общем-то и состояли из сторонников или противников принца Оранского. Рано или поздно они неизбежно столкнутся лбами.

Внутренние угрозы дополнялись внешними. Бурный рост голландской торговли вызывал раздражение англичан, бывших когда-то их союзниками, датчан и шведов. Активная внешняя торговля и перевод значительной части сельскохозяйственных угодий под молочное животноводство сделали голландские провинции зависимыми от польского зерна и норвежского леса. В результате расцвета городского предпринимательства национальное богатство сосредоточилось в нескольких руках, а основная масса населения испытывала нужду и роптала.

Англия, наиболее важная из трех северных держав, в 1618 году сама запуталась во внутренних разладах и вряд ли могла играть сколько-нибудь существенную роль в Европе. Правящий класс был слишком протестантский и настроен чересчур оппозиционно по отношению к абсолютизму, чтобы от него можно было ожидать поддержки альянса с Испанией. А с другой стороны, экономическое соперничество не позволяло ему и оказывать помощь голландцам.

Другие две северные державы — Швеция и Дания с подвластной ей Норвегией — равнодушными скорее всего не остались бы в случае конфликта. Обе страны были лютеранскими. И там и там всевластие короны пыталось обуздать амбициозное дворянство. В обеих державах правили чрезвычайно способные монархи, стремившиеся при поддержке

купечества и ремесленников подчинить непокорный нобилитет. Из двух королей успеха мог добиться только моложавый швед Густав Адольф: его отец уже частично успел приструнить дворян, а разгромив царя России, он обеспечил своих купцов важнейшим южным берегом Балтики. Христиан Датский со своей стороны владел проливом Зунд и собирал там дань со всех проходящих судов. Поборы шли на укрепление власти короны. А как сюзерен Гольштейна он распоряжался ключевым стратегическим плацдармом на севере Германии.

Однако существовала еще одна северная держава или ее подобие — Ганзейский союз. Когда-то мощная конфедерация торговых городов теперь переживала упадок, а те из них, которые пока еще процветали, пытались вырваться из ее пелен.

Дания, Швеция, Ганзейский союз — они с ревностью относились и друг к другу, и к Голландии. Они могли объединиться лишь в аморфный альянс, но никак не в военный оборонительный союз против Габсбургов.

Но на Балтике была еще Польша, географически связанная с Северной и Центральной Европой и граничащая на востоке с Россией и Турцией, а на юге — с доменами Габсбургов Силезией и Венгрией. Польский король Сигизмунд имел династические узы и на севере, и на юге. Сын шведского короля, он мог наследовать королю Швеции, но лишился страны из-за веры. Сигизмунд был истым католиком и учеником иезуитов. Вследствие своих политических взглядов и религиозных убеждений — и вопреки требованиям польского сейма — он склонялся к альянсу с Габсбургами. Дважды он брал себе жену в этом семействе.

Северные державы разобщены, Сигизмунд ближе к Габсбургам, чем к ним, голландцы не в ладах друг с другом и со своим правителем — в этих условиях король Испании после истечения срока перемирия вполне мог подчинить себе Соединенные провинции. Если это произойдет, то Франция окажется зажатой между вновь объединившимися домена-

ми Габсбургов на северо-востоке, на востоке и на юге. Правительство Франции, таким образом, больше, чем какая-либо другая монархия в Европе, было заинтересовано в том, что не допустить поражения голландцев.

К 1618 году Франция оправилась от религиозных войн и разбогатела на экспорте вин и зерна в Англию, Германию, Италию и Испанию. Южные порты успешно соперничали с Венецией и Генуей в левантийской торговле, страна стала европейской ярмаркой для сбыта сахара, шелка и специй. Доходы от импортных и экспортных пошлин выросли, что способствовало упрочению королевской власти и ее окружения. С другой стороны, повышение благосостояния не сделало более послушным торговое и сельское население, а дворяне-землевладельцы открыто выказывали недовольство и строптивость. В то же время достаточно значительное протестантское меньшинство возмущалось католицизмом королевского правительства и приветствовало бы любое иностранное вмешательство. К этой непреходящей внутренней болячке добавлялась внешняя угроза: испанские и австрийские агенты постоянно обрабатывали правителей приграничных государств Савойи и Лотарингии, представлявших удобный плацдарм для нападения на Францию.

Но у французского правительства имелся очень ценный потенциальный союзник. Папа как глава католического христианства должен был радоваться политике Крестового похода, взятой на вооружение династией Габсбургов, однако, будучи итальянским сюзереном, он опасался возрастания их могущества и на полуострове, и в Европе. По этой причине его святейшеству полагалось больше поддерживать их соперников. Ревность двух ведущих католических держав разъединяла Европу, и папа должен был считать своим высшим долгом их примирение и консолидацию католического мира. Наместнику Петра недоставало ни духовной силы, ни политических средств, Ватикан неуклонно отодвигался от Габсбургов, сближаясь с Бурбонами.

Французское правительство всеми силами поощряло альянс герцогства Савойя и Венецианской республики. Для Франции они были крайне важны. Герцог Савойский контролировал проходы через Альпы из Франции в Италию, и по этой причине дружбы с ним домогались и Габсбурги и Бурбоны. Он симпатизировал больше последним, когда робость не заставляла его повиноваться первым. С другой стороны, территория Венецианской республики граничила с Вальтеллиной на протяжении тридцати миль, а эта долина имела особую ценность для всей империи Габсбургов. По этой долине из Северной Италии переправлялись войска, материальные средства и деньги к верховьям Рейна и Инна, а оттуда — в Австрию или Нидерланды. Вся конструкция империи Габсбургов держалась на испанских деньгах и испанских войсках. Перекройте Вальтеллину, и конструкция рухнет. Не случайно Венецианская республика могла на равных разговаривать с династией. Не случайно эрцгерцог Штирийский и король Испании постоянно изыскивали возможности для того, чтобы поставить ее на колени, прежде чем она сделает это с ними.

Испанцы намеревались завладеть Вальтеллиной самостоятельно, но они не хотели ссориться со Швейцарской конфедерацией: один из ее кантонов — Гризон (Граубюнден), или «Серые лиги», — граничил с долиной с северной стороны. Они удовлетворились тем, что начали формировать свою партию в Граубюндене, а французы последовали их примеру. Эта долина была ахиллесовой пятой в оборонительных действиях Габсбургов в продолжение последующих двадцати лет.

В основе всей европейской политической системы от Испании до Польши и от Франции до восточных пределов шведской Финляндии и балтийских портов лежал один краеугольный камень — Германия. Гигантский конгломерат взаимозависимых государств, называвшийся Священной Римской империей германской нации, образовывал географическое и политическое ядро Европы. В борьбе

Габсбургов с Бурбонами, короля Испании с голландцами, католиков с протестантами решающую роль будет играть Германия. Все правительства прекрасно это понимали и старались застолбить свои интересы в этой невероятно раздробленной стране.

Испанский король хотел завладеть Рейном для того, чтобы переправлять войска и деньги с севера Италии в Нидерланды. Королю Франции и голландцам были нужны союзники для того, чтобы помешать ему исполнить свой замысел. Королям Швеции и Дании требовались союзники для борьбы друг против друга, против короля Польши или голландцев. Папа стремился создать в Германии католическую партию, которая противостояла бы императору Габсбургов. Герцога Савойского интриговала идея быть избранным на императорский трон.

Рим, Милан, Варшава, Мадрид, Брюссель, Гаага, Париж, Лондон, Стокгольм, Копенгаген, Турин, Венеция, Берн, Цюрих, Кур... Так или иначе война коснется всех. Главным представлялось противостояние между династиями Габсбургов и Бурбонов. Вот-вот должен был разразиться конфликт между королем Испании и Голландской республикой. Однако войну спровоцировали восстание в Праге и дерзость князя на Рейне. Германия стала ее полигоном.

5

Германия не могла миновать этой беды только лишь в силу своего географического положения, не говоря уже об исторической традиции. Испокон веков она была «большой дорогой»: по ней шли племена и армии, а когда они успокоились, эстафету переняли европейские купцы.

Германия покрылась паутиной дорог, сходящихся у банковских контор Франкфурта-на-Майне, Франкфурта-на-Одере, Лейпцига, Нюрнберга, Аугсбурга. Сахар Вест-Индии приходил в Европу через Гамбург; русские меха поступали через Лейпциг; соленая рыба — из Любека; восточные шел-

ка и пряности из Венеции отправлялись в Аугсбург; медь, черный металл, песчаник, соль, зерно перевозились по Эльбе и Одеру. Ткани, изготовленные в Германии из испанской и английской шерсти, успешно конкурировали на европейском рынке с испанскими и английскими полотнами, а лес, из которого испанцы построили свою армаду, они получили из Данцига. Нескончаемый поток торговцев и иноземцев оказал на развитие Германии больше влияния, чем какой-либо другой социально-экономический фактор. Коммерция была ее жизненной силой, и города выстроены здесь так густо, как ни в какой другой стране Европы. Германская цивилизация сосредоточилась в малых городах, но деятельность купцов, постоянный приток иностранцев на ярмарки в Лейпциге и Франкфурте привили немцам интерес к зарубежью.

В политической традиции Германии неизбежно отразилась ее географическая специфика. Возрождение Карлом Великим Священной Римской империи не было уж столь фантастическим проектом, как это может показаться сегодня: он располагал землями по обе стороны и Рейна и Альп. Но когда его титул перешел со временем к саксонским королям, которые обладали сравнительно незначительными территориями в Италии и Франции, то название «Римская империя» уже звучало нелепо. Понятия античности и Средневековья, идеи и реальность вступили в очевидное противоречие, и где-то в XV столетии появилось модифицированное определение «Священная Римская империя германской нации». Новшество запоздалое. Традиции и жажда власти приучили германских правителей к военным кампаниям и завоеваниям, например в Италии, и «германская нация» с самого начала растворилась в Священной Римской империи.

Гоняясь за призраком глобальной власти, германские правители позабыли о собственной нации. Германский феодализм привел не к созданию единого централизованного государства, а к еще большему раздроблению. В силу привычки и слабости центрального правительства каждый самый ничтожный субъект империи полагался на собствен-

ные возможности в ущерб единству, что заставило в конце концов одного императора саркастически назвать себя «королем королей»[1]. Чужеземные правители владели феодами в империи; король Дании был герцогом Гольштейна; огромные разбросанные владения, составлявшие так называемый Бургундский округ империи[2], были фактически независимы, поскольку подчинялись королю Испании. С другой стороны, прямые вассалы императора вроде курфюрста Бранденбурга имели земли за пределами империи, неподвластные короне. Сформировавшаяся система отдельных княжеств, графств, герцогств, вольных городов и других давно перестала соответствовать определению государства.

Непрерывное и длительное наследование Габсбургами имперского трона создавало свои проблемы. Остававшиеся за бортом князья, владевшие наследственными землями, которые они могли держать в страхе, но не контролировать, противились централизации власти, считая ее уже чересчур сильной. Ситуация усугублялась и родственными связями между королевским испанским и императорским дворами. Император призывал короля Испании на помощь, когда ему надо было побороть тех, кто пренебрегал его властью, а князья, в свою очередь, апеллировали к врагам Испании, прежде всего к королю Франции. Мало-помалу германские правители открыли свою страну для иностранного вмешательства и соперничества.

Самое большое несчастье Германии состояло в ее раздробленности. Даже в начале столетия — а в Гессен-Касселе и в 1628 году — принцип первородства все еще не действовал по всей империи, и князья распределяли земли между сы-

---

[1] *Obras del Ilustrissimo excellentissimo y venerable siervo de Dios Don Juan de Palafox y Mendoza*. Madrid, 1762, X; *Dialogo politico del estado de Alemania*, p. 63.

[2] Один из десяти округов империи, состоявший из Бургундского графства (приблизительно территория Франш-Конте) и Нидерландов (примерно территория современных Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и северных департаментов Франции). — *Примеч. пер.*

новьями, наделяя каждого независимыми или почти независимыми правами[1]. В одной провинции могло возникнуть с полдюжины крошечных государств, независимых и имевших столицу в виде маленького городка размером не более деревни с дворцом и королевским охотничьим домиком: Каждое такое государство имело собственное наименование и название родительского владения, что перегружало географию империи такими словосочетаниями, как Гессен-Кассель, Гессен-Дармштадт, Баден-Баден, Баден-Дурлах. Помимо Рейнского пфальцграфства существовали родственные ему княжества Цвайбрюккен, Нойберг, Циммерн и Зульцбах. Ангальт, чуть больше Эссекса, в 1618 году состоял из четырех княжеств — Цербста, Дессау, Бернбурга и Кётена.

Среди этих княжеских земель расположились вольные города и отдельные территории, большие и малые, независимые ни от кого, кроме императора. Некоторые города владели целыми провинциями — например Нюрнберг и Ульм. Другие, как Нордхаузен или Вецлар, имели лишь сады и огороды у своих стен. Существовали даже вольные имперские деревни. Это географическое столпотворение дополняли еще церковные земли, аббатства и епископства, тоже независимые и тоже разнокалиберные — от Мюнстера, являвшегося самостоятельной цельной провинцией, до мозаичных владений Фрайзинга, отстоявших друг от друга на расстоянии более сотни миль.

Перечислены лишь наиболее важные участники этого конгломерата индивидуальных правителей. Выяснять точное количество свободных рыцарей и графов, которые, подобно Гёцу фон Берлихингену, могли заявить, что они «зависят только от Господа, императора и самих себя», просто немыслимо. Возможно, около двухсот индивидуумов обла-

[1] Rommel, *Geschichte von Hessen*. Marburg, Cassel, 1820—43, II, p. 14; Domke, *Die Viril-Stimmen im Reichsfürstenrat von 1495—1654. Untersuchungen zur deutschen Staats— und Rechtsgeschichte*, No. XI, Breslau, 1882, pp. 111 ff.; J. S. Pütter, *Historical Development of the Political Constitution of the German Empire*, London, 1790, I, p. 14.

дали достаточным богатством и землей для того, чтобы с ними считались, и не более двух тысяч человек по своему экономическому положению были не состоятельнее обычного сельского помещика в Англии. Таким образом, населением в двадцать один миллион человек[1] управляли более двух тысяч отдельных сеньоров. Рыцари и свободные держатели земли объединялись или вступали в соглашение с главным администратором провинции, если их было не много. Можно предположить, что в Германии насчитывалось по меньшей мере три сотни самостоятельных властителей, потенциально недружественных друг к другу.

Имперские власти не располагали действенным механизмом для управления критическими ситуациями. Теоретически император мог созвать рейхстаг (или сейм), состоявший из независимых правителей[2], представить им свои предложения и узаконить их с согласия собрания. Ни один закон или налогообложение не считались действительными без одобрения этой ассамблеи. Однако сейм зачастую превращался в арену для бессмысленных пререканий по поводу старшинства и процедуры голосования. Если провинция была разделена на несколько частей, то возникали споры относительно того, кто имеет право голоса на собрании. Когда четыре княжества Брауншвейга объединились в два, их представители получили по два голоса, но когда Ангальт распался на четыре княжества, то правителям пришлось довольствоваться одним голосом на всех[3]. По обыкновению, возникали распри вокруг раздела земель, соперники требовали себе равных прав, что приводило к ругани на ассамблее и кровопролитиям вне собрания.

---

[1] Elsas, *Umriss einer Geschichte der Preise und Löhne in Deutschland*, Leiden, 1936, p. 78.

[2] Рейхстаг состоял в основном из курфюрстов, имперских светских и духовных князей, бургомистров имперских городов, графов, епископов, аббатов и приоров. — *Примеч. пер.*

[3] Domke, p. 23; Pütter, pp. 14—15.

По первоначальному замыслу сейм должен был служить совещательным органом, и право голоса закреплялось за главными князьями и прелатами. Эта сравнительно малочисленная группа имперских князей с легкостью побеждала на собраниях. Впоследствии некоторые князья добились права не исполнять решения, принятые без их личного согласия. В результате сейм окончательно потерял свое значение как законодательный орган. Император должен был изыскать другие способы законотворчества. Он прибегнул к испытанному методу — воззваниям и обращениям, опираясь там, где это возможно, на престиж династии. Поэтому вряд ли уместно было бы обвинять императора, хотя это и делается, в тирании на том основании, что он управлял империей без сейма: править ею вместе с сеймом было нереально.

Император мог обойтись без сейма. Но он никак не мог увернуться от другого органа — коллегии (или совета) курфюрстов. Хотя конечный результат ее решений был предсказуем, церемония избрания императора после смерти действующего венценосца исполнялась всегда чрезвычайно скрупулезно. Действительными правителями империи были эти семеро курфюрстов[1]. Они не только избирали императора. Рейхстаг созывался только с их согласия. Сама же коллегия могла собраться и по решению ее председателя, а ее декреты были обязательны для исполнения и при утверждении и без утверждения их императором. Еще одно обстоятельство не позволяло Габсбургам приручить коллегию курфюрстов: только шестеро из них участвовали в регулярных заседаниях. Король Богемии, в сущности, не был имперским князем, он являлся соседним и независимым монархом. Богемский государь голосовал на выборах императора, но не имел права вмешиваться в любые другие дела империи. Королевская корона уже многие годы принадле-

[1] Статус курфюрста имели архиепископы Майнца (председатель коллегии), Трира и Кёльна, король Богемии, правители Саксонии и Бранденбурга. — *Примеч. пер.*

жала династии Габсбургов. Если их кандидат и мог быть уверен в том, что по крайней мере один голос будет отдан за него, то после избрания он уже терял контроль над дальнейшими рабочими заседаниями коллегии. Император был обязан консультироваться с курфюрстами буквально по всем вопросам, о чем бы ни шла речь: о созыве сейма, введении нового налога или изменении прежнего налогообложения, использовании конфискованных земель, вступлении в альянс или объявлении войны, — и он фактически лишался права на самостоятельные действия.

Не больше свободы император имел и в делах финансовых и военных. Империя была поделена на десять округов, и у каждого из них были свои сеймы и избранные президенты. Если округ подвергался нападению, то его президент обращался за помощью к двум соседним округам, а если и три округа не могли защитить себя, тогда они имели право призвать на помощь еще два округа. Если ситуация оставалась по-прежнему угрожающей, то президенты пяти округов могли попросить курфюрста Майнца собрать основных депутатов сейма во Франкфурте; такая форма ассамблеи без имперской санкции называлась *Deputationstag* — имперская депутация, съезд имперских депутатов. Если участники этой ассамблеи приходили к выводу, что район, подвергшийся агрессии, нуждается в дальнейшей помощи, то могли уже обратиться к императору с предложением созвать рейхстаг. При столь многоступенчатой процедуре разрешения кризисной ситуации вполне могло случиться так, что половина империи охвачена гражданской или иноземной войной, а императору об этом ничего не известно.

Деление на округа ослабляло централизацию власти, не решая ни одной организационной проблемы. Отношения между членами округов не отличались слаженностью и взаимопониманием. Они постоянно вздорили по любому поводу, особенно по вопросам войны и мира, набора армий, финансирования, денежного обмена, управления районами. Формально президент округа являлся имперским долж-

ностным лицом, реально он был самым влиятельным из местных князей, и его политика была не чем иным, как концентрированным выражением личного мнения. Он обязывался проводить в жизнь императорские указы, но никто не мог заставить его делать это вопреки своему желанию. Президентство лишь добавляло ему власти.

Только система правосудия предоставляла императору возможности для реализации своих монарших прав, но и они были ограниченными. Высший судебный орган, называвшийся *Reichskammergericht*, или Имперский камеральный суд, рассматривал апелляции на решения местных судов, кроме тех случаев, а их было немало, когда местный князь обладал исключительным правом самочинно вершить правосудие. Если на местах в судебном разбирательстве отказывали или оно затягивалось даже привилегированным правителем, то высшая судебная палата брала дело в свои руки, однако это случалось обычно только тогда, когда князь не имел влияния, а центральная власть пользовалась местной поддержкой. Имперский камеральный суд разбирал также споры между прямыми вассалами императора и нарушения общественного порядка и мира в империи при помощи оружия. В последнем случае император имел право применить войска против мятежников.

Имперский камеральный суд состоял из двадцати четырех членов и председателя. Шесть претендентов выдвигали Габсбурги, эрцгерцоги Австрийские и герцоги Бургундии, остальных восемнадцать — князья и президенты округов. Заключения суда приобретали статус законов на ежегодной встрече комиссии, в которую входили один из курфюрстов, два князя, граф, главный прелат и делегат от вольного города с полномочными представителями курфюрста Майнцского и императора. В 1608 году католические члены суда отказались признавать председателя-протестанта, и деятельность высшей судебной палаты временно заглохла: разрешить неразрешимую проблему оказалось невозможным.

Тупиковая ситуация способствовала возвышению императора. В империи существовала еще одна высшая судебная инстанция, благодаря которой император мог отобрать у камерального суда дела, касавшиеся княжеских прав наследования и владения, *Reichshofrat* — Имперский надворный совет. Он состоял целиком из имперских советников и рассматривал прежде всего преступления, совершенные прямыми вассалами императора, и дела, связанные с правами наследования и привилегиями. Имперский камеральный суд обычно брал на себя случаи нарушения земского мира или бунты, угрожающие имперской безопасности. Его крах неизбежно означал повышение роли надворного совета[1].

Имперская конституция того времени была весьма далека от единого нормативно-правового акта в современном понимании. Во время каждого избрания император приносил присягу, в которой скрупулезно перечислялись права и привилегии его подданных. Он давал обязательство управлять государством вместе с сеймом, не назначать на имперские должности чужеземцев, не объявлять войну и не подвергать кого-либо из своих подданных имперской опале без общего согласия. Эта присяга или капитуляция могла слегка изменяться при очередном избрании императора, и не было ничего необычного в том, что некоторые положения, а то и все, не исполнялись. Императорская власть зиждилась не на конституции, а на силе.

Имперская армия набиралась на основе контингентов, в обязательном порядке поставлявшихся отдельными государствами, и содержалась на средства, выделенные сеймом. Субсидии почему-то назывались *«Roman Months»*, «римскими месячинами», и составляли сто двадцать восемь тысяч гульденов в месяц. В последнем акте борьбы за власть император скорее всего остался бы вообще без армии или содержал ее за свой

[1] Основное отличие камерального суда и рейхсхофрата заключалось в том, что первый формировался главным образом сословиями и рейхстагом, а второй — назначался императором и обслуживал императора. — *Примеч. пер.*

счет. Надо сказать, династия Габсбургов обладала гораздо более значительными ресурсами, чем ее предшественники, и они могли чувствовать себя достаточно спокойно и уверенно.

В 1618 году императорский титул практически ничего не значил, тем не менее династия не оставляла надежд на то, чтобы вернуть себе реальную власть. У таких приверженных традициям людей, как немцы, нетрудно было обнаружить скрытое почтение к личности императора даже среди самых горячих сторонников «германских свобод», и этим чувством не мог не воспользоваться умный диктатор.

Лозунг «германских свобод» приобрел популярность еще в XVI веке. Конечно, имелись в виду конституционные права имперских князей, хотя зачастую этими «правами» оказывались обыкновенные прихоти и личные интересы, какими бы высокими мотивами они ни прикрывались. Меньшие деспоты требовали от главного деспота «справедливости». Он жаждал сильной власти, они хотели независимости. Разрыв был неизбежен.

Если бы диссонанс проявлялся четче и явственнее, то трагедия могла быть менее тягостной. Но никакие расхождения в Германии никогда не бывают вполне ясными. Вольные города опасались князей больше, чем императора, и, разделяя общее стремление к «свободам», они подозревали последних в неискренности. Не доверяя землевладельческой аристократии, у которой они отвоевали свою свободу, города предпочли бы оставить все так, как есть, и не тратить силы на какие-то эфемерные приобретения, которые надо будет еще разделить с ненавистным классом. Католические правители церкви со своей стороны поддерживали католического императора в надежде на то, что он защитит их от посягательств враждебных и нередко еретических князей. Обостренное классовое самосознание разделяло землевладельцев, бюргеров, церковников и крестьян, и групповые интересы, по обыкновению, преобладали. Когда эти изолированные группы обзавелись военными организациями, положение стало еще более угрожающим.

Но и внутри разобщенных социальных групп не было единства. Одни вольные города соперничали с другими, Линдау и Брегенц отказывались принимать суда, заходившие в порт соседа, Любек завидовал благополучию Гамбурга. Могли не поладить друг с другом соседние князья, и самому слабому из них приходилось звать на помощь императора. Раздоры по поводу наследования возникали и в самих монарших дворах. Из-за этого разделились династии, правившие в Саксонии, Гессене и Бадене. Мелкотравчатые интересы и взаимная подозрительность в итоге воспрепятствовали формированию единой партии «германских свобод».

Среди этой орды князей, прелатов, графов, рыцарей и помещиков лишь около дюжины деятелей обладали достаточным политическим весом для того, чтобы оказывать влияние и на императора, и на европейские дела. В политике этих господ, правда, всегда отражалась двусмысленность общественного положения: у себя дома они были гигантами, а в европейских играх — пешками; их позиции казались солидными, а на самом деле они были жалкими; высокие дипломатические помыслы перемежались с подковерными интригами, напускное благородство с корыстью — в зависимости от ситуации и интересов.

Первыми в этом ряду достойных людей были семеро курфюрстов. Начальствовал над ними курфюрст Майнцский, и он вместе с курфюрстами Кёльна и Трира главенствовали среди князей Германии[1]. Эти трое курфюрстов представляли интересы религии, точнее — интересы католической церкви, и их авторитет основывался больше на традиции, а не на власти. Другие четыре курфюрста являлись светскими князьями — король Богемии, правители Пфальца, Саксонии и Бранденбурга.

Корона Богемии, а также Венгрии уже почти столетие принадлежала члену дома Габсбургов. За пределами импе-

[1] Курфюрсты Майнца, Кёльна и Трира имели еще титул архиепископов. — *Примеч. пер.*

раторской династии курфюрст Пфальцский считался первым светским князем Германии. В продолжение многих поколений титул наследовался южногерманской семьей Виттельсбахов, которая одно время владела и имперской короной. Столицей курфюршества был Гейдельберг на реке Неккар, и его хозяин распоряжался богатым винодельческим регионом, расположенным между Мозелем, Сааром и Рейном и изрешеченным землями епископств Шпейер, Вормс, Майнц и Трир. Вся территория называлась Рейнским, или Нижним, Пфальцем, но курфюрсту еще принадлежал и Верхний Пфальц — бедный сельскохозяйственный район между Дунаем и Богемским Лесом. Другие князья, возможно, были и богаче, но курфюрст Пфальцский обладал двумя важными преимуществами — занимал ключевые позиции на Рейне и Дунае, откуда он мог угрожать коммуникациям между разбросанными владениями Габсбургов.

Для шестого курфюрста, Саксонского, столицей был Дрезден, и ему принадлежали плодородные равнины Эльбы и Мульды. Это была богатейшая и густонаселенная провинция, в которой находился и Лейпциг, супермаркет Восточной Европы, обеспечивавший ее благосостояние. Лейпциг не входил в число вольных городов, но представлял особую ценность для курфюрста. Старшая линия династии, лишенная наследственных прав, владела малыми «саксониями» — Готой, Веймаром, Альтенбургом, располагавшимися западнее метрополии.

Седьмой курфюрст, Бранденбургский, имел самые большие и самые бедные владения, песчаные северо-восточные равнины без морского побережья. По его землям протекали и Эльба и Одер, но в устье одной реки стоял вольный город Гамбург, а эстуарий другой реки принадлежал герцогству Померания. Столицей этой малонаселенной провинции был крохотный деревянный городишко Берлин, в котором насчитывалось менее десяти тысяч жителей. Только в 1618 году курфюрсту досталась в наследство Пруссия с великолепным Кёнигсбергом, но эта далекая земля, располагавша-

яся за Вистулой (Вислой), не входила в империю, а являлась феодом польской короны.

Помимо курфюрстов император должен был считаться еще с целым рядом князей. Первым в этом ряду стоял герцог Баварский, владевший пятьюстами квадратными милями территории и почти миллионом подданных. Он приходился дальним кузеном курфюрсту Пфальцскому, являлся главой младшей ветви династии Виттельсбахов, и его земли отделяли Австрию от владений князей Центральной Германии. Баварское герцогство было преимущественно сельскохозяйственное; в нем было мало городов; Мюнхен, несмотря на внушительные ворота, дворец и собор, напоминал больше горную деревню, а не столичный город.

Вряд ли император мог игнорировать также герцога Вюртемберга, обосновавшегося в Штутгарте, маркграфов Бадена и ландграфов Гессена. Герцог Лотарингский, сосед Франции, был важнее для политики европейской, а не имперской. Герцоги Брауншвейгские, князья династии Вельфов, а также герцоги Мекленбурга и Померании доминировали на севере империи.

6

Если раздоры вокруг прав наследования, собственности и привилегий создавали лишь трудности в вопросах реформирования империи, то религиозная рознь должна была загубить этот процесс окончательно.

Теоретически только общая вера могла сохранить единство империи. Когда протестантизм раскидал в разные стороны княжества, а самые авантюрные князья использовали его в борьбе против императора, пошли прахом все догмы, на которые молились пятьсот лет. Аугсбургский религиозный договор, заключенный в 1555 году, установил принцип *cujus regio ejus religio*[1], разрешавший князьям самим опреде-

[1] Чья страна, того и вера (*лат.*).

лять вероисповедание своих подданных — быть им католиками или лютеранами, и те, кто не соглашался с его решением, становились эмигрантами. Этот экстраординарный компромисс помогал поддерживать единство веры в отдельном государстве, хотя и разрушал его в империи.

Религиозное размежевание более рельефно обозначило и характер разделения между князьями и императором: семейство Габсбургов исповедовало католицизм и не пользовалось популярностью у протестантов, в то время как захват лютеранами епископств на севере Германии способствовал усилению территориального могущества князей. Кальвинизм, появившийся через десять лет после аугсбургского урегулирования, снова спутал все карты.

«Кальвинистский дракон, — писал один лютеранин, — чреват всеми кошмарами магометанства»[1]. Справедливость этого заявления в какой-то мере подтверждается той неистовой страстностью, с которой отдельные германские правители переняли и начали насаждать новый культ. Особенно глумился над идеей пресуществления курфюрст Пфальцский. Ерничая, он брал в руки евхаристическую облатку, разрывал в клочья и говорил: «Какой же ты Бог! Ты думаешь, что сильнее меня? Это мы еще посмотрим!»[2] В своих аскетических молельнях он использовал в качестве купели оловянный таз, а причастникам и причастницам выдавались деревянные кружки[3]. Ландграф Гессен-Кассельский велел для причащения брать самый черствый хлеб, чтобы у прихожан не было никаких сомнений относительно того, что именно они вкушают[4].

Лютеран возмущало пришествие кальвинистов. Не поклоняясь святыням прежней веры, они уважительно сохранили их в виде внешних атрибутов и чтили аугсбургские договоренности, давшие им свободу. Лютеране опасались,

[1] Janssen, IV, p. 360.

[2] Ibid., p. 204.

[3] Ibid., p. 201.

[4] Ibid., V, p. 533.

что кальвинисты дискредитируют протестантское движение. Особенно они встревожились, когда кальвинисты в нарушение Аугсбургского мира начали активно обращать в свою веру прихожан. Принцип *cujus regio ejus religio* дополнялся еще одним условием. Все прелаты, епископы, архиепископы и епископы, переходящие в протестантство, должны были лишаться сана, привилегий и земель. Кальвинисты пренебрегали этим важным правилом, называвшимся *Ecclesiastical Reservation*, то есть «духовная оговорка», так же как и всеми положениями Аугсбургского мира, который не допускал никакой иной протестантской религии, кроме лютеранства.

Право на существование, которое лютеране получили благодаря Аугсбургскому миру, оказалось под угрозой. Игнорирование имперских эдиктов людьми, считавшими, что все, кто не с ними, против них, не устраивало ни лютеран ни католиков, и обе стороны начали искать пути для сближения. Появились возможности для создания центристской партии, которая служила бы буфером между непримиримыми католиками и кальвинистами.

И католичеству, и лютеранству, и кальвинизму была присуща одна общая особенность: князья использовали веру подданных для усиления своей власти. Ничего непривычного не было в абсолютизме Габсбургов, но князья явно двурушничали. Они требовали от императора свободы и независимости, отказывая в этих благах подданным. На местных правителей обрушилось недовольство торгово-ремесленного люда и крестьянства, выливавшееся в эпизодические бунты и восстания, и они оказались между двух огней — деспотизмом императора и враждебностью подданных. Давно уже завязались и не прекращались две битвы: между князьями и императором и между князьями и их подданными. В обеих так или иначе участвовали князья, держа в одной руке знамя свободы, а в другой — меч тирана.

Естественного союза борьбы за религиозную и политическую свободу не получилось. Князья-реформаты запутали

проблему и затуманили, не ликвидировав, антагонизм между католическими авторитарными государствами и их протестантскими оппонентами. Одерживали верх католики. Их позиции были ясны и понятны, чего нельзя было сказать о протестантах — и кальвинистах и лютеранах, постоянно страдавших от противоречивых идей и чувств.

Прихоти правителей пагубно отражались на повседневной жизни их подданных. Сюзерены Саксонии, Бранденбурга и Пфальца переходили из лютеранства в кальвинизм и обратно, коверкая судьбы людей, подвергая их насилию, лишениям, изгнанию. В Пфальце регент-кальвинист насильно увез в сектантский дом ребенка — наследника лютеранского князя[1]. В Бадене другой регент заточил в тюрьму вдову умершего правителя и забрал младенца, чтобы воспитать его в своей вере[2]. В Бранденбурге курфюрст пригрозил, что он скорее спалит свой единственный университет, но не позволит, чтобы в нем прозвучала хоть одна кальвинистская доктрина[3]. Тем не менее его преемник стал кальвинистом, и когда в Берлине появился новый пастор, в дом к нему ворвалась толпа лютеран и так основательно его разграбила и разгромила, что на следующий день — в Страстную пятницу — ему пришлось совершать службу в нижнем белье ярко-зеленого цвета[4].

Просвещенный человек находил удовольствие в написании непристойных книг, а лишенная интеллекта публика с восторгом их читала. Кальвинисты глумились над истинными верующими и пели кровожадные псалмы. Католики и лютеране тоже не были паиньками. Для всех главным аргументом в доказывании истинной веры была сила. Лютеране набрасывались на кальвинистов на улицах Берлина. Католики в Баварии носили с собой оружие. В Дрездене толпа остановила похоронную процессию, провожавшую в по-

[1] Janssen, V, pp. 61—62.

[2] Ibid., V, p. 426.

[3] Ibid., V, p. 538.

[4] Streckfuss, pp. 200 ff.

следний путь католика-итальянца, и разорвала на части мертвеца. Протестантский пастор и католический священник подрались на улице во Франкфурте-на-Майне. В Штирии иезуиты пробирались на службы кальвинистов, вырывали из рук прихожан молитвенники и подсовывали им католические требники[1].

Конечно, такие инциденты происходили не везде и не каждый день. Годами жизнь протекала относительно спокойно, некоторые районы вообще не знали насилия, между представителями различных религий завязывались дружеские отношения, заключались браки. Но ощущения полной безопасности не было никогда. Люди могли быть великодушными или равнодушными, местного пастора или священника могли уважать и католики, и лютеране, и кальвинисты, однако повсюду зачинались — где скрыто, а где явно — очаги большого пожара, который была неспособна предотвратить немощная и раздираемая конфликтами центральная власть.

7

Неуклонно деградировали интеллектуальные, моральные и социальные стандарты жизни. То там, то здесь появлялись великие таланты: композитор и органист Генрих Шютц в Саксонии, поэт Мартин Опиц в Силезии, зодчий Элиас Холль в Аугсбурге, теолог Иоганн Валентин Андреа в Вюртемберге. Но их было не много — можно сказать, единицы. Безусловно, попытки улучшать систему образования и развивать национальную культуру предпринимались, а результат был ничтожный. Как в политике, так и в интеллектуальной и социальной жизни отражалось соперничество между Францией и Испанией. При императорском дворе искусства, манеры, моды перенимались у испанцев, кня-

[1] Streckfuss, p. 195; Janssen, IV, pp. 44, 116; V, p. 105; Adalbert Horawitz, *Die Jesuiten in Steiermark. Historische Zeitschrift*, XXVII, p. 134.

жеские дворы в Штутгарте и Гейдельберге ориентировались на французов. Дрезден и Берлин пренебрегали чужеземным влиянием, предпочитая жить в интеллектуальных потемках. Музыка, танцы, поэзия импортировались из Италии, живопись — из Нидерландов, любовные романы и моды — из Франции, спектакли и даже актеры — из Англии. Мартин Опиц горячо выступал за то, чтобы немецкий язык служил средством литературного творчества, а сам писал стихи на латыни, зная, что только так он станет известен. Принцесса Гессенская сочиняла вирши на итальянском языке, курфюрст Пфальцский составлял любовные послания по-французски, а его жена, англичанка, так и не соизволила научиться говорить по-немецки.

В ту эпоху Германия больше славилась своим пристрастием к еде и выпивке. «Вол перестает пить, как только утолит жажду, — говорил один француз. — Немцы же лишь после этого начинают пить по-настоящему». Испанских и итальянских путешественников всегда поражали в Германии неуемный аппетит и немногословность людей, которые могли часами есть, пить и молчать под оглушительный грохот духового оркестра[1]. С таким мнением согласны и сами немцы. «Мы, немцы, съедаем наши деньги» — гласит местная поговорка[2]. «*Valete et inebriamini*»[3]— такими словами заканчивал послания друзьям один князь, который всегда был навеселе[4]. Ландграф Гессенский учредил «Общество воздержания», но его первый же президент умер от чрезмерного возлияния[5]. Людвиг Вюртембергский на спор перепивал своих собутыльников, доводя их до потери сознания, а сам оставался достаточно трезвым для того, чтобы дать команду

[1] Palafox, *Diario del Viaje a Alemania*, p. 91; *Dialogo politico*, p. 67.

[2] Handschin, *Die Küche des 16. Jahrhunderts nach Johann Fischart. Journal of English and German Philology*, V, p. 65.

[3] «Прощайте и пейте» (*лат.*).

[4] *Philip Hainhofers Reisetagebuch im Jahr 1617. Baltische Studien*, II, p. 173.

[5] Janssen, VIII, pp. 173—174.

развезти их по домам в телеге в компании с поросенком[1]. Зеленому змию поклонялись все слои общества. Молодые господа в Берлине, возвращаясь домой после попойки, развлекались тем, что врывались в дома добропорядочных бюргеров и вышвыривали их на улицу. Устраивая свадьбу, крестьянин в Гессене мог потратить на еду и питье все, что накопил за год, и свадебный кортеж прибывал в церковь, уже изрядно наклюкавшись[2]. В Баварии и — с меньшим успехом — в Померании власти пытались бороться с этим злом, вводя декретами различные ограничения[3].

Интеллигентный немец вряд ли стал бы гордиться репутацией обжор и пьяниц. Однако среди более простых патриотов можно было обнаружить стремление прославлять влечение к мясным блюдам и спиртным напиткам как национальную особенность. Они всегда могли сослаться на авторитет Тацита: согласно римскому историку, их предки вели себя точно так же. Эта своеобразная разновидность расового национализма, позднее достигшая в Германии своего логического апогея, зародилась в XVI веке. Арминий превратился в Германа и уверенно возводился в ранг национального героя, а один мыслитель взялся доказывать, что германская раса произошла от четвертого сына Ноя, появившегося на свет после потопа[4]. Со словом *«Teutsch»* связывалось все, что можно отнести к категории честности и мужественности, и правитель, желавший заручиться народной поддержкой, должен был апеллировать к германской крови и германским добродетелям и доказывать, что у него в избытке имеется и то и другое. Национальное самосознание сохранялось независимо от обстоятельств и служило чуть ли не единственной

[1] Tholuck, *Die Vorgeschichte des Rationalismus*. Hulle, 1853, 1861, II, i, pp. 212—213.

[2] Gothien, *Die Oberrheinischen Lande vor und nach dem dreissigjährigen Kriege. Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins*. Neue Folge, I, p. 40.

[3] Riezler, *Geschichte*, VI, pp. 64 f.; *Hainhofers Reisetagebuch*, p. 29.

[4] Karl Schultze-Jahde, *Der dreissigjährige Krieg und deutsche Dichtung. Historische Zeitschrift*, CXLIII, pp. 266—267.

гарантией существования государства, чьи политические и интеллектуальные силы, казалось, иссякли.

Интеллектуальная жизнь хирела в Германии не только по причине того, что всю духовную энергию забирал конфликт религий. Сошли на нет основы величия Германии. Ее культура держалась на городах, а они переживали упадок. Политическая неустойчивость, ненадежность транспорта и сокращение итальянской коммерции тяжело отразились на экономике и торговле. Денежное обращение было хаотичное, никто его не контролировал, деньги выпускали все, кому не лень, на этом наживались и князья, и прелаты, и города. Саксонская династия распоряжалась сорока пятью монетными дворами, герцоги Брауншвейгские имели сорок. Восемнадцать монетных дворов действовали в Силезии, шестьдесят семь — в Нижнерейнском округе[1].

Германии перестали доверять. В результате рискованных спекуляций один за другим рухнули крупные банковские дома. Еще в 1573 году в Аугсбурге потерпел фиаско Манлих, через год — Хауг, в 1614 году свернули свои дела Вельзеры, не могли пережить трудности всемирно известные Фуггеры и объявили о банкротстве вскоре после того, как потеряли более восьми миллионов гульденов[2].

Шведская, голландская и датская конкуренция душила Ганзейские города. Признаки стабильности и даже роста благосостояния демонстрировали лишь Гамбург и Франкфурт-на-Майне.

Депрессия не могла не затронуть и сельское хозяйство. После крестьянской войны между земледельцами и землевладельцами сохранились обоюдная неприязнь и страхи, в далеком прошлом остались традиции взаимной обязатель-

[1] Friedensburg, *Münzkunde und Geldgeschichte der Einzelstaaten. Munich and Berlin*, 1926, p. 118; W. A. Shaw, *Monetary Movements of 1600—21 in Holland and Germany. Transactions of the Royal Historical Society*, Second Series, IX, pp. 199—200; Mayr, p. 11.

[2] Ehrenberg, *Das Zeitalter der Fugger*, I, pp. 184—186, 210, 225, 234.

ности. Землевладелец использовал любую возможность для утверждения своего господства. Крепостнический гнет нисколько не ослаб, а, напротив, усилился[1]. Секуляризация церковных земель добавила еще один повод для недовольства: крестьянин, протестант, не проявлял к мирскому хозяину такую же привязанность, какую он испытывал прежде к епископу или аббату[2]. Мелкий собственник, представитель класса «рыцарей», не отличался высокими моральными качествами: как правило, это были ленивые, безответственные и жестокие деспоты. Пристрастие аристократии к охоте вносило свою лепту в озлобление крестьянина: его вынуждали задарма служить охотничьим компаниям и беспомощно наблюдать, как уродуются его угодья[3].

Нищета, политические неурядицы, религиозные распри, столкновение частных интересов, завистливость — постепенно накапливался горючий материал для возгорания войны. Оставалось только его поджечь.

Конфликт, разгоревшийся в 1608 году между протестантами и католиками в вольном городе Донаувёрте на Дунае, несколько месяцев держал в напряжении всю империю. Надворный совет с одобрения императора лишил Донаувёрт своих прав и возвратил церковь, экспроприированную протестантами, католикам. Декрет возмутил всю протестантскую Германию и едва не привел к войне. Однако этого не случилось. Вздорящие партии не могли выступить единым фронтом, города не могли объединиться с князьями, а лютеране — с кальвинистами.

Восстание, поднятое в 1609 году в Богемии, заставило императора пообещать чехам гарантии религиозных свобод, но, если не считать некоторого ущерба, нанесенного престижу императора, инцидент не вызвал каких-либо ощутимых перемен.

---

[1] Bruchmüller, *Die Folgen der Reformation und des dreissigjährigen Krieges*. Crossen, 1897, p. 17.

[2] Ibid., p. 20.

[3] Janssen, VIII, pp. 135—150.

В 1610 году, после смерти герцога Клеве-Юлиха, не оставившего наследника, разразился третий и самый серьезный кризис. Его земли — Юлих, Клеве, Марк, Берг и Равенсберг — простирались по Рейну от голландской границы до Кёльна и могли служить выгодным военным плацдармом и для Габсбургов, и для их оппонентов. Два претендента заявили о своих правах, оба протестанты, и император незамедлительно оккупировал регион войсками. Император, возможно, хотел не допустить столкновения между соперниками, но протестантские князья расценили его действия как попытку захватить земли для своей династии, а Генрих IV Французский усмотрел козни короля Испании, желавшего завладеть всем этим районом для военных операций против голландцев. Генрих не колебался и, действуя совместно с некоторыми германскими союзниками, уже готовился к вторжению. Лишь случайное убийство французского монарха спасло тогда Европу от войны. Генриха не стало, и переговоры затягивались, не давая никакого результата, пока один из претендентов не попытался разрешить проблему, объявив себя католиком. Его соперник, курфюрст Бранденбургский, стремясь заручиться поддержкой протестантской партии, принял кальвинистскую веру. Однако вследствие множества возникших личных затруднений он все-таки согласился на временный вариант урегулирования: сопернику отдать Юлих и Берг, а себе оставить Клеве, Марк и Равенсберг.

Кризисы накатывались один за другим, и это, естественно, вынуждало правителей позаботиться о своей безопасности, а людей — запасаться оружием. Уже в 1610 году один путешественник обратил внимание на «угрожающее обилие» вооружений даже в самых маленьких городах[1]. По описанию английского путешественника, бесцеремонно выставленного за пределы герцогского дворца, дома «этих не-

[1] *Relazioni Veneziane. Venetiaansche berichten over de Vereenigde Nederllanden van 1600—1795, verzameld en uitgegeven door Dr P. J. Blok.* Rijks geschiedkundige publicatien, No. 7, p. 63.

доразвитых князей», охраняемых голодными сторожевыми псами и важными, допотопными алебардщиками, больше похожи на тюрьмы, а не на особняки могущественных владык[1]. Оружие охотно поставляли союзники, и образовался столь запутанный клубок взрывоопасных противоречий, что ни один самый прозорливый политик не мог бы предугадать, где именно начнется заваруха и кто и на чью сторону встанет. Даже Соломон не смог бы разрешить проблему Германии, сетовал главный имперский советник[2]. И в империи, и за ее пределами дипломатам оставалось лишь гадать и ждать, когда произойдет взрыв.

8

На исходе второго десятилетия в Европе мало кто сомневался в том, что войну в Германии спровоцирует окончание перемирия с Голландией в 1621 году.

По крайней мере к нападению на Голландию тщательно готовился Амброзио Спинола, генуэзский генерал, командующий испанской армией. Если ему удастся задействовать во Фландрии живую силу северных итальянских равнин и обеспечить коммуникации между Миланом и Брабантом, то войну он, без сомнения, выиграет. Ресурсы голландцев не беспредельны. Он измотает противника, перебрасывая из Милана в Брабант деньги, материальные средства и пушечное мясо Северной Италии по Вальтеллине, северному берегу озера Констанц[3], а оттуда через Эльзас, по левому берегу Рейна, через католическое епископство Страсбург. Нижний Рейн был в руках друзей — епископов Кёльна и Трира и нового герцога Юлиха и Берга. Однако между землями Страсбурга и Трира вклинились пятьдесят миль палатината

[1] *Taylor his Travels.*

[2] Konstantin Höfler, *Böhmische Studien. Archiv für Oesterreichische Geschichte*, XII, Vienna, 1854, p. 388.

[3] Боденское озеро. — *Примеч. пер.*

кальвинистского князя. До тех пор пока этот князь остается союзником голландцев, рейнский маршрут будет опасен для испанцев, и им придется доставлять войска и деньги морским путем, что затормозит исполнение планов Спинолы. Этот небольшой отрезок земли приобретал особую стратегическую значимость.

Противники испанцев догадывались о замыслах Спинолы, и это обстоятельство выдвигало Рейнский Пфальц и его молодого владыку на первое место в европейской политике и интриге. Курфюрст Пфальцский был не одинок. Паника, поднявшаяся среди городов после расправы с Донаувёртом, и еще в большей мере страхи протестантских князей, вызванные имперской оккупацией Клеве, позволили его советникам уговорить некоторых правителей княжеств и городов позабыть о своих распрях и заключить альянс, известный как «уния». Формально уния считалась протестантской, а, в сущности, получилась кальвинистской. Она стала ядром оппозиции Габсбургам в Германии, приобрела политический вес, получая моральную поддержку из Венеции, а финансовую — из Голландии. Мало того, король Англии отдал в жены курфюрсту Пфальцскому свою единственную дочь.

Английским королевским бракам начала XVII века было свойственно вызывать общественный переполох. Принцесса Елизавета, единственная дочь Якова I, была самой желанной невестой в Европе. Ее прочили в жены наследникам престолов и во Франции, и в Испании, не говоря уже о короле Швеции. Германские курфюрсты вряд ли могли соперничать с такими кандидатами, и до последнего момента у брачной партии пфальцского жениха не было уверенности в успехе. В итоге пфальцская дипломатия победила, чему немало способствовали не только протестантские предпочтения короля и вмешательство принца Уэльского, но и то, что обворожительный претендент понравился и королю, и его министрам, и невесте, и лондонской толпе. Но триумф был сомнительный, договаривавшиеся стороны преследовали разные цели. Европейские политики и государственные де-

ятели видели в курфюрсте главную головную боль для Габсбургов, основного союзника голландцев и протестантских правительств и в то же время пешку, очень важную, но всего лишь пешку в их игре. В самой же империи он мог рассматриваться как лидер протестантской партии, избранный защитник германских свобод. Курфюрст и его министры были немцами, для них главная проблема заключалась в деспотизме императора, и свою главную задачу они видели прежде всего в том, чтобы утвердить в Германии княжеские права и религиозные свободы. Вражда между Бурбонами и Габсбургами и угроза голландской войны были полезны им в той мере, в какой способствовали тому, чтобы самим обрасти внешней поддержкой.

Для курфюрста и его друзей эпицентр европейской бури находился не в Мадриде, Париже, Брюсселе или Гааге, а в Праге. Причина простая: правящий император Маттиас был стар и бездетен. На очередных выборах открывалась возможность для того, чтобы помешать Габсбургам снова наследовать трон: протестантское большинство в коллегии курфюрстов позволило бы добиться этого. В ней значились трое католических курфюрстов, все — архиепископы, и трое протестантов — курфюрсты Саксонский, Бранденбургский и Пфальцский. Седьмым курфюрстом был король Богемии, во время всех последних выборов всегда и католик и Габсбург. Однако богемская корона была выборной, а не наследственной, и чехи преимущественно исповедовали протестантскую веру. Если бы отважный германский князь учинил в Богемии восстание, забрал у Габсбургов корону и вместе с ней право голоса на имперских выборах, то протестантская партия получила бы в коллегии преимущество в соотношении четыре к трем и династия Габсбургов осталась бы с носом.

Намеки на этот счет делались во время венчания курфюрста Пфальцского и Елизаветы[1]. Таким образом, о богем-

[1] Gindeley, *Geschichte des dreissigjährigen Krieges*. Prague, 1869, I, p. 186.

ском проекте знали те, кто подписывал брачный союз. Однако если советники курфюрста предполагали, что Яков I поможет им осуществить замысел, то король Англии исходил из того, что его далекие германские недоумки никогда не будут играть сколько-нибудь заметную роль в европейской политике.

В одной точке пересекались две проблемы: европейская дипломатия, вовлекавшая Мадрид, Париж, Брюссель и Гаагу, и германская дипломатия, касавшаяся власти императора и судьбы богемской короны. Так или иначе, они упирались острием в одного человека — курфюрста Пфальцского. В истории Европы редко случалось, чтобы ее судьбы зависели от капризов и намерений одной личности.

Курфюрсту Фридриху V шел двадцать второй год, из которых он восемь лет находился у власти. Стройный, хорошо сложенный, ясноглазый Фридрих обладал исключительно притягательной внешностью и пылким характером[1]. Его редко видели унылым или угрюмым, он был прекрасным и гостеприимным хозяином, интересным собеседником. Мягкий, доверчивый, вравной мере неспособный озлобляться, ненавидеть и проявлять твердость, он честно и добросовестно исполнял свои обязанности, хотя любил и поохотиться, и поиграть в теннис, и поплавать, и повалять-ся в постели[2]. Судьба не наградила его никакими пороками, зато одарила всеми добродетелями, необходимыми хорошему правителю. Он не отличался ни крепостью тела, ни силой духа. Нежное воспитание лишило его кроткую натуру[3] даже малейшей способности показывать зубы.

Его мать, дочь Вильгельма Молчаливого, проявляя поразительную верность болезненному пьянице-мужу, все-таки позаботилась о том, чтобы удалить сына от неуправ-

[1] Sawyer, *Memorials*, III, p. 404.

[2] Spanheim, *Mémoires sur la vie et la mort de Loyse Juliane, Électrice Palatine*. Leyden, 1645, p. 315.

[3] Friedrich Schmidt, *Geschichte der Erziehung der pfälzischen Wittelsbacher. Monumenta Germaniae Paedagogica*. Berlin, 1899, XIX, pp. xlv f., 61 f.

ляемого отца и отправить на воспитание к сестре в Седан и ее супругу герцогу Буйонскому. По стечению обстоятельств герцог оказался признанным вождем кальвинистов во Франции.

После смерти отца четырнадцатилетнего Фридриха вернули в Гейдельберг, где его воспитанием занялся канцлер Христиан Ангальтский. Прекраснодушный и ласковый юный принц легко поддавался влиянию, взрослые могли лепить из него все, что угодно, и он полностью доверился Ангальту и своему исповеднику, как прежде герцогу Буйонскому, беспрекословно следуя по тому пути, который они ему предначертали.

Ни один из его воспитателей не обладал качествами, необходимыми для понимания европейского кризиса. Герцог Буйонский был типичным представителем старшего поколения аристократов: благороден, бесстрашен, неукротим и честолюбив, но совершенно недальновиден. Исповедник Шульц являл собой классический пример духовника: фанатик своей веры, упивающийся ролью наставника бесхарактерного сеньора.

Самым значительным среди них был, конечно, Христиан Ангальтский, прирожденный князь, оставивший свое крохотное государство Ангальт-Бернбург на попечение помощников ради того, чтобы испытать судьбу в палатинате. Это был невероятно самоуверенный, волевой, энергичный и маленький человечек с копной ярко-рыжих волос, обладавший сверхъестественными управленческими и дипломатическими способностями[1]. Как блестяще он, например, организовал брак с английской принцессой! Министр тогда, естественно, не думал о том, что рано или поздно наступит час расплаты, когда король Англии наконец поймет, что его заманили в германскую войну. Дипломатия Ангальта в отношениях и с Англией, и с Республикой Соединенных провинций, и с германскими князьями, а позднее и с герцогом Савойским основывалась на простейшем принципе:

[1] Wäschke, XVI, v, p. 124.

обещать и на словах ни в чем не отказывать. Он рассчитал: когда разразится кризис в Германии, его союзники выполнят свою часть сделки прежде, чем придет его черед. Ангальт промахнулся: союзники испытаний не выдержали.

За пределами Германии его величайшим достижением было бракосочетание с Англией, в самой же Германии Ангальт мог гордиться созданием Протестантской унии. Именно ему принадлежит пальма первенства в организации этого союза протестантов, появившегося на свет на волне паники, порожденной судилищем в Донаувёрте. Однако Христиан Ангальтский не относился к числу людей, которым можно доверять, и его сразу же заподозрили в том, что он использует лозунги защиты протестантов и германских свобод в целях возвеличивания курфюрста Пфальцского. Курфюрст же сам до такой степени подпал под влияние своего министра, что был неспособен развеять эти сомнения. Трагедия Фридриха в том и заключается, что его союзники плыли по течению к пропасти, следуя за безобидным, но и лишенным волевых и лидерских качеств человеком и не имея достаточной твердости духа и для того, чтобы его поддержать, и для того, чтобы его оставить.

В отношении своих способностей Ангальт вводил в заблуждение не только окружающих, но и самого себя. Вряд ли кто еще был так убежден в том, что при любых обстоятельствах остается на высоте положения. В дополнение к необычайному самомнению у него имелись и другие качества, вызывавшие рабское преклонение хозяина. Он казался сосредоточием человеческих добродетелей: преданный супруг, любимейший отец, — а его домашний очаг мог служить образцом для князей Германии. Не случайно курфюрст в нарушение всех условностей времени называл министра «*Mon père*», а себя величал не иначе как «ваш кроткий и покорный сын и слуга»[1].

[1] Lundorp, Frankfort, 1688, III, p. 603; см. также J. K. Krebs. *Christian von Anhalt und die Kurpfälzische Politik am Beginn des dreissigjährigen Krieges*. Leipzig, 1872, pp. 1—60 *passim*.

В доме курфюрста Пфальцского был еще один человек, с которым он не мог не считаться, — супруга Елизавета, очаровательная, пышущая здоровьем, жизнерадостная английская принцесса. Природа щедро одарила ее и красотой, и умом, и характером. Во внешнем облике принцессы всегда поражало сочетание ярких красок, вдохновленности и живости. Сохранившиеся портреты лишь смутно передают ее былое обаяние. Необыкновенное сверкание золотисто-каштановых волос, нежность румянца на щеках, гибкая плавность движений, завораживающе-проницательный испытующий взгляд, лукавая улыбка, «буйство души», не дававшее покоя ее современникам, — все это осталось в далеком прошлом. Только письма донесли до нас отдельные фрагменты естества ее натуры: и смелость, и ветреность, и твердость характера, сочетавшуюся с упрямством и горделивостью.

Брак, устроенный в сугубо прозаических целях, быстро перерос в настоящую любовь. Елизавета не приняла родной язык мужа, так и не удосужилась выучить его, постоянно пререкалась с семьей Фридриха, навела в доме полный беспорядок, но их совместная жизнь была похожа на нескончаемый медовый месяц; она называла его именем героя из модного тогда любовного романа[1], посылала подарки — различные знаки внимания и затевала милые перебранки и примирения. Однако их брак был далек от идиллии, а курфюрст Пфальцский не был идеальным мужчиной.

Протестантская партия Европы и сторонники германских свобод возлагали надежды на Фридриха и его элегантный двор в Гейдельберге. Те же, кто верил в политическое и религиозное предназначение династии Габсбургов, смотрели в сторону Граца в Штирии, где располагался скучный двор эрцгерцога Фердинанда, кузена правящего императора. После смерти Филиппа II династия испытывала дефицит стабильности. Его преемник в роли главы семейства Фи-

[1] Он подписывал письма к ней «Селадон», именем героя пасторального романа Оноре д'Юрфе «Астрея».

липп III Испанский был человеком бесцветным и ничем не примечательным. Его дочь, талантливая инфанта Изабелла, правившая в Нидерландах вместе с мужем, эрцгерцогом Альбрехтом, в силу своего пола и бездетности не участвовала в решении политических проблем династии. Ее кузен, старый император Маттиас, думал только о том, как бы отсрочить наступление кризиса до того времени, когда он сам уже гарантированно попадет в могилу. Он тоже был бездетен, и семья избрала его преемником кузена Фердинанда Штирийского. Поддержку Филиппа III купили тем, что пообещали в случае избрания Фердинанда императором уступить испанским кузенам феоды Габсбургов в Эльзасе. Такая уступка означала ни много ни мало оказание помощи Испании в транспортировке войск для голландской войны. До подписания договора были проведены соответствующие консультации со Спинолой относительно условий[1]. И снова внутренние проблемы Германии перемешались с европейскими.

Фердинанд, крестник Филиппа II[2], еще до этого события задумал довести до конца дело, начатое крестным отцом. Чувство долга перед церковью зародилось в нем в детстве, когда он воспитывался в иезуитском колледже в Ингольштадте. Позднее он сходил паломником в Рим и Лорето, где, как многие ошибочно полагают, Фердинанд якобы поклялся искоренить ересь в Германии[3]. Фердинанд такой клятвы не давал. Миссия, для исполнения которой его воспитали, была для него такой же естественной, как способность дышать.

Вскоре он действительно ввел в Штирии католицизм. Протестанты составляли столь значительное меньшинство, что его отец не решался выступить против них. Фердинанд сознательно пошел на риск — впоследствии рискованные действия стали его фирменным знаком. Он на самом деле

[1] Lonchay and Cuvelier, I, p. 492.

[2] Khevenhüller, *Jahrbücher.* Leipzig, 1778, I, p. 4.

[3] Hurter, *Geschichte Kaiser Ferdinands II und seiner Eltern.* Schaffhausen, 1850—1861, III, pp. 436, 589; IV, p. 593.

заявлял, что скорее все потеряет, но не потерпит ереси, однако проницательный эрцгерцог понимал и то, что его власть держится на католической вере. В его семье сложилось единое и твердое убеждение в том, что угроза привычной системе правления исходит от протестантов[1].

Политика Фердинанда строилась и на силе, и на хитрости. Он подрывал влияние протестантов всеми возможными способами, пропагандой и воспитанием переманивал на свою сторону молодое поколение и закрутил гайки так, что протестанты оказались перед свершившимся фактом: у них не осталось никаких средств для действенного противостояния. Триумф Фердинанда в Штирии должен был послужить грозным предупреждением для всей Германии. Религиозный мир 1555 года основывался лишь на обычае, он так и не был ратифицирован. А что, если появится император, который его попросту проигнорирует?

В 1618 году эрцгерцогу Фердинанду было сорок лет. Всегда радостный, доброжелательный и краснолицый, он излучал улыбку, для всех одинаково умильную. Все его лицо, покрытое веснушками, и близорукие, выпуклые светло-голубые глаза, казалось, светились добротой и прекрасным настроением. Правда, песочного цвета волосы и короткая, плотная и тучная фигура не настраивали на почтительный лад, а простоватые манеры побуждали придворных и слуг на фамильярность и корысть. И друзья и враги соглашались в одном: более уравновешенного человека им не встречалось. Правил он в Штирии добросовестно и великодушно: организовал общественное вспомоществование больным и бедным, открыл бесплатные адвокатские службы для бедняков при местных судах. Его благотворительность не имела границ, он знал в лицо многих своих подданных, особенно нуждающихся, интересовался их жизненными невзгодами. У эрцгерцога было две всепобеждающие страсти: церковь и охота. Во всех своих занятиях Фердинанд проявлял необычайную пункту-

[1] Hurter, III, p. 410.

альность и на охоту выезжал три-четыре раза в неделю. Он чувствовал себя счастливым в семье, в отношениях и с женой, и с детьми, и вел простой образ жизни, если не считать отдельных патологических проявлений аскетизма[1].

В общественном мнении обычно восхваляются добродетели эрцгерцога, а не способности. Современники с пренебрежительной теплотой писали о нем как о добросердечном простаке, полностью зависимом от своего главного министра Ульриха фон Эггенберга. И все же явная нехватка личной инициативы в деятельности Фердинанда скорее всего была позерством: иезуиты приучили молодого человека перекладывать на других основную тяжесть политических решений, с тем чтобы не загружать себя[2]. Не похоже, чтобы он прислушивался к политическим советам своих духовников, а приверженность к вере не мешала ему расправиться с кардиналом и не повиноваться папе, когда надо было сделать что-то по собственному разумению. Не раз в своей жизни он превращал невзгоду в преимущество, внезапно использовал угрозу к своей выгоде, из поражения извлекал победу. Современников это не удивляло, они считали, что ему невероятно везло[3]. Если это было везение, то оно действительно было экстраординарным.

Сбитые с толку явным противоречием между человеческой добротой Фердинанда и жестокостью его политики, соотечественники находили объяснение в том, что он, говоря современным языком, был марионеткой, не замечая при этом, что для марионетки он проявлял феноменальную последовательность и стойкость. Они, как обычно, ссылались на особые отношения между Фердинандом и Эггенбергом. Фердинанд, безусловно, испытывал привязанность к своему министру, ему импонировали обходительность, невозмути-

[1] *Relationen Venetianischer Botschafter*. ed. Fiedler. *Fontes Rerum Austriacarum*, II, XXVI, Vienna, 1866, p. 102.

[2] Carafa, *Relatione dello stato dell'imperio. Archiv für oesterreichische Geschichte*, XXIII, Vienna, 1859, p. 265.

[3] Fiedler, p. 114.

мость и ясность суждений Эггенберга. Когда Эггенберг заболел, Фердинанд постоянно навещал его, чтобы обсудить государственные дела[1]. Это лишь доказывает то, что Фердинанд не начинал действовать без апробации Эггенберга. Но это не доказывает того, что Эггенберг инициировал его политику. Когда, много позднее, место Эггенберга занял другой министр, политика Фердинанда не изменилась. Без сомнения, Фердинанд доверял ему больше, чем кому-либо, и ждал от него совета, но между ними никогда не было таких же отношений «отца и сына», какие сложились между курфюрстом Фридрихом и Христианом Ангальтским.

Человеческая добросердечность и политическая беспощадность вовсе не являются взаимоисключающими качествами. Одни ждали прихода к власти Фердинанда, а другие — боялись: и те и другие знали, что он является инструментом в руках династии и иезуитов, верили в то, что он поклялся изничтожить ересь, полагали, будто у него нет своей воли и за ним стоят неимоверные силы воинствующего католицизма. Гораздо благоразумнее было бы опасаться Фердинанда как одного из самых смелых, прямодушных и преданных своему делу представителей династии Габсбургов.

9

Итак, Фердинанд Штирийский готовится занять императорский трон, Фридрих, курфюрст Пфальцский, возглавляет партию германских свобод. Ни тот ни другой не ставят целью консолидацию германской нации. Но есть еще два человека, чьи интересы исключительно германские, они занимают центристские позиции, и их колебания в ту или иную сторону будут играть решающую роль. Курфюрст Иоганн Георг Саксонский и герцог Максимилиан Баварский — именно эти два деятеля были способны создать центрист-

[1] Carafa, p. 296.

скую партию, которая могла вызволить германскую нацию из руин Священной Римской империи.

Иоганну Георгу, курфюрсту Саксонскому, было чуть более тридцати лет: широкоплеч, белокур, на квадратном лице горит нездоровый румянец. Его взгляды на жизнь консервативны и патриотичны. Он носил бороду в национальном стиле, состригал на голове волосы и не понимал ни слова по-французски[1]. Одевался курфюрст богато, но просто и практично[2], был подобающим князем, примерным христианином и прекрасным отцом семейства, его стол всегда ломился от яств — местных фруктов, дичи и пива. Три дня в неделю он вместе со всем двором посещал службу и причащался по лютеранским обычаям[3]. Согласно собственным понятиям Иоганн Георг неукоснительно следовал принципам и вел безукоризненный домашний образ жизни[4]. Конечно же, он маниакально любил охоту, но не чурался и культуры, интересовался ювелирными украшениями, ремеслом золотых дел мастеров, музыкой[5]. Под его покровительством Генрих Шютц создал музыкальные шедевры, соединив итальянские и немецкие традиции и предвосхитив развитие музыкальной культуры на целое столетие.

Помимо определенных успехов на ниве культуры Иоганн Георг внес свою лепту в сохранение и совершенствование древних германских обычаев в устроительстве пиршеств и кутежей, шокировавших людей, подвергшихся французскому или испанскому влиянию, — Фридриха Пфальцского и Фердинанда Штирийского. Иоганн Георг пренебрегал иностранными деликатесами и мог просидеть за столом подряд семь часов, поглощая домашнюю еду и пиво в неимоверных количествах, время от времени надирая уши

[1] Barthold, *Geschichte der Fruchtbringenden Gesellschaft*. Berlin, 1848, p. 54.

[2] *Hainhofers Reisetagebuch*, pp. 239—240.

[3] Kern, *Deutsche Hofordnungen*, II, p. 67.

[4] *Hainhofers Reisetagebuch*, p. 188.

[5] Ibid., p. 211 f.

придворному карлику или выливая остатки пива из кружки на голову слуге, подавая знак, что пора нести следующую[1]. Курфюрст не был пьяницей; когда он трезвел, его голова была предельно ясной; он пил по привычке, за компанию, а не из-за слабости. Но он пил слишком много и слишком часто. Позднее его дипломаты взяли за правило ссылаться на то, что курфюрст был не в форме каждый раз, когда принимал неадекватное решение. Один посол сообщал в своих депешах: «Похоже, на него сильно подействовало вино». И еще: «По-моему, он очень пьян»[2]. Какая тут дипломатия!

Но в принципе не имело никакого значения — пьян или трезв Иоганн Георг. И в том и в другом состоянии его позиции были в равной мере туманны. Возможно, не было ничего плохого в том, чтобы заставлять обе партии разгадывать его намерения, если бы он сам знал, к кому больше тяготеет. А курфюрст блуждал в темноте, так же как и они. Без сомнения, он хотел мира, экономического процветания и целостности Германии. Однако, в отличие от Фридриха и Фердинанда, у него не имелось предназначения и ему не надо было жертвовать нынешними удобствами ради сомнительных будущих благ. Видя угрозу краха Священной Римской империи германской нации, курфюрст не мог предложить никакого иного средства для ее спасения, кроме подпорок. Оказавшись между двумя партиями, рушившими всю структуру, между партией германских свобод и партией абсолютизма Габсбургов, Иоганн Георг предпочел бы упрочить древние традиции. Он чувствовал себя конституционалистом.

Возможно, курфюрст Саксонский был умнее других лидеров, но он не обладал ни самонадеянностью Фердинанда, ни верой Фридриха в других людей. Он относился к числу тех деятелей, которые всегда находят два ответа на каждый вопрос и не могут выбрать ни один из них. Когда Иоганн Георг начинал действовать, его помыслы обыкновенно были

[1] Tholuck, II, i, p. 213.

[2] Voigt, *Des Grafen von Dohna Hofleben. Historisches Taschenbuch.* Dritte Folge, IV, pp. 135, 137.

разумными, искренними и конструктивными, но начинал он действовать слишком поздно.

На курфюрста оказывали влияние, хотя и не решающее, два человека — жена и придворный священник. Магдалена Сибилла была женщиной с характером, волевой, целомудренной, приверженной условностям, но добросердечной. Она не отличалась проницательностью, глубоко верила в то, что лютеранство — самая правильная вера, все другие религии должны знать свое место и предотвратить политический кризис можно лишь всеобщим постом. Она заботилась о детях курфюрста, содержала в порядке все его хозяйство; отчасти и ее заслуга в том, что между ним и его подданными сложились отношения взаимной симпатии. Принцесса Магдалена одной из первых жен сюзеренов поняла важность скромного образа жизни для повышения авторитета и престижа венценосного семейства[1].

Придворный священник доктор Хёэ, легковозбудимый венецианец, происходил из аристократического рода, воспитывался среди католиков и имел некоторое представление об их вере[2]. «В учении кальвинистов в сорок раз больше погрешностей»[3], — говорил он. В то же время святой отец считал себя убежденным протестантом и, подобно своему сюзерену, конституционалистом. Острый на язык и в устной, и в письменной речи, капеллан питал страсть к печатным изданиям и впервые опубликовался, когда ему было шестнадцать лет[4]. Как блистательного полемиста его знали по всей Германии. Кальвинисты, обыгрывая произношение его имени, называли Хёэ «первосвященником»[5] — *Hoheprie-ster*. Форсивший своим интеллектом и социальным происхождением, капеллан вызывал иронические насмешки. «Не

[1] Barthold, *Geschichte der Fruchtbringenden Gesellschaft*, p. 55.

[2] H. Knapp, *Matthias Höe von Hoenegg*. Halle, 1902, p. 77.

[3] Hurter, *Ferdinand II*, VIII, p. 77.

[4] Ludwig Schwabe, *Kursächsische Kirchenpolitik im dreissigjährigen Kriege. Neues Archiv für Sächsische Geschichte*, XI, p. 300.

[5] Knapp, p. 12.

знаю, как и благодарить Господа за все те великие и драгоценные таланты, которыми Его Божественное всемогущество одарило меня»[1] — такие высокопарные слова приписывают духовному советнику Иоганна Георга.

У потомков сложилось нелестное мнение об Иоганне Георге и его советниках. Однако следует учитывать то, что, защищая невразумительную конституцию и народ, не желающий объединяться, они взяли на себя неблагодарный и непосильный труд. Как показали последующие события, они плохо делали свое дело, но надо отдать должное по крайней мере курфюрсту за его прямоту. Он всегда был честен, говорил то, что думает, искренне хотел мира и добра для германской нации, и, если курфюрст ставил на первое место интересы Саксонии, но нахватал для себя больше, чем следовало бы, то в этом нет его особой вины, таковы были обычаи его времени. По крайней мере Иоганн Георг не звал на помощь чужеземцев. В истории он запомнился как человек, предавший протестантов в 1620 году, императора — в 1631-м и шведов — в 1635-м. В действительности его политика, пожалуй, оставалась единственно неизменной на фоне трансформаций и интриг как союзников, так и врагов. Обладай курфюрст Саксонский большей проницательностью и силой воли, он смог бы найти средство для спасения своей страны. К сожалению, Иоганн Георг оказался не на высоте своего положения.

За пределами Германии наибольшей известностью пользовался Максимилиан Баварский, хотя он и не был курфюрстом. Он приходился дальним кузеном курфюрсту Пфальцскому и принадлежал к тому же роду Виттельсбахов, имевшему в отдельных районах Германии более солидную репутацию, чем менее древняя династия Габсбургов. По мнению современников, герцог был способнейшим среди германских правителей. Расчетливый, чрезвычайно терпеливый и изобретательный Максимилиан правил Баварией более двадцати лет — со времени отречения отца. Сорокапятилет-

[1] Schwabe, pp. 302—304.

ний герцог считался одним из самых преуспевающих и самых непривлекательных сюзеренов в Европе. Проявляя надзирательскую бережливость, он так обогатил казну, что мог диктовать свою волю и сейму, когда позволял ему собраться, и союзникам, если вступал с ними в альянс и оплачивал львиную долю расходов.

Демонстрируя холодную благожелательность, скрупулезную справедливость и непоколебимую нравственность, Максимилиан всю свою энергию вкладывал в управление землями. Он построил больницы, организовал социальную помощь бедным и обездоленным, поощрял просвещение и искусства и дал людям то ощущение благополучия, которое может создать умная власть. Однако он же ввел смертную казнь за прелюбодеяние, отправлял некоторых преступников на галеры, помогал пытать ведьм на допросах. Герцог содержал постоянную армию и регулярно проводил набор призывников. Он позволял себе вмешиваться в личную жизнь своих подданных. Никому, даже дворянину, не разрешалось иметь экипаж до достижения возраста пятидесяти пяти лет, с тем чтобы не пострадали ни породистость верховых лошадей, ни мастерство кавалерии. За три года Максимилиан издал семь предписаний в отношении того, как должны одеваться его подданные: одеяниям предназначалось быть не только приличными, но и пригодными для войны. Ничто не ускользало от внимания дотошного герцога. Возмутившись безнравственностью крестьян, Максимилиан запретил в деревнях танцы и потребовал, что мужчины-работники и женщины-работницы не спали в одном помещении, словно они сами были виноваты в том, что им приходилось жить в таких условиях[1]. Немилосердность герцога стала в Европе притчей во языцех[2]. Он даже урезал денежное содержание престарелого отца, посчитав, что бесполезный старик слишком дорого обходится казне. Слугам он

[1] Riezler, *Geschichte*, VI, pp. 61 f.; *Geschichte der Hexenprozesse in Bayern*. Stuttgart, 1896, pp. 194—195.

[2] Palafox, *Dialogo Politico*, p. 65.

платил регулярно, но мало, и все его хозяйство держалось на страхе и насильственном почтении.

Вдобавок к отвратительному характеру Максимилиан имел еще и отталкивающую внешность. Он был тощий и хилый, с одутловатым лицом и волосами мышиного цвета. Аденоиды портили и его речь, и облик. Герцог обладал рафинированными манерами, выражал свои мысли легко и эрудированно, но его пронзительный голос на первых порах пугал неподготовленного человека. В угоду жене, принцессе Лотарингской, он перенял французскую моду, но и она не могла скрыть его физическое уродство[1].

Более способный и политически активный, чем Иоганн Георг, герцог Баварский не обладал честностью и прямотой курфюрста Саксонского. Боясь оплошностей, Максимилиан старался избегать обязательств и потому лишь вселял пустые надежды всем, кто с ним соприкасался. Подобно Иоганну Георгу, он был искренен в желании добра для германской нации, но в отличие от саксонца имел четкие и ясные цели. Так же как Иоганн Георг, Максимилиан позволил личным интересам возобладать над всеми другими. В этом смысле они оба виноваты перед своей нацией, но Максимилиан проявил гораздо больше постыдного эгоизма. Он хотел, чтобы другие жертвовали собой для общего блага, и в итоге поплатился за свой эгоцентризм.

Породненный с эрцгерцогом Фердинандом двумя браками[2], Максимилиан начинал властвовать как страстный поборник Контрреформации, и по всей Германии считалось, что в его землях меньше всего ереси[3]. В 1608 году ему поручили привести в исполнение судебное решение в отношении Донаувёрта. Его согласие означало, что он твердо встал на сторону императора. Он приобрел такую недобрую славу среди защитников германских свобод, что ему чуть ли не в целях

[1] Carafa, p. 336 f.

[2] Тетя Максимилиана приходилась Фердинанду матерью, а сестра была его первой женой.

[3] Carafa, p. 338.

самообороны пришлось основать Католическую лигу в противовес Протестантской унии Христиана Ангальтского.

Позднее, обеспокоившись вмешательством во внутренние дела Германии испанской короны, Максимилиан несколько изменил свою политику. Сначала он попытался убрать всех габсбургских князей из Католической лиги, потом совсем ее распустил и создал новую лигу, состоявшую из князей, готовых подчиняться его воле. В письме курфюрсту Пфальцскому Максимилиан изобразил ее как политическую ассоциацию, сформированную для защиты конституции[1], и предложил объединиться с Протестантской унией на внеконфессиональной основе. В то время его идея вовсе не была такой уж несуразной, какой она показалась впоследствии историкам этих двух организаций, и нет никаких оснований подозревать Максимилиана в каком-то плутовстве.

И католики и протестанты подумывали о том, чтобы выдвинуть Максимилиана кандидатом на императорский трон на очередных выборах в пику Фердинанду. Он заслужил эту честь, и у него нет никаких опасных зарубежных обязательств. За пределами Баварии Максимилиан не продемонстрировал особой враждебности по отношению к протестантам. Более того, он дружен с курфюрстом Пфальцским. Максимилиану Баварскому будет гарантирована поддержка трех протестантских курфюрстов и трех рейнских архиепископов, в Кёльне сидит его брат, Майнц уговорит курфюрст Пфальцский, а Триром распоряжается французский двор[2]. За него выступит практически вся коллегия, кроме короля Богемии. В июне 1617 года богемским королем избрали Фердинанда Штирийского. Вот если бы кто-то отобрал у него корону...

---

[1] Riezler, *Geschichte*, V, p. 116.

[2] La Nunziatura di Bentivoglio, III, p. 406. Попытки привлечь французское правительство к реализации этого замысла предпринимались. См.: Tapié, *Politique étrangère de la France au début de la Guerre de Trente Ans*, p. 252.

Но все это были досужие разговоры. Максимилиан не изъявлял большого желания. Он должен был принимать решение. Однако осторожность возобладала. Ему, как всегда, недоставало той уверенной, но и осмотрительной смелости, которая знает, когда и ради чего надо идти на риск.

В Германии имелись и другие правители, которых вряд ли стоило принимать в расчет. Курфюрст Иоганн Сигизмунд Бранденбургский, кальвинист, правивший народом, состоявшим в основном из лютеран, был стар и к тому же поглощен дворцовыми интригами. Кроме того, он только что приобрел Пруссию в качестве феода польской короны и боялся слово сказать против династии Габсбургов, пока не исчезнет их сторожевой пес — польский король. То есть он оказался в таком же двусмысленном положении, как и его саксонский сосед.

Курфюрст-архиепископ Иоганн Швейкард Майнцский был человеком исключительно интеллигентным, сознательным и миролюбивым, но вне коллегии его влияние было ничтожное. Трир не играл никакой роли: можно прочесть массу литературы, относящейся к этому периоду, и ни разу не встретить имени его курфюрста. В историю этого края вошло другое имя — Меттерниха. Кёльн имел некоторое значение лишь постольку, поскольку курфюрст приходился братом Максимилиану Баварскому.

В Вене император Маттиас готовился отправиться на тот свет. Произойдет нечто страшное, когда его не станет, предупреждал венценосец. Но он даже не потрудился умереть вовремя. Как и вся Европа, в своих прогнозах он ошибся на три года. Сигнал для начала войны подало не окончание перемирия в Голландии в апреле 1621 года, а восстание, поднятое в Богемии в мае 1618-го.

Глава вторая

КОРОЛЬ ДЛЯ БОГЕМИИ

> Более того, мы считали, что если не откликнемся на эти справедливые мольбы, то на нашу совесть ляжет еще больше крови и поруганных земель...
>
> *Декларация Фридриха V*

1

Богемское королевство было невелико, но владение им давало суверенные права на герцогства Силезия, Лусатия и маркграфство Моравия. Все четыре провинции имели свои столицы в Праге, Бреслау, Баутцене и Брюнне, свои сеймы, принимали и соблюдали собственные законы. В Силезии говорили на немецком и польском языках, в Лусатии — на немецком и вендском, в Богемии — на немецком и чешском, в Моравии — на своем диалекте чешского.

Их принадлежность к Священной Римской империи казалась сомнительной.

Богемия, самая богатая провинция, занимала доминирующее положение. Здесь раньше, чем в остальной Европе, вызрели движения за религиозную независимость, национальное единство и политическую свободу. От немцев чехи отличались языком, от славян — верой и темпераментом. Самодостаточные и обладающие деловой хваткой, они давно завоевали репутацию успешных предприимчивых людей, а в их фольклоре всегда прославлялся труд. Чехи переняли христианство от византийских миссионеров, но приспособили его к своим обычаям. После того как их поглотила католическая церковь, они сохранили на службах национальный язык и не приняли ни одного из известных христиан-

ских святых, а поклонялись князю Вацлаву, канонизированному народной любовью.

Не случайно чехи фактически первыми восстали против всевластия Рима, дав Европе двух великих учителей — Яна Гуса и Иеронима Пражского, сожженных за ересь в Констанце в 1417 году[1]. Реформаторов осудили и казнили, но их учение стало частью национального самосознания и достоинства, и чехи под предводительством Яна Жижки отстояли свою страну, сплотившись в крепости на горе Табор. В следующем поколении Йиржи из Подебрад, первый некатолический король в Западной Европе, обратил учение Яна Гуса в религию для всей Богемии и повелел установить на фасаде каждой церкви скульптуру чаши как символ реформы. Самой примечательной чертой веры утраквистов было то, что миряне могли причащаться под двумя видами, то есть и хлебом, и вином; во всем остальном их религия отличалась от католицизма лишь в деталях. Через пятьдесят лет Европу охватила германская Реформация, и в Богемию хлынуло лютеранство, а затем и кальвинизм.

Примерно в это же время Богемия оказалась в руках Габсбургской династии. Королевство было сказочно доходным: за счет налоговых поступлений от процветающего сельского хозяйства и торговли покрывалось больше половины расходов на управление империей[2]. «Там имелось все, что необходимо человеку... казалось, сама природа позаботилась о том, чтобы превратить страну в кладовую насущных ресурсов и житницу», — восторгался один путешественник[3]. Трудно понять, почему чехи так долго находились в кабале у Габсбургов, нещадно использовавших их богатства для своих зарубежных авантюр, тем более что монархия была не наследственной, а выборной.

---

[1] Ян Гус сожжен в 1415 г., Иероним Пражский — в 1416-м. — *Примеч. пер.*

[2] Gindely, *Geschichte*, I, p. 156.

[3] *Taylor his Travels.*

Дело, видимо, в том, что к концу XVI века Богемия пребывала в состоянии жуткого хаоса и смятения. Пока утраквисты, лютеране и кальвинисты боролись друг с другом за место под солнцем, Габсбурги вновь сделали официальной религией королевства католицизм, отведя трем другим верованиям второразрядную роль и допуская лишь ограниченную свободу. Начался упадок, рушились прежние ценности, основывавшиеся на земледелии. Крохотную страну поделили между собой по меньшей мере тысяча четыреста дворянских семейств, и каждое из них стремилось добиться определенной социальной исключительности, не жалея на это средств[1]. Большая часть этих семей исповедовала лютеранство, но из-за страха перед фанатичными кальвинистами они искали защиту у католического правительства Габсбургов. Вдобавок ко всему дворяне конфликтовали с бюргерами и крестьянами[2].

Из-за внутренних распрей Габсбурги не могли чувствовать себя в полной безопасности. На какое-то время чехов сплотил кризис, случившийся в 1609 году, когда император Рудольф попытался отказаться от веротерпимости в отношении протестантов. Даже католическое дворянство взбунтовалось против нарушения прав верующих. Угроза восстания вынудила императора подписать так называемую «Грамоту величества», гарантирующую протестантам свободу вероисповедания и позволяющую им создавать специальные органы «дефензеров» для защиты своей религии.

Император Рудольф сделал Прагу столицей империи. Здесь он провел самые темные годы правления среди астролябий и звездных карт, заполняя конюшни лошадьми, на которых никогда не садился, а имперские апартаменты — наложницами, которых не то что никогда не трогал, но и редко видел, проводя время с астрологами и астрономами, напрочь забывая об эдиктах и депешах, неделями пылив-

[1] Gindely, *Geschichte*, I, pp. 137 ff.

[2] Ibid., pp. 138 ff.

шихся на столе. Дворяне-лютеране наконец настояли на его низложении и избрали на трон брата Маттиаса.

«Чехи, — писал один анонимный политик, — с охотой навредят католической церкви и ничего не сделают для Маттиаса»[1]. На самом деле, хотя лютеране и приняли нового повелителя, католическая вера Габсбургской династии для них оставалась по-прежнему чуждой. Не прошло много времени, как Маттиас стал игнорировать «Грамоту величества» и перевел императорский двор в Вену. И дворянство, и горожане почувствовали себя преданными, рассудив, что их страну превратили в провинцию Австрии[2]. В отместку сейм Праги принял законы, запрещающие селиться в стране и получать права гражданства любому человеку, не говорящему на чешском языке[3].

Сейм Богемии состоял из представителей трех сословий — дворян, бюргеров и крестьян, но лишь первые из них имели право голоса, остальные могли выступать только с предложениями. Дворянский титул давала земля, ее потеря означала утрату всех других прав, и, наоборот, приобретение земли давало все привилегии землевладельца. В сейме насчитывалось около тысячи четырехсот землевладельцев, в основном мелких панов-помещиков, действовавших на основе рекомендаций крестьянских и бюргерских комитетов. Именно эти органы, обеспечивавшие сбор налогов, могли влиять на голосование дворян. Особенно приходилось считаться с настроениями сорока двух вольных городов королевства[4].

Землевладельцы разделялись на два класса — панов и рыцарей, причем паны на собраниях имели два голоса. Однако рыцарей было значительно больше, примерно в соот-

---

[1] Hurter, *Ferdinand II*, VI, p. 694.

[2] J. Svoboda, *Die Kurchenschliessung zu Klostergrab und Braunau und die Anfänge des dreissigjährigen Krieges. Zeitschrift für Katholische Theologie*, x. Innsbruck, 1886, p. 404. Gindely, *Geschichte*, I, pp. 133—134.

[3] Ibid., pp. 117—119.

[4] Gindely, Geschichte, I, pp. 140—141.

ношении три к одному. В богемском сейме не действовал принцип репрезентативности, и многие авторы сделали вывод о полном отсутствии в сословном собрании элементов демократии. В Англии, например, стране с гораздо большим населением, в парламент избиралось вдвое меньше депутатов, и хотя в нем рудиментарно соблюдался принцип территориального представительства, никто даже и не пытался, как и в Богемии, учесть интересы различных социальных классов. Иными словами, в конституции Богемии не было ничего криминального.

Опасность таилась в другом: в чрезвычайно активной политической и религиозной жизни, в конфликте религий и сословий. Одни стремились к национальной независимости, другие — к религиозной свободе, третьи хотели, чтобы сейм контролировал центральное правительство. Все эти устремления можно было бы объединить. Но бюргеры боялись дворян, этих естественных защитников страны в случае войны, полагая, что они используют вооруженный мятеж в своих интересах. Вольные крестьяне, существовавшие на грани выживания, остерегались новшеств, не желая потерять последнюю рубаху, и в равной мере ненавидели жадных горожан и тиранов-землевладельцев. И лютеране, и утраквисты, и кальвинисты, и католики подозревали друг друга в религиозной нетерпимости. Национальной независимости можно было добиться только свержением той самой ненавистной династии, которая тем не менее поддерживала равновесие между конфликтующими сторонами.

Однако зыбкому балансу между взаимными антипатиями быстро наступал конец. Маттиас был бездетен, а его преемником и в Богемии, и в империи мог стать скорее всего эрцгерцог Фердинанд Штирийский, уже известный своими реакционными политическими и религиозными взглядами. Никто не сомневался в том, что он будет притеснять протестантов и насаждать в Богемии штирийские порядки.

Оставалось неясным, смогут ли богемцы сплотиться так, как во время кризиса 1609 года. Фердинанд, истый католик,

австриец и деспот, был неприемлем для чехов, приверженцев национальной независимости, религиозной терпимости и демократии. Но их оппозиция могла проявиться в трех различных вариантах. Для защиты религиозных свобод они должны были объединиться с германскими протестантами, которые уже готовились выступить против Фердинанда. Для отстаивания принципов демократического правления чешским дворянам и бюргерам следовало добиваться от будущего короля конституционной реформы. Если же для них главное — национальная независимость, то им надо было поднимать восстание и настраиваться на войну. В стране было примерно равное число сторонников каждого из этих вариантов развития событий, но ни один из них не стал доминирующим и способным сплотить массы людей в организованное движение наподобие партии. Единению ради борьбы мешали частные интересы, междоусобицы, консерватизм и даже робость.

Нужен был человек, который мог бы соединить три политических течения в одно революционное движение. Если эрцгерцог Фердинанд был готов сокрушить свободы в Богемии по всем трем направлениям, то среди чехов не имелось лидера, наделенного такой же политической волей, какой обладал Фердинанд в силу своего происхождения, национальности и убеждений. По старшинству и социальному положению лидером протестантского дворянства считался аристократ из древнего рода Андреас Шлик. Лютеранин граф Шлик был благородным, честным и миролюбивым господином, посвятившим всю свою жизнь отстаиванию привилегий и прав соотечественников конституционными средствами. Но интеллигентный, храбрый и совестливый Шлик не был прирожденным лидером, он отличался чересчур философским складом ума, излишним чувством юмора и к тому же обладал собственностью, которую вряд ли захотел бы потерять. Как добропорядочный гражданин, он смотрел в будущее через призму благополучия своих детей — сыновей.

Кроме Шлика, инициативу могла проявить менее значительная и менее интеллигентная личность — граф Генрих Маттиас Турн, человек из той породы людей, которые становятся лидерами во времена смут. Немец по происхождению, Турн владел землями за пределами Богемии, имел поместье и в Богемии, дававшее ему место в сейме, немного говорил по-чешски, получил образование в Италии, испытал на себе влияние католицизма, но впоследствии стал заметной фигурой в среде протестантов[1]. Профессиональный воин, граф был скор на решения и не очень разборчив в действиях, что обеспечивало сверхмерное присутствие в нем того качества, которого недоставало Шлику, — самоуверенности. Он видел себя сразу в трех ипостасях: дипломата, политического вождя и генерала. Но ему не хватало способностей во всех этих сферах. Его дипломатия сводилась к интриганству, политические соображения заключались в гадании на кофейной гуще, а воинская доблесть ограничивалась чаще всего петушиной бравадой. Он был храбр и, по его стандартам, даже честен, но не обладал ни тактичностью, ни терпеливостью, ни здравомыслием и проницательностью, а отличался в большей мере алчностью, властолюбием и хвастовством. У него были сторонники, но очень мало друзей.

В принципе избрание правителя для Богемии должно было волновать только чехов, и никого более. К несчастью, их король одновременно являлся и курфюрстом Священной Римской империи. Богемская монархия почти столетие представляла интересы Габсбургов, и это обстоятельство делало проблему общеевропейской. Чехи были заинтересованы в том, чтобы ими правил разумный человек, для остальной Европы было важно то, кому будет принадлежать голос на выборах императора.

Маттиаса избрали на трон Богемии при поддержке протестантов после отречения его брата Рудольфа. Король разочаровал их и поставил, таким образом, под вопрос перспек-

[1] Gindely, *Geschichte*, I, pp. 90—92.

тиву избрания на трон еще одного Габсбурга. Хорошо понимая это, Маттиас всячески старался оттянуть выборы, даже заставил супругу симулировать беременность, дабы посеять надежды на преемника. Но у таких симуляций есть определенные временные рамки, и к 1617 году, когда Маттиас совсем одряхлел, дальнейшие отсрочки стали невозможны.

Для Габсбургов наступили тяжелые времена. Кандидатуру эрцгерцога Фердинанда считали нежелательной и некоторые представители семейства. Вряд ли он сможет восстановить стабильность в преимущественно протестантской стране, доведенной до отчаяния в борьбе за свои права. Испанцы резонно полагали, что выдвижение Фердинанда может закончиться поражением династии. Но были ли иные кандидатуры? Другие австрийские эрцгерцоги тоже находились в преклонном возрасте. Вряд ли устроили бы чехов и сыновья короля Испании, старший из них был еще подростком: они иностранцы, учились в Мадриде и для протестантской Богемии будут не меньшим пугалом, чем Фердинанд, который по крайней мере говорил по-немецки и даже бывал в Праге. В июне 1617 года правительство в Мадриде решило не выдвигать испанских принцев на престол в Праге в обмен на согласие эрцгерцога Фердинанда отказаться от своих прав на феоды Габсбургов в Эльзасе в пользу испанской короны. Эта тайная договоренность позволила Габсбургской династии прийти к единому мнению в отношении поддержки Фердинанда, поскольку именно он, как король Богемии и затем император, должен будет обеспечить проход испанских войск через Германию[1].

Кандидатура эрцгерцога Фердинанда дала чешским протестантам и всем врагам Габсбургов в Европе повод для выдвижения своего человека. Необходимость в этом была очевидной, не имелось альтернатив. Христиан Ангальтский пять лет пытался организовать поддержку своему молодому сеньору, курфюрсту Пфальцскому, но так и не смог создать

[1] Op. cit., pp. 58—59.

достаточно мощную политическую группировку вокруг Фридриха. Курфюрст был кальвинист, неопытен и малоизвестен в Европе. Он явно не подходил для протестантов Богемии, исповедовавших в большинстве своем лютеранство. Другим кандидатом на королевский трон был сосед, курфюрст Саксонский Иоганн Георг, лютеранин, зрелый и умудренный правитель, но он даже и слышать не хотел о том, чтобы избираться королем.

На трон, таким образом, оставался один претендент — Фердинанд, если, конечно, протестанты не откажутся вообще от выборов или не выдвинут условия, совершенно неприемлемые для нового короля. Турн мог заблокировать выборы, если бы ему доверили это сделать. Но Турн был всего лишь рыцарем и не имел права избирательного голоса. И в этот критический момент лидировать среди протестантов выпало на долю графа Шлика, а он, подобно императору Маттиасу, надеялся на отсрочку выборов. Вместо того чтобы предотвратить кризис, граф пустился плыть по воле волн. Избрание Фердинанда назначили на 17 июня 1617 года. Граф Шлик без колебаний отдал за него свой голос, а растерявшиеся, но послушные дворяне-протестанты последовали его примеру, все до одного[1].

На следующий день все члены сейма, за исключением Ярослава Мартиница и Вильгельма Славаты, ярых католиков, потребовали от избранного короля гарантировать действенность «Грамоты величества». Славата рекомендовал королю не делать этого, ссылаясь на то, что поведение графа Шлика не отражает общий настрой протестантов, и склонял его к тому, чтобы нанести последний и решающий удар. Император Маттиас и его миролюбивый советник кардинал Клезль выражали другое мнение: они считали целесообразным сохранить верность принципам «Грамоты величества». Если даже король и намеревается обрушиться на протестантов, то не следует заявлять об этом с самого начала. Сам же

[1] Gindely, *Geschichte*, I, pp. 167 ff.

Фердинанд колебался: он вовсе не собирался придерживаться положений «Грамоты величества», но не был уверен в том, что настало время для действий. Ему претила даже мысль о том, что надо идти на уступки еретикам. Он прекрасно знал и Турна, и экстремистов и понимал, что надо лишь подождать до того времени, когда они совершат какие-либо враждебные акты в отношении правительства и дадут ему повод для ответного удара. Разговор с духовником также убедил его в том, что политическая целесообразность иногда оправдывает отклонения от искренности, и на следующий день он формально объявил о признании «Грамоты величества»[1].

Трудно сказать, чем было вызвано лукавство Фердинанда, если только не опасениями по поводу того, что незамедлительный и недвусмысленный отказ от «Грамоты величества» приведет к всеобщему бунту. Обстановка в стране тогда была такова, что Турн мог повести себя неразумно, протестанты были раздроблены и разобщены, и Фердинанд, настраивая одних против других, мог покончить с религиозными свободами без кровопролития.

Вполне возможно, что ни Маттиас, ни Клезль в действительности не понимали реального положения вещей. Так или иначе, осенью появились два эдикта. Они не противоречили конституции, но ясно указывали на то, что Фердинанд подминает под себя правительство. Первым эдиктом королевским судьям давалось право присутствовать на всех местных и национальных собраниях, вторым документом вводилась королевская цензура над пражской прессой. Маттиас, покидая вскоре Прагу, назначил пятерых «заместителей», среди которых были Славата и Мартиниц, но не оказалось ни Турна, ни Шлика[2].

В этой напряженной обстановке возникли сразу два острых конфликта. В Клостерграбе, деревне, принадлежавшей

[1] Hurter, *Ferdinand II*, VII, p. 243.

[2] Gindely, *Geschichte*, I, pp. 242—245.

архиепископу Праги, протестанты начали строить церковь, ссылаясь на то, что они являются вольными людьми короля, а не вассалами архиепископа. Претензии на свободу совести в данном случае вступили в опасный альянс с заявками на гражданские свободы. Аналогичная ситуация сложилась в небольшом городке Браунау, где протестанты не только строили церковь, но и крали для этого лес. В обоих случаях они утверждали, что воздвигают церкви на королевских угодьях, имея на это право в соответствии с «Грамотой величества». Власти ответили, что хотя протестантам и позволено строить на землях короля, но «Грамота величества» не запрещает и королю отчуждать эти земли. Король подарил данные владения церкви, и права на них протестантов утратили силу. И в той и в другой аргументации затрагивалась одна и та же проблема: конфликтность отношений не только между протестантами и католиками, но и между сюзереном и его подданными. Вправе ли король отчуждать землю без согласия своих подданных? Протестанты-чехи были уверены в том, что у короля нет такого права, и продемонстрировали свое несогласие самым наглядным образом, поскольку Маттиас за последние пять лет возвратил под юрисдикцию архиепископа Праги сто тридцать два прихода[1].

Уезжая в Вену, Маттиас приказал подавлять сопротивление жителей Клостерграба и Браунау, если надо, силой. Католические «заместители», воспользовавшись его указаниями, заключили в тюрьму самых строптивых бюргеров Браунау. Разъединенная прежде оппозиция в Богемии сразу же начала сплачиваться. Протестантов возмутило попрание их свобод, горожан оскорбил арест вольных бюргеров, дворянство решило умерить территориальные аппетиты церкви.

Турн созвал собрание протестантских депутатов и чиновников всей Богемии и потребовал освободить заключенных. Когда его призыв остался без ответа, он обратился к дефензорам «Грамоты величества» и предложил организо-

[1] Более детальное исследование этой проблемы см. статью Свободы: Svoboda, *Zeitschrift für Katholische Theologie*, X, pp. 385 f.

вать еще более представительный форум. Его назначили на май 1618 года, а пока еще был март. Время, остававшееся до съезда, противоборствующие стороны использовали для обработки общественных настроений, прежде всего в Праге. Несмотря на противодействие католиков, 21 мая в Праге собралась грозная протестантская сила — влиятельные дворяне, помещики, рыцари, бюргеры со всей провинции. Имперские представители тщетно пытались разогнать съезд, и 22 мая, когда Славата и Мартиниц поняли, что им угрожает нешуточная опасность, в Вену за помощью отправился секретарь канцелярии[1].

Но было поздно. В тот же вечер Турн предложил дворянам план действий. Игнорируя протесты Шлика, он потребовал предать смерти Славату и Мартиница и сформировать чрезвычайное протестантское правительство. Вести о конфликте взбудоражили весь город, и когда на следующее утро депутаты направились к королевскому замку в Градчанах, за ними следовала огромная толпа возбужденных людей. Они прошли через ворота, над которыми распростерся габсбургский орел, во двор, поднялись по лестнице в зал аудиенций и ворвались в комнату, где прятались наместники короля. Славата и Мартиниц оказались зажатыми между столом и каменной стеной, как загнанные звери. Оба ясно понимали, что близится конец.

Десятки рук схватили их и потащили к высокому окну, подбросили вверх и перекинули через подоконник. Первым полетел вниз Мартиниц. «Приснодева Мария! Помоги!» — кричал он, падая. Славата продержался дольше под градом кулаков, цепляясь за раму и взывая к Пресвятой Богородице, пока кто-то не ударил его так, что он потерял сознание, окровавленные руки разжались, и его тело тоже рухнуло в ров. Их дрожащий от страха секретарь прижался к Шлику, ища у него спасения, но разгоряченная толпа выбросила в окно и его.

[1] Gindely, *Geschichte*, I, p. 275.

Один из бунтовщиков перегнулся через карниз и, глумясь, прокричал: «Посмотрим, поможет ли вам Мария!» И через мгновение он тут же воскликнул, изумляясь: «Боже мой, их Мария им помогла!» Действительно, Мартиниц зашевелился. Из соседнего окна кто-то спустил лестницу. Мартиниц и секретарь, осыпаемые камнями, пытались по ней подняться. Слуги Славаты, пренебрегая угрозами толпы, сошли во двор, чтобы вынести оттуда своего хозяина, без сознания, но живого[1].

Удивительное спасение трех несчастных, для кого-то чудотворное, а для кого-то комическое, не имело никакого политического значения. Той же ночью Мартиниц позорно бежал, а больной Славата в качестве узника пребывал в доме, куда его принесли. Вечером его супруга на коленях упрашивала графиню Турн сохранить ему жизнь, и леди обещала это сделать в расчете на то, что графиня Славата отплатит за услугу услугой после следующей чешской революции[2].

Хотя и практически бескровный, если не считать кровоподтеков, но *coup d'état* свершился. Поскольку Турн все-таки настоял на казни наместников короля, для его сторонников было благом то, что жертвы спаслись, свалившись на кучу гниющего навоза во дворе Градчан.

Не теряя времени, мятежники создали новый механизм управления государством. Все чиновники, согласившиеся признать новую власть, остались на своих местах, поначалу

---

[1] *P. Skály ze Zhoře Historie Česká*, ed. K. Tieftrunk. Prague, 1865; *Monumenta Historiae Bohemiae*, II, pp. 132—133; *Paměti Nejvyššiho Kancléře Království českeho Viléma Hraběte Slavaty*, ed. Jirecek. Prague, 1866; *Monumenta Historiae Bohemiae*, I, p. 81. Впоследствии Славата приукрасил историю падения, дополнив ее перечислением того, сколько раз он отскочил от земли, свалившись из окна. Об этом он поведал спустя двенадцать лет Христиану Ангальтскому. История излагается на испанском языке у Палафокса: Palafox, *Dialogo Politico*, p. 59. Там же приводится и такая апокрифическая деталь: секретарь якобы даже не ушибся, он вскочил на ноги и принес извинения за то, что неосмотрительно упал на своих господ.

[2] *Annales*, IX, p. 32.

никто не выгонял и католиков. Протестантский сейм утвердил временное правительство в составе тринадцати директоров[1] и проголосовал за набор армии численностью шестнадцать тысяч человек, содержавшейся за счет государства и возглавляемой графом Турном. Для успокоения Европы было разослано послание, разъясняющее причины восстания[2]. Провозгласив приверженность принципам гражданского правления и полагая не допустить войны, протестантская ассамблея завершилась через пять дней после мятежа и через десять дней после первого собрания.

2

По оперативности, эффективности и сдержанности чешское восстание можно было считать образцовым. Но за внешним спокойствием скрывались опасные разрушительные силы. Чрезвычайные обстоятельства, заставившие различные группировки объединиться, не могли сохраняться бесконечно долго, и, как только шторм утих, единый фронт начал распадаться. Какие цели преследовало восстание? Добиться религиозных свобод, национальной независимости или защитить подданных от угнетения сюзеренами? Никто этого в точности не знал, и каждая группировка была готова принести в жертву интересы другой группировки ради достижения своекорыстных целей.

Восстание страну не объединило. Таких фанатичных католиков, как Славата и Мартиниц, было действительно меньшинство, но нельзя было не принимать их в расчет. Первоначальное намерение нового правительства гарантировать равноправие для всех соотечественников страдало явным идеализмом. Оно не учитывало оппозицию католи-

[1] По другим источникам, временное правительство состояло из тридцати директоров. Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976, с. 124. — *Примеч. пер.*

[2] Lünig, *Teutsches Reichsarchiv*, Leipzig, 1710, VI, ii, pp. 133 f.

ческого дворянства, католиков-бюргеров и таких католических городов, как Будвейс, Круммау и Пильзен[1].

Стать бы Турну главой государства, подчинить себе своих союзников и сосредоточить все силы на борьбе за независимость — возможно, тогда восстание определило бы для Богемии ее национальное будущее. Но конституционная традиция была сильна, и Турн либо не мог, либо не хотел ее обходить. Он командовал армией и подчинялся тринадцати директорам, а они, в свою очередь, зависели от сейма, который голосованием распределял государственные средства и ресурсы. Турн, как рыцарь, имел право голоса в сейме, но отказался стать директором. Похоже, он исходил из того, что безопасность Богемии зиждется на армии, а власть директории над армией является номинальной. Он ошибался. В продолжение всех тридцати месяцев борьбы Турна связывали решения раздираемого конфликтами сейма и не менее разобщенной директории[2].

Обманчивое замирение с католиками закончилось в один момент. 9 июня из страны были изгнаны иезуиты[3], и в разгар лета Турн напал и захватил Круммау. Следуя совету бесконфликтного кардинала Клезля, император Маттиас предложил мятежникам амнистию и переговоры[4]. Повстанцы отвергли его жест доброй воли, чем повергли в шок католиков Европы и убедили их в том, что религиозные мотивы служат лишь прикрытием для национальных и политических целей[5]. Восстание начало превращаться в общеевропейскую проблему; в Брюсселе и Мадриде забеспокоились о судьбе династии; в срочном порядке изыскивались

[1] *Epitome Historica Rerum Bohemicarum, authore Bohuslao Balbino e Societate Jesu*. Prague, 1677, pp. 626—629. Чешские названия соответственно: Ческе-Будейёвице, Чески-Крумлов, Пльзень. — *Примеч. ред.*

[2] Stanka, *Boehmische Confederationsakten*, pp. 74 ff.

[3] Lünig, VI, ii, pp. 141 f.

[4] Ibid., pp. 144 f.

[5] Bentivoglio, *Opere*, p. 650.

средства и войска для оказания помощи эрцгерцогу Фердинанду[1]. Папский нунций в Париже получил из Ватикана инструкции разъяснить королю Франции угрозу чешским католикам[2].

Эрцгерцог Фердинанд, избранный королем и опасавшийся сразу же лишиться трона, не нашел ничего лучшего, как объявить Крестовый поход против мятежной страны, пока католики Европы еще не остыли от гнева. Мешали ему это сделать умирающий император Маттиас и его компромиссный кардинал Клезль. 20 июля 1618 года Фердинанд повелел изловить Клезля и заключить его в крепость в Тироле. Император негодовал впустую: Фердинанд вежливо извинился за содеянное, но кардинала не освободил. Маттиасу пришлось смириться со своеволием кузена и фактически передать власть в руки, которые ее уже захватили.

Менее чем через месяц после заключения Клезля чешскую границу перешла первая имперская армия. Войско и его генерал явились из Фландрии, деньги — из Испании. В ответ повстанцы незамедлительно обратились за помощью к врагам Испании и Фландрии. Турн свое хваленое дипломатическое искусство испробовал на практике. Но его призыв к Франции был холодно отклонен королем, еще не осознавшим династические последствия восстания в Чехии и остававшимся правоверным сыном церкви[3].

С другой стороны, оказать посильное содействие вызвался курфюрст Пфальца Фридрих, вернее, его канцлер Христиан Ангальтский. Его агент в Праге в конце июня получил возмущенный протест императора и холодные разъяснения по поводу того, что речь идет всего лишь о достижении компромисса с восставшими. Посол тем не менее рекомендовал чехам крепить армию и поручить командовать ею Ангальту[4].

---

[1] *Letters and Documents*, I, p. 12; Lonchay and Cuvelier, I, pp. 52 f.

[2] *La Nunziatura di Bentivoglio*, II, pp. 500, 518.

[3] Ibid., p. 528.

[4] Krebs, *Christian von Anhalt*, pp. 94 ff.; Lundorp, III, p. 606.

Слова не расходились с делами, и из Гейдельберга отправились гонцы в Турин, столицу герцога Савойского, с тем чтобы договориться с ним об использовании огромной армии наемников, которая в это время находилась в его распоряжении. Герцога не надо было долго уламывать: давний враг Габсбургов с радостью ухватился за возможность им насолить. Он согласился разделить с курфюрстом Пфальца все расходы на переброску и содержание армии для чехов[1]. Вести о готовности двух великих князей прийти на помощь быстро дошли до Праги. Тем временем одно имперское войско уже пересекло границу, второе готовилось к войне. Турн спешно набирал ратников, малоопытных и неспособных выстоять против фламандских профессионалов, к тому же их явно не хватало. Обещание герцога Савойского и курфюрста Пфальцского прислать обученную армию под командованием Эрнста фон Мансфельда, известного во всей Европе генерала, было как нельзя кстати.

28 августа 1618 года вторая имперская армия вышла из Вены, и через два дня чехи приняли предложение о помощи[2]. 9 сентября интервенты воссоединились и готовы были пойти на Прагу, если бы не слухи о подходе войска Мансфельда. Под натиском Турна интервенты отступили к Будвейсу, в то время как Мансфельд пересек границу, и его войско численностью двадцать тысяч человек осадило Пильзен, самый богатый и самый важный город католических роялистов. По всей Богемии вновь начали подниматься протестанты. 21 ноября после сражения, длившегося пятнадцать часов, Пильзен пал[3], и национальная армия Турна и Шлика остановила фламандские войска под Будвейсом, занявшись разграблением земель по австрийской границе.

Богемия была спасена, и никто пока не подсчитывал потери. Однако она, освободившись от австрийского ига, попала в кабалу к курфюрсту Пфальцскому и герцогу Савой-

[1] Krebs, pp. 596, 603.

[2] Gindely, *Geschichte*, I, p. 387.

[3] Lundorp, I, pp. 502 f.

скому. Чехи, не желавшие, чтобы их страну эксплуатировали Габсбурги, отдали ее на растерзание врагам Габсбургов, и национальная проблема Чехии постепенно перерастала в головную боль для всей Европы.

В то время как на австрийской границе разгоралась война, курфюрст Пфальца созвал в Ротенбурге собрание Протестантской унии. Если Фридрих и Христиан Ангальтский ожидали поздравлений, то они крупно просчитались. Князья, входившие в союз, выступили с осуждением их действий. Они не захотели ни платить Мансфельду, ни вступать в какие-либо отношения с повстанцами. Они категорически отказались поддержать предложение Фридриха о формировании единой армии и выразили свое мнение в меморандуме, призвав императора и его подданных к компромиссу[1].

Никто так не был удивлен решением унии, как ее моложавый президент. Среди князей, представленных в Ротенбурге, он, видимо, меньше всего понимал то, что происходит. Христиан Ангальтский добивался одного: он хотел создать в Богемии своего рода партию, которая избрала бы королем Фридриха. Он надеялся сделать это еще до избрания Фердинанда, но потерпел неудачу[2] и восстание дало ему новые возможности для осуществления своего замысла. Не нужно было обладать особой проницательностью для того, чтобы разгадать планы Ангальта. Князья воспротивились и его политике в целом, и тому, что он пускает им пыль в глаза, прикрываясь лозунгами о защите протестантизма.

Среди тех, кто собрался в Ротенбурге, наверно, только Фридрих да еще несколько человек верили в способности Ангальта. Фридрих, конечно, хотел мира для Богемии. Об этом он написал императору, королю Великобритании и герцогу Баварскому[3], и какими бы лицемерными его послания ни казались, они были искренними. Ему исполнился двадцать один год, достаточно зрелый возраст, но он не об-

[1] Lundorp, I, pp. 508 f.

[2] Klopp, *Tilly im dreissigjährigen Kriege*. Stuttgart, 1861, I, pp. 215—216.

[3] *Letters and Documents*, I, p. 9; Lundorp, I, pp. 503 ff.

ладал ни силой воли, ни желанием для того, чтобы заменить Ангальта, которому почему-то во всем доверял. Так или иначе, Фридрих относился к своим обязанностям со всей серьезностью, и, когда характер восстания в Богемии стал для него более или менее ясен, он с некоторой робостью выдвинул собственную программу действий. Он предложил набрать армию и побудить курфюрста Саксонского к тому, чтобы вместе выразить протест императору Маттиасу. Протестанты Германии таким образом продемонстрируют свое единство и готовность, в случае крайней необходимости, применить силу. Когда император это поймет, полагал Фридрих, то не надо будет и прибегать к оружию. Протестантизм в Богемии получит гарантии, и будут пресечены любые попытки нарушить единство протестантов в самой Германии.

Плану Фридриха был присущ оптимизм молодости. Возможно, Ангальт указывал на неосуществимость его замысла ввиду враждебного отношения Саксонии к кальвинистам. Но одно дело — критиковать мирную программу Фридриха, другое — убедить его в том, что единственной альтернативой остается обретение богемской короны. Для Ангальта было проще простого использовать в этих целях примитивный проект Фридриха. Прикрываясь доверием курфюрста, он мог соответствующим образом инструктировать послов и держать Фридриха в полном неведении о том, что творится за его спиной[1].

После собрания унии в Ротенбурге скрытничать более не имело смысла. Даже Фридрих мог уловить, что подозрения князей не совсем уж безосновательны, и в ноябре 1618 года Ангальт решил посвятить в свои планы их главного исполнителя[2]. Человек с твердым характером мог бы еще поправить ситуацию, хотя Ангальт и зашел уже слишком далеко, но Фридрих не отличался силой духа и все еще пола-

[1] Weigel, *Franken, Kurpfalz und der Böhmische Aufstand*, I, pp. 192 ff. and 145 ff.

[2] Ibid., I, pp. 144—145.

гался на своего советника, пусть и в меньшей степени, чем прежде. Тем временем чехи отреагировали на постоянные намеки пфальцских послов, а Турн в частном порядке поинтересовался: уверены ли они в том, что их хозяин примет корону, если ему предложат ее?[1] Ангальт успел обратиться к принцу Оранскому за поддержкой в реализации своих планов и заручиться благосклонностью герцога Савойского, пообещав ему содействие в борьбе за трон императора[2]. А Фридрих меланхолично плыл по течению к неминуемой катастрофе, подгоняемый своим беззаботным канцлером.

В расстановке фигур на шахматной доске будущей общеевропейской войны Ангальту активно помогал союзник, чьи мотивы были еще более сомнительны. Эрнст фон Мансфельд, генерал, посланный на помощь чехам, был внебрачным сыном аристократа Петера фон Мансфельда, одно время служившего губернатором Люксембурга. Отец воспитывал его при своем дворе и грубо подавлял любые желания сына считать себя членом семьи, что породило в нем определенные эмоции, которые он сохранил на всю жизнь[3]. И по рождению, и по воспитанию он стал авантюристом, убежденным в том, что перед ним открыт весь мир, но открывать его можно только мечом.

Военное искусство того времени было вполне в его духе. С появлением артиллерии и особенно мушкетов феодальное войско, набиравшееся из необученных крестьян, стало практически непригодным[4]. Тактикой ведения боя могли владеть только профессиональные солдаты. Пехота теперь состояла из пикинеров и мушкетеров, которые должны были наступать, а пикинеры — их прикрывать. По мере усо-

---

[1] Gindely, *Geschichte*, I, p. 445.

[2] Lundorp, III, p. 608.

[3] Stieve, *Ernst von Mansfeld. Sitzungsberichte der philosophisch-philologisch – unde historischen Classe der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften*. 1890, p. 521.

[4] Феодальное войско состояло в основном из рыцарского конного ополчения. — *Примеч. ред.*

вершенствования мушкетов надобность в пикинерах понижалась, но в первой четверти XVII века численность тех и других в пехотном полку была примерно равной. Для эффективного владения оружием требовались продолжительные тренировки. Важнейшую роль, по крайней мере в атаке, играла кавалерия, составлявшая примерно треть обычной армии. Конники были вооружены и копьями, и пистолями, и в кавалерии процесс замены копий огнестрельным оружием происходил быстрее, чем в пехоте. В решающем сражении плохо подготовленная конница была не только бесполезна, но и опасна, а адекватно обученные и натренированные кавалеристы своей маневренностью и быстротой натиска могли обеспечить успех всей армии[1]. Пока еще ни в одном государстве не существовало системы поддержания национальной армии на основе призыва и обучения. Когда дело доходило до войны, мудрые правительства сразу же приглашали профессиональных генералов.

Эти профессионалы обычно располагали экспертами, поднаторевшими в наборе рекрутов и их обучении. Армии формировались из людей любых национальностей и вероисповеданий, и, как правило, в них попадали отбросы общества или жители перенаселенных городов и районов, оставшиеся не у дел. В Швейцарии и Северной Италии, где земля не могла всех прокормить, никогда не было проблем с наемниками, иначе дело обстояло в германских государствах. Сражаясь, наемный солдат проявлял преданность не сюзерену, а определенному знамени. Клятва верности давалась не вождю, государству или королю, а знамени, и если знамя захватывал неприятель, то воин имел право последовать за ним[2]. И даже верность флагу была необязательной: нередко те, кто попадал в плен, переходили на сторону врага независимо от того, где в это время развевалось боевое знамя. Кроме того, солдат служил по контракту, и, когда

[1] Delbrück, pp. 171 ff.

[2] Klopp, III, i, p. 228.

обусловленный срок контракта истекал, он вполне мог переметнуться в другую армию. И солдаты, и офицеры без малейших угрызений совести переходили из войска в войско и любили, вечерами сидя у костра, обсуждать их достоинства и недостатки. Император за службу платил хорошо, хотя она и считалась тяжелой. Польский король платил еще больше, но отказывался кормить армию зимой. Правительница Нидерландов тоже выдавала приличное жалованье, правда, ее «календарный» месяц состоял из шести или восьми недель. Однако она привлекала на «службу штатам»[1] одним немаловажным обстоятельством: «Ежели кто-то лишится конечности или станет недееспособным, то он всю жизнь будет получать то же жалованье, которое ему выдавалось до увечья»[2].

Генералы свыклись с тем, что их армии за зиму или из-за непривычно некомфортных условий постоя сокращались почти вдвое. Теоретически за дезертирство полагалась смертная казнь, но поскольку многие весной возвращались в строй, предвкушая поживу, то мудрые офицеры не задавали ненужных вопросов по поводу причин их отсутствия.

Мансфельд обладал несомненными организаторскими способностями. Он был плохой тактик, но умел наилучшим образом употребить деньги своих заказчиков на рекрутирование и расквартирование войск. Он мог набрать армию в рекордные сроки и содержать ее при разумных издержках, приемлемых по крайней мере для работодателей. Расходы крестьян, у которых стояли войска, Мансфельда, конечно, не волновали.

Поскольку набирать новую армию намного дороже, чем содержать старую, генералы-наемники обыкновенно начинали подыскивать занятия для своих людей сразу же, как только заканчивалась война. В этом смысле восстание в Богемии было для Мансфельда манной небесной: в 1618 году

[1] Соединенные провинции.

[2] *The Diary of Thomas Crosfield*, ed. F. S. Boas for the Royal Society of Literature. London, 1935, p. 67.

перед ним стояла проблема роспуска своей армии. В принципе Мансфельд был менее опасным авантюристом, чем другие вояки, которые впоследствии тоже примут участие в противоборстве. Он оказался не таким уж амбициозным. Он хотел лишь добиться общественного признания и заиметь на старость небольшое княжество. Мансфельд не будет церемониться в достижении своих целей: он обладал добродетелями, но все они относились к числу воинских. Отвага, стойкость, самодисциплина никак не дополнялись какими-либо гражданскими качествами; ему не была присуща обыкновенная человеческая честность в такой же мере, как и трусость. Деньги курфюрста Пфальцского, амбиции герцога Савойского, восстание в Богемии и даже война, которая скоро охватит Германию, — все это были для него лишь случайные детали в процессе исполнения желаний. На склонах и скатах европейской политики он видел только пути, по которым ему предстоит пройти в достижении своей цели.

Зимой после завоевания Пильзена Мансфельд оставил войско на квартирах, а сам отправился путешествовать. После Гейдельберга он приехал в Турин, где его принял более обыкновенного радостный герцог Савойский. В феврале 1619 года герцогу удалось договориться о женитьбе своего сына и наследника на сестре короля Франции. Восприняв это как знак того, что французское правительство готовится напасть на Испанию, герцог выразил пожелание стать императором и королем Богемии: в таком случае он одарит курфюрста Пфальца Венгрией и Эльзасом[1]. Мансфельда больше интересовала выдача жалованья армии, а не раздел Европы, и для их примирения потребовалась дипломатия Ангальта, прибывшего в марте из Гейдельберга. Мансфельда отослали обратно в Богемию, пообещав дальнейшую поддержку. Через полтора месяца дипломатических переговоров герцог Савойский согласился на альянс, заключенный по схеме Ангальта. Карл Эммануил, конечно, получит импе-

[1] Lundorp, III, pp. 619, 632 f.

рию и, вероятно, Богемию, если сейчас поддержит курфюрста Пфальцского[1].

Энтузиазм герцога Савойского, похоже, передался Ангальту, не понимавшему, насколько слабы его позиции. Натолкнувшись на несговорчивость унии, он решил обратиться к королю Великобритании. Когда его посол явился к Якову I Стюарту, монарх дал ясно понять, что не желает иметь никаких дел с Богемией, говорил с ним на шотландском языке и процитировал, сознательно слегка исказив, три строчки из «Энеиды» Вергилия:

> *O praestans animi juvenis, quantum ipse feroci*
> *Virtute exsuperas, tanto me impensius aequum est*
> *Prospicere, atque omnes volventem expendere casus*[2]».

Пока Ангальт создавал воображаемый международный альянс, эрцгерцог Фердинанд пытался скрепить хлипкую солидарность внутри династии. Король Испании и правители Нидерландов с готовностью согласились помочь исходя из того, что поставить на колени Богемию не составит большого труда. Несколько смутило их вмешательство Мансфельда. Весной 1618 года повстанцы обрели силу не только в Богемии, зашаталась приверженность Габсбургам в Моравии, Венгрии, Лусатии и Австрии[3]. Присоединилась к восставшим Силезия. В Германии ходили слухи, будто Максимилиан Баварский может претендовать на имперскую корону. В Брюсселе разуверившиеся кузены Фердинанда задумались над тем, а не лучше ли пожертвовать им, поскольку

---

[1] Lundorp, III, pp. 632 ff.

[2] Voigt, pp. 127—128. Ниже приводится соответствующий фрагмент из поэмы в переводе с латинского языка С. Ошерова (Вергилий. Энеида. Библиотека всемирной литературы. М.: Издательство «Художественная литература», 1971, том 6, с. 150): «О юноши, тщетно пылают храбростью ваши сердца! Вы готовы идти, не колеблясь, с тем, кто решился на все, — но исход вам известен заранее!» — *Примеч. пер.*

[3] Lundorp, I, pp. 559—572, *passim*.

поддержка будет стоить очень дорого и вообще может оказаться бессмысленной. Какой резон в том, чтобы отстаивать деятеля, чья слабость поставит под угрозу престиж династии и чьи шансы на императорскую корону невелики?

Все это время Максимилиан Баварский и Иоганн Георг Саксонский старались разрешить чешскую проблему до кончины императора Маттиаса. Если избрание его преемника произойдет в ходе восстания, то сторонники курфюрста Пфальцского могут захватить голос Богемии. Иоганн Георг и Максимилиан предложили повстанцам представить их требования на суд князей[1]. Иоганн Георг настоятельно рекомендовал им направить депутатов на генеральную встречу в Эгере в апреле 1619 года. Его труды оказались напрасными. Внезапно оборвалась последняя нить, удерживавшая германское хрупкое единство.

В девять утра 20 марта 1619 года отошел в мир иной император Маттиас.

3

В Богемии сразу же активизировались экстремисты. Запланированное собрание в Эгере отменили, все усилия были направлены на то, чтобы нарастить армию[2], наполнить казну и вовлечь в восстание Моравию и Лусатию. У правоверных католиков, многие из которых уже бежали, были отобраны все земли[3]. Аббат в Браунау едва не лишился жизни[4]. Турн опасался, что страну охватит хаос. По границам с Моравией и Австрией деревни опустошались, и крестьяне негодовали на правительство, отнимавшее у них добро и сыновей. Армия Турна, набранная принудительно, была совершенно непрофессиональной, солдаты болели, голодали, им

[1] Lundorp, I, pp. 496—497, 503—508, 535—537, 575—576.

[2] Ibid., I, p. 643 f.

[3] Gindely, *Geschichte*, I, p. 476.

[4] Svoboda, p. 414.

мало платили, и они были готовы в любой момент взбунтоваться. Выражали недовольство горожане — и бедные и богатые: их заставляли подписываться на займы, чеканка фальшивых монет губила торговлю. Прагу наводнили голодные и возбужденные беженцы[1].

27 марта Фердинанд предложил повстанцам прощение, помилование и гарантию всех свобод, если они перестанут своевольничать. Чешские сословия, не доверяя ему, не приняли его милости[2]. Через несколько недель восстала Моравия. Началось брожение в других вотчинах Габсбургов. Открыто поносили Фердинанда протестанты Верхней и Нижней Австрии. На грани восстания были Каринтия, Крайна, даже Штирия[3].

Еще хуже дела обстояли в Европе. Переменчивое правительство Франции передумало оказывать помощь[4]. Отвернулись от Фердинанда и в Брюсселе, решив продвигать на трон императора эрцгерцога Альбрехта[5]. Он был стар, но лучше управлял провинциями, нежели эта «иезуитская душа»[6], претендующая на трон империи, своими подданными.

Тем временем армия Турна, воодушевленная весной и надеждами на восстание в Австрии, очистила от союзников Фердинанда Моравию и двинулась на Вену. Фердинанд созвал собрание сословий Нижней Австрии. Протестанты потребовали от него изгнать иезуитов, открыть церковь в Вене, гарантировать им автономию в Австрии и немедленно прекратить войну против чехов[7]. Собрание все еще проходило, когда у стен города появился Турн со своим войском.

Помогли Фердинанду и недостаток впечатлительности, и несгибаемая вера в Провидение. Все лето, несмотря на

---

[1] Gindely, *Geschichte*, I, p. 472; *Letters and Documents*, I, p. 198.

[2] Lünig, VI, ii, p. 947 ff.

[3] *Letters and Documents*, I, p. 88; Lundorp, I, pp. 610 f.

[4] *La Nunziatura di Bentivoglio*, III, p. 379.

[5] Loc. cit.; Lonchay and Cuvelier, I, pp. 537 f.

[6] *Letters and Documents*, I, p. 107.

[7] Gindely, *Geschichte*, II, pp. 74 f.

пекло[1], усиливавшее неприятности от общей напряженной обстановки, он сохранял жизнерадостность. Не поколебали его хладнокровия ни шальные выстрелы по кабинету, ни слухи о восстании в Венгрии[2]. Когда духовник пришел, чтобы произнести успокоительные слова, он увидел его распростертым перед распятием. Поднявшись, Фердинанд, проявляя скорее не смирение, а решительность, заявил, что искал совета там, где только и мог его получить, и теперь готов, если надо, умереть за единственно правое дело. Один венский деятель впоследствии утверждал: наверняка он говорил с самим Спасителем, иначе не горел бы таким энтузиазмом[3].

Почти сразу же Фердинанд принял разозленную депутацию сейма, демонстрируя доброжелательность и твердость. У ворот стоял Турн, вот-вот взбунтуются венцы и впустят чехов; Фердинанд понимал, что гневный протест может моментально перейти в насилие, но тем не менее не пошел на уступки[4]. Неожиданно в переговоры вмешался стук копыт во дворе. Один из самых верных сторонников, младший брат Леопольд Тирольский, привел ему в помощь четыреста конников. Кавалеристы каким-то образом миновали дозоры Турна и теперь ждали команд во дворе. Они не собирались ни хватать делегатов, ни громить город — их было слишком мало для этого, — но одного их присутствия оказалось достаточно для того, чтобы делегаты сейма в смущении удалились, оставив Фердинанда хозяином положения[5]. Вера не подвела его.

Фортуна изменчива. Через четыре дня, 10 июня 1619 года, имперские войска отрезали у небольшой деревни Саб-

---

[1] Lammert, *Geschichte der Seuchen, Hunger und Kriegsnot*. Wiesbaden, 1890, p. 49.

[2] Hurter, *Ferdinand II*, VII, p. 553.

[3] *Annales*, XII, pp. 2386—2387.

[4] История о том, будто делегаты называли Фердинанда Нанделем и хватали за пуговицы камзола, сомнительна. Schmertosch, *Vertriebene und bedrängte Ptotestanten in Leipzig. Neues Archiv für Sächsische Geschichte*, XVI, p. 271.

[5] Gindely, *Geschichte*, II, pp. 76—80; Klopp, I pp. 353—354.

лат главные силы Мансфельда, продвигавшиеся к Будвейсу. Мансфельд сражался семь часов, посылая гонцов за подкреплениями, которые, как он думал, находятся поблизости, и с наступлением ночи отошел, оставив около полутора тысяч человек погибшими и пленными и лишившись почти всей поклажи[1]. Генерал, привыкший к превратностям войны, приготовился к новому броску на Будвейс, но жители Праги запаниковали, моральный дух и национального войска, и наемников был сломлен, и сейму пришлось отзывать Турна из Австрии. Два генерала теперь должны были защищать город, охваченный страхами и беспорядками.

В этот трудный час самым верным другом повстанцев оказался курфюрст Пфальцский. В день сражения под Саблатом он написал курфюрсту Саксонскому и настоятельно рекомендовал отложить выборы императора по крайней мере до той поры, пока не решится проблема Богемии[2]. Его план, правда, неофициальный, состоял в том, чтобы ввести во Франкфурт протестантские войска и не дать Фердинанду войти в город до завершения выборов[3]. В его замысле было всего три изъяна. Первый: противопоставить Фердинанду просто-напросто было некого, герцог Савойский не годился, а Максимилиан Баварский отказался. Второй: откладывать выборы не согласится Иоганн Георг Саксонский. И третий: из всех немцев Фридрих меньше всего обладал отвагой и решительностью для реализации столь дерзкого плана.

Битва при Саблате, принесшая католикам первую победу, имела свои последствия и за пределами Богемии. Крестоносцы оживились, и к Фердинанду хлынули те же люди, которые еще недавно покинули его. Во Франции религиозные верования молодого короля взяли верх над политическими соображениями, и он согласился способствовать избранию Фердинанда на трон императора, обещая оказывать

[1] *Theatrum Europaeum*, Frankfort, 1635, I, i, p. 153.

[2] Lundorp, I, pp. 657 ff.

[3] Gindely, *Geschichte*, II, pp. 148—149.

давление на курфюрста Трира[1]. О своей поддержке Фердинанда в чешском конфликте заявила Католическая лига в Германии во главе с Максимилианом Баварским[2].

К концу июля курфюрсты или их представители собрались во Франкфурте на коллегию. Город был наполнен слухами, Фердинанд едва не попал в засаду, робко устроенную курфюрстом Пфальцским, а на кавалькаду его слуг напали горожане, опасавшиеся, что он застращает участников коллегии. Дипломатичный курфюрст Кёльна организовал для Фердинанда выезд на охоту до начала собрания, дабы поднять ему настроение[3].

31 июля 1619 года Лусатия, Силезия и Моравия подписали с Богемией соглашение о создании конфедерации, имея целью сохранить национальное единство и протестантскую веру[4]. Сидя под солнцем наверху башни в Амберге, курфюрст Фридрих составил жене неоправданно восторженное послание. «Они приняли мои условия, — писал он, — и это вряд ли понравится Фердинанду»[5]. Его сомнения, конечно, развеял Ангальт, он снова чувствовал себя спокойно и уверенно.

Кроме конфедерации, у Фердинанда появились еще более серьезные неприятности. На окраине его земель взялся за оружие еще один враг. Маленькое княжество Трансильвания у северо-восточной границы Венгрии служило Габсбургам бастионом против турок. Его предводители теоретически являлись вассалами венгерской короны, но пользовались независимостью: они были слишком важны, чтобы относиться к ним как к подданным. Гавриил Бетлен, или, как его

[1] *Relazioni dagli Ambasciatori, Francia*, II, p. 134; *La Nunziatura di Bentivoglio*, pp. 405—406.

[2] Lünig, VII, iv, pp. 286—287.

[3] *Annales*, IX, p. 414.

[4] Stanka, 74 f.

[5] Aretin, *Beiträge zur Geschichte und Literatur, VII. Sammlung noch ungedruckter Briefe des Churfürsten Friedrich V von der Pfalz*. Munich, 1806, p. 148.

обычно называли, Бетлен Габор, был князем Трансильвании с 1613 года. Его восхождение на трон окружено легендами о коварстве, интригах и даже убийстве. Он правил подопечными жестко, подавляя инакомыслие почти ежегодными военными походами. Превосходный воин и хитрый дипломат, Габор менял союзников и противников в зависимости от ситуации: в их числе побывали и турки, и поляки, и император. Он был истым кальвинистом, и трагическое положение протестантов в Богемии дало ему повод для летней военной кампании 1619 года. Пока Фердинанд ехал во Франкфурт, низкорослый смуглый разбойник со своим войском вторгся в Венгрию. Наполовину протестантская Венгрия мгновенно восстала против ига отсутствующего Фердинанда. Не прошло много времени, как Турн вступил в контакт с новым другом, и 20 августа 1619 года они заключили наступательно-оборонительный союз.

За день до этого конфедеративные государства Богемия, Лусатия, Силезия и Моравия объявили недействительным избрание Фердинанда и отказались признавать его своим королем[1]. Одним из первых узнал потрясающую новость курфюрст Пфальцский. Он подозрительно не поехал во Франкфурт, оставаясь в Верхнем Пфальце неподалеку от чешской границы. Трехнедельное душевное состояние успокоения испарилось, и он ворчливо писал жене, что повстанцы свергли Фердинанда и ему теперь надо думать над тем, как поступить[2]. Поздно курфюрст заколебался: Ангальт все уже решил.

26 августа чехи наконец собрались для того, чтобы избрать нового короля. Из пяти кандидатов сколько-нибудь серьезно могли рассматриваться только два. Граф Шлик, стремившийся избавить соотечественников от излишней опасности, настаивал на избрании Иоганна Георга Саксонского. Курфюрст сторонился повстанцев, но могли оказаться полезными его

[1] Lünig, VI, i, pp. 167 f; Lundorp, I, pp. 675 f.

[2] Aretin, *Beiträge*, VII, p. 148.

авторитет и мудрость: в случае необходимости он мог найти общий язык с Фердинандом. Избрание Фридриха почти наверняка означало войну и погибель — не для Фердинанда, а для Богемии. Советам Шлика вновь не вняли, Бетлен Габор уже был в пути, Фердинанд находился во Франкфурте, и верх взяли экстремисты. Королем избрали Фридриха большинством голосов — сто сорок шесть против семи[1].

Через два дня в обстановке мрачных предчувствий и предсказаний во Франкфурте начались выборы императора. До Майна еще не дошли вести из Богемии, но пчелы роились перед ратушей, и это, как считали в народе, было дурным предзнаменованием[2]. Когда Фердинанд занял место среди курфюрстов как король Богемии, шумно запротестовала группа бунтовщиков, и их пришлось утихомирить, прежде чем приступить к делу[3]. На нем была наспех сделанная диадема, корона находилась в руках повстанцев.

Трое католических курфюрстов без колебаний проголосовали за Фердинанда, то же самое сделал представитель курфюрста Саксонского. У него не было другого выхода. Хозяин послал его во Франкфурт с таким напутствием: «Ничего путного из этого не выйдет. Я знаю Фердинанда». Однако он так и не сказал, за кого надо голосовать. Говорят, будто курфюрст тогда был пьян, но он мог поступить точно так же и будучи трезвым. Представитель курфюрста Бранденбургского последовал примеру соседа. Затем долго и нудно говорил депутат курфюрста Пфальцского, получивший указания ни в коем случае не голосовать за Фердинанда. Расчихвостив всех других кандидатов, он отдал свой голос герцогу Баварскому[4]. Архиепископ Майнца тактично напомнил, что герцог Баварский согласился поддержать Фердинанда. Депутату Пфальца ничего не оставалось, как

[1] Gindely, *Geschichte*, pp. 227—228.

[2] *Letters and Documents*, I, p. 199.

[3] d'Elvert, *Beiträge zur Geschichte des dreissigjährigen Krieges in Mähren*, Brünn, 1867, I, p. 45; Lundorp, I, pp. 657 ff.

[4] *Letters and Documents*, II, p. 31

отменить предыдущее голосование и проголосовать за Фердинанда.

Тяжеленный свод конституционных прав, которые теперь должен был защищать новый император, был вручен Фердинанду, и он, полистав его небрежно, поднялся, чтобы принести клятву, с таким видом, будто он идет не присягать, а танцевать[1]. За стенами ратуши собралась огромная толпа, чтобы приветствовать императора, когда он выйдет на балкон, но именно в этот момент появились слухи из Праги. Толпа передавала их из уст в уста: Фердинанд низложен в Богемии[2]. Над взбудораженными людьми внезапно распахнулись высокие окна, и на балкон ступил сам Фердинанд, низложенный король Богемии и только что избранный и приведенный к присяге император Священной Римской империи германской нации.

4

Выборы в Богемии и во Франкфурте создали для курфюрста Фридриха непредвиденную проблему. Его голос был отдан за Фердинанда, и почти одновременно ему предложили принять корону, насильственно отнятую у того же Фердинанда. Подобно сопернику он предался молитвам, но его молитвы остались без ответа, повергнув его в отчаяние и слезы[3].

Фридрих укрылся в Гейдельберге, чтобы поразмыслить и обсудить все с советниками и князьями унии. При его дворе почти все были против того, чтобы соглашаться на богемский трон. Даже мать, дочь Вильгельма Молчаливого, умоляла его не ехать в Богемию. Для него составили перечень доводов «за» и «против», и минусов оказалось четырнадцать, а плюсов всего шесть[4]. Правда, его духовник узрел Божий

[1] Moser, *Patriotisches Archiv*, Frankfort, 1781, VII, p 45.

[2] Hurter, *Ferdinand II*, VIII, p. 50.

[3] Gindely, *Geschichte*, II, p. 230.

[4] Moser, *Patriotisches Archiv*, VII, p. 109.

перст в решении чехов, и он убеждал Фридриха согласиться[1]. Молодая супруга Елизавета на публике занимала нейтральную позицию, однако ей же приписывают ставшее легендарным заявление о том, что она предпочла бы есть кислую капусту с королем, а не ростбиф с курфюрстом. Как бы то ни было, в письмах она откровенно выражала пожелание, чтобы Фридрих принял богемскую корону[2], и вряд ли эта тема игнорировалась в супружеской спальне. Ее презрительное отношение к Фердинанду было хорошо известно. «Он видит одним глазом, и то плохо, — писала она довольно легкомысленно. — Боюсь, что он запаршивеет. Ведь у него нет денег, чтобы купить новые одеяния»[3].

12 сентября в Ротенбурге состоялось собрание унии, на котором депутаты за редким исключением рекомендовали Фридриху не встревать в дела Богемии. Ангальт и его сторонники, естественно, придерживались иного мнения. Герцог Савойский, рассерженный тем, что ему не досталась ни та ни другая корона, пригрозил отказать в помощи, венецианцы уклонились от того, чтобы участвовать в таком безумии[4]. Принц Оранский подбадривал Фридриха, но недавняя революция, начавшаяся в Соединенных провинциях, временно изгнавшая противников дома Оранских и сделавшая Морица фактическим диктатором, еще не завершилась, и правительство не чувствовало в себе силу. Король Великобритании с первых дней восстания не переставая ругал зятя. Неугомонный Бетлен Габор слал из Венгрии благословляющие послания, но вряд ли стоило полагаться на столь ненадежного союзника.

И все-таки Фридрих должен был принимать решение исходя не из политических, а из моральных соображений. Князья в XVII веке воспитывались именно в таком духе, и

---

[1] Haeberlin, *Neueste Teutsche Reichsgeschichte*. Halle, 1774—1804, XXIV, pp. 376—377.

[2] *Letters and Documents*, II, p. 2.

[3] Ibid., II, p. 1.

[4] Ibid., I, p. 110.

Фридрих доверил судьбу Богемии суду своей совести. Он не был уверен ни в нравственной правоте поддержки повстанцев[1], ни в священности долга перед императором. С одной стороны, он был германским князем, с другой — его действия уже спровоцировали скороспелые надежды чехов. Если он покинет Фердинанда, то всегда сможет сослаться на то, что поссорился не с императором, а с низложенным королем провинции, находящейся вне имперского контроля. Если же он бросит Богемию, то предаст людей, доверившихся ему. В одном случае он проявит обыкновенное политическое ловкачество, в другом — совершит моральный проступок. 28 сентября 1619 года Фридрих тайно передал повстанцам, что согласен принять корону. Что бы потом ни говорили недоброжелатели, вряд ли можно сомневаться в искренности признания Фридриха, выраженного в письме дяде, герцогу Буйонскому: «Это было веление свыше, и я не мог не подчиниться ему... Мое предназначение служить Господу и Его церкви»[2].

В своих расчетах Фридрих не учел позицию одного влиятельного князя. Со времени начала восстания его сородич Максимилиан Баварский прилагал усилия к тому, чтобы мирно урегулировать конфликт, и согласие Фридриха нарушило его планы. Фридрих помешал ему и в осуществлении другого замысла: создать коалицию католических и протестантских князей, унии и лиги[3], для защиты германской конституции. Вполне естественно, что Максимилиан затаил зло на Фридриха, но не только озлобление привело его в стан врагов курфюрста Пфальцского. Как католик, он не хотел, чтобы в Богемии был протестантский король. Как германский князь, он не мог допустить, чтобы Фридриху нанесли поражение войска, присланные из Испании и Фландрии. Он видел только один путь решения проблемы: поддержать

[1] Gindely, *Geschichte*, I, p. 447.

[2] *Ambassade extraordinaire de Messieurs les Duc d'Angoulême, Comte de Béthune... en l'année MDCXX*, ed. H. de Béthune. Paris, 1667, p. 95.

[3] Ibid., pp. 67—68.

Фердинанда и восстановить его на троне силами Католической лиги. В таком случае ему удастся и сохранить церковь в Богемии, и привязать Фердинанда узами благодарности к католическим князьям Германии.

Хорошо, если бы Максимилиан на этом и остановился. Однако стареющий и бездетный князь замыслил нечто большее, поддаваясь личным и династическим амбициям и зависти к красивому кузену, обладавшему прелестной, юной и энергичной женой. Как глава Католической лиги и имеющий в распоряжении одну из лучших профессиональных армий в Европе, он мог очень дорого продать свое союзничество. 8 октября 1619 года Максимилиан подписал с Фердинандом соглашение, по которому ему давалось право осуществлять любые действия в Богемии и относить расходы на счет завоеванных территорий[1]. Мало того, секретной статьей было предусмотрено, что после поражения Фридриха к нему перейдет титул курфюрста.

Пагубный альянс практически оформился, когда Фридрих выезжал из Гейдельберга среди горестного плача провожающих. «Он увозит с собой в Богемию пфальцграфство», — причитала мать. Но отъезд Фридриха означал гораздо больше. Истекал срок перемирия между Испанией и Соединенными провинциями, а человек, на которого голландцы возлагали защиту Рейна, оставлял свой пост, отправляясь в погоню за призраками в Богемию и пренебрегая угрозами, исходящими из Испании. Вождь протестантов империи, обязанный отстаивать конституционные права и религиозные свободы, выступил в поддержку национального восстания в Богемии. Германский князь взялся возглавить славянский мятеж. Когда Фридрих под моросящим октябрьским дождем[2] выезжал из Гейдельберга, он рисковал не только будущим пфальцграфства. Он ставил на карту судьбу Германии и мира в Европе.

---

[1] Lünig, V, i, pp. 691 ff.

[2] John Harrison, *A Short Relation of the Departure of the Most High and Mighty Prince Frederick*. Dort, 1619.

Глава третья

КОРОЛЬ НА ОДНУ ЗИМУ (1619—1621)

Пусть они там в Богемии дерутся сколько хотят, а мы здесь для них останемся хорошими соседями.

Курфюрст Трира

1

Если в истории и можно выделить какой-то человеческий поступок, оказавший решающее влияние на дальнейшее развитие событий, то именно таким актом было решение курфюрста Фридриха принять корону Богемии. Он взбудоражил всю европейскую дипломатию и объединил интересы протестантов Германии и европейских противников династии Габсбургов. Как курфюрст Пфальца Фридрих уже служил сдерживающей силой в отношениях между мятежными голландцами и агрессивной Испанией. В качестве богемского короля он стал бы защитником княжеских свобод от имперских посягательств. Если бы ему удалось успешно исполнять обе роли, то курфюрст превратил бы свои земли в барьер против агрессии Габсбургов от Рейна до Одера. Франция, Соединенные провинции, Дания, Швеция, Англия и германские князья должны были проникнуться важностью момента и начать действовать. Согласно планам Ангальта, время для этого наступило.

Ангальт знал, что делал. Знал это и его соратник из Ансбаха, заявлявший: «У нас есть все для того, чтобы потрясти мир». Понимали, как будут развиваться события, и венецианский агент в Вене, сообщавший, что за оружие возьмется вся Германия, и вожаки чешского восстания, ожидавшие

действий европейских князей, и имперские советники, опасавшиеся вмешательства Франции, и герцог Буйонский, настаивавший на вмешательстве французов[1]. Но все они допускали одну ошибку: не учитывали человеческий фактор. В истории Европы редко случалось, чтобы никчемность одного человека играла определяющую роль в развитии целого периода. Фридрих не был лидером, он был настолько инфантилен, что не смог бы стать личностью, если бы даже из него и пытались ее сотворить. То, что человек выше обстоятельств, сказано, конечно, не о нем. Противники Габсбургов в принципе должны были поддержать его, но, не доверяя ему, колебались вплоть до той поры, когда Фридрих пал, потеряв и Богемию и Пфальц, и потратили не одно десятилетие на то, чтобы залатать дыры, наделанные распрями.

Личная трагедия Фридриха усугублялась еще и тем, что его ввели в заблуждение обманчиво благоприятные первоначальные внешние обстоятельства. Когда молодежная кавалькада курфюрста направлялась к границе Богемии, Фердинанд уже уехал из Франкфурта в Грац, уединенное владение в горах Штирии, где от неизлечимой болезни медленно умирал его старший сын. Вновь поползли всякого рода злостные слухи, стихшие на время императорских выборов. Говорили, будто изменники затаились и в имперском совете[2]. Неспокойно было в Штирии, протестанты Австрии и Венгрии вступили в альянс с чехами[3]. Бетлен Габор, объединившись с ними, уже взял Пресбург и теснил расхлябанные и плохо оплачиваемые войска Фердинанда по Дунаю. Оборона была никудышной, и еще до завершения осени он без особых помех подходил к Вене, опустошая все на своем пути. Только Всевышний может теперь спасти Австрийский двор, сообщал венецианский агент[4].

[1] Lundorp, III, p. 616; Höfler, p. 391; Béthune, pp. 97 f.

[2] Höfler, p. 393.

[3] Lünig, VI, ii, pp. 150 f.

[4] Höfler, p. 391.

За пределами империи обстановка складывалась тоже не в пользу Фердинанда. Признали Фридриха королем Соединенные провинции, Дания[1], Швеция и Венецианская республика. Предложил помощь герцог Буйонский, а из Давоса, с гор Граубюндена в Швейцарии обещали не пропускать через Вальтеллину испанские войска. Даже польский король, зять и союзник Фердинанда, под давлением сейма не решался трогать Силезию[2].

Тем временем Вена, переполненная беженцами и пораженная чумой, в страхе ожидала пришествия голода и Бетлена Габора. Фердинанд покинул умирающего сына и помчался в столицу, надеясь, что его присутствие вдохновит жителей города. Засуха, сменившаяся проливными дождями и ураганами, погубила урожай, а жара, наступившая в конце лета, принесла в долины Австрии чуму[3]. По всей дороге Фердинанда встречали толпы изможденных беженцев — крестьян-католиков, уходивших из Богемии, Венгрии, Верхней Австрии, монахов и монахинь, покинувших свои разоренные монастыри и падавших перед ним на колени и протягивавших к нему руки. Когда он въезжал в город, Бетлен Габор практически стоял у ворот, предоставив всю восточную часть страны на разграбление своим ордам[4].

Фердинанд вернулся в столицу, чтобы воодушевить подданных, а Фридриха в это время восторженно приветствовали в Праге. Первое впечатление было самым благостным. Этому способствовали многие факторы: чистосердечное обещание гарантировать чешскую конституцию[5], неуемная активность Ангальта, надежды на сильных союзников и не в последнюю очередь необыкновенная красота юной королевы, к тому же беременной. Елизавета специально поехала с

---

[1] Bruchmann, *Archivalia inedita zur Geschichte des Winterkönigs*. Breslau, 1909, p. 10.

[2] Höfler, p. 394; Lundorp, I, p. 850.

[3] Lammert, p. 50.

[4] *Annales*, IX, p. 414; Gindely, *Geschichte*, II, p. 286.

[5] Lünig, VI, ii, p. 179.

мужем, чтобы осчастливить новых подданных наследником. Кроме того, Прага, всегда отличавшаяся веселым нравом, была просто рада возможности попраздновать, несмотря на то что страна была разорена, а все улицы и площади города запрудили беженцы[1].

Очень скоро новый король поймет, что у него нет денег на содержание армии. Пока же их хватало на то, чтобы украсить город в голубые и серебряные цвета, одеть почетный караул в наряды времен Жижки, наполнить фонтаны красными и белыми винами и разбрасывать налево и направо серебряные монеты, отчеканенные с надписью «Господь и сословия дали мне корону». Парадный въезд в город, торжественная коронация отдельно короля и королевы, необузданное веселье горожан, обрадовавшихся возвращению королевского двора, вселили в новоиспеченного монарха неоправданно радужные ожидания. Фридрих настолько возбудился от восторженного приема, что едва не заставил город звонить во все колокола, когда ранним утром 18 декабря его красавица супруга родила сына[2].

Фердинанда же продолжали преследовать несчастья. В то самое время, когда в Праге готовились крестить Руперта, герцога Лусатии — так Фридрих назвал новорожденного сына, — в канун Рождества в Граце умер наследник Фердинанда.

Оптимистические ожидания Фридриха тем не менее тоже не оправдывались. Проходили не недели, а уже месяцы, но единого фронта протестантских государств так и не появлялось.

Князья унии после долгих обсуждений согласились признать суверенность Фридриха, однако никак не демонстрировали готовность оказывать ему помощь. Германские города в первом порыве энтузиазма предложили дать денег[3], но на этом все и закончилось. В этом смысле показательно за-

[1] Lundorp, I, pp. 717, 722.

[2] Ibid., I, pp. 724 ff., 926; d'Elvert, I, pp. 62 f.

[3] Lundorp, I, p. 727.

явление курфюрста Трира, вошедшее в историю: «Пусть они там в Богемии дерутся сколько хотят, а мы здесь для них останемся хорошими соседями»[1]. Что касается князей Рейна, то его оценка была совершенно правильной.

Несколько иначе повели себя в Саксонии. Несмотря на несогласие с повстанцами, Иоганн Георг все-таки рассчитывал на то, что они изберут его королем Богемии. Он не осознавал степень влияния в Праге «партии» Пфальца. Если бы корону ему предложили, то он бы, конечно, ее не принял, но у него появилась бы возможность утвердиться в роли защитника протестантов Богемии и диктовать Фердинанду условия урегулирования конфликта. Теперь его планы рухнули, и курфюрст Саксонский столкнулся с потенциальной угрозой наращивания могущества курфюрста Пфальцского.

На месте Иоганна Георга только самый бескорыстный политик мог с полным хладнокровием отнестись к возвышению в Богемии коллеги-курфюрста. В случае успеха Фридрих станет самым могущественным князем в Германии. Он будет иметь два голоса на выборах и контролировать верховья Эльбы и Одера, а также среднюю часть Рейна. Помимо всего прочего сестра Фридриха вышла замуж за представителя семейства Гогенцоллернов, к которому Иоганн Георг относился со всей подозрительностью. До выборов в Богемии он видел себя арбитром империи. Теперь он оказался зажатым между двумя растущими силами: Бранденбургом на севере и королем Богемии на юге[2]. Тревоги Иоганна Георга подогревал дворцовый священник, раздражительный и злобствующий Хёэ, недовольный тем, что чешское правительство предало лютеранскую веру ради кальвиниста-антихриста. Он даже выступил в защиту низложенного Фердинанда, пообещав ему: «Всевышний пока-

[1] Béthune, p. 143.

[2] J. G. Droysen, *Geschichte der Preussischen Politik*. Berlin, 1885—1886; Theil, III, pp. 23—24.

рает надменных врагов вашего императорского величества, низвергнет и устыдит»[1].

Ангальт сделал еще одну попытку склонить на свою сторону курфюрста Саксонского. По его совету Фридрих пригласил на встречу в Нюрнберге всех протестантских правителей Германии, рассчитывая на то, что в интересах сохранения мира на нее приедут даже самые несговорчивые князья. Ангальт не мог придумать ничего лучшего для демонстрации слабости Фридриха. Если не считать представителей унии, то на его призыв не откликнулся фактически ни один германский властитель. Не двинулся с места и Иоганн Георг Саксонский. Те же, кто явился на собрание, с большой неохотой согласились сохранить для Фридриха его земли на Рейне, пока он отсутствует, но наотрез отказались вмешиваться в дела Богемии. Агент Фердинанда вернулся в Вену со встречи с весьма обнадеживающими новостями[2].

Съезд в Нюрнберге показал не только слабость позиций Фридриха, но и разобщенность протестантских князей. И, напротив, собрание, созванное через четыре месяца в Мюльхаузене Фердинандом, продемонстрировало силу и сплоченность противной стороны. Фридрих считал, что, принимая чешскую корону, отбирает ее не у императора, а у австрийского эрцгерцога[3]. Его аргумент основывался на том, что Богемия находится вне пределов империи. Фридрих не нарушал мир в империи, а всего лишь вступал во внешний конфликт, и Фердинанд не мог употребить против него свою императорскую власть.

Эта и без того хлипкая аргументация лишилась всякого смысла после переговоров в Мюльхаузене. Здесь собрались представители Максимилиана Баварского, Католической лиги и курфюрста Иоганна Георга. И здесь Фердинанд смог заручиться единой поддержкой лютеран и католиков, пообещав не вмешиваться в религиозные дела светских епар-

[1] Schwabe, pp. 306, 315; Knapp, p. 15.

[2] Gindely, *Geschichte*, II, pp. 301 f.

[3] Lundorp, III, p. 678.

хий округа Верхней Саксонии. Взамен они объявили Богемию неотъемлемой частью империи. При таком раскладе получалось, что Фридрих действительно подорвал имперский мир и должен был понести наказание за нарушение закона. 30 апреля появился императорский указ, предписывавший ему до 1 июня выехать из Богемии. Неисполнение ультиматума равнозначно объявлению войны. С 1 июня 1620 года каждый правоверный немец имел право поднять на него руку как на злостного нарушителя мира, а Фердинанд как император, эрцгерцог Австрии и законный король Богемии мог применить любую силу против узурпатора[1].

2

Позиции Фридриха в Германии были шаткие, еще меньше поддержки он имел в Европе. Король Англии отметил восхождение на трон своего зятя уведомлением всех сюзеренов о том, что он не только не одобрял, но даже и ничего не знал о существовании таких планов[2]. Не поколебали упрямого монарха ни энтузиазм лондонцев, попытавшихся устроить праздничную иллюминацию в честь нового богемского короля[3], ни сбор средств на его поддержку, объявленный рьяными протестантами по всей стране[4]. «Его величество желают совместно с королем Франции употребить все силы на благо христианства и успокоения волнений, имеющих место в настоящее время в Германии», — разъяснял английский посол, к неудовольствию советников Фридриха[5]. Пренебрежение британского короля своим зятем охлаждало пыл друзей Фридриха. «Дела его не так уж хороши, — шеп-

[1] Lundorp, II, pp. 12 f.; Lünig, VI, i, pp. 321 f.

[2] Gardiner, *History of England*. London, 1883, III, p. 24.

[3] *Letters and Documents*, II, p. 23.

[4] *Calendar of State Papers. Domestic Series 1619—1623*. London, 1858, p. 132 and elsewhere.

[5] *Letters and Documents*, II, p. 189; Lundorp, I, p. 860.

тались в гостиных, — если тесть отказывается ему помогать»[1].

Король Дании хотел было, чтобы курфюрст Саксонский помог Фридриху[2], но сам увяз в торговом конфликте с Гамбургом и не мог поделиться ни временем, ни деньгами, ни людьми. Шведский король, поощряемый Фридрихом, внезапно нагрянул в Бранденбург и умыкнул старшую принцессу в жены, однако это не стало прелюдией к военной интервенции на стороне протестантов Германии. Поглощенный войной с Польшей, Густав II Адольф был больше заинтересован в помощи Фридриха.

Венецианцы неохотно согласились не пропускать какое-то время войска из Испании в Германию[3], но они опасались интриг Италии и к тому же потеряли интерес к восстанию, которое перестало казаться им перспективным. Герцог Савойский, обиженный тем, что Ангальт не дал ему, хотя и обещал, ни императорскую, ни чешскую корону[4], отказался субсидировать армию Мансфельда и разрешил пройти через свои владения контингенту испанских войск, направлявшемуся в Германию. Волнения в Трансильвании вынудили Бетлена Габора снять осаду Вены. Он дорого продал свое союзничество Фридриху, потребовав титулы, субсидии и вознаграждения за проявление верности. Знали бы чехи, что Бетлен в это же время договаривался и с Фердинандом![5] Вдобавок ко всем неприятностям неожиданное восстание в Граубюндене открыло Вальтеллину испанцам.

Оставался один самый стойкий союзник — Соединенные провинции. Они никак не могли предать Фридриха. Если Фридрих потерпит поражение, то они первыми и по-

[1] G. Groen van Prinsterer, *Archives de la Maison d'Orange-Nassau*. Leyden, The Hague, Utrecht, 1835 sq., II, ii, p. 572.

[2] Lundorp, II, p. 19.

[3] H. v. Zwiedineck-Südenhorst, *Die Politik der Republik Venedigs*. Stuttgart, 1882—1885, I, pp. 101—103.

[4] *Letters and Documents*, II, p. 31.

[5] Gindely, *Geschichte*, II, pp. 283 f.; III, p. 156.

страдают. Логично было допустить, что голландцы сохранят для него Пфальц. Из этого и исходил Ангальт, но, как всегда, просчитался. Стремясь подорвать могущество Габсбургов, голландцы с самого начала поддержали мятеж в Богемии[1], однако они вовсе не думали, что Фридрих покинет свой пост на Рейне, и, естественно, не ожидали ренегатства унии. Теперь же они были предоставлены сами себе и должны были одни защищать Рейн, если испанцы вдруг задумают вторгнуться в Пфальц. Голландцы не были готовы к тому, чтобы взять на себя такое бремя ответственности. Заключительная фаза борьбы двух религиозных группировок, разделившей страну, совпала с конфликтом между интересами центральной аристократической власти принца Морица и голландских провинций. Революция сделала Морица военным диктатором. Но его диктатура еще не окрепла, и ему требовалось время для того, чтобы до истечения срока перемирия с Испанией консолидировать свою власть. Он не мог позволить себе спровоцировать возобновление войны какими-либо неосторожными действиями на Рейне. Возможно, он и начал бы действовать, если бы имел поддержку английского короля и Протестантской унии, но только не в одиночку, даже ради спасения Рейнланда. Так и получилось, что Соединенные провинции выделили Фридриху ежемесячную субсидию в размере пятидесяти тысяч флоринов[2] и направили для усиления чешской армии небольшой контингент. Вряд ли это могло устроить Ангальта. Что касается Рейна, то Мориц разместил на правом берегу реки несколько отрядов, напротив земель епископа Кёльна[3]. Даже при самом богатом воображении это никак нельзя было расценить актом враждебности по отношению к Испании. Мориц сохранил то, что осталось после перемирия. Но удастся ли ему уберечь Пфальц?

---

[1] Lundorp, I, pp. 545—546.

[2] Höfler, p. 400.

[3] Gindely, *Die Berichte über die Schlacht auf dem Weissenberge bei Prag. Archiv für Oesterreichische Geschichte*, LVI. Vienna, 1878, pp. 23—24.

3

Решающее значение имело как действие, так и бездействие двух правителей в Европе: королей Франции и Испании. Вмешательство Филиппа III на стороне Фердинанда Ангальт считал неминуемым. В этом он не ошибался. Однако Ангальт полагал, что и Людовик XIII поддержит Фридриха, и в данном случае он снова принял желаемое за действительное.

Фридрих рассчитывал на помощь дяди, герцога Буйонского. Но герцог, давний противник королевской власти, заядлый и бесцеремонный интриган, не пользовался доверием молодого короля[1], правоверного католика, дорожащего престижем монархии и воспитанного в атмосфере подозрительности. Его фаворит, благолепный и пустой герцог Люинь, поднялся наверх только благодаря неприкрытой лести.

Герцог Буйонский слишком много болтал. Ранней весной 1619 года, еще до того, как в Богемии свергли Фердинанда, король Франции учредил новый рыцарский орден, и герцог ляпнул, что, пока Людовик XIII создает рыцарей во Франции, он, Буйонский, делает королей в Германии[2]. Его несдержанная похвальба подразумевала, что он причастен к событиям в Богемии. Это, конечно, было не так, но поскольку герцог развязал язык, то вряд ли он смог бы уговорить Людовика XIII поддержать Фридриха. Молодого монарха возмутило бы одно лишь предположение о том, что французский аристократ манипулирует иноземным королем.

В атмосфере дворцовых интриг и народного недовольства безопасность королевского двора обеспечивалась гонениями на протестантов. Сам Людовик XIII был истым католиком, и, узнав о выборах в Богемии, он сразу же заявил, что в интересах церкви не потерпит нового короля. Когда Фридрих направлял в Париж своих послов, Людовик XIII принимал их как посланников курфюрста.

---

[1] Richelieu, *Mémoires*, ed. Société de l'histoire de France, Paris, 1907, II, pp. 400—401.

[2] Bentivoglio, *Opere*, p. 668.

Нельзя забывать и о том, что жена Фридриха была прямой наследницей английского трона. В случае смерти неженатого и слабого здоровьем принца Уэльского новый король Богемии мог стать и королем Англии. Такая перспектива устраивала Людовика XIII еще меньше[1].

С другой стороны, если император или король Испании используют бунт Фридриха в качестве предлога для захвата Рейнского Пфальца, то последствия для Франции будут такими же неприятными, как и для Соединенных провинций. Надо было найти золотую середину, и с этой целью в начале лета 1620 года из Парижа в Германию отправилась посольская миссия.

В Ульме французские посланники встретили угрюмых князей Протестантской унии, стоявших с небольшой армией в полной нерешительности относительно дальнейших действий. На другом берегу реки разместились более многочисленные и лучше подготовленные силы Католической лиги Максимилиана Баварского, готовые идти на Богемию в соответствии с обещанием, данным Фердинанду. Ситуация сложилась напряженная. Никто из князей не желал вовлекаться в войну Фридриха, но все они опасались, что Максимилиан либо нападет, либо попытается пройти по их землям. И французы выступили с предложением: если уния даст гарантии того, что все земли католических князей не подвергнутся нападениям, не сможет ли и лига дать аналогичные гарантии в отношении нейтралитета протестантских государств? Максимилиан Баварский согласился с инициативой французов, приняли эти условия и князья унии, думавшие прежде всего о собственной безопасности и стремившиеся уйти от какой-либо ответственности. Таким образом, 3 июля был подписан Ульмский договор[2].

---

[1] Ponchartrain, *Mémoires*. Petitot, II, xvii, Paris, 1822, p. 297; *Nunziatura di Bentivoglio*, I, pp. 110—111, III, p. 504, IV, pp. 9, 153.

[2] Richelieu, *Mémoires*, III, pp. 112 f.; Lünig, V, i, p. 285; Béthune, pp. 144 f., 163 f.

Французская дипломатия исходила из двух предпосылок. Первый и совершенно правильный расчет заключался в том, что Фридрих не удержит Богемию. Второе предположение состояло в том, что уния, избавившаяся от угрозы со стороны лиги, защитит Рейн от нападения Испании. Ульмский договор должен был нейтрализовать негативные последствия поспешного решения Фридриха для германских свобод. Пусть он один страдает из-за своей глупости, и победа Габсбургов ограничится пределами Богемии. Такой подход мог казаться вполне здравым, если бы князья унии повели себя так, как планировали французы. Однако они воспользовались договором для оправдания своего полного бездействия. Французские посланники слишком поздно поняли, что их дипломатия лишь развязала руки врагам Фридриха, но не обеспечила безопасность Рейна[1].

Почти в то же время, когда подписывался договор в Ульме, правители Испанских Нидерландов сообщили королю Франции о том, что Спинола готовится идти в Пфальц. В Мадриде и Брюсселе не знали, как Людовик XIII отреагирует на эти вести, а добропорядочный католик не проявил никакого неудовольствия[2]. Его советники полагали, что уния отвратит опасность. Только потом они выяснили через своих эмиссаров, приехавших из Ульма в Вену, что весь императорский двор куплен испанскими взятками, самим императором завладел испанский посол, а их проект достижения в Богемии некоего компромисса лишь вежливо принят к сведению[3]. Уже поздно было выдвигать новые инициативы. Париж был занят интригами королевы-матери и восстанием гугенотов, и французское правительство, нечаянно разрушив последний барьер перед рвущимися в бой Габсбургами, отошло от европейских дел на следующие три года.

---

[1] Tapié, *Politique étrangère de la France au commencement de la Guerre de Trente Ans*, pp. 510 f., 624 f.

[2] *Nunziatura di Bentivoglio*, IV, pp. 295, 308.

[3] Béthune, pp. 225—231.

А Габсбурги постепенно наращивали поддержку низложенному Фердинанду. Подозрительный, осторожный и озабоченный бедностью и волнениями в собственной стране, испанский король Филипп III вначале проявлял колебания, сомневаясь в способности Фердинанда удержать Богемию, даже если ее и вернут ему. Он хотел приберечь силы для новой войны в Голландии[1]. В Нидерландах, которые были ближе к региону конфликта, эрцгерцог Альбрехт[2] и его советники понимали все гораздо яснее. После того как Фридрих захватил чешскую корону, они совершенно иначе стали относиться к проблеме Фердинанда: другого предлога для вторжения в Пфальц, этот опасный протестантский аванпост на Рейне, может и не появиться. Летаргия Филиппа III не должна помешать осуществлению стратегии Спинолы[3].

Амброзио Спинола, генуэзский дворянин и прирожденный вояка, приобрел известность в сражениях с Морицем Оранским в начале столетия. Политические карикатуристы изображали его в виде огромного паука, опутавшего паутиной всю протестантскую Европу[4]. В действительности он думал только лишь о войне с голландцами, мало спал, ел что попало, трудился по восемнадцать часов в день и значительную часть состояния потратил на армию[5]. Все одиннадцать лет после заключения перемирия с голландцами он готовился к тому, чтобы нанести им окончательное поражение. Европа его интересовала мало, ему был нужен Рейн. Прослышав о волнениях в Германии, Спинола попытался заиметь голос в военных замыслах лиги. Узнав об избрании Фридриха королем Богемии, он начал набирать войска в Испании, испанской Италии, Милане, Нидерландах и Эльзасе[6]. Тремя годами раньше, в 1617-м, Фердинанд купил испанскую под-

[1] Gindely, *Geschichte*, II, p. 406.

[2] Наместник испанского короля в Нидерландах. — *Примеч. пер.*

[3] См.: Lonchay and Cuvelier, I, pp. 546 f., 558 ff.

[4] E. A. Beller, *Caricatures of the Winter King of Bohemia*, 1928, *passim*.

[5] Lonchay and Cuvelier, pp. 510, 564.

[6] Ibid., I, p. 547; Höfler, p. 399; *Fortescue Papers*, pp. 91.

держку своей кандидатуры на императорский трон, предложив Мадриду часть Эльзаса. Теперь, рассчитывая и на военную помощь, он был готов заплатить еще больше. Спинола исходил из того, что если он завоюет земли Фридриха на Рейне, то они частично перейдут и к Испании, и тогда исчезнет протестантский барьер между источником и целью его военных авантюр.

Фридрих лишился прав на свои земли тем, что умышленно подорвал имперский мир, и император мог отдать их своим друзьям. Внешне это выглядело бы благопристойно, хотя он и нарушал клятву, данную во время коронации и не позволявшую раздавать земли в Германии без согласия рейхстага[1]: эту правовую неувязку можно было бы урегулировать позднее. Решение о вторжении в Пфальц было принято в Брюсселе в конце 1619 года[2], договор с испанским правительством Фердинанд подписал в феврале 1620 года, а приказ Мадрида Спиноле датирован 23 июня[3]. Прежде чем Спинола получил его, французы добились заключения Ульмского договора, уния вывела свою армию, и в Рейнланд мог идти кто угодно.

4

Все последние десять лет авторы памфлетов писали об испанской угрозе, все десять лет независимые правители земель Германии страшились усиления императорской власти и попрания их свобод. Ангальт и рассчитывал на эти страхи, пытаясь объединить князей вокруг Фридриха. Почему же они оказались столь слепы, что не разгадали истинные намерения Спинолы, Фердинанда и короля Испании?

Нет, они не были наивными людьми. При дворе императора все хорошо знали, что два главных советника Ферди-

[1] О клятве Фердинанда: Lünig, III, p. 57 f.

[2] Lonchay and Cuvelier, I, p. 550.

[3] Lundorp, II, p. 171.

нанда — Эггенберг и Гаррах — подпали под влияние испанцев[1] и ни одно решение не принималось без консультации с Оньяте, испанским послом[2]. Никто из князей не мог быть не информирован о военных приготовлениях Спинолы.

Князья унии просто-напросто боялись предпринимать какие-либо действия. Для них было важнее показать свою непричастность к бунтовщику Фридриху. В свое время курфюрсты Саксонии и Бранденбурга и герцог Баварский — лютеранин, кальвинист и католик — объявили себя защитниками конституции. Понимали ли они теперь, что конституция в опасности?

Курфюрст Бранденбурга мог найти оправдание своей бездеятельности. Георг Вильгельм, старший сын в семье и кальвинист, наследовал отцу-кальвинисту в Рождество 1619 года. Мать-лютеранка хотела свергнуть его в пользу второго сына — лютеранина и заручилась поддержкой Иоганна Георга Саксонского. Молодой курфюрст, половина подданных которого были готовы восстать против него, обратился за помощью к соседу — королю Польши. Мать незамедлительно устроила брак старшей дочери, не испрашивая согласия ее брата, с королем Швеции, заклятым врагом польского короля. Отрезанный от Польши, Георг Вильгельм предложил свою помощь чехам в надежде на то, что они помогут и ему. Курфюрст Саксонский сразу же пригрозил войти в Бранденбург и поднять против него все лютеранское население. Георгу Вильгельму ничего не оставалось, как лебезить перед Иоганном Георгом и делать то, что он велит[3].

Ничем не мог оправдать свое поведение курфюрст Саксонский. Да, он завидовал Фридриху и злился на то, что не его избрали королем Богемии, но, как протестант и конституционный властитель, Иоганн Георг должен был поддержать новую монархию в противостоянии с католической тиранией. Если он действительно дорожил германскими

[1] Fiedler, p. 117.

[2] Béthune, p. 227.

[3] Droysen, *Preussische Politik*, Theil III, pp. 30 ff.

свободами, то не мог оставаться в стороне, когда Фридриха начали крушить войска из Испании и Фландрии.

Конечно, Иоганн Георг Саксонский не был человеком бескорыстным и его действия зачастую определялись личными интересами, но относился к числу искренних приверженцев германских свобод. Курфюрст Саксонский считал, что Фридрих, узурпировав власть в Богемии, нанес тяжелейший, а может быть, и смертельный, удар протестантам и конституционалистам. Он решил исправить ошибку Фридриха своим особым способом — отвернуться от него. На собрании в Мюльхаузене Иоганн Георг ясно показал, что не одобряет захвата богемской короны. И вскоре после этого он подписал с Фердинандом соглашение: в обмен на вооруженную интервенцию император должен гарантировать свободу лютеранской веры в Богемии и признать все секуляризованные церковные земли в Нижнем и Верхнем округах Саксонии. Друзья Фридриха расценили поступок саксонца как злостное предательство, однако Иоганн Георг, опасавшийся угрозы со стороны Испании, считал, что нашел самое верное средство защиты — снять необходимость в испанском вмешательстве. Фердинанд, восстановленный на троне Богемии как законный монарх самими протестантами и благодарный германским князьям, будет в тысячу раз менее опасен, чем Фердинанд, возвращенный на чешский престол испанскими войсками и династией Габсбургов.

Так впоследствии объясняли мотивы Иоганна Георга, но они, видимо, лежали и в основе его решения. К сожалению, династические амбиции взяли верх над политическими инстинктами. Настаивая на гарантиях для лютеранской веры в Богемии и признании секуляризованных земель в Северной Германии, он выступал как протестант и конституционалист. Однако Иоганн Георг одновременно потребовал и передать ему Лусатию. Внеся элемент своекорыстия, он испортил благовидность своих намерений.

Католик Максимилиан Баварский, подписывая в октябре договор с Фердинандом, руководствовался аналогичны-

ми соображениями. Он также хотел, чтобы Фердинанд вернулся на трон с помощью германского, а не испанского оружия, и в награду домогался титула купфюрста, принадлежавшего Фридриху.

Несмотря на сходство замыслов, династические амбиции не позволяли Иоганну Георгу и Максимилиану объединиться. Познав о договоре Иоганна Георга с Фердинандом, Максимилиан заревновал и настоял на том, чтобы он возглавил войну в Богемии, а Иоганн Георг вел военные действия лишь в Силезии и Лусатии[1].

Стремясь получить скорые дивиденды, эти два половинчатых патриота лишили себя возможности проводить общую политику. Оба совершенно не осознавали того, что, выторговывая у Фердинанда земли и титулы, давали ему в руки мандат на то, чтобы распоряжаться империей по своему усмотрению. Ни тот ни другой не понимали, что Фердинанд, принимая их содействие, вовсе не собирается отказываться от помощи Испании и не берет на себя никаких обязательств в отношении земель Фридриха на Рейне[2].

5

Катастрофа неминуемо приближалась. Католические прорицатели называли Фридриха «королем на одну зиму», в его распоряжении оставались весна и лето, но с каждым месяцем появлялись все новые признаки беды. В начале года он побывал в главных вотчинах своего нового королевства. С энтузиазмом его встретили в Брюнне (Брно), Баутцене и Бреслау (Вроцлав). Однако в Ольмюце (Оломуце) зал, где его принимали, властям пришлось заполнить крестьянами и солдатами, чтобы скрыть отсутствие католического дворянства. Фридриху было невдомек то, что половина жителей этого города ненавидят его за осквернение церквей[3]. Он

[1] Hurter, *Ferdinand II*, VIII, p. 673.

[2] Gindely, *Geschichte*, II, p. 442.

[3] Lundorp, I, p. 986; d'Elvert, I, p. 113.

простодушно мечтал о будущих выездах на охоту со своей королевой. На самое холодное время года Фридрих оставил ее в Праге и теперь жаловался в письмах: «Il m'ennuie fort de coucher seul» («Как надоело спать одному»)[1].

Мало-помалу Фридрих начал осознавать грозящую ему опасность. В ночь приезда в Брюнн границу перешел контингент польских войск, посланный в ответ на просьбу Фердинанда, и далекое зарево горящих деревень зловеще окрасило горизонт. Он не сообщил об этом жене, написав лишь о том, что «ужасно устал» — «l'esprit rompu»[2].

В такой ситуации мог сломаться и более сильный человек. Друзья предали, а воодушевленность подданных испарялась вместе с надеждами. Они избрали его не из любви к нему, а в расчете на его помощь[3]. Но он ничего им не дал. Вначале за счет личных средств Фридрих увеличил чешскую армию на семь тысяч человек[4], однако уже в марте 1620 года искал займы в Лондоне, а к середине лета закладывал свои драгоценности и вымогал наличные деньги у евреев и католиков[5]. Войска бедствовали, свирепствовал тиф, голод и безденежье вынуждали солдат заниматься грабежом. Ангальт эпизодически казнил виновных, но это ничего не меняло. То тут, то там крестьяне устраивали самосуды или восставали[6]. Попытки прибегнуть к конскрипции не дали никакого результата. В Силезии кое-как набрали четыреста всадников, совершенно непригодных. В моравском Ольмюце не нашлось офицеров для рекрутов-крестьян, и они через пару дней разбрелись по домам[7].

---

[1] Aretin, *Beyträge*, VII, pp. 155, 158.

[2] Ibid., II, vi, pp. 74—75; VII, p. 153.

[3] Lundorp, I, pp. 859—860, 987.

[4] Moser, *Patriotisches Archiv*, VII, p. 65

[5] Lunig, VI, ii, pp. 172, 175; *Calendar of State Papers. Domestic Series, 1619—1623*, p. 131.

[6] *Annales*, IX, p. 1002.

[7] B. Dudik, *Chronik der Stadt Olmütz über die Jahre 1619, 1620. Schriften der historisch-statistischen Section der mährisch-schlesischen Gesellschaft zur Beförderung des Ackerbaues*, I, p. 44.

Испытывая нехватку лошадей, артиллерии и финансов, Эрнст фон Мансфельд все еще удерживал для Фридриха Пильзен. Летом он отправился в Прагу на поиски денег для своих людей. За ним последовал и полк, который он расформировал из-за отсутствия средств. Разъяренное воинство окружило его жилище в Праге, так что ему пришлось пробиваться с мечом в руках и при помощи королевских лейб-гвардейцев[1]. Возмутителей спокойствия было немало. И солдатня, и офицерство пользовались любой возможностью для того, чтобы бросить службу и пошататься по улицам и тавернам столицы[2].

В городе же действительно происходило что-то напоминающее Содом и Гоморру или пир во время чумы. Не прекращались балы и банкеты в домах дворян, лыжные выезды зимой и купания летом, а король взял моду разъезжать по городу в ярко-красной мантии и с желтым пером, залихватски вдетым в шляпу. Когда наступила теплая погода, он на глазах королевы и ее дамского окружения нагишом шел купаться в Молдау, и изумленные бюргеры толпились вокруг[3]. В Градчанах всегда было много желающих посмотреть на «бесплатное и забавное зрелище», которое являли собой юные король и королева, походить по королевским покоям, покачать на руках маленького королевича. Один из гостей даже догадался выкрасть на память шерстяные башмачки принца[4].

Редко бывает, чтобы подданным не понравился такой наивный и благонамеренный правитель. Фридрих ждал любви, но натолкнулся на презрительное отношение министров и ненависть населения. Робевший перед советниками и путавшийся в статьях конституции, которую при-

---

[1] *The Appollogie of Ernestus, Earle of Mansfielde*, 1622, pp. 34—35.

[2] Loyse Juliane, *Mémoires*, p. 164.

[3] Lundorp, I, pp. 925—926; Riezler, *Kriegstagebücher aus dem ligistischen Hauptquartier, 1620. Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften, Historische Classe*, xxiii, Munich, 1906, p. 187.

[4] *Taylor his Travels.*

зван защищать, он казался глупее, чем был на самом деле. На протестантской ассамблее в Нюрнберге Фридрих, отвечая послу, заученно повторил фразу, предназначавшуюся для ответа на совершенно другой вопрос[1]. Он приводил в замешательство и придворных, и советников своим необычным поведением: ходил с непокрытой головой, обращался к Ангальту, прежде чем ответить на любой вопрос, слишком часто протягивал руку для целования. А на публике Фридрих всегда отдавал первенство королеве и позволял ей появляться в таких платьях, в каких не выпустил бы свою супругу из дома ни один уважающий себя чешский господин[2].

Фридрих раздражал и государственных чиновников, и дворянство различными нововведениями. Он предложил упразднить крепостничество, попытался ввести новую присягу и склонить сейм к тому, чтобы избрать пятилетнего сына своим преемником[3]. Король возмутил народ попытками бороться с безнравственностью[4] и, особенно, действиями, оскверняющими церкви. Из храма иезуитов и собора были убраны все иконы, и его капеллан распорядился, чтобы их отнесли на растопку печей. Ходили слухи, будто королева хотела вскрыть гробницу святого Вацлава. Она же собиралась, проявляя «стыдливость», снять с Карлова моста на реке Молдау[5] «голого купальщика». Ее желание не исполнили: вооруженные граждане пришли и отстояли распятого Спасителя[6].

Подданные, заблуждавшиеся не меньше короля и королевы, ничем не могли им помочь. Чехи, как считали советники Фридриха, думали только о том, как «доставить ра-

[1] Gindely, *Geschichte*, II, p. 308.

[2] Hurter, *Fredinand II*, VIII, p. 126; Lundorp, I, pp. 926, 861.

[3] Hurter, loc. cit,; Höfler, p. 400; H. Palm, *Acta Publica. Verhandlungen und Correspondenzen der schlesischen Fürsten und Stände. Jahrgang 1620.* Breslau, 1872, p. 132 f.

[4] Hurter, loc. cit.

[5] Чешское название реки — Влтава. — *Примеч. пер.*

[6] Lundorp, I, pp. 923 ff.; *Kriegstagebücher*, p. 205.

дость своим братьям и друзьям», управлявшим армией и государством. Но когда король пригласил их на совещание в семь утра, они заявили: Фридрих нарушает их право не подниматься с постели так рано[1]. Королевство охватило всеобщее недовольство, застарелая вражда между дворянством, бюргерством и крестьянством еще больше обострилась вследствие невзгод, обрушившихся на страну, измена угнездилась при самом королевском дворе[2].

Таково было положение Фридриха, когда 23 июля 1620 года Максимилиан Баварский перешел через границу Австрии с армией Католической лиги численностью двадцать пять тысяч человек[3], которой командовал граф Тилли. Войска состояли из наемников, говоривших на разных языках, их вдохновляли иезуитские священники, у них имелось двенадцать огромных пушек, названных именами апостолов, а покровительницей генерала Тилли была сама Дева Мария. В молодости Тилли хотел вступить в «Общество Иисуса», но впоследствии решил сражаться за Господа на поле боя, и за безукоризненную нравственность и преданность Пресвятой Богородице его прозвали в народе «монахом в латах»[4].

Максимилиан намеревался вначале утвердиться в Австрии, где за оружие взялись многие протестантские мелкопоместные дворяне. Крестьяне бежали от Тилли, унося с собой все, что только можно, и войска Максимилиана шли под проливными дождями по опустевшим деревням и дорогам, усеянным трупами и скелетами коров и свиней, забитых его же солдатами[5]. 4 августа в Линце он подчинил себе австрийский сейм, оказавшийся неспособным организовать достойное сопротивление без помощи чехов.

---

[1] Lundorp, II, p. 221.

[2] *Berichte über dem Weissenberge*, p. 130.

[3] Morel-Fatio, *L'Espagne au XVI et au XVII siècle*. Heilbronn, 1878, p. 348.

[4] *Kriegstagebucher*, p. 117; Klopp, I, p. 545.

[5] *Kriegstagebucher*, pp. 114, 147.

В это же время из Фландрии к Рейну вышел Спинола во главе войска, насчитывавшего тоже двадцать пять тысяч человек[1]. Они отправлялись на войну с такой помпой и энтузиазмом, что экспедиция Спинолы многим напомнила Крестовые походы прошлого[2]. Принц Оранский, и боявшийся сорвать перемирие, и почувствовавший свое бессилие перед наступавшей армией, в отчаянии обратился за помощью к королю Англии[3]. В последний момент Яков разрешил отправить в Нижние страны полк из двух тысяч волонтеров под командованием сэра Горация Вера[4]. Одновременно он запросил у правительства в Брюсселе информацию о том, куда направляется армия Спинолы, получив 3 августа лаконичный ответ: «Не знаем»[5]. Спинола перешел Рейн у Кобленца, взял курс на Богемию, и встревоженные государи Западной Европы облегченно вздохнули. Это был блестящий трюк, рассчитанный на то, чтобы ввести в заблуждение врагов: во второй половине августа он развернулся и снова двинулся к Рейну. «Уже поздно сомневаться в том, что армия Спинолы нацелилась на Пфальц, — писала с горечью мать курфюрста из Гейдельберга. — Он у наших ворот»[6]. 19 августа Спинола захватил Майнц. Тщетно растерявшийся принц Оранский заклинал мать Фридриха отстоять страну, тщетно он взывал к князьям унии. Две тысячи английских волонтеров поднялись вверх по Рейну, минуя дозоры Спинолы, и заняли ключевые крепости Франкенталь и Мангейм[7]. 5 сентября Спинола пересек Рейн, 10-го взял Кройцнах, а через четыре дня — Оппенхайм[8]. В далекой Богемии Фридрих переживал за свой народ, но сделать для

[1] Morel-Fatio, p. 340; Lonchay and Cuvelier, I, p. 553.
[2] Lonchay and Cuvelier, p. 552.
[3] Prinsterer, II, ii, pp. 571, 572.
[4] A. Wilson, *The History of Great Britain*. London, 1653, p. 136.
[5] Lundorp, II, p. 127.
[6] M. A. E. Green, p. 153.
[7] Wilson, p. 139.
[8] Morel-Fatio, pp. 360 ff.

него ничего не мог, кроме как снова апеллировать к английскому королю и предаваться благостным надеждам. «Во всем воля Божья, — писал он Елизавете. — Бог дал мне все это и отнял. Он же и вернет. Да святится имя Его!»[1]

Тем временем Тилли в Линце соединился с остатками императорской армии и 26 сентября перешел границу Богемии. Он ненамного опередил курфюрста Саксонского, который, наступая с севера, 5 октября занял Баутцен, столичный город Лусатии, капитулировавший практически без боя[2]. Максимилиан Баварский предложил Мансфельду в Пильзене сдаваться, и тот приступил к переговорам. У Мансфельда имелся безапелляционный приказ Фридриха удерживать город; он, сжав зубы, подчинялся, но больше не мог эффективно действовать в тылу противника. Служа несостоятельному хозяину, Мансфельд понимал, что ему не следует ссориться с Максимилианом, богатым князем и потенциальным работодателем[3].

Оставив Пильзен в тылу, Максимилиан двинулся на Прагу и в середине октября встретил разношерстные силы Фридриха у Рокицан в двух днях походного марша до столицы. Король находился в полевом лагере, тщетно пытаясь примирить Турна и Ангальта. Через несколько дней сюда примчался Мансфельд и провозгласил, что срок контракта истек и он снимает с себя все обязательства, поскольку у Фридриха нет средств для его продления[4].

Фридрих все еще доверял Бетлену Габору, снова захватившему Венгрию. Однако его воинство, посланное на подмогу чехам, больше вредило, чем помогало. Необузданная вольность солдат Габора окончательно настроила крестьянство против короля, и они во время фуражных набегов напа-

[1] Aretin, *Beyträge*, VII, p. 162.

[2] *Theatrum Europaeum*, I, p. 373.

[3] Reuss, *Ernst von Mansfeld im böhmischen Kriege*. Brunswick, 1865, pp. 86 ff.

[4] Ibid., p. 89.

дали на его союзников и дрались между собой[1]. Они убивали своих пленников, а одного из полковников Максимилиана так зверски мучили (Фридрих вмешался слишком поздно), что тот, вернувшись в Австрию, вскоре умер[2].

Тяжело было обеим армиям. Они шли по уже разоренным землям, безлюдным или сгоревшим деревням, по дорогам, усеянным смердящими трупами павших животных. После слякотной осени очень быстро надвигалась зима, и солдат косила лихорадка, усугублявшаяся голодом.

4 ноября в чешской армии отмечали годовщину коронации Фридриха. Праздника не получилось, солдаты пригрозили поднять мятеж, если им не выдадут жалованье. Бунт не состоялся только из-за близости противника[3]. Ангальт и Турн наконец согласились по одному пункту: надо действовать, и действовать быстро. Короля беспокоила Прага, где снова, как в заточении, пребывала его жена.

Конфликт, правда, менее острый, возник и между Максимилианом и императорским генералом Бюкуа. Они не поделили первенство. Максимилиан считал себя главнее в силу договора с Фердинандом. Бюкуа не хотел уступить ему командование операциями, которые он уже проводил без чьей-либо помощи. Фердинанд разрешил спор, заявив официально, что главнокомандующим его армии была и остается Пресвятая Дева Мария, кому «мы вверили свою судьбу»[4]. Но эта формула не сняла другие проблемы, стоявшие перед Максимилианом и Бюкуа. Войска были истощены, голодны и поражены чумой. Глупо, считал Бюкуа, идти вперед в осеннюю распутицу, когда все вокруг закрыто туманами, и по землям, на которых не осталось ни фуража, ни провианта, и уже частично занятым неприятелем[5]. Максимилиан

[1] Aretin, *Beyträge*, III, i, pp. 88, 99, 100.

[2] *Kriegstagebücher*, pp. 128—129, 176.

[3] Aretin, *Beyträge*, III, p. 112; *Berichte über dem Weissenberge*, p. 142.

[4] *Annales*, XII, p. 2405.

[5] *Kriegstagebücher*, p. 171.

настаивал на немедленном захвате Праги. После падения столицы восстанию быстро будет положен конец. Он не был генералом, но политический инстинкт подсказывал ему верное решение.

В ночь 5 ноября чехи украдкой отошли для защиты Праги. Как только загрузились все многочисленные громоздкие повозки Максимилиана, императорские и баварские войска отправились в путь. В продолжение тридцати шести часов две армии двигались почти параллельными курсами: чехи — по дорогам, их противник — по лесистым холмам — и не видели друг друга в густой ноябрьской мгле. Вечером 7 ноября Ангальт остановился в нескольких милях от Праги. Король объехал на коне ряды воинов, призывая их не изменять правому делу чехов, и ускакал в Прагу убеждать сейм дать деньги на жалованье армии. Воспользовавшись темнотой, Ангальт свернул лагерь и повел армию на просторную возвышенность, испещренную меловыми карьерами и называвшуюся Белой Горой. Она поднималась над городом, и ее отделял от наступавшего противника небольшой ручей. К часу ночи Ангальт занял вершину холма. Он уверял короля, что сражение маловероятно, и, поскольку солдаты заснули, не получив приказов на утро, Ангальт, похоже, на самом деле исключал возможность скорой битвы.

Тем временем разнузданное войско Бетлена Габора продолжало грабить деревни, и холмистый горизонт то здесь, то там озарялся вспышками пожаров. Один такой всполох осветил чешские отряды, пробиравшиеся к Белой Горе. Их заметили дозоры католиков, и около полуночи Максимилиан и Бюкуа начали преследовать противника.

Ранним туманным утром 8 ноября в чешский лагерь прискакали люди из войска Бетлена Габора. Их спугнул с заставы дозорный отряд Тилли, изучавший на рассвете окрестности, и, прежде чем Ангальт сообразил, что католики совсем близко, они перешли ручей и укрылись под крутым склоном, где их не могли достать пушки Ангальта, в одной четверти мили от чешских позиций.

Туман все еще не рассеивался, и Ангальт решил, что католики не пойдут в атаку до тех пор, пока не прояснится: им надо подниматься в гору, и, кроме того, противник не знал ни численности, ни расположения чешской армии. Тем не менее в семь-восемь часов утра он спешно вывел войска за бровку холма, разместив их по фронту почти в одну милю. Позднее, объясняя причины своего поражения, Ангальт оценивал численность чешской армии в пятнадцать тысяч человек, а противника — в сорок тысяч. Его данные в отношении собственных сил, возможно, соответствовали действительности, но численность войск противника он завысил по крайней мере вдвое.

На дальней правой стороне обороны Ангальта находился парк, называвшийся «Звезда», и у его стен были срочно сооружены брустверы. На дальней левой стороне холм круто спускался к рыхлым намокшим пашням. По краям Ангальт поставил кавалерию, в центре поместил пехоту и артиллерию, но, опасаясь мятежей[1], раздробил полки и рассредоточил германских профессиональных всадников среди чешских пехотинцев-новобранцев. Основная часть немцев оказалась на левом фланге, а чехов — на правом. Королевский стяг, желтый бархат с зеленым крестом и девизом «*Diverti nescio*» («Отступать не умею»), стоял в центре. Неверным венграм Бетлена Габора, расположившимся на отдых под парком «Звезда», Ангальт приказал перейти на другую сторону холма и занять позицию на левой стороне, откуда они могли атаковать фланг противника.

Католики оккупировали нижний склон холма. Баварцы Тилли встали на левом фланге перед чехами, войско Бюкуа расположилось справа напротив немцев, пехота, поддерживаемая небольшим кавалерийским резервом, заняла позиции в центре. Бюкуа, незадолго до этого дня тяжело раненный и не командовавший боем, по-прежнему возражал про-

[1] Ангальт не опасался мятежей. Он использовал для построения новый для того времени нидерландский боевой порядок. — *Примеч. ред.*

тив рискованного сражения в условиях, когда чехи имеют очевидное позиционное преимущество. Он настаивал на том, чтобы выманить их с холма, обойдя Белую Гору с фланга и создав угрозу Праге. Максимилиан же упорствовал, рвался в бой и приказал Тилли атаковать чехов у парка «Звезда», с тем чтобы испытать их силу. Чехи выстояли, Тилли откатился обратно, но Максимилиана это не поколебало. Туман рассеивался, и католики созвали военный совет. Максимилиан был непреклонен, заместителям Бюкуа пришлось пойти ему на уступки. «Сальве, Регина!»[1] — раздались возгласы. И с именем Пресвятой Девы Марии католики приготовились к атаке.

Проволочка убедила Ангальта в том, что противник, находившийся в менее выгодном положении, отойдет без сражения. Он был ошеломлен, когда Тилли при поддержке артиллерии внезапно двинулся на холм. Сначала чехи держались, а на левом фланге храбрейший сын Ангальта чуть ли не потеснил имперцев Бюкуа. Но имперцы справа тоже пошли в атаку, пехота в центре под прикрытием пушек развернула наступление на плато. Мятежный и плохо вооруженный центр вскоре рухнул, противник завладел двумя штандартами, и офицеры тщетно пытались вернуть солдат на позиции, угрожая мечами.

Израненный Бюкуа поднялся с постели, приказал подать ему коня и повел в бой резерв императорской армии на поддержку главного натиска. На левом фланге юного Ангальта сразили; он упал, окруженный врагами; его солдат охватила паника, и они побежали, прорываясь через свои же ряды. На дальнем левом краю венгры, растерявшиеся от первого удара Тилли, толпой хлынули вплавь через Молдау. Левый фланг обороны чехов рассыпался, и они разрозненными отрядами в панике начали отходить к Праге. Ангальт, охрипший от крика на своих сподвижников — Александра, Цезаря и Шарлеманя, — не мог остановить массовое бегство

[1] «Слава Тебе, Царица Небесная!»

и вынужден был последовать за ними. Католики захватили знамя короля, сотню штандартов и все пушки. Оставались на своих местах у стен парка «Звезда» лишь моравские лейб-гвардейцы, ни один из них не сдался в плен.

В Праге в это время король и королева ужинали с двумя английскими посланниками. Они пребывали в хорошем настроении, и Фридрих заверял британцев, что не будет никакого сражения: противник слишком слаб и скоро отступит. Ему так сказали, а он привык верить в то, что ему говорят. После ужина он все-таки решил съездить и посмотреть на своих бравых солдат. Выехав за ворота, король сразу же натолкнулся на первых беглецов, а пока расспрашивал их, появился и сам Ангальт, растрепанный и ошарашенный. Тогда-то Фридрих и понял, что сражение не только состоялось, но и проиграно[1].

У Ангальта, обычно переполненного идеями, было только одно предложение: король должен незамедлительно бежать. Фридрих спешно переправил через Молдау жену и детей, так спешно, что чуть не забыл младшего принца, а королева оставила все свои фривольные книги, крайне вредные для благочестивых победителей[2]. К счастью, кто-то прихватил часть королевских драгоценностей: они впоследствии станут на многие годы главным источником доходов короля. На другом берегу реки Фридрих созвал совет, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Ни король, ни королева, «наша неустрашимая леди», как говорил английский посол, не выказывали ни малейших признаков страха. Если они и вынуждены покидать город, то это не значит, что они бросают своих подданных, просто подданные отвернулись от них.

---

[1] Подробное описание битвы можно найти в следующих изданиях: *Berichte über dem Weissenberge*; *Kriegstagebücher;* Krebs, *Die Schlacht am Weisserberge bei Prag,* Breslau, 1879.

[2] *Annales*, IX, p. 1116; Krebs, *Schlacht*, p. 126; Scott, *Rupert, Prince Palatine*, London, 1899, p. 5.

В Праге поднялась суматоха, горожане закрыли ворота, не желая впускать бежавшие с поля битвы войска[1]. Если они отгородились от своих защитников, то не было никаких надежд на спасение столицы. Бюргеры дали волю своей ненависти к чужеземному королю, проявившему неуважение к их обычаям и осквернившему их храмы. В ночь после битвы ближайшие сторонники Фридриха, опасавшиеся за его жизнь, убедили короля уехать из города, пока граждане не выдали его победителям ради обеспечения собственной безопасности[2]. Если еще что-то и можно было сделать, то лишь с помощью Мансфельда или Силезии. Ранним утром Фридрих отправился в Бреслау, сопровождаемый Елизаветой и некоторыми советниками. Промедли он чуть-чуть, толпа принесла бы его в жертву[3].

Город капитулировал практически без единого выстрела, и Максимилиан Баварский вечером сочинял письмо жене в том же дворце, в котором весь год пребывал королевский двор Фридриха. В Мюнхене узнали о победе 13 ноября[4], пушечный салют прогремел в Вене 23 ноября[5]. В церквях прошли благодарственные молебны, с высоких кафедр под образами распятого Христа раздавались призывы к мщению.

В Бреслау Фридрих размышлял над тем, как вернуть свои богатства. Он обратился за помощью к сейму Силезии[6] и к унии[7]. Войско Мансфельда все еще стояло в Пильзене, если бы только можно было найти деньги для него. Из Венгрии мог подойти Бетлен Габор со своей армией. Однако денег взять было негде. Мансфельд даже не пошевельнулся,

---

[1] *Berichte über dem Weissenberge*, p. 133.

[2] Ibid., p. 136.

[3] *Berichte über dem Weissenberge*, pp. 136, 158.

[4] Höfler, p. 404.

[5] Béthune, p. 347.

[6] Palm, 1620, pp. 227 f.

[7] *Berichte über dem Weissenberge*, p. 56.

а Бетлен Габор, собрав награбленное добро, ушел в Трансильванию.

Фридрих хватался за любую соломинку. Он попытался договориться с курфюрстом Саксонии и поднять Моравию, но 20 декабря узнал, что Моравия тоже сдалась. Фридрих не стал ждать, когда враги полонят его вместе с женой и детьми, и, отпустив последних верных людей, бежал в направлении Бранденбурга между постепенно смыкающимися фронтами Саксонской и Баварской армий, представив силезцам самим разбираться с захватчиками[1].

И друзья, и подданные отвернулись от беглеца. Старший сын Турна на следующий же день после битвы присоединился к победителям вместе со своим войском численностью три тысячи человек[2]. Ангальт скрылся в Швеции, откуда просил у императора помилования на том основании, что его сбил с толку хозяин[3]. И католические и протестантские памфлетисты не скупились на слова в поругании потерпевшего поражение монарха. Изображался почтальон, по всей Германии разыскивающий «молодого человека с женой и детьми, который еще зимой был королем». Его походя называли и «вероломным Фрицем», и самым никчемным королем всех времен[4].

Назавтра после битвы герцог Баварский принимал заверения в послушании от чешской директории. На некотором расстоянии его духовник с замиранием сердца наблюдал за тем, как была повергнута ересь. Он не мог слышать ни герцога, ни чехов, но с удовлетворением отметил, что «от слов его превосходительства на глазах директоров навернулись слезы»[5].

---

[1] Aretin, *Beyträge*, VII, p. 173; d'Elvert, III, p. 89; Palm, 1620, pp. 265 f.; Lundorp, II, p. 381.

[2] *Berichte über dem Weissenberge*, p. 42.

[3] Lundorp, II, p. 481.

[4] Opel and Cohn, *Der dreissigjährige Krieg*. Halle, 1862, p. 122; Beller, *Caricatures*, *passim*.

[5] *Kriegstagebücher*, p. 105.

Победители не знали пощады. Целую неделю ворота города были закрыты, и войска могли делать в нем все, что угодно. Теоретически наказанию подлежали только повстанцы, но солдатня не собиралась заниматься политическими опросами и не считала, что она должна это делать. Валлонам, французам, немцам, полякам, ирландцам, казакам, наемникам самых разных национальностей[1] было не до правил хорошего тона, да и не каждый день, даже не каждый год предоставляется возможность отвести душу в одном из самых богатых городов Европы.

У ворот Градчан солдаты обнаружили восемь возов, нагруженных королевским скарбом, и они с видимым удовольствием расшвыривали шелка и украшения, пистоли и мечи. Один валлон подобрал прекрасную подвеску с изображением святого Георгия с голубой лентой. Он передал ее герцогу Баварскому и получил за труды тысячу талеров. Это был знак ордена Подвязки, принадлежавший Фридриху. Вот почему на некоторых карикатурах он представлен в чулках, спущенных до щиколоток[2].

Грабеж все еще продолжался, когда Максимилиан, взяв лучших лошадей в конюшне Фридриха и приняв таким образом участие в мародерстве, ускакал в Мюнхен[3]. Ранним утром в День святой Екатерины он прибыл в свою столицу, где его поджидали подданные, столпившиеся на улицах. У входа в огромную церковь герцог спешился, получил благословение от епископа Фрайзинга и отправился воздавать благодарения Богу, в то время как хор пел: «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч»[4]. Максимилиану было за что благодарить Господа. Он оказался единственным среди германских князей, кто мог позволить себе вступить в эту войну, и император, задолжав три

[1] Aretin, *Beyträge*, III, i, p. 56.

[2] *Kriegstagebücher*, p. 72.

[3] Krebs, *Schlacht*, p. 130.

[4] Первая книга Царств, 18:7. *Kriegstagebücher*, pp. 138 f.

миллиона гульденов, отдал ему в счет долга Верхнюю Австрию.

В Вене Фердинанд с непокрытой головой поблагодарил Пресвятую Деву Марию и заказал корону из чистого серебра стоимостью десять тысяч флоринов. Возможно, он сделает ей подарок на алтаре у себя в Мариацелле, в родной Штирии. Еще более дорогую и изумительную корону он послал в церковь Санта-Мария делла Скала в Риме[1]. На небесах наверняка будут довольны такими дарами. Но не так-то легко удовлетворить желания Испании и Баварии.

6

Чешское восстание потерпело поражение в битве на Белой Горе, и ни одно протестантское государство не протянуло руку помощи. Война закончилась. Фридриху ничего не оставалось, кроме как просить прощения; испанцы должны были уйти из Пфальца, Мансфельд — распустить армию, а Фердинанд — оплатить долги. Однако осуществить эти четыре простейших действия было затруднительно.

Все вокруг рушилось, но Фридрих и его супруга старались не замечать катастрофы. Королева обосновалась в Бранденбурге, где родила сына, назвав его Морицем — явный намек на принца Оранского, — и беззаботно писала подругам о «*beau voyage*», который ей с мужем пришлось неожиданно совершить из Праги[2]. Фридрих в это время с удовольствием отдыхал у герцога Саксен-Лауэнбургского, потратив там около трехсот флоринов на жемчуга для трехлетней дочери[3].

Легкомысленность поведения вызывалась не столько недостатком совестливости, сколько ее избытком. Когда Фридрих пришел к власти, он был слабодушен и смущен новыми обстоятельствами. Утрата власти укрепила его ха-

[1] Haeberlin, XXV, p. 67.

[2] *Archaeologia*, XXIX, p. 161.

[3] Aretin, *Beyträge*, VII, pp. 174—175.

рактер. Несмотря на поражение, он не потерял веру в правоту своего дела. Ему не хватало не только безумства смелости и лидерских качеств, которые могли бы спасти Богемию, но и элементарного эгоизма, который помог бы сохранить хотя бы часть состояния. Поражение многое упростило, ярче высветило разницу между тем, что верно, и тем, что неверно. Теперь Фридрих четче понимал справедливость своей борьбы, временно потерпевшей неудачу, и готов был доказать это, невзирая на предательства. «Нас привели в Богемию не алчность и не амбиции, — писал он Турну. — Ни в бедности, ни в отчаянии мы не восстанем против нашего возлюбленного Господа и не поступимся нашей честью и совестью»[1]. Со времени битвы на Белой Горе и до самой смерти Фридрих следовал этим принципам со всей твердостью и со всеми прискорбными последствиями.

Фердинанд потребовал беспрекословного повиновения и извинений. Фридрих ответил простодушно, что человеку, если он прав, не в чем каяться. Если же император гарантирует неприкосновенность чешской конституции, заплатит армии новобранцев и компенсирует все его расходы, то тогда подумает об отречении[2]. Это было не только непослушание, но и вызов всем германским князьям. Они еще в Мюльхаузене объявили противозаконным захват чешской короны. Сомневаясь в правильности их суждения, Фридрих дал понять, что император вынудил князей так поступить либо подкупил. До конца жизни Фридрих заявлял, что не нарушил мир в империи и восстал не против императора, а против эрцгерцога Австрии. Это убеждение лежало в основе всей его политики, и он считал себя законным королем Богемии, подвергшимся вероломному нападению как в самой Богемии, так и на своих землях.

Если Фридрих не подчинится воле Фердинанда, то войска Спинолы останутся в Пфальце. Два условия восстанов-

[1] Lundorp, p. 243.

[2] Ibid., II, p. 444.

ления мира оказались невыполнимыми. А как же обстояли дела с армией Мансфельда и долгами Фердинанда?

Безработная армия Мансфельда томилась в Пильзене, император предал его анафеме, а за голову командующего обещал заплатить триста тысяч талеров. На ближайшее будущее Мансфельд должен был решить две задачи: найти для своих людей пропитание и поступать таким образом, чтобы представлять собой особую ценность для одной стороны или опасность для другой: тогда ему предложат новое дело либо выкупят из войны. Пока же он занимался тем, что восполнял поредевшие ряды, набирая рекрутов, с разрешения и без разрешения властей, по всей Южной Германии.

Под его началом была не только армия, но и целое государство. Обыкновенно у каждого солдата имелись женщина и мальчик на побегушках. В армии Тилли на каждого лейтенанта приходилось пять слуг, на полковника — до восемнадцати. Обрастая награбленным добром, воины нанимали носильщиков. Мушкетеры брали с собой оружейных мастеров. Все эти люди вкупе с конюхами и женами составляли значительный контингент, обременяющий, но необходимый для армии[1]. Она разрасталась и за счет крестьянских девушек, уведенных из разграбленных и сожженных деревень, детей, выкраденных с целью получить за них выкуп, всякого рода коробейников, целителей-шарлатанов, мошенников и бродяг. В армии Бюкуа каждую неделю рождалось шесть-семь детей[2]. Женщины в войске Мансфельда были не менее плодовиты.

Главарь наемников должен был держать в узде и заботиться об этой разношерстной толпе, если не хотел подвергать еще большей опасности и себя, и землю, на которой находился. «И люди, и их лошади не могут питаться одним воздухом, — писал Мансфельд. — Оружие имеет привычку ломаться, а одежда изнашивается и приходит в негодность.

---

[1] Camon, *Condé et Turenne*, Paris, 1933, p. 3.

[2] *Kriegstagebücher*, pp. 156—157.

Для того чтобы покупать, им нужны деньги. Если не дать им денег, то они возьмут их там, где найдут, и не потому, что они им якобы принадлежат, а по своей воле, никого не спрашивая и ни с кем не советуясь. Дверь в эту вольницу открылась давно, и они к ней привыкли... Они не щадят никого, для них нет ничего святого, ни церквей, ни алтарей, ни склепов, ни могил, ни мертвецов, лежащих в них»[1]. Таким было «государство», которым правил Мансфельд, и можно лишь догадываться о том, какая анархия началась бы, если бы он отпустил вожжи.

Всю зиму Мансфельд баламутил Европу, предлагая свои услуги то Савойе, то Венеции, то Соединенным провинциям. Ранней весной он поспешил в Хайльбронн, где собрались князья унии, надеясь подписать с ними контракт. Его ожидания не оправдались, а на обратном пути к чешской границе ему встретился гарнизон Пильзена, покинувший город в его отсутствие за сто пятьдесят тысяч гульденов[2]. Деньги пригодились, войско было нужнее, чем город, и Мансфельд не стал возражать.

Вскоре он узнал, что голландцы изъявляют готовность субсидировать его прежнего хозяина Фридриха, и Мансфельд делает красивый жест, подписывая договор с посрамленным князем. Он ставил на карту судьбу своей армии, но наемный генерал знал, что делал: при любом раскладе Мансфельд не проигрывал. Либо он восстанавливал Фридриха силой оружия, либо — и это выглядело наиболее вероятным — создавал для католических командиров такую угрозу, что им ничего не оставалось, как перекупить его на предложенных им условиях. Мансфельд, без клочка земли, но с головой, оцененной в триста тысяч талеров, надеялся получить амнистию, большую сумму денег и скромное, но достойное княжество. Всего этого он мог добиться лишь в том случае, если будет продолжать войну в сердцевине Германии. Он таким образом преграждал и третий путь к миру.

---

[1] Mansfeld's *Appollogie*, p. 23

[2] Gindely, *Geschichte*, IV, p. 32.

И наконец, проблема выплат долга Максимилиану. Герцог занимал Верхнюю Австрию до тех пор, пока Фердинанд не возместит ему военные расходы. С наступлением 1621 года такая возможность казалась весьма отдаленной. Личные ресурсы Фердинанда никогда не бывали большими, а Богемия, самая богатая провинция среди владений Габсбургов, откуда они черпали свои доходы, после двух лет войны превратилась в порушенную и нищую страну.

Более солидно выглядело обещание Фердинанда отдать победителю курфюршеский титул Фридриха. Но Фридрих не мог лишиться титула без согласия других князей. В прошлом году в Мюльхаузене Фердинанд попробовал их уговорить, однако они проявили в этом вопросе редкое упорство. Кроме Максимилиана Баварского, никто из князей, настаивавших на удалении Фридриха из Богемии, не хотел, чтобы у него отбирали титулы и земли в Германии. Они выступили и против того, чтобы объявить его вне закона в империи[1]. Фердинанд не мог удовлетворить желания Максимилиана, не оскорбив большинство своих влиятельных подданных, и не мог наказать Фридриха, не нарушив решения, принятые в Мюльхаузене.

Низложить Фридриха означало пойти на конфликт с князьями, и Фердинанд мудро решил действовать постепенно: сначала предать его опале, посмотреть на реакцию, а затем отдать титул курфюрста Максимилиану. Какими бы оговорками он ни прикрывал свои действия, Фердинанд должен был предпринимать их единолично, данной ему властью, и, по сути, проверялась на прочность приверженность князей либо императору, либо конституции.

По мнению современников, Максимилиан Баварский был умнее Фердинанда. Кроме того, богатство и армия давали ему дополнительные рычаги давления. Однако Фердинанд умел направлять амбиции своих более состоятельных союзников в нужное ему русло. Его жалели за то, что он связал себя договором с Максимилианом, но это соглашение,

[1] Hurter, *Ferdinand II*, VIII, pp. 211—212.

из-за которого война и не могла прекратиться, Фердинанд использовал в свое оправдание, а амбиции Максимилиана служили ему прикрытием собственных властолюбивых устремлений. Фердинанд готовил почву для усиления императорской власти перераспределением земель. Максимилиан предоставлял ему такую возможность.

29 января 1621 года Фердинанд объявил об опале Фридриха[1]. Спустя восемь дней князья и представители городов — членов Протестантской унии собрались в Хайльбронне. Если Фридрих нарушил конституцию захватом чешской короны, то Фердинанд переступил через нее опалой Фридриха. Он пренебрег собственной клятвой, данной во время коронации, и напрямую связал проблему германских свобод с делом низложенного короля Богемии.

Для унии наступило время выступить в защиту конституции в расчете на поддержку курфюрста Саксонии и даже некоторых католических князей. Первым актом съезда стал категорический протест Вене[2]. Действительно, состоялась проба сил, как и предвидел Фердинанд. Он не принял протест, настаивал на опале Фридриха и во имя земского мира в империи потребовал распустить войска, которые все еще были под ружьем. В это время Спинола привел в движение один из своих отрядов на Рейне. Это был блеф, до конца перемирия с Соединенными провинциями оставалось несколько недель, и правительство в Брюсселе приказывало Спиноле договориться с унией на любых условиях и немедленно вернуться в Нидерланды[3]. Тем не менее он сделал угрожающий маневр, прекрасно зная, что не доведет его до конца, и преуспел в главном. Города унии пошли на попятную, не ведая об обязательствах Спинолы и не желая подвергнуться нападению испанских армий ради каких-то конституционных софизмов. 1 апреля делегаты унии пообещали Спиноле распустить армию, если он гарантирует их ней-

[1] Lundorp, II, pp. 307 f.; Lünig, VI, i, pp. 88 f.

[2] Ibid., II, p. 377.

[3] Lonchay and Cuvelier, I, p. 584.

тралитет[1]. Майнцский договор стал последним документом, подписанным Протестантской унией; 14 мая делегаты разъехались и больше никогда не собирались вместе, поставив крест на своей организации. Страх перед нависшей угрозой оказался сильнее всех других чувств, и защитники конституции безропотно предали и своего лидера, и свои принципы, отдав будущее германских свобод на откуп чужеземцам и всякого рода авантюристам.

Протестантские князья надеялись на то, что, принеся в жертву Фридриха, закончат войну. Католики хотели поддержкой Фердинанда предотвратить иностранную интервенцию. Но те и другие не понимали одного: хотя никому и не было дела до Фридриха и Богемии, в Европе многие опасались Австрийского дома либо домогались долины Рейна. После краха Богемии эпицентр конфликта переместился на двести миль к западу. Прага отошла на задний план, и все внимание сконцентрировалось на испанских союзниках Фердинанда в Пфальце. Выражая протест Вене, король Дании указал: не побитая армия Фридриха, а испанские войска являются источником непорядка в Европе[2].

Но что до этого королю Дании? Судя по его действиям, он переживал за Богемию. Король принял Фридриха в гольштейнском Зегеберге и призвал власти округа Нижней Саксонии, в который входил Гольштейн, прийти ему на помощь. У него ничего не получилось, и датский король решил сам выступить посредником в Вене между Фридрихом и императором[3]. Чем он руководствовался? Его серьезно беспокоило то, что в результате краха протестантской оппозиции в Богемии усилится господство Габсбургов в верховьях Эльбы, после чего они будут распространять его на север, к Балтике.

Король Дании забеспокоился первым, но он не был самой важной фигурой в европейской политике. Правитель-

[1] Lundorp, II, p. 382.

[2] Ibid., II, p. 400.

[3] Ibid., II, pp. 391 f.

ства Соединенных провинций, Франции и Англии поняли, что под покровом войны в Богемии они позволили испанцам оккупировать Пфальц. Призрачная угроза, против которой они в течение последних десяти лет вступали в заговоры и подписывали соглашения, стала реальной, и они ее проглядели. Очень запоздало английское правительство отправило наконец князьям унии тридцать тысяч фунтов стерлингов[1]; горстка войск сэра Горация Вера, посланная в Пфальц, оказалась отрезанной в Мангейме и Франкентале; смешанный немецко-голландский гарнизон еще держался в Гейдельберге. Все эти гарнизоны создавали для испанцев лишь временное препятствие, но не постоянно действующий барьер. В Вене англичане попрекали французского посла — автора рокового Ульмского договора[2]. Тем временем после восстания католиков для испанцев открылась Вальтеллина, и они могли беспрепятственно переправлять из Северной Италии и войска, и материальные средства.

Над Соединенными провинциями нависла более серьезная угроза, чем над Францией, Англией или Данией. Вначале принц Оранский даже намеревался пойти на мир с Брюсселем, хотя и понимал, что ему предложат невыгодные условия. Но у него имелся и альтернативный вариант. Защищая свои границы, голландцы могли одновременно помогать Фридриху и его союзникам в возвращении Рейна. Спешно был заключен альянс с королем Дании, и к Мансфельду полетели послания с обещанием вознаграждений, если он проявит верность протестантскому делу[3]. 9 апреля 1621 года истек срок перемирия с Испанией. Через пять дней короля и королеву Богемии со всеми почестями приняли в Гааге, а 27 апреля Фридрих поставил свою подпись на договоре, по которому голландцы взялись субсидировать его в том, чтобы отвоевать земли на Рейне. Начинался второй акт великой германской трагедии.

---

[1] *Calendar of State Papers. Domestic Series, 1619—1623*, p. 198.

[2] Béthune, p. 346.

[3] Gindely, *Geschichte*, IV, p. 23.

Глава четвертая

ИМПЕРАТОР ФЕРДИНАНД И КУРФЮРСТ МАКСИМИЛИАН (1621—1625)

Германия потеряна, и Франции не жить.

Ришелье

1

Центр конфликта переместился с Молдау на Рейн, а в Богемии Фердинанд начал закладывать основы для деспотической власти, которой не может помешать никакое иностранное вмешательство. Все четыре провинции подчинились, курфюрст Саксонский довольно великодушно обошелся с Силезией и Лусатией[1], герцог Баварский потребовал от Моравии и Богемии беспрекословного повиновения. Максимилиан формально обещал вступаться за жизнь и собственность повстанцев. Однако его слова ничего не стоили, поскольку он тут же дал понять Фердинанду, что на них не надо обращать внимания. Позже он отправил в Вену капуцина-монаха, который, как сообщали потом, настаивал на мщении Всевышнего с горячностью пророка, изрекающего Божественное Откровение[2].

«Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника»[3] — этот стих читали проповедники в Вене, узнав о капитуляции чехов, и Фердинанд не мог найти для себя лучшего текста. После отъезда Максимилиана он

[1] Lundorp, II, p. 381.

[2] Gindely, *Geschichte*, III, p. 377; IV, p. 49.

[3] Псалтырь, 2:9.

назначил наместником в Праге Карла фон Лихтенштейна: непримечательного, осторожного, робкого, немножко непорядочного, но достаточно рассудительного политика. Чехи могли бы кое-что получить от его здравомыслия и милосердия, если бы только он не делал лишь то, что ему повелевал император. Не прошло и пяти недель после падения Праги, как вернулись иезуиты, на своих прежних местах появились католические чиновники, народ заставили разоружиться, ввели надзор за прессой, изъяли из обращения монеты узурпатора, а повстанцам запретили выезжать из страны[1]. Фердинанд намеревался провести реформы, но не уменьшать численность подданных. И в Моравии, и в Богемии были приняты строжайшие меры по предотвращению эмиграции протестантов[2].

В ночь на 20 февраля 1621 года в Праге были арестованы главные повстанцы[3]. Турн бежал вместе с королем и находился за границей. Несчастный Шлик, как всегда полагавшийся на трезвость ума людей или на прощение, прохлаждался в Силезии. Саксонские солдаты схватили его во Фридланде и доставили в пражскую темницу к компатриотам[4].

Вскоре Фердинанд предал гласности свои намерения в отношении поверженной страны. Прежняя монархия упраздняется, корона наследуется в династии Габсбургов. «Грамоту величества», хартию религиозных свобод, отправили в сумке в Вену, где ее, как рассказывали, Фердинанд персонально разорвал в клочья. Это были, конечно, лишь слухи, поскольку для аннулирования ее действенности достаточно было сорвать императорскую печать, и, кстати, в таком поруганном состоянии документ просуществовал еще долго. Искоренялись еретические верования кальвинистов и утраквистов; во исполнение обещания, данного курфюрсту Саксонии, разрешалась только деятельность

[1] d'Elvert, II, pp. 1 f.

[2] Ibid., II, p. 7.

[3] Ibid., pp. 31 f.

[4] Ibid., pp. 41, 45, 55, 58—59.

лютеранской церкви[1]. Фердинанд преследовал три цели: политически и экономически покарать всех, кто так или иначе причастен к восстанию, ликвидировать национальные привилегии и уничтожить протестантство. Призывы Лихтенштейна к милосердию или по крайней мере к умеренности оставались без ответа. С наказания Богемии начиналась новая эра: земли Габсбургов должны быть объединены в одно государство с единой религией и единым центром управления из Вены; речь шла фактически о возрождении католической Европы.

Первым делом надо было продемонстрировать прочность власти Фердинанда, и эффективнее всего это можно было сделать кровью. Арестованных лидеров восстания судила специальная комиссия, не принимавшая во внимание никакие обстоятельства, и более сорока человек приговорили к заключению и смертной казни. Среди них был и Андреас Шлик, чья стойкость придавала сил остальным узникам. Это было последнее и, наверное, самое благородное деяние, которое он совершил ради тех, кто не хотел прислушаться к его советам. Независимо от исхода борьбы проявление великодушия и сдержанности, к чему он призывал, было в равной мере невозможно для обеих сторон, а сама жизнь давно потеряла для него привлекательность.

В последнюю неделю мая 1621 года приговоры подали на подпись Фердинанду[2]. Император считал своим долгом, и это было в его интересах, подписать их, но он заколебался посылать на смерть сразу так много людей, поднялся из-за стола и вышел из комнаты, вытирая платком пот со лба[3]. Наутро после разговора с духовником Фердинанд был снова спокоен, как всегда, подписал не раздумывая двадцать смертных приговоров и отдал приказания незамедлительно привести их в исполнение[4].

---

[1] d'Elvert, II, pp. 47—48; Lundorp, II, p. 555.

[2] Ibid, II, pp. 54, 56.

[3] Fiedler, p. 109.

[4] d'Elvert, II, pp. 67 f.; Hurter, *Ferdinand II*, VIII, p. 596.

Они расстались с жизнью в Праге 21 июня 1621 года на большой площади перед ратушей, в то время как семьсот саксонских всадников патрулировали город. Не было ни демонстраций протеста, чего опасался Лихтенштейн[1], ни попыток их освободить. Они умирали молча, только один из них прокричал: «Скажите вашему императору, что его суд несправедлив и его покарает Божий суд!» — но его слова заглушил бой барабанов. Двенадцать голов и правая рука графа Шлика какое-то время украшали Карлов мост, мрачно напоминая о подавлении восстания[2].

Прага угрюмо смирилась, обеднела, торговля замерла, вожаки сбежали или погибли, людей обуял страх. За пределами Праги и Богемии протестанты-памфлетисты пылали гневом, вспоминая герцога Альбу и его «Кровавый совет»[3], пятьдесят лет назад вынудивший народ в Нидерландах свергнуть тирана. Но у голландцев за границей был верный защитник, откликнувшийся на их зов. У чехов такого избавителя не имелось. Лучшие из лучших погибли на Белой Горе и городской площади, кто от меча, а кто — на плахе. Вне пределов Богемии оставались лишь беглец король да шайка изгнанников, трусов и равнодушных наблюдателей и в придачу к ним вдовы и дети убитых.

2

Фердинанд добивался абсолютной власти как в своих владениях, так и по всей империи. Будущее династии Габсбургов виделось ему только в таком свете. Королю Испании безопасность и величие рода представлялись в отвоевании Нидерландов и процветании Испании. Хотя оба властителя

[1] d'Elvert, II, p. 76.

[2] *Annales*, IX, p. 1310; Lundorp, II, p. 428. Всего в этот день было казнено 27 предводителей восстания. — *Примеч. ред.*

[3] Reifferscheid, *Quellen zur Geschichte des Geistigen Lebens*. Heilbronn, 1899, p. 114.

хотели только хорошего для династии, они не могли поступиться своими интересами, и их цели неизбежно вступили в конфликт весной и летом 1621 года.

Смерть эрцгерцога Альбрехта и Филиппа III внесла коррективы в отношения между Испанией и Нидерландами. С кончиной эрцгерцога закончилась и независимость провинций, хотя внешне казалось, что испанская корона не воспользуется новой ситуацией: овдовевшая Изабелла продолжала править страной, а Амброзио Спинола по-прежнему оставался главной фигурой[1]. Постепенно новые властители в Испании подрезали независимость тех, кто являлся теперь не более чем их назначенными представителями в стране. Этими новыми властелинами стали мальчик-подросток и его фаворит Оливарес.

Новый король, Филипп IV, был чуть умнее отца и значительно менее совестливый. Он увлекался музыкой, живописью, искусствами, любил представления, маскарады, танцы, драму, охоту, в том числе и бой быков, имел задатки вольнодумца, но не обладал политическим воображением и фанатично верил в Бога скорее в силу воспитания, а не по природным наклонностям[2]. Всеми делами заправлял Оливарес, чья неуемная энергия с лихвой восполняла апатичность хозяина. С его возвышением лишились постов почти все министры покойного короля, и фаворит сосредоточил в своих руках всю власть[3]. Гаспару де Гусману, графу Оливаресу, было за тридцать, и он поднялся наверх исключительно благодаря незаурядным способностям, поскольку не относился к разряду людей, с которыми мог завязать дружбу юный Филипп. Это был напыщенный, решительный и волевой человек, умевший с легкостью вести разговор на любую тему, презиравший спорт и фривольные увеселения. Он был одержим страстью к власти и скорее командовал коро-

[1] Hennequin de Villermont, *L'Infante Isabelle*, Paris, 1912, I, pp. 162 f.; Rodriguez-Villa, *Ambrosio Spinola*, Madrid, 1904, I, p. 731.

[2] *Relazioni dagli Ambasciatori, Spagna*, I, pp. 600 f.

[3] Richelieu, *Mémoires*, III, p. 203.

лем, а не давал только лишь советы. Граф заботился о благополучии монархии, но его суждения были безапелляционны и он правил страной, руководствуясь своим блестящим, хотя не всегда уравновешенным умом[1].

В 1621 году его больше всего беспокоила судьба Пфальца. Оливарес намеревался восстановить в правах Фридриха под испанской протекцией. Он таким образом убивал двух зайцев. Англия всегда создавала опасности в «малых морях»[2], угрожая кораблям, ходившим между Испанией и Фландрией, и восстановление поверженного Фридриха в правах при испанском содействии могло по крайней мере успокоить британское общественное мнение. Никакая другая идея не могла взбесить Фердинанда, уже решившего передать Пфальц Максимилиану и возместить ему долги, вознаграждая его значительной частью земель смещенного курфюрста, как этот план испанского графа.

К счастью для Фердинанда, голод вынудил войска Мансфельда и сэра Горация Вера возобновить наступление, что временно помешало Оливаресу реализовать свой план. На эту наживку клюнул герцог Баварский, чем еще больше себя скомпрометировал. Он разрывался между честолюбивыми устремлениями и приверженностью германской конституции и не до конца осознавал рискованность своего положения. Когда Фердинанд возложил на него исполнение эдикта об опале Фридриха[3], подразумевавшее вторжение в Верхний Пфальц, герцог вначале отказался. На публике он делал вид, будто не имеет никакого отношения к опале Фридриха. Увы, при всей проницательности и ловкости ему недоставало твердости. Когда войска Мансфельда внезапно начали превращать Верхний Пфальц в плацдарм для нового наступления на Богемию, Фердинанду стоило сказать лишь слово,

---

[1] *Relazioni dagli Ambasciatori, Spagna*, I, p. 65.

[2] Проливы, отделяющие Британию от континента и от Ирландии, Ла-Манш, Ирландское море.

[3] Lundorp, II, p. 376; Lünig, VI, i, pp. 339 f.

как Максимилиан поспешил отправиться в поход, чтобы не упустить свою добычу[1].

23 сентября 1620 года он взял город Кам у германско-чешской границы. Мансфельд, располагавший сильной, но испытывавшей нужду армией, воспользовался возможностью и после недолгих переговоров согласился за приличную сумму денег не воевать больше на стороне Фридриха. Вскоре после этого он развернулся на запад и, пренебрегая данным обещанием, направился на воссоединение с английскими союзниками Фридриха в Рейнском Пфальце. 25 октября, через пятнадцать дней после подписания договора с Максимилианом, уставший гарнизон Вера во Франкентале радостно увидел передовой отряд войск Мансфельда.

Нарушение договоренностей дало Максимилиану долгожданный повод для вторжения в земли Фридриха на Рейне. Еще меньше, чем Фердинанд, он желал видеть здесь испанцев, и герцог незамедлительно направил по следам Мансфельда войско генерала Тилли. Максимилиан рассчитывал на то, что его армия займет на Рейне позиции рядом с испанцами, но он крупно ошибался, если думал, что они будут воевать на его стороне. Спинола в Нидерландах готовил нападение на голландцев. Правительства и в Брюсселе, и в Мадриде не желали тратиться на войну за полоску территории, которую они могут получить по договору, и их генерал на Рейне Кордоба четко руководствовался полученными приказами. Тилли, не располагавший силами для борьбы с Мансфельдом в одиночку, отступил на зимовку в Верхнем Пфальце, Кордоба не проявлял никакой активности, Вер окапывался на обоих берегах Рейна, а Мансфельд ушел в Эльзас на поиски пропитания и укрытия для своей армии.

Богемия, Рейнский Пфальц, Верхний Пфальц, рейнские епископства, Эльзас — постепенно расширялась география войны. «Господи, помоги тем, к кому идет Манс-

[1] Gindely, *Geschichte*, IV, pp. 182 ff.

фельд!» — молились тогда в Германии[1]. Его войска несли с собой по Франконии чуму, заражавшую города и деревни[2], завезли в Эльзас тиф, перед ними бежали перепуганные жители, ища спасения в Страсбурге, многие из них гибли по дороге. Зима наступила рано, с сильными снегопадами, и солдаты Мансфельда грабили и крушили все вокруг, жгли и разбивали то, что не могли унести. Со стен Страсбурга иногда можно было насчитать до шестнадцати пожаров, озарявших ночное небо, но никто не решался уйти из города, боясь грабежей. Некоторым крестьянам удавалось пригнать коров и свиней в город, но в большинстве своем домашний скот погибал от голода или от рук солдатни Мансфельда[3]. В католических епископствах его воинство нападало на церкви, опустошало храмы, выдергивало изображения Христа с крестов и развешивало их на деревьях вдоль дорог. Мародеры добрались до таких южных городов, как Энзисхайм и Брайзах; сообщалось, что они спалили все дома на расстоянии пятнадцати миль от цитадели Хагенау[4].

Со времени битвы на Белой Горе минул год, но мира и не предвиделось. Оливарес в Мадриде, эрцгерцогиня в Брюсселе и король Англии были едины в желании вернуть Фридриху Пфальц, но помог Фердинанду не допустить этого не кто иной, как сам Фридрих. Он при помощи голландцев наращивал силы, по договору с Соединенными провинциями собирался возвратиться на свои земли как победитель во главе войск, оплачиваемых голландцами, и ему вовсе не нужна была испанская протекция. Фридрих горел желанием сражаться, так же как и Фердинанд. Англо-испанский план хромал на обе ноги. Мир в такой ситуации был неактуален.

Теоретически в Германии не было гражданской войны, шла война против одного нарушителя спокойствия и по-

---

[1] Hurter, *Ferdinand II*, IX, p. 77.

[2] Lammert, pp. 55 f.

[3] Walther, *Strassburger Chronik*, pp. 14—15.

[4] *Annales*, XI, p. 1701; *Acta Mansfeldica*, pp. 118 f.; Reuss, *Alsace au dixseptième siècle*. Paris, 1898, p. 61.

рядка. Трудно сказать, хотел ли Фердинанд, чтобы так продолжалось и дальше. Его раздражал тупик, созданный испанцами на Рейне, но не потому, что это могло привести к международным осложнениям: он мешал ему рассчитаться с Максимилианом. Еще в юности Фердинанд придумал воинственный девиз «Legitime certantibus corona» («Корона причитается законному победителю»), и идея праведной битвы за имперскую корону ему всегда импонировала. Он не представлял себе бесконфликтного наращивания императорского могущества, относился к перспективе продолжения войны без особых переживаний и не обладал той впечатлительностью, которая позволяет понять, что могут сделать с человеком голод, огонь или меч. В общем, он мало чем отличался от большинства соплеменников, считавших выкалывание солдатней глаз в образах Девы Марии более страшным злом, нежели сжигание крестьян вместе с их домами. Фердинанд противился посредническим планам примирения так же, как Фридрих или Мансфельд, но в политическом и моральном отношении его позиция была сильнее, поскольку ответственность за продолжение войны он всегда мог переложить на них. Убежденный в том, что его политика полезнее для династии, голландцы или сам Фридрих сгубят на корню англо-испанский замысел или особо нервные протестантские князья выкинут какую-нибудь глупость, Фердинанд спокойно наблюдал за тем, как ситуация все больше складывалась в его пользу. Есть такой дар — чувствовать момент, когда можно действовать, а когда лучше подождать. И Фердинанд таким даром обладал. Зимой 1621 года ему надо было лишь терпеливо ждать.

3

Если бы Фридрих и Елизавета согласились с англо-испанским планом и вернулись в Гейдельберг, то Тридцатилетней войны, возможно, и не случилось бы.

Но эти молодые люди — им вместе было менее пятидесяти лет — не испытывали ни малейших намерений уступать. Недостаток силы воли у Фридриха с лихвой восполнялся убеждениями, а у Елизаветы мужества хватало на двоих.

Наивные, чистосердечные, доверчивые, но неискушенные и заблуждающиеся, то и дело терпящие поражение и собирающие силы для новой битвы, предаваемые союзниками, король и королева девять лет приковывали внимание протестантской Европы к Германии и упорно отстаивали свое правое дело, пока на историческую сцену не вышли гении Ришелье и Густава Адольфа. Им и предстояло навсегда покончить с империей Габсбургов и господством Испании.

В королевском тандеме роль трутня исполнял Фридрих, пчелкой была Елизавета. На карту были поставлены его земли, титулы и права, реальные и надуманные. «В парной упряжке ведет кобыла», — писал ей брат принц Уэльский[1]. Именно Елизавета поддерживала контакты со всеми неофициальными влиятельными персонами, фаворитом отца и главными деятелями французского двора. Она благоразумно окрестила новорожденную дочь Луизой Голландиной и попросила голландские штаты быть ее крестными отцами, и Елизавета же покоряла послов и превращала свое обаяние и благосклонности в финансы, которых так недоставало мужу.

Их первым союзником стал Христиан Брауншвейгский, предложивший набрать и возглавить новую армию на деньги голландцев. Христиан, младший брат герцога Брауншвейг-Вольфенбюттеля, в возрасте восемнадцати лет был произведен в чин «управляющего» секуляризованным епископством Хальберштадт. Он не имел никаких данных для исполнения этой должности, кроме нелюбви к католикам. «Должен признаться, — писал он матери, — что мне нравится воевать. Я таким родился и останусь таковым до конца

[1] M. A. E. Green, p. 250 n.

жизни»[1]. Красивый, сильный и полный энергии Христиан был у матери любимцем и рос испорченным ребенком, легкомысленным, но самоуверенным. Он рано освоил солдатские манеры поведения и нечестивость речи, приобретя впоследствии репутацию безрассудно жестокого и порочного человека, которая сохранялась за ним три столетия. В состоянии повышенной возбудимости и опьянения он мог накричать на старших по возрасту и положению, назвать, например, эрцгерцогиню Изабеллу *alte Vettel*[2], а германских князей и английского короля — *cojones*[3]. Самое одиозное «зверство», приписываемое ему и изобретенное журналистом в Кёльне, состояло в том, что он заставлял монахинь разграбленного монастыря прислуживать ему и его офицерам в нагом виде[4]. В действительности он относился внимательно к заключенным и проявлял благородство к врагам[5].

Свою неприязнь к династии Габсбургов и враждебность к католической церкви Христиан окружил романтическим ореолом любви, страстной, но преимущественно рыцарской, к прекрасной королеве Богемии[6]. Однажды она уронила перчатку, и Христиан, схватив ее, в ответ на просьбу Елизаветы, произнесенную с шаловливым смехом, вернуть оброненный предмет с жаром воскликнул: «Мадам, вы получите ее в Палатинате!»[7] С той поры он носил перчатку в шляпе, на которой было начертан девиз «*Pour Dieu et pour elle*»[8], красовавшийся и на его знаменах.

---

[1] Opel, *Elisabeth Stuart, Königin von Böhmen, Kurfürstin von der Pfalz. Historische Zeitschrift*, XXIII, p. 320.

[2] «Старая карга», «старая шлюха».

[3] Американизм испанского происхождения, переводится в грубой форме как «яйца» в значении мужественности, силы, смелости. Wertheim, *Der tolle Halberstädter*, I, pp. 223—224.

[4] Wertheim, *Der tolle Halberstädter*, I, p. 230.

[5] Ibid., I, pp. 217 f.; Klopp, II, p. 151.

[6] Opel, p. 306; Wertheim, I, pp. 200 f.

[7] Block, *Relazioni Veneziane*, p. 223.

[8] «За Господа и за нее» (*фр.*).

Христиан был сделан из того же самого теста, из которого получаются все великие лидеры, если бы он обладал еще терпением, необходимым для учения. Почти без денег и с малым числом офицеров он к осени 1621 года собрал армию численностью более десяти тысяч человек. Одно это обстоятельство — создание в кратчайший срок войска, пусть и плохо вооруженного и недисциплинированного — не позволяет считать его только лишь «разбойником»[1]. «Безумец из Хальберштадта» — называли его современники, но его безумие проистекало из вдохновения.

В это же время у Фридриха появился еще один союзник — Георг Фридрих, маркграф Баден-Дурлахский. Он был добропорядочным немцем и правоверным кальвинистом, и его заставила взяться за оружие испанская угроза на Рейне. Он пользовался любовью в народе и, несмотря на свои шестьдесят лет, сохранял силу и бодрость духа молодого человека. Эти качества позволили ему набрать армию из двенадцати тысяч человек, в основном среди своих подданных. Таким образом, к весне 1622 года Фридрих мог выставить против императора три войска — Мансфельда в Эльзасе, Христиана Брауншвейгского в Вестфалии и Георга Фридриха в Бадене.

Объединив эти силы на Рейне, Фридрих имел бы армию в сорок тысяч человек, при искусном руководстве достаточную для сдерживания Тилли и испанцев. Пока же они находились далеко друг от друга: войско Христиана — в Вестфалии, два других — выше по Рейну. Их разделяли сотни миль пространства, реки Майн и Неккар: Тилли с испанцами располагали временем для того, чтобы перехватить союзников Фридриха, а эрцгерцогиня Изабелла, напуганная возрождением протестантской воинственности[2], могла послать агентов для подкупа Мансфельда.

Сам Фридрих тайно выехал из Гааги и 22 апреля 1622 года примкнул к Мансфельду в Гермерсхайме в родном

[1] Wertheim, I, 232.

[2] Rodrigues-Villa, *Correspondencia de la Infanta Isabella Clara Eugenia con el Duque de Lerma*. Madrid, 1906, p. 241.

Пфальце, вызвав восторг у подданных и ошеломив своего генерала[1]. Мансфельд не ожидал его столь раннего приезда и, как обычно, торговался с агентами противника о цене своего ухода от Фридриха[2]. Прибытие нанимателя вынудило его отложить переговоры. Он перебрался с частью армии на правый берег Рейна и воспрепятствовал соединению Тилли с испанским генералом Кордобой, оттеснив его 27 апреля с небольшими потерями у деревни Мингольсхайм. Тем не менее, пока Мансфельд поджидал подхода армии маркграфа Баденского, Тилли обошел его и все-таки воссоединился с Кордобой в начале мая.

Теперь союзникам Фридриха надо было как-то опередить объединенные силы противника и состыковаться с Христианом Брауншвейгским, который очень медленно шел с севера, опустошая все на своем пути. Мансфельд и маркграф Баденский не осмеливались вдвоем выступить против войск Тилли и испанцев, а кроме того, им была крайне необходима денежная помощь Христиана для выплаты жалованья армиям. Молодой князь все последние месяцы занимался тем, что под угрозами вымогал деньги и драгоценные металлы в богатых епископствах Майнца и Падерборна. В более или менее состоятельные деревни он рассылал письма с преднамеренно обгоревшими уголками и устрашающими словами «Огонь! Огонь!», «Кровь! Кровь!». Такие недвусмысленные намеки, как правило, приносили ему немалые откупные суммы. Христиан забирал из католических церквей золотые и серебряные образа и утварь, переплавляя их в монеты с нахальными надписями: «Друг Господу, враг священникам»[3]. Крамольные послания и монеты дали повод обвинять его в нечестивости и жестокости, о чем писали памфлетисты по всей Германии. Однако, например, в Падерборне члены кафедрального капитула не нашли ни-

[1] Aitzema, *Saken van Staet en Oorlogh*. The Hague, 1657, I, p. 116.

[2] *Annales*, IX, p. 1705.

[3] Weskamp, *Das Heer der Liga*, Munich, 1891, pp. 50, 86.

чего плохого в его поведении. Христиан вернул им мощи святых, взяв, правда, раки и ковчеги на переплавку[1].

Между войсками Христиана и Фридриха пролегала река Неккар. Мансфельд и маркграф Баденский решили перейти ее по отдельности, надеясь разобщить Тилли и Кордобу. Их план не удался: когда 6 мая маркграф попытался форсировать реку у Вимпфена, Тилли и Кордоба отсекли его. Маркграф уступал им в численности войск, но его положение не было безнадежным: его преданные и ретивые солдаты вполне могли справиться с армией, ослабленной острой нехваткой провианта[2] и разрозненным командованием. Георг Фридрих полагался на артиллерию и установил пушки на холме, возвышавшемся над равнинной местностью. Он намеревался прорвать наступавшие испанские и баварские войска кавалерийской атакой, поддержанной артиллерией. Вначале все шло хорошо: первая линия Кордобы развалилась под натиском конников и ударами удачно расставленных пушек. Солдаты Георга Фридриха захватили два испанских орудия, и, казалось, зашаталось все испанское крыло. Но внезапно, настолько внезапно, что это обстоятельство впоследствии объясняли знамением, пушки маркграфа разом умолкли, а войско в полном беспорядке начало отступать. Над головами воинов Кордобы в дымке всплыла женщина в белом одеянии, и один из них, немой от рождения, закричал «Победа!», призывая сотоварищей к бою. Такова легенда. «Женщиной» было облако от взрыва пушечного ядра, посланного артиллерией Георга Фридриха и взлетевшего слишком высоко. Тилли и Кордоба воспользовались моментом и захватили холм, смяв воинство маркграфа и после долгой и ожесточенной схватки вынудив его бросить пушки и бежать[3].

---

[1] Klopp, II, p. 151.

[2] du Cornet, *Histoire générale des guerres de Savoie, de Bohème, du Palatinat et des Pays-Bas*. Bruxelles, 1868, p. 30.

[3] Carafa, p. 371; du Cornet, p. 32; *Westenrieders Beyträge*, Munich, 1792, IV, pp. 110—111.

Ходили слухи, будто Георг Фридрих, одинокий и усталый, когда наступила ночь, на совершенно загнанной лошади подъехал к воротам Хайлбронна и попросил, постучав, у остолбеневшего стража: «Дружище, дай напиться старому маркграфу». В действительности на другой день после битвы, 7 мая 1622 года, он прискакал в Штутгарт, сломленный и сокрушенный, в сопровождении группы таких же унылых и подавленных спутников[1].

Тем не менее в военном отношении мало что изменилось. Через несколько дней армия пополнилась более чем на две трети. Потери в войске Кордобы были тоже значительные, его люди нуждались в отдыхе, а конница — в фураже. Пока Тилли и Кордоба восстанавливали силы, Мансфельд преодолел Неккар и уверенно двигался на север по нейтральным угодьям ландграфа Гессен-Дармштадтского. Но старый маркграф, натерпевшись ужасов битвы, пал духом и не желал больше приносить в жертву своих подданных. Как союзник он уже был ни на что не годен. Его восстановленная армия таяла на глазах из-за неорганизованности[2].

Для Фридриха главным оставалось соединение войск Мансфельда и Христиана. Долина Неккар теперь была позади, Мансфельд и Тилли рвались к реке Майн, первый хотел помочь Христиану ее форсировать, второй должен был помешать этому. Для Мансфельда наикратчайший путь лежал через земли ландграфа Гессен-Дармштадтского. Безобидный князь был добропорядочным подданным империи, но не имел оружия, и когда Фридрих и Мансфельд появились возле его крошечной столицы, ему ничего не оставалось, как впустить их армию и оказать им гостеприимство. Дабы снять с себя ответственность, он пытался тайно сбежать, но его, грязного, опозоренного и со стертыми ногами, вернули из ночной вылазки и попробовали заставить отдать Рюссельхайм, небольшую крепость на Майне. Проявляя ге-

[1] Dieffenbach, *Das Grossherzogtum Hessen*, Darmstadt, 1877, p. 159.

[2] Wertheim, II, pp. 412 f.

роическое упрямство, ландграф отказался, и Мансфельд продолжил путь к Майну, негодуя на себя за сделанный бесполезный крюк и везя с собой князя и его сына в качестве заложников[1].

Этот «крюк» оказал добрую услугу Тилли и Кордобе. Они опередили Мансфельда и пришли раньше к Майну, обнаружив, что Христиан уже занял плацдарм у Хёхста, в двух милях к западу от Франкфурта.

Армия Христиана насчитывала двенадцать — пятнадцать тысяч человек и имела всего три пушки, из которых две не действовали. Понятно, что он не мог затеять решающую схватку с превосходящими силами противника. Но герцог знал, что Мансфельд недалеко и ему крайне нужны подкрепления и деньги. Для Христиана было важно переправить через Майн как можно больше людей и награбленного добра, и он это сделал, отбиваясь от наседавших испанцев и баварцев. Христиан потерял две тысячи человек, почти весь груз, все три пушки, но переправился через реку и соединился с Мансфельдом, сохранив почти всю кавалерию и свои сокровища[2].

Согласно косной военной теории того времени Христиан, проявивший безрассудство и расточительство человеческими жизнями, потерпел сокрушительное поражение. Без сомнения, Тилли и Кордоба могли заявлять о победе, хотя и не достигли главной цели. Однако Христиан вряд ли заслужил тех обидных слов, с которыми встретил его профессиональный генерал, когда герцог предстал перед Мансфельдом и Фридрихом в отличном настроении, всем своим видом опровергая слухи о том, что его якобы убили[3].

---

[1] Ludwig Schädel, *Der Gründer der Ludoviciana in der Haft des Winterkönigs. Mitteilungen des oberhessischen Geschichtsvereins.* Neue Folge, XIV, p. 54.

[2] Wertheim, II, pp. 512 f.; du Cornet, p. 51.

[3] Aretin, *Beyträge*, VII, p. 185. Klopp, II, pp. 194—195.

В объединенных армиях едва набиралось двадцать пять тысяч человек. У Тилли и Кордобы людей было больше, но их безмерно измотали длительные переходы и две последние тяжелые битвы. Мансфельд злился на молодого князька, старавшегося главенствовать и за столом, и в разговорах. Всю весну и лето он периодически заболевал[1], чувствовал себя усталым и пребывал в плохом настроении. Денег попрежнему не хватало, не помогли поправить ситуацию и награбленные богатства Христиана. Проблема фуража на оккупированных землях стояла одинаково остро для обеих сторон[2].

Единственным достоянием для Мансфельда оставалась его армия, и он не хотел рисковать ею в совместных действиях с безрассудным Христианом. Мансфельд не страдал такой же фанатичной преданностью делу протестантизма и в отличие от Христиана ценил жизни солдат. Без его поддержки Христиан вряд ли способен что-либо сделать, и через несколько дней после битвы при Хёхсте Мансфельд настоял на том, чтобы отвести объединенные войска через Рейн к Ландау и оставить правый берег реки противнику.

Они отходили на юг к Эльзасу, и это был очень своеобразный альянс лидеров отступления. Фридрих во время привалов объяснял ландграфу, что формально он не воюет против императора[3]. Мансфельд доказывал, как надо было поступать в сражении при Хёхсте. Христиан громогласно сообщил изумленным слушателям о том, что он одарил епископство Падерборн таким количеством «молодых герцогов Брауншвейгских», что они, когда вырастут, смогут держать в узде священников[4].

Три недели, проведенные в компании Мансфельда, открыли глаза Фридриху. Проходя по Эльзасу, войска сожгли город и тридцать деревень, их поведение окончательно по-

[1] Schädel, pp. 54—55.

[2] Wertheim, II, pp. 516 f.

[3] Hurter, *Ferdinand II*, IX, p. 121.

[4] Klopp, II, pp. 194—195; Wertheim, I, p. 227.

дорвало его репутацию. В Страсбурге скопилось десять тысяч беженцев, пришедших сюда вместе со скотом, и голод угрожал как людям, так и животным. Неудивительно, что здесь без энтузиазма отнеслись к призывам встать на защиту германских свобод. Страна была настолько разорена, а деревни опустели, что Мансфельд не мог накормить свою армию и ему пришлось переместиться в Лотарингию[1]. «Надо же различать друзей и врагов, — печалился Фридрих. — А эти люди крушат всех без разбору... Они получают удовольствие, когда жгут, ими завладел дьявол. Я должен от них уйти»[2]. Мансфельд в равной мере устал от Фридриха, и 13 июля 1622 года он покинул его вместе с Христианом[3]. Фридрих, оставшийся без войск, без владений и почти без слуг, пристроился к дяде, герцогу Буйонскому, в Седане, и здесь в промежутках между купаниями и игрой в теннис занимался поиском новых союзников[4].

Мансфельд тоже подыскивал нового работодателя, а Христиан — новый способ служения протестантскому делу. Какое-то время они решили действовать совместно. До них дошли слухи о бедственном положении в Соединенных провинциях, и они двинулись на север. Перемирие закончилось, для голландцев наступили тяжелые времена. Испанские войска захватили соседнюю немецкую провинцию Юлих. Мориц мог лишь с трудом обеспечивать безопасность границ. О наступательных действиях не могло быть и речи, а летом 1622 года Спинола перешел границу, осадив ключевую крепость Берген-оп-Зом.

Не дожидаясь приглашения, Мансфельд и Христиан направились к осажденному городу наикратчайшим путем, оставляя за собой след пожаров, мора и эпидемий по всему маршруту — через нейтральные епископства Мец и Верден

---

[1] Reuss, *Alsace*, pp. 61, 65; Klopp, II, pp. 200 f.

[2] Gardiner, *History of England*, IV, pp. 323, 339.

[3] Lundorp, II, p. 636.

[4] Aretin, *Beyträge*, VII, p. 188; Ritter, *Untersuchungen über die pfälzische Politik. Historische Zeitschrift*. LXXIV, pp. 410 ff.

в Испанские Нидерланды. Их бросок был полной неожиданностью; Кордоба, послав на север горстку войск, безуспешно пытался остановить их у Флёрюса. Здесь 29 августа Христиан, предприняв пять бешеных кавалерийских атак, во время пятой попытки прорвал испанские ряды для себя и Мансфельда, смял противника и открыл дорогу для уцелевших остатков победоносной армии. Его ранили в правую руку, и ее пришлось ампутировать. Христиан использовал это событие для демонстрации своей необычайной физической стойкости. Руку удаляли под фанфары, а затем он выпустил медаль с надписью «Altera restat»[1]. Тем не менее 4 октября Христиан и Мансфельд вовремя прибыли к крепости Берген-оп-Зом и сняли с нее осаду.

Пока Мансфельд и Христиан совершали героические поступки в Нидерландах, Тилли и Кордоба покоряли Пфальц. Осада Гейдельберга длилась одиннадцать недель, после чего гарнизон, потеряв всякую надежду на спасение, с почетом сдался 19 сентября 1622 года. С горожанами, уставшими от невзгод и постоянно бранившимися со своими защитниками, завоеватели обошлись менее доброжелательно: Тилли, как всегда, позволил солдатне вволю предаться любимому занятию — грабежам[2]. «Voilà mon pauvre Heidelberg pris»[3], — стенал из Седана Фридрих, призывая на помощь королей Англии и Дании. Но никто не откликнулся, и 5 ноября сэр Гораций Вер покинул Мангейм на тех же условиях почетной капитуляции. От всей богатой и прекрасной страны в распоряжении Фридриха осталась только маленькая крепость Франкенталь, где английский гарнизон еще пытался отстоять дело протестантства.

---

[1] du Cornet, pp. 69—70; J. P. Worp, *Briefwisseling van Constantin Huygens*. The Hague, 1911, I, p. 125; *Theatrum Europaeum*, I, pp. 66—68. «Вторая рука осталась» (*лат.*).

[2] Lundorp, II, pp. 630, 743—753; *Die Schicksale Heidelbergs im dreissigjährigen Kriege. Archiv für die Geschichte der Stadt Heidelberg*, II. Heidelberg, 1869, pp. 29 f.

[3] «Вот и мой бедный Гейдельберг пал» (*фр.*).

Пребывая зимой в Гааге, Фридрих и его супруга строили новые планы продолжения борьбы. Могли, например, объединиться, окружить и порушить империю Габсбургов Бетлен Габор, турки, король Дании, курфюрсты Саксонии и Бранденбурга[1]. Но они строили замки на песке, у них для этого не было ни средств, ни воли. «Конечно, в Пфальце могут набрать войска, — говорили тогда с издевкой, — если король Дании снабдит их маринованной селедкой, голландцы пришлют десять тысяч коробок сливочного масла, а англичане — сто тысяч послов»[2].

Силы Фридриха иссякли, и Фердинанду не надо было больше ждать. Подошло время исполнить обещание, данное Максимилиану.

4

Согласно конституционному положению император не имел права созывать рейхстаг по собственной воле. Поэтому курфюрст Майнца без особой охоты организовал общее собрание или *Deputationstag*, имперскую депутацию, съезд имперских депутатов, который Фердинанд и открыл в Регенсбурге 10 января 1623 года[3]. В нем участвовали персонально или через своих представителей курфюрсты Майнца, Трира, Кёльна, Саксонии, Бранденбурга, герцоги Брауншвейг-Вольфенбюттеля, Померании и Баварии, ландграф Гессен-Дармштадтский, епископы Зальцбурга и Вюрцбурга. В общем, мероприятие получилось далеко не полноформатное и не отличавшееся единодушием и энтузиазмом.

Фердинанд немало времени потратил на то, чтобы подготовить ведущих князей к решению о передаче курфюршества от Фридриха к Максимилиану. Кроме курфюрста

---

[1] См.: Ritter, *Untersuchungen über die pfälzische Politik. Historische Zeitschrift.* LXXIV, pp. 407—441.

[2] R. Coke, *State of England*, p. 109.

[3] Детальное описание заседаний дает Гёц: Goetz, *Briefe und Akten*, Leipzig, 1907, II, i, pp. 10—22, 26—46.

Кёльна, брата Максимилиана, против этого были настроены практически все главные германские князья. Возражения курфюрстов Майнца и Трира основывались на конституции. Курфюрсты Саксонии и Бранденбурга руководствовались еще и религиозными резонами, опасались усиления как императорской власти, так и давления на почве веры. В прошлом году Фердинанд не сдержал свое слово, данное Иоганну Георгу Саксонскому, и запретил лютеранство в Богемии[1]. Все попытки курфюрста защитить протестантов провалились. К его протестам от имени чешских лютеран и призывам соблюдать конституцию в отношении Фридриха император отнесся более чем прохладно[2]. Иоганн Георг начал понимать, что он, пытаясь уберечь императора от нападок за попрание конституционных норм, навлек на Германию опасность подвергнуться куда более серьезному антиконституционному насилию. Осознавая свою беспомощность, курфюрст метался из стороны в сторону, и Фердинанд решил: если он не может рассчитывать на поддержку Иоганна Георга, то ему не следует остерегаться и его враждебности.

Положение курфюрста Бранденбургского было в равной мере сложным и противоречивым. Его жена приходилась Фридриху старшей сестрой, и она побудила супруга приютить мать и младшего брата, который к тому же был женат на принцессе Бранденбургской, что еще сильнее связывало два семейства взаимными обязательствами. Гонения в Богемии настроили курфюрста Бранденбурга против императора. Но ему не хватало ни ума, ни решительности; на его землях создавала проблемы значительная лютеранская партия, оппозиционная его собственным кальвинистским убеждениям, и у него были все основания для того, чтобы стремиться к сохранению мира. Мало того, польский король, зять Фердинанда, сделал своевременный и многозначитель-

[1] Lundorp, II, p. 630.

[2] *Annales*, IX, pp. 1653, 1799; Lundorp, II, pp. 605, 631, 649—652.

ный жест — уступил Бранденбургу спорную провинцию Пруссию в качестве феода польской короны[1]. Это была неприкрытая взятка, и курфюрст, беря ее, брал и обязательства перед династией Габсбургов. Но если бы он и захотел отказаться, то у него не было армии, которая соответствовала бы своему названию, а собрание сословий не дало бы денег на ее формирование. Курфюрсту оставалось только следовать в кильватере Саксонии и не принимать поспешных решений.

Поскольку обоих курфюрстов-протестантов больше всего беспокоила собственная безопасность, Фердинанд мог без опаски осуществлять свой антиконституционный замысел. И никто в Германии не мог ему помешать.

Иначе дела обстояли в Европе. Испанцы не хотели, чтобы курфюршество перешло к Максимилиану. Эрцгерцогиня Изабелла с одобрения Мадрида предложила свою схему: Фридрих должен отречься от престола в пользу старшего сына, семилетнего мальчика, которого надо увезти в Вену, воспитывать в семье императора и затем женить на одной из его дочерей. Этот план, позволявший соблюсти имперскую конституцию, так как отречение под давлением разрешалось, когда свержение было незаконно, поддержали и Филипп IV, и Яков I, и даже Иоганн Георг Саксонский. Никого не волновало то, что Фридрих не отречется от власти, не отпустит сына и будет настаивать на возмещении ущерба, причиненного чешским протестантам[2].

Однако не сидел сложа руки и Максимилиан. Завоевание Пфальца дало ему возможность доказать, что он не меньше Фердинанда борется за интересы церкви. Герцог начал энергично обращать жителей в католическую веру. Как только войска Тилли окончательно осели в Пфальце, на голодный и страдающий от эпидемии чумы народ обрушились миссионеры, появились указы, запрещающие эмиграцию.

---

[1] Droysen, *Preussische Politik*, II, p. 638.

[2] *Annales*, X, pp. 86, 117—118; Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, pp. 4, 22—23.

В Гейдельберге закрылись протестантские храмы, университет был распущен, а превосходную библиотеку погрузили на повозки и отправили через Альпы в Рим в качестве благодарственного подношения Максимилиана Ватикану[1].

Подкупать папу не было необходимости. Осуществление замысла эрцгерцогини привело бы к усилению могущества Габсбургов, чего итальянский владыка никак не мог допустить. Король Англии поддержал план, у французского короля не было сил для того, чтобы воспротивиться, а Испания, по всей видимости, и так отвоюет голландские Нидерланды и восстановит потери. Если уж не давать Габсбургам становиться властелинами мира, то надо использовать Максимилиана в качестве противовеса Австрии в самой империи и Испании — в Европе.

Все это время Фердинанд пребывал в некотором смятении. Папа требовал, чтобы он письменно обещал передать курфюршество Максимилиану[2]. Испанский король навязывал ему английский план, конституционалист курфюрст Майнца предупреждал, что Саксонии не понравится, если он исполнит желание Максимилиана[3]. Действительно, в Европе к императору относились с презрительной жалостью, и результат переговоров в Регенсбурге в основном зависел от позиции Испании и Баварии. Это устраивало Фердинанда: он всегда мог предстать жертвой обстоятельств. Если он добьется передачи курфюршества Максимилиану, то усилит свою императорскую власть, если же его постигнет неудача, то он снимет с себя всякую ответственность и, не выиграв, ничего и не потеряет.

Фердинанд не пошел навстречу пожеланиям испанцев. Безусловно, он, подобно предшественникам, должен служить интересам династии, но по-своему: для Германии, для империи, а не для Испании. И спасение династии он видел

---

[1] Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, p. 568; *Schicksale Heidelbergs*, p. 188; Carafa, *Germania Sacra Restaurata*, Cologne, 1637, I, pp. 340 f.

[2] Gindely, *Geschichte*, IV, p. 383.

[3] Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, p. 20.

не в завоевании голландских Нидерландов, а в реформировании империи. Если возродится могущество империи, то никакая нация и никакая правящая династия не смогут противостоять Габсбургам. Он настроился на то, чтобы повременить с исполнением запросов Испании, не ради удовлетворения Баварии, а для того, чтобы реализовать более весомые, хотя и отдаленные династические амбиции.

Немногие из князей, собравшихся в Регенсбурге в январе 1623 года, могли поддержать предложение Фердинанда. Курфюрсты Саксонии и Бранденбурга вообще не направили своих полномочных представителей, чтобы принятые на собрании решения не стали для них обязательными. И вообще, зачем нужны были все эти упражнения в конституционных софизмах, когда единственная в Германии вооруженная сила принадлежала герцогу Баварскому и находилась в распоряжении императора! Какое бы решение ни принял император, законное или противозаконное, князьям пришлось бы с ним согласиться.

Съезд в Регенсбурге длился шесть недель. Князья и испанский посол приводили самые разные доводы против передачи курфюршества. Заявлялись и права четверых сыновей Фридриха, и младшего брата Фридриха, и князя Нойбурга, католика, находившегося в более близком родстве с мятежником, нежели Максимилиан Баварский. Но Максимилиан и Фердинанд твердо стояли на своем. Собрание, презирая Максимилиана, явно жалело Фердинанда.

Герцог подыгрывал императору. Личные амбиции возобладали. Его старый отец, уже тридцать лет находившийся не у дел, пытался образумить сына. Но Максимилиан, сам уже давно не мальчик, и слушать не захотел «голос из прошлого века»[1].

Фердинанд согласился лишь на одну уступку. Курфюршество жаловалось пожизненно, то есть оставалась возможность возвратить его детям Фридриха после смерти Макси-

[1] Lundorp, II, p. 501.

милиана. Герцог был уже довольно стар, а его супруга миновала детородный возраст[1]. 23 февраля 1623 года Фридриха низложили, а через два дня Максимилиан получил все его титулы[2]. Во время инвеституры зал был почти пуст, не присутствовали представители Саксонии и Бранденбурга, не пришел испанский посол. Вел церемонию курфюрст Майнца, его лицо выражало растерянность, и он все время почесывал голову, словно раздумывая. В ответной речи Максимилиана не было ни блеска, ни уверенности[3], будто он в последний момент сам стал сомневаться в правильности своих действий. Он получил то, что хотел, но в ущерб тем самым свободам, благодаря которым держался у власти. Кто знает, может быть, завтра его постигнет такая же участь, какая выпала на долю Фридриха. Он дал в руки Фердинанда оружие, которым тот не преминет воспользоваться. Придет время, и он будет сожалеть о том, что принес в жертву амбициям конституцию Германии и открыл дорогу насилию. Человек, меньше всего желавший усиления императорской власти, сам же и надругался над конституцией, которую должен был защищать.

5

Возвышение Максимилиана вызвало бурю протеста, к чему Фердинанд в принципе был готов. Испанский посол не прислал поздравлений, эрцгерцогиня Изабелла выразила порицание и сожаление[4]. Курфюрсты Саксонии и Бранденбурга единодушно решили не признавать своего нового коллегу. Собрание в Регенсбурге закончилось преждевременно, поскольку делегаты-протестанты не захотели сидеть рядом с так называемым курфюрстом из Баварии[5].

---

[1] Lundorp, II, p. 657 seq.

[2] Lünig, III, ii, pp. 64 f.; V, i, pp. 693 f.; Lundorp, II, pp. 673, 676.

[3] Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, pp. 44—45.

[4] *Annales*, X, p. 71; Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, pp. 76, 101.

[5] Lundorp, II, p. 733; Gindely, *Geschichte*, IV, p. 515.

Фердинанд теперь знал границы своей власти. Она простиралась не далее тех пределов, до которых ее продвигали вооруженные силы, в этом отношении он все еще зависел от Католической лиги и Максимилиана Баварского. В Регенсбурге протестантские делегаты недвусмысленно отказались выделить деньги на войну. Возможно, они были слишком слабы для открытого противостояния, но не настолько наивны, чтобы субсидировать наступление на свои свободы. Передача курфюршества довершила опалу Фридриха, вынудив конституционалистов если не солидаризироваться с ним, то по крайней мере ему симпатизировать.

С другой стороны, в Регенсбурге еще больше углубился раскол между католическими и протестантскими князьями. Делегаты Католической лиги, естественно, поддержали Максимилиана, своего лидера и казначея, а самые оголтелые из них неосмотрительно похвалялись, что церковь скоро отвоюет всю Германию. Курфюрсты Саксонии и Бранденбурга в результате созвали протестантское собрание, на котором Саксония предложила создать новую протестантскую унию, а Бранденбург призывал к оружию. Эти жесты привели к тому, что еще крепче стал альянс между Фердинандом и лигой[1].

Лига под предводительством Максимилиана тоже провела свое ежегодно́е собрание в Регенсбурге. Максимилиан, пользуясь победой, преодолел сомнения наиболее робких делегатов и настоял на том, чтобы и дальше содержать армию Тилли[2]. После того как Максимилиан сбросил все маски, для него было важно демонстрацией силы оружия предупредить любую возможность атаки со стороны протестантов и конституционалистов. Ресурсы Баварии и союзников были ограничены, и Тилли испытывал трудности в снабжении войск[3]. Доводы нового курфюрста не вызвали особых

[1] Lundorp, II, pp. 733 f.; Gindely, *Geschichte*, IV, pp. 501 ff.

[2] Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, pp. 48—64.

[3] Goetz, *passim*.

возражений, и члены лиги согласились обложить подданных дополнительными поборами.

Не менее важно для Максимилиана было усилить свое влияние на Фердинанда. Сделать это было несложно, поскольку император нуждался в армии, а предоставить ее могла только лига. К концу марта 1623 года возродился первоначальный альянс. Фердинанд уже задолжал курфюрсту Баварскому от шестнадцати до восемнадцати миллионов флоринов за прежние услуги, и долг не оплачивался, а все возрастал. В счет возмещения этой огромной суммы он согласился дать Максимилиану право распоряжаться всеми доходами в Верхней Австрии и владеть Верхним Пфальцем, по крайней мере какое-то время[1]. Окончательная передача земель не состоялась, но все, кто знал особенности политики Габсбургов, понимали, что когда-нибудь Фердинанд выкупит Верхнюю Австрию уступкой Пфальца. Он готовился к переделу империи и прикрывал свои истинные намерения обязательствами перед Максимилианом.

Фердинанд успешно игнорировал ограничения императорской власти, мешавшие его предшественникам, начиная с Карла V, но ему была нужна полная победа. До тех пор пока он зависел от той или иной партии, католической или протестантской, деспотизм будет иллюзорным, рано или поздно наступит момент, когда станет небезопасным использовать амбиции и убеждения одного князя в ущерб другому, а могущество Баварии создаст угрозу династии Габсбургов. Как-никак Максимилиан уже упоминался в качестве кандидата на императорский трон.

На его месте более умный государственный муж натравливал бы одну партию на другую, например Иоганна Георга Саксонского на Максимилиана Баварского. Религиозный фанатик продался бы Католической лиге и отвоевал для церкви Германию, невзирая на урон престижу империи. Фердинанд в силу своего происхождения и воспитания не

[1] Goetz, pp. 137—144.

мог сделать ни то ни другое. Он был истым, ревностным католиком, и говорить о том, что он мог использовать Католическую лигу в своих целях, значит оскорблять его верования. Пока лига служит церкви, сердце Фердинанда принадлежит ей. Но как только лига начинает угрожать династии, вступает в силу новый фактор. Его политические и религиозные убеждения смешались. Он искренне верил в то, что только династия Габсбургов способна возвратить Германию в лоно церкви, и если лига угрожает стабильности династии, она угрожает и благополучию католической Европы. Это глубочайшее убеждение и объясняет как все его действия, так и лицемерность поведения. Он выиграл полбитвы с помощью лиги. Теперь ему нужно было найти средство для того, чтобы подчинить ее себе. Вполне вероятно, что он не осознавал всей сложности проблем, стоявших перед ним, и руководствовался двумя простыми желаниями: усилить власть Габсбургов в династических землях и избежать новых обязательств перед Максимилианом Баварским.

Помогали ему в этом два исключительно способных человека: друг и главный министр Эггенберг и иезуитский священник, отец Ламормен[1]. Собственно, только они и оказывали постоянное влияние на легковесные и уступчивые суждения Фердинанда. Эггенберг играл роль главного советника уже несколько лет, а Ламормен стал духовником Фердинанда только лишь в 1624 году. Этот высокий, тощий человек родился в зажиточной крестьянской семье в Люксембурге и из-за уродливой хромоты еще мальчишкой был вынужден найти приют в семинарии. Его отличали аскетизм, простота манер и фанатизм убеждений. Фердинанд никогда не верил в политическую святость служителей церкви. Он мог отнестись с подчеркнутой любезностью к самому малозначительному деревенскому священнику и не заду-

[1] Предполагается, что имя произошло от названия местечка Ла-Муар-Манни в Арденнах, родины его семьи: *Correspondenz Kaisers Ferdinand II.* Herausgegeben von dr. B. Dudik, *Archiv für Oesterreichische Geschichte*, LIV, p. 228.

мываясь подвергнуть аресту и заключению кардинала[1], а еще в молодости удалил духовника одного из своих братьев: ему не понравилось, как святой отец пользовался влиянием на брата. Тем не менее сообразительный человек мог установить с ним такие отношения, которые позволяли бы превращать исповедь в потенциальное средство формирования политики. Ламормен вполне устраивал Фердинанда: духовник проявлял искренний интерес к его семье и охотничьим забавам, давал советы с той логической точностью и ясностью, какую Фердинанд и ожидал от иезуита.

5 апреля 1623 года Фердинанд выехал из Регенсбурга в Прагу[2], с тем чтобы приступить к реализации намерений по стабилизации и упрочению власти Габсбургов. В его свите находился и папский нунций кардинал Карафа, один из самых способных членов этого семейства, будущий папа, величайший предводитель Контрреформации. Именно с помощью этого человека Фердинанд рассчитывал вернуть Богемию в лоно церкви.

С того времени, когда Фердинанд посещал Богемию последний раз, минуло пять лет, и места, по которым он проезжал, несли на себе следы чудовищных перемен. Дорога из Регенсбурга к границе проходила через Верхний Пфальц, где война оставила страшную разруху. Крестьяне, сохранившие верность своему низложенному курфюрсту[3], зачастую отказывали солдатам-католикам в еде и пристанище, навлекая на себя ярость интервентов[4]. Максимилиан, стремясь избежать осложнений, разоружил все население[5], а естественные защитники крестьянства, местные дворяне, оказавшиеся не столь преданными, как народ, поспешили

[1] Кардинал Клезль. См. выше, гл. вторая.

[2] Gindely, *Geschichte*, IV, p. 523.

[3] Максимилиан даже в 1638 г. все еще опасался, что появление в Верхнем Пфальце одного из сыновей Фридриха может вызвать волнения.

[4] Högl, *Die Bekehrung der Oberpfalz. Regensburg*, 1903, pp. 52—53.

[5] Ibid., pp. 85 ff.

прийти к согласию с новыми властями, предоставив крестьянам самим защищать себя. Из-за нехватки жалованья дисциплина в армии Тилли упала еще летом 1621 года. Свою злобу солдаты вымещали на несчастных деревнях Пфальца, подвергая их разорению по праву завоевателя. В городах они грабили даже больницы и чумные бараки, заражая войска и распространяя эпидемию по всей провинции[1]. Перейдя границу Богемии, Фердинанд мог видеть результаты опустошений, произведенных Мансфельдом. Да и другие земли пострадали не меньше от вооруженных грабителей. Моравию последние два года охраняли казаки от возможного вторжения Бетлена Габора. Их опустошительная вольница привела к массовому голоду[2].

Фердинанд приехал не помогать, и меры, им принятые, не были направлены на то, чтобы залечить раны Богемии. Осенью он издал эдикт, по которому участники восстания должны были лишиться части или всех принадлежащих им земель[3], и теперь он хотел проверить, как исполняется его указ. Решение охватывало в Богемии шестьсот пятьдесят восемь семей, пятьдесят городов и земли, равные половине территории провинции, а в Моравии оно затрагивало интересы свыше трехсот землевладельцев, самые тяжкие виновники теряли все владения, менее серьезные нарушители наказывались потерей пятой части земельной собственности. Ни Фердинанд, ни его советники не могли не видеть выгоды от сохранения добычи в руках короны, но острая нужда в деньгах для покрытия расходов государства не давала им покоя. Земли надо было продавать.

Однако на рынке уже было слишком много продавцов земли и слишком мало покупателей. Ситуация усугублялась и финансовым кризисом, поразившим всю империю. Бесконтрольная монетарная система Германии развалилась. Стоимость гульдена, более или менее ходовой монеты в

[1] Högl, p. 52.

[2] d'Elvert, III, p. 114.

[3] Ibid., II, pp. 151 f.

Южной Германии, начала колебаться по отношению к талеру в Северной Германии еще в 1619 году. За три года талер вырос в цене до четырех гульденов в Австрии, восьми — в Страсбурге, десяти — в Ансбахе и Хильдесхайме, двенадцати — в Саксонии и Силезии и пятнадцати — в Нюрнберге. В Ульме муниципалитет установил фиксированную стоимость талера на уровне восьми гульденов. В Вене гульден опустился до уровня менее одной восьмой от его обычной стоимости, а в Праге талер вообще исчез из обращения. В Саксонии из-за «плохих денег» правительство теряло половину налоговых доходов[1].

Финансовым трудностям в Праге способствовали и действия самих властей. Начало положил Фридрих, слегка обесценив деньги. Лихтенштейн, назначенный Фердинандом, продолжил процесс, уменьшив количество серебра в монетах более чем на семьдесят пять процентов, стремясь пополнить казну — и свои карманы — за счет профита, полученного от чеканки[2]. В январе 1622 года Фердинанд в целях наживы заключил контракт с группой спекулянтов для учреждения частного монетного двора в Праге. Достоинство денег было резко понижено, а стабильность цен поддерживалась административными мерами. Вся схема провалилась. Народ заподозрил неладное и попрятал «хорошие деньги». Несмотря на предусмотрительность правительства, цены на продукты подскочили сразу в двенадцать раз. Внешняя торговля замерла, а в повседневной жизни люди перешли на бартерный обмен. В результате нажились спекулянты, а долги Фердинанда так и остались неоплаченными.

Именно в этот тяжелейший период на Фердинанда обрушились заявки на приобретение конфискованных земель. Дворянство и богатые купцы предлагали цены, достойные по прежним временам, и он не мог от них отказаться, не раз-

[1] d'Elvert, III, p. 119; II, p. 33; R. Wuttke, *Zur Kipper und Wipperzeit in Kursachsen, Neues Archiv für Sächsische Geschichte*, XVI, p. 155; Walther, p. 15.

[2] Gindely, *Geschichte*, IV, pp. 326—329.

рушив собственную денежную систему. Одно дело — продать землю, другое — применить вырученные деньги. У Фердинанда теперь были деньги, но солдаты бросали его монеты обратно офицерам, потому что крестьяне не принимали их в обмен на продукты и предметы первой необходимости. По всей Богемии застыла торговля, крестьяне перестали поставлять продукты в города. Население в городах голодало, армия была на грани мятежа, а дельцы — и среди них Лихтенштейн занимал не последнее место — вошли в число самых богатых людей Европы. В Рождество 1623 года Фердинанд девальвировал деньги и разорвал контракт. К этому времени большая часть конфискованных земель была продана в среднем менее чем за треть обычной нормальной цены[1]. Первый шаг Фердинанда к финансовой безопасности обернулся катастрофой. Он не только не воспользовался выгодами от конфискации земель, но и довершил экономический крах Богемии. Богатства, принадлежавшие предприимчивым крестьянам и горожанам, вследствие политических гонений и инфляции сосредоточились в руках узкой группы нечистоплотных людей. Богемия как источник доходов для империи стала бесполезной.

В политическом плане Фердинанд не прогадал. Многие лишились личных состояний, а беспощадная конфискация земель основательно или совсем разорила почти все муниципалитеты[2]. Несмотря на нищету, с которой столкнется правительство, Фердинанду по крайней мере удалось погубить беспокойный и привередливый купеческий класс и убрать этот барьер, стоявший между властями и народом. За два с половиной года одна из самых передовых и торговых стран Европы была отброшена назад на два столетия. Теперь перед деспотизмом открылись все двери.

---

[1] Gindely, IV, p. 338; d'Elvert, III, pp. 117, 128.

[2] Gindely, *Geschichte der Gegenreformation in Böhmen. Nach dem Tode des Verfassers herausgegeben von T. Tupetz.* Leipzig, 1894, Chapter VIII, *passim.*

Политически Фердинанд даже выиграл, проведя перераспределение земель. На смену протестантским аристократам пришли люди с безупречной католической репутацией, чье право на землю определялось верностью властям, предоставившим ее. Лихтенштейн приобрел десять поместий, Эггенберг — восемь. Но всех перещеголял человек, звавшийся Альбрехтом фон Вальдштейном или Валленштейном, военный комендант Праги. Он набрал не менее шестидесяти шести поместий[1], и среди них были провинция Фридланд и город Гичин.

В 1623 году Валленштейну было сорок лет. Сын протестантского землевладельца рано осиротел и воспитывался в лютеранской школе Альтдорфа, пока администрация не настояла на его отчислении, имея на это все основания: он участвовал в смертоубийственном скандале, а однажды сам чуть не убил слугу[2]. Путешествие по Италии и обращение в католическую веру охладили его горячий нрав, и в начале своего двадцатилетия он задумался о карьере. При императорском дворе Валленштейн сблизился с окружением Фердинанда, когда тот еще был эрцгерцогом Штирийским. Потом он женился на богатой вдове, которая вскоре умерла, одарив его немалым наследством. База для личного и социального благосостояния была заложена, и ему оставалось лишь лелеять и наращивать ресурсы, пользуясь каждым удобным случаем. В финансовых делах Валленштейн проявлял осторожность и благоразумие, усиливающееся по мере накопления богатств, и если у него не было особого влечения к земле, то он был по крайней мере блестящим землевладельцем. Он постоянно улучшал поместья, развивал промыслы в городах, совершенствовал сельское хозяйство, строил склады и хранилища, экспортировал избытки продукции и в то же время заботился о своих тружениках, создавал образовательные и медицинские учреждения, службы

[1] d'Elvert, II, pp. 257, 258, 261.

[2] Siegl, *Wallenstein auf der «hohen Schule», zu Altdorf. Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen*, XLIX, pp. 127—152.

вспомоществования бедным, запасы продовольствия на случай неурожаев[1]. Город Гичин Валленштейн превратил в настоящую столицу своего государства, построил дворец, церковь, давал деньги взаймы бюргерам под умеренные проценты для того, чтобы они переделывали дома по его проектам[2].

Граф Валленштейн имел склонность к роскоши, но к роскоши угрюмой, мрачной, и производил впечатление скорее не показным богатством, а строгостью, правильностью и аккуратностью всего, что его окружало. Валленштейна никак нельзя было назвать обаятельным человеком. Напротив, его длинный, сухопарый облик был отталкивающим, а лицо, изображенное на сохранившихся невыразительных портретах, — просто отвратительным. Никто из великих мастеров так и не обратил на него внимания[3], и живописцы, пытавшиеся отразить его угрюмую внешность, выделяли одни и те же примечательные особенности: неправильные черты лица, тяжелый подбородок, толстые выпирающие губы — все это непременно присутствует в портретах. Более поздние художники намеренно использовали нестандартные черты этого на редкость несимпатичного лица. Когда Валленштейн стал великим, особое значение приобрели все детали его облика и поведения: несдержанность и взрывной темперамент, пренебрежение человеческой жизнью, неизменное целомудрие и вера в астрологию. Со временем он сам стал культивировать свой необычайно эффектный образ, одеваясь в причудливую мешанину европейских мод и украшая, по обыкновению, сумрачную внеш-

[1] Ernstberger, *Wallenstein als Volkswirt im Herzogtum Friedland*. Reichenberg, 1929, pp. 96—99, 46; Hunziker, *Wallenstein als Landesherr, insbesondere als Herzog von Mecklenburg*. Zurich, 1875.

[2] Ernstberger, p. 88.

[3] Ван Дейк игнорировал Валленштейна. Часто воспроизводится портрет графа из Баварских государственных собраний картин. Он представляет собой импровизацию из серии образов выдающихся полководцев.

ность поясом или плюмажем неприятно резкого красного цвета. Такой же ярко-красной окраски губы, выделявшиеся на бледном, сухом лице, вряд ли были даны ему от рождения[1]. Если убрать все эти экстравагантные детали, появившиеся позднее, то кем же еще предстанет Валленштейн в 1623 году, если только лишь не беспринципным, хотя и способным, карьеристом? Ни неуравновешенность характера, ни взрывы ярости, ни целомудрие, ни довольно распространенная тогда вера в астрологию не являются признаками мистического величия и исключительности.

Как и Елизавета Английская, он родился при звездном рандеву, при соединении Сатурна и Юпитера, и звезды наделили его противоречивыми качествами: слабостью и силой, порочностью и добродетельностью. По гороскопу он должен был стать мятущимся, требовательным, нетерпимым к старому и жаждущим новизны, неизведанности, скрытным, меланхоличным, подозрительным и презрительным к соотечественникам и их убеждениям. Ему должны были быть присущи такие качества, как алчность, лживость, властолюбие, переменчивость настроения, драчливость, нелюдимость, жестокость. Его никто не будет любить, и он тоже никого не полюбит. Такой вывод сделал Иоганн Кеплер, основываясь на положении звезд, которое они занимали над Германице в четыре часа пополудни 14 сентября 1583 года, когда родился Валленштейн[2]. Расчет оказался в целом верным.

Когда в 1618 году началось восстание, Валленштейн командовал местными рекрутами в Моравии. Увидев, что его войска дезертируют к повстанцам, он, сохраняя присутствие духа, бежал, прихватив с собой военную казну провинции для Фердинанда и лишив мятежную моравскую ар-

[1] Priorato, *Historia della Vita di Alberto Valstein, Duca di Fritland*. Lyons, 1643, p. 64.

[2] Helbig, *Der Kaiser Ferdinand und der Herzog zu Friedland, während des Winters 1633—1634*. Dresden, 1852, pp. 62—71.

мию жалованья[1]. На следующий год он ссудил императору сорок тысяч гульденов, предложив набрать тысячу человек во Фландрии. В 1620 году граф одолжил императору в четыре раза больше гульденов, в 1621 году выделил еще почти двести тысяч, а в 1623 году Валленштейн, скупив множество поместий, ссудил ему полмиллиона гульденов. И это были настоящие гульдены, а не обесцененная валюта Праги. Валленштейн не любил сорить деньгами. С каждым новым займом император превращался в его закоренелого должника. Придет время, и граф каждый фартинг[2] конвертирует если не в реальные доходы, то в какую-нибудь другую выгоду. Обязательства Фердинанда перед Максимилианом Баварским основывались на дипломатическом договоре. Финансовые отношения Валленштейна с императором носили коммерческий характер, а деловая хватка графа была пожестче, чем у Максимилиана.

Безмерная наглость и претенциозность Валленштейна уже были хорошо известны. Чех по рождению, свободно говоривший на чешском языке и имевший связи со многими выдающимися семьями, опальными и не опальными, Валленштейн пользовался если не популярностью, то влиянием в обществе. В его распоряжении находилась четверть земель в Богемии, он был сюзереном более трехсот вассалов и обладал властью, какой не имел никто из мятежных князей, свергнувших Фердинанда. Его жесткий, но эффективный стиль управления и ревностная приверженность католической вере становились главными рычагами консолидации страны[3]. Фердинанд должен был умиротворять его, чтобы не получить в Богемии новую головную боль.

К концу 1623 года Валленштейн вступил во второй брак, женившись на Изабелле фон Гаррах, относившейся к нему с

[1] Ranke, *Sämmtliche Werke*, XXIII. *Geschichte Wallensteins*, p. 12.

[2] Самая мелкая разменная английская монета, четверть пенса. — *Примеч. ред.*

[3] Stieve, *Wallenstein bis zur Übernahme des ersten Generalats. Historische Vierteljahrschrift*, 1899, p. 228.

чувством, похожим на любовь, которую, как мы понимаем, ему все-таки было предначертано в ком-то пробудить[1]. И он относился к ней, как и к прежней жене, со вниманием и уважением. Однако особая значимость этого брака заключалась не столько в удовлетворении, которое они приносили друг другу, а в том обстоятельстве, что Изабелла фон Гаррах была дочерью одного из ближайших советников Фердинанда. В том же году Валленштейн стал графом Фридландским[2].

Раздача титулов была одним из методов усиления императорской власти. Стремясь прижать многочисленное мелкое дворянство, Фердинанд использовал любую возможность для того, чтобы заменить его узким сообществом аристократов, попавших к нему в зависимость. Его назначенцы могли быть могущественнее, чем огромная армия мелкопоместного дворянства, которую они подменили, но их влияние определялось степенью приверженности короне. Немало лет пройдет, прежде чем им удастся добиться понимания и поддержки местного крестьянства. Их владения рассеяны, и им надо слишком часто бывать либо в Праге, либо в Вене. Правящая аристократия была привязана лишь к короне, и аристократы не были лидерами в феодальной иерархии. Фердинанд отделял аристократию от народа еще и тем, что завозил на завоеванные земли иностранцев, австрийцев, итальянцев, немцев. Так много дворян было вовлечено в восстание, что гонения лишили страну ее естественных лидеров и открыли дорогу для чужаков. На улицах Праги зазвучала итальянская и французская речь, официальным стал не чешский, а немецкий язык. На руинах порушенного славянского города выросли величественные дворцы с просторными внутренними дворами и прохладными лоджиями, богатые барочные церкви со всеми атрибутами итальянской архитектуры.

---

[1] Это видно из ее писем. См.: Foerster, *Wallenstein als Feldherr und Landesfürst*, Potsdam, 1834, pp. 320 ff.

[2] Lünig, XXIII, pp. 1454—1457.

Фердинанд почти полностью изменил процесс развития и естество национальной чешской культуры, направив его в иностранное русло. Точно так же он трансформировал и религию. Редко случается, чтобы гонения имели столь глубокие и далекоидущие последствия. Император и его советники обладали не только стойкой безжалостностью убеждений, но и здравым умом для того, чтобы сеять там, где разрушали, и залечивать нанесенные раны живительной водой из тех же источников.

Религия в Богемии, даже католическая вера, глубоко вошла в национальное самосознание. Самые популярные народные герои — утраквистский король Йиржа из Подебрад и утраквистский вождь Жижка, а среди католиков почитался князь Венцеслав (Вацлав), «добрый король Венцеслав», как его величали в гимне, государь, канонизированный не Ватиканом, а всенародной любовью. С незапамятных времен религиозные службы отправлялись на чешском языке даже въедливыми приверженцами старой веры. Включение Богемии в католическую Европу означало искоренение древней традиции и поругание национальных чувств. Если бы Фердинанд был и менее набожным человеком, то все равно стремился бы довести процесс реформы до его логического конца. Проводя реформу, Фердинанд воображал, что делает это не только для укрепления императорской власти, но и для исцеления душ своих подданных.

С упорством человека, убежденного в своей правоте, Фердинанд игнорировал протесты более осторожного Лихтенштейна и всецело поддерживал твердолобого и прямолинейного Карафу. Лихтенштейн оставил бы в покое всех, кроме кальвинистов. Он опасался вмешательства Иоганна Георга Саксонского. Карафа ни за что не позволил бы такие отклонения от нормы, как отправление мессы на чешском языке, если бы даже от этого зависела сохранность короны[1]. Фердинанд был готов поддержать экстремистов. Более ос-

[1] d'Elvert, II, p. 98; Carafa, p. 151.

мотрительные политики империи предупреждали: курфюрст Саксонский может взяться за оружие[1]. Фердинанд знал свою Саксонию. Дрезден засыпал его протестами и напоминаниями о данных им обещаниях, но и пальцем не пошевелил, чтобы его остановить[2].

Репрессии навсегда оттолкнули от католической церкви Северные Нидерланды. В Богемии этого не случилось. Но ущемление гражданских и экономических свобод зажало протестантов в такие тиски, что единственным выходом был отказ от своей веры. Пражский университет был отдан иезуитам в 1623 году. Вся система образования попала в руки церкви, и молодое поколение естественным путем осваивало уроки жизни, преподанные их родителям силой[3].

В самой Праге особых проблем не возникало. За обращение в другую веру архиепископ прощал участие в восстании. В течение года католичество приняла значительная часть жителей этого космополитичного, раздробленного и довольно равнодушного к таким делам города[4]. В удаленных районах все обстояло иначе, и к ним применялись более суровые меры. Протестанты облагались высокими налогами и поборами, и самым действенным средством подчинения строптивых было размещение на постой имперских войск, если, конечно, жители не узнавали об их приходе заранее; тогда они сжигали свои дома и уходили в леса, забирая с собой все, что могли унести[5]. Вымогательства и бесчинства быстро делали людей послушными. Табор, цитадель Жижки, был обращен в католицизм к Пасхе 1623 года. Комотау, три года плативший огромные контрибуции, сдался под угрозой оккупации. Рудокопов Куттенберга, дерзкий и упрямый народ, обложили контрибуцией, в три раза превышавшей обычные налоги, и они в продолжение трех лет терпели

[1] Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, pp. 67 ff.

[2] Lundorp, II, pp. 631, 633.

[3] Gindely, *Geschichte der Gegenreformation*, p. 246.

[4] Ibid., p. 245.

[5] Ibid., p. 255; Hurter, *Ferdinand II*, X, p. 163.

расквартированные войска, пока большинство горняков не сбежали и рудники не закрылись из-за нехватки рабочих рук[1]. Католическое дворянство активно способствовало обращению подданных в свою веру. Деспотичный граф Коловрат, по свидетельству хронистов, загонял крестьян в церковь палками[2]. В Гичине Валленштейн построил храм — копию собора в Сантьяго-де-Компостела — и предложил герцогство Фридланд трансформировать в епископство[3]. При императорском дворе идею не одобрили, решив, что Валленштейн обладает достаточной властью и без «карманного» епископства.

Новые власти не гнушались никакими, даже самыми подлыми, способами подавления национальных чувств и еретических настроений. В День Яна Гуса, национальный праздник чехов, церкви не действовали. На рыночной площади в Праге снесли статую Йиржи Подебрада, с фасадов церквей удалили скульптуры евхаристической чаши, символа Реформации[4]. Фердинанд инициировал канонизацию Иоанна Непомука (Яна Непомуцкого), чешского священника, казненного Венцеславом IV за отказ раскрыть тайну исповеди. Акция была хитроумная и коварная: история нового святого накладывала пятно на предшественников Габсбургов на богемском троне, и вскоре среди молодого поколения Непомук стал популярнее Вацлава.

Препятствовала столь массовому внедрению другой веры нехватка священников. Страну наводнили иезуиты, но они не могли заполнить брешь, образовавшуюся после изгнания кальвинистских, лютеранских и утраквистских пасторов. Нередко протестантские священники соглашались стать католиками ради сохранения своих приходов, и потребовались годы на то, чтобы искоренить такую практику. Пасторов заставляли отсылать жен, многие не подчинялись

[1] Gindely, pp. 221 ff.

[2] Hurter, *Ferdinand II*, X, p. 162.

[3] Ernstberger, p. 88; Ranke, *Geschichte Wallensteins*, p. 17.

[4] Carafa, pp. 251—252.

приказаниям, другие называли жен «домработницами» и продолжали с ними жить, возмущая соседей. В одном случае утраквистский викарий представился католиком, но по-прежнему проповедовал утраквистскую ересь и совершал причастие под обоими видами, то есть вином и хлебом[1]. Карафа ярился, но тщетно. Только время и наращивание численности национального духовенства могло покончить со злом[2]. В самых отдаленных районах Богемии протестантизм просуществовал по крайней мере еще одно поколение, вымирал тяжело и в некоторых местах сохранялся в виде народных обычаев[3].

Обращение Богемии в католическую веру довершило ее политическое подчинение и утихомирило религиозные распри, раздиравшие страну целое столетие, а насильственное восстановление церковных земель добило ее экономику. Два сословия в чешском парламенте — мелкопоместное дворянство и купечество — захирели. Фердинанд, вернув в сейм духовенство, выдворенное из него во время Реформации, создал видимость представительного правления, являвшегося в действительности инструментом всевластия *его* церкви и *его* высшей аристократии[4].

В Моравии, где кардиналу Дитрихштейну помогали иезуиты и капуцины, крестьяне цеплялись за свою веру меньше, чем в Богемии, и после примерного наказания протестантского дворянства и изгнания анабаптистов католическая церковь более не сталкивалась со сколько-нибудь серьезной оппозицией[5].

---

[1] Gindely, *Geschichte der Gegenreformation*, pp. 195 ff.

[2] См. также: Carafa, *Germania Sacra Restaurata*, pp. 283 ff.

[3] Kröss, *Zur Geschichte der Katholischen Generalreformation in Böhmen unter Ferdinand III. Zeitschrift für Katholische Theologie*, 1916, p. 772.

[4] Gindely, *Geschichte der Gegenreformation*, pp. 475 f.; Carafa, *Germania Sacra Restaurata*, I, p. 162.

[5] B. Dudik, *Bericht über die Diöcese Olmütz durch den Kardinal Franz von Dietrichstein. Archiv für Oesterreichische Geschichte*, XLII, p. 223; Wolny, *Die Wiedertäufer in Mähren. Archiv für Oesterreichische Geschichte*, V, pp. 124—125; d'Elvert, I, pp. 147, 229, 282.

С Силезией и Австрией католики обошлись мягче, чем с Богемией и Моравией. Отвоевав для Фердинанда Силезию, курфюрст Саксонский обещал ей религиозную свободу, и здесь Фердинанд сдержал слово. Тем не менее он настоял на безоговорочном восстановлении церковных земель, наводнил страну иезуитами-миссионерами и постепенно зажал вольности силезского сейма. Право на возражение и опротестование было ограничено настолько, что один делегат с горечью комментировал: ему нет никакого смысла ездить в Бреслау, так как гораздо дешевле сказать «да», не выходя из дому.

В Австрии протестантские пасторы и школьные учителя были высланы из страны, а реформаторская религия была дозволена только узкому кругу привилегированных дворян. Даже в 1628 году Карафа жаловался на то, что пасторы проповедуют свои «мерзости» в частных домах под прикрытием этих позволений[1]. Можно не сомневаться: Фердинанд был бы рад любому поводу для того, чтобы их аннулировать.

Лишь Венгрия избежала участи лишиться своих религиозных и политических свобод. Имея у границы такого сильного защитника, как Бетлен Габор, венгры могли рассчитывать на более благосклонное к себе отношение. Венгрия служила буфером между Европой и Турцией, ею нельзя было пренебрегать, потому она единственная и сохранила флаг свободы на дальнем краю империи Габсбургов.

В то же время Фердинанд трансформировал традиционную структуру габсбургских владений, заменив концепцию семейной федерации принципом первородства. Эрцгерцоги предыдущего поколения почили в бозе, не оставив потомства, вследствие чего Фердинанд и его брат Леопольд были единственными представителями австрийской ветви Габсбургов. Фердинанд, если бы не возражал Леопольд, объеди-

[1] Lundorp, III, pp. 770 f.; Carafa, *Germania Sacra Restaurata*, I, pp. 225, 288.

нил бы весь южный блок земель от Тироля до Венгрии, сделав из него единую монархию. Молодой эрцгерцог, проявляя прозорливость, вызванную не только завистью, отговорил брата от такого шага, который мог разозлить германских князей. Фердинанд пошел на компромисс. Брат и его наследники владеют Тиролем, в то время как Австрия, Венгрия, Штирия, Каринтия, Крайна, Богемия, Моравия и Силезия целиком переходят к старшему сыну Фердинанда и передаются по наследству. С тем чтобы консолидировать этот блок, Фердинанд реорганизовал администрацию, централизовал почту и ввел некоторые улучшения в запутанную финансовую систему. Постепенно он начал отделять ведение государственных дел в этих провинциях от имперских проблем[1]. Он намеревался создать австрийский центр как ядро возрожденной германской империи. Дальнейшие события внесли поправки в его схему. Ему суждено было стать творцом австрийской, а не реставратором Священной Римской империи.

Создание австрийской империи можно считать величайшим, если не единственным, достижением Фердинанда, достойным признательности или осуждения потомков, в зависимости от соответствующей точки зрения, хотя даже и те, кто признавал его заслуги, вряд ли его благодарили. Для германских националистов он был человеком, закрепившим раскол между Австрией и севером, о чем они всегда сожалели. Они, правда, забывали о том, что Фердинанд вовсе не хотел этого; его план создания единой империи не осуществился из-за нежелания и сепаратизма протестантского севера. Для чехов, венгров и южных славян он был тираном и угнетателем, и они вовсе не были благодарны ему за деяния, принесшие им и коллективно, и индивидуально столько страданий.

Нелегко и даже невозможно судить беспристрастно религиозные проблемы, лежавшие в основе всех других сторон жизни общества той эпохи. Это было, по крайней мере

[1] Bidermann, *Geschichte des Oesterreichischen Gesammtstaatsidee*. Innsbruck, 1867, I, pp. 27—36.

в Богемии, время предубеждений и предрассудков, мятежей, гонений, бедствий и страшной нищеты. Оно не могло оставить здравых и сбалансированных свидетельств. Изгнанники, нашедшие прибежище в протестантских странах, излагали истории о зверствах и надругательствах, основанные на фактах, но раздутые мстительной болью людей, потерпевших поражение. Императорская солдатня была свирепа и безжалостна и ни во что не ставила человеческую жизнь, не щадила женщин и детей. Она пользовалась вседозволенностью властей и правом сильного. В описаниях ужасов, собранных на страницах «*Historia Persecutionum*» («Истории тяжких гонений») и рассказанных изгнанниками, несмотря на все преувеличения и приукрашивания, много правды. И все же нельзя сказать, что, когда буря миновала, правительство и новая религия не стали популярны. Уже через одно поколение народ поднялся на защиту новых властей и новой веры против «освободителей» — шведов.

О деяниях Фердинанда нельзя судить ни по средствам, которыми он пользовался, поскольку не осталось непредубежденных свидетельств, ни по целям, которых он достиг, так как он добился того, к чему вовсе не стремился. Что касается репутации создателя австрийской империи, то она основана лишь на шаткой структуре, не выдержавшей взрывов либерального национализма XIX и нелиберального национализма XX веков. Фердинанд заслуживает большего признания как последний император, предпринявший серьезную попытку объединить Центральную Европу. Его трагедия в том, что он не только не завершил начатое дело, но и оставил после себя наследие, которое фатально затормозило национальное развитие Германии.

6

Ясно, что реорганизация, затеянная Фердинандом, шагнула далеко за пределы владений Габсбургов. Лишился части своих земель маркграф Баден-Дурлахский. Получил под-

тверждение прав на Лусатию Иоганн Георг; явный подкуп, рассчитанный на то, чтобы заглушить на какое-то время его конституционные претензии. Лояльный ландграф Гессен-Дармштадтский был вознагражден частью земель менее лояльного кузена Морица Гессен-Кассельского. Его наделили также куском Рейнского Пфальца, возможно, в пику Максимилиану Баварскому, который заработал престижа больше, чем того хотел Фердинанд, за обращение страны в католическую веру[1]. Монополия Максимилиана была ущемлена еще и тем, что Фердинанд дал епископу Шпейера право на захват любых земель на Рейне, которые, по его мнению, прежде принадлежали его епархии.

Это было первое свидетельство того, что Фердинанд намерен вернуть церковь на позиции, которые она занимала во время подписания Аугсбургского мира в 1555 году.

Вокруг секуляризованных епископств Хальберштадт и Оснабрюк сложилась крайне щекотливая ситуация. Христиан Брауншвейгский, распорядитель Хальберштадта, ополчился против императора, а администратор Оснабрюка умер в апреле 1623 года. Со смертью одного и возможным низложением другого управляющего открывались перспективы для назначения в эти епархии католиков. Фердинанд предназначил для церкви второго сына, белокурого эрцгерцога Леопольда. Если бы он утвердился в Хальберштадте или Оснабрюке, то Контрреформация и династия Габсбургов значительно приблизились бы к тому, чтобы распространить свое влияние на всю Германию.

Но не только у Фердинанда имелся сын, приготовленный для служения церкви. Хальберштадтом интересовался курфюрст Саксонский, Оснабрюком — Максимилиан Баварский, желавший определить туда одного из членов своей семьи[2]. Не менее горячо желал завладеть Оснабрюком для младшего сына Фредерика король Дании — намерение го-

[1] Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, p. 508; *Schicksale Heidelbergs*, pp. 182—184.

[2] Goetz, II, i, pp. 124—125.

раздо более серьезное и опасное, нежели планы Баварии и Саксонии. Если уж нельзя захватить епископство для династии, то надо сделать все для того, чтобы оно не досталось такому могущественному и деятельному монарху, как датский протестантский государь, союзник Соединенных провинций и дядя Елизаветы Богемской.

Стремясь организовать противодействие новым притязаниям Габсбургов, курфюрст Бранденбургский тщетно пытался побудить Иоганна Георга к тому, чтобы создать новую протестантскую унию. Менее значимый князь Вильгельм Саксен-Веймарский образовал так называемый альянс патриотов всех классов, поставив целью обеспечить неприкосновенность протестантских земель в империи и восстановить Фридриха в Пфальце. Без средств этот союз вряд ли мог быть действенным. Весь 1623 год штаб-квартирой для защитников германских свобод и протестантов служил переполненный дом Фридриха в Гааге.

Переговоры, которые вели изгнанники в 1623 году, охватывали всю Европу — от Босфора до Белого моря. Они замышляли не что иное, а полное уничтожение династии Габсбургов с участием в этом предприятии турок, русских, датчан, шведов, венецианцев, англичан, французов. Планировались одновременные восстания в Венгрии, Богемии, Моравии, Силезии и Австрии. Султана предполагалось подкупить, пообещав ему в качестве феодов Венгрию и Богемию, если он согласится возвести там на трон протестантских королей. Царь должен был изводить поляков, в то время как объединенные силы датчан, шведов, англичан и голландцев вторгнуться в Северную Германию, где Ангальт, тайно вернувшись к Фридриху, наберет армию на деньги Голландии. Мансфельд и Христиан Брауншвейгский нападут на северные епископства и отсюда пойдут на юг, в Баварию. Мансфельд вознаграждается рейнским феодом Хагенау и частью территории Венгрии. Саксония и Бранденбург подкупаются обещанием поделить между ними Клеве-

Юлих. Французы должны завладеть Вальтеллиной с помощью венецианцев и герцога Савойского[1].

Но все пошло не так, как намечалось соратниками Фридриха. Король Англии, захотевший женить принца Уэльского на испанской инфанте, согласился убрать английский гарнизон из последней цитадели Фридриха в Германии — крепости Франкенталь. Мало того, он начал убеждать Фридриха сложить оружие и обручить старшего сына с дочерью императора или племянницей Максимилиана[2]. Шведский и датский короли отказались сражаться бок о бок, правительство Франции отвлекли внутренние беспорядки, принц Оранский все свои силы бросил на защиту границ и не мог субсидировать даже отвоевание Рейна. Все, что получилось из затеи стратегов Фридриха, — это нападение Бетлена Габора на Венгрию и вторжение Христиана Брауншвейгского в Нижнесаксонский округ.

Нижнесаксонский округ был той частью империи, занимавшей пространство между реками Везер и Эльба, где и находилось епископство Хальберштадт, предназначавшееся Фердинандом для второго сына, Леопольда, и избранное советниками Фридриха в качестве плацдарма для нападения на императора. Неизбежно некоторые из их писем попали в руки Фердинанда, и он с радостью ухватился за возможность пойти войной на север, приказав Максимилиану отправить войска в опасный район.

Перепуганные правители Нижнесаксонского округа оказались зажатыми в тисках между войсками Христиана Брауншвейгского и Тилли, командовавшего армией Баварии и Католической лиги. Один призывал их подняться на защиту германских свобод, другой — требовал гарантий нейтралитета[3]. Князья и их подданные хотели бы остаться в стороне от конфликта, но у них не было выбора. Христиан

[1] Lundorp, II, pp. 728—729.

[2] Rusdorf, *Mémoires et nyégociations secrétes*, Leipzig, 1789, I, *passim*; Goetz, II, i, *passim*.

[3] Lundorp, II, pp. 758—759.

сам взял на себя роль «защитника» земель старшего брата, герцога Брауншвейг-Вольфенбюттеля, беспрепятственно вторгся в округ и послал за Мансфельдом. Тилли потребовал, чтобы Христиана изгнали. Сословия округа с удовольствием бы повиновались, если бы они были в силах дать отпор интервентам.

Какое-то время они раздумывали над тем, чтобы набрать армию, но сделать это оказалось нереальным. В конце концов сословия выбрали из двух зол меньшее — вверили свою судьбу Тилли и императору. Его армия казалась сильнее, и у него было больше шансов выиграть войну. 13 июля 1623 года Тилли пересек границу и через три дня отправил Христиану ультиматум, пообещав лишить его всяких надежд на имперское прощение, если он немедленно не выведет войска. Отвергнув ультиматум отборными ругательствами, князь снова послал Мансфельду приглашение вместе напасть на Тилли, предложив одновременно свои услуги принцу Оранскому в Нидерландах. Затем Христиан отрекся от епископства Хальберштадт в пользу сына датского короля[1]. После этого он под барабаны поднял свою орду, упаковал награбленное добро и отправил армию, пятнадцать тысяч человек, в Нидерланды, оставив округ на попечение Тилли, а Хальберштадт — датскому монарху или императору.

Отход «безумца из Хальберштадта», как теперь его называли, вовсе не напоминал отступление человека, потерпевшего поражение. Христиан все еще намеревался соединиться с Мансфельдом для решающего сражения с Тилли. Он переоценивал Мансфельда, который нашел надежное укрытие в епископстве Мюнстер и, не веря в военные способности Христиана, не собирался покидать безопасное убежище ради бессмысленной и дорогостоящей кампании.

Христиан форсировал Везер у Боденвердера 27 июля 1623 года, а Тилли, шедший за ним в нескольких милях южнее, перешел реку 30 июля возле Корвея. Князь потерял вре-

[1] Lünig, V, iv, p. 108.

мя, замешкавшись на границе епископства Мюнстер, три дня занимаясь грабежом и ожидая Мансфельда, который так и не появился. Не дождавшись Мансфельда, он быстрым маршем направился к голландской границе, и Тилли отставал от него на полдня. Христиан преодолел реку Эмс у Гревена, Тилли по-прежнему висел у него на хвосте, и ранним утром 6 августа 1623 года его арьергарду пришлось отбиваться от неожиданной кавалерийской атаки Тилли. До голландской границы оставалось меньше десяти миль, но Христиан вынужден был развернуться и дать бой преследователям, а они, лучше организованные и менее обремененные трофеями, постоянно наседали на его войска. Он решил встретиться лицом к лицу с противником на небольшом холме возле деревни Штадтлон, возвышавшемся над дорогой и защищенном с двух флангов болотами. Едва князь успел выстроить боевые порядки и расставить артиллерию, как преследователи навалились на его армию. Сражение началось в полдень, в воскресенье, в день Преображения Господня, и Тилли, ободренный этим обстоятельством, означавшим для него Божественное благословение, с изумлением и ужасом увидел на знаменах Христиана девиз «Все для Господа и для нее». «Не могут одержать победу люди, посмевшие поставить в один ряд Создателя и греховодницу», — сказал Тилли, весьма нелестно отозвавшись о прекрасной королеве Богемии.

По причинам скорее материальным, а не духовным победил Тилли. Христиан имел преимущество, которое ему давала местность, но войска Тилли были многочисленнее, и он проявлял больше осторожности и благоразумия, постепенно вводя в бой подтягивавшиеся отряды и орудия. Под непрекращающимися атаками кавалерии фланги Христиана начали выдыхаться, на склонах не было простора для схваток, а конница XVII века была крайне неэффективна в обороне. Когда кавалерия отступила, сопротивление пехоты стало бессмысленным, она не могла выдержать натиск превосходящих сил противника. Войска Христиана побежали с хол-

ма, попав в западню болот. Конница в основном проскочила, но пехота, повозки и артиллерия завязли. Христиан потерял шесть тысяч человек убитыми и четыре тысячи пленных, в том числе пятьдесят главных офицеров и своего союзника герцога Вильгельма Саксен-Веймарского, чей «альянс патриотов всех классов» должен был уберечь германские свободы от посягательств Фердинанда. Он оставил на поле боя шестнадцать пушек и почти все боеприпасы. При лихорадочном отступлении взорвалась повозка с порохом, что внесло еще больше сумятицы в охваченную паникой толпу солдат. Христиан перешел границу Голландии ночью, имея с собой около двух тысяч человек, без орудий и снаряжения[1].

Поражение было настолько сокрушительным, что даже «безумец из Хальберштадта» пал духом. Он дал волю своей ярости, и ему с трудом помешали застрелить одного из полковников, которого Христиан обвинил в неудаче. Реакция победителей была совершенно иной. Тилли благодарил Господа, солдат и офицеров[2].

Поражение под Штадтлоном разрушило планы Фридриха. Все приготовления, на которые ушел целый год, как это уже случалось и прежде, закончились катастрофой. Вместо того чтобы отвоевать Богемию и вернуть Пфальц, Фридрих заимел только лишний рот, который надо было кормить в изрядно обедневшем доме в Гааге. Христиан потерял почти все состояние и не мог более содержать себя[3].

Спустя три недели после Штадтлона Фридрих уступил настояниям короля Англии, временно прекратил дипломатическую деятельность и подписал перемирие с императором[4].

---

[1] Lundorp, II, pp. 768 ff.; Gindely, *Beiträge zur Geschichte des dreissigjährigen Krieges. Archiv für Oesterreichische Geschichte*, LXXXIX, p. 22.

[2] Aitzema, I, p. 231; Hurter, *Ferdinand II*, IX, p. 295; Lundorp, II, p. 769.

[3] Opel, *Elisabeth Stuart*, p. 323.

[4] Rusdorf, I, p. 117.

7

Перемирие было заключено при полном игнорировании Мансфельда и мнения голландского правительства, хотя генерал-наемник продолжал содержать армию в Восточной Фрисландии. «Короли Франции, Англии и Дании ничего ему не дали, а у короля Богемии ничего нет»[1], — писали тогда, и единственным средством выживания для Мансфельда оставался грабеж. Его солдаты обчистили провинцию как липку и нанесли ущерб, по некоторым оценкам, на сумму десять миллионов талеров. Из района, где стояли его войска, бежало восемьдесят процентов жителей, чтобы не платить дань армии, — преступление, за которое Мансфельд наказывал тем, что крушил опустевшие дома: каждые пять из шести домов лежали в руинах. Не действовали законы, не соблюдался элементарный правопорядок. Граждане защищались как могли, нередко устраивали засады и убивали солдат. Численность его войск с каждым днем уменьшалась, сократившись более чем вдвое[2]. В довершение всех несчастий к границе приближалась армия Тилли, воодушевленная победой при Штадтлоне и готовая разнести врага в пух и прах.

В начале года Мансфельд все еще жил надеждой на то, что французское правительство наймет его для вторжения в Вальтеллину[3]. Его надежды не оправдались, но он сохранял армию, без вожделенного княжества, без денег, под имперской опалой, с каждым днем теряя шансы на помилование. Рискуя своей репутацией доблестного воина, которая, несмотря на неудачи последних лет, все еще была при нем, он бросил армию на произвол судьбы. Покинув Восточную Фрисландию, Мансфельд отправился вербовать политических владык Северной Европы. 24 апреля 1624 года он прибыл в Лондон, где протестанты встречали его как защитника

[1] Aitzema, I, p. 131.

[2] Gindely, *Beyträge*, pp. 28—29.

[3] Reifferscheid, p. 153.

своей принцессы, а принц Уэльский отвел ему комнаты, предназначавшиеся для испанской невесты[1].

Такой опытный наемник, как Мансфельд, был искушен и в европейской дипломатии. Он прекрасно понимал, что поддержка двух держав — Франции и, в меньшей степени, Англии, хотя и запоздало, но решившей действовать, — может иметь первостепенное значение для отстаивания интересов протестантов. К весне 1624 года в дипломатии этих двух стран произошли серьезные изменения, и Мансфельд не мог не воспользоваться переменами.

Планы короля Якова женить сына в Испании, а внука, старшего сына Фридриха, — в империи рухнули. В то же самое время, когда Фридрих, уставший от понуканий тестя и смущенный поражением при Штадтлоне, уже был готов согласиться с его настояниями, вся политика Якова круто переменилась. Сын и фаворит Бекингем, возмущенные приемом в Испании, куда они ездили для переговоров, после возвращения в Лондон заявили, что они не желают более участвовать в нечестивом альянсе. Разгневанные толпы на улицах уже несколько месяцев подряд требовали объявить войну Испании, и решение принца и Бекингема совпало с настроениями народа. Два правительства неуклонно скатывались к полному разрыву. Уже в декабре 1623 года Яков подумывал об альянсе с королем Дании и Бетленом Габором в интересах своего зятя. В январе 1624 года он был готов сблизиться с Соединенными провинциями, а когда Мансфельд приехал в Лондон, король разрешил ему набрать двенадцать тысяч человек за счет Англии[2].

Изменения претерпела и политика Франции. Здесь появился министр, способный предложить королю нечто большее, чем искусство соколиной охоты, которым в совершенстве владел незабвенный Люинь. Король подпал под влияние Армана Жана дю Плесси, епископа Люсонского, кардинала де Ришелье, и их разлучить могла только смерть. Ришелье родился в аристократической, хотя и небогатой

[1] *Calendar of State Papers. Domestic Series, 1623—1625*, p. 223; Gindely, *Beyträge*, p. 120.

[2] Rusdorf, I, p. 287.

семье Пуату. Его предназначали для военной службы, но после смерти старшего брата в спешном порядке посвятили в духовный сан, чтобы он мог наследовать небольшое епископство Люсон, на которое семья давно имела преимущественное право собственности. Амбиции Ришелье никогда не ограничивались рамками епархии, хотя он относился к исполнению епископских обязанностей с той же скрупулезностью и ответственностью, как и ко всему, что ему приходилось делать в своей долгой и многогранной карьере. Примкнув вначале к партии королевы-матери, он получил первый министерский пост в 1616 году и с того времени всегда ловко устраивал свои дела на трудном и скользком пути продвижения наверх. Возвышаясь, он не боялся терять друзей-покровителей и наживать врагов, среди которых самое заметное место со временем заняла королева-мать. Однако в политике его амбиции были обезличенными и бесстрастными, а основным средством достижения целей стала интрига. Он обладал талантом организатора, проницательностью государственного деятеля и той целеустремленностью в служении стране, которая не ограничена терзаниями об ее благополучии и обыкновенно свойственна политическим гениям. Национальный эгоизм ревностного патриота сочетался в нем с верой в то, что для Франции самой пригодной формой правления может быть только монархия. У Франции, говорил он, две болезни: ересь и свобода. (Со временем Ришелье и король избавят страну от обоих недугов.) И у Франции есть только один грозный и опасный враг — дом Габсбургов, чье могущество теснит ее со всех сторон — с Пиренеев и Альп, с Рейна и Фландрии. Он хотел видеть Францию единой, избавленной от этой навязчивой угрозы и играющей присущую ей роль естественной хранительницы мира в Европе. Пока же он должен был оберегать свою нацию трудолюбивых и беззащитных крестьян, зажатую между землями Габсбургов и морями. Главным принципом политики Ришелье была не агрессия, а оборона[1].

[1] W. Mommsen, *Richelieu als Staatsmann. Historische Zeitschrift*, CXXVII, pp. 230 f.

В 1624 году кардиналу еще не исполнилось и сорока лет. Это был высокий темноволосый человек с внушительной, властной внешностью и интеллигентными манерами. Его интересы не ограничивались политикой. Он прекрасно разбирался в антиквариате, произведениях искусства, музыке, драгоценностях, но самым большим его увлечением был театр, и в театральной критике ему не было равных. Он даже пописывал стихи. «Как вы думаете, что мне доставляет самое большое удовольствие?» — спросил он как-то своего друга, и тот вежливо ответил: «Приносить счастье Франции». «Вовсе нет, — сказал Ришелье. — Сочинять стихи»[1]. Конечно, Ришелье имел привычку предаваться простодушному самообольщению. Притворство было характерной чертой этого великодушного и образованного гения, тем не менее, когда фортуна временно повернулась к нему спиной, он не замкнулся в Люсоне, чтобы провести всю жизнь за сочинением виршей. Он был до мозга гостей государственным деятелем, свято верившим в монархию, но ему хватало здравого смысла для понимания того, что не человек создан для государства, а государство — для человека. Он был деспотом, но не диктатором.

Ришелье был слишком умен, чтобы полагаться лишь на собственные суждения и ощущения. Не многим государственным деятелям приходилось сталкиваться со столь тяжелыми проблемами и в продолжение столь длительного времени. Единственным человеком, которому он полностью доверял, был благочестивый монах Франсуа ле Клерк дю Трамбле, известный в религиозных кругах как отец Жозеф, а по всей Франции — как «l'Éminence grise» (серый кардинал). Этот праведный капуцин, посвятивший себя распространению веры, увидел в Ришелье потенциального вождя объединенного католицизма, который не позволит подчинить интересы религии интересам династии. Будучи капуцином, а не иезуитом, отец Жозеф разделял опасения папы

[1] G. Hanotaux and le Duc de la Force, *Histoire de Richelieu. Revue des Deux Mondes*, July 1934, p. 97.

по поводу истинных мотивов крестового похода Габсбургов. Под его влиянием религиозный элемент, а скорее элемент крестового похода, всегда занимал существенное место в политике Ришелье.

Кардинал пребывал в тени, когда у руля стояли Люинь и еще более бестолковый его преемник Силлери, чья отставка в январе 1624 года и открыла дорогу Ришелье. Людовик XIII вырос из угнетенного и невротического юноши, предрасположенного к общению с новым доброжелательным и льстивым другом, в умного, критичного, но скрытного и подверженного настроениям молодого человека с характером и собственными мнениями. Начиналась эпоха Людовика XIII и его фаворита кардинала Ришелье.

Смена политических курсов во Франции и Англии означала, что и временному затишью скоро придет конец. Все вдруг стали готовиться к нападению на Габсбургов. Как только рухнули планы испанского бракосочетания, Ришелье предложил в качестве невесты для принца Уэльского Генриетту, сестру французского короля, прикрывая этот протестантский союз от критики у себя дома требованиями гарантий для католиков в Англии[1]. Смена политики французского правительства имела последствия не только в Англии, но и в других государствах. Король Швеции вдруг обратил внимание на Германию, безрассудно продлив перемирие с поляками, дабы развязать себе руки, и решил ликвидировать разногласия с датским королем[2]. Кристиан, король Дании, проявил сговорчивость. Его взоры тоже были обращены на Германию, где он надеялся заполучить для сына епископства Хальберштадт и Оснабрюк и уже предложил «покровительство» сословиям Нижнесаксонского округа. Сословия, чувствуя свое бессилие перед наступающей католической армией, приняли предложение. Но когда они простодушно обратились к императору с просьбой утвердить

[1] Richelieu, *Mémoires*, IV, pp. 46—47.

[2] Rydberg och Hallendorf. *Sverges Traktater*, Stockholm, 1877, V, i, pp. 317 f.; 321 f.

сына короля Дании на престол епископства Хальберштадт, Фердинанд ответил им тем, что приказал Тилли встать на зимний постой в округе. Поняв, что сын сможет владеть Хальберштадтом, только переступив через труп Фердинанда или по крайней мере Тилли, Кристиан Датский с энтузиазмом согласился воспользоваться субсидиями Франции и приготовился вступить в борьбу за германские свободы, протестантов и епископство для сына.

Ришелье не собирался ограничиваться войной в Северной Германии. Его врагом, конечно, был дом Габсбургов, но он больше боялся Испании, а не Австрии. Кардинал хотел лишь сдержать поползновения Австрии, а главную угрозу для него представляли испанцы на Рейне и в Северной Италии. Добрые отношения с Савойей и Венецией он установил еще до прихода к власти и продолжал с ними дружить. К коалиции должны были примкнуть и Соединенные провинции. Изгнанники Фридрих и Елизавета, породненные почти со всеми протестантскими правителями Европы, становились главным связующим звеном в альянсе Англии, Швеции, Дании, Голландии, Савойи, Венеции и Франции. Бетлену Габору предстояло напасть на Венгрию, и таким образом Габсбурги должны были подвергнуться одновременному удару с фланга, с севера и юга. Ришелье внес ясность в те призрачно-туманные схемы, которые годами выстраивали Фридрих и его советники.

Но все было не так просто. «Для достижения своих целей я призову все религии», — говорил король Англии[1]. Однако то, что мог без особого труда сделать Яков I, было не по силам Ришелье. Он заигрывал с протестантами Европы только для того, чтобы свернуть шею Габсбургам. С каким бы циничным безразличием ни относились к религии аристократы и дипломаты, кардинал должен был учитывать интересы богобоязненной французской буржуазии, и он не мог предпринять ничего неординарного из-за опасения подорвать стабильность монархии. К счастью для Ришелье, в тот же

[1] *Calendar of State Papers. Domestic Series, 1623—1625*, p. 195.

день, когда протестанты потерпели поражение под Штадтлоном, в Риме на трон святого Петра был избран кардинал Барберини. Урбан VIII, как теперь его называло христианство, был еще сравнительно молодым и энергичным человеком. Тонкий и сильный политик, он много лет служил папским легатом в Париже, держал в купели Людовика XIII и с той поры испытывал к нему особенную привязанность. Урбану предстояло властвовать в христианстве двадцать один год, столько же, сколько и Ришелье в политике. Без него кардиналу было бы гораздо сложнее, если вообще невозможно, проводить свою политическую линию. Урбан VIII, хотя и желал мира христианам, не мог не видеть угрозу, исходившую от династии Габсбургов. Он желал и мира в Европе. Но если его нарушат, то папа не стал бы порицать тех, кто воспротивится агрессии Габсбургов. Поэтому католики Франции могли спать спокойно, когда их налоги уходили на финансирование голландских и германских еретиков.

Проблема, и серьезная, заключалась в том, что сложное переплетение мирских и духовных интересов, лежавших в основе политики Габсбургов, несло в себе опасность для церкви. Несмотря на обращение Богемии в католичество, несмотря на разгром кальвинизма в Германии, в негативной позиции Ришелье и папы по отношению к Габсбургам была своя логика. Их опасения разделяли и капуцины. И крестовый поход Габсбургов, и оппозиция папы и Ришелье мотивировались не только лишь религиозными соображениями. Трагедия католической церкви состояла в том, что ни одна из сторон не могла одержать полную победу[1].

[1] Добротная аргументация позиции папы содержится в работе Огюста Лемана: Auguste Leman, *Urbain VIII et la rivalité de la France et da la Maison d'Autriche de 1631 à 1635.* Lille, 1920. В отличие от большинства современников папы автор стремится доказать, что Урбан VIII скрупулезно придерживался нейтральной позиции. Я не могу с ним полностью согласиться, хотя имеются свидетельства того, что Урбан в очень трудных обстоятельствах честно отстаивал интересы церкви.

Угроза была нешуточная, и Фердинанду следовало бы подумать об упрочении своих позиций в Германии. Слабая испанская монархия, и это, безусловно, учитывали его противники, не могла ему помочь. Король Филипп IV, глава династии и хозяин рудников в Перу, по-прежнему был под пятой у непредсказуемого Оливареса. Фаворит уже пренебрег интересами Фердинанда, устраивая помолвку инфанты и английского принца, хотя и не довел начатое дело до конца. Во Фландрии эрцгерцогиня Изабелла, не получая достаточных финансовых вливаний от некомпетентного правительства в Мадриде, готовилась сокрушить сравнительно некрепкую оборону голландцев. Она была поглощена завоеванием Соединенных провинций, и ей не было дела до Фердинанда.

В Вене опасались, что вот-вот поднимутся восстания в мятежной Богемии и Моравии, доведенных до отчаяния конфискациями и надругательствами[1]. Тревоги были напрасны, но страх не проходил весь 1624 год. Летом курфюрста Бранденбурга посетил французский агент, и в Вене серьезно засомневались в его лояльности, тем более что он выдал сестру замуж за Бетлена Габора.

Курфюрст Саксонский пребывал в нерешительности. Он долго не мог примириться с возвышением Максимилиана Баварского, а когда все-таки признал нового курфюрста, это обстоятельство вряд ли могло утешить Фердинанда. В июле 1624 года курфюрст Майнца, председатель коллегии курфюрстов, встретился в Шлезингене с Иоганном Георгом, где в промежутках между охотой и кутежами показал ему только что отпечатанную подборку документов, относящихся к событиям в Богемии и обнаруженных в замке Гейдельберг. Максимилиан вряд ли мог сыскать лучшего компромата против Фридриха: документы вскрывали все тайные сговоры, связанные с восстанием в Богемии. Праведный Иоганн Георг был возмущен до глубины души. Курфюрст

[1] Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, p. 549.

Майнцский убедил его в том, что за императором стоял король Испании, а за Фридрихом — принц Оранский и, возможно, король Франции: только лишь дружественный союз курфюрстов Баварии и Саксонии, добропорядочных князей, противостоящих чужеземному вмешательству, может обеспечить единство Германии. Иоганн Георг признал Максимилиана курфюрстом не в угоду Фердинанду, а для того, чтобы сформировать конституционную оппозицию императору[1].

Но действительно ли пришло время для сплочения германских князей против Габсбурга и Бурбона? Курфюрсты Саксонии и Майнца тщетно пытались удержать коллег от сближения с французами и голландцами. Георг Вильгельм Бранденбургский, поддавшись уговорам французов и шведов, отказался признать Максимилиана курфюрстом и подписал временный договор с Соединенными провинциями. Сам Максимилиан Баварский, на чью армию рассчитывали курфюрсты Саксонии и Майнца в реализации своих конституционных замыслов, последние полтора года вел себя очень странно. Он ненавидел испанскую монархию и доказал это тем, что не пустил агентов эрцгерцогини Изабеллы в рейнские районы, оккупированные его войсками под командованием Тилли[2]. Мало того, после битвы при Штадтлоне он запретил Тилли преследовать побитую армию, уходившую в Соединенные провинции[3]. Поддавшись влиянию капуцинов, Максимилиан даже попытался пойти на сближение с Францией. Один из его монахов, неофициальный посол, строил планы объединения Европы для крестового похода[4]; задумывалось и создание международной католической лиги в составе Франции, Венеции, Савойи и Баварии[5]. Идею завязать дружбу с Францией

[1] Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, pp. 557—567; Gindely, *Beyträge*, p. 57.

[2] Goetz, II, i, p. 115.

[3] Ibid., II, i, p. 283.

[4] Goetz, *Pater Hyacinth. Historische Zeitschrift*, CIX, p. 117.

[5] Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, pp. 67, 104, 108.

Максимилиану подсказала проблема Пфальца. Король Англии устраивал для сына брак во Франции, с тем чтобы способствовать восстановлению зятя на Рейне, и Ришелье не мог одну руку протягивать родственнику свергнутого государя, а другую — узурпатору. Но тщетно Максимилиан пытался разрешить дилемму, предложив в жены старшему сыну Фридриха свою племянницу[1]. Его план не получил поддержки, и Ришелье отверг союз с ним в пользу альянса с королем Англии.

Максимилиан запаниковал. По его информации, Англия, Дания, Савойя и Венеция готовились к войне, а Англия, Дания и Швеция подкупали князей Северной Германии. Эти приготовления угрожали и Габсбургам, и его неправедно приобретенным титулам. Дабы обезопасить себя, он должен побороть новых покровителей Фридриха, если даже для этого ему придется помогать Габсбургам. Весной 1624 года Максимилиан созвал в Аугсбурге собрание Католической лиги и настоял на усилении армии Тилли ввиду нависшей угрозы[2]. Это встревожило и Оливареса, и Ришелье. Последний запоздало предложил Максимилиану дружбу[3], а Оливарес польстил, назвав лигу единственным оплотом христианства и пообещав поддерживать «своего друга» в Рейнском Пфальце. Максимилиан склонялся к альянсу с Испанией, возможно, в целях самозащиты, а возможно, и для того, чтобы попугать французов. Предавая свой излюбленный конституционализм, он даже заявил, что «отдаст жизнь за Австрийский дом»[4].

Конституционалисты тщетно пытались остановить надвигавшуюся бурю. Саксония и Майнц предложили созвать рейхстаг или по крайней мере собрание курфюрстов для

[1] Rusdorf, I, pp. 156 ff.

[2] Goetz, *Briefe und Akten*, II, i, pp. 452—510.

[3] Ibid., II, i, pp. 516 f., 528 f.; Fagniez, *Fancan et Richelieu. Revue Historique*, CVII, pp. 61 f.; Wiens, *Fancan und die französische Politik, 1624—1627.* Heidelberg, 1908, pp. 18, 27.

[4] Goetz, *Briefe und Akten*, II, ii, pp. 19, 23—24, 28, 39, 40.

того, чтобы разрешить проблемы империи, прежде чем в нее хлынет солдатня из Дании, Франции и Англии[1]. Однако они мало что могли сделать без поддержки Максимилиана, его денег и престижа. Преднамеренно или нет, но Фердинанд лишил конституционалистов самого сильного заступника, отдав Максимилиану Баварскому курфюршество Фридриха.

Постепенно образовался единый альянс Ришелье против общего врага. 10 июня 1624 года в Компьене правительства Франции и Соединенных провинций подписали договор о дружбе. Главный соперник династии Габсбургов и ее непримиримый антагонист наконец вступили в союз. Спустя пять дней к нему присоединилась Англия. 9 июля пришли к согласию короли Швеции и Дании. 11 июля Франция, Савойя и Венеция договорились о совместной интервенции в Вальтеллину. 23 октября альянс с Соединенными провинциями заключил курфюрст Бранденбургский. 10 ноября Генриетта, сестра короля Франции, обручилась с принцем Уэльским.

Тем временем восстали протестанты Граубюндена и нанесли поражение брату Фердинанда эрцгерцогу Леопольду. Несмотря на тяжелые потери, они еще до Рождества захватили Тирано и заблокировали Вальтеллину. Весной 1625 года, когда началось таяние снегов, герцог Савойский во главе французских и местных войск спустился с гор, напал на Асти и окружил Геную, угрожая городу с крутых высот, которые превосходно удерживали его горцы.

Оборвалась важнейшая транспортная артерия. Вальтеллина закрылась, враждебные английские корабли держат под контролем малые моря, и король Испании не мог теперь посылать свое перуанское серебро во Фландрию и Австрию ни по суше, ни по морю. Казалось, что силовое состязание, истоки которого находились вне Германии, и заканчивалось за ее пределами. Фердинанд ошибался, связывая престиж

[1] Goetz, II, i, pp. 620, 635, 642, 651.

своей династии с престижем империи. Спинола зря завоевывал Рейн, дипломатия Ришелье свела на нет победы Тилли от Белой Горы до Штадтлона.

Но война началась в Германии, и в Германии она должна закончиться. После семи лет противоборства страна, чьи политические проблемы были запутаны не меньше, чем в самой империи, оказалась в положении, которое не мог осмыслить даже Ришелье. Множество трудноразрешимых противоречий накопилось только в одних северных германских епископствах. Победа в Италии была эпохальной, но она не поставила пределы войне.

Глава пятая

НА БАЛТИКЕ 1625—1628

Legitime certantibus corona[1].

Девиз Фердинанда II

1

Вальтеллина оккупирована. Разобщенные кланы империи Габсбургов во Фландрии и Австрии предоставлены сами себе. Армия Мансфельда высаживается на голландский берег, короли Северной Европы готовят десант на Балтике. Пришло время, когда имперская политика Фердинанда должна проявить мудрость. Из Испании серебро не поступает, благополучие императора теперь полностью зависит от лояльности подданных.

Зимой 1624/25 года Альбрехт фон Валленштейн приезжал в Вену и предлагал испанскому послу набрать армию для защиты интересов Испании в Италии[2]. После катастрофических событий в этой стране он поменял свое мнение, а после падения Вальтеллины сделал такое же предложение самому императору. За свой счет он наберет пятьдесят тысяч человек, постой и пропитание будут обеспечиваться оружием[3], императору придется платить только жалованье.

---

[1] Корона причитается законному победителю (*лат.*).

[2] Gindely, *Waldstein während seines ersten Generalats im Lichte der gleichzeitingen Quellen*. Prague-Vienna, 1886, I, pp. 46 ff.; Zwiedineck-Sudenhorst, II, p. 223.

[3] Hurter, *Zur Geschichte Wallenstein*, Schaffhausen, 1855, p. 27.

Фердинанд не посмел отказаться. Его согласие означало, что он дает в руки графу Валленштейну огромную силу, но в сложившейся ситуации Фердинанд не мог поступить по-другому. Максимилиан был его единственным союзником, при этом император, наверно, был бы рад разделить пополам свои обязательства, позволив кому-то еще выставить войско, а в это время Максимилиан, напуганный надвигающейся бурей, сам настоял на том, чтобы Фердинанд сформировал еще одну армию[1]. Весной 1625 года курфюрст Баварский видел собственное спасение только в силе оружия, и для него было не важно, кто им владеет.

Единственным серьезным соперником Валленштейна был губернатор Богемии Карл фон Лихтенштейн, выдвинувший против него обвинения в финансовой нечистоплотности[2]. Фердинанд не мог не принять их к рассмотрению. В феврале 1625 года в Вену вызвали Лихтенштейна, а в апреле — Валленштейна[3]. Фердинанд проявил осторожность, урезав армию Валленштейна с пятидесяти тысяч человек, которые могли позволить ему стать грозным и опасным оппонентом, до двадцати тысяч — вполне достаточно для того, чтобы справиться с кризисом, — и ограничил сферу деятельности генерала землями Габсбургов. В случае необходимости он пошлет Валленштейна куда-нибудь еще, но пока император назначил Максимилиана Баварского главнокомандующим всех военных операций[4].

Тем временем Спинола активизировался в Нижних странах, стремясь завершить голландскую войну, прежде чем потеря Вальтеллины отразится на снабжении войск. Пока у него все получалось, и стратегия изматывания противника себя оправдывала. Берген-оп-Зом не достался испанцам только из-за случайного вмешательства Мансфельда и Хрис-

[1] Goetz, *Briefe und Akten*, II, ii, pp. 39—40.

[2] Stieve, *Wallenstein bis zur Übernahme des ersten Generalats*, pp. 229—230.

[3] d'Elvert, III, p. 135; Goetz, *Briefe und Akten*, II, ii, p. 148.

[4] Gindely, *Waldstein*, p. 54.

тиана Брауншвейгского в 1622 году, но соседнюю провинцию Юлих они захватили, и Рейн был в их руках. Две суровые зимы подорвали благосостояние голландских фермеров. Феноменальные морозы в январе и феврале 1624 года привели к прорыву дамб и разрушительным наводнениям, пронзительные ветры снесли соломенные крыши с хижин, толпы бездомных крестьян хлынули в города. Дисциплинированные войска Спинолы, пренебрегая непогодой, прорвали приграничную оборону, а голландские солдаты, давно не получавшие жалованья, голодные и замерзшие, подняли мятеж в Бреде. Казалось, что Соединенным провинциям ничего не оставалось, как просить мира[1]. Голландцы вовремя сплотились, чтобы дать отпор интервентам, но к весне 1625 года Спинола осадил Бреду, главную крепость на границе Брабанта, охранявшую дороги, ведущие в Утрехт и Амстердам.

В это время в Гааге скончался Мориц Оранский. Перед смертью он позвал младшего единокровного брата Фридриха Генриха, который должен был наследовать ему и как статхаудер пяти провинций, и как командующий армией. Голландцам этот младший сын Вильгельма Молчаливого был практически неизвестен. После переворота 1619 года он жил в уединении, симпатизировал потерпевшим поражение и меньше всего хотел создавать партию, враждебную старшему брату, которого искренне любил. Ему было за сорок, но по стандартам того времени он был уже стар для того, чтобы возглавить правительство, хотя все еще и не женат.

В последние дни жизни Морица больше всего тревожила судьба голландцев и его династии. Умирая, он наставлял брата отстоять Бреду и найти жену. Что касается второго наказа, то Фридрих Генрих был готов с удовольствием его исполнить. Уже некоторое время он был влюблен в пышногрудую молодую фрейлину королевы Богемии. Бесприданницу,

[1] Aitzema, p. 269.

по описанию венецианского посла, несравненной красоты[1] Амалию фон Зольмс умирающий Мориц принял радушно как продолжательницу рода. Она происходила из германского аристократического дома, преданного свергнутому Фридриху, и должна была свести мужа с тем рейнским альянсом, который только и мог сокрушить испанцев на Рейне. Их торжественно обвенчали в Гааге в начале апреля, Мориц вскоре умер, и новобрачный сразу же отправился во главе армии к Бреде[2].

Но силы были слишком неравны, чтобы голландцы могли одолеть Спинолу. Фридрих Генрих тщетно надеялся на то, что Мансфельд пришлет английские войска: Яков I хотел использовать их в Северной Германии[3], а они сами, вернее, то, что от них осталось, после безденежной и голодной зимы дружно дезертировали к испанцам[4]. Потерпев поражение скорее от голода, а не от противника, гарнизон Бреды, продержавшись более шести месяцев, 5 июня 1625 года сдался, приняв почетные условия капитуляции. Спинола, растрогавшись, обнял голландского командира перед всей армией[5].

Династия Габсбургов теперь могла противопоставить французам Валленштейна, компенсировав потерю Вальтеллины взятием Бреды. Оставалась угроза северной коалиции, но и здесь у династии появился вариант выхода из затруднительного положения. Потенциальный альянс Швеции, Дании, Англии и Соединенных провинций проигнорировал очень серьезную и самовольную державу — Ганзейский союз торговых городов. Сначала в феврале 1625 года Оливарес намекнул австрийскому послу в Мадриде[6], а затем в апреле испанский посол в Вене подал императору идею вовлечь

[1] Blok, *Relazioni Veneziane*, p. 182.

[2] Moser, *Patriotisches Archiv*, XI, pp. 175—206.

[3] Rusdorf, I, p. 485.

[4] Aitzema, I, p. 405.

[5] Ibid., I, pp. 408, 416.

[6] Messow, *Die Hansestädte und die Habsburger Ostseepolitik*, p. 11.

Ганзейский союз в альянс с династией Габсбургов, предложив лиге флот для защиты от соперников и торговые преференции в испанских Индиях. Иными словами, испанцы при помощи взяток решили превратить Любек, Штральзунд, Гамбург и Бремен в военно-морские базы на Балтике[1].

Если же города заартачатся, то демонстрацией имперской силы надо убедить их согласиться с предложением, и с этой целью в июне военные полномочия Валленштейна были распространены на всю империю[2]. Он уже сделал все, что нужно, его армия в полной готовности стояла на границе Богемии и по команде быстро вошла в Германию, направившись к северу на соединение с Тилли. Ему недавно присвоили титул пфальцграфа империи, дающий право жаловать дворянство по своему усмотрению. Летом он сам присвоил себе титул герцога Фридландского[3].

С появлением новой императорской армии и потерей Бреды Вальтеллина для французов стала обузой; у правительства Ришелье не было достаточных средств для того, чтобы оккупировать ее до бесконечности, не было уверенности и во внутренней стабильности во Франции. Дворцовые интриги и мятежники могли в любой момент опрокинуть его планы, а на севере начал разваливаться задуманный им альянс.

И король Дании, и король Швеции в равной мере горели желанием вторгнуться в Германию, они засыпали Париж и Лондон планами военной кампании[4], но каждый хотел, чтобы другой действовал под его началом. Франция отдавала предпочтение шведскому королю, правительство Англии колебалось, сначала поддержало шведский план, а потом вдруг переориентировалось на Данию и бестактно попроси-

[1] Gindely, *Die maritimen Pläne der Habsburger.* Vienna, 1891, pp. 2—3.

[2] Hallwich, *Fünf Bücher zur Geschichte Wallensteins.* Leipzig, 1910, III, p. 12.

[3] Hurter, *Zur Geschichte Wallensteins*, pp. 20—21.

[4] Rusdorf, I, pp. 439 f.; Moser, *Patriotisches Archiv*, V, p. 107.

ло Густава Адольфа уступить Кристиану IV пальму первенства[1]. Густав Адольф возмутился, и его негодование было вполне обоснованным. Швед не доверял Кристиану Датскому, опасаясь, что если он не будет держать под своим полным контролем военные операции, то его армия и деньги будут использованы в других целях[2]. Фактически он выдвинул французам и англичанам ультиматум. Его перемирие со своим давним врагом — польским королем истекало через несколько недель: либо ему дают все бразды правления, либо он возобновляет войну с Польшей и предоставляет Германии самой решать свои проблемы. Английское и французское правительства никак не отреагировали на его угрозу, и 11 июня 1625 года Густав Адольф пошел войной на Сигизмунда, короля польского, повернувшись спиной к Германии[3].

Из всей внушительной когорты союзников лишь один король Дании летом 1625 года выступил в поход на защиту протестантов Германии.

2

Кристиан IV был человеком достойным. Ему не повезло лишь в том, что он правил одновременно с королем Швеции, из-за блистательности которого ему и отвели столь незначительное место в истории Европы. Ко времени вторжения в Германию ему исполнилось сорок восемь лет и тридцать семь лет он находился на троне. Это был широкоплечий, крепкого телосложения мужчина с красноватым лицом и светло-каштановыми волосами, слегка поседевшими. Он не чурался физических усилий, много пил и был очень плодовит. Моногамия вовсе не устраивала его бурную натуру, и его внебрачные дети создавали проблемы для Дании и темы

[1] Rusdorf, I, pp. 464, 496, 545—549; II, p. 29.

[2] Ibid., I, pp. 554 f.; Moser, *Patriotisches Archiv*, V, pp. 159 ff. *passim*.

[3] Moser, *Patriotisches Archiv*, VI, p. 21.

для шуток в Европе. Тем не менее это был человек большого ума, одаренный многими талантами, которые он с толком применял на практике: вел, например, ученую переписку на латыни с таким энциклопедистом, как Яков I, король Англии [1]. Способный лингвист, Кристиан был и превосходным собеседником. Король поощрял искусства и науки, чем могли похвастаться немногие из его предшественников, и в пышном декоре дворцов в Кронберге и Копенгагене, в их богатом и обильном убранстве, в пухлых розовых херувимах отражалась его пылкая и деятельная индивидуальность. «Трудно поверить в то, что он родился в холодном климате», — сказал о нем один итальянец[2].

Кристиан был хорошим королем, защищал народ от непомерной алчности дворянства, развивал торговлю дома и за морями. Если он в чем-то и не преуспел, то лишь потому, что ему приходилось постоянно иметь дело с эгоистичной и безответственной аристократией у себя в стране и трансцендентальной гениальностью Густава Адольфа за рубежом. Все невзгоды и трудности он должен был брать на себя, его интеллектуальные и физические силы всегда были напряжены до предела, рядом с ним не было людей, на которых он мог бы переложить хотя бы часть своих дел и обязательств. Хорошие манеры, дипломатичность, безрассудная смелость, грубый юмор и суровый нрав — все было подчинено политике. Сопоставляя его неудачи с успехами короля Швеции, нельзя забывать о том, что у Густава Адольфа, помимо талантов, были и помощники. Кристиан со времени совершеннолетия и до конца дней своих был вынужден сражаться в одиночку.

Наполовину немец, он превосходно говорил и писал на этом языке, и в Германии у него были свои интересы. Он был герцогом Гольштейнским, его сына только что избрали на вакантное место епископа Фердена, для него же Кристи-

[1] Bentivoglio, *Opere*, p. 90.

[2] Loc. cit.

ан заявил права на Оснабрюк и Хальберштадт. Владея этими территориями и Гольштейном, Кристиан мог оказывать давление на колеблющихся нейтралов. Однако он и его союзники недооценили сложность политической неразберихи в Германии. Курфюрсты Саксонии и Бранденбурга не меньше, чем Кристиан и император, желали добра своим сыновьям, и они тоже претендовали на Оснабрюк и Хальберштадт. Они не хотели, чтобы эти епископства у их сыновей перехватили габсбургский принц или король Дании. И оба князя подтвердили свою неизменную лояльность императору.

Тем временем несчастные правители Нижнесаксонского округа продолжали пребывать в нерешительности. Они не желали отказываться от нейтралитета, но им было трудно его сохранять в условиях, когда на южной границе стояли лагерем войска Тилли, а с севера надвигался датский король. В запугивании больше преуспел Кристиан. В мае 1625 года сословия избрали его президентом округа, а затем с неохотой приняли решение призвать население к оружию[1]. На практике это означало лишь то, что Кристиан мог набирать рекрутов в пределах их территории.

Формального объявления войны между королем и императором не было, и Тилли запросил у Кристиана разъяснений относительно своих намерений. В ответ он получил примирительное письмо, объясняющее, что Кристиан как президент Нижнесаксонского округа счел необходимым предпринять меры для усиления обороны[2]. Потом всю осень и зиму шел любезный обмен посланиями между Фердинандом и сословиями округа: император пытался оторвать их все или по отдельности от Кристиана. Цепляясь за нейтралитет, они вначале соблазнились предложением о религиозных гарантиях для северных германских епископств, а затем отвергли его, когда Фердинанд сделал исключение для Маг-

[1] Lundorp, III, p. 807.

[2] Ibid., III, pp. 812, 813.

дебурга. Они быстро оказались в том же малоудобном положении, в котором побывали все нейтральные государства Германии, — в состоянии войны и с той и с другой противоборствующими сторонами[1].

На самой войне ничего особенного не происходило. С Кристианом, продвигавшимся по Везеру, у Хамельна случился неприятный инцидент. Однажды вечером, когда он объезжал войска, лошадь сбросила его, и он пролетел восемьдесят футов с крепостного вала и чудом остался жив. Слухи о его гибели[2] побудили Тилли пойти навстречу датчанам, но после уточнения информации о происшествии и наличии провианта он вернулся обратно[3]. Даже подход Валленштейна с армией в тридцать тысяч человек[4] не уменьшил, а приумножил трудности Тилли: теперь ему надо было кормить две армии на землях, уже изрядно опустошенных его войсками[5].

Холодная весна перешла в мерзкое лето. В июне выпал снег, и намокшие зерновые гнили на полях. По всей Европе свирепствовала чума, губя не только человеческую, но и политическую и экономическую жизнь. Все лето она буйствовала в Австрии и Штирии, в Мекленбурге и Пруссии, в Вюрцбурге, на обеих сторонах Рейна, от Вюртемберга до Ахена, только в Праге умерло шестнадцать тысяч человек[6]. В октябре у Тилли из восемнадцати тысяч солдат болели восемь тысяч; все они были плохо одеты и не имели нормальных условий для зимнего постоя[7].

Положение Валленштейна было получше. Знамена императорского войска устрашали больше, чем штандарты ар-

[1] Lundorp, III, pp. 824 ff.

[2] Goetz, *Briefe und Akten*, II, ii, p. 324.

[3] Ibid., pp. 355, 377.

[4] Gindely, *Waldstein*, I, p. 63.

[5] Goetz, *Briefe und Akten*, II, ii, pp. 377—378.

[6] Lammert, pp. 67 f.; *Theatrum Europaeum*, I, p. 999; d'Elvert, II, p. 193, III, pp. 138 f.; Goetz, *Briefe und Akten*, II, ii, p. 308.

[7] Goetz, *Briefe und Akten*, II, ii, p. 408.

мии лиги, и Тилли с изумлением узнавал, что те же самые города, отказывавшиеся приютить его солдат, открывали ворота Валленштейну[1]. Имперский генерал занимал лучшие квартиры, располагался в епископствах Магдебург и Хальберштадт[2], а голодная, готовая взбунтоваться или дезертировать армия Тилли с трудом устроилась в маленькой и небогатой епархии Хильдесхайм[3]. Поиски пропитания перерастали в драки за обладание награбленным добром и женщинами, и порочность человеческая, обычно скрытая в мирных условиях, принимала самые отвратительные формы. Тщетно города и деревни просили защитить их, заверяя в своей лояльности, — генерал давал обещания, но не мог их выполнить.

Проявляя бессмысленную жестокость, солдатня сжигала деревни и убивала скот, который не могла увести. В жажде наживы наемники раскапывали могилы в поисках сокрытых сокровищ, прочесывали леса, где укрывались лишенные крова крестьяне, убивали на месте тех, кого находили, забирая узлы с домашним скарбом и сбережениями. Они крушили и грабили церкви, а когда один пастор, оказавшийся храбрее других, не пустил их в храм, они отрубили ему руки и ноги, оставив истекать кровью на алтаре — как жертву, принесенную его протестантскому богу. Они не щадили и единоверцев: в монастыре Амелунгсборн разбили орган, унесли ризы и потиры, обчистили могилы монахинь[4].

У Валленштейна солдаты разбойничали меньше, чем воинство Тилли. Они размещались и питались гораздо лучше. Он облагал бюргеров более высокими поборами, но и следил за тем, чтобы солдаты были всем довольны, снижая тем самым интерес к разбою и грабежам[5]. Огромные контрибу-

[1] Goetz, p. 438.

[2] Ibid., p. 441.

[3] Ibid., p. 407.

[4] Hurter, *Ferdinand II*, VIII, pp. 658—660.

[5] Ranke, *Geschichte Wallensteins*, p. 29.

ции, которые он получал на оккупированных землях, позволяли ему пунктуально выплачивать жалованье и даже заменять и совершенствовать артиллерию[1]. На случай чрезвычайных обстоятельств граф оборудовал в Богемии собственные зернохранилища[2].

Все лето и осень 1625 года король Дании пытался скрепить альянс своих союзников. В декабре он подписал договор с Англией и Соединенными провинциями[3] в надежде на то, что эти богатые государства дадут ему и войска, и деньги. Напрасные ожидания: деньги принадлежали отдельным индивидуумам, а не правительствам. Голландский сейм выделил ему средств меньше, чем он рассчитывал получить, английский парламент вообще ничего не дал. Они уже снабдили деньгами Мансфельда в 1624 году, Христиана Брауншвейгского — в 1625-м и теперь решили, что достаточно послать датскому королю небольшое войско из насильно завербованных рекрутов под началом полковника Моргана[4].

Последний удар на Кристиана обрушился, когда в поддержке отказала Франция. Ришелье был тем Атлантом, который держал весь конгломерат союзников. Весной 1626 года во Франции разразилось восстание гугенотов, и ему пришлось отозвать войска из Вальтеллины для ликвидации более опасной угрозы дома. Принц Оранский решил было послать к крепости гугенотов Ла-Рошель небольшой флот, но голландские моряки не согласились идти против единоверцев-протестантов, неумышленно способствуя краху протестантов в Германии. Подписав 26 марта 1626 года Монзонский мир, Ришелье покинул Вальтеллину, и проход снова

[1] Ritter, *Das Kontributionssystem Wallensteins. Historische Zeitschrift*, XC, pp. 211—220, 239—246.

[2] V. Loewe, *Die Organisation und Verwaltung der wallensteinischen Heere*. Leipzig, 1895.

[3] Aitzema, I, p. 482; Lundorp, III, p. 802.

[4] Rusdorf, II, pp. 58, 189.

открылся для испанцев. Живительная кровь вновь потекла по артериям империи Габсбургов.

Защитниками протестантов и германских свобод оставались Кристиан Датский, Христиан Брауншвейгский и Эрнст фон Мансфельд. Король Дании располагал более многочисленной армией и, естественно, должен был возглавить войну. Однако Мансфельд, пополнив армию новыми рекрутами, считал себя лидером, лучше понимавшим общую стратегическую ситуацию. Христиан Брауншвейгский, командовавший войсками, набранными из крестьян тех земель, по которым он проходил, и вооруженными примитивными дубинами, окованными железом[1], не возражал против того, чтобы действовать под началом датского короля, но не желал подчиняться Мансфельду[2]. Поэтому наметилось три самостоятельные операции, поскольку общее наступление привело бы к ненужным спорам, а раздельное наступление, кроме того, разобщило бы и силы противника. Мансфельд должен был вторгнуться в епископство Магдебург — оплот Валленштейна, отвлечь на себя огонь его артиллерии, по возможности обойти его и двигаться в Силезию на соединение с Бетленом Габором. Христиану Брауншвейгскому предстояло обогнуть аванпосты Тилли, направиться в Гессен, побудить ландграфа Морица подняться на защиту дела протестантов и обрушиться на Тилли с тыла, в то время как Кристиан Датский, продвигаясь по Везеру, нанесет по нему мощный фронтальный удар.

Операция Христиана Брауншвейгского провалилась полностью. Двадцативосьмилетний герцог, измотанный, измученный болезнью и лишившийся доброй репутации и состояний, все-таки провел свое неопытное крестьянское войско через границу Гессена лишь для того, чтобы узнать о том, что ландграфу, оставшемуся без армии, без средств, приговоренному к потере владений и боявшемуся, как бы

[1] Weskamp, *Das Heer der Liga*, p. 357.

[2] C. F. Bricka and J. A. Fridericia, *Kong Christian den Fjerdes egenhaendige Breve*, Copenhagen, 1878—1891, I, pp. 461—462.

приговор императора не вступил в силу, нет никакого дела до проектов короля Дании. Подавленный и отчаявшийся, он отошел обратно в Вольфенбюттель, где и скончался 16 июня 1626 года. Все его внутренние органы были изъедены огромным червем; как зафиксировали католики, его постигла смерть Ирода.

Не особенно преуспел и Мансфельд. Валленштейн, предупрежденный о его походе, направился с большим контингентом войск к Дессау на Эльбе, где, как он рассчитал, должна переправляться протестантская армия и где 25 апреля 1626 года действительно появился Мансфельд с войском в двенадцать тысяч человек. Для обоих генералов многое было поставлено на карту в этот день. Мансфельд, профессиональный вояка, чье невезение стало притчей во языцех в Европе, надеялся успешно преодолеть Эльбу и восстановить свою поблекшую репутацию. Валленштейн, новичок в ратном деле и командовании наемниками, должен был еще завоевать известность. В прошлом году он промедлил в марше на север и прибыл на место слишком поздно для того, чтобы проявить себя: с тех пор о нем говорили как о пустомеле, не стоящем благосклонности императора, никчемном солдате и ненадежном подданном. Кое-кто даже хотел отстранить его от командования войском, которое он набрал, и поставить на его место опытного итальянского профессионала Коллальто. И в его же армии находились офицеры, доносившие в Вену в собственной интерпретации случайно оброненные им замечания, — например полковник из Лотарингии Альдрингер[1]. Схватка у моста Дессау была для Валленштейна битвой двойного назначения: и за Эльбу, и за свою репутацию[2].

Мансфельд совершил роковую ошибку, недооценив противника: он не осознавал, что недостаток опыта у Вал-

[1] Tadra, *Briefe Albrechts von Waldstein an Karl von Harrach, 1625—1627. Fontes Rerum Austriacarum*, II, xli, p. 356; Hallwich, *Gestalten aus Wallensteins Lager*, Leipzig, 1885, II, pp. 118 f., 144 f.

[2] Hallwich, *Fünf Bücher*, I, p. 375.

ленштейна с лихвой восполнялся его основательностью. Располагая самой мощной артиллерией за всю войну и расставив солдат так, чтобы скрыть их реальную численность, Валленштейн устроил Мансфельду возле моста Дессау настоящую бойню. Полагаясь на опытность своих солдат и рассчитывая смять противника массированными атаками, Мансфельд не ожидал такого отпора и вынужден был к ночи отойти, положив под пушечным огнем Валленштейна треть своей армии.

«Господь помог мне разбить наголову Мансфельда», — написал Валленштейн императору[1]. Потом он отругал Альдрингера за кляузные письма в Вену, назвав его на прощание «чернильным пакостником»[2]. Эти слова, брошенные в порыве гнева человеку, который сам всего достиг и был секретарем, прежде чем стать офицером[3], задели за живое Альдрингера, и он припомнит их, когда Валленштейн напрочь забудет об инциденте.

Изолированный от Кристиана Датского, на другом берегу Эльбы, злой и больной, Мансфельд решил идти на северо-восток, в нейтральный и беззащитный Бранденбург, восполняя потери рекрутами и ожидая вестей от Бетлена Габора. Восстановив силы, он планировал направиться по Одеру в Силезию.

Триумфы на севере не только подняли престиж Валленштейна. Они поощрили Брюссель на то, чтобы дать ход идее, которая давно уже витала в воздухе. Умные головы задумали создать военно-морскую базу для испанского флота, с тем чтобы ударить по Голландии с двух сторон. 1 июля фламандский посол встретился в Дудерштадте с обоими генералами и предложил им финансовую и военную помощь Испании, если они захватят Любек. Тилли и Валленштейн лишь пожали плечами. Предприятие крайне рискованное, ответили они, и были совершенно правы с учетом ситуации,

---

[1] Hallwich, *Fünf Bücher*, III, p. 42.

[2] «Tintenfresser», буквально «пожиратель чернил».

[3] Hallwich, *Gestalten aus Wallensteins Lager*, pp. 144, 163, 164.

которая сложилась тогда в Северной Германии. Посланник вернулся домой ни с чем[1], но Валленштейн не забыл эту встречу и она впоследствии принесла свои плоды.

Тем временем начали поступать тревожные сообщения о передвижениях Мансфельда. К концу июля он набрал достаточно рекрутов, перешел границу Силезии и двигался на юг навстречу Бетлену Габору. В начале августа Валленштейн, оставив Тилли разбираться с королем Дании, отправился преследовать Мансфельда. Разобщение сил противника дало датскому королю шанс, которого он ждал все лето. Покинув базу в герцогстве Брауншвейг, он двинулся на юг, к Тюрингии, намереваясь пробиться между разделенными вражескими армиями в незащищенный центр Южной Германии.

Узнав о походе датского короля, Тилли послал гонцов к Валленштейну и, получив от него подкрепление численностью восемь тысяч человек, пошел навстречу Кристиану. Король Дании развернулся и поспешил обратно на свою базу в Брауншвейг. 24, 25 и 26 августа арьергард его армии удерживал дорогу, отбивая атаки наседавших войск Тилли и неся потери, правда, пока незначительные. Однако 27 августа он понял, что ему не удастся без решающего боя преодолеть остававшиеся до Вольфенбюттеля двадцать миль, и решил встретить противника у небольшой деревни Луттер на другой стороне дороги. Некоторое преимущество ему давали леса и неровности местности. Он расставил свои двадцать пушек так, чтобы можно было обстреливать дорогу, и спрятал мушкетеров за деревьями и кустами, откуда они могли видеть наступавших солдат Тилли. У него было больше конницы на несколько сот всадников, но он значительно уступал Тилли в численности пехоты, и она бежала при первом же натиске католиков. Кавалерия действовала смелее, и сам король, проявляя больше безрассудной храбрости, а не бла-

[1] Aretin, *Bayerns auswärtige Verhältnisse*, Passau, 1839, *Urkunden*, pp. 224—240.

горазумия, трижды пытался повести людей в атаку, пока не лишился артиллерии и не понял, что сражение проиграно. Кавалерия какое-то время держалась у замка, но, когда поле битвы покинула основная часть армии вместе с королем, к ночи сдалась. По некоторым оценкам, Кристиан потерял две тысячи пятьсот человек пленными и шесть тысяч — убитыми. Даже с учетом статистических погрешностей и преувеличений он оставил у деревни Луттер больше половины армии и всю артиллерию, а сам чудом избежал гибели или пленения. Король попал в окружение, лошадь под ним пала, и его спас ценой своей жизни один из офицеров[1].

Теперь бессмысленно было и удерживать район вокруг Вольфенбюттеля. Местные правители переходили в стан Тилли[2], все переменчивые друзья покинули Кристиана, с ним остались только сын и два герцога Мекленбурга. Ему пришлось отступить на север, к побережью, и устроиться на зимние квартиры в Штаде, среди равнин к юго-западу от эстуария Эльбы.

Христиан Брауншвейгский мертв. Кристиан Датский разгромлен при Луттере. От армии Мансфельда в Силезии нет никакой пользы, генерал перессорился со своим заместителем, и их совместные действия стали невозможными. Бетлен Габор, внезапно постарев и почувствовав себя уставшим, начал переговоры о мире с императором. Мансфельд, брошенный союзниками и разругавшийся с соратниками, ушел из Силезии с группой ближайших сторонников и всю осень 1626 года пробирался на юго-запад к побережью Далмации. Куда он стремился, что задумал в своем последнем походе? Об этом никто не знал и не знает до сих пор. Некоторые считали, что он шел за помощью к венецианцам, другие — к туркам. Верно, разрозненные турецкие отряды присоединялись к нему, но с одной лишь целью — пограбить. Последние его дни окружены тайнами и легендами. Точно

[1] Lundorp, III, pp. 876 f.; Bricka and Fridericia, II, pp. 31—32; см. также: H. Voges, *Die Schlacht bei Lutter am Barenberge*. Leipzig, 1922.

[2] Lundorp, III, pp. 977 f., 991—992.

известно одно — где-то на пути к далматскому побережью в горах над Сараево он отдал Богу душу, предоставив своим осиротевшим соратникам самим решать: помирать с голоду или сдаваться в плен[1]. По одним слухам, скорее всего неверным, его отравили турки. По другим — в своей последней борьбе за жизнь он подозвал двух товарищей и, положив тяжелые руки на их плечи, поднялся на ноги, чтобы, как подобает воину и дворянину[2], умереть стоя. Финальный, отважный, но зряшный поступок в отважной, но зряшной жизни.

3

В 1625—1626 годах Европа видела и взлет и падение протестантского движения против династии Габсбургов. В это же время на их наследственных землях происходили и другие, не менее значительные и трагические события. Крестьяне Верхней Австрии, задавленные поборами в уплату императорских долгов, уже пять лет терпели правление Максимилиана Баварского, самого беспощадного из всех сюзеренов. Он лично осуществлял надзор за исполнением религиозных эдиктов императора. Под угрозой расправы вплоть до смертной казни из провинции были изгнаны все протестантские священники и школьные учителя, запрещалось обучать детей и посещать протестантские церкви по ту сторону границы. Государственными чиновниками могли стать только католики, всем вменялось в обязанность посещать католические церкви и поститься. На время службы закрывались магазины и рынки. Все, что принадлежало католической церкви, требовалось вернуть. Воспрещалось пользоваться протестантскими книгами. Даже старшему поколению дворян, претендовавшему на особое к себе отношение, разрешалось лишь называть себя протестантами,

[1] Poyntz, p. 50.

[2] Haeberlin, XXV, p. 471; Poyntz, p. 50.

но не позволялось ни исповедовать свою веру, ни воспитывать в ней детей[1].

Экономическая и моральная угнетенность крестьянства, вызванная войной, усугублялась сломом прежней системы управления и исчезновением того повседневного доброго влияния, которое оказывали пасторы и учителя на тяжелую и унылую жизнь людей. Католическая церковь не могла достаточно быстро заменить пасторов, а если это и происходило, то новый человек не сразу входил в дело или вообще отказывался от места из-за подозрительного и предубежденного отношения прихожан к вере, ассоциировавшейся с политическим подавлением. В результате систематического притеснения протестантского дворянства исчез класс, служивший буфером между правительством и народом, и крестьянство лишилось своего естественного заступника[2].

Герберсдорф, наместник Максимилиана в Верхней Австрии, не был ни в достаточной мере жесток, чтобы растоптать оппозицию, ни в достаточной мере либерален, чтобы ее умиротворить. В глазах австрийского крестьянства он был чужеземцем, орудием антинародного режима и вызывал к себе лютую ненависть[3]. Весной 1625 года наместник все-таки подавил неудачный бунт, а в октябре издал чрезвычайно жесткий эдикт против протестантов. Всю зиму крестьяне терпели, но весной 1626 года их терпение кончилось. 17 мая в Хайбахе произошло столкновение между императорскими

---

[1] Lundorp, III, pp. 767 f.

[2] Gindely, *Die Gegenreformation und der Aufstand in Oberoesterreich im Jahre 1626. Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. cxviii, Vienna, 1889, pp. 7f.

[3] См. по этому поводу песню в книге: Stieve, *Der oberösterreichische Bauernaufstand*. Munich, 1891, I, p. 90:

«Von Bayerns Joch und Tyrannei,
Und seiner grossen Schinderei
Mach uns, o lieber Herr Gott, frei!»
«От ига баварского и тирании,
От великих мук
Освободи нас, о милостивый Господи!» (*нем.*)

солдатами, присланными для принуждения к исполнению эдикта, и местными жителями[1]. Для наместника стало полной неожиданностью, когда крестьянская армия, шестнадцать тысяч человек, устремилась к Линцу, столице провинции и месту пребывания властей. Они несли черные знамена, на которых были изображены черепа и начертаны слова «Так тому и быть». Крестьяне знали, что их вождям скорее всего грозит смерть, и мрачно распевали[2]:

В мечах наша жизнь, наша вера,
Боже, дай нам силы Твоей.

Они пели с какой-то мистической воодушевленностью и несли манифест, обращенный ко всем жителям округи и названный «В нашем христианском лагере»[3].

Возглавлял восстание мелкий фермер Стефан Фадингер. Крестьяне нападали на гарнизоны и артиллерийские батареи, захватив тридцать пушек и облагая каждую деревню, через которую шли, данью, требуя выставить одного человека от каждого дома. Под Вельсом наместник потерпел поражение, отступив в Линц, где 24 июня мятежники заперли его, настаивая на выдаче под угрозой разрушить весь город[4]. К счастью для Гербесдорфа, у него оказался достаточно надежный гарнизон.

На подавление восстания войска отправили и Фердинанд и Максимилиан. После гибели Фадингера, убитого шальным выстрелом, оно на какое-то время затихло, но императорская солдатня продолжала мстить крестьянам с такой свирепостью, что они в августе[5] вновь взбунтовались и осадили Линц. Крестьяне перекрыли железными цепями

[1] Gindely, *Die Gegenreformation und der Aufstand*, p. 21.

[2] Hartmann, *Historische Volkslieder*. Munich, 1907, I, p. 177.

[3] Lundorp, III, p. 927; Czerny, *Bilder aus der Zeit der Bauernunruhen in Oberösterreich*. Linz, 1876, pp. 61 f.

[4] Lundorp, III, pp. 925—927; Hurter, *Ferdinand II*, X, p. 92.

[5] Stieve, *Bauernaufstand*, I, p. 228.

фарватер Дуная, чтобы оградить себя от нападения с реки, и хотя имперские войска 30 августа сняли осаду Линца, мятежники снова нанесли им поражение во втором сражении у Вельса 10 октября.

Наконец 8 ноября 1626 года прибыли новые подкрепления под командованием зятя Герберсдорфа графа Готфрида Генриха Паппенгейма, прошедшего военную выучку на службе у испанцев. Крестьяне имели численное превосходство, знали местность, у них была артиллерия, и к ним дружественно относилось население, среди которого и ради которого они сражались. Но им противостояли отборные баварские войска и командующий, в чьих способностях никто не сомневался. Исход был предсказуем. Искусно маневрируя, Паппенгейм отбросил крестьян от Вельса на запад и рассеял их у Вольфзегга на открытой холмистой местности на краю района, родины большинства мятежников. Численность повстанцев резко сократилась из-за дезертирства. Кавалерия Паппенгейма отсекла их от родных мест и погнала на юг по реке Траун в узкие теснины Хёлленгебирге. Под Гмунденом Паппенгейм окружил крестьян, нанес им сокрушительное поражение и окончательно добил остатки повстанческой армии у Фоклабрюка и Вольфзегга[1].

В ознаменование победы граф Паппенгейм преподнес в дар церкви Гмундена позолоченную статую святого Георга[2], а в Линце весной были казнены двадцать вожаков восстания. Крестьяне не ошиблись в своих предсказаниях, поместив на знаменах изображения черепов.

4

На северном побережье во мраке, сырости и холоде[3] наступал новый, 1627 год и десятый год войны. За пределами Германии Вальтеллина теперь была открыта для испанцев, а

[1] Stieve, pp. 298—303; Lundorp, III, p. 952.

[2] Czerny, *Ein Tourist in Oesterreich*, Linz, 1874, p. 17.

[3] Jacob Franc, 1626—1627, p. 81.

во Франции разрасталось восстание гугенотов. Фаворит Бекингем, правивший Англией, сделал большую глупость, объявив войну Франции и послав флот на помощь повстанцам в крепости Ла-Рошель, а Ришелье ради спасения монархии отвернулся от союзников и стал домогаться дружбы с Испанией.

В Германии Тилли удерживал епископство Хильдесхайм, войска Валленштейна стояли в Магдебурге, Хальберштадте, Бранденбурге и занимали отдельные районы Богемии. Рейнланд был оккупирован испанцами и баварцами; Австрия, Богемия и Венгрия содержали у себя контингенты императорской армии. Наемники Мансфельда расквартировались в Силезии и Моравии, а солдаты Кристиана располагались на равнинах западнее Эльбы. По всей Западной Германии был неурожай[1], голод поразил Франконию, Вюртемберг и долину Рейна[2]. Чума бушевала в Страсбурге, вокруг Штендаля и Котбуса в Бранденбурге, в Силезии, Загане, Гольдберге, Нассау, Сааре и Вюртемберге[3]. Эпидемию остановить было практически невозможно. Вместе со знаменами армии несли и тиф, оспу, сифилис. Обозы проезжали по трупам павшего скота и лошадей, распространяя заразу по деревням и фермам.

Насилие, бедствия стали обыденными. «13 мая 1626 года застрелили Катерину, мою бедную служанку», — пометил в дневнике пастор в Бранденбурге[4]. Малейшее неповиновение наказывалось зверской расправой. Жители Вейсскирхена в Моравии дорого заплатили за отказ приютить людей Мансфельда. «Мы убивали всех подряд, мужчин, женщин,

[1] Walther, p. 20.

[2] Duhr, *Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutscher Zunge*. Freiburg, 1907, II, ii, p. 130.

[3] Gebauer, *Kurbrandenburg in der Krisis des Jahres 1627*. Halle, 1896, p. 9; Lammert, pp. 80 f.

[4] *Tägliche Aufzeichnungen des Pfarrherrn Garcaeus*. Brandenburg, 1894, p. 75.

детей, — писал потом английский наемник. — Бойня длилась два часа, и два дня мы грабили»[1].

Со всех концов к императору шли жалобщики. В феврале в Вену явилась депутация из Силезии, добропорядочные бюргеры, не слишком обремененные заботами и находившие время для того, чтобы в интервалах между делами осматривать достопримечательности и напиваться. Силезия пострадала меньше, чем Моравия или Богемия. На пути в Вену силезские эмиссары видели гораздо более страшные свидетельства надругательств, чем те, на которые они приехали жаловаться[2]. В Глаце были полностью разрушены предместья; за Миттельвальде на чешской границе крестьяне оставили поля незасеянными, им надоело выращивать урожаи, которые потом либо уничтожались, либо отбирались[3].

Еще тяжелее пришлось жителям Бранденбурга. Валленштейн разместил войска в Кроссене на Одере, а также в Штендале и Гарделегене в бассейне Эльбы, где он мог бы помешать соединению датчан с остатками армии Мансфельда в северной Силезии[4]. Здесь его квартирмейстеры требовали от жителей не только еду и питье, но и одежду с обувью. Обязательства провинции составили шестьдесят шесть тысяч гульденов, и когда местные власти не смогли их выполнить, солдаты схватили уполномоченных и держали их как заложников. В отличие от ветеранов Тилли рекруты Валленштейна были детьми из крестьянских семей, малоопытными, неуправляемыми и болезненными юнцами. В Гарделегене они хоронили умерших в один день по двадцать человек в общей яме[5]. «Есть ли Бог на небесах или Он забыл

---

[1] Poyntz, p. 48.

[2] Krebs, *Zacharias Allerts Tagebuch aus dem Jahre 1627. Jahresbericht der schlesischen Gesellschaft für Vaterländische Kultur*, LXIV, pp. 24 f.

[3] *Allerts Tagebuch*, pp. 22—26.

[4] Opel, *Das Kurfürstentum Brandenburg in den ersten Monaten des Jahres 1627. Historische Zeitschrift*, LI, p. 194.

[5] Gebauer, *Kurbrandenburg in den Krisis*, p. 9.

о нас! — взывали бранденбуржцы к своему курфюрсту, благоразумно укрывшемуся в Пруссии. — Мы, как овцы, брошены на произвол судьбы... Долго ли нам смотреть на то, как на наших глазах сжигают наши дома и хижины?»[1]

Ответа можно было и не ждать. Несчастное посольство Георга Вильгельма в Вене ничего не добилось. Фердинанд лично принял посла и проявил необычайную любезность — приподнимал шляпу при каждом упоминании имени курфюрста, — но, сославшись на неизбежные «неудобства», которые приносит война, рекомендовал обратиться к Эггенбергу. Тот также принял посла не менее любезно, хотя и пребывал по случаю болезни в постели. Не имея шляпы, он приветствовал посла приподниманием ночного колпака и повторил в расширенном варианте слова императора. Из других источников посол узнал, что в Моравии Валленштейн вел себя еще отвратительнее, и, как заметил его информатор, нет никаких оснований надеяться на то, что император защитит людей в другой провинции, если он неспособен сделать это в собственных землях[2].

Назойливость посла все же вынудила правительство императора подготовить меморандум Валленштейну с указанием на то, что он расквартировался в Бранденбурге без императорского позволения. В последнюю минуту текст поправили, написав «без ведома императора», из чего посол заключил, что правительство Фердинанда тоже боится генерала[3].

Курфюрст сам решил воздействовать на Валленштейна. Он направил генералу два письма, но не удостоился даже ответом. Позже он узнал, что оскорбил военачальника, назвав его «досточтимый друг», а не «досточтимый господин и друг», как это делал более разумный курфюрст Саксонский[4]. Невезучая депутация из Галле на своем горьком опыте убедилась, что к Валленштейну надо относиться более чем ува-

[1] Opel, *Das Kurfürstentum Brandenburg*, p. 194.

[2] Opel, *Das Kurfürstentum Brandenburg*, pp. 199—202.

[3] Ibid., p. 202.

[4] Ibid., pp. 203, 205.

жительно. Он заковал ходоков в цепи и предупредил, что впредь всех жалобщиков будет расстреливать на месте[1].

Германия еще не была разорена, но если не остановить распространение войны, то неминуемо наступит и ее черед. Казалось, что после поражения Кристиана Датского и примирения Франции с Испанией противоборство должно было прекратиться, и зимой кое-кто пророчествовал, что армия Валленштейна будет частично распущена, а его самого уберут[2]. Из всех протестантских князей в оппозиции императору оставались только герцоги Мекленбурга, протестантский администратор Магдебурга и изгнанник Фридрих. Остальные либо относились ко всему с полной отрешенностью, либо с оружием в руках встали на сторону императора. Магдебург, к примеру, демонстративно дистанцировался от своего мятежного правителя[3]. Казалось, ничто не могло помешать установлению мира. Тем не менее с наступлением нового, 1627 года Валленштейн довел численность армии до ста сорока тысяч человек[4] и начал отправлять офицеров с заданиями во все края, вплоть до Рейнланда, вызвав массу жалоб императору со стороны духовных курфюрстов[5].

Эмиссару из Бранденбурга подумалось, что император боится генерала, но у Фердинанда имелись более серьезные причины для беспокойства. Валленштейн не забыл балтийский план испанцев и приготовился его реализовать. Для этого он, предварительно оккупировав Бранденбургскую марку[6], намеревался весной пойти на Мекленбург и Гольштейн. Похоже, генерал все решал сам. При дворе его невзлюбили за то, что он на зиму занял войсками часть имперских земель, а испанцы еще с лета утратили к нему интерес. Со вре-

[1] Klopp, op. cit., II, p. 707.

[2] Gindely, *Beiträge*, pp. 155 f.

[3] Lundorp, III, pp. 1021—1022.

[4] Gindely, *Beiträge*, pp. 223—224.

[5] Hallwich, *Fünf Bücher*, pp. 140—141.

[6] Пограничный укрепленный административный округ во главе с маркграфом. — *Примеч. пер.*

мени битвы при Дессау император задолжал Валленштейну полмиллиона гульденов[1] на содержание армии, и с каждым месяцем долг возрастал. Нетрудно было понять, что правительство Фердинанда оказалось в опасной зависимости от генерала. Испанцы резонно полагали, что балтийский замысел может быть исполнен армией Валленштейна и без него.

Однако Валленштейн обрел слишком большую силу, чтобы его можно было игнорировать. При первой же жалобе в Вену он пригрозил подать в отставку, и правительству пришлось бы тогда взять на себя содержание его армии, на что у властей, конечно, не имелось средств. Чуть позже генерал встретился с Эггенбергом в Брюке на реке Лейте и обсуждал некие дела.

О чем они говорили, остается загадкой. Свидетельства малоубедительны, и ни один биограф Валленштейна не в состоянии непредвзято описать встречу, хотя именно она дала повод для различных интерпретаций его карьеры. Некоторые германские историки считают[2], что Валленштейн обсуждал лишь организационные дела, а сообщение о том, будто он излагал план выхода на Балтику и дальнейшего распространения могущества Габсбургов, было состряпано для того, чтобы ввести в заблуждение Максимилиана Баварского. Тем не менее так оно, видимо, и было: балтийский план существовал, вскоре после встречи в Брюке весь сбор податей в Богемии ушел в армию Валленштейна, а сам генерал получил суверенные права на свои огромные владения[3]. Максимилиан Баварский узнал о существовании балтийского плана и участии в нем Валленштейна, возможно, в несколько искаженном виде[4].

---

[1] Hallwich, III, p. 327.

[2] Moritz Ritter, *Zur Geschichte Wallensteins. Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, IV, pp. 24—38.

[3] Ritter, p. 31; Stieve, *Wallenstein bis zur Übernahme des ersten Generalats*, p. 228.

[4] Hallwich, *Fünf Bücher*, I, p. 677; Ritter, *Zur Geschichte Wallensteins*, pp. 15—40.

Фердинанд в некотором роде заразился победой при Луттере и поражением короля Дании. Он совершенно верно считал Кристиана самым могущественным из северных монархов. Если так легко разбить датского короля, то вряд ли представят более серьезную угрозу владыки Швеции и Англии, а в самой Германии нет больше князей, которые могли бы в одиночку противостоять имперской армии[1]. Победа при Луттере вовсе не настроила Фердинанда на мир, а, напротив, побудила к продолжению войны. С помощью армии Валленштейна он распространит свою власть на северные епископства и станет хозяином Балтийского моря.

Подошло время и Максимилиану Баварскому вернуться в германскую политику и попытаться восстановить мир, пока Фердинанд не дал волю своим амбициям. В январе 1627 года он созвал в Вюрцбурге собрание Католической лиги и пригрозил ради сохранения мира и прав князей лишить Фердинанда поддержки, если император не умерит пыл Валленштейна. Опасения членов лиги по поводу последствий агрессии Фердинанда были сильнее их желания восстановить католическую церковь по всей Германии. Они желали мира и предложили посредником Людовика XIII, католического короля, демонстрировавшего свое расположение к Максимилиану. Однако одно упоминание его имени загубило идею мира на корню: в Вене заподозрили влияние Ришелье, а протестантская партия тоже не забыла его предательства. Максимилиан не преуспел ни в том, ни в другом — не добился мира и не связал руки Валленштейну.

Весной 1627 года Валленштейн начал свою кампанию. Георг Вильгельм Бранденбургский был, пожалуй, самым безвредным правителем в Германии, за исключением тех случаев, когда ему приходилось поступать против своей воли. Его политика была проста и ясна. Он хотел лишь одного: оставаться курфюрстом и передать по наследству ти-

[1] G. Droysen, *Gustaf Adolf*, Leipzig, 1869, I, pp. 286—287; J. G. Droysen, *Geschichte der Preussischen Politik*, III, i, p. 13.

тул сыну[1]. Прежде чем судить его слишком строго, надо помнить, что он взошел на престол, преодолевая жесткую оппозицию, а его двор приютил опальных родственников жены: она была сестрой Фридриха, низложенного государя Богемии. Сама география не позволяла ему сохранять нейтралитет. Его земли оказались между уцелевшими в Силезии войсками Мансфельда и армией короля Дании. Они, безусловно, попытаются соединиться, и Валленштейн, дабы не допустить этого, конечно же, вторгнется в Бранденбург. Хуже того, шведский король использовал Пруссию как базу в польской войне и, нравилось это или нет Георгу Вильгельму, вынудил его уступить удобный порт Пиллау[2]. Ходили слухи, будто Густав Адольф может прийти на помощь побитому Кристиану. В таком случае он тоже должен был пройти через Бранденбург, а императорская армия непременно попыталась бы его остановить.

В целях самосохранения Георг Вильгельм даже признал Максимилиана курфюрстом[3], ошибочно полагая, что лига не позволит Валленштейну напасть на него. Пустые надежды. Тщетными были и его протесты Вене. Когда посол курфюрста заявился к Валленштейну с просьбой вывести войска из Кроссена, генерал, лежа в постели, бесцеремонно спрятал голову под подушку и не стал его слушать[4].

Еще до наступления лета 1627 года войска Валленштейна под началом одного из его лучших командиров, Ганса Георга фон Арнима, протестанта и уроженца Бранденбурга, вошли в курфюршество Георга Вильгельма. Несчастный курфюрст пытался организовать людей на защиту своих земель, но когда отряд из шестидесяти человек — и это все, что он смог набрать, — попробовал оккупировать Берлин, жители, лютеране, закидали их камнями, выгнав из города. Кто-то пустил слух, будто их хотят насильно обратить в

[1] Droysen, *Preussische Politik*, III, i, pp. 52—53.

[2] Gindely, *Die maritimen Pläne der Habsburger*, pp. 4 f.

[3] *Annales*, X, p. 1227; Lundorp, III, pp. 941—980.

[4] Opel, *Das Kurfürstentum Brandenburg*, p. 204.

кальвинизм. По всей провинции подданные Георга Вильгельма предпочли подчиниться превосходящей силе пришельцев. Ной-Бранденбург за попытку оказать сопротивление был наказан разграблением города. Поэтому в Хавельберге жители, предупрежденные о приходе Арнима, изгнали гарнизон и открыли ему ворота[1]. Георгу Вильгельму ничего не оставалось, как последовать их примеру. Он повиновался и повел себя любезно, объявив, что интервентов надо принять как друзей[2]. В это время его незадачливый посол возвращался из Вены с письмом от Фердинанда: император заверял курфюрста в неизменном к нему почтении[3]. Послание должно было хоть как-то утешить Георга Вильгельма.

Захватив Бранденбург, Валленштейн мог без труда разделаться с разбросанными силами протестантов. Король Дании всю зиму пытался найти вспомоществование. Правительство Англии, его единственная надежда после измены Ришелье, не прислало ни кораблей, ни денег[4]. Фридрих Богемский был беден как церковная мышь, голландцы платили ему мало, англичане не платили вовсе, и его дом осаждали кредиторы. Только за молоко он задолжал 140 фунтов, и у него не было ни гроша за душой[5]. Зная, что от короля Дании не будет никакой пользы[6], Фридрих решил снова положиться на шведского короля[7]. Герцоги Мекленбурга, последние союзники Кристиана, поступили аналогичным образом, и субсидии, которые они ему обещали, приходили несвоевременно или совсем не приходили[8]. Герцог Браун-

[1] Opel, *Das Kurfürstentum Brandenburg*, pp. 215—217.

[2] Lundorp, III, pp. 985—986.

[3] Opel, *Das Kurfürstentum Brandenburg*, pp. 205 f.

[4] Rusdorf, I, pp. 604, 611; Moser, *Patriotisches Archiv*, VI, p. 106.

[5] Moser, *Patriotisches Archiv*, VI, p. 109; M. A. E. Green, *Elizabeth Queen of Bohemia*, revised by S. C. Lomas. London, 1909, p. 258.

[6] Moser, *Neues Patriotisches Archiv*, I, p. 77.

[7] Lundorp, III, pp. 952—960; Rusdorf, II, *passim*.

[8] Gebauer, *Kurbrandenburg in der Krisis*, p. 2; Bricka and Fridericia, II, pp. 94—95; Lundorp, III, p. 461.

швейг-Вольфенбюттель уже давно помирился с императором и стремился выдворить войска Кристиана из тех немногих районов, в которых они все еще находились[1]. Испытывая хроническую нехватку денег, провианта, лошадей, Кристиан с трудом пытался удержать порядок и дисциплину в своей разгромленной и деморализованной армии[2].

4 августа 1627 года остатки войска Мансфельда сложили оружие или бежали под Бернштайном, а их вожак, датчанин Мишлафф, ушел с несколькими полками к шведам в Польшу. В сентябре Валленштейн и Тилли воссоединились на Эльбе, а в октябре Тилли разделался с последними гарнизонами в Германии, пока Валленштейн гнался за Кристианом через границу Гольштейна. Последняя конница Кристиана сдалась на севере у Хальборга, и армия Валленштейна остановилась на зиму в деревнях Ютландии, еще не затронутых войной.

5

Валленштейн завоевывал север, Фердинанд крепил свой режим на юге. В том же году была обнародована новая конституция Богемии в том виде, в каком она действовала два столетия. В теории Богемия сохраняла автономию, но корона становилась наследственной. Король назначал высших должностных лиц, а сейм утрачивал свое влияние[3]. Летом появился эдикт, требовавший, чтобы все, кто еще исповедовал протестантизм, сделали выбор: либо принимали католичество, либо уезжали. В результате страну покинули еще двадцать семь тысяч подданных Фердинанда[4].

Летом 1627 года Фердинанд снова съездил в Мариацелль, чтобы отблагодарить свою покровительницу за счас-

[1] Lundorp, II, pp. 977—979.

[2] Ibid., pp. 976—978.

[3] Denis, *La Bohème depuis la Montagne Blanche*. Paris, 1903, pp. 107—119; d'Elvert, II, pp. 204 f., 266 f.

[4] d'Elvert, II, pp. 206 ff.

тливое завершение полувека жизни[1], и решил закончить год визитом в Богемию. Персонально он не был ненавистен в Праге, и ему было полезно внести в деспотизм определенную дозу великодушия и дать повод горожанам попраздновать, а торговцам — набить карманы.

Пышная коронация Фридриха и Елизаветы добавила им на какое-то время популярности. Фердинанд не мог короноваться во второй раз и задумал устроить коронацию своей второй жены Элеоноры, молодой красивой женщины, которая займет центральное место в его политической драматургии. Коронация прошла с непревзойденным блеском. На торжество собралось столько народу, что Элеонора с трудом пробиралась через радостные толпы. За коронацией последовали фейерверки, театральные представления, банкеты, танцы, и фонтаны, как во времена Фридриха, струились красным и белым вином. В рыцарском поединке с копьями приз получил старший сын императора, девятнадцатилетний эрцгерцог Фердинанд[2], что обеспечило ему обожание народа и поспособствовало успеху планов отца. Еще в прошлом году сын получил право заседать в совете родителя. Спокойная рассудительность принца резко контрастировала с болтливой самоуверенностью императора и подходила для того, чтобы занять приготовленный для него отцом пост. По новой конституции эрцгерцогу Фердинанду предстояло стать первым наследственным королем Богемии.

Его коронация состоялась на той же неделе, что и чествование мачехи, и с тем же потаканием наклонностям толпы, и горечь несправедливости потонула в массовом гулянье радостно-возбужденного города, позволявшем трактирщикам делать состояния и каждому желающему напиваться задарма. За Прагой давно закрепилась дурная слава самого порочного города в Европе, и целомудренный Фердинанд сознательно поощрял в подданных низменные страсти как

[1] Gindely, *Geschichte der Gegenreformation*, p. 514.

[2] Pistorius, *Historische Beschreibungen*, 1627—1628, p. 47.

противоядие против более благородных помыслов. От чешского восстания ничего не осталось, о нем напоминали лишь обанкротившийся двор в Гааге да сто пятьдесят тысяч изгнанников[1].

Спустя месяц после двойной коронации Фердинанд и Валленштейн встретились в Брандейсе. Они могли поздравить друг друга: в Германии больше не было сил, которые могли бы им противостоять. Валленштейн сообщил императору о том, что он способен вести войну еще шесть лет, полагаясь лишь на ресурсы захваченных земель и не требуя от правительства ни одного пенни[2]. Он намерен установить власть Фердинанда по всей империи, оккупировать Ютландию, Гольштейн, Померанию, Мекленбург, частично Бранденбург, Франконию, Швабию, Эльзас[3]. На севере его позиции были сильны, как никогда. Испанские финансы оживили польскую монархию[4], руки короля Швеции теперь были связаны, и он не мог оказать помощь поверженному королю Дании. Сконфуженный курфюрст Бранденбурга был принужден помогать не своему шведскому зятю, а полякам. Он не мог защитить себя и должен был исполнять свой долг вассала Сигизмунда Польского[5]. В этих новых обстоятельствах планы Габсбургов по созданию флота на Балтике и торговой компании сообща с Ганзейским союзом были близки к реализации. Весной Валленштейн уже начал заниматься организацией строительства двадцати четырех военных кораблей для Балтики при условии, что испанцы пришлют столько же судов[6].

Фердинанд низложил Фридриха, с тем чтобы завладеть Рейном. Так же он поступил и в случае с Балтикой, отобрав

---

[1] Bretholz, *Geschichte Böhmens und Mährens. Reichenberg*, 1921, III, pp. 16—17.

[2] Gindely, *Die maritimen Pläne der Habsburger*, p. 17.

[3] Chlumecky, *Wallensteins Briefe an Collalto*. Brünn, 1856, p. 55.

[4] Gindely, *Die maritimen Pläne der Habsburger*, pp. 11—12.

[5] Ibid., p. 11.

[6] Ibid., p. 17.

собственность у бунтарей и даровав ее союзнику. 11 марта 1628 года он подписал жалованную грамоту, дарующую герцогство Мекленбург со всеми титулами и привилегиями Альбрехту фон Валленштейну[1].

Европа недоумевала. Европейские дворы испытали шок, когда герцог Баварский возвысился до курфюрста, хотя он был по крайней мере видным князем, и его возвышение произошло с одобрения, пусть и вынужденного, духовных курфюрстов. По своему рождению Валленштейн был не более чем чешским дворянином, подданным короны. Имел ли он право на то, чтобы стать суверенным князем и сидеть рядом с правителями Вюртемберга и Гессена? Если одного слова императора достаточно для того, чтобы низложить правящего князя и на его место поставить свою креатуру, тогда скоро вся Германии превратится в провинцию Австрии.

И в самой династии Габсбургов передачу прав восприняли бы с бóльшим энтузиазмом, если бы кузены Фердинанда не сомневались в том, что он действительно является хозяином положения. Испанцы готовы были согласиться и с германскими князьями, и с самим Валленштейном в том, что император всего лишь пешка в его руках. «Герцог столь могуществен, — писал испанский посол, — что приходится чуть ли не благодарить его за то, что он соизволил взять Мекленбург... Император по своей мягкости, несмотря на все предупреждения, дал герцогу такую власть, которая не может не тревожить нас»[2]. Из доклада можно понять, что Фердинанд опять не внял испанским советам, но вряд ли только лишь из-за слабости, как это померещилось послу. Великодушие Фердинанда вызывалось более серьезными причинами.

Упорный конституционалист Иоганн Георг выразил протест против возвышения Валленштейна достойно, но

[1] Lundorp, III, p. 1012.

[2] Gindely, *Waldstein*, I, p. 368.

безрезультатно[1]. Герцоги Мекленбурга, находясь в изгнании, вверили свою судьбу шведскому королю. Но больше всех был огорчен Максимилиан Баварский, сам же и подтолкнувший Фердинанда на пренебрежение конституцией. Ему теперь было около шестидесяти — в этом возрасте правитель XVII века начинал задумываться об отставке и отдыхе. Тем не менее чувство долга и династическое честолюбие заставляли его собраться с последними силами и выступить в защиту свобод и прав германских князей.

Всю зиму курфюрсты Германии переговаривались в Мюльхаузене. Вначале выявились глубокие расхождения во мнениях[2]. Духовные князья хотели использовать победы Валленштейна для утверждения католической церкви на севере Германии, и их нисколько не смутили предупреждения Максимилиана о том, что Валленштейн становится опасен[3]. Перед съездом он серьезно подорвал свои позиции тем, что принял от Фердинанда в наследственное владение правый берег Рейна и Верхний Пфальц[4]. Однако возвышение Валленштейна в марте подтвердило правоту Максимилиана, напугало курфюрстов и заставило их забыть и о его амбициях, и о собственных подозрениях и сомнениях. К концу переговоров они по крайней мере пришли к согласию.

В альянсе Фердинанда и Валленштейна тоже все было не так уж благополучно. Фердинанд всегда отличался склонностью к условностям. Он искренне считал, что ни разу не покривил душой, и находил оправдания для своих антиконституционных действий. Он с готовностью верил в то, во что хотел верить, и простодушно полагал, будто не нарушал данных им клятв, если к этому его не принуждали обстоятельства. Фердинанд чтил имперские формальности и весь прошлый год уговаривал курфюрстов объявить старшего сына «римским королем», что означало бы признать его на-

[1] Lundorp, III, p. 1009.

[2] Ibid., III, p. 996.

[3] Ibid., p. 998 f.

[4] Lünig, V, i, pp. 695—700.

следником императорского трона. Очевидно, ему и в голову не приходило то, что он мог бы обойтись и без формальностей, если бы воспользовался той властью, которую давал ему в руки Валленштейн. Даже если бы курфюрст Баварский и восстал против него[1], то молодой Фердинанд взошел бы на трон уже потому, что был самым могущественным князем в Германии. Круша одной рукой конституцию, а другой — держась за нее, Фердинанд прежде всего хотел сохранить трон за династией и сделать это согласно традиции.

Спустя семнадцать дней после того как Валленштейн получил титул герцога Мекленбурга, курфюрст Майнца от имени всех своих коллег направил Фердинанду обвинительный манифест, предупредив императора о том, что до тех пор, пока его армиями командует Валленштейн, он не гарантирует избрание принца[2]. Нетрудно догадаться, кто был инициатором ультиматума. Максимилиан Баварский поставил пределы триумфальному шествию Фердинанда и его генерала: хватит, пора остановиться.

---

[1] Старший Фердинанд действительно не исключал такую возможность. См. Rusdorf, II, p. 376.

[2] Lundorp, III, pp. 1012—1017.

Глава шестая

ТУПИК
1628—1630

Господи, когда же все это закончится; Господи, когда же снова наступит мир. Отец Небесный, пошли нам мир.

Из дневника Гартиха Зирка (крестьянина), 1628 год

1

Все теперь зависело от благоразумия императора Фердинанда. Он должен был сделать трудный выбор. Фердинанд мог либо пойти на уступки Максимилиану и католическим князьям и обеспечить сыну наследование трона, нисколько не пошатнувшегося за десять лет, либо полностью довериться Валленштейну, рискуя вызвать к себе враждебность еще большего числа князей, и наделить сына такой верховной властью, какой еще не имел ни один император за многие столетия.

Валленштейна устраивали военный авторитарный режим императора и Центрально-Европейская империя, не связанная с Испанией. Как человек практичный, он был против альянса, имеющего сложную географическую конфигурацию, и соглашался с испанскими планами на Балтике лишь в тех рамках, которые совпадали с его амбициями. Для испанцев главным был конфликт в Нидерландах, Валленштейна больше интересовала Богемия. Если долина Рейна служила становым хребтом империи Габсбургов, то долина Эльбы связывала их земли с северными морями и являлась, таким образом, основной артерией того государства, которое виделось Валленштейну.

Альбрехт фон Валленштейн был человеком дальновидным, чрезвычайно восприимчивым к финансовым делам и

в равной мере безразличным к человеческим судьбам. Он обладал феноменальным политическим чутьем, на грани гениальности и безумия. Исследуя его жизненный путь, трудно избавиться от мысли о том, что нечто большее, нежели своекорыстие, руководило его действиями и поступками, и одинаково трудно понять это «нечто». Пустое занятие даже пытаться определить природу его патриотизма. Чехом он был или немцем? Помыслы Валленштейна выходили далеко за рамки национальных интересов. Его амбиции всегда были имперскими, хотя незадолго до гибели он перестал считать Фердинанда центром мироздания. Валленштейна не интересовали свободы ни человека, ни расы, ни религий. По его мысли, Северо-Восточная Германия и Богемия должны были объединиться с южными владениями Габсбургов и образовать единое мощное государство, противостоящее туркам с одной стороны и Западной Европе — с другой.

Опираясь на собственные земли, Валленштейн расширил сферу своего влияния, приобретя значительную часть Богемии, и преобразование его владений служило консолидирующей силой в возрождении империи Фердинанда. Теперь Валленштейн, равнодушный к национальным различиям, собрался прибрать к рукам Мекленбург. Если ему удастся спровоцировать курфюрста на войну, то он прихватит и Бранденбург[1].

Трудно сказать, такая ли империя — Центрально-Европейская — была нужна Фердинанду. Валленштейн с присущей ему чрезмерной самоуверенностью, которая его и погубила, не учитывал династические пристрастия, определявшие политику Фердинанда. Императору претили иностранные обычаи, он не говорил или не хотел говорить на испанском языке[2], никогда не бывал в Испании и лично не

[1] Gaedeke, *Zur Politik Wallensteins und Kursachsens in den Jahren 1630—1634. Neues Archiv für Sächsiche Geschichte*, X, p. 35.

[2] Carafa, p. 264.

был знаком ни с племянником[1], нынешним королем, ни с эрцгерцогиней Изабеллой. И Фердинанд ни на минуту не забывал о пользе династии. В семье традиции были сильнее любых чувств и привязанностей. Нищий император постоянно нуждался в финансовой помощи и был вынужден закладывать свою политику то одному, то другому денежному мешку. Пока Фердинанд получал все необходимое от Валленштейна, но в самом крайнем случае он обратился бы и к королю Испании. В альянсе императора и генерала всегда присутствовала незримая трещина.

Фердинанду было необходимо избавиться от Валленштейна уже только для того, чтобы обеспечить сыну поддержку германских князей. Ультиматум, выдвинутый курфюрстами в Мюльхаузене, не оставлял никаких сомнений в том, что он сможет добиться избрания сына римским королем лишь в том случае, если откажется от услуг генерала. Проигнорируй он угрозу курфюрстов, и что тогда будет? Однако Фердинанд не мог сразу же отправить Валленштейна в отставку. Убирать его было не только трудно, но и опасно, особенно сейчас, когда он стал одним из самых могущественных сюзеренов в Германии. Фердинанд всегда боялся сделать этот шаг[2]. Тем не менее, как показали последующие два года, он не исключал такую возможность, настроившись на то, чтобы использовать генерала на все сто процентов, прежде чем выставить за дверь.

Тем временем князья готовились свергнуть Валленштейна, пока его армия не лишила их и прав, и средств защиты этих прав. Не одна, а две партии противостояли императору, заодно ополчившись и друг против друга. Одна партия — Максимилиана и католических князей — добивалась сохранения Германии в том виде, в каком она находилась после битвы при Луттере и до того, как Валленштейн стал герцогом Мекленбурга. С ней соперничала группа протестантов-кон-

[1] Мать Филиппа IV – эрцгерцогиня Маргарита Штирийская, младшая сестра Фердинанда.

[2] Dudik, *Correspondenz Kaiser Ferdinands II*, p. 273.

ституционалистов во главе с Иоганном Георгом Саксонским. Он и курфюрст Бранденбурга настаивали на возвращении Фридриха в Пфальц. В их позиции было больше логики, чем в требованиях Католической лиги, возмущавшейся передачей Мекленбурга Валленштейну, но проигнорировавшей историю с Пфальцем.

Если бы эти две партии объединились, как того хотел четыре года назад курфюрст Майнца[1], то, возможно, смогли бы навязать свою волю императору и закончить войну миром. Но добрый и умный Иоганн Швейкард Майнцский умер, а его преемник проявлял нерешительность, боясь войск Валленштейна. Эти две партии так и не нашли общий язык. Партия Иоганна Георга твердо придерживалась своих принципов, не искала помощи за рубежом, но и никак не влияла на политику императора. Группа Максимилиана пыталась воспользоваться враждебным отношением Бурбонов к Габсбургам и с иностранной помощью взять бразды правления в свои руки. Обходя испанские плывуны, они напоролись на французские рифы.

2

Для Валленштейна центром Европы являлся блок славянских стран в истоках Эльбы и Одера. Для Фердинанда он состоял из германоязычных государств в верховьях Дуная, для королей Франции и Испании — из Рейна, Нижних стран и северных итальянских территорий.

Два незначительных инцидента на Рейне и в долинах его притоков вновь пробудили вражду между Бурбонами и Габсбургами. Епископ Вердена, симпатизировавший Габсбургам и недовольный французским гарнизоном, оккупировавшим город с 1552 года в соответствии с давним договором, отлучил французских солдат от церкви за то, что они попытались строить крепость. В ответ Ришелье сжег акт об отлучении и

[1] См. выше: гл. четвертая.

пригрозил арестовать епископа, а тот попросил Валленштейна прислать войска, в то время как Фердинанд обратился к испанцам в Люксембурге. На этом все и закончилось, но инцидент показал, откуда и куда дует ветер. Вскоре французское правительство повздорило с новым герцогом Лотарингии Карлом III по поводу сюзеренитета над Баром. Герцог тоже призвал на помощь императора, и ссора сразу же прекратилась.

В действительности Ришелье не хотел войны[1]. Франция, говорил он, страдает от четырех зол: «непомерной алчности Испании, чрезмерной вольности дворянства, нехватки солдат и отсутствия средств для ведения войны». Избавление от первого зла зависело от разрешения трех других проблем. В 1628 году они не были разрешены. Французская армия состояла из непослушных местных рекрутов, подвластных дворянству, бретонцев волновало только ратоборство с Англией. Война всегда автоматически приводила к усилению влияния аристократии. Король по феодальным обычаям не распоряжался армией, она была в ведении коннетабля Франции[2]. Вдобавок ко всему продолжали бунтовать гугеноты, и их главный бастион Ла-Рошель, несмотря на длительную осаду, все еще держался.

В Нижних странах тем временем наступали перемены. Фридрих Генрих не смог вызволить Бреду, но его здравое и энергичное правительство успешно нейтрализовало последствия ее потери. Издержки войны начали сказываться на слабых финансах Испанских Нидерландов, армии платили нерегулярно, расходы двора были урезаны, эфемерное благосостояние государства испарилось. Возросла эмиграция ремесленников, законы не действовали[3]. Блокирование Вальтеллины, хотя и временное, тяжело отразилось на обеспечении войск, постоянные нападения голландцев на испанские корабли в малых морях сковали поток субсидий из

[1] Richelieu, *Mémoires*, VIII, pp. 114 ff.

[2] Hanotaux and de la Force. *Revue des Deux Mondes*, March 1935, p. 62.

[3] Brants, *Albert et Isabelle*, Louvain, 1910, p. 180.

Мадрида. У испанцев вошло в привычку останавливаться в английских водах у меловых холмов Даунса, пока не были оборудованы гавани в Дюнкерке[1]. Но с 1624 года англичане находились в состоянии войны с Испанией и не предоставляли убежище для испанских судов. В 1626 году Фридрих Генрих захватил Олдензал с его огромными запасами оружия и боеприпасов, значительно усилив оборону своей восточной границы.

Однако самый серьезный конфликт назревал в Северной Италии. Умер герцог Мантуи, и ему наследовал Карл, герцог Неверский, подданный французской короны. Никому не было дела до того, кто владеет Мантуей, но испанские Габсбурги решили, что маленькое родственное графство Монферрат с крепостью Казале на границе с Миланом не должно попасть в руки к французам. Ришелье также решил воспользоваться удобным случаем для того, чтобы утвердиться в Северной Италии. Под идиотским предлогом, будто герцог Неверский не попросил императорского позволения, Фердинанд 1 апреля 1628 года объявил войну за Мантуанское наследство, потребовав конфискации Монферрата и Мантуи. Карл Неверский попросил французов освободить Италию от испанского ига[2]. Испанцы незамедлительно оккупировали Монферрат, весь, кроме крепости Казале, посчитав, что позже ее возьмет Спинола.

В то время как разгорался конфликт между Габсбургами и Бурбонами, происходило сближение австрийского и испанского дворов. Старший сын императора достиг брачного возраста, и в невесты ему избрали инфанту Марию Испанскую, его двоюродную сестру, руки которой тщетно домогался четыре года назад принц Уэльский. Грациозную инфанту с немецкими голубыми глазами и бело-розовой кожей в Испании считали писаной красавицей. Отзывы об эрцгерцоге, напротив, были чрезмерно мрачные, и у инфан-

[1] H. G. R. Reade, *Sidelights on the Thirty Years War*, I, p. 75.

[2] Quazza, *Guerra di Mantova*, I, p. 130; Lünig, op. cit., X, ii, pp. 694—696; Richelieu, *Mémoires*, VIII, p. 184.

ты сложилось впечатление, будто он уродлив и глуп. Подчиняясь долгу, она безропотно подготовилась к встрече с безобразным и недалеким супругом в надежде влюбиться с первого взгляда по той простой причине, что он окажется нормально сложенным и одаренным человеком[1]. Никто не спрашивал ни невесту, ни жениха. Брачный контракт был заключен задолго до знакомства[2].

3

Балтийский план постепенно реализовывался. Фердинанд предложил свою дружбу Любеку и Гамбургу[3], а когда его реверансы не встретили понимания, Валленштейн ввел в действие другие аргументы — послал армию к Штральзунду. Демонстрация силы не произвела должного эффекта. Ганзейский союз, не согласившись дружить с императором, предложил Валленштейну заплатить за отвод войск восемьдесят тысяч талеров[4]. Он, доказывая свою неподкупность, 6 июля 1628 года лично появился перед Штральзундом.

Город расположен на побережье Померании напротив острова Рюген, который обеспечивал естественное прикрытие для гавани. В том месте песчаный берег образует выступ, и сам город находится почти на острове. За три дня до прибытия Валленштейна муниципалитет подписал договор с королем Швеции, по которому тот обязывался в течение тридцати лет защищать город, а взамен получал базу в Германии[5]. Обретя покровителя, бургомистр и советники Штральзунда отвергли предложение Валленштейна. «Город падет, даже если его цепями привяжут к Небесам», — пригрозил

[1] *Annales*, XI, p. 1504; Fiedler, p. 190.

[2] Abreu y Bertodano, *Colleccion de los Tratados*, Madrid, 1740, IV, pp. 89 f.

[3] Lundorp, III, pp. 1006—1007, 1083.

[4] Gindely, *Die maritimen Pläne*, pp. 28—29.

[5] *Sverges Traktater*, V, i, pp. 242—245.

разгневанный генерал[1]. Для взятия этого ключевого порта на Балтике Валленштейн отправил из Праги внушительную силу[2], но после двух безуспешных штурмов понял, что город неприступен. У него еще не было флота, в то время как корабли шведского короля дежурили у берега, а король Дании с новой армией готовился к высадке. 28 июля он отошел и через неделю расположился лагерем у стен Штральзунда.

Валленштейн получил по носу, но это имело в большей мере морально-психологическое, нежели военно-политическое значение. Ни он, ни Фердинанд ничего не выиграли и ничего не потеряли. Однако то, что им дали отпор, памфлетисты оппозиции преподнесли как свой первый успех и поражение Габсбургов. «Орлы, — писали они, — не могут плавать»[3].

Неуемный оптимизм датского короля позволил Валленштейну отыграться. Кристиан высадился юго-восточнее Штральзунда на песчаные дюны Померании, захватил город Вольгаст и приготовился брать Мекленбург. Он чувствовал себя в безопасности на песчаных холмах, но, как сообщали Валленштейну, король много пил и должен был непременно сделать какую-нибудь глупость. «Стоит ему выйти, и он будет наш», — похвалялся Валленштейн[4]. И генерал оказался прав. 2 сентября 1628 года он перехватил датчан у Вольгата и перебил всех, кто не успел сдаться или убежать. Сам Кристиан укрылся на своих кораблях, вернулся в Данию и запросил мира.

Успех Валленштейна вызвал новый поток жалоб Фердинанду. По самым осторожным оценкам, его армия уже насчитывала сто двадцать пять тысяч человек — в три раза больше того количества, которое Тилли когда-то считал оптимальным для ведения войны[5], — и он продолжал набирать

[1] Monro, I, p. 67 (одна из версий).

[2] Chlumecky, p. 75; Foerster, *Wallensteins*, I, pp. 342 ff.

[3] Droysen, *Gustaf Adolf*, I, pp. 346—347.

[4] Chlumecky, p. 78.

[5] Riezler, *Geschichte Bayerns*, VI, p. 170.

рекрутов[1]. После окончательного поражения Кристиана у Валленштейна больше не оставалось врагов.

Самые злые жалобы поступали от его же союзников. «Мы должны покончить со всесилием фридландца», — писал Фердинанду брат Леопольд Тирольский[2]. Курфюрст Саксонии, на чьих землях Валленштейн безо всякого на то позволения расквартировал часть своей разбухшей армии, адресовал гневное послание и Фердинанду, и Максимилиану Баварскому[3]. Но и сам Максимилиан был взбешен[4]: за последние два года он немало натерпелся от амбиций Валленштейна. Его генерал Тилли затаил обиду на Валленштейна еще с зимы 1626 года. Тот заставлял Тилли размещать войска на постой в самых неудобных и пустынных местах, из-за чего его солдаты дезертировали и завербовывались офицерами Валленштейна. Да и сами офицеры, видя, что Валленштейн больше платит и обеспечивает лучшие условия, только и ждали, когда закончится срок контракта, чтобы перейти от баварца на императорскую службу. Даже Паппенгейм собирался поменять хозяина[5].

Фердинанд не мог игнорировать жалобы. Он попросил Валленштейна отвести войска от Штральзунда[6] и несколько раз выговаривал генералу за то, где и как он размещает войска. Валленштейн не обращал никакого внимания на замечания императора[7]. Он имел обыкновение повиноваться только тогда, когда сам считал это необходимым. Однако генерал все-таки понял, что неразумно настраивать против себя всех католических князей Германии, вывел войска из

[1] Kiewning, *Nuntiatur des Pallottos*, Rome, 1895, I, p. 81.

[2] Dudik, *Correspondenz*, p. 316.

[3] *Annales*, IX, p. 93; Lundorp, III, pp. 1009, 1042.

[4] Lundorp, III, p. 1023.

[5] Aretin, *Wallensteins*, Regensburg, 1846, I, p. 20; Gindely, *Wallenstein während seines ersten Generalats*, I, p. 87.

[6] Lundorp, III, pp. 1018—1019; Hallwich, *Fünf Bücher*, III, pp. 355—356.

[7] Kiewning, I, p. 82.

Швабии и Франконии, где находились многие католические епископства, и бесцеремонно разместил их в Саксонии и Бранденбурге. В Северной Германии на всем протяжении от Кремпе в Гольштейне до границ Пруссии лишь в Мекленбурге не стояли его войска. Мекленбург принадлежал ему, и Валленштейн строго соблюдал императорское позволение, освобождавшее все его владения от военных контрибуций.

4

Фердинанд не блистал умом, но обладал способностью бессознательно воспринимать идеи людей умных и обращать их в свою пользу. Весь последний год католические князья и в особенности Максимилиан убеждали его в том, что у него имеется прекрасная возможность для того, чтобы вернуть земли, отобранные у церкви за три четверти века, прошедших после Аугсбургского урегулирования[1]. Поначалу Фердинанд довольно прохладно отнесся к идее князей: император опасался мятежей, которые могли вызвать перемены, и того, что Максимилиан воспользуется ими для усиления своей власти. Баварец хотел получить Оснабрюк для кузена, а его брат уже присовокупил к Кёльну епископства Мюнстер, Льеж, Хильдесхайм и Падерборн[2].

С возрастанием могущества Валленштейна позиция Фердинанда стала меняться. Эдикт о реституции, соответствующим образом подготовленный, был выгоден его династии. Еще до завершения 1628 года идея реституции вышла на первый план в политике Фердинанда. Но на попятную пошли католические князья[3]; Максимилиан, поддерживавший эдикт, суливший ему немалые барыши, встал в оппозицию, увидев, что он даст новые земли и усилит власть

[1] Lundorp, III, pp. 998—1000; Ritter, *Der Ursprung des Restitutionsediktes. Historische Zeitschrift*, LXXVI, pp. 94—95.

[2] Carafa, p. 374.

[3] Lundorp, III, pp. 1054—1057.

Габсбургов. Кроме того, не раз прежде заводились разговоры о том, чтобы не Фердинанд, а он был главным заступником церкви. Отчасти по этой причине Максимилиан основал Католическую лигу, к этому теперь его побуждал и папа. Неожиданное решение Фердинанда согласиться с планом реституции, принятое в самый благоприятный для императора и неблагоприятный для Максимилиана момент, привело его в замешательство.

Несправедливо обвинять Фердинанда в циничности. Он был человеком благочестивым, и если в силу своего воспитания не мог различать нужды церкви и династии, то этот грех присущ всем политическим системам. Кто из политических лидеров, какая из политических партий в современной истории могут претендовать на безгрешность? Фердинанд всегда желал вернуть церкви конфискованные земли. Когда ему впервые предложили сделать это, он был еще не готов пойти на такой шаг. В 1628 году, видимо, сложились благоприятные обстоятельства.

Фердинанда горячо поддерживал духовник, отец Ламормен, иезуит, а иезуиты считали двор Габсбургов особым орудием Небес в восстановлении католической церкви. Вопрос открытый: кто был прав в своих расчетах, иезуиты или папа римский? Фердинанд, Валленштейн и единая католическая церковь, безусловно, могли изгнать Реформацию из Германии. Но кардинал Ришелье, Максимилиан и отец Жозеф с благословения Рима губили бы в Мюнхене и Париже все то, что в Вене замышляли Фердинанд и отец Ламормен.

Фердинанд выстроил две схемы, общую и частную: первая охватывала всю Германию, вторая касалась лишь епископства Магдебург. По первому плану намечалось возвратить церкви все земли, несправедливо отнятые у нее с 1555 года. Поскольку ни один сейм не одобрил бы такую акцию, предусматривалось, что план будет реализовываться в соответствии с императорским эдиктом. Фердинанд убьет двух зайцев: изгонит протестантов и докажет силу своего правительства.

Перемены, задуманные Фердинандом, были фактически революционными. Они изменяли границы в Северной и Центральной Германии; князья, разбогатевшие на секуляризованных землях, становились обыкновенными мелкопоместными дворянами. Один герцог Вольфенбюттеля владел землями тринадцати монастырей и значительной частью того, что когда-то было епископством Хильдесхайм. Аналогичная ситуация сложилась в Гессене, Вюртемберге и Бадене, не чувствовали себя в безопасности курфюрсты Саксонии и Бранденбурга. Фердинанд давал гарантии в отношении земель Саксонии в качестве компенсации за союзничество Иоганна Георга, но теперь, когда необходимость в альянсе отпала, он мог спокойно отказаться от своих слов: император уже нарушил обещания свобод лютеранам в Богемии.

Более сложным было положение вольных городов. Аугсбург, самый лютеранский город Германии, в 1555 году находился в самом сердце католического епископства и был католическим. Религиозное перевоплощение этого города случилось к концу XVI столетия. И как быть теперь с Дортмундом, где все церкви протестантские и насчитывается всего лишь тридцать католиков[1]? Что будет с Ротенбургом, Нёрдлингеном, Кемптеном, Хайльбронном? Возврат к 1555 году означал бы отмену прав собственности, действовавших на протяжении трех поколений, высылку дворян из своих поместий и бюргеров из своих городов. Если принцип *cujus regio ejus religio* распространить и на земли, возвращенные церкви, то это может привести к новым бедствиям и разрушить последние очаги экономической жизни, сохранившиеся после войны.

Более того, Фердинанд не ограничивал размеры земель, которые должны быть возвращены. Даже в Богемии ему было трудно сразу же найти католических лендлордов для новых владений и католических священников для прихожан. Он сам не осознавал масштабности затеянных им пере-

[1] Ritter, *Ursprung des Restitutionsediktes*, p. 85.

мен в Германии и ошибался, если думал, что только лишь иезуиты и его династия смогут поглотить земли, возвращаемые церкви.

Так выглядела реституция в общем плане. Намерения Фердинанда в отношении Магдебурга были попроще. Епископство располагалось по Эльбе между маленьким княжеством Ангальт на юге и курфюршеством Бранденбург на севере. Поскольку Эльба служила главной транспортной артерией, связывавшей домены Габсбургов с Северным морем, она имела исключительное стратегическое значение. Древнее вендское наименование города Магатабург незаметно приобрело популярную немецкую форму Магдебург, что означает «город девы», и это случайно появившееся романтическое название воодушевляло бюргеров в прошлом веке, когда они выдерживали длительную осаду Карла V. Главные ворота украшали деревянная статуя юной девушки с венком в руках и надпись: «Кто это возьмет?» Хотя во время Аугсбургского урегулирования бюргеры по большей части были лютеране, Магдебург считался формально католическим епископством. В 1628 году в стенах города все еще находился небольшой монастырь и среди тридцати тысяч жителей насчитывалось всего лишь несколько сот католиков. Все церкви и собор были давно захвачены протестантами, и епископством распоряжался протестантский администратор.

Когда появился датский король, администратором епископства был Христиан Вильгельм Бранденбургский, сразу же вступивший с ним в альянс. С приближением Валленштейна он бежал из епископства к королю Швеции, а его подчиненные, желавшие только мира, избрали на его место сына нейтрального курфюрста Саксонского[1]. Но было поздно: император уже объявил епископство секвестрированным в пользу собственного сына Леопольда. Это делается, провозгласил Фердинанд, «ради спасения и счастья многих тысяч чистых душ, не говоря уже о благе нашего дома, всего

[1] Lundorp, IV, pp. 1021—1022.

нашего отечества, святой католической церкви и истинной веры»[1]. Спасти и осчастливить тысячи душ должен был двенадцатилетний мальчик, который вовсе не хотел стать священником[2].

Готовый в любой момент отправить на захват Магдебурга для юного эрцгерцога[3] генерала Валленштейна, державшего в узде всю Северную Германию, Фердинанд послал проект эдикта о реституции Максимилиану Баварскому и Иоганну Георгу Саксонскому. Это был вызов конституционалистам, католическим и протестантским, но вызов просчитанный и безошибочный. Иоганн Георг не мог пойти на конфликт с императором, для чего был слишком слаб. Максимилиан не мог выступить против эдикта, не скомпрометировав себя как лидера Католической лиги. Фердинанд вынуждал скрытых противников либо забыть о своей враждебности, либо сбросить маски.

Хватаясь за одну и ту же соломинку, курфюрсты потребовали созвать рейхстаг для того, чтобы обсудить проблему[4]. Фердинанд заявил, что раны, нанесенные церкви, не могут ждать, когда их залечит рейхстаг, и 6 марта 1629 года обнародовал «Эдикт о реституции».

Это был деспотический документ. Запрещался кальвинизм. Протестантам воспрещалось приобретать церковные земли, которые объявлялись неотчуждаемыми и не подлежащими купле и продаже. Лишались прав и те, кто честно приобрел церковные земли, конфискованные ранее. Эдикт аннулировал законность всех предыдущих решений в отношении церковных земель, утверждая таким образом право императора изменять законы и правовые акты по своему усмотрению. Комиссарам поручалось разъяснять доктрину

[1] Wittich, *Magdeburg als Katholisches Marienburg. Historische Zeitschrift.* LXV, p. 416.

[2] Fiedler, p. 194.

[3] Chlumecky, p. 94.

[4] Lundorp, III, pp. 1045—1047.

имперского абсолютизма тем, кто посмеет пожаловаться на то, что эдикт не одобрен рейхстагом[1].

Фердинанд пренебрег недовольством Швабского и Франконского округов, где по эдикту должны были перейти из рук в руки огромные земельные владения. На пространный конституционный протест курфюрста Саксонского он отправил такой же пространный и витиеватый ответ[2]. Однако Фердинанду было крайне нужно умиротворить Максимилиана Баварского, и император предложил передать ему Ферден и Минден, как только эрцгерцог Леопольд получит Магдебург, Хальберштадт и Бремен. Но ублажить Максимилиана было не так просто, когда император угрожал лишить прав собственности всех германских князей и навязывал свою волю мечом — мечом Валленштейна.

Солдаты нахлынули в епископство Хальберштадт; у герцога Вольфенбюттеля должны были силой отобрать треть территории, так как он задолжал военных контрибуций на сумму, превышавшую рыночную стоимость всех своих земель; в Вюртемберге войска уже захватили четырнадцать монастырей.

Фердинанд без тени смущения использовал армию Валленштейна для принудительного исполнения эдикта: он считал, что делал это в интересах церкви. Разве лига могла противодействовать главному поборнику истинной веры? Вера верой, но члены Католической лиги дорожили и своими княжескими правами. В декабре 1629 года они потребовали сократить армию Валленштейна. Князья не настаивали на смещении генерала, и это объяснялось временной сменой акцентов в политике Максимилиана[3]: в данный момент он хотел уменьшить численность войск и не трогать генерала. Максимилиан старался впустую. Фердинанд своим приказом запретил Валленштейну формировать новые полки, но не лишал его возможности увеличивать числен-

[1] Lundorp, IV, pp. 1—2; Lünig, pp. 71—80.

[2] Ibid, IV, pp. 3—8.

[3] Riezler, *Geschichte*, V, p. 357.

ность действующих подразделений, и Валленштейн продолжал набирать рекрутов, как и прежде[1].

Фердинанд постепенно наращивал свое могущество, пользуясь не только военной силой, но и слабостью подданных. «Подчиняться эдикту — это значит вернуть Германию во времена беззакония и дикости», — гневно писали протестантские памфлетисты[2]. Протестанты сочиняли протесты, песни и листовки, но никаких действий не предпринимали.

Аугсбург со дня прославленного «Аугсбургского исповедания» был для лютеран почти священным городом[3]. Нападение на него могло вызвать новую волну мятежей в империи. Хотя и существовало так называемое «Аугсбургское католическое епископство», сам Аугсбург, в отличие от Магдебурга и Хальберштадта, был вольным городом, независимым от епископа. Жители исповедовали религию по своему выбору, а епископ пребывал в резиденции вне территории вольного города и распоряжался только епископальными землями.

Когда Валленштейн приводил в исполнение «Эдикт о реституции», то действовал хотя бы отчасти в рамках законодательства. Эдикт особенно не противоречил конституции, но вступал в конфликт с традициями. Магдебург был не вольным, а епископальным городом. С Аугсбургом все обстояло иначе. Права вольных городов еще никем не оспаривались. Фердинанду следовало бы вспомнить, что случилось двадцать лет назад, когда по императорскому указу были нарушены права маленького городка Донаувёрта. Однако Фердинанда угрозы не останавливали. Ради подчинения и покорения Аугсбурга стоило пойти на риск: надо было испытать силу и вольных городов, и протестантской оппозиции.

8 августа 1629 года после предварительных переговоров с муниципалитетом и запрета протестантской веры из города были высланы все протестантские священники[4]. Аугсбург

[1] Hurter, *Ferdinand II*, X, p. 265.

[2] Ranke, *Die römische Päpste*, p. 363.

[3] Hurter, *Ferdinand II*, IV, p. 97.

[4] Lundorp, IV, pp. 25—27; 35—36.

сдался без единого выстрела. В изгнание отправились восемь тысяч горожан, среди них был и состарившийся Элиас Холль, каменщик и зодчий, тридцать лет строивший город и только что закончивший воздвигать ратушу, гордость бюргеров[1]. Она стоит и сегодня, монументальная и величественная, напоминая о Германии, забытой и порушенной Тридцатилетней войной.

Как ни велико было негодование протестантов, ни один из них не пошевелил и пальцем в защиту своей веры, если не считать Иоганна Георга Саксонского, привычно отправившего императору послание с благородным протестом[2]. Причина простая: Германия лишилась и надежд и мужества.

5

Фердинанд обрел в империи такую власть, какую еще не имел ни один император со времен Карла V, и его могущество со временем и при искусном управлении послужило бы основой для создания возрожденной и единой германской государственности с ограниченными княжескими правами, габсбургским абсолютизмом и верховенством католической церкви.

Но в Европе вновь собирались грозовые тучи войны. Она назревала в Мантуе, Нижних странах и Швеции, и виной тому была вражда между Францией и Испанией. Фердинанду пришлось дорого заплатить за промахи своих испанских кузенов. Он достиг бы многого, если бы ему не мешала испанская родня. В финансовом отношении главной фигурой в империи был Филипп IV, в политике же он был балластом, но не просто, а балластом опасным. Король так осложнял четкий политический курс императора, что в конце концов погубил его. Он завлек военные силы Германии в

[1] *Hauschronik der Famillie Holl.* Munich, 1910, p. 87.

[2] Lundorp, IV, pp. 31 f.

Италию, вынудил политика, перестраивавшего империю в католическую федерацию, поссориться с папой, втянул его в войну с Голландией. Мало того, опасения испанской агрессии заставили Ришелье содействовать перемирию между королями Польши и Швеции, что позволило протестантскому заступнику обрушиться на крепнущую католическую империю и погубить ее навсегда.

Сначала разгорелась Мантуанская война. По подсказке из Испании Фердинанд секвестрировал герцогство, напугав папу перспективами интервенции Габсбургов в Италию. Следуя совету духовника, отца Ламормена[1], император пошел было на попятную, не желая обострять ситуацию, но испанский король устроил ему выволочку за недостаточно решительные действия против французского герцога Мантуи[2], и Фердинанду пришлось отправить в Италию войска. Папа колебался недолго; по рекомендации нунция в Вене он, пытаясь ублажить Фердинанда, послал ему мощи[3]; когда же кампания в Мантуе не прекратилась, он спустил на него всех собак. Папа не стал канонизировать ни Венцеслава в Богемии, ни Стефана в Венгрии, отказался предоставить императору право назначать епископов на престолы в землях, возвращенных церкви (Фердинанд все равно это делал), настоял на том, чтобы монастырские земли возвращались орденам, у которых они были изъяты, а не иезуитам[4]. Небольшого роста, легковозбудимый Урбан VIII всему Риму дал понять, кто решает, куда дуть ветру. Он не намерен разговаривать шепотом из-за того, что в Ватикане завелись испанские шпионы. Он не спит по ночам в тревоге за судьбу Мантуи, и ему пришлось перестрелять всех птиц в саду, чтобы они не будили его своим щебетанием[5].

---

[1] Kiewning, I, pp. 130, 141, 242.

[2] Ibid., I, p. 141.

[3] Ibid., I, pp. 158—159.

[4] Ranke, *Die römischen Päpste*, p. 358.

[5] *Relazioni dagli Ambasciatori, Roma*, I, pp. 319, 339, 360.

Малозначительный по своей сути Мантуанский кризис стал поворотным событием в Тридцатилетней войне. Он углубил раскол среди католиков, оттолкнул папу от династии Габсбургов, морально позволил католическим государствам призывать в союзники протестантские страны.

И 1629 год, двенадцатый год войны, привнес новые элементы в расстановку политических сил и взаимосвязей, и эти изменения происходили не на полях сражений, а в канцеляриях Европы. Испанская монархия подмяла под себя империю Фердинанда и направила его прежде успешную политику по трудному и опасному пути. Испанские интересы в Мантуе вынудили императора пойти против папы; испанские интересы в Нижних странах заставили его понапрасну ввязаться в голландскую войну. Пока Фердинанд добивался успеха за успехом в Германии, его испанские кузены терпели неудачи во Фландрии. Теперь им приходилось не просить, а взывать о помощи.

В Нидерландах Фридрих Генрих, поначалу заурядный командующий, но ставший кумиром голландцев, превзошел самого себя. 19 августа 1629 года он взял Везель, крепость на границе Германии, откуда он мог контролировать переправу через Рейн, а менее чем через месяц захватил город Хертогенбос на границе Брабанта. Во Фландрии же поражения, следовавшие одно за другим, деморализовали армию и население, подорвав доселе популярный среди фламандцев режим эрцгерцогини[1]. Голландские корабли сновали в малых морях и не пропускали транспортные суда с желанным серебром во фламандские порты. В 1628 году голландский адмирал Пит Хейн у Кубы захватил целую флотилию с товарами и серебром общей стоимостью одиннадцать с половиной миллионов голландских флоринов — акционеры Голландской Вест-Индской компании в 1629 году получили пятидесятипроцентные дивиденды от денег, предназначавшихся для испанской армии во Фландрии.

[1] Lonchay and Cuvelier, II, pp. 471, 482.

Недовольство не получивших содержание испанских солдат переросло в мятеж. Они бросали в лицо офицерам в Бреде листы бумаги с надписями: «Деньги! Деньги! Деньги! Мы не будем воевать без денег!» В лесу под Херсталлом они собирали хворост и продавали его бюргерам. В Льеже офицеры с трудом удержали солдат от разграбления города. В Санфлите из-за дезертирства в трех ротах осталось менее шестидесяти человек. Прославленная дисциплина испанской пехоты упала ниже некуда, и это было неудивительно: войска изголодались и ходили в обносках. Зимой прямо на посту замерзли двое часовых — на них было одно тряпье. Эрцгерцогиня пыталась поправить бедственное положение: сначала заложила свои драгоценности, а потом увеличила поборы с населения; мера вынужденная, непопулярная, и от нее скоро пришлось отказаться[1]. В такой чрезвычайной ситуации помощь могла прийти только от Фердинанда. Испанское правительство попросило его обвинить голландцев в том, что они нарушили мир своими действиями в Везеле, и натравить на них германских князей.

Это давление испанцев на Фердинанда имело для него два негативных последствия. Во-первых, к главной заботе — уговорить князей избрать его сына римским королем — добавилась еще одна: заставить их пойти войной на голландцев. Во-вторых, теперь ему надо было избавляться от Валленштейна раньше, чем он предполагал. Конечно, и балтийский план, и реституция церковных земель интересовали Валленштейна до тех пор, пока он мог использовать их в реализации проекта создания германо-славянской империи по Эльбе, охватывающей и северное побережье, и земли на востоке и западе. Он хотел усмирить Бранденбург и Саксонию, сделать из Польши и Трансильвании вассальных союзников, а Данию и Швецию поставить на колени. Если у него и были какие-то виды на будущее своей империи, то она

[1] *Annales*, XI, pp. 831—832, 400—401. См. также: Rodriguez Villa, *Spinola*, pp. 461 f.; Hennequin de Villermond, II, p. 259; Lonchay and Cuvelier, II, p. 471.

должна была воевать с турками. Валленштейн, рожденный в Восточной Европе и в первых битвах сражавшийся с турками, и считал Турцию своим главным врагом[1].

Для него важно было сохранять в первую очередь покой и порядок в Северной Германии. Генерал был убежден в том, что его войска способны заставить замолчать оппозицию, но сидевший в нем политик и экономист противился насаждению «Эдикта о реституции». Воюя с королем Дании, Валленштейн добился политического повиновения северных провинций. Зачем же теперь провоцировать на новые конфликты протестантские державы Европы и остаточные очаги сопротивления на севере, разжигая бессмысленную религиозную рознь? Говорят, будто после битвы при Луттере он заявил, что больше не возвратит церкви ни одного аббатства до тех пор, пока она не найдет для них более подходящих людей[2]. После обнародования «Эдикта о реституции» в Вене были крайне недовольны тем, что, оккупируя земли, он не помогал священникам и монахам, которых присылали осваивать новые владения[3].

Странно, но Валленштейну недоставало ни политического, ни обыкновенного человеческого понимания намерений испанского правительства. Испанцы могли бы извинить его за отказ заниматься их балтийским планом, но никогда не простили бы ему присвоение проекта и исключение Мадрида из его реализации. Где-то еще в самом начале он как-то советовал императору отвергнуть помощь Испании и полностью отдать ему на откуп и строительство, и управление флотом на Балтике[4]. В результате флот так и не появился, а Штральзунд дал Валленштейну достойный отпор.

Валленштейн позорно просчитался: не принимая всерьез балтийские порты, он в 1629 году столкнулся с неожиданной и немалой угрозой. Неуступчивость Штральзунда и его

[1] Chlumecky, pp. 105, 114 f.

[2] Priorato, *Valstein*, pp. 27—28.

[3] Ranke, *Wallenstein*, pp. 166 f.

[4] Gindely, *Die maritimen Pläne*, p. 15.

альянс с королем Швеции поставили польского короля в тяжелейшее положение. Теперь Густав Адольф, имея Штральзунд и получив от Бранденбурга Пиллау, мог нанести Польше такой удар, который Сигизмунд III вряд ли бы выдержал[1]. Польский сторожевой пес был посажен на цепь, и ничто не могло помешать королю Швеции вторгнуться в Германию. Многие из Ганзейских городов, не пожелавших принять Валленштейна, с радостью приветствовали бы Густава Адольфа, и он мог бы с полным основанием объявить себя хозяином Балтики и протянуть руку помощи задавленным протестантам Германии.

Весь 1629 год вызревала эта новая для Валленштейна угроза. В феврале шведский король встретился с датским монархом. Побитый Кристиан (добивавшийся в то время мира[2]) теперь, может быть, согласится на подчиненную роль в альянсе с королем Швеции. Но Густав Адольф немного опоздал со своим предложением. Еще год назад Кристиан IV питал надежды на то, что сумеет восстановить свое доброе имя. После поражения при Вольгасте он уже так не думал.

Напрасно Густав Адольф рассказывал ему истории о гипотетическом флоте Валленштейна и уговаривал сообща выступить против генерала. Датский король лишь пожимал плечами: германские князья им не помогут; в его бедной стране, наполовину захваченной врагом, нет ни одного лишнего гроша. Густав Адольф излучал оптимизм: Швеция воюет уже тридцать лет и не собирается останавливаться. У него самого в плече засела пуля, и он готов получить еще три, если на это будет Божья воля. И с этими словами он предложил королю Дании пощупать шрам. Кристиан не двинулся с места. Когда же шведский король начал читать лекцию о долге протестантов защищать свою веру, старший по возрасту и еще не остывший после поражения датский государь не

[1] Gindely, p. 30.

[2] Кристиан выдал мандат для ведения переговоров о мире 7 декабря 1628 г., Фердинанд — 19 декабря. Hallwich, *Fünf Bücher*, III, pp. 423, 426.

выдержал и воскликнул: «Ваше величество, какое вам дело до Германии?!» Густав Адольф на какой-то момент оторопел и, в гневе прокричав: «Что за вопрос!» — продолжил свои рассуждения, обрушившись на врагов, оскверняющих протестантские церкви. Дрожа от волнения, он склонился к датскому королю и, поднеся кулак к его носу, говорил сердито: «Знайте, ваше величество. Если кто-то, император или король, князь, республика или даже тысячи дьяволов посмеют сделать то же самое с нами, мы зададим им такого перцу, что они и костей не соберут!» Все это представление никак не подействовало на Кристиана Датского. Он, конечно, мог ответить: жаль, мол, что шведский король не был столь же категоричен пять лет назад, — однако он промолчал[1].

Результатом этой встречи стало то, что Валленштейн направил подкрепления Сигизмунду Польскому, с тем чтобы он как можно дольше сдерживал шведов[2], и смягчил условия мира для короля Дании. Тем не менее они по-прежнему оставались жесткими. Кристиан должен был отказаться от северных германских епископств и признать суверенные права императора на Гольштейн, Штормарн и Дитмаршен. Какими бы унизительными ни были требования Валленштейна[3], датский король не мог не принять их. «Если он еще не потерял рассудок, то ухватится за мои условия обеими руками», — торжествовал Валленштейн[4]. В июне 1629 года мирный договор был подписан в Любеке.

С подписанием мирного соглашения в Любеке угроза войны на севере не исчезла. Курфюрст Бранденбурга, доведенный до отчаяния вымогательствами Валленштейна, начал заигрывать с Соединенными провинциями[5] и вести по-

[1] *Riksrådet G. G. Oxenstiernas Berättelse om Mötel mellan Gustaf Adolf och Kristian IV. Historiske Handlingar*, VIII, iv, pp. 4—16; *Oxenstjerna Brefvexling*, II, i, pp. 463—464; II, iii, pp. 173—174; Fridericia, II, p. 179.

[2] Chlumecky, pp. 131—133.

[3] Fridericia, II, pp. 195—196, 237 f.

[4] Chlumecky, p. 132.

[5] Lundorp, IV, pp. 1092—1093.

дозрительную переписку с королем Швеции[1]. Хуже того, агенты Франции и Англии подстроили заключение перемирия между Густавом Адольфом и Сигизмундом Польским[2], а в конце года французский посол нанес визит шведскому королю в Упсале, который уже обсуждал в своем совете план вторжения в Германию[3].

В этой угрожающей ситуации Валленштейну ничего не оставалось, как наращивать армию и создавать возможности для высадки на севере Германии. Только в таком случае можно было реализовать балтийский план[4]. Тем временем разногласия Валленштейна с испанской монархией обострялись. В начале 1629 года Ришелье вторгся в Италию, захватил Сузу, освободил Казале и подписал договор с Савойей, Венецией и папой[5]. Оливарес нанес ему удар в спину, оказав помощь гугенотам[6], однако Ришелье разрешил внутренний кризис заключением Алесского мира. Нападение на Италию было отсрочено, но не предотвращено. Габсбурги получили временную передышку. К неудовольствию Оливареса, Спинола предложил урегулировать конфликт подписанием договора, а не войной, и его не послушали[7]. С того времени неблагодарное правительство в Мадриде только и думало о том, как унизить генерала-ветерана[8]. Его войска даже решили заменить армией Валленштейна. Какой смысл держать такую огромную силу на Балтике, если балтийский план провалился и остался лишь один реальный враг — мел-

---

[1] Lundorp, IV, p. 19.

[2] *Sverges Traktater*, V, i, pp. 347—356; Richelieu, *Mémoires*, ed. Petitot, II, XXV, pp. 133 f.

[3] *Handlingar rörande till Konung Gustaf Adolfs historia. Handlingar rörande Skandinaviens Historia*, II, pp. 79 ff.; Richelieu, *Mémoires*, II, XXV, pp. 150 ff.

[4] Gindely, *Die maritimen Pläne*, pp. 53—54.

[5] Abreu y Bertodano, IV, pp. 105 f., 113 f.

[6] Ibid., pp. 127 f.

[7] Rodriguez Villa, *Correspondencia de la Infanta*, p. xxxi; Spinola, pp. 590 f.

[8] Rodriguez Villa, *Spinola*, pp. 590 ff.

котравчатый король Швеции? Так рассуждал Оливарес, а Фердинанд, гораздо лучше информированный, должен был прислушаться к его мнению.

В мае 1630 года Фердинанд попросил Валленштейна отправить в Италию тридцать тысяч солдат, но не под его командованием, а под началом итальянского наемника Коллальто, кем, собственно, испанская партия в Вене давно и хотела заменить имперского полководца. Валленштейн ответил категорическим отказом, заявив, что не отдаст ни одного солдата[1]. Начало разрыву с императором было положено.

Чуть раньше в том же месяце советники короля Швеции позволили своему монарху убедить их в том, что жизнь в стране остановится, если шведы незамедлительно не вторгнутся в Германию[2]. И 29 мая, вверив совету своего единственного ребенка, принцессу Кристину, Густав Адольф отплыл из Стокгольма[3]. Ришелье называл его «восходящим солнцем»[4], Максимилиан Баварский — «протестантским Мессией»[5], но для Фердинанда Габсбурга он был всего лишь «ничтожным узурпатором»[6] в мерзлой стране на арктической окраине цивилизации. Если он так легко справился с датским королем, то ему ничего не стоит обрубить руки этой «шведской каналье»[7]. Так окрестил короля Валленштейн на словах, но в реальной действительности ему было не до шуток. Валленштейн благоразумно решил, что лучше не пустить шведов на берег, чем потом пытаться изгнать их обратно в море. Он настаивал на усилении обороны побережья. Фердинанд не согласился, и тридцать тысяч солдат Валленштейна все-таки отправились на юг, в Италию.

---

[1] Hallwich, *Briefe und Akten zur Geschichte Wallensteins*, Vienna, 1912, I, p. 33; Kiewning, I, pp. 147—148; II, pp. 26, 377, 462.

[2] *Svenska Riksradets Protokoll, II, p. 2.*

[3] Archenholtz, *Historische Merkwürdigkeiten*, Leipzig, 1751, II, p. 29.

[4] Richelieu, *Mémoires*, ed. Petitot, II, XXV, p. 119.

[5] Hurter, *Ferdinand II*, X, p. 231.

[6] Фердинанд, конечно, считал законным королем Швеции Сигизмунда III Польского.

[7] Foerster, *Wallenstein*, I, p. 387.

Над Валленштейном нависла угроза. «Я больше воюю с кучкой министров, а не с врагом», — говорил он[1]. Против генерала ополчились все имперские советники. Его войска, оккупировавшие наследственные земли, подрывали мизерные ресурсы короны, поборы порочили Фердинанда. «Долго ли еще мне оставаться курфюрстом и хозяином своих земель?» — писал в Вену курфюрст Бранденбурга. Ему приходилось не только содержать войска, расквартированные в провинции, но и оплачивать военные контрибуции за других. «Мне не известно, с кем и почему мы воюем?» — задавал он резонный вопрос[2]. Действительно, после заключения Любекского мира теоретически войны не было.

Самая большая опасность для Валленштейна исходила от вознегодовавшего Максимилиана. В Мюнхене он откровенно говорил французскому посланнику о том, что намерен заставить императора начать разоружаться. Ходили слухи, будто он может неожиданно оспорить наследственность императорской короны и заявить претензии на трон, что он собирался сделать, но так и не сделал еще в 1619 году. Максимилиан якобы сам захочет быть избранным римским королем и перебежит дорогу императорскому сыну. Французский агент тайно сообщил об этом английскому агенту в прошлом году, когда они коротали время в лагере шведского короля в Пруссии. «Полагаю, что это не сладкое пение французского соловья», — сообщал англичанин на родину[3]. Когда несколько позднее лига под напором Максимилиана одобрила выделение средств для армии Тилли на случай чрезвычайных обстоятельств[4], стало ясно, что Максимилиан усвоил технику Валленштейна и «французский соловей» неспроста пел свою песню.

В марте 1630 года курфюрст Майнца объявил коллегам о том, что летом в Регенсбурге созывается собрание[5]. У Фер-

[1] Chlumecky, p. 218.

[2] Hallwich, *Briefe und Akten*, I, pp. 12—19.

[3] Roe, *Negotiations*, p. 43.

[4] Lundorp, III, pp. 1084—1088.

[5] Ibid., IV, p. 45.

динанда до конца мая оставалось время на подготовку к новым испытаниям. Он намеревался добиться избрания сына римским королем и принести ради этого в жертву Валленштейна — император созрел для такого шага, — однако теперь ему надо было учесть и желания испанских кузенов, то есть убедить курфюрстов послать войска на войну с голландцами. Увольнением Валленштейна он наверняка решит одну из двух проблем, однако император хотел получить и то и другое. Мадридское правительство требовало от него действий в русле испанской политики. Более того, оно спровоцировало французов на то, чтобы играть активную роль в Германии. Сначала Ришелье отвел от шведского короля польскую угрозу, затем связался с голландцами, теперь изъявил готовность направить своих представителей на собрание в Регенсбурге, которые под прикрытием переговоров от имени французского герцога Мантуи будут так или иначе влиять на курфюрстов Священной Римской империи.

Сам Фердинанд еще мог бы справиться с недружной компанией князей, однако ему, понукаемому испанскими кузенами, труднее будет иметь дело с князьями, за спиной которых оказался Ришелье. Собрание в Регенсбурге, состоявшееся в 1630 году, стало прелюдией к конфликту между Бурбонами и Габсбургами, но не эпилогом войны. Фердинанд не отказался от своей политики, он еще не довел ее до конца, ему надо было ее слегка подправить.

6

Летом 1930 года в Германии войны не было. С уходом датского короля вооруженное сопротивление протестантов прекратилось. Собранию курфюрстов предстояло благословить наступивший мир, разрешить насущные проблемы и демобилизовать армию.

За десять лет войны половина территории империи, если не больше, подверглась оккупации или нашествию войск, приносивших с собой несчастья, болезни, голод и страш-

ную чуму. Добавили бед неурожаи, следовавшие один за другим в 1625—1628 годах. Чума косила истощенных людей, полностью вымирали лагеря беженцев. Нищета и голод убивали в человеке чувства собственного достоинства и стыдливости. Уже более не считалось зазорным просить подаяние. Добропорядочные бюргеры не стыдились выпрашивать милостыню в соседних домах[1], и благотворительность иссякла не из-за отсутствия сердоболия и сострадания, а из-за нехватки средств. Изгнанные пасторы превратились в странников и бродили по землям, надеясь найти тех, кто не просто *захочет*, а *сможет* приютить их. В Верхнем Пфальце католические священники умоляли правительство помочь своим униженным и нищенствующим предшественникам[2].

В Тироле в 1628 году перемалывали на хлеб бобовые стебли, в Нассау в 1630-м — желуди и корни[3]. Даже в Баварии на дорогах лежали неубранные трупы умерших от голода[4]. На берегах Хафеля урожай в 1627 году обещал быть неплохим, но отступавшие датчане и преследовавшие их имперцы уничтожили его[5]. «Я слышу только стенания и вижу только мертвецов, — писал в 1629 году сэр Томас Роу из портового города Эльбинга в Данцигском заливе. — Проехав восемьдесят английских миль, мы не нашли ни одного целого дома, в котором можно было бы остановиться на ночлег; нам встретились лишь несколько изможденных женщин и детей, копавшихся в кучах навоза в поисках зерна»[6].

Не важно, в каком бедственном положении находились люди. Солдаты продолжали грабить и истязать. «Мечом возделать землю, мечом снять урожай»[7], — пела солдатня и с энтузиазмом делала то, о чем пела. В одном Кольберге наем-

[1] Andreae, III, p. 109.

[2] Hogl, *Die Gegenreformation in Waldsassen*, Regensburg, 1905, p. 78.

[3] Lammert, pp. 97, 109.

[4] Ibid., p. 119.

[5] Gebauer, *Kurbrandenburg in der Krisis des Jahres 1627*, pp. 127—129.

[6] Roe, *Negotiations*, pp. 36—38.

[7] Ziegler, *Deutsche Soldatenlieder*, Leipzig, 1884, p. 18.

ники спалили пять церквей со всеми амбарами и складами, и поджигали они дома и храмы чаще всего ради забавы, посмотреть на огромные костры. Для этого же солдаты стреляли в стога сена, а однажды испепелили четверть города, вернулись, когда дома сгорели дотла, и забрали у жертв, спрятавшихся в церкви, все, что те успели спасти от огня[1]. Оккупанты сознательно сжигали ухоженные предместья, где бюргеры разводили сады и огороды, чтобы освободить место для фортификационных сооружений[2].

На обратной стороне перечня жалоб бургомистр Швейдница начертал слова молитвы[3], обращая свои претензии в том числе и к Господу. Офицеры Тилли приказывали сбрасывать церковные шпили и выплавлять свинец, а по Эльбе ввели новые поборы с населения[4]. Но если города даже и исполняли все требования, не было никаких гарантий, что деньги или провизия достанутся солдатам и не будет новых вымогательств. Один офицер переплавил для себя конфискованное серебряное блюдо, на котором ему подавали обед[5]. Правда, Валленштейн наказывал командиров, занижавших численность солдат в ротах, чтобы присвоить лишние деньги[6].

В Тюрингии отряд из воинства Валленштейна, напившись в одном из подвальчиков, которыми знамениты эти места и по сей день, развлекался тем, что стрелял в низкие окна по ногам прохожих[7].

В Бранденбургской марке солдаты хватали уважаемых бюргеров, привязывали к лошадиным хвостам, заставляя бежать за ними по избитым дорогам, или запихивали под стол

---

[1] Cosmus von Simmern, *Bericht über die von ihm erlebten Geschichtsereignisse. Baltische Studien*, XI, pp. 28, 47—48.

[2] Cosmus von Simmern, p. 34.

[3] J. Krebs, *Die Drangsale der Stadt Schweidnitz. Zeitschrift des Vereins für Geschichte und Altertum Schlesiens*, XIV, p. 36.

[4] Hurter, *Zur Geschichte Wallensteins*, p. 47.

[5] Simmern, p. 37.

[6] Lundorp, III, p. 996.

[7] Einert, *Ein Thüringer Landpfarrer.* Arnstadt, 1893, pp. 2—3.

или лавку и держали там всю ночь[1]. Вражда с солдатами усугубляла и без того тяжелую жизнь в городах. Гражданская война между войсками и крестьянами разгоралась то тут, то там; в Дитмаршене она сопровождалась ежедневными убийствами, поджогами, налетами на полевые лагеря и ответными расправами с целыми деревнями[2]. Гриммельсхаузен в своем романе «Симплициссимус» описывает многие ужасы войны, то, как солдаты засовывают большие пальцы несчастных крестьян в пистолеты, имитируя пыточные тиски, обтягивают веревкой голову до тех пор, пока глаза не вылезают из орбит, поджаривают на костре или в печи, заливают в рот помои, что впоследствии получило название «шведского коктейля». Они придумали и такое спортивное развлечение: выстраивали узников в ряд, одного за другим, и расстреливали, заключая пари и соревнуясь в том, кто уложит больше жертв одним выстрелом[3].

Возродить Германию могло только одно — прекращение войны и установление мира. Однако вряд ли кто-либо из князей и монархов готов был к этому в 1630 году. Иоганн Георг Саксонский написал Фердинанду гневное послание, в котором оплакивал тяжелое положение в стране чуть ли не кровавыми слезами[4], но отказался приехать в Регенсбург, чем продемонстрировал свое подлинное отношение к страданиям подданных. Он возмущался тем, что Фердинанд пытается запугать его, и предложил курфюрсту Бранденбурга

---

[1] Gindely, *Waldstein während seines ersten Generalats*, I, pp. 348 f.

[2] *Die Bauernchronik des Hartich Sierk*. Flensburg, 1925, pp. 173—175.

[3] Grimmelshausen, *Simplicissimus*, I, IV, XIV. Романист, испытавший и на себе некоторые описанные им военные эпизоды, безусловно, имел право на определенную компиляцию историй. Один критик обратил внимание на поразительное сходство одной из сцен и гравюры Калло, отображавшей тот же самый сюжет – разграбление крестьянского дома. И писатель и художник воспроизвели самые различные формы глумления человека над человеком. Такие надругательства, конечно, совершались, но не обязательно в один и тот же день и в одном и том же месте.

[4] Lundorp, IV, p. 40.

провести альтернативную встречу в Аннабурге[1]. Наверно, им двигали самые благородные мотивы, но едва ли в Германии мог восторжествовать мир, если два курфюрста решили игнорировать общее собрание.

Максимилиан повел себя несколько иначе. В определенном смысле он поступил даже каверзнее: настроившись на то, чтобы раздавить Валленштейна, баварец прибыл в Регенсбург, вооружившись тайной поддержкой папы и Ришелье[2]. Убежденный в том, что все беды Германии проистекают из вмешательства Испании, Максимилиан допускал роковую, хотя, видимо, свойственную не только ему, ошибку: стремясь избавить империю от влияния одной иностранной державы, он обращался за содействием к другой.

Отказался бы Максимилиан от услуг французских агентов в Регенсбурге, признали бы курфюрсты Саксонский и Бранденбургский поражение протестантов, кто знает, мир, возможно, и восторжествовал бы в Германии. Король Швеции ушел бы домой, а война между Бурбонами и Габсбургами велась бы во Фландрии и Италии. Добровольная капитуляция оппонентов Фердинанда в 1630 году избавила бы Германию от следующих восемнадцати лет войны, и хотя мирное урегулирование было бы иным, нежели то, которое навязали правительства Франции и Швеции в 1648 году, оно было бы ненамного хуже. Капитуляция в 1630 году означала бы отказ от германских свобод, но эти свободы все равно были привилегией правящих князей или муниципалитетов и никак не отражались на реальном угнетенном положении народных масс. Действительные права и свободы человека не существовали и до, и во время, и после войны. Победа Фердинанда означала бы централизацию империи под эгидой Австрии и утверждение в германоязычном мире одного, а не нескольких деспотов. Она означала бы тяжелое поражение для протестантизма, но не его исчезновение. Католи-

[1] Gebauer, *Die Restitutionsedikt in Kurbrandenburg*, pp. 72—88.

[2] Richelieu , *Mémoires*, ed. Petitot, II, XXV, p. 115; *Relazioni dagli Ambasciatori, Roma*, I, pp. 296, 337.

ческая церковь продемонстрировала, что она слишком слаба для выполнения той гигантской задачи, которую возложил на нее Фердинанд, и духовное исправление секуляризованных земель отставало от политических преобразований. Велико было и мужество многих протестантов, и число изгнанников, хлынувших на север — в Саксонию, Бранденбург и Голландию, однако по обе стороны баррикад было и немало равнодушных людей, а среди молодого поколения их становилось все больше и больше. Организационная система Фердинанда оказалась неадекватной и не справилась с исполнением «Эдикта о реституции». Если бы он даже и претворил в жизнь все положения указа, то и тогда протестантизм не был бы искоренен. Протестантскими оставались Саксония, Бранденбург, некоторые районы Вюртемберга, Гессена, Бадена, Брауншвейга.

Конечно, победа Фердинанда в 1630 году не была бы благом. Велики были страдания, уже принесенные эдиктом, не меньше боли и горя вызвало бы его дальнейшее принудительное исполнение. А разве восемнадцать лет войны обошлись без боли и страданий? Безусловно, у тех, кто хотел продолжать войну, имелись свои аргументы на этот счет. Капитуляция развязала бы руки Габсбургам и в Германии, и в Европе. Она могла побудить Фердинанда на продолжение агрессии, и он почти наверняка помог бы королю Испании в войне с голландцами. Могущество Габсбургов задавило бы Европу. Однако факт остается фактом: продолжение войны привело к не менее опасному доминированию Бурбонов. В 1648 году предусмотрительные иностранные союзники сохранили германские свободы как гарантию слабости Германии. Восемнадцать лет войны закончились таким мирным урегулированием, которое с точки зрения внутреннего положения в Германии было нисколько не лучше, а с точки зрения ее внешнего положения даже хуже любого договора, который можно было бы заключить в году 1630-м. Германские свободы достались очень дорогой ценой.

Возможно, они обошлись не так дорого князьям. Голод в Брауншвейге-Вольфенбюттеле герцог заметил только тогда, когда его трапеза не стала такой же изобильной, как прежде. Три неурожая винограда на Нижнем Дунае однажды не позволили Фердинанду послать Иоганну Георгу Саксонскому стандартный ежегодный дар токайских вин — без них он с трудом переносил сквозняки во дворце[1]. Заложенные земли, назойливые кредиторы, пустые кошельки, даже неудобства тюрьмы — все эти беды человек может перенести сравнительно безболезненно. Душевные переживания из-за политических ошибок, потеря престижности, угрызения совести, хула общественного мнения могли вызывать у германских правителей лишь сожаления, но они редко побуждали к миру и согласию. Ни один из германских властителей не стал бездомным и не замерз зимой до смерти, никого из них не нашли мертвым со ртом, набитым травой, никто из их жен и дочерей не был изнасилован, немногие, очень немногие, заразились чумой[2]. Вдосталь обеспеченные всем необходимым для спокойной жизни, за стенами дворцов и за столами, полными еды и питья, они могли позволить себе думать только о политике, а не о человеческих страданиях.

7

Собрание курфюрстов в Регенсбурге, состоявшееся в 1630 году, имело значение только для империи, поскольку проблемы, которые там решались, были далеки от Германии. И для обеих сторон главными были темы голландской войны и давней вражды между Бурбонами и Габсбургами.

Теперь, когда Фердинанд стал хозяином Германии, испанцы потребовали, чтобы он заставил князей помочь им покорить голландцев. Их не смущало то, что провалились все прежние попытки побудить к этому германских прави-

[1] Hurter, *Zur Geschichte Wallensteins*, pp. 247—248.

[2] Не повезло Фридриху, изгнанному королю Богемии.

телей. Взятки в виде пенсиона регулярно выплачивались курфюрстам Кёльна и Трира, герцогу Нойбурга, некоторым офицерам в армии, министрам при дворе в Вене, даже слугам Валленштейна, и все понапрасну[1]. Курфюрст Кёльна несколько раз выражал голландцам протест по поводу военных действий, проводившихся фактически на его землях, но Максимилиан запретил выступать против них даже тогда, когда близость голландских войск встревожила Тилли[2]. Более того, однажды курфюрсты попросили эрцгерцогиню Изабеллу снять все ограничения на голландскую торговлю на том основании, что независимо от отношений с Испанией Соединенные провинции формально входят в империю и должны пользоваться соответствующими привилегиями[3].

Фердинанду надо было очень постараться, чтобы уговорить князей объявить войну голландцам. Но долг перед Испанией обязывал его поднять этот вопрос первым, когда он в начале июля 1630 года открывал собрание в Регенсбурге. Оправдывая необходимость армии ссылками на Мантуанскую войну, император указал, что голландцы нарушают единство и целостность империи, и призвал курфюрстов принять против них необходимые меры. Князья ответили: они не будут вести никаких дискуссий, пока Фердинанд не сократит армию и не найдет нового главнокомандующего. Что касается враждебности голландцев, то они ничего подобного не заметили; напротив, испанцы беспардонно используют германские земли для своих военных операций[4].

Атака, контратака, тупик. Фердинанд ответил примирительно по стилю, но не по сути. Он сказал, что всегда настаивал на поддержании в армии высокой дисциплины, и пообещал подыскать другого военачальника[5]. Курфюрсты остались недовольны, отчасти расплывчатостью ответа, но главным

[1] H. Günter, *Die Habsburger Liga*, Berlin, 1908, pp. 213—223.

[2] Lundorp, III, p. 1103; IV, pp. 111—116.

[3] Gindely, *Die maritimen Pläne der Habsburger*, p. 21.

[4] Lundorp, IV, pp. 53—54.

[5] Ibid., pp. 59 f.

образом из-за слухов о том, что Фердинанд намеревается назначить главнокомандующим своего сына, а это их устраивало еще меньше. 29 июля курфюрсты выдвинули еще ряд требований, гораздо более жестких[1].

Фердинанд уехал на охоту, курфюрсты делились своими впечатлениями, и император вернулся лишь вечером 31 июля. За это время в городе появились двое французских агентов, в том числе сам отец Жозеф. Их прибытие, а больше всего новые требования курфюрстов, вконец испортили Фердинанду настроение, и он прошел к себе в апартаменты, просидев с советниками до трех часов ночи[2].

Последующие события полностью оправдали тревоги Фердинанда. И отец Жозеф, и папский нунций окончательно настроили курфюрстов на то, чтобы не санкционировать войну против голландцев и не избирать молодого эрцгерцога римским королем. Отец Жозеф сделал все для того, чтобы ни один аспект испанского вмешательств в Германии не ускользнул от внимания курфюрстов[3], и второй французский агент, Брюлар, смог с похвалой отозваться о князьях как о «хороших французах»[4]. Иоганн Георг Саксонский тем временем успел прислать меморандум из шести предварительных условий для ведения переговоров о мире. Главными из них были требования вернуть в империи религиозное устройство, действовавшее в 1618 году, отозвать «Эдикт о реституции» и резко уменьшить размер военных контрибуций[5].

7 августа Фердинанд попробовал еще раз сломить волю католических курфюрстов. Он заявил, будто всегда уважал конституцию, и ненавязчиво предложил секвестрировать

[1] Lundorp, IV, pp. 61 f.

[2] Hermann Wäschke, *Tagebuch Christians II von Anhalt. Deutsche Geschichtsblätter*, XVI, V, p. 122.

[3] Richelieu, *Mémoires*, ed. Petitot, II, xxvi, p. 285.

[4] Hermann Wäschke, *Tagebuch Christians II von Anhalt. Deutsche Geschichtsblätter*, XVI, V, p. 132.

[5] Lundorp, IV, p. 73.

герцогство Клеве-Юлих, наследственность которого еще не определилась[1]. Это была завуалированная попытка оказать помощь испанцам в войне с голландцами, предоставив им укрепленный пункт на Нижнем Рейне. Чтобы умаслить князей, на следующий день он устроил показательный выезд всадников на арене, в котором вновь победил и получил главный приз его старший сын[2]. Благодаря усилиям постановщика молодой Фердинанд великолепно сидел в седле, но его отец ошибался, если думал, что этого достаточно для покорения сердец мудрых мужей. Ответ курфюрстов был отрицательный. Они заострили все внимание на герцогстве, признали крайнюю сложность проблемы и наотрез отказались одобрить его секвестр[3].

На руках у Фердинанда все еще оставались два козыря, Валленштейн и «Эдикт о реституции». Принесение в жертву генерала ублажит католических курфюрстов, отзыв эдикта может умиротворить курфюрстов Саксонии и Бранденбурга и даже побудить их, пусть и запоздало, приехать в Регенсбург. Он решил разыграть первую карту и 17 августа созвал советников, чтобы обсудить, как лучше всего избавиться от генерала. Валленштейн находился всего лишь в нескольких милях, в Меммингене, с войском, и сам император не мог предсказать, как полководец отнесется к своей отставке[4]. Удивительно, но посыльный, отправленный для зондажа, сообщил, что Валленштейн уйдет сам, если на это будет воля императора. 24 августа в Меммингене явилось имперское посольство[5]. Валленштейн принял посланников с достоинством и вручил прошение об отставке. Генерал показал им также космограмму, которая указывала на то, что судьба Фердинанда в кризисные моменты управляется Максими-

[1] Lundorp, IV, pp. 65—72.

[2] Hermann Wäschke, *Tagebuch Christians II von Anhalt. Deutsche Geschichtsblätter*, XVI, V, pp. 129 f.

[3] Lundorp, IV, pp. 72—73.

[4] Dudik, *Correspondenz*, p. 273.

[5] Hallwich, *Briefe und Akten*, pp. 54—55, 75 f.

лианом. Валленштейн подчинился персту Небес, однако в душе приготовился к возмездию[1].

Уход Валленштейна лишил французских агентов поддержки Максимилиана Баварского. Для него теперь было важнее всего возобладать над Фердинандом в военной сфере, и его больше не интересовали иностранные союзники. А в это время войска Фердинанда заняли Мантую, вынудив французского герцога бежать из страны. Французы, потерпев поражение в Италии и лишившись поддержки Максимилиана в Германии, почувствовали свою слабость, чем Фердинанд не преминул воспользоваться. Он предложил дать свое согласие на утверждение Карла Неверского герцогом Мантуи при условии, если французы уступят Казале и Пинероло испанцам и поддержат тех, кого надо, в империи. Это была атака на французско-голландский альянс, выпад против намеченного Ришелье договора со шведами. Во Франции король болел, и запросы послов об инструкциях по поводу дальнейших действий оставались без ответа. Отцу Жозефу и Брюлару пришлось самим принимать решение. 13 октября 1630 года они дали условное согласие на все требования Фердинанда, и Регенсбургский договор был подписан.

Во Франции вести о заключении договора восприняли с негодованием. Ришелье, встревоженный и злой, заявил венецианскому послу, что намерен бросить политику и уйти в монастырь[2]. Казале и Пинероло потеряны, альянсы с голландцами и шведами порушены, дружба с германскими князьями закончилась — таков печальный итог дипломатии отца Жозефа. Тем временем Фердинанд, преисполненный самых добрых чувств к проигравшему противнику, тепло распрощался с послами и просил передать Ришелье и королю Франции заверения в своем исключительном к ним почтении[3].

---

[1] *Annales*, XI, p. 1133; Pekař, *Wallenstein*.

[2] *Relazioni dagli Ambasciatori, Francia*, II, p. 272.

[3] Richelieu, *Mémoires*, ed. Petitot, II, XXVI, p. 377.

Фердинанд выжал все, что мог, из отставки Валленштейна. Его другой козырь — отзыв «Эдикта о реституции» — мог принести еще больше выгод. Эггенберг заклинал его пойти на этот шаг[1]. Шведский король наступает, каждый день приходят все новые известия о его продвижении. У него пятьдесят тысяч человек, он уже взял Гюстров и Веймар. Регенсбург наполнили всякие домыслы и страхи[2]. Самое неподходящее время для ссор с протестантскими курфюрстами. Откажись он от «Эдикта о реституции», курфюрсты Саксонский и Бранденбургский сразу же прекратят свой протест: они же выпустили манифест, утверждавший, что только лишь эдикт и препятствует установлению мира в империи. Католические курфюрсты готовы встретиться с ними. Конечно же, Фердинанд должен уступить, для блага династии.

Эггенберг предостерегал его от бескомпромиссного упрямства. Фердинанд с удовольствием разыграл одну карту. Но он не хотел пускать в дело вторую. Избавление от Валленштейна и отзыв эдикта имели для него совершенно разную ценность. Одно действие относилось к политике, другое — к вере. Врожденный фанатизм, помогавший ему прежде, на этот раз оказал ему плохую услугу.

Уже в конце августа в Регенсбурге говорили о том, что император не уступит[3]. В продолжение всего собрания имперские войска в Вюртемберге, проявляя исключительную жестокость, принудительно приводили в исполнение эдикт на монастырских землях. Фактически Фердинанд одержал победу только над Ришелье, но не над князьями. В ноябре участники собрания разъехались, так и не решив почти ни одной проблемы.

По договоренности с голландцами, они обязались освободить Клеве и Юлих, а Фердинанд дал обещание отвести и все другие войска, отказавшись от идеи секвестра и положив в долгий ящик наболевшую проблему голландского нейтра-

[1] Richelieu, VI, p. 360.

[2] Wäschke, XVI, V, pp. 104, 110, 116.

[3] Ibid., p. 131.

литета[1]. Имперская армия поступала под командование Максимилиана и Тилли, и Фердинанд возвращался на позиции пятилетней давности, то есть когда у него еще не было Валленштейна. «Эдикт о реституции» теперь предстояло обсудить на общем съезде князей[2]. Римский король избран не был, войну в интересах Испании не объявили.

Одержав дипломатическую победу над Ришелье, Фердинанд потерпел два серьезных поражения. Вряд ли ему было благодарно и то самое правительство, ради которого он жертвовал собственными интересами. В Мадриде были возмущены тем, как закончилась история с герцогством Клеве-Юлих, испанское правительство даже не нашло слов признательности императору за Мантую.

В самой империи политика Фердинанда потерпела фиаско. Давление Испании оказалось слишком тяжелым. Собрание в Регенсбуре не объединило Германию, а, напротив, еще больше разъединило. Максимилиан и его лига вновь обрели власть над политикой Фердинанда, два протестантских курфюрста окончательно отмежевались от своих коллег[3]. Король Швеции мог расчленить империю как прогнивший настил.

Фердинанда постигла неудача. Не добился того, чего хотел, и Максимилиан. Иоганн Георг лишь попытался создать нечто общенациональное для решения национальных проблем. Собранием в Регенсбурге завершился так называемый германский период Тридцатилетней войны. С Регенсбурга можно вести отсчет так называемого иностранного этапа. Король Швеции высадился в Померании, и немцы вновь втянулись в войну, которую не начинали и которую не могли остановить. После конференции, которая должна была покончить с противоборством, война продолжалась еще восемнадцать лет.

---

[1] Lundorp, IV, pp. 116—125.

[2] Ibid., pp. 103—114.

[3] Heyne, *Der Kurfürstentag zu Regensburg von 1630.* Berlin, 1866, pp. 190—191.

Глава седьмая

ПОХОД ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ 1630—1632

Я надеюсь больше на самого короля Швеции, а не на его страну... Все зависит от него.

Томас Роу

Я полагаюсь на ваше величество как на ангела Божьего.

Джон Дьюри

1

Конфликтовали Франция и Испания; Германия служила полигоном. Таково было следствие склочного собрания в Регенсбурге. Кто должен быть хозяином в этой европейской «коммуналке» — Габсбурги или Бурбоны? Главными участниками драмы стали Фердинанд с его сценарием единой империи, Максимилиан и его германская католическая партия, Иоганн Георг и его лютеранские конституционалисты, Валленштейн и его армия.

Война пока велась без мечей и пушек. Ни Ришелье, ни Оливарес не были готовы к открытому противостоянию. Французская монархия все еще переживала внутриполитический кризис, испанскую казну опустошили войны в Голландии и Италии, антагонисты старались побороть друг друга другими средствами. Ришелье считал, что немцы должны обустраивать свою жизнь сами, без испанцев[1]. Регенсбург убедил его в том, что немцы, по крайней мере их вздорные правители, не способны проводить такую политику. У него не оставалось другого выхода, кроме как во благо Франции изгонять испанцев силами иностранных союзников.

---

[1] Avenel, *Lettres de Richelieu*, Paris, 1853, III, p. 878.

Голландцы приносили пользу в Нижних странах, но от них не было никакого толку в Германии. Альянс с Англией кардинал развалил сам. Датский король после поражения вышел из игры. Методом исключений Ришелье сделал вывод, что ему надо ориентироваться на короля Швеции. Немаловажно было и то, что германские протестанты молились на Густава Адольфа как на Бога. Предварительные наброски договора были готовы в декабре 1629 года[1]. Густав Адольф еще не подтвердил своего согласия, но французские агенты не спускали с него глаз, и он мог санкционировать альянс с Францией в любой момент. Ришелье уже отрекся от гарантий, которые его представители дали в Регенсбурге в отношении того, что он не будет помогать противникам императора.

Пока Ришелье вел с королем Швеции переговоры, подменявшие реальные военные действия, Оливарес предпринимал меры для укрепления Испании, с тем чтобы развязывание войны было слишком обременительным и опасным для Франции. Он сосредоточил свои усилия не на Германии, а на Нидерландах, стремясь обеспечить возрождение испанского могущества подавлением голландской конкуренции, восстановлением торговли в Антверпене и отвоеванием колоний.

2

4 июля 1630 года король Швеции высадился на Узедоме. Сходя с корабля по узкому трапу, он оступился и повредил колено[2]. Этот обыденный инцидент хронисты превратили в героико-драматическое действо: как только нога вождя протестантов коснулась земли, он опустился на колени и по-

[1] Moser, *Patriotisches Archiv*, VI, pp. 133 f.

[2] G. Droysen, *Gustaf Adolf*, VI, p. 151; *Gustaf Adolfs Landungsgebet*, *Mitteilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung*. XXII, pp. 269—287.

просил Господа благословить его на правое дело[1]. С точки зрения поэтического осмысления его миссии историки, возможно, были и правы: сам король никогда не сомневался в успехе своей экспедиции.

Ко времени высадки Густаву Адольфу исполнилось тридцать шесть лет. Он был статен, высок и широк в плечах. Заостренные усы, клинообразная борода и короткие волосы имели рыжевато-желтый оттенок. За это итальянские наемники прозвали его «золотым королем», хотя чаще Густава Адольфа величали «северным львом». Вследствие крупного и тяжелого телосложения его движения были замедленные и неуклюжие, но он мог действовать лопатой и киркой не хуже любого сапера в армии. Однако кожа у него там, где отсутствовал загар, была нежная и белая, как у девушки. Он держался прямо, сохраняя королевскую осанку и степенность при любых обстоятельствах. С годами Густав Адольф начал слегка склонять голову, хмурясь и прищуривая свои светло-голубые глаза[2]. Король любил поесть и предпочитал простую одежду, носил обычно буйволовый кафтан и солдатскую касторовую шляпу, добавляя иногда алую ленту через плечо или плащ. Он выглядел одинаково и на балу, и на бивуаке, ему были привычны тяготы военных походов, он мог просидеть в седле четырнадцать часов подряд, вместе с солдатами проливать пот в жару, замерзать в заснеженном поле, мучиться от голода и жажды. Он не боялся ни крови, ни грязи, его высокие королевские сапоги были часто забрызганы и тем и другим.

Но было бы большой ошибкой принимать его за простака. Дипломаты, шокированные слишком непринужденными манерами короля и бестактной прямотой, с которой он излагал свои мысли, очень скоро понимали, что за грубоватыми и резкими суждениями скрываются глубокие мысли и знания. Придворным, пытавшимся сыграть на его друже-

[1] Chemnitz, *De Bello Suecico*, Stettin, 1648, I, p. 55.

[2] Haeberlin, XXVI, pp. 28—29.

любии, он устраивал такую взбучку, которую они долго не могли забыть. Слуги, знавшие его крутой нрав, никогда не задавали лишних вопросов. Густав Адольф не принимал послов, если они неправильно перечислили все его титулы на верительных грамотах[1].

Густав Адольф с детства воспитывался с прицелом на королевский трон, играл в кабинете отца, когда еще не стоял на ногах, в шесть лет сопровождал его в военных походах, в десять — заседал в королевском совете и имел право высказывать свое мнение, подростком уже самостоятельно принимал иностранных послов. Он владел десятью языками, интересовался науками, скорее всего поверхностно, любил практическую философию, всюду брал с собой томик Гроция[2].

Наряду с Ришелье и тем князем, имя которого было известно всем современникам, Максимилианом Баварским, Густав Адольф был самым успешным администратором в Европе. За девятнадцать лет правления страной он укрепил финансы, централизовал правосудие, обустроил или привел в порядок больницы, почту, образование, службы вспомоществования, ввел продуманную и четкую систему призыва в армию, сумел приструнить праздное и амбициозное дворянство, создав «риддархус», ассамблею нобилитета, занимавшуюся государственными делами, но подвластную короне. Ни в каких смыслах он не был королем-демократом, его политика зиждилась на аристократизме, но благодаря тому, что он держал в узде аристократов, полтора миллиона человек в Швеции и Финляндии[3] жили в условиях самого мягкого режима в Европе. Густав Адольф поощрял торговлю, с толком использовал природные ресурсы страны, особенно минеральное сырье. Швеция собственными сырьевыми материалами полностью обеспечивала производство вооружений, в которых она нуждалась постоянно: со време-

[1] Roe, *Negotiations*, p. 56.

[2] *Oxenstiernas skrifter och brefvexling.* Stockholm, 1888, I, i, pp. 247—248.

[3] Droysen, Gustaf Adolf, II, p. 71.

ни восхождения короля на трон страна едва ли прожила хотя бы год без войны[1]. Стоит ли удивляться тому, что в 1629 году шведский сейм единогласно проголосовал за выделение субсидий на трехлетнюю войну в Германии.

В военных делах Густав Адольф был таким же деятельным и предприимчивым, как и в мирной жизни. Он восхищался Морицом Оранским, переняв у него все тактические приемы, повышавшие мобильность и боеспособность войск. Король пригласил голландских профессионалов, обучавших его солдат технике использования артиллерии в осадной войне, лично принял участие в создании легких и подвижных орудий. Его так называемые кожаные[2] пушки оказались не очень надежными, и он полагался главным образом на скорострельные четырехфунтовки, достаточно легкие для того, чтобы их могли передвигать три канонира или одна лошадь[3].

Подобно всем другим великим вождям Густав Адольф был абсолютно уверен в себе и в правоте своей миссии. В кризисные моменты он искренне считал, что Бог не оставит его в беде. Он воспитывался как лютеранин, но его снисходительное отношение к кальвинистам смущало и подданных и союзников[4]. Тем не менее Густав Адольф был убежден в исключительности протестантизма и никогда не мог понять, как можно силой изменить веру человека. Король презирал тех, кого насильно обращали в другую религию, и

---

[1] Brefvexling, I, i, pp. 351—459. Среди более поздних изданий о Густаве Адольфе можно назвать следующие: Ahnlund, *Gustav Adolf den Store*. Stockholm, 1932; G. Wittrock, *Gustav Adolf*, 1932; Johannes Paul, *Gustav Adolf*. Leipzig, 3 vols, 1927—1932; M. J. Roberts, *Gustavus Adolphus: A History of Sweden, 1611—1632*. London, 1953 seq. Представляет интерес статья Тингстена, исследующая его военную стратегию в Германии и опубликованная в *Historisk Tidskrift*, 1928.

[2] Пушки с тонкостенными медными стволами, обвитыми пеньковыми веревками и обмотанными кожей, пропитанной дегтем. — *Примеч. пер.*

[3] Droysen, *Gustaf Adolf*, I, pp. 59—60, 77.

[4] G. Westin, *Negotiations about Church Unity*. Uppsala, 1932, p. 208.

позволял в побежденных и плененных войсках сохранять традиционную веру.

Густав Адольф был блистательным правителем и полководцем, бесстрашным, решительным, импульсивным, однако одними этими качествами вряд ли можно объяснить ту власть, которую он имел над людьми. Причину надо искать скорее в его умонастроении, в той удивительной уверенности в себе, гипнотизировавшей и его сподвижников, и тех, кто его никогда не видел. Густава Адольфа должен был убить один подкупленный итальянский кондотьер, человек без родины и веры, служивший в армии короля. Наемный убийца не раз поднимал пистолет для выстрела, и у него были для этого реальные возможности, но его сердце, как констатирует хроника, наливалось свинцом и рука опускалась[1]. Оберегала ли короля судьба своей потусторонней броней или его сверхъестественная уверенность в себе завораживала и лишала сил даже случайного убийцу? Он был убежден: «Ни один корабль не потонет, если на нем находится король»[2]. В этом откровении и пророчестве заключалась тайна его стойкости.

Ближайшим другом Густава Адольфа был сумрачный, неразговорчивый и академичный канцлер Аксель Оксеншерна: только от него король мог принять и советы и возражения. Обладая трезвым и острым умом, Оксеншерна был человеком дела и мог моментально перевести головоломные концепции Густава Адольфа на язык практических действий. «Если мы все будем столь же холодны, как вы, то мы замерзнем», — сказал как-то канцлеру король. «Если мы все будем столь же горячи, как ваше величество, — ответил Оксеншерна, — то мы сгорим»[3].

Оксеншерна имел нечто большее, чем двенадцатилетнее возрастное старшинство, для того чтобы влиять на короля. Его способности были равноценны талантам Густава Адоль-

[1] *Annales*, XI, p. 1326.

[2] Roe, *Negotiations*, p. 74.

[3] Moser, *Patriotisches Archiv*, V, p. 8.

фа или удачно дополняли их. Он обладал такой же кипучей энергией, даром организатора, быстротой мышления и остротой ума, такой же или даже более вместительной памятью. Оба они отличались отменным здоровьем, что было немаловажно во времена, когда человек постоянно подвергался опасностям и не мог получить квалифицированную медицинскую помощь. Оксеншерна в особенности мог крепко спать в любых условиях, не обращая внимания на шум и даже выстрелы. Только дважды он лишился сна из-за политических передряг, и это случилось с ним во время войны в Германии[1].

Оксеншерна не производил такого же впечатления властной личности, как его король, только потому, что был менее агрессивен. Он был прирожденным дипломатом: учтив, но и скрытен, хитроумен, но, в общем, и честен. Такого человека трудно обвести вокруг пальца, но и трудно невзлюбить. Он говорил по-немецки и по-французски, особенно хорошо владел французским языком и с легкостью отлавливал двусмысленности, к которым нередко прибегали французские дипломаты. Ему так и не довелось употребить все свои таланты в дипломатии и государственном управлении ни до восхождения на трон Густава Адольфа, ни при его царствовании, ни после его смерти. И в поведении, и в деятельности он, безусловно, был более цивилизованным и великодушным человеком, чем король. Бескорыстный и преданный в личных отношениях, Оксеншерна искренне хотел приносить пользу своей стране, но ему пришлось главные усилия употребить на то, чтобы война в Германии продолжалась еще шестнадцать лет. Никто не отрицает того вклада, который он внес в государственное строительство в Швеции, и его мирные деяния убеждают лишь в том, что и Швеция и Европа должны сожалеть о том, что такие люди, как он, вынуждены были применять свои человеческие таланты в ор-

[1] Arckenholtz, *Historische Melkwürdigkeiten*. Leipzig, Amsterdam, 1751, 1752, II, p. 46.

ганизации смертоубийства. Какая бы слава ни досталась правителю и генералам Швеции, какие бы преимущества ни получила шведская торговля, война принесла самой Швеции больше плохого, а не хорошего, вызвав ослабление центральной власти и истощение народа. Оксеншерна честно служил своему правительству и королю, но оба они заблуждались: зла злом не искоренить.

Никогда еще Германия не видела такого десанта: двадцать восемь военных кораблей и столько же транспортов, шестнадцать кавалерийских эскадронов, девяносто две пешие роты, артиллерия, всего, правда, тринадцать тысяч человек[1]. Войско само по себе небольшое, но король уже набирал солдат в Германии, и он вовсе не собирался побеждать, полагаясь лишь на численное преимущество. В отличие от многоязыкой орды наемников его армия отличалась сплоченностью и единством цели. Кавалеристами и канонирами были в основном подданные короля: высокие и мускулистые уроженцы юга Швеции, бледнолицые, светловолосые и голубоглазые; коренастые, приземистые и смуглые лопари на косматых пони, этих всадников немцы считали людьми лишь наполовину[2]; сухопарые и бесцветные финны, дети севера. Все они любили своего короля, он был для них сюзереном, генералом, почти Богом.

С пехотой все обстояло иначе. Ее ядро составляли шведы, а основная масса состояла из шотландцев, немцев и других наемников, набранных в разных войнах. Густав Адольф не пренебрегал принятой и в других войсках практикой набора в армию заключенных, однако, в отличие от генералов, король требовал от всех без исключения верности не только знамени, но и идеалам, за которые он сражался и был готов отдать свою жизнь. Он брал в армию людей вне зависимости от вероисповедания, хотя лютеранство считалось в войсках

[1] Lorentzen, *Die Schwedische Armee im dreissigjährigen Kriege und ihre Abdankung*. Leipzig, 1894, p. 9.

[2] Ditfurth, *Die historisch-politischen Volkslieder des dreissigjährigen Krieges*. Heidelberg, 1882, pp. 177 f.

официальной религией. Молитвы совершались два раза в день, и каждый солдат обеспечивался карманным сборником церковных гимнов, подходящих для битв.

Дисциплина в войсках была относительно высокой. Неукоснительно соблюдался приказ не нападать на больницы, церкви, школы и людей, связанных в той или иной мере с ними. Четверть нарушений, перечисленных в уставе, наказывалась смертной казнью, и в отсутствие короля полковники сами выносили приговоры[1].

Однако и суровые наказания могли оказаться недейственными, если бы не играла свою роль необыкновенная личность короля. Главной причиной беспорядка в любой армии всегда была несвоевременная и нерегулярная выплата жалованья, и эту проблему не могли решить ни Густав Адольф, ни Аксель Оксеншерна. Швеция была страной бедной, и канцлер, отвечавший за финансы, старался оплачивать военные расходы за счет податей и пошлин, взимавшихся в Риге и портах польского побережья[2]. Однако их не хватало, и часто случались перебои в доставке денежных средств. Густав Адольф платил своим солдатам в другой валюте. Он никогда не забывал об их благополучии, и если денег не было, то солдаты по крайней мере обеспечивались нормальным питанием и одеждой. Каждому выдавался меховой плащ, перчатки, шерстяные чулки и сапоги из водонепроницаемой русской кожи[3]. Как писал сэр Томас Роу, король не нуждался в деньгах, чтобы вдохновлять своих людей, им было достаточно его благоволения, дружеских слов и внимательного обхождения[4]. В исключительных случаях, и только в исключительных случаях, он позволял

---

[1] *Annales*, XI, p. 1757; *Brefvexling*, I, vi, pp. 584 f.; II, i, p. 619; I, v, pp. 10, 16, 46, 316; Gebauer, *Ein Schwedischer Militärprozess. Historische Zeitschrift*, XCVIII, pp. 547 f.

[2] Sonden, *Axel Oxenstierna och hans Broder*. Stockholm, 1903, p. 18; Wittrock, p. 251.

[3] Droysen, *Gustaf Adolf*, II, p. 76.

[4] Roe, *Negotiations*, p. 57.

армии, в ограниченных пределах, добывать жизненные блага грабежом.

В этом и состояла обратная сторона восхитительной дисциплины в его армии. Когда по политическим или стратегическим соображениям Густав Адольф хотел разорить страну, он отпускал вожжи, и солдаты старались наверстать упущенные возможности.

Густав Адольф, помимо всех прочих достоинств, обладал и пропагандистскими навыками. За месяц или даже больше до отправки армии его агент Адлер Сальвиус будоражил всю Северную Германию разговорами о германских свободах и беззаконии имперских властей, а накануне высадки выпустил на пяти языках манифест, обращенный к народам и правителям Европы и провозглашавший поддержку королем прав протестантов[1]. Сразу же после высадки появился еще один манифест, утверждавший, что короля вынудила подняться на защиту угнетенных народов интервенция Фердинанда в Польше. Он тщетно пытался прийти к согласию с императором мирным путем, но и в Любеке, и в Штральзунде его посольства были отвергнуты. Поняв наконец, что германские курфюрсты не способны защитить свою церковь, он решил сам взяться за оружие[2].

20 июля Густав Адольф вошел в Штеттин, столицу Померании, настоял на встрече с миролюбивым и старым герцогом и принудил его стать союзником и дать денег. Несчастный старик согласился, но тут же отписал Фердинанду, извиняясь и оправдываясь форс-мажорными обстоятельствами[3]. Если герцог не заплатит, то он должен будет заложить ему Померанию, потребовал шведский король, спустя три недели после высадки предъявив права на крайне важный участок Балтийского побережья.

---

[1] Boethius, *Gustaf II. Adolfs instruktion für Salvius den 30 juni 1630. Historisk Tidskrift*, 1913, p. 120.

[2] Lundorp, IV, pp. 73—77; Lünig, VI, i, pp. 359—365.

[3] Lundorp, IV, p. 80.

У него уже имелись потенциальные плацдармы и в других районах Германии. Изгнанные герцоги Мекленбурга были его союзниками, сам он заявил о готовности вернуть Фридриха Богемского в Пфальц[1], а перед завершением 1630 года заключил альянс с ландграфом Гессен-Касселя. Но важнее всего для него была дружба с Христианом Вильгельмом, свергнутым протестантским администратором Магдебурга, ключевой крепости на Эльбе, одного из самых богатых городов Германии, стратегически нужного и Густаву Адольфу, и Тилли. Город не поддавался императору, и если Густав Адольф займет его, то сразу же сможет объявить себя заступником протестантов.

С помощью шведов Христиан Вильгельм снова завладел городом 6 августа 1630 года, заявив, что будет защищать епископство, опираясь на Бога и короля Швеции, от любых захватчиков. Протестантские сочинители листовок публиковали его заявление с радостью, но в Магдебурге не ликовали, а боялись: бюргеры и любили свою веру, и опасались последствий восстания. Когда Христиан Вильгельм занял епископский престол, над городом полетели стаи воронов, издававших пронзительные крики, на зловещем закате солнца среди туч начинали сражаться какие-то странные армии, а под пламенеющими отсветами неба Эльба казалась кроваво-красной[2]. Европа аплодировала, а жители Магдебурга ходили угрюмые и бранились со своими защитниками.

Густав Адольф зимовал в Померании и Бранденбургской марке. Нехватка провианта вынудила его пораньше отправиться в поход[3]. 23 января 1631 года он прибыл в Бервальде, намереваясь затем идти во Франкфурт-на-Одере, следующий крупный центр в его военной кампании. В Бервальде

---

[1] Roe, *Negotiations*, pp. 60—61.

[2] *Zacharias Bandhauers Deutsches Tagebuch der Zerstörung Magdeburgs*, ed. P. P. Klimesch. *Archiv für Oesterreichische Geschichte*, XVI. Vienna, 1856, p. 279.

[3] *Brefvexling*, II, ix, p. 846.

король принял агентов Ришелье и подписал долгожданный договор об альянсе.

Бервальдский договор касался свободной торговли и взаимодействия в защите Франции и Швеции. Но в нем были и более серьезные обязательства. Густав Адольф обещал держать в Германии армию численностью тридцать тысяч пехотинцев и шестьсот всадников. Франция должна была взять на себя полностью или частично все расходы и перечислить в казну Швеции 15 мая и 15 ноября двадцать тысяч имперских талеров. Густав Адольф, кроме того, ручался гарантировать свободу вероисповедания для католиков по всей Германии, не трогать земли Максимилиана Баварского, друга Франции, и не заключать сепаратные мирные договоры по крайней мере в течение пяти лет[1].

Густав Адольф оказался не только превосходным администратором и полководцем, но и отличным дипломатом. Он заставил Ришелье поднять цену договора с пятнадцати до двадцати тысяч талеров и уговорил продувного кардинала пойти на то, чтобы скомпрометировать себя опубликованием соглашения с протестантской державой[2]. Король хорошо понимал: если договор останется технически тайным, то люди будут шептаться о том, будто он постыдился стать пешкой в руках Франции. Подписав тайный договор, он казался бы всем лишь марионеткой; подписав договор открыто, Густав Адольф представал равным союзником Франции.

Имело ли это какое-то значение? В борьбе с Габсбургами Ришелье хотел использовать бьющую через край энергию такого ревностного поборника прав протестантов, как король Швеции. Народы Северной Германии уже вставали под его знамена, священники молились на него, их сыновья становились его сподвижниками. Дело протестантов обрело новую силу. Ришелье и его помощники в душных приемных Лувра думали, что они хорошо знают свое дело. Испокон

[1] *Sverges Traktater*, V, i, pp. 438—442.

[2] L. Weibull, *Gustave-Adolphe et Richelieu. Revue Historique*, CLXXIV, pp. 219—225.

веков политики пользовались отвагой и духовной страстью мужественных людей, и французы вообразили, будто в Бервальде они приручили и подмяли под себя шведского короля.

Они крупно ошибались. Вера короля была искренней, как и его желание помочь униженным протестантам. Густав Адольф не был ни солдафоном, ни фанатиком. «Он смелый государь, — рассуждал сэр Томас Роу, — но достаточно умен, чтобы беречь себя и исполнить свое предназначение служить народу»[1]. «Он остановился на берегу Рубикона, — говорил английский дипломат, — но не перейдет его, пока друг не построит мост»[2]. Ришелье вряд ли думал, что строит мост для короля Швеции. Скорее наоборот: Густав Адольф должен был построить мост для французов. Однако кардинал и его агенты перехитрили самих себя. Король Швеции подписывал договор в Бервальде с открытой душой. С помощью французской валюты он очень скоро добьется независимости от замыслов Ришелье. Использование другого человека в своих целях не обязательно игра в одни ворота.

3

К Бервальдскому договору мог присоединиться любой германский правитель, желавший покончить с гнетом императора. Он приглашал всех протестантов подняться с оружием в руках против Фердинанда. Такая возможность была у них и одиннадцать лет назад, во время Чешского восстания. Они упустили этот шанс. В 1630 году они снова могли попытать счастья. Как и в 1619 году, Иоганн Георг Саксонский отстаивал незыблемость конституции против тех, кто хотел ее выбросить на помойку. Прежде он балансировал между Фердинандом и Фридрихом, теперь метался между Фердинандом и Густавом Адольфом. В 1619 году курфюрст

[1] Roe, *Negotiations*, p. 39.

[2] Ibid., p. 69.

должен был выбирать между протестантами и католиками, одни из них открыто, другие — исподтишка подрывали германскую конституцию. В 1630 году фактически уже не существовало конституции, которую надо было бы защищать, потеряла свою актуальность и проблема выбора между католичеством и протестантизмом. Вследствие агрессивности Габсбургов папство стало симпатизировать, а католическая Франция вступила в альянс с протестантами, и в Европе уже не было четкой религиозной сегментации. Политические интересы выхолостили из конфликта духовные.

Государственный деятель всегда упрощает сложную политическую ситуацию, стремясь найти наилегчайший выход из нее. И для Густава Адольфа с Фердинандом, и для многих других участников конфликта проблемы в 1630 году были в основном те же, что и в 1619-м. По их понятиям, в нем по-прежнему доминировала религия. Для Иоганна Георга возникли совершенно новые обстоятельства. На одной стороне он видел Фердинанда с его антиконституционными поползновениями, на другой — Густава Адольфа, представлявшего иностранную угрозу, а между ними — позабытые всеми интересы Германии и как империи, и как нации.

Иоганну Георгу делать выбор между Фердинандом и Густавом Адольфом было легче, чем между Фридрихом и Фердинандом. Фридрих был по крайней мере немцем. Густав Адольф же был иностранцем, интервентом, осквернителем родной земли, а в политическом отношении — Священной Римской империи германской нации. Нетрудно догадаться, какое решение мог принять Иоганн Георг. Но одно дело — принимать решения, и совсем другое — действовать.

Для лучшего понимания того, что происходило в Германии в последующие два года, надо учитывать одно исключительно важное обстоятельство. Истинным противником Густава Адольфа, что бы он ни провозглашал публично, был не Фердинанд, а Иоганн Георг Саксонский. Фердинанд был самым простым, искренним и даже деликатным из всех возможных оппонентов; он проводил свою политику честно и откро-

венно, безо всякого притворства; его религиозные и династические интересы ни для кого не были секретом, в том числе и для шведского короля. Он ничего и ни от кого не скрывал. Но император отстаивал дело, потерявшее после дезертирства папы свою актуальность. Фердинанд превратился лишь в географическую мишень для нападения шведского короля. Густав Адольф же хотел ни много ни мало, как увеличить физическое пространство Швеции и прибрать к рукам Балтийское побережье. Его действительными врагами были не католики, а все те, кто добивался единства Германии. А самым главным поборником единой Германии был Иоганн Георг.

Конфликтная ситуация складывалась из трех компонентов. Во-первых, не прекращалась вражда между католиками и протестантами, вылившаяся в открытое противостояние между Фердинандом и Густавом Адольфом и, несмотря на всю ее сюрреалистичность, казавшаяся среднему европейцу главной и единственной мотивацией войны. Во-вторых, разгоралось политическое соперничество между Габсбургами и Бурбонами, ставшее доминирующим в официальной политике Парижа, Мадрида и Вены. И наконец, обыкновенное неприятие немцами шведского вторжения.

Вряд ли можно сомневаться в искренности намерений Густава Адольфа. Он, подобно другим великим вождям, имел завидную склонность к самообольщению. Заступник протестантов в его собственном представлении, орудие в борьбе против Австрийского дома в представлении Ришелье, Густав Адольф на самом деле был адептом шведской экспансии в Германии. Выигрывали шведы, выигрывали протестанты, проигрывали лишь одни немцы. Иоганн Георг прекрасно разглядел эту угрозу сквозь завесы эмоций и дипломатические миражи, ослепившие Европу.

Зимой 1630 года у него неожиданно появился сподвижник, Георг Вильгельм, обаятельный, преисполненный благих намерений курфюрст Бранденбурга, проведший последние одиннадцать лет в полном смятении духа. Под влиянием своего главного министра, католика Шварценберга, каль-

винистский правитель лютеранского государства старался сохранять нейтралитет. Делать это было совсем нелегко. Он был женат на сестре Фридриха Богемского и пригрел в Берлине тещу, которая непрестанно побуждала его к тому, чтобы предпринять какие-нибудь действия в защиту своего свергнутого сына. Мало того, Густав Адольф в свое время увез и женился на сестре, втянув курфюрста в протестантский альянс. Тем не менее Георг Вильгельм всеми силами пытался блюсти верность императору, полагая, что так будет лучше для династии. К своему огорчению, он не получил никаких благ от «чересчур безучастного и потому дурацкого нейтралитета», как расценил его позицию английский агент[1]. Валленштейн использовал его земли в кампании против датчан, Густав Адольф превратил их в базу для борьбы с поляками, и доведенный до отчаяния курфюрст решил, что Валленштейн, а может быть, и сам император хотят развязать войну, чтобы лишить его курфюршества[2].

В 1630 году его терпение истощилось. На встречах в Аннабурге в апреле и декабре Иоганн Георг склонил Георга Вильгельма к тому, чтобы забыть о совете Шварценберга, не ехать в Регенсбург и созвать протестантский съезд в Лейпциге для обсуждения политики Фердинанда[3].

Открывая съезд, Иоганн Георг заявил, что ассамблея преследует одну цель — установить доверительные отношения между двумя партиями ради сохранения мира в Германии[4]. Без сомнения, он надеялся на то, что союз Бранденбурга и Саксонии заставит императора пойти на компромисс, с тем чтобы они не вступили в альянс с королем Швеции. Саксонский курфюрст надеялся на это, несмотря на то что прекрасно понимал, насколько безнадежно разговари-

[1] Roe, *Negotiations*, pp. 39—40.

[2] Gaedeke, *Zur Politik Wallensteins und Kursachsens in den Jahren 1630—1634. Neues Archiv für Sächsiche Geschichte*, X, pp. 36—37.

[3] Gebauer, *Kurbrandenburg und der Restitutionsedikt von 1629.* Halle, 1899, pp. 72—89, 132—137.

[4] Lundorp, IV, pp. 133—134.

вать с Фердинандом полунамеками, и уже сам начал дипломатическую кампанию, распространяя информацию о том, что он вооружается для защиты своих земель и прав германских протестантов. 28 марта съезд в Лейпциге выпустил манифест, более похожий на ультиматум. В нем главными виновниками продолжающейся смуты в Германии назывались «Эдикт о реституции» и имперская армия лиги. Участники съезда возмущались нарушениями княжеских прав, пренебрежением конституции, бедами, которые война обрушила на страну. Если Фердинанд незамедлительно не присоединится к ним в искоренении всех этих зол, то за последствия они не отвечают. Манифест, по сути, был равнозначен объявлению войны. Документ подписали курфюрст Саксонии, его кузены, правители менее значимых саксонских княжеств, курфюрст Бранденбурга, представители Ангальта, Бадена, Гессена, Брауншвейг-Люнебурга, Вюртемберга, Мекленбурга, бесчисленное независимое дворянство, протестантская аббатиса Кведлинбурга, посланники Нюрнберга, Любека, Страсбурга, Франкфурта-на-Майне, Мюльхаузена и менее независимых городов Швабии[1].

Бесспорно, Иоганн Георг желал добра Германии. Он вместе с коллегой из Бранденбурга встал на защиту протестантизма и конституции, и их поддержало большинство протестантов. Наконец, в одном строю оказались и кальвинисты и лютеране. Даже герцоги Мекленбурга и ландграф Гессена, союзники шведского короля, подписав манифест в Лейпциге, продемонстрировали тем самым, что они не считают невозможным урегулировать германские проблемы без иностранного вмешательства. Безусловными союзниками Густава Адольфа оставались Магдебург, герцог Померании и Фридрих Богемский. Позиции Иоганна Георга были сильны, как никогда.

Если ему удастся заставить императора пойти на компромисс, то он без труда нанесет поражение шведскому коро-

[1] Lundorp, pp. 142—143.

лю и без войны. Успехи Густава Адольфа целиком зависели от того, как его примут в Германии. Иоганн Георг уже создавал армию, бросив на это все ресурсы, поставил во главе ее Ганса Георга Арнима, лучшего командующего Валленштейна, бранденбуржца и протестанта. Он займет позицию нейтралитета, лишит шведского короля возможности набирать рекрутов на северных равнинах, завербовав их в свою армию, и тогда Густаву Адольфу придется, хорошенько подумав, вернуться на родину. Армия Иоганна Георга была еще невелика, и нельзя сказать, что она была очень хорошо подготовлена, но вряд ли такой опытный полководец, как король Швеции, решится на то, чтобы сразиться с войском под командованием Ганса Георга Арнима.

Арниму было около сорока лет, он стал воином не в силу необходимости, а по призванию. Он главным образом и обеспечил победоносную силезскую кампанию 1627 года, принесшую славу Валленштейну. Глубоко верующий человек и преданный подданный курфюрста Бранденбургского, Арним поступил на службу к имперцам по той же причине, по которой Иоганн Георг примкнул к Фердинанду в 1620 году. Поначалу он тоже считал, что идет не религиозная война, а борьба с мятежниками и бузотерами, нарушающими мир в империи. «Эдикт о реституции» заставил и его, и Иоганна Георга изменить свое мнение.

У протестантской Германии наконец появились лидеры в лице Иоганна Георга и Георга Вильгельма, программа — Лейпцигский манифест — и полководец, знающий, как брать быка за рога. Курфюрсты Саксонии и Бранденбурга предложили Фердинанду поддержку объединенной и вооруженной протестантской Германии в обмен на отзыв «Эдикта о реституции». Если же он не согласится, то они не берут на себя ответственность за последствия. В условиях интервенции Густава Адольфа любой нейтралитет невозможен. Фердинанду не следует рассчитывать на то, что протестанты позволят, чтобы их раздавили в тисках между императором и

шведским королем. Им придется выбирать: либо с ним, либо со шведами.

Фердинанд, возможно, понимал все это. Но скорее всего он недооценивал могущество и авторитетность Густава Адольфа, а Лейпцигский манифест воспринял как ставшую привычной демонстрацию протеста, помогавшую Иоганну Георгу сохранять лицо с самого начала войны[1]. Независимо от того, осознавал ли он реальность угрозы или нет, император мог дать только один ответ. Он не политик, а вождь крестового похода, и для него отказ от «Эдикта о реституции» равнозначен отречению от Бога.

4 апреля 1631 года Иоганн Георг отправил манифест императору, сопроводив его личным письмом[2]. Тем временем шведская угроза неумолимо приближалась. Наступая по Одеру, король оттеснил имперские войска — армию Валленштейна без самого Валленштейна — к Франкфурту. Шведы овладели городом 13 апреля, пополнив свои запасы грабежом и разгромив, перебив или пленив последние восемь полков[3].

Через четыре дня Фердинанд послал на Лейпцигский протест расплывчатый ответ. Вероятно, император еще не знал о падении Франкфурта-на-Одере, поскольку вскоре он изменил свою тактику и отправил в Саксонию посла с поручением вести себя примирительно, но объяснить, что отзыв «Эдикта о реституции» невозможен. 14 мая Фердинанд уже перешел на командный тон и издал приказ, запрещающий подданным оказывать какое-либо содействие протестантским князьям в вербовке рекрутов[4]. Император отрезал пути к отступлению и себе, и курфюрсту Саксонии.

А король Швеции, не теряя времени, завоевывал север Германии. Его войска овладели Померанией, захватили

---

[1] Hurter, *Friedensbestrebungen Kaiser Ferdinands II.* Vienna, 1860, pp. 9—10.

[2] Lundorp, IV, pp. 143—144.

[3] *Arkiv till upplysning om Svenska Krigens*, I, p. 413; Monro, II, p. 34.

[4] Lundorp, IV, pp. 148—158.

Грейфсвальд и Деммин, и теперь он контролировал Балтийское побережье от Штральзунда до Штеттина и Одер на восемьдесят миль от устья. Шведы окружили провинцию Бранденбург с севера и востока. Герцоги Мекленбурга готовились к тому, чтобы вернуть свои земли с моря с помощью шведов. Магдебург уже числился союзником. Густаву Адольфу оставалось разобраться с Бранденбургом, и тогда в его руках окажется весь северо-восточный сектор империи с низовьями Эльбы и Одера и дорогами в самый центр страны Фердинанда.

Курфюрсту Бранденбурга хронически не везло. Весной 1631 года он снова оказался между Сциллой и Харибдой — между императором и интервентами. И Фердинанд, и Густав Адольф намеревались положить конец его деятельности от имени партии конституционалистов. Император собирался запугать шведского короля оккупацией Бранденбурга, Густаву Адольфу надо было лишить Иоганна Георга самого стойкого соратника и заставить обоих поборников конституционализма поодиночке вступить в его альянс.

Густав Адольф находился в лучшем положении вследствие неожиданных бед, свалившихся на голову Тилли зимой. Их виновником был человек, которого он заменил в армии. Валленштейн по звездам знал, что его непременно позовут, но был не так прост, чтобы полагаться лишь на звезды, и предпринял соответствующие меры для того, чтобы доказать свою незаменимость. Войска Тилли, расквартированные в Мекленбурге и по долине Одера, обеспечивались пропитанием в основном из амбаров Фридланда, Загана и самого Мекленбурга. Но все это были земли Валленштейна. И хотя он прекрасно кормил армию, когда сам командовал ею, у него не было никаких оснований поступать так же теперь, когда у войск появился другой хозяин. Валленштейн наотрез отказался поставлять провиант из Фридланда, за исключением тех случаев, когда за него платят наличными. Это, естественно, означало, что из Фридланда не поступало никаких продуктов. Немножко продовольствия Валлен-

штейн отпускал из Загана и, пользуясь нехваткой, поднимал цены на зерно. Даже в Мекленбурге он распорядился сознательно затруднять пребывание войск Тилли[1]. Голодные солдаты убегали и шли к Арниму, лошади гибли, и армия, детище Валленштейна, таяла на глазах его незадачливого преемника. «За всю свою жизнь, — писал Тилли, — я не видел армию, испытывающую нужду практически во всем — даже в мелочах; не хватает тягловых лошадей, офицеров, нет исправных пушек, нет пороха, боеприпасов, нет кирок и лопат, нет денег, нет еды»[2]. Тщетно он взывал о помощи. Валленштейн не хотел, а Фердинанд не мог оказать ее.

Отчаявшись, Тилли послушался своего заместителя Паппенгейма и возложил надежды на Магдебург. Город не только занимал важное стратегическое положение на Эльбе, но и располагал, как казалось Тилли, несметными запасами продовольствия. Он уже предпринял один дерзкий прорыв между силами Густава Адольфа на Одере и Балтийском побережье, захватил Ной-Бранденбург, устроив там бойню[3], но отступил, видя, что у солдат нет ни малейшего желания идти дальше, и в апреле 1631 года присоединился к Паппенгейму, осаждавшему Магдебург.

Положение в самом Магдебурге осложнялось тем, что жители отказывались идти на жертвы. Лишь некоторые бюргеры изъявляли героическую готовность помогать Дитриху фон Фалькенбергу, гессенскому военачальнику, которого Густав Адольф прислал для организации обороны. Основная масса горожан демонстрировала недовольство, создавала помехи и делилась своими запасами с такой неохотой, что голодные кавалеристы Фалькенберга взбунтовались и их долго не

[1] Ernstberger, *Wallenstein als Volkswirt*, pp. 34—35; Ernstberger, *Wallensteins Heeressabotage und die Breittenfelder Schlacht. Historische Zeitschrift*, CLXII, pp. 46—49, 51—53; Pekař, I, pp. 75 f.; II, pp. 32—36.

[2] Hallwich, *Briefe und Akten*, I, pp. 204—205, 210—212, 214—215, 232, 251, 255, 288—290.

[3] Brefvexling, II, viii, pp. 34, 37; Hallwich, *Briefe und Akten*, I, p. 308.

могли усмирить[1]. «От нас здесь нет никакого толку, — писал он королю. — Мы живем одним днем». Густав Адольф попытался отвлечь Тилли, напав на Франкфурт-на-Одере, но безуспешно[2]. К маю 1631 года имперцы подошли к стенам города так близко, что могли переговариваться с осажденными, и самые главные бюргеры начали настаивать на капитуляции, чтобы уберечь Магдебург от разрушения и разграбления[3].

Вся протестантская Европа обратила свои взоры на короля Швеции. Газеты призывали Магдебург держаться, не пускать в город девы насильников[4]. Спасителя от жертвы отделяло всего лишь сто пятьдесят миль практически не защищенного пространства, и ему больше могли помешать решения, принятые в Лейпциге. Курфюрсты Бранденбурга и Саксонии воздвигли перед ними невидимые, но труднопреодолимые преграды. Густав Адольф, когда они заседали в Лейпциге, приглашал их вступить в альянс и пойти на освобождение Магдебурга, но его предложение было проигнорировано[5]. Король Швеции с возмущением говорил о германских правителях: «Им все равно, кем быть — лютеранами или папистами, имперцами или немцами, рабами или свободными людьми»[6]. Густав Адольф их не понимал. Но они знали, к чему стремились; они не хотели, чтобы их «спасал» шведский король, не хотели его вмешательства. Без содействия этих двух протестантских курфюрстов Густав Адольф не осмеливался двигаться дальше: крестьяне Бранденбурга бежали от его войск; местные власти, зная настроения курфюрста, не желали дружить, и армия короля, испытывая нехватку и людей и лошадей, постепенно хирела[7]. Без

[1] Wittich, *Dietrich von Falkenberg*. Magdeburg, 1892, pp. 73—74.

[2] R. Usinger, *Die Zerstörung Magdeburgs. Historische Zeitschrift*, XIII, p. 388; *Brefvexling*, II, viii, p. 39.

[3] Wittich, *Falkenberg*, p. 159; Droysen, *Gustaf Adolf*, I, pp. 313—314.

[4] Ditfurth, *Volkslieder*, pp. 143 ff.; *Bandhauers Tagebuch*, p. 267.

[5] Droysen, *Gustaf Adolf*, II, p. 295.

[6] Ibid., p. 296.

[7] *Brefvexling*, II, viii, p. 45; II, i, p. 695.

содействия Арнима вызволить Магдебург было бы неизмеримо труднее, а оба курфюрста не просто не хотели помогать, а, напротив, приготовились всячески препятствовать шведскому королю. Если он вдруг решит идти через Бранденбург, то армия, поддержанная Лейпцигским съездом, наверняка выступит против него и попытается вынудить шведов покинуть Германию.

В конце апреля Густав Адольф предупредил Фалькенберга, что он должен продержаться еще два месяца[1]. В мае король пошел в наступление на курфюрста Бранденбурга, взял крепость Шпандау и заставил его заключить временный договор об альянсе[2]. Первый акт по разобщению протестантских союзников был совершен. Иоганн Георг, без соучастия которого Густав Адольф не мог идти к Эльбе, остался в одиночестве. Но прежде чем и он сломался, должна была решиться судьба Магдебурга.

Слухи преувеличивали темпы продвижения шведского короля, и имперцы удвоили свои усилия по захвату города[3]. Неудача грозила истощенной католической армии еще большими невзгодами: если бы войскам пришлось идти на восток, то они столкнулись бы с Густавом Адольфом, на юге их мог встретить Арним, на севере находился негостеприимный Мекленбург Валленштейна, где бы они просто-напросто не выжили.

Два дня, начиная с 17 мая 1631 года, католики безуспешно штурмовали город, хотя бюргеры уже начали требовать от Фалькенберга капитуляции, боясь, что продолжение борьбы приведет к беспощадным грабежам. Командующий оставался непреклонен, уверовав, видимо, в неприступность своей обороны. 20 мая, утром, между шестью и семью часами, при сильном пронзительном ветре Паппенгейм, видя нерешительность Тилли и не надеясь получить от него при-

[1] Droysen, *Gustaf Adolf*, II, p. 289.

[2] *Sverges Traktater*, V, i, pp. 449—454.

[3] W. Lahne, *Magdeburgs Zerstörung in der zeitgenössischen Publizistik*. Magdeburg, 1931, p. 33; Usinger, pp. 391—393.

каз, сам повел солдат на штурм[1]. Защитники города, уступавшие имперцам в численности, сражались стойко, в упорной схватке погиб Фалькенберг, но католикам удалось прорваться через ворота с двух сторон города и Магдебург пал.

Солдаты, опьяненные победой, не подчинялись никаким командам и увещеваниям. Паппенгейм, употребив физическую силу, с трудом вырвал из рук озверевших мародеров раненого администратора Христиана Вильгельма[2]. Многие видели, как Тилли метался в толпе, неуклюже держа на руках младенца, которого он подобрал с тела умершей матери. Заметив настоятеля монастыря, генерал приказал ему увести всех женщин и детей в собор, единственное место, где он мог еще уберечь их от своего разбушевавшегося воинства. Монах, проявляя недюжинную отвагу, спас по меньшей мере шестьсот человек[3].

Известно, что Паппенгейм поджег одни из ворот во время штурма, и ветер разнес едкий дым горящего пороха по всему городу. Однако ближе к полудню огонь вспыхнул почти одновременно сразу в двадцати местах. Тилли и Паппенгейму некогда было узнавать, что стало причиной возгораний, — они пытались заставить пьяных и буйных солдат тушить пожары. Но ветер дул с такой силой, что за несколько минут город превратился в гигантский костер, деревянные дома, охваченные пламенем, разваливались один за другим. В огне гибла и армия. Густым дымом заволокло целые кварталы. Офицеры с ужасом не могли найти своих солдат: они сгорали заживо, заблудившись в поисках добычи или упившись до положения риз в подвальчиках.

Город горел до глубокой ночи, и пожарища тлели еще три дня, черные дымящиеся руины вокруг величественного готического собора. Как это все случилось, никто не знал и тогда, не знает и сегодня. Тилли и Паппенгейм, глядя на развалины и повозки, в продолжение четырнадцати дней увозившие к

[1] Klopp, III, ii, pp. 167—168; Foerster, *Wallenstein*, II, p. 94.

[2] F. Spanheim, *Le Soldat Suédois*. Geneva, 1633, p. 39.

[3] *Bandhauers Tagebuch*, pp. 276 ff.

реке обуглившиеся тела, понимали только одно: Магдебург теперь не сможет накормить и приютить ни друга, ни врага.

Это обстоятельство и навело некоторых историков на мысль о том, что пожары заранее спланировал Дитрих фон Фалькенберг, поручив проведение операции доверенным жителям города и солдатам, его фанатичным сторонникам. Он намеревался в случае сдачи Магдебурга уничтожить и сам город, и армию Тилли, празднующую победу. Такой сценарий вполне возможен. И в то время слухи на эту тему имели хождение. Падший город некоторые называли протестантской Лукрецией, поскольку она убила себя, чтобы не жить с позором[1]. Никаких свидетельств умышленного поджога не существует, руины их не оставили. Во время массовых грабежей легко могут возникнуть пожары, а сильный ветер моментально распространит их по деревянным строениям. Не вызывает сомнений лишь одно: ни Тилли, ни Паппенгейм не были заинтересованы в том, чтобы разрушить город, в котором собирались жить, есть, пить и добывать средства для содержания армии[2].

Основные запасы продовольствия в городе выгорели, но когда солдаты вернулись, чтобы осмотреть руины в поисках чего-нибудь ценного, они то там, то сям обнаруживали подвалы с винными бочками, уцелевшими от огня. И воинство Тилли продолжало гулять еще два дня, манкируя своими обязанностями, напиваясь вусмерть и плюя на офицеров.

22 мая Тилли начал наводить порядок. Беженцев вывели из собора, накормили и разместили в монастыре, где они пролежали три недели, сгрудившись под одеялами; не многие из них имели на себе что-нибудь еще. На винограднике монахов был разбит лагерь для потерявшихся детей; из восьмидесяти найденных детишек выжили только пятнадцать[3]. Голод косил одинаково и горожан и солдат, бродячие собаки дра-

[1] Wittich, *Magdeburg, Gustav Adolf und Tilly.* Berlin, 1874, I, p. 15.

[2] Stieve, *Abhandlungen.* Leipzig, 1900, pp. 181—194; См. также: Wittich, *Dietrich von Falkenberg* и его же *Magdeburg, Gustav Adolf und Tilly.*

[3] *Bandhauers Tagebuch*, p. 278.

лись за трупы и разрывали захоронения. Дабы предотвратить чуму, Тилли распорядился сбрасывать тела в Эльбу. Ниже города берега были усеяны распухшими трупами, колыхавшимися в тростнике, и над ними кружило горластое воронье[1].

Из тридцати тысяч жителей в Магдебурге уцелело около пяти тысяч, в основном женщины. Солдаты спасали их первыми и уносили в лагерь, а потом уж начинали заниматься грабежом. Когда все закончилось, Тилли попытался внести какую-то организацию в отношения между полами. Генерал послал к солдатам священников уговаривать их жениться на своих жертвах, забыв, правда, дать им хоть немного денег. Оставшимся в живых в Магдебурге мужчинам разрешалось выкупить своих женщин за наличные, предлагая себя взамен или нанимаясь в услужение к поработителям[2].

Тилли не забыл позаботиться и о церкви. Через пять дней после падения Магдебурга он устроил торжественную церемонию освящения собора. Солдат и офицеров согнали в собор со всеми знаменами, отслужили мессу, послушали «Те Деум». На одну из уцелевших городских стен подняли пушку и произвели салют, ознаменовав возвращение собора в подлинную веру. После этого генерал провозгласил, что эти черные руины под его ногами называются теперь не Магдебург, а Мариенбург, в честь его покровительницы[3].

Деревянную статую девы, которая венчала городские ворота, после пожара нашли в канаве, обугленную и разбитую[4]. Она наконец обрела своих истинных возлюбленных.

Европа, узнав о трагедии Магдебурга, ужаснулась. В Вене хранили гробовое молчание, в протестантских странах возмущались и негодовали. Злодеяние, совершенное в городе и затмившее военную победу католиков, преподносилось как преднамеренный акт завоевателей, и Тилли навеки во-

[1] *Bandhauers Tagebuch*, p. 282.

[2] Ibid., p. 287; Wittich, *Magdeburg als Katholisches Marienburg. Historische Zeitschrift*, LXV, p. 433.

[3] *Magdeburg als Marienburg*, p. 444.

[4] *Bandhauers Tagebuch*, pp. 280—281.

шел в историю в образе «истязателя» Магдебурга. И многие годы после трагедии имперские солдаты могли найти для постоя только так называемые магдебургские квартиры, то есть чистое поле.

«Нашим бедам несть конца, — писал Тилли Максимилиану. — Протестанты станут еще сильнее и сплоченнее в своей ненависти к нам»[1]. И он был прав. По всей Европе Магдебург послужил сигналом для объединения протестантов. 31 мая Республика Соединенных провинций заключила соглашение с королем Швеции: голландцы обязались дополнить французские субсидии[2] и вторгнуться во Фландрию.

Более непосредственную угрозу представлял договор, подписанный в середине июня Георгом Вильгельмом Бранденбургским и Густавом Адольфом. Курфюрст Бранденбурга еще в апреле согласился уступить Шпандау, но потом старался уйти от исполнения обещанного. Густав Адольф не стал долго ждать. 15 июня шведский король провозгласил, что дальнейшее затягивание выполнения обязательств он будет рассматривать как объявление войны, и спустя шесть дней появился перед Берлином, направив пушку на дворец курфюрста. Князь сник и послал жену с тещей, чтобы как-то ублажить наглеца, но через час или два сам, заискивая, предложил Густаву Адольфу разрешить маленькое недоразумение за дружеской выпивкой. Швед, чувствуя себя хозяином положения, не возражал, выпил за здоровье курфюрста четыре бокала, а на следующий день, 22 июня 1631 года, они подмахнули договор, по которому король получал в свое распоряжение на все время войны и Шпандау, и Кюстрин, и все ресурсы Бранденбурга[3]. Остаток дня и наступившую ночь Георг Вильгельм успокаивал ущемленную гордость за обильной едой и питием в компании с королем Швеции[4].

---

[1] Usinger, p. 399.

[2] Lundorp, IV, pp. 214—215.

[3] *Sverges Traktater*, V, i, pp. 457—463.

[4] Droysen, *Gustaf Adolf*, II, pp. 303, 351—353; Reinhold Koser, *Gustav Adolfs letzter Besuch in Berlin. Festschrift zum 50jährigen Jubiläum des Vereins für die Geschichte Berlins*. Berlin, 1917, pp. 3—10; Munro, II, p. 43.

Тилли тоже чувствовал себя неуютно. Помимо военных неурядиц он еще столкнулся с немалыми политическими трудностями. Генерал командовал одновременно и имперскими войсками, и армией Католической лиги, что делало его подчиненным Максимилиана Баварского. Всю весну герцог занимался тем, что пытался консолидировать конституционалистскую партию вне зависимости от настроений императора или короля Швеции. Максимилиан исходил из того, что ему необходимы лишь альянс в самой Германии, состоящий из достаточного числа князей, желательно с участием Иоганна Георга, а также моральная поддержка Ришелье. В соответствии с этим замыслом 8 мая 1631 года он подписал тайный договор с французским правительством на восемь лет: французы обязывались признать его курфюршество и помогать ему в случае агрессии. Максимилиан со своей стороны не должен был оказывать какую-либо помощь врагам Франции[1].

Тайное соглашение создавало весьма странную военно-политическую ситуацию. Ришелье признавал за Максимилианом титул, который союзник французов Густав Адольф собирался вернуть его законному обладателю. Более того, кардинал обязывал французское правительство защищать Максимилиана, если вдруг на него нападут. Разве Ришелье не понимал то, что Густав Адольф воевал против императора, чья армия содержалась в основном на средства Максимилиана и командовал ею его генерал? Не мог кардинал быть настолько наивен, чтобы рассчитывать на то, что Густав Адольф будет уважать чисто формальный нейтралитет Баварии. Дипломатия Максимилиана и Ришелье все еще основывалась на таком допущении, будто шведский король может быть их послушным орудием в запугивании императора, будто его можно удержать в пределах Германии, хорошо ему заплатить и отослать обратно в Швецию.

Больше всех страдал от маловразумительной дипломатии верный генерал Тилли. Как главнокомандующий импер-

[1] Lünig, VIII, pp. 78—79.

ских сил он был просто обязан дать отпор королю Швеции, но как генерал Максимилиана Баварского не мог этого сделать. Сразу же после подписания договора его предупредили: ему следует избегать открытых столкновений с Густавом Адольфом, другом друга его хозяина[1]. Тилли не мог пойти и в Саксонию, чтобы устрашить Иоганна Георга, пользуясь репутацией «мясника» Магдебурга. Максимилиан решительно настроился на то, чтобы ни при каких обстоятельствах не раздражать Иоганна Георга. Для него было ясно: своим нападением Тилли вынудит саксонского курфюрста занять сторону шведского короля и разрушит надежды Максимилиана на создание новой княжеской партии.

И снова возможность объединения двух конституционалистов, едва появившись, тут же исчезла. Конечно, совместные действия армий Тилли и Арнима могли спасти Германию, но обмен письмами между Иоганном Георгом и католическими курфюрстами не дал никакого результата[2]. Война не терпит промедления в принятии решений, а летом 1631 года Тилли надо было срочно что-то делать со своей армией, которая элементарно голодала.

Четыре дня подряд после падения Магдебурга Тилли тщетно упрашивал Валленштейна обеспечить его войска едой[3]. Летом он вообще оказался в безвыходном положении. Шведы побили его на севере, 22 июля захватили Хавельберг, а затем овладели и Мекленбургом. Тилли надеялся, что в этой чрезвычайной ситуации Валленштейн предоставит ему свои земли и ресурсы, чтобы не отдавать герцогство врагу. Но Валленштейн предпочел потерять герцогство: он знал, что делал[4].

Испытывая нужду в продовольствии, не зная, где и как содержать войска, но не желая нарушать указания Максимилиана, Тилли отошел от границ Саксонии и двинулся на

[1] Gardiner, *History of England*, VII, p. 188.

[2] Lundorp, IV, pp. 175—178.

[3] Hallwich, *Briefe und Akten*, I, pp. 389—390.

[4] Pekař, p. 75.

юго-запад, к Гессену. Ландграф, вступивший в альянс с королем Швеции, попросил Густава Адольфа незамедлительно прийти на помощь[1]. Тилли снова изменил свой маршрут, и теперь ему, отрезанному со всех сторон на уже опустошенной равнине Магдебурга, ничего не оставалось, кроме как направиться в Саксонию.

Наступил черед Иоганна Георга оказаться между двух огней: с одной стороны его домогался король Швеции, которому он стал особенно нужен после потери Магдебурга, где Густав хотел иметь главную базу на Эльбе, с другой — на него надвигался Тилли с войсками, изголодавшимися не только по хорошим застольям, но и по борделям Саксонии. В любом случае миролюбивая политика Иоганна Георга была обречена. Однако в отличие от своего бранденбургского коллеги курфюрст Саксонский повел себя осторожнее и благоразумнее. Получив от Тилли послание с требованием расформировать армию и угрозой обвинить его в неподчинении воле императора, Иоганн Георг стал тянуть с ответом[2], решив подождать, когда противники сцепятся друг с другом. Он не хотел открыто порывать с императором до тех пор, пока не продаст себя подороже шведскому королю. До самой последней минуты курфюрст давал понять Густаву Адольфу, что может занять ту или иную позицию.

31 августа Тилли получил около четырнадцати тысяч новых рекрутов, набранных на юге и западе, и его армия выросла сразу до тридцати шести тысяч человек[3]. Через четыре дня он перешел границу Саксонии. Войска проявляли такое рвение, какое Тилли не видел уже несколько месяцев; первым пал богатейший город Мерзебург. К 6 сентября они уже были на дороге к Лейпцигу, оставляя за собой разоренные деревни и фермы. Их продвижение сдерживало только награбленное добро.

---

[1] *Sverges Traktater*, V, i, pp. 476 ff.

[2] Lundorp, pp. 199—204.

[3] Hallwich, *Briefe und Akten*, p. 473.

Ввиду чрезвычайных обстоятельств переговоры вели полководцы — Густав Адольф и Арним, без Иоганна Георга[1]. Ни один из них не осмеливался идти против Тилли в одиночку, оба не знали его реальной силы. Условия альянса были в спешном порядке согласованы, и договор был подписан 11 сентября 1631 года. Курфюрст обещал присоединиться к Густаву Адольфу со своими войсками, как только тот перейдет Эльбу, предоставить ему и провиант и постой, обеспечить оборону ключевых позиций на реке во взаимодействии со шведами. Он согласился не заключать сепаратный мир и уступить командование обеими армиями, хотя и не без контроля со своей стороны, шведскому королю *на все время, пока сохраняется чрезвычайная ситуация*. Иоганн Георг оставил себе лазейку: поскольку характер критичности положения союзников не оговаривался, он мог в любой момент выйти из альянса по своему желанию. Король же обещал поддерживать жесткую дисциплину в армии, по возможности ограничить военные действия в самой Саксонии и очистить курфюршество от вражеских войск, прежде чем приступить к проведению дальнейших операций[2].

Договор, заключенный Иоганном Георгом со шведами, кардинально отличался от соглашения, подписанного Бранденбургом. Георг Вильгельм полностью отдавал себя в руки интервентов, Иоганн Георг обеспечил себе определенную независимость. На первый взгляд казалось, что король Швеции получил все, что хотел, но, нуждаясь в экстренной помощи, поторопился и не установил для союзника четкие временные рамки, в результате чего Иоганн Георг мог сам определять, когда считать себя свободным от обязательств. С момента подписания договора и до самой гибели Густав Адольф не был уверен в своем союзнике, ему приходилось полагаться лишь на его добрую волю. Иоганн Георг не со-

[1] Wittich, *Zur Würdigung Hans Georgs von Arnim. Neues Archiv für Sächsische Geschichte*, XXII, p. 31.

[2] *Sverges Traktater*, V, i, pp. 513—516.

здал конституционную партию, не отстоял единство империи, но по крайней мере сохранил самого себя и право суверенного голоса в решениях интервента.

4

Через три дня, 14 сентября 1631 года, Тилли штурмом взял крепость Плейссенбург, защищавшую Лейпциг, а на следующий день вошел в город, не препятствуя солдатам вволю насладиться грабежами. В двадцати пяти милях к северу от города армии короля Швеции и курфюрста Саксонии, соединившись в Дюбене, повернули на юг. Для Тилли это означало лишь одно — бойню. Отступать он не мог, даже если бы ему и удалось увести без бунта войска из рая, в который они попали после многих месяцев недоедания и воздержания[1]. В самую ближнюю дружественную провинцию Вюртемберг можно было добраться только через враждебную Тюрингию и при условии, если Тилли сумеет отбиться от шведского короля. Идти в Богемию через все еще незащищенную южную Саксонию было не менее рискованно. Там бы его встретил негостеприимный некоронованный правитель Богемии Валленштейн, а кроме того, он привел бы за собой в самое сердце имперских земель шведского короля. Тилли оставалось лишь забаррикадироваться в Лейпциге и ждать, когда на подмогу придет генерал Альдрингер с подкреплениями, которые срочно набирал император[2].

Густав Адольф же жаждал битвы. Победа закрепила бы дружбу с Иоганном Георгом, стремившимся поскорее освободить свой любимый Лейпциг, а самое главное — объединенная шведско-саксонская армия превосходила войско Тилли на десять тысяч человек[3].

---

[1] Foerster, *Wallenstein*, II, p. 120.

[2] Ibid., II, p. 109.

[3] Droysen, *Gustaf Adolf*, II, p. 401.

Католический генерал-ветеран был человеком добросовестным, но не относился к числу великих полководцев, а с возрастом его врожденная осторожность стала еще более навязчивой. К несчастью для Тилли, его заместитель Паппенгейм, блистательный кавалерист, имел натуру нетерпеливую, не желавшую вникать в детали и склонную к неповиновению. Он считал командующего некомпетентным и даже по-старчески слабоумным. Во время осады Магдебурга Паппенгейм приказал начать штурм, не дожидаясь решения Тилли, и в итоге взял город. Эти приятные воспоминания побудили его на то, чтобы сделать нечто подобное и в Лейпциге. 16 сентября он отправился с отрядом в разведку и к ночи сообщил, что обнаружил неприятеля и не может возвратиться, не подвергая себя смертельной опасности и не получив незамедлительной поддержки. Еще не потерпев ни единого поражения, самонадеянный дворянин, без сомнения, предвкушал, что побьет невежественных шведов и необстрелянных саксонцев с такой же легкостью, с какой расправился с крестьянами Гмундена. Кавалерист вообще не знал страха, отметины на теле свидетельствовали о том, что он не раз играл со смертью в жмурки, а в семье жило предание, будто отпрыск из их дома непременно убьет иноземного короля и спасет от чужеземца отечество. Паппенгейм всегда был в неладах с реальностью, совершая невозможные вещи чаще всего благодаря отваге, граничившей с безумием. Но Лейпциг оказался не тем случаем, когда можно было идти напролом. Тилли, получив от него известие, с тоской промолвил: «Этот человек лишит меня чести и доброго имени, а императора — земель и подданных»[1]. Паппенгейм спровоцировал битву, и Тилли пришлось в нее ввязаться.

Войска протестантов появились у деревни Брейтенфельд, находившейся в четырех милях к северу от Лейпцига, около девяти утра в среду, 18 сентября. День обещал быть

[1] Foerster, *Wallenstein*, II, p. 104.

знойным, порывистый ветер закручивал вихри из пыли, которая на три-четыре дюйма покрывала высохшую землю. Солнце светило в глаза шведскому королю, ветер дул в лицо, и предстояло подниматься по склону, хотя и малозаметному.

Армия Тилли выстроилась традиционно: пехота в центре, на флангах — кавалерия, сам Тилли — тоже в центре, Паппенгейм — на левом фланге. Как только имперцы увидели противника, они открыли огонь, и канонада не прекращалась все время, пока Густав Адольф готовил свои полчища к бою. На левом фланге он поставил саксонскую конницу во главе с курфюрстом, молодых дворян, чистеньких, опрятных, с иголочки одетых, в ярких шарфах и плащах и с оружием, начищенным до зеркального блеска. «Одно удовольствие смотреть на эту красивую и бодрую компанию», — сказал тогда шведский король. Рядом заняла позиции саксонская пехота, затем в центре выстроилась шведская пехота, далее на правом фланге Густав Адольф расположил тоже часть своей пехоты и кавалерию.

И тут на глазах у изумленных ветеранов Тилли развернулось невиданное зрелище: шведы построились не плотными колоннами, а отдельными конными квадратными формированиями, и так, что и между ними, и между всадниками оставалось достаточно пространства для схваток. В интервалах стояли шеренги мушкетеров, и вместо привычной неприятельской массы офицеры Тилли видели перед собой разрозненный шахматный боевой порядок, в котором перемешались квадратные построения пехоты и кавалерии. Имперцев ожидал и еще один неприятный сюрприз. Густав Адольф обучил мушкетеров новой тактике ведения огня. Они выстраивались в ряд по пять человек, один за другим, первый мушкетер становился на колени, а двое других открывали одновременный огонь и, отстрелявшись, уходили назад, уступая место двум мушкетерам, стоявшим за ними и уже подготовившимся к стрельбе. Шведский король на учениях довел эту тактику до такого совершенства, что его мушкетеры вели огонь не только в три раза быстрее, но и в три раза эффективнее. Не важно, в какую сторону надо было наступать, шахматный боевой порядок позволял кавалерии и пехоте моментально изменить направление атаки. В продолжение семи часов сквозь облака пыли на Тилли лился непрерывный шквал огня шведских мушкетеров[1].

Ни одна из армий не предпринимала атаку по крайней мере до двух тридцати пополудни, и солнце уже слепило глаза шведам. Папенгейм начал первым, обошел смертоносный огонь Густава Адольфа и обрушился с тыла на резервы, стоявшие позади главных сил шведской кавалерии. Если бы войска Густава Адольфа занимали позиции традиционно, то удар Паппенгейма мог быть фатальным. Но шведская кавалерия мгновенно развернулась, и Паппенгейм оказался зажатым между резервами и конницей. Паппенгейм в смятении стал отходить. Видя замешательство на левом фланге и рассчитав, что лучше всего атаковать саксонцев, пока шведы заняты, Тилли в центре и Фюрстенберг справа реши-

[1] Delbrück, pp. 232 f.; Droysen, *Gustaf Adolf*, II, p. 404.

ли ударить по саксонской артиллерии, размещенной между саксонской кавалерией, находившейся на левом фланге противостоявшей армии, и саксонской пехотой в центре.

Неискушенное в боях войско Иоганна Георга уже два часа храбро выдерживало устрашающий огонь противника, но неожиданно усилившаяся пальба имперских мушкетеров вызвала некоторую панику на передовой линии, а когда на саксонцев с оглушительным ревом двинулась огромная вражеская колонна, поднимая тучи пыли, они дрогнули. Впереди шла хорватская конница. Развевающиеся на ветру красные плащи, сверкающие сабли, истошные вопли... разгоряченные всадники казались саксонцам дьяволами, выскочившими из ада. Сам Иоганн Георг, проявлявший немалую храбрость на охоте, изумился тому страху, который наводил на всех бешеный натиск католиков. Первыми сбежали пушкари, имперцы захватили орудия, развернули их и направили на саксонскую кавалерию, расстреливая ее чуть ли не в упор. До этого момента Арним еще мог как-то побороть панику, но теперь и он был бессилен что-либо сделать. Иоганн Георг пришпорил своего коня и не остановился, пока не прискакал в Айленбург, преодолев одним махом пятнадцать миль. Два кавалерийских полка, его подданные, предпочли последовать примеру курфюрста, проигнорировали приказы Арнима, выбросили оружие и бежали. Проскакав милю и поняв, что за ними никто не гонится, они спешились у шведских повозок в тылу и забрали все, что могли унести.

Саксонская кавалерия стушевалась, пехота в большинстве своем тоже испарилась. Имперская конница на обоих флангах переформировалась и приготовилась атаковать шведов. Какой бы соблазнительной ни казалась саксонская военная сила, шведскому королю не следовало подписывать договор с Иоганном Георгом: все равно шведам пришлось одним сражаться против имперцев, а победа последних, казалось, уже была близка. Два фактора спасли Густава Адольфа от поражения: его собственный гений и переменчивый ветер. Шведские шахматные квадраты стояли как вкопан-

ные, об них разбивались лавины кавалерийских атак Тилли, а в коридорах между ними, если туда прорывались имперцы, их встречал дружный огонь мушкетеров. Король и его офицеры, без брони, в кафтанах из буйволиной кожи и касторовых шляпах с перьями, каждый раз появлялись именно там, где возникала самая большая угроза, — казалось, будто Густав Адольф присутствует одновременно в нескольких местах сражения. Когда день закончился, вряд ли кто из них мог припомнить все детали битвы. Взмокший и пыльный, он пускал лошадь в галоп, объезжая весь фронт и подбадривая солдат, хрипло просил дать воды, но тут же срывался с места, не успев схватить протянутую ему фляжку.

Тем временем солнце перестало слепить шведов. Ветер переменился, и клубы раскаленной пыли летели в лица уже измотанных католиков. Наступил момент, которого Густав Адольф и ждал. После первого удара его кавалерийский резерв — два полка общей численностью около тысячи человек — не принимал участия в сражении; пора вводить их в бой. Король решил сам вести в атаку основной костяк войск, отделить имперскую кавалерию от пехоты, с тем чтобы его конный резерв сокрушил всадников Тилли. Маневр удался на славу: пехота и кавалерия были отрезаны друг от друга, саксонские пушки были отвоеваны и вновь повернуты против врага. Люди Тилли уже устали и больше думали о награбленном добре, складированном в Лейпциге. Они обратились в бегство, шведы преследовали их, нещадно предавая смерти. Тилли, раненный в шею и грудь, с раздробленной правой рукой, покинул поле боя в сопровождении нескольких соратников, не имея сил поинтересоваться ни тем, куда они направляются, ни тем, что случилось с его армией. Паппенгейм один должен был спасать войско. Облака пыли, прежде мешавшие ему, теперь стали его помощниками. Под прикрытием тумана и сумерек он отбился от преследователей и отступил к Лейпцигу с четырьмя полками. Паппенгейм отважно сражался в арьергарде; сохранилось предание, будто он в схватке одолел четырнадцать шведских солдат.

Но он не мог удержать Лейпциг и на следующее утро увел свое поникшее войско к Галле. Имперцы потеряли более двадцати пушек — всю артиллерию и около ста штандартов. Двенадцать тысяч человек остались лежать на испепеленной земле Брейтенфельда и на дороге в Лейпциг, семь тысяч имперцев провели ночь в шведском плену и наутро стали солдатами в шведской армии.

А что дальше? В воспаленном мозгу Тилли этот вопрос не мог не вызывать боль, когда он устраивался на ночлег на постоялом дворе на пути в Галле. Паппенгейм, сгорая от нетерпения, возмущения и злости, при первой же возможности написал Валленштейну: «Мне тяжело одному переносить эту беду. Я не вижу иного выхода, кроме как просить ваше превосходительство снова взять на себя ведение войны, послужить Господу и вере, помочь императору и отечеству»[1].

Первая схватка завязалась около двух тридцати пополудни, но только после того как «синяя темень» поглотила пыльные облака, Густав Адольф наконец понял, что выиграл битву. В его лагере царило возбуждение всю ночь, и ранним утром он еще не спал из-за звона колоколов, отобранных его солдатами у священников побежденной армии. «Весело же моим братьям!» — рассмеялся король[2].

Тринадцать лет прошло с того времени, когда началась война. Фортуна наконец улыбнулась протестантам. Со дня битвы при Брейтенфельде никто больше не боялся, что отечество захватят Габсбурги или католическая церковь. Более ста лет в Дрездене 17 сентября отмечали как День благодарения[3]. То, что не смогли сделать для себя германские князья,

[1] Foerster, *Wallenstein*, II, p. 108.

[2] Описание битвы изложено на основе ряда источников, относящихся к тому периоду: *Archiv für Sächsische Geschichte*, VII, pp. 342 ff.; *Arkiv till upplysning Svenska Krigens*, pp. 492—495; *Brefvexling*, II, i, pp. 739—742; Foerster, *Wallenstein*, pp. 119 ff.; Monro, *His Expedition*, II, pp. 63—67. Отдельные моменты заимствованы из издания Sydnam Poyntz, *Relations*. См. также: *Sveriges Krig 1611—1632*, IV, pp. 477—523.

[3] G. Müller, *Dresden im dreissigjährigen Kriege. Neues Archiv für Sächsische Geschichte*, XXXVI, p. 255.

осуществил за них король Швеции. Битва, освободившая их страну от австрийцев, подарила ее шведам.

Определенные события приобретают особое значение не столько вследствие материальных, сколько вследствие духовных потерь и приобретений. К их числу относится и битва при Брейтенфельде. Протестантам Европы казалось, что в тот день Густав Адольф освободил Европу от страха перед католической тиранией Габсбургов, который висел над ними со времен Филиппа II. В действительности же папа и Ришелье подорвали религиозную политику Австрийского дома еще до того, как Густав Адольф ступил на германскую землю. Возле деревни Брейтенфельд он ударил не по корням, а по одной из ветвей кроны дерева Габсбургов. За неделю до этого сражения голландцы у Зеландии уничтожили испанскую флотилию, доставлявшую целую армию. Битва под Лейпцигом получила большой общественный резонанс и затмила событие в море, нанесшее гораздо более серьезный урон Австрийскому дому. Его будущее зависело от восстановления могущества Испании, и каждое поражение в Нидерландах замедляло этот процесс.

Битва у деревни Брейтенфельд больно ударила по Фердинанду, но не сломала его. Самые тяжелые испытания протестантам еще предстоят. И они обрушатся на них через три года — после поражения шведов при Нёрдлингене.

Все это, конечно, вряд ли умалит то военное и моральное значение, которое придается битве под Брейтенфельдом в истории Европы. Почти сразу же она стала символической. Незаурядная личность шведского короля, его невероятная вера в себя накладывали отпечаток исключительной значимости на все, что бы он ни делал. Так случилось и с этой великой битвой, первой победой протестантов. И она должна была войти в то, что мы по привычке называем историей, но не по тем результатам, которые были реально достигнуты, а по тем, которые таковыми посчитали хронисты. Династия Габсбургов потерпела сокрушительное поражение, последний крестовый поход провалился.

Спустя два столетия, уже в либеральном XIX веке, на бывшем поле битвы появился монумент с многозначительной надписью: «Свобода веры для всего мира». Он стоит до сих пор, у незаметной проселочной дороги, в тени деревьев. За три сотни лет безмятежный ландшафт стер все следы кровавого сражения, сохранилось лишь это духовное завещание для новой Германии. «Свобода веры для всего мира» — позабытый призыв эпохи, позабытой людьми, привыкшими верить в то, что им говорят[1].

5

Остатки имперской армии разделились, чтобы сдержать расползание интервенции. Тилли отошел на юг к Нёрдлингену, в Верхний Пфальц, Паппенгейм направился к Везеру, с тем чтобы заблокировать продвижение вспомогательной армии шведского короля по северному побережью. Казна лиги была утеряна во время отступления, оставались лишь скудные имперские денежные ресурсы.

Вся Европа ожидала, что Густав Адольф пойдет на Вену. На этом настаивал и Иоганн Георг. Еще до сражения они договорились, что в случае победы курфюрст возьмет на себя Центральную Германию, а король вторгнется в Богемию. После битвы Густав Адольф изменил схему, и причина была проста и очевидна. Он не доверял Иоганну Георгу. Могло так случиться, что его союзник вступит в согласие с врагами, и ему придется либо заключать вынужденный мир, либо пробиваться обратно к побережью. Если же король заставит курфюрста вторгнуться в земли Габсбургов, то у него будет меньше шансов на то, чтобы примириться с оскорбленным императором, и если даже у Иоганна Георга это получится, то в руках Густава Адольфа все равно будут оставаться Центральная и Северная Германия со всеми дорогами, ведущими к побережью. Помимо умозрительных, хотя и

[1] Написано в 1937 г.

здравых опасений у Густава Адольфа имелась и более осязаемая мотивация. Валленштейн предложил сдать Прагу[1]. Густав Адольф не возражал против такого хладнокровного предательства, но прекрасно понимал, что Валленштейн никогда и ничего не делает в ущерб собственным интересам. Он сдаст Прагу и воспользуется наступлением шведского короля для того, чтобы надавить на имперское правительство, вернуть себе командование войсками и, захватив все ресурсы, двинуться на шведскую армию.

Вынужденный альянс Густава Адольфа и Иоганна Георга начал давать сбои. Курфюрсту шведский король был нужен для того, чтобы вразумить Фердинанда. Король же с его помощью хотел подчинить Германию. Его национальный эгоизм и стремление завладеть германскими северными водными путями перемешались со страстным желанием отстоять права протестантов. Густав Адольф с полным основанием не верил в то, что Иоганн Георг, да и все германские князья способны защитить протестантов, и, соответственно, считал, как и многие его современники, что вправе взять на себя роль арбитра Германии.

Курфюрст не мог возражать против нового плана дальнейших действий: постыдное бегство его войска с поля боя у Брейтенфельда лишило Иоганна Георга возможности разговаривать с королем на равных. Саксонцы повели себя позорно, и он сам был отчасти виноват в том, что произошло. Не могли ничего поправить ни запоздалая демонстрация негодования, ни угрозы повесить трусов. Ему пришлось бы сначала повесить самого себя, как едко и насмешливо сказал один английский волонтер[2].

Иоганну Георгу оставалось лишь повиноваться, и в первых числах октября 1631 года саксонские войска под командованием Арнима перешли границу Силезии, как бы иску-

[1] Gaedeke, *Wallensteins Verhandlungen mit den Schweden*. Frankfort, 1885, pp. 108—109; Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens und seine Verbündeten mit Wallenstein*. Leipzig, 1888, I, p. 87.

[2] Poyntz, p. 58.

пая свою вину перед собратьями. 25 октября они уже миновали границу Богемии. 10 ноября Валленштейн покинул Прагу, а 15-го Арним занял город от имени курфюрста. И из сотен укромных мест выбирались доселе хранившие молчание протестанты, чтобы его приветствовать[1].

Тем временем король Швеции продвигался на запад, в самое сердце Германии, по Пфаффенгассе, «аллее святых отцов», еще не затронутым войной землям католических епископств. 2 октября он вошел в Эрфурт. 14 октября шведы уже были в Вюрцбурге, взяв его после четырех дней штурма. Здесь впервые раздавались крики возмездия, когда шведские солдаты расправлялись с гарнизоном. Горожан и беженцев из ближайших деревень они не трогали, и порядок был восстановлен намного быстрее, чем во Франкфурте-на-Одере. Тем не менее не обошлось без традиционных грабежей, и сам король затребовал выкуп в размере восьмидесяти тысяч талеров[2].

Во Франкфурте-на-Майне католические князья собрались, чтобы обсудить «Эдикт о реституции», но протестантские курфюрсты в этой встрече участвовать отказались. Ранним утром 14 октября епископ Вюрцбурга разбудил город известием о том, что он бежал от шведов, и делегаты в тот же день позорно разъехались[3]. 11 ноября Густав Адольф занял Ханау, 23 ноября — Ашаффенбург, а 27 ноября вошел во Франкфурт-на-Майне, конституционалистский центр Священной Римской империи. Сюда он и вызвал канцлера Акселя Оксеншерну управлять завоеванными землями.

Густав Адольф приближался к стране, уже более десяти лет оккупированной испанскими гарнизонами, но он боялся короля Испании еще меньше, чем императора. В Хёхсте к нему присоединился с подкреплениями ландграф Вильгельм Гессен-Кассельский, вместе они форсировали Рейн и двинулись к Гейдельбергу. Но уже близилась зима, везде сто-

[1] Foerster, *Wallenstein*, II, pp. 168 f.; Gaedeke, *Die Eroberung Nordböhmens. Neues Archiv für Sächsische Geschichte*, IX, pp. 243 ff.

[2] Droysen, *Gustaf Adolf*, II, p. 437; Monro, II, p. 81.

[3] Gebauer, *Die Restitutionsedikt in Brandenburg*, p. 201.

яли сильные гарнизоны, и Густав Адольф повернул обратно, предоставив своему союзнику, молодому герцогу Бернхарду Саксен-Веймарскому сделать себе имя взятием Мангейма. Сам же за пять дней до Рождества овладел Майнцем. Курфюрст бежал, а испанский гарнизон сдался, спасовав перед превосходящими силами короля.

Повсюду протестанты встречали его радостно и благодарно, войска вели себя достойно. В Швайнфурте перед ним на улицах расстилали камыш, в окнах вывешивали флаги — в общем, где бы он ни появлялся, люди ликовали, будто видели перед собой сошедшего с небес Бога[1]. Один за другим на его сторону переходили германские правители, бросая императора. К Рождеству в его армии уже были герцоги Вильгельм и Бернхард Саксен-Веймарские, его союзниками стали ландграф Гессен-Кассельский и герцог Брауншвейг-Люнебургский; он взял под свою защиту ландграфа Гессен-Дармштадтского, регента Вюртемберга, маркграфов Ансбаха и Байрёйта, вольный город Нюрнберг, Франконский округ[2]. Герцоги Мекленбурга всегда были его союзниками, Фридрих Богемский готовился перебраться к нему из Гааги.

В империи у него уже было семь армий и почти восемьдесят тысяч человек. На Рейне он командовал войском численностью пятнадцать тысяч человек, во Франконии маршал Горн имел восемь тысяч солдат, в Гессене находилось восемь тысяч, в Мекленбурге — четыре тысячи, в Нижнесаксонском округе — тринадцать тысяч, возле Магдебурга — двенадцать тысяч, в Саксен-Веймаре — четыре тысячи, не считая гарнизонов, рассеянных по всей стране. Зимой он намеревался набрать еще сто двадцать тысяч рекрутов, из которых только девять тысяч должны будут прибыть из Швеции[3]. Благодаря завоеваниям набирать рекрутов и содержать их стало не так трудно.

---

[1] Poyntz, pp. 56, 62.

[2] *Sverges Traktater*, V, i, pp. 1631—1632 *passim*.

[3] Droysen, op. cit., II, pp. 464—467; *Arkiv till upplysning Svenska Krigens*. I, pp. 546—548.

Имя короля произносилось где с ликованием, а где и со страхом. За него молились в церквах, его называли «золотым королем», «львом севера», «полуночным львом»[1], библейским Илией или Гедеоном[2]. Зимой ожидалось прибытие королевы, и в честь супруги он запечатлел инициалы ее полного имени — Мария Элеонора Регина — в кирпичной кладке фортификаций, строившихся в Майнце. Она приехала к нему в Ханау 22 января 1632 года, высокая, грациозная, красивая, и при всем народе, обвив его шею руками, сказала: «Теперь ты мой узник»[3].

6

В Вене моросящий дождь поливал процессию кающихся грешников, умолявших Бога отвести от них свой гнев. В толпе шел и император, меся ногами грязь, по его шее струилась ледяная вода[4]. Но его мольбы не были услышаны. На обращения в Рим ему разъяснили: папа не считает войну религиозной[5]. Письма в Мадрид подтвердили лишь то, что он уже знал: ресурсы Испании, по крайней мере на данный момент, исчерпаны. Посольство, направленное в Варшаву, получило такой же неутешительный ответ[6].

Фердинанду ничего не оставалось, кроме как снова призывать на помощь Валленштейна. Друзья генерала еще с весны[7] подсказывали императору, чтобы он вернул его, но Фердинанд колебался. Главнокомандующим очень хотел

---

[1] По одному из пророчеств врача, алхимика и оккультиста Парацельса (настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) из страны полуночного солнца, то есть с севера, придет лев и одолеет орла, то есть австрийского императора. — *Примеч. пер.*

[2] Ditfurth, pp. 180, 241.

[3] *The Swedish Intelligencer*, вторая часть, p. 68.

[4] *Annales*, XII, p. 2399.

[5] Spanheim, pp. 122—123.

[6] Chemnitz, I, p. 297.

[7] Hallwich, *Briefe und Akten*, I, p. 306.

стать сын, младший Фердинанд[1], но даже любящий отец понимал, что его назначение не решит главную проблему — финансовую. Кормить, одевать и платить войскам жалованье мог только человек, успешно делавший это и раньше. Трижды в ноябре и декабре 1631 года император отправлял Валленштейну послания с просьбой вернуться, последний раз даже составил письмо собственноручно[2]. 10 декабря к нему ездило посольство — не предлагать условия, а выяснять, какие условия устроят генерала[3]. Валленштейн тянул с ответом до самого последнего дня уходящего года, а потом лишь заявил, что наберет новую армию не раньше марта.

Испанцы на Рейне оказались даже в более тяжелом положении, чем Фердинанд в Вене. Майнц и Мангейм потеряны; войска в остальных гарнизонах не получают жалованья, голодают и бунтуют; земли, откуда они получали пропитание, захвачены протестантами. Мало того, швейцарцы по настоянию Густава Адольфа закрыли проходы[4]; голландцы предложили ему субсидии и на следующий год[5]; на левом берегу Рейна французы без объявления войны начали угрожающие маневры.

Предлог им дал Карл Лотарингский. Этот безответственный и беззастенчивый молодой человек, сторонник Габсбургов, только и искал повода, чтобы напакостить Бурбонам. В 1631 году интриги королевы-матери против Ришелье завершились окончательным утверждением во власти кардинала и бегством вдовствующей королевы в Брюссель, в то время как ее младший сын Гастон Орлеанский скрылся в Лотарингии. Мотивы бегства были ясны: недовольство побудило их отдать себя в руки Габсбургам и их союзникам в ущерб собственной династии. Карл Лотарингский с радостью принял участие в их судьбе. При первых же известиях о

[1] Hallwich, pp. 648—649.

[2] Foerster, *Wallenstein*, II, pp. 186—192.

[3] Hallwich, *Briefe und Akten*, I, pp. 657 ff.

[4] Paul, III, pp. 84—86.

[5] *Sverges Traktater*, V, i, pp. 601—603.

Брейтенфельде даже Максимилиан Баварский запаниковал[1]. Но герцог был еще человеком и оптимистичным. 3 января 1632 года он назло Ришелье выдал свою сестру Маргариту за влюбленного в нее Гастона. Однако страх у этого жирного герцога Орлеанского оказался сильнее страсти, и, когда французская армия двинулась к Нанси, он сбежал от молодой жены в первую же брачную ночь в Брюссель. 6 января герцог Лотарингский, не имея сил противостоять интервентам, сдал пограничные укрепления, подписав позорный Викский мир. Его вмешательство привело лишь к тому, что испанские гарнизоны на Рейне попали в западню между армиями Густава Адольфа и Ришелье.

Хуже того, курфюрсты Трира и Кёльна, католические князья на Рейне, спасая свою шкуру, попросили Францию взять их под свое покровительство. Курфюрст Кёльна пошел еще дальше: отказался пропустить войска, посланные в помощь Испанским Нидерландам[2].

Для династии Габсбургов вновь наступили тяжелые времена. Брюссель не только не отвоевал северные нидерландские провинции, но и лишился поддержки с моря и финансовых вливаний. Испанцы еще никогда не были столь непопулярны во Фландрии и в народе, и среди дворянства. На улицах Брюсселя все чаще раздавались возгласы «Да здравствует принц Оранский!»[3], к внешним невзгодам добавились и внутренние неурядицы.

Надвигающаяся угроза объединения в одну мощную коалицию сил Франции, Голландии и протестантов севера заставила две ветви династии Габсбургов заключить наступательно-оборонительный договор[4]. Под нажимом определенной части католического сообщества пошел на уступки и папа. «Его Святейшество, случайно, не католик?» — ехидно спрашивал сочинитель одного пасквиля и сам себе отвечал:

---

[1] Hallwich, *Briefe und Akten*, I, p. 501.

[2] *Brefvexling*, II, viii, p. 69.

[3] Geyl, p. 127.

[4] Abreu y Bertodano, IV, pp. 342 f.

«Успокойтесь! Он самый христианнейший»[1]. Урбан VIII в конце концов раскошелился и пожаловал немного денег для церковных земель в Испании, которые должны были помогать германским католикам[2].

Несмотря на беды, обрушившиеся на Габсбургов, в Париже не особенно ликовали по этому поводу. Ришелье был недоволен своим шведским союзником. Последние сто лет политика Франции в отношении Германии строилась на том, что она выступает в роли «заступницы германских свобод», а альянс с князьями ей нужен для того, чтобы укрощать императора. Шведский король пренебрег расчетами не только Саксонии, но и Франции, взяв на себя миссию главного распорядителя судьбы Германии.

Положение Ришелье было незавидное. Хотя кардинал и рыл яму Габсбургам, он все же был католиком, и для него было исключительно важно сохранять добрые отношения между лигой Максимилиана и французским двором. Густав Адольф уже дважды скомпрометировал кардинала: сначала растрезвонил на весь мир об альянсе, заключенном в Бервальде, а затем прошел по епископствам Центральной Германии, не меняя, правда, их вероисповедание, но вытесняя епископов, кромсая земли и беспечно раздавая их своим маршалам. Не случайно Максимилиан набросился на кардинала, требуя разъяснить, какие цели преследовал Ришелье, субсидируя короля Швеции.

Ришелье срочно отправил одного посла успокаивать Максимилиана[3], а другого — вразумлять шведского короля. Первое поручение исполнить было трудно, второе — невозможно. Брезе, зять кардинала, имел инструкции добиться нейтралитета для лиги. Взамен лига должна стать союзником Франции и уступить ей ключевые крепости на Рейне[4]. Инс-

[1] Намек на титулы королей Испании и Франции: «Его католическое величество король Испании», «Его величество христианнейший король Франции».

[2] Abreu y Bertodano, IV, pp. 330 f.

[3] Fagniez, *Le Père Joseph et Richelieu*, Paris, 1894, II, pp. 494—500.

[4] Avenel, IV, pp. 251—254.

трукции Брезе еще раз показали то, как Ришелье ошибался в Густаве Адольфе. Чувствуя себя арбитром Германии, шведский король не мог позволить себе отказаться от полного контроля над Рейном и своих завоеваний. Когда Брезе в отчаянии намекнул, что Густав Адольф может владеть всей Северной Германией, если уступит Рейн Франции, король рассвирепел и гневно заявил послу: он защитник, а не предатель интересов Германии. Во Франкфурт спешно приехал Эркюль де Шарнасе, готовивший прежний договор с королем, чтобы умиротворить разбушевавшегося союзника[1]. Однако все попытки уломать его закончились тем, что он согласился гарантировать частичный нейтралитет только для курфюрста Трира[2], и Брезе пришлось утешиться подарком в виде золотой ленты к шляпе стоимостью шестнадцать тысяч талеров[3].

Поведение Густава Адольфа ставило в тупик не только Ришелье, но и германских князей. Несмотря на подходы императора и испанского посла[4], невзирая на переговоры, которые уже начал вести Валленштейн с Арнимом[5], Иоганн Георг не осмеливался заключать сепаратный мир. Курфюрст предлагал королю воспользоваться тем, что он сейчас фактически господствует в Германии, и начать мирное урегулирование, но Густав Адольф не стал и слушать, негодуя и презирая своего союзника. Больше того, он заподозрил тайный сговор как между Арнимом и Валленштейном, так и между Иоганном Георгом и его давним соперником королем Дании. Однажды шведский монарх, не выдержав домогательств саксонского посла, выпроводил его, сердито заявив, что «он начал это великое дело с Божьего благословения, с Божьей помощью его и закончит»[6].

---

[1] Avenel, IV, pp. 257—259.

[2] Lundorp, IV, pp. 275—258.

[3] *Brefvexling*, II, i, p. 760.

[4] Hallwich, *Briefe und Akten*, I, pp. 527 f.

[5] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, I, pp. 107—108.

[6] G. Droysen, *Die Verhandlungen über den Universalfrieden im Winter 1631—1632. Archiv für Sächsische Geschichte.* Neue Folge, VI, pp. 223—226.

Адлер Сальвиус, агент короля, со времени похода по Центральной Германии ублажал курфюрста Бранденбурга разговорами о том, как хорошо было бы выдать за его старшего сына единственную дочь и наследницу Густава Адольфа[1]. Но когда послы курфюрста во Франкфурте поинтересовались мнением шведского короля насчет мира, он сказал им, что в интересах самой протестантской Германии не может даже и думать об этом. Протестантские князья исходили из того, что новые завоевания лишь озлобят католическую партию, породят больше врагов, и лучше бы остановиться и удовольствоваться тем, что достигнуто. Однако Густав Адольф мыслил масштабами империи, он перестраивал жизнь на завоеванных землях, подстегивал торговлю и предпринимательство, наметил объединить кальвинистов и лютеран[2], нацеливаясь на то, чтобы разрушить прежнюю хаотичную империю и создать новую. В долгосрочном плане его помыслы, возможно, и содержали здравое зерно, но на ближайшую перспективу желания князей, озабоченных бедственным состоянием страны, казались более разумными.

Какое место в этой новой империи собирался занять сам Густав Адольф, неизвестно. Официально он говорил о себе как о заступнике протестантов, хотя однажды обронил в разговоре с герцогом Мекленбурга: «Если бы я был императором...»[3] Формально в этом не было бы ничего необычного. Теоретически империя не являлась национальным германским государством, она скорее представляла собой многонациональное образование, от которого превратности судьбы сохранили германоязычный фрагмент. На императорский трон в разное время рассматривались кандидатуры французского и даже английского королей, итальянцев,

---

[1] R. Schulze, *Die Projekt der Vermählung Friedrich Wilhelms von Brandenburg mit Christina von Schweden*. Halle, 1898, pp. 2—3 f.

[2] Westin, *Negotiations about Church Unity*, pp. 135—136; Gebauer, *Die Restitutionsedikt in Kurbrandenburg*, pp. 235—236.

[3] Kretzschmar, *Gustav Adolfs Pläne und Ziele in Deutschland und die Herzöge von Braunschweig und Lüneburg*. Hanover, 1904, p. 176 n. 1.

испанцев, датского короля. Густав Адольф со своими балтийскими наклонностями, протестантской верой и превосходным знанием немецкого языка был бы императором не хуже Фердинанда с его испанскими обязательствами, итальянскими интересами и католицизмом. Для севера он был бы даже более подходящей кандидатурой. Кроме того, у него имелась только одна дочь, супруга вряд ли могла принести еще детей, и если бы дочь, как и намечалось, вышла замуж за наследника Бранденбурга, то началась бы германизация шведской династии и самой Швеции с неизбежным ее вхождением в более развитое и населенное содружество германских государств.

Тем не менее идея замены Фердинанда Густавом Адольфом вряд ли могла импонировать ведущим германским князьям. Располагая собственной внушительной армией и огромным опытом завоеваний, он потенциально мог стать еще большим деспотом, чем Фердинанд. Угроза раскола между севером и югом Германии еще не исчезла, и для любого германского государственного человека даже со средними умственными способностями было очевидно, что восхождение на императорский трон Густава Адольфа вызовет дальнейшее обострение конфликта, подтолкнет католических князей к единению между собой и с Фердинандом. В любом случае все зависело от доброй воли германских правителей, а у них, за небольшим исключением, ее не было. Наверно, о них Густав Адольф говорил: «Я боюсь глупости и предательства больше, чем силы»[1]. Создавая впечатление, будто он стремится заполучить императорскую корону, и раздавая германские земли своим маршалам[2], Густав Адольф подрубал сук, на который хотел сесть.

В феврале во Франкфурт приехал Фридрих Богемский, и шведский король принял его с особыми почестями. Возму-

[1] *Arkiv till upplysning. Svenska Krigens*, I, p. 521.

[2] F. Bothe, *Gustaf Adolfs und seines Kanzlers wirtschaftspolitische Absichten*. Frankfurt, 1910, p. 179; Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, I, p. 111.

щая конституционалистов, Густав Адольф подчеркивал его первенство, чествовал не как курфюрста, а как правящего монарха, настаивая на перечислении всех его титулов, без каких-либо изъятий[1]. Обхождение было поистине великодушным и уважительным, и даже сам свергнутый государь засомневался в их искренности. Фридрих признался бранденбургскому послу: он не видит причин для продолжения войны, кроме трудностей, связанных с «удовлетворением запросов короля Швеции»[2]. Узнав позже, что Густав Адольф намерен возвратить его в Пфальц в качестве вассала шведской короны, Фридрих вспомнил о собственном достоинстве и наотрез отказался[3]. Одно дело иметь союзника, другое — господина. Позиция непрактичная, но единственно возможная в то время для германского князя.

В неудобном положении оказался и зять Иоганна Георга ландграф Гессен-Дармштадтский. Все лето он посредничал между тестем и императором, а когда осенью его принудили стать союзником Густава Адольфа, ландграф попытался склонить к миру завоевателя[4]. Король заподозрил, что ландграф куплен императором. Когда ландграф пожаловался на дисциплину солдат, расквартированных в Рюссельхайме, король язвительно спросил: не продался ли он императору? Густав Адольф при всех называл его «миротворцем на побегушках у Священной Римской империи»[5].

Чуть ли не ссора разгорелась во время разговора после ужина 25 февраля 1632 года. Густав Адольф, как обычно, разглагольствовал о том, что он сражается за немцев только по доброте своего сердца. «Пусть император за мной не гоняется, и я не буду гоняться за ним», — сказал вдруг король и,

---

[1] Spanheim, p. 226.

[2] Aitzema, I, pp. 1260—1261.

[3] Moser, *Patriotisches Archiv*, VI, pp. 176—184.

[4] Hurter, *Friedensbestrebungen Ferdinands II*, pp. 14 f.; Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, pp. 8—68 *passim*; Droysen, *Die Verhandlungen über den Universalfieden*, pp. 144—145.

[5] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, I, p. 109; Spanheim, p. 211.

повернувшись к ландграфу Гессен-Дармштадтскому, добавил: «Ваше высочество, передайте ему это. Я знаю, что вы хороший империалист». Ландграф хотел было запротестовать, но Густав Адольф не дал ему и рта открыть: «Тот, кто получает тридцать тысяч талеров, должен быть хорошим империалистом». Побелевший от негодования князь все-таки промолчал[1], а Густав Адольф продолжал рассуждать о неизбежности войны.

7

2 марта 1632 года король снова двинулся в поход, оставив Рейн на попечение Бернхарда Саксен-Веймарского, встретился с маршалом Горном в Швайнфурте, а оттуда направился в Нюрнберг, где должны были сойтись все его войска. Здесь его приняли восторженно, муниципалитет задарил подношениями[2], и, набрав еще сорок тысяч рекрутов, Густав Адольф приготовился идти на юг, сначала в Аугсбург, потом в Баварию.

Желая сохранить верность Ришелье, но боясь больше Густава Адольфа, Максимилиан в итоге сыграл на руку шведскому королю. Французский агент побуждал его к тому, чтобы придерживаться нейтралитета. Однако страхи были столь велики, что он даже и не пытался отмежеваться от армии Тилли и в марте написал Фердинанду, прося его вызвать Валленштейна[3]. Боясь потерять земли, Максимилиан принес в жертву свой нейтралитет и все то, что получил в результате увольнения генерала. 1 апреля он присоединился к Тилли в Ингольштадте, дав Густаву Адольфу все основания для вторжения в Баварию.

Получив подкрепления численностью пять тысяч человек, которых Валленштейн, потянув время и демонстрируя

[1] Moser, *Patriotisches Archiv*, IV, pp. 466—473.

[2] Monro, II, p. 111.

[3] Hallwich, *Briefe und Akten*, II, p. 277.

нежелание, все-таки прислал, Тилли отступил на восток, имея в виду удерживать линию по реке Лех. 7 апреля Густав Адольф форсировал Дунай у Донаувёрта и тоже пошел на восток, опустошая все на своем пути, чтобы никакая другая армия не могла найти себе пропитание[1]. Войска уничтожали даже молодые посевы, скармливая их лошадям. Все это время Валленштейн стоял на границе Богемии со своей армией в двадцать тысяч человек[2], которых он набрал, но не хотел куда-либо вести. Неделями и венское правительство, и император, и сын императора, молодой и гордый эрцгерцог Фердинанд, тщетно умоляли генерала объявить свои условия и прийти к ним на помощь[3]. Валленштейн хранил гробовое молчание даже тогда, когда шведский король перешел Дунай. 14 апреля Густав Адольф добрался до реки Лех, на противоположном берегу на лесистой возвышенности уже стоял лагерем Тилли. Отправившись в разведку, Густав Адольф заметил на другом берегу часовых. Солдаты, не узнав его, с невинной дерзостью прокричали: «Где твой король?» — «Ближе, чем вы думаете», — ответил Густав Адольф и пришпорил коня[4]. Ночью он распорядился выстроить из лодок мост, а утром три сотни финнов под непрерывным огнем Тилли перешли на другую сторону, чтобы возвести земляные укрепления для шведских батарей. Под прикрытием пушек вскоре переправилась и вся армия. Тилли не осмелился атаковать шведского короля. Густав Адольф, перейдя на другую сторону реки, довольно быстро взял штурмом холм; ему, как всегда, помогали искусная тактика и везение. Тилли, раненного в ногу, унесли в тыл, а за ним и его заместителя Альдрингера, без сознания, с размозженным черепом. Остатки армии спасались отступлением. Артиллерия и обозы в основном остались на поле боя, и потрепанное войско Тилли вряд ли смогло бы уйти, если бы ураган-

[1] Lammert, pp. 120, 124.

[2] Droysen, *Gustaf Adolf*, II, p. 553.

[3] Foerster, *Wallenstein*, II, pp. 196 f.; 202 f.

[4] Droysen, *Gustaf Adolf*, II, p. 587.

ный ветер следующей ночью не заблокировал дороги поваленными деревьями[1].

В двухстах пятидесяти милях, в австрийском Гёллерсдорфе, император и Валленштейн наконец пришли к согласию. Условия договоренности, возможно, так никогда и не станут известны, никаких достоверных свидетельств не сохранилось. По слухам, Валленштейн настоял на своем праве не только иметь абсолютную власть над армией, но и вести все мирные переговоры и заключать по своему усмотрению договоры. Он потребовал также исключить любое вмешательство в командование сына императора и какое-либо влияние со стороны Испании. В качестве вознаграждения ему были обещаны часть земель Габсбургов и титул курфюрста: Богемия, курфюршество Бранденбург или Пфальц. Все эти данные, конечно, основаны главным образом на слухах, но в них, возможно, есть какая-то доля информации из первоисточников[2].

Какими бы ни были условия соглашения с императором, Валленштейн вернулся, обладая властью и силой, которой едва ли кто мог противостоять. Он уже доказал, что один способен содержать армию, а за время своего отсутствия достиг новых высот в управлении поместьями. Фридланд герцог превратил в гигантскую фабрику по производству продовольствия и одежды. Выросли оружейные заводы, мельницы работали день и ночь, пекари пекли хлеб, пивовары варили пиво, ткачихи ткали полотно, а чиновники акку-

[1] Chemnitz, I, p. 310; *Brefvexling*, II, viii, p. 55; Poyntz, 65; *Swedish Intelligencer*, II, p. 142.

[2] См. Гиндели в *Historische Zeitschrift*, XCVII, а также *Waldsteins Vertrag mit dem Kaiser, Abhandlungen der Classe für Philosophie, Geschichte und Philologie der Königlich böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften*, VI, iii; Ritter, *Der Untergang Wallensteins. Historische Zeitschrift*, XCVII; Gliubich, *Gli ultimi successi di Alberto di Waldstein narrati dagli Ambasciatori Veneti. Archiv für Oesterreichische Geschichte*. Vienna, 1863, XXVIII, pp. 361—362; W. Michael, *Wallensteins Vertag mit dem Kaiser im Jahre 1632. Historische Zeitschrift*, LXXXVIII.

ратно собирали подати, чтобы Валленштейн мог вовремя выплачивать жалованье своей армии. Герцог создал сеть банковских расчетных палат, построил дороги, по которым продукты доставлялись в войска, соорудил огромные склады и хранилища на случай непредвиденных и чрезвычайных обстоятельств[1]. Валленштейн, наверное, первым из европейских правителей применил в подготовке к войне государственный подход.

Однако его возвращение еще не означало, что он первым делом займется королем Швеции, — сначала Валленштейн решил очистить от саксонцев Богемию. Но герцог не спешил. Полностью контролируя ситуацию в лагере католиков, Валленштейн понимал, что легче всего подорвать позиции короля переманиванием на свою сторону Иоганна Георга. Соответственно, вместо того чтобы атаковать их, он позволил им беспрепятственно уйти, предлагая заодно свою дружбу[2]. Герцог еще не оторвал Иоганна Георга от шведского короля, но уже наполовину достиг своей цели. Густав Адольф рассчитывал на то, что саксонская армия удержит Богемию. Ее уход посеял сомнения в преданности союзника и в общем-то стал одной из причин его гибели.

Какое-то время триумфальное шествие короля продолжалось. 24 апреля он появился в Аугсбурге под аплодисменты протестантов и выступил перед народом с балкона дома Фуггеров на винном рынке, однако потом потребовал от самых старших горожан клятву в верности и ежемесячную субсидию в размере тридцати тысяч талеров[3]. Вечером король устроил бал с банкетом и, отбросив все условности, как гласит местная легенда, продрался сквозь толпу и поцеловал неприступную, но очень хорошенькую аугсбурженку[4].

Через пять дней король был уже возле основательно укрепленного города Ингольштадт, где умирал от ран Тилли.

---

[1] Ernstberger, *Wallenstein als Volkswirt*, pp. 20—22, 38—39, 47.

[2] Gaedeke, *Wallenstein und Arnim*, pp. 11—13.

[3] *Chronik des Jakob Wagner*, Augsburg, 1902, pp. 10—12.

[4] Klopp, III, ii, p. 646 n.

Узнав о назначении Валленштейна, граф собрал последние силы и написал послание с добрыми пожеланиями человеку, который сделал все для того, чтобы его погубить[1], и завещал ветеранам армии Католической лиги шестьдесят тысяч талеров. По преданию, он умирал, произнеся лишь одно слово — «Регенсбург»[2], название города, занимавшего ключевое стратегическое положение на Дунае. Душа старого полководца уже стремилась к Господу и к своей пресвятой покровительнице, ради которой он отдал жизнь, но в мыслях Тилли все еще был с армией.

За стенами города, в шведском лагере, под королем убили коня. По своему обыкновению, Густав Адольф не придал этому инциденту никакого значения. Он всегда говорил: «Какой толк от короля, который всего боится?»[3] Однажды французский агент, приехавший из Мюнхена и в очередной раз пытавшийся добиться от короля нейтралитета для Максимилиана, сказал ему, что курфюрст ничего не знал о вооруженном столкновении между Тилли и шведами. Густав Адольф спросил: «Почему же Тилли не арестовали и не повесили?» Француз, поняв, что допустил тактическую ошибку, ответил: «У курфюрста были свои расчеты». «У вшей, очень преданных и очень прилипчивых, тоже есть свои расчеты», — язвительно заметил король. Француз хотел было возмутиться, но Густав Адольф обрушился на него уже с угрозами. Максимилиан получит свой нейтралитет, если без промедления сложит оружие, без каких-либо оговорок, иначе его Бавария запылает от края до края, чтобы ему было легче различать врагов и друзей. Разозленный французский агент решил напомнить Густаву про обещание Ришелье помогать Максимилиану в случае нападения. Сотрясаясь от гнева, шведский король пригрозил: пусть попробует, для него и сорок тысяч французов не армия. С ним — сам Все-

[1] Dudik, *Wallensteins Correspodenz. Archiv für Oesterreichische Geschichte*. Vienna, 1866, XXXVI, p. 222.

[2] Spanheim, p. 272.

[3] *Swedish Intelligencer*, II, p. 161; Spanheim, p. 211.

вышний. Заявление Густава Адольфа было настолько наглым, что француз не нашелся что и ответить[1].

3 мая король поднял войска, решив не тратить время на длительную осаду Ингольштадта. Маршал Горн, опустошая все на своем пути, преследовал остатки армии Тилли[2], уходившие в сторону Регенсбурга, а Густав Адольф направился в Баварию, стремясь этим маневром выманить Валленштейна из Богемии. Максимилиан, теперь сам командовавший потрепанным войском Тилли, оказался перед тяжелым выбором. Ему надо было либо бросить все силы на защиту Мюнхена, своей столицы, забыть о Регенсбурге, который формально не был его городом, и позволить Горну отрезать его от Валленштейна, либо оставаться там, где он находился, пожертвовать Баварией, но сохранить коммуникации с Валленштейном. Нет никаких сомнений в том, что сделал бы человек, радеющий за интересы империи. А как быть с дорогой сердцу Баварией, о благе которой он пекся сорок лет? Тем не менее, под влиянием одной из тех вспышек самоотречения, которые иногда озаряли его карьеру, исполненную династического эгоизма, Максимилиан приказал армии удерживать Регенсбург. Сам же курфюрст, наспех заехав в Мюнхен, где оставался гарнизон из двух тысяч отборных кавалеристов, забрал казну и самые важные документы и умчался в Зальцбург[3].

Максимилиан скрылся вовремя. В середине мая у ворот города уже стоял шведский король. Гарнизон, поняв, что сопротивляться бесполезно, ушел через реку Изар, взорвав мосты, а горожане и священники откупились, выплатив гигантскую сумму — четверть миллиона талеров[4].

Некоторые считали, что после Леха королю потребуется всего три недели для того, чтобы дойти до Вены[5]. Но сраже-

---

[1] Hallwich, *Briefe und Akten*, II, pp. 404 f.; Arckenholtz, *Mémoires concernant Christine, Reine de Suède*, II, App. pp. 21—24.

[2] *Brefvexling*, II, viii, p. 56.

[3] *Brefvexling*, loc. cit.; Foerster, *Wallenstein*, II, pp. 225 f.

[4] *Brefvexling*, loc. cit.; Droysen, *Gustaf Adolf*, II, p. 557.

[5] W. Michael, p. 387.

ние у реки Лех было в апреле, а в конце мая он все еще находился в Баварии. Его задерживал Иоганн Георг. Информация из Богемии поступала путаная, противоречивая и странная. Граф Турн, бунтарь с большим стажем, командовавший небольшим шведским контингентом, сопровождавшим саксонцев, весь год делал намеки на нелояльность Арнима[1]. А генерал Иоганна Георга действительно никак не мешал Валленштейну набирать рекрутов и неоднократно говорил, что прекратит сражаться, если к маю не будет заключен мир[2]. Мало того, он без единого выстрела ушел в Силезию. 25 мая Валленштейн снова занял Прагу, и теперь, когда он уже находился в ней, а Арним вовсе не собирался с ним связываться, Густаву Адольфу, конечно, нельзя было идти на Вену. Он оказался бы в том же положении, которого с трудом избежал в прошлом году. В результате сепаратного договора между Иоганном Георгом и Фердинандом король попал бы в капкан в Австрии. Густав Адольф колебался. Несмотря на злостные подозрения Турна, он был лучшего мнения об Арниме, чем об Иоганне Георге, и попытался разрешить проблему переманиванием генерала на службу к себе[3]. Но Арнима невозможно было подкупить. 7 июня он вывел из Богемии последние войска, и Густав Адольф спешно послал в Дрезден гонца выяснять намерения Иоганна Георга[4].

Обстоятельства вынуждали короля предпринять шаги для укрепления политических позиций в Германии. 20 июня он прибыл в Нюрнберг и начал организовывать собственную партию. За сорок восемь часов Густав Адольф подготовил свой план германского урегулирования. Он подпишет с императором только такой договор, который будет предусматривать повсеместную терпимость протестантской веры, возвращение всех протестантских земель, передачу Швеции

[1] Hildebrand, *Wallenstein und die Schweden*. Frankfort, 1885, p. 10.

[2] Письмо Джорджа Флитвуда о битве при Лютцене. *Camden Miscellany*, I. London, 1847, p. 5.

[3] *Brefvexling*, II, i, pp. 766, 798 f.

[4] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, I, p. 211.

северного побережья от Вислы до Эльбы, а курфюрсту Бранденбурга — Силезии. Но самое главное, протестантские князья должны сформировать единый *Corpus Evangelicorum* — Евангелический корпус, со своим президентом и сильной постоянной армией, имеющий равные и полные права как в империи, так и в рейхстаге.

Нюрнберг сразу же заявил о готовности вступить в корпус, но шведскому королю пришлось отложить на время свои занятия политикой, так как Валленштейн наконец перешел границу Богемии и двинулся на соединение с Максимилианом. Король попытался помешать им соединиться, но Валленштейн обогнул его и 11 июля лично встретился с Максимилианом в Швабахе. Спешившись, союзники обнялись, как будто между ними не было никаких трений. Все прошлые обиды моментально позабылись[1], они приготовились вместе спасать церковь и династию.

Король отступил к Фюрту в окрестности Нюрнберга. Валленштейн последовал за ним и встал укрепленным лагерем на длинном кряже, возвышающемся над речкой Редниц, угрожая оттуда позициям Густава Адольфа. 27 июля он получил информацию о том, что шведский монарх, уступая ему в численности войск и опасаясь за свою слабость, послал за подкреплениями, разбросанными по югу и западу Германии. По расчетам Валленштейна, Густав Адольф не мог прокормить ни людей, ни лошадей, и ему придется либо сражаться, либо голодать. Если наступит голод, придет конец и его армии, хотя и битва ничего не изменит и тоже приведет к гибели[2]. Валленштейн снабжал свои войска из собственных ресурсов и запасов, правда, коммуникации были далеко не безупречны, а солдаты, особенно в армии Максимилиана, довольно быстро вымирали. И все же была огромная разница в положении Валленштейна и Густава Адольфа: один мог потерять одну армию и тут же набрать другую, вто-

[1] *Annales*, XII, p. 24.

[2] Hallwich, *Briefe und Akten*, II, pp. 644—645.

рой такой возможности не имел. Не мог позволить себе такой роскоши и Максимилиан, он говорил об этом не раз, но безрезультатно[1]. Валленштейна никогда не интересовали трудности армии Католической лиги.

16 августа к шведскому королю наконец пришли подкрепления, и он предпринял атаки на позиции противника 3 и 4 сентября. Обе они провалились. На неровной земле, покрытой густым низким кустарником, его кавалерия вообще не могла действовать, и Густав Адольф отступил, понеся тяжелые потери в людях и подмочив свою репутацию[2]. Разнузданное поведение войск, особенно набранных в Германии, серьезно подорвало его прежнюю популярность, и сам король был иногда бессилен остановить разбой. В краже скота уличали даже офицеров. «Видит Бог, вы сами губите, разоряете и поганите свое отечество! — в сердцах говорил Густав Адольф. — Мне тошно смотреть на вас»[3]. «Союзники уходят от него», — распространялись злостные слухи. «Его сила не в своих, а в чужих деньгах, не в своих подданных, а в иноземцах, не в их доброй воле, а в надобности, связавшей их, — пророчествовал шотландский богослов. — Потому, когда надобность перестанет быть столь насущной, как сейчас, и деньги, и сила, и подмога, идущие к нему, покинут его». «Ему неуютно в Германии, — писал шотландец. — Он слишком далеко от дома»[4].

В сентябре в Нюрнберге король попытался разрешить последнюю, но, очевидно, и самую трудную проблему. Он предложил Валленштейну схему мирного урегулирования, в которой легко просматривалось стремление создать в Германии сильную протестантскую партию. Густав Адольф выдвинул несколько принципиальных требований. Все земли,

[1] Hurter, *Wallensteins vier letzte Lebensjahre*. Vienna, 1862, pp. 155—156; Hallwich, *Briefe und Akten*, III, p. 95.

[2] *Swedish Intelligencer*, III, pp. 38 ff.

[3] *Chronik Jacob Wagners*, pp. 20—21; см. также: *The Swedish Intelligencer*, III, p. 24.

[4] Westin, p. 208.

принадлежавшие протестантам, должны быть им возвращены. «Эдикт о реституции» надо отозвать, и религиозную терпимость необходимо поощрять во всех государствах, в том числе и в имперских землях. Тем, кого лишили прав владения, следует вернуть собственность. Валленштейн получит Франконию вместо Мекленбурга, Максимилиан — Верхнюю Австрию взамен Пфальца. Для себя Густав Адольф оставлял Померанию, а курфюрсту Бранденбурга выделял Магдебург и Хальберштадт[1]. Шведский король замыслил грандиозные перемены. Нести потери должны были главным образом католическая церковь и династия Габсбургов, а империя, в которой доминировали конституционные духовные князья, фактически переходила во власть Евангелического корпуса и его президента, короля Швеции. Бракосочетание его единственной дочери Кристины с наследником Бранденбурга создало бы в Северной Европе династический блок, который затмил бы Габсбургов и изменил баланс сил на континенте.

Но Аксель Оксеншерна медлил с решением, не доверяя оппонентам. «Баварский герцог ничем не отличается от Валленштейна, — говорил он. — Такой же скользкий и лживый»[2]. Не хотел ни о чем договариваться и Валленштейн, уверенный в своем военном превосходстве и видевший, как разваливается альянс короля. Регент Вюртемберга выражал недовольство, курфюрста Бранденбурга разочаровали условия бракосочетания сына[3], а сам король сомневался в Иоганне Георге. Пока Густав Адольф пребывал в Нюрнберге, Хольк, сподвижник Валленштейна, вторгся в Саксонию, опустошая и разоряя страну[4].

Армия короля, стоявшая в Нюрнберге, и люди и животные испытывали неимоверные мучения. Сырое лето доба-

[1] *Brefvexling*, I, i, pp. 540—543 ff.

[2] *Brefvexling*, I, vii, p. 574.

[3] Ibid., II, viii, p. 73; Schulze, pp. 5 f.

[4] Sonden, *Lars Tungels Efterlämnade Papper. Historiska Handlinger.* Nyföljd, XXII, p. 45.

вило страданий[1], нехватка еды и питьевой воды способствовала распространению эпидемий, армия катастрофически вымирала, только численность кавалерии сократилась почти на три четверти.

18 сентября король надумал уйти из города, невзирая на риск. Поступали сообщения о новом бунте крестьян в Австрии и восстании Штефана Ракоци, преемника Бетлена Габора, в Трансильвании[2]. Кроме того, Густав Адольф, зная, что Валленштейн собирается соединиться с Хольком в Саксонии, надеялся своим южным маневром разделить его силы.

Наблюдая, как уходит королевская армия, Максимилиан снова начал уговаривать Валленштейна напасть на Густава Адольфа, и снова генерал пренебрег его советами[3]. У него был свой план. Объединившись с Хольком, он либо вынудит Иоганна Георга и Арнима согласиться на его условия, либо выдворит Густава Адольфа из Австрии. Максимилиан разозлился и удалился защищать свою Баварию.

Раздраженный Валленштейн повернул на северо-восток, послав Хольку и Паппенгейму, находившемуся на Везере, приглашения присоединиться к нему. Три армии теперь вместе могли обрушиться на Иоганна Георга. Если бы Густав Адольф доверял курфюрсту и его генералу, то мог бы спокойно продолжать идти к Вене. Однако два месяца назад его информировали о том, что Арним якшается с врагом, а Иоганн Георг жалуется на то, что устал от опасного альянса с королем Швеции[4]. Но курфюрст не отличался стойкостью натуры. Видя из Дрездена, как горят деревни подданных, огромными факелами освещая его пьяные загулы[5], 9 октяб-

[1] *Brefvexling*, II, viii, p. 57.

[2] Spanheim, p. 411.

[3] Aretin, *Bayerns auswärtige Verhältnisse*. Passau, 1839, I; *Urkunden*, p. 343.

[4] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, I, pp. 249—250; *Konung Gustaf II Adolf Skifter*, ed. C. G. Styffe. Stockholm, 1861, p. 553.

[5] Sonden, *Lars Tungel*, p. 611.

ря он призвал короля на помощь[1]. Густава Адольфа не надо было упрашивать, он уже находился в пути.

22 октября шведский король снова появился в Нюрнберге и не мог преодолеть искушение побывать в покинутом лагере Валленштейна. От того, что он увидел там, его чуть не стошнило: посреди разлагающихся трупов людей и животных все еще ползали окровавленные и умирающие от голода солдаты[2]. Позднее он поручил Оксеншерне сделать все необходимые приготовления к зиме. 2 ноября в Арнштадте Густав Адольф встретился с Бернхардом Саксен-Веймарским и отсюда, прежде чем пойти к Лейпцигу, который уже сдался Хольку, снова написал канцлеру. Зима надвигалась быстро, его третья зима в Германии, и король хотел навести порядок и укрепить свое положение в стране как силой закона, так и силой оружия. Оксеншерна должен был созвать собрание представителей четырех округов, оккупированных шведами: Верхнего и Нижнего Рейна, Швабии и Франконии, — с тем чтобы узаконить Евангелический корпус и его первого президента, короля Швеции[3].

6 ноября армии Валленштейна и Паппенгейма соединились. Густав Адольф колебался. У него имелось около шестнадцати тысяч человек, кавалерия была очень слаба, а Иоганн Георг не подавал никаких сигналов, что может подойти. Четыре тысячи лошадей погибли только во время перехода[4]. У имперцев же было двадцать шесть тысяч человек. 15 ноября пленные хорваты сообщили Густаву Адольфу: Валленштейн, полагая, очевидно, что шведы не рискнут атаковать его, отослал Паппенгейма к Галле[5]. Ситуация складывалась благоприятная, и Густав спешно двинулся вперед и поздно вечером окопался у небольшого городка Лютцен, в

[1] Hallwich, *Briefe und Akten*, III, pp. 231 ff.

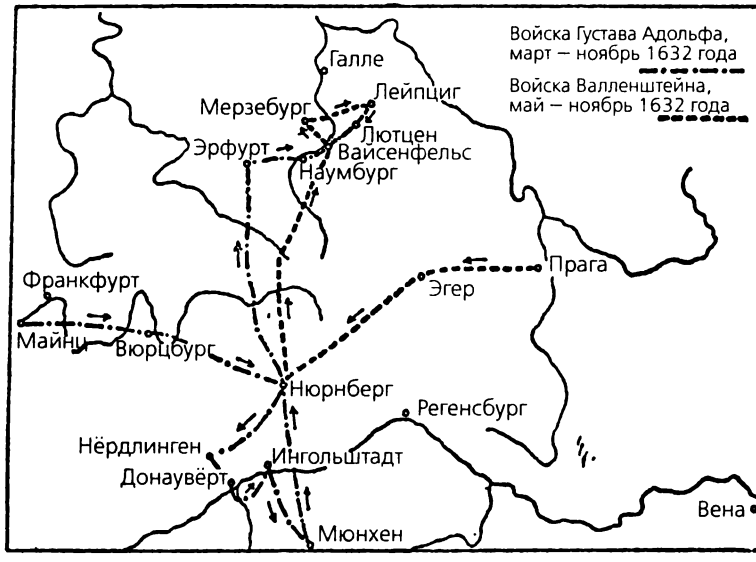
[2] Spanheim, pp. 427—478.

[3] *Brefvexling*, II, i, pp. 855—869.

[4] Fleetwood, *Camden Miscellany*, I, pp. 5—6; *Fyra relatio[illegible] slaget vid Lützen. Historisk Tidskrift*, 1932, p. 302.

[5] Fleetwood, p. 6.

пятнадцати милях к западу от Лейпцига. Наступила темнота, и Валленштейн, еще днем предупрежденный о выдвижении шведского короля, отправил гонца к Паппенгейму, требуя вернуться обратно[1]. Всю ночь его люди трудились: устанавливали батареи в садах у городских стен, сооружали земляные укрепления, светя себе факелами[2]. Густав Адольф со своим войском спал в миле к юго-востоку от Лютцена в поле под открытым небом[3].

Утро 16 ноября выдалось ясное, но к десяти часам на плоскую сырую равнину опустился густой туман, и он уже держался до конца дня[4]. Равнина была поистине плоская, поля тянулись до самого горизонта, на сколько хватало глаз, по обе стороны дороги, почти без растительности, только кое-где можно было разглядеть редкие кустарники. Дорога

[1] Foerster, *Wallenstein*, II, p. 273.

[2] Hallwich, *Briefe und Akten*, III, p. 500.

[3] Fleetwood, p. 6.

[4] Ibid., p. 7.

пролегала примерно с востока на запад, к северу от нее был прорыт глубокий ров, а чуть дальше виднелись три ветряные мельницы. Между мельницами и рвом, оставляя Лютцен справа от себя, Валленштейн и расположил свое войско, приказав мушкетерам занять позиции во рве, с тем чтобы можно было стрелять в животы лошадей, когда шведская конница пойдет в атаку. Он не отступил от традиционного построения боевого порядка, разместив кавалерию на флангах, пехоту — в центре, а артиллерию — перед пехотой. Паппенгейм еще не появился, и у Валленштейна в наличии было двенадцать—пятнадцать тысяч человек — крайне мало для битвы, как потом утверждал генерал[1]. Желая исправить этот недостаток, Валленштейн пригнал из города людей, сгруппировал их в каре, вручил несколько штандартов, надеясь, что на расстоянии шведы примут их за резервы.

Король расположил свои войска на южной стороне дороги так, что Лютцен оказался перед ним слева. Правое крыло прикрывала небольшая лесопосадка. Густав Адольф выстроил такой же боевой порядок, какой он успешно применил при Брейтенфельде. Сам он возглавил правый фланг, а Бернхард Саксен-Веймарский — левый, но общая диспозиция войск, в отличие от Брейтенфельда, была для него более благоприятная. Левый и правый фланги были организованы в традиционном шведском стиле. Хольк стоял перед королем, Валленштейн — перед Бернхардом Саксен-Веймарским[2].

По своему обыкновению, король помолился перед всей армией, прося Господа благословить его на битву за правое дело протестантов. Уже было восемь утра, стрельба уже началась, но армии не двигались с места еще два часа. Шведы раз или два попытались ложными бросками выманить Валленштейна, но имперский генерал не реагировал. Наконец в десять утра, когда начал сгущаться туман, король на пра-

[1] Foerster, *Wallenstein*, II, p. 308.

[2] Fleetwood, p. 6; Fiedler, *Diodatis Bericht über die Schlacht bei Lützen. Forschungen zur deutschen Geschichte*, IV, Göttingen, 1865, p. 561.

вом фланге атаковал кавалерию Холька. Острая схватка завязалась во рве, откуда шведы все-таки вытеснили мушкетеров. Имперская кавалерия отступила, перепуганные «резервы» разбежались, бросив и обозы, и обозных лошадей[1]. На самом дальнем конце сражения Валленштейн запалил Лютцен, и дым повалил в сторону позиций Бернхарда. Пользуясь дымовой завесой, хорватская конница накинулась на его людей, которые из-за дыма почти ничего не видели. Но они оказались храбрее саксонцев при Брейтенфельде и выдержали натиск даже без ободряющих призывов короля, прискакавшего к ним на помощь.

Дым и туман, окутавшие с этого момента поле битвы, затмили для историков и некоторые детали сражения. В полдень или даже ближе к вечеру на левом фланге Валленштейна появился Паппенгейм и сразу же смял уже побеждавших шведов, отбросив их обратно за ров, который они с таким трудом заняли. Где-то во время этой стремительной атаки Паппенгейму прострелили легкое, и его, захлебывавшегося кровью, увезли умирать в Лейпциг. Около полудня многие видели, как по полю битвы метался конь шведского короля, без всадника, обезумевший от кровавой раны в шее. Имперцы орали, что король убит. Октавио Пикколомини клялся, будто видел его лежащим на земле. Хольк радовался этой вести. Но шведские офицеры не верили или не хотели верить. Однако вездесущий король уже больше не командовал боем, а это могло означать только одно — он погиб.

Возглавил битву герцог Бернхард Саксен-Веймарский. На правом фланге шведы снова начали громить Валленштейна, оттесняя его людей к горящему Лютцену. Разъяренные гибелью своего короля, они захватили батареи у мельниц и снова вышибли имперцев изо рва, обратив кавалерию Паппенгейма в бегство. Октавио Пикколомини потерял трех коней, пытаясь остановить кавалеристов; он получил семь пулевых ранений, но даже не взглянул на них. С наступлением ночи Валленштейн, у которого внезапно разбо-

[1] Poyntz, p. 126.

лелась нога из-за застарелой подагры, отошел, пользуясь темнотой, к Галле. Его люди как подкошенные рухнули на землю и моментально заснули, а сам Валленштейн всю ночь посылал разведчиков выяснять, сколько человек уцелело для продолжения битвы. Английский капитан, спавший во рве, уткнувшись головой в теплый бок лошади, когда его разбудили, насчитал трех офицеров, лежавших неподалеку. Он и занес их в число выживших. А если и еще кто-то выжил, то капитан их все равно потерял[1]. Не осталось ни одной обозной лошади, перевозить уцелевшие пушки, боеприпасы и снаряжение было не на чем, и лишь один Хольк верил в то, что победила имперская армия[2].

В кромешной ноябрьской темноте шведы все-таки отыскали своего короля. Он получил смертельную пулевую рану между ухом и правым глазом, которая его и погубила. Но у него было множество и других ранений: удар кинжалом, выстрел в бок, два — в руку и один, вызвавший подозрения о предательстве, — в спину. Он лежал на вражеской стороне рва, голый, под грудой других мертвых тел. В тот день весь лагерь: шведы и немцы, шотландцы, англичане и ирландцы, поляки, французы и голландцы, наемники и его подданные — оплакивал погибшего в бою короля[3].

8

«Он думал, что под ним не потонет ни один корабль», — говорил сэр Томас Роу, и в этом победоносном году так считала вся Европа. И друзья и враги не могли даже представить

[1] Poyntz, p. 126.

[2] Hallwich, *Briefe und Akten*, III, p. 503.

[3] Имеется немало описаний битвы при Лютцене. Я пользовалась в основном следующими источниками: Fleetwood, *Camden Miscellany*, vol. I; *Diodatis Bericht über Lützen*; Hallwich, *Briefe und Akten*, III, pp. 499—503; *Fyra relationer om slaget vid Lützen. Historisk Tidskrift*, 1932, pp. 299—309; *Swedish Intelligencer*, III, pp. 127 f.; Monro, II, pp. 162—165.

себе шведского короля мертвым. Первые вести от протестантов под Лютценом скрыли факт его гибели, а Бернхард Саксен-Веймарский сообщил лишь о том, что король ранен[1]. Канцлер Оксеншерна узнал страшную правду только 21 ноября и впервые в своей жизни провел бессонную ночь[2]. Королеве стало известно о гибели супруга на пути в Швецию. В Вене Фердинанд испытывал смешанные чувства — и облегчения и печали[3]. Несмотря ни на что, он восхищался шведским королем, сделавшим для протестантов то, что безуспешно пытался совершить для католиков император. В Страсбурге и мужчины и женщины, никогда не видевшие в глаза короля Швеции, рыдали на заупокойной службе[4]. Его тело пронесли на руках до Вайсенфельса. И мертвый он был окружен дорогими сердцу кавалерией и армией[5].

Что бы ни думали современники и потомки о мотивах, которые двигали им, он был великим человеком, и этого никто не мог отрицать, да и не отрицал. Но после кратковременного шока, вызванного его гибелью, союзники в большинстве своем испытывали облегчение. Ходили даже слухи, будто короля застрелил кто-то из его же окружения или по приказу Ришелье. Судьба его так оберегала, что многие просто не верили в то, что он может погибнуть на поле боя как обыкновенный солдат. Другие видели в этом Божий перст: вроде как Всевышний решил, что он перестал быть освободителем Германии, превратившись в ее завоевателя.

Думали ли таким же образом его германские союзники? Разве он не был всегда завоевателем? Он остановил Фердинанда, чего сделать прежде никому не удавалось, но Густав Адольф за свои деяния запросил слишком высокую цену. Большинство немцев жертвовали религиозной свободой ради сохранения мира на своих землях, покорились импера-

[1] Sonden, *Lars Tungel*, p. 72; Ditfurth, p. 261.

[2] Archenholtz, II, p. 46.

[3] *Annales*, XII, p. 109.

[4] Walther, p. 28.

[5] Fleetwood, p. 10.

торской тирании, и их протест был слаб, нерешителен и даже труслив. Но немцы сделали свой выбор, и как бы ни презирал их крутой швед за то, что они не встали на защиту религии, он должен был понимать: принимать решение надо было им, а не ему. Густав Адольф произвел на свет невольных героев и невольных жертв, ими стали курфюрсты Бранденбурга и Саксонии, тридцать тысяч жителей Магдебурга. Он снова поднял на щит дело протестантов, пробудил колокольный набат по всей Германии, наполнил сердца людей надеждой и благодарностью, а глаза — слезами. Но когда колокола смолкли, а «золотой король» отошел в мир иной, осталось ли что-то, чему можно было бы радоваться?

Битва при Брейтенфельде дорого обошлась Саксонии: ее население резко сократилось из-за голода, чумы и массовой гибели домашнего скота и деградации сельского хозяйства[1]. Паппенгейм дотла спалил Магдебург, когда покидал разрушенный город весной 1632 года: шведским войскам пришлось разделить участь немногих уцелевших горожан, ютившихся в подвалах и землянках, вырытых посреди руин[2]. Эльзасский город Хагенау за восемнадцать месяцев трижды подвергался оккупации. «Сначала синие, потом красные, а теперь и желтые мундиры, — говорили бюргеры. — Господи, сжалься над нами»[3]. Во Франкфурте-на-Одере после сражения на улицах продолжали лежать разлагающиеся трупы имперцев, и в городе начался мор[4]. Чума поразила Штеттин и Шпандау, Дурлах, Лорх и Вюрцбург, всю провинцию Вюртемберг; в Бамберге люди умирали прямо на улицах. Народ голодал по обоим берегам Рейна, крестьяне шли в Майнц, чтобы заработать на кусок хлеба на строительстве фортификационных сооружений[5]. Урожай в 1632 году обещал быть неплохим, но в Баварии и Швабии

[1] Lammert, p. 114; *Theatrum Europaeum*, II, pp. 658, 645.

[2] *Brefvexling*, II, vi, p. 89.

[3] Hanauer, p. 175.

[4] Lammert, p. 114.

[5] Ibid., pp. 113 f.; Duhr, II, i, p. 406.

войска вытоптали его. В Баварии не оставалось зерна ни для помола, ни для посева. Из-за голода и чумы вымирали целые деревни. Бешеные собаки нападали на людей, и власти вынуждены были организовать охоту на них. Голодные волки вышли из лесов, рыскали по опустевшим селениям, пожирая и мертвых и умирающих[1]. В Нюрнберге, переполненном беженцами, каждый день хоронили до ста человек[2].

Хваленая дисциплина королевской армии портилась по мере ее разрастания и уменьшения в ней кадровых войск[3]. Шведский король опустошал и разорял все на своем пути, как никто другой, по той причине, что он стремился уничтожить ресурсы противника. «Ваша светлость теперь не узнали бы нашу бедную Баварию, — писал брату Максимилиан. — Деревни и монастыри сожжены. Священники, монахи и бюргеры убиты или замучены пытками и в Фюрстенфельде, и в Диссене, и в Бенедиктбойерне, и в Эттале»[4].

Имперская солдатня, терпящая поражение, утешалась зверствами и издевательствами. Распоряжение Максимилиана не щадить ни отставших от армии короля, ни раненых[5] автоматически распространялось и на всех тех, кто оказывал какое-либо сопротивление. Когда имперцы заняли Кемптен, они сразу же застрелили бургомистра, сожгли семьдесят домов, загоняли горожан в реку, убивали и мужчин, и женщин, и детей, попадавшихся им на глаза, так что город стал вторым Магдебургом[6]. В Хагенау солдаты, озверевшие от чумы и недоедания, нападали друг на друга, и более крепкие из них избивали и раздевали ослабевших товарищей, оставляя умирать на улице[7].

---

[1] Lammert, p. 120; *Chronik des Jakob Wagner*, p. 28.

[2] C. G. Von Murr, *Beyträge zur Geschichte des dreissigjährigen Krieges*. Nürnberg, 1790, p. 62.

[3] Westin, pp. 208—209.

[4] Riezler, *Geschichte*, V, pp. 420 f.

[5] *Annales*, XII, p. 144.

[6] Furtenbach, *Jammerchronik*, pp. 67 f.

[7] Hanauer, *La Guerre de Trente Ans à Hagenau*. Colmar, 1909, p. 172.

Какими бы малодушными ни казались германские князья Густаву Адольфу, они роптали не беспричинно. «Как тяжело ради некой новой дружбы отдавать самые лучшие и ценные угодья чужеземцу, — писала супруга Георга Гессен-Дармштадтского, — приносить в жертву нашу беззащитную страну, делать врагами соседей, с которыми мы столько лет жили в мире, вызывать гнев императора, помогать другим, разрушая себя»[1]. Действительно тяжело, но именно этого требовал шведский король.

«Если война продолжится, то мы полностью изничтожим империю, — писал Арним. Его честная, открытая душа истерзалась. Он хотел согласия. — Погибнем и мы. Я не вижу другого пути... кроме как заставить и друзей и врагов договориться о мире... Иначе наша любимая Германия будет отдана иноземцам, показав печальный пример другим народам»[2]. Шведский король едва ли поддержал бы такое мнение.

Апологеты Густава Адольфа, если так можно назвать обожателей общепризнанного героя европейской истории, утверждают: не сгинул бы король Швеции под Лютценом, он дал бы Европе длительный и прочный мир. Такой вывод основан скорее на личном убеждении, а не на реальных фактах. Мирные условия, предложенные им Валленштейну, были неприемлемыми уже в силу того, что имперцы располагали мощной армией. Он не договорился о мире с Фердинандом зимой 1631/32 года, когда положение императора было хуже некуда. Густав Адольф был одним из тех прирожденных воителей, для которых мир является лишь идеалом, по различным причинам недостижимым. Если он и заканчивал войну, то перемирием, и вряд ли его натура претерпела серьезные изменения в последний год жизни. С возрастом он, наверное, стал бы помягче, но ему было всего тридцать семь лет, когда его убили: Европе пришлось бы еще долго ждать. И возраст не всегда усмиряет прирожденного

[1] Droysen, *Die Verhandlungen über den Universalfrieden*, p. 179.

[2] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, I, pp. 176, 177.

бойца. Валленштейн в конце концов устал, но помимо старения его еще мучила болезнь, и по своему темпераменту он был больше организатором, а не ратоборцем. История знает немало престарелых завоевателей, так что смягчиться Густав Адольф мог лишь чисто теоретически.

Во время своего похода через Германию король начертал *Norma Futurarum Actionum*, план полной реорганизации империи, выглядевший превосходным на бумаге, но совершенно нереальный. В любом случае его исполнение зависело от одного обстоятельства, которое выпадало из власти короля, — от согласия германских князей. Он никогда не мог положиться на их действительную поддержку и, соответственно, не считал нужным модифицировать свою политику. Густав Адольф не знал компромиссов и не понимал, что без них никакой мир в Германии невозможен.

Начни Густав Адольф войну в качестве союзника датского короля в 1626 году, правда, с некоторой потерей престижа, вместе они еще могли бы обуздать аппетиты Фердинанда и уберечь достоинство протестантов и германские свободы. Тогда, отказавшись участвовать в малопривлекательном, трудном, хотя и не совсем уж безнадежном, предприятии, он, наверно, политически поступил правильно. В 1630 году реанимировать провалившееся дело было уже поздно. В итоге он погубил силу, которая могла объединить Германию, не дав ничего взамен.

Через несколько дней после битвы при Лютцене в город Бахарах на Рейне прискакал Фридрих Виттельсбах, который уже давно не был ни курфюрстом Пфальца, ни королем Богемии. В тридцать шесть лет он выглядел намного старше своего возраста и таким разбитым и замученным невзгодами, что и родной брат не узнал его[1]. Ниже по Рейну люди голодали, в Бахарахе свирепствовала чума. Фридрих собственными глазами мог видеть последствия развязанной им войны. Ему не следовало приезжать в Бахарах, поскольку он

[1] Aretin, *Beyträge*, VII, p. 270.

заразился чумой, не успев покинуть город. У него была легкая форма заболевания, и он бы справился с недугом, если бы не тяжелые вести из Лютцена о гибели короля Швеции. Фридрих впал в депрессию и 29 ноября умер. Но и мертвым он продолжал оставаться скитальцем и изгнанником. Последний раз его гроб видели в винном погребе одного купца в Меце[1].

Всего за две недели не стало сразу двух борцов за дело протестантов — и сильного и бессильного. После 1619 года много воды утекло, и немцы сделали свой выбор. Густав Адольф мог нанести поражение императору, заставить сражаться Иоганна Георга, воспользоваться дипломатией Ришелье, но не мог повернуть время вспять. Возможности, имевшиеся в 1619 году, были упущены навсегда. Густав Адольф не мог побороть оцепенелость и онемелость германских протестантов. Он был способен разрушить империю Габсбургов, но не мог ничего создать взамен. Он лишь натворил в Германии еще больше бед.

[1] Moser, *Neues Patriotisches Archiv*, II, pp. 113—132.

Глава восьмая

ОТ ЛЮТЦЕНА ДО НЁРДЛИНГЕНА И ДАЛЬШЕ 1632—1635

У Австрийского дома есть корни, и он воспрянет.

Томас Уэнтворт

1

После гибели Густава Адольфа в Германии появились проблески надежды на мир, но они помелькали и погасли. Война уже длилась более четырнадцати лет, и практически любой мир был бы желателен почти для всех в империи. Однако те, кто был во власти заключить его, имели на этот счет разные мнения. Если бы все зависело только от Фердинанда, то он был бы не прочь воспользоваться появившейся возможностью, как и Иоганн Георг Саксонский с Арнимом, как и Георг Вильгельм Бранденбургский, хотя желание курфюрста и тормозилось боязнью, что шведы потребуют Померанию в обмен на уступчивость.

Самым большим влиянием в сравнении с перечисленными лицами обладал Валленштейн, стоявший на страже империи. Он располагал огромной военной силой, и его желание мира имело решающее значение. Было ли у него такое желание? Вопрос стержневой при анализе позиции герцога-генерала и вызывающий утвердительный ответ у историков, видящих лишь то, как последние два года своей жизни благородный и конструктивный государственный муж пытается склонить к миру императорский двор, подкупленный испанцами. Эту теорию в равной мере невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Ясно одно: если Валленштейн дейст-

вительно проявлял стремление к миру, то делал он это чрезвычайно бестолково, а его современники не верили в честность и способность генерала служить общественным интересам. Валленштейн хотел прекратить войну, но скорее по причине старения и болезней, а не из-за каких-то высоких моральных побуждений. Центральное место в его переговорах того времени занимало требование личных вознаграждений. Как истинный наемник, он желал не только компенсировать, но и получить доход от своих вложений в войну. Удовлетворению амбиций, а не достижению мира в Германии он посвятил и свою карьеру, и свою жизнь.

За пределами империи три правителя были заинтересованы в мирном урегулировании: эрцгерцогиня Изабелла, принц Оранский и папа. Урбан VIII уже подпортил свою репутацию среди правоверных католиков, безуспешно пытаясь предотвратить конфликт между Габсбургами и Бурбонами. У него были и свои расчеты, но он искренне хотел уменьшить опасность возникновения общеевропейской войны[1]. Результатом его благонамеренной, но неуклюжей политики стал лишь скандал, разгоревшийся в консистории. Испанский кардинал Борджа обвинил папу в пренебрежении интересами церкви, поднялся неимоверный гвалт, и один прелат, в ярости потерявший дар речи, разорвал в клочья свою биретту. В собрание вмешались и закрыли его швейцарские гвардейцы, но Борджа напечатал речь и распространил ее по всему Риму[2]. Спасая свое лицо, папа с неохотой согласился оказать некоторое содействие Габсбургам в Германии[3].

Кардинал Карафа предупреждал: пока сохраняется вражда между Францией и Испанией, мира в Германии не будет. Продолжения войны хотели Ришелье, Оксеншерна и Оливарес. Ришелье она была нужна для того, чтобы держать под своим контролем Рейн. Оксеншерна, чья страна вложила столько средств и усилий в войну, не мог возвратиться в

[1] Leman, *Urbain VIII*, *passim*.

[2] Ibid., pp. 134 f., 563—564.

[3] Abreu y Bertodano, IV, pp. 262 f.

Швецию без удовлетворительных компенсаций; Померания без борьбы ему не достанется, поскольку курфюрсту Бранденбурга надо взамен пожаловать равноценную территорию, которую необходимо отвоевать где-нибудь в другом месте. Оливареса подталкивала к войне смерть шведского короля, оживившая его надежды на прорыв Габсбургов в Германии и победу над Соединенными провинциями.

Оба, и Оксеншерна и Ришелье, с легкостью могли подорвать процесс мирного урегулирования в протестантской Германии и Европе; Оливарес держал в финансовой узде Изабеллу в Брюсселе и Фердинанда в Вене. Немцы стали заложниками политических страстей этих трех деятелей.

2

Со времени бракосочетания инфанты Марии и венгерского короля в феврале 1631 года началось возрождение сотрудничества между Веной и Мадридом. Что же сделал Ришелье? Стремясь не допустить установления мира как в империи, так и в Нижних странах, он в начале 1633 года отправил со специальными заданиями Эркюля де Шарнасе в Гаагу и Манасса де Па, маркиза де Фекьера, в Германию[1]. Как всегда, кардиналу мерещилась испанская угроза, главная движущая сила его внешней политики.

Интересы Оксеншерны и Ришелье совпадали лишь в том, что оба противились миру. Во всем остальном они были непримиримыми, хотя и потаенными соперниками. В своем последнем письме, составленном 9 ноября 1632 года, Густав Адольф особенно настаивал на том, чтобы не давать королю Франции ни одной пяди земли в Германии[2]. После Лютцена Ришелье, не теряя времени, сразу же воспользовался возможностью подчинить своему сюзерену протестантских союзников. Кардинал инструктировал Фекьера

[1] Avenel, IV, pp. 416, 419, 431—434; VIII, pp. 248, 252; Feuquirès, *Lettres et négociations*, Amsterdam, 1753, I, pp. 5—6.

[2] *Brefvexling*, II, i, p. 870.

всячески натравливать членов коалиции друг против друга. Саксонии надо было не позволить заключать сепаратный мир, Бранденбургу надо было обещать гарантии короля Франции в отношении Померании, канцлеру Оксеншерне — содействие французского короля в женитьбе его сына на королеве Кристине. Аналогичное предложение следовало сделать и курфюрсту Саксонии. Намечалось создать протестантскую конфедерацию во главе с Иоганном Георгом, в которой место короля Швеции займет король Франции[1].

Аксель Оксеншерна оказался в непростом положении. Правительство Стокгольма предоставило ему полную свободу действий в Германии[2], но оно само не чувствовало себя уверенно: с восхождением на трон юной Кристины дворянство, которое Густав Адольф держал в узде, но не подавил, вновь занялось интригами. Несдержанная, экстравагантная и пустоголовая королева-мать все еще была красивой женщиной, знавшей цену своей красоте, и могла создавать проблемы для Оксеншерны не потому, что его ненавидела, а просто в силу того, что была склонна к предубежденности и лести. Уже по этой причине осуществление планов Густава Адольфа в Германии становилось затруднительным. Не столько взятки французских послов, сколько жизненная необходимость могла заставить Оксеншерну поступиться своей независимостью и примкнуть к Ришелье, с тем чтобы сохранить хоть какие-то позиции.

Аксель Оксеншерна получил известие о гибели короля, когда направлялся во Франкфурт-на-Майне[3]. Он ехал на собрание представителей четырех округов, которые должны были сформировать ядро предполагаемого Евангелического корпуса. Перенеся собрание на весну, он отбыл из Ханау и помчался в Саксонию. В Рождество Оксеншерна уже находился в Дрездене.

---

[1] Feuquières, II, i, pp. 10—26.

[2] N. A. Kullberg, *Svenska Riksrådets Protokoll. Händlingar rörande Sveriges Historia*, 1878, III, p. 12.

[3] *Brefvexling*, op. cit., I, vii, p. 637.

Причина его спешного приезда в Саксонию была проста. Сразу же после битвы при Лютцене Валленштейн ушел в Богемию. Хотя он и понес тяжелые потери, мотивы у него были чисто политические. Генерал хотел демонстрацией доброй воли побудить Иоганна Георга к миру. Если даже курфюрст и не ответит на его жест, то Валленштейн все равно обратит смерть шведского короля в свою пользу. После Лютцена он уже попытался переманить Бернхарда Саксен-Веймарского к себе[1].

Оксеншерну ожидало еще одно затруднение. Узнав о гибели Густава Адольфа, датский король поспешил предложить свои услуги в качестве посредника в переговорах о заключении мира в империи[2]. Шведа меньше всего устраивало, чтобы условия мира диктовал завистливый датчанин.

Пообещав еще раз сыну курфюрста Бранденбурга руку и сердце королевы Кристины[3], Оксеншерна вплотную занялся проблемой Саксонии. Никогда он еще не чувствовал себя так скверно, как в Рождество 1632 года в Дрездене. Намерения Иоганна Георга и Арнима ему были известны давно, и канцлеру не удалось их поколебать и сейчас. Иоганн Георг настаивал на заключении любого мира — сепаратного либо всеобщего, Арним предпочитал подписание договора о всеобщем мире[4]. Не обращая внимания на протесты, они решили обсудить условия мира с Валленштейном.

Альянс практически развалился, и между Иоганном Георгом и Оксеншерной началась борьба за лидерство в протестантской партии в империи. 18 марта 1633 года канцлер наконец открыл в Хайльбронне давно запланированное собрание представителей четырех округов, заставив делегатов стоять, дабы предотвратить возникновение ссор по по-

[1] Struck, *Johann Georg und Oxenstierna*. Stralsund, 1899, pp. 19—20.

[2] Hallwich, *Wallensteins Ende*, Leipzig, 1879, I, pp. 47, 102; Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, II, pp. 11—12.

[3] A. Küsel, *Der Heilbronner Konvent*. Halle, 1878, p. 18.

[4] Helbig, *Wallenstein und Arnim. Dresden*, 1850, p. 15; Hallwich, *Wallensteins Ende*, II, p. 254.

воду старшинства при распределении кресел, стульев и скамеек[1]. Через пять недель представители четырех округов подписали со Швецией договор о создании организации, получившей впоследствии название Хайльброннской лиги, для отстаивания дела протестантов в империи под руководством, естественно, Оксеншерны. Затем канцлер подписал еще два договора: один — со свободными рыцарями империи, другой — с Филиппом Людвигом Пфальц-Зиммерном, братом Фридриха Богемского и регентом шестнадцатилетнего курфюрста Пфальцского Карла Людвига, унаследовавшего и все долги своего отца[2].

Таким образом, Оксеншерна в глазах всего мира стал фактическим преемником Густава Адольфа. Иоганн Георг, надеявшийся на то, что его отсутствие сорвет собрание, вновь просчитался. Отказавшись участвовать в конференции, он отрекся и от своих претензий на лидерство. Собрание состоялось, и его неучастие в нем лишь гарантировало избрание Оксеншерны верховным распорядителем войны. Если канцлер и не смог добиться от Иоганна Георга исполнения своих обязательств, то ему по крайней мере удалось усилить позиции Швеции и поубавить престиж и влияние своего бывшего союзника.

Справиться с французами было гораздо сложнее. Здесь ему пришлось иметь дело не с отупевшим от пьянства Иоганном Георгом, а с коварным и умным маркизом де Фекьером. Французский посол в совершенстве владел теми качествами, которыми в особенности отличалась французская дипломатия: гибкостью методов и цепкостью в достижении целей. Он душил грубую дипломатию Оксеншерны, как плющ — дерево. Оба они стремились заручиться поддержкой германских государств и готовы были прибегнуть к любым средствам. Но у Фекьера имелось одно немаловажное преимущество: его правительство могло больше отпускать денег

[1] *Brefväxling mellan Oxenstierna och Svenska Riksrådet. Händlingar rörande Skandinaviens Historia*, XXV, p. 196.

[2] *Sverges Traktater*, V, ii, pp. 18 ff.; Lundorp, VI, pp. 317 f.

на взятки[1]. Не говоря уже о том, что он был намного способнее шведа в дипломатии, лучше видел возможности и быстрее хватался за них, обставляя растяпу северянина. Помыслы у обоих были самые что ни на есть благородные, оба радели за свою страну и веру. Оксеншерна хотел возместить потерю крови и денег, заступиться за протестантов Германии, Фекьер — защитить Францию от поползновений Испании, а германских католиков — от агрессии протестантских компатриотов. Каждый из них относился к Германии в равной мере негуманно, но они же не были немцами.

С первого дня Фекьер понял, что наставления Ришелье ошибочны. Кардинал исходил из того, что после гибели Густава Адольфа хозяином положения является Иоганн Георг. Однако Швеция, а не Саксония была той силой, без альянса с которой в Германии ничего нельзя достигнуть. И Фекьеру пришлось действовать на свой страх и риск, игнорируя инструкции кардинала[2].

В Хайльбронне Фекьеру, вызывая нескрываемое раздражение Оксеншерны[3], удалось склонить делегатов к тому, чтобы признать и короля Франции в роли своего заступника наравне со шведским правительством[4]. На первый взгляд невелико достижение, поскольку в военной кампании все равно главенствовала Швеция, однако союзник, имеющий больше ресурсов, неизбежно становился ведущим в альянсе, и Оксеншерна, прекрасно осознававший это обстоятельство, всячески противился инициативе маркиза. В пику шведу Фекьер настоял и на том, чтобы полугодовая субсидия в размере полумиллиона ливров, предусмотренная возобновляемым Бервальдским договором, выплачивалась Стокгольму не напрямую, а через Хайльброннскую лигу. Канцлеру, который, естественно, не мог отказаться от субсидии, ничего не оставалось, как согласиться с предложени-

[1] Feuquières, *passim*.

[2] Feuquières, I, pp. 75—76, 94, 112, 113, 135—136.

[3] Ibid., pp. 140, 147.

[4] Ibid., pp. 85—88, 217.

ем Фекьера, еще больше сближавшим германских союзников с Францией и ставившим шведа в положение просителя[1]. Оксеншерна взял верх над французским послом только в вопросе гарантий нейтралитета для Максимилиана, который снова повис в воздухе[2].

Образование Хайльброннской лиги фактически поставило крест на мирных планах Иоганна Георга. В Дрездене царило смятение и уныние. На место одного шведского диктатора пришел другой[3]. Не только Иоганн Георг, но и Арним загрустил. Пользуясь моментом, Валленштейн предложил генералу соединить саксонские войска с имперскими армиями, чтобы вместе выдворить шведов из Германии подобно тому, как шесть лет назад они вышвырнули из страны датчан. Возможно, он поступил правильно, и возможно, в случае успеха они добились бы мира. Однако Валленштейн не учел особенностей характера Арнима, в котором твердо засело непреодолимое чувство чести, не знавшее компромиссов и не позволявшее пойти на предательство, даже если бы оно могло спасти страну[4].

Появилась и эта трещина в уже разделенной протестантской партии, трещина в отношениях между курфюрстом Саксонии и его генералом. Иоганн Георг был готов к тому, чтобы уйти от Оксеншерны и заключить сепаратный мир с Фердинандом. Арним не соглашался, и пока в его руках была армия, он придерживался принципа «или все или ничего». Арним не видел или не хотел видеть одного прискорбного факта: создание Хайльброннской лиги настолько связало благополучие Германии с интересами Оксеншерны и Ришелье, что никакой всеобщий мир в империи невозмо-

[1] Feuquières, pp. 113, 221; *Sverges Traktater*, V, ii, pp. 12—18.

[2] Feuquières, I, pp. 64—65, 141.

[3] *Brefväxling mellan Oxenstierna och Svenska Riksrådet. Händlingar rörande Skandinaviens Historia*, XXV, p. 207; Hallwich, *Wallensteins Ende*, I, p. 355.

[4] Helbig, *Wallenstein und Arnim*, p. 18; G. Droysen, *Holks Einfall in Sachsen. Neues Archiv für Sächsische Geschichte*, I, pp. 53 ff.

жен до тех пор, пока Габсбурги не побьют Бурбонов или, наоборот, Бурбоны — Габсбургов.

3

Тем временем и в Нидерландах Ришелье и Оливарес делали все для того, чтобы разрушить последние надежды на мир. В 1632 году принц Оранский без сопротивления захватил Венло, Рурмонд и мощную крепость Маастрихт. Более амбициозный и менее осмотрительный человек дошел бы до Брюсселя. Фридриха Генриха сдерживали два соображения. Во-первых, он не был уверен в том, что его армия способна удержать линию коммуникаций между границей и фламандской столицей[1]. Во-вторых, ни он сам, ни правительство Соединенных провинций еще не знали, нужен ли им вообще Брюссель. С Ришелье уже существовало тайное соглашение о разделе Испанских Нидерландов: Франции должна была отойти южная, а голландцам — северная половина страны[2]. Фридрих Генрих не мог не понимать, что ослабление могущества Габсбургов ведет к возвеличению Бурбонов, и он должен был любой ценой сохранить буферное государство, отделявшее его от набирающей силу монархии. В Брюсселе об этом даже не догадывались, но голландцы, заклятые враги, оберегали его от агрессии Франции[3].

Стареющая эрцгерцогиня вряд ли осознавала все эти премудрости, но по крайней мере она увидела в нерешительности голландцев шанс на заключение мира и ухватилась за него обеими руками. Для этого у нее имелись веские основания. Принцу Оранскому помогали изменники среди фламандского дворянства[4]. Хотя заговор удалось вовремя

[1] Geyl, pp. 132—133.

[2] Ibid., p. 96.

[3] Waddington, *Les Provinces Unies en 1630.* Paris, 1893, pp. 6 f.

[4] Waddington, *La République des Provinces Unies.* Lyons, 1891, pp. 400—405; Lundorp, IV, pp. 287—289. Более подробно о заговоре см.: Hennequin de Villermont, *L'Infante Isabelle*, II, pp. 388 f.

раскрыть, он указал Изабелле на то, что почва под ее ногами зашаталась. Генеральные штаты, созванные в сентябре 1632 года, потребовали незамедлительных переговоров о мире. К этому их побуждало неутешительное положение, сложившееся в стране: армия нищенствовала, налоги выросли, торговля деградировала из-за войны и упадка в портах и городах[1]. С согласия Мадрида Изабелла повиновалась, делегаты для обсуждения условий перемирия с Соединенными провинциями были избраны[2].

Делегаты собрались к концу 1632 года. Но еще в конце ноября Брюссель получил два известия, которые все изменили. На место эрцгерцогини был назначен брат испанского короля, а в Лютцене убили короля Швеции[3]. Назначение инфанта Фердинанда, кардинала-инфанта, как его тогда называли, свидетельствовало о возобновлении попыток возродить влияние и популярность Габсбургов в Брюсселе. Смерть шведского короля означала то, что император снова может прийти на помощь. Тем не менее, несмотря на новую политическую ситуацию, и эрцгерцогиня, постаревшая и мудрая, и Фридрих Генрих предпочли бы договориться о мире. Но вмешалась неизменная вражда между Бурбонами и Габсбургами. Эркюль де Шарнасе переубедил принца Оранского и растормошил партию войны в Соединенных провинциях[4], а Оливарес и король Испании с самого начала не проявляли особого энтузиазма к мирным переговорам. Потратив тринадцать месяцев на безуспешные дискуссии, делегаты разъехались[5].

Смерть короля Швеции действительно придала новые силы династии Габсбургов. Все надежды теперь семейство возлагало на двух принцев, представителей молодого поко-

[1] Gachard, *Actes des États Généraux en 1632.* Brussels, 1853, pp. 22—60.

[2] Ibid., pp. 76—80, 165—168.

[3] Lonchay and Cuvelier, op. cit., II, pp. 659, 664.

[4] Prinsterer, op. cit., II, iii, pp. 37, 39—40.

[5] Gachard, pp. 147 f., 162 f.

ления. Тактичный, учтивый и благоразумный кардинал-инфант, которому было чуть более двадцати лет, брат Филиппа IV, вошел в доверие к Оливаресу[1] и стал правителем в Нидерландах. Его предназначали для церкви, еще в детстве сделали кардиналом, и принца всегда раздражали ограничения, которые это обстоятельство накладывало на получение удовольствий и реализацию амбиций. Ему все же удавалось с толком использовать те крохи свободы, которые предоставляло его духовное положение[2]. Когда он принял правление в Нидерландах, эрцгерцогиня сразу же попросила его по возможности отказаться от ношения церковных одеяний, поскольку кардиналы в роли статхаудеров вызывают неприязнь в Брюсселе[3]. Это вполне устраивало кардинала-инфанта, и с того времени на портретах он изображался без пурпурной мантии и пурпурной биретты, его тонкое овальное лицо обрамляли льняные кудри, усы свирепо топорщились, а сам он в доспехах и с маршальским жезлом восседал на гарцующем коне.

Однако в его внешнем облике не было никакой бравады. Кардинал-инфант досконально изучил военное искусство и намеревался прибыть в Нидерланды во главе внушительной армии. Более того, его войско должно было пройти по земле, через Германию, и очистить Рейн от врагов.

Второй надеждой семьи был кузен кардинала-инфанта эрцгерцог Фердинанд, король Венгрии и Богемии, муж сестры кардинала, инфанты Марии. Это он, сгорая от энтузиазма и оптимизма, просил отца-императора назначить его, а не Валленштейна главнокомандующим имперских армий. За это время он успел сколотить партию, враждебную и Валленштейну и Максимилиану. Если его группа и не управлялась непосредственно испанским послом, то она по меньшей мере находилась с ним в постоянном и тесном контакте. Фердинанд поставил целью создать армию для взаимо-

[1] *Relazioni dagli Ambasciatori, Spagna*, I, p. 658.

[2] Loc. cit.

[3] Lonchay and Cuvelier, II, p. 659.

действия с войском кардинала-инфанта. Стратегия на 1633 год была сформулирована: армия и ресурсы Валленштейна, но без Валленштейна.

Генерал утратил и уважение и признательность Вены еще в 1631 году тем, что преднамеренно заставлял голодать Тилли, сдал шведам Мекленбург, вел переговоры с Густавом Адольфом, Иоганном Георгом и даже с богемским изгнанником Турном. Только жесткая необходимость вынудила Вену снова обратиться к нему. Но он вновь продемонстрировал свое недоброжелательное отношение к династии Габсбургов, расквартировав войска на зиму 1632/33 года на имперских землях. У него не оставалось иного выхода, кроме как склонить к миру Саксонию; генерал не мог пойти куда-либо еще, не подвергая смертельной опасности и свою, и императорскую армию.

Положение императора тоже было незавидным, и из него, казалось, не было выхода. Любое открытое наступление на генерала, обладавшего и властью, и военной силой, могло обернуться предательством. Лучше скрывать взаимную подозрительность и сохранять видимость нормальных отношений, чем провоцировать Валленштейна на то, чтобы он поднял восстание в Богемии или ушел с войсками к противнику.

Нет никаких свидетельств существования заговора против Валленштейна, кроме того, который, возможно, зрел в головах молодого Фердинанда и его сподвижников. Какое-то время и сама испанская партия предпочитала, чтобы командовать армиями продолжал Валленштейн, а не неопытный король Венгрии[1]. Поведение генерала лишь постепенно настроило испанцев на поддержку эрцгерцога. Развитие событий в течение всего 1633 года и до убийства Валленштейна в феврале следующего убеждает в том, что со стороны сподвижников Фердинанда не было определенного пла-

[1] Gindely, *Waldsteins Vertag*, p. 33; Hallwich, *Wallensteins Ende*, I, p. 412: Pekař, pp. 77—104.

на действий. Тем не менее ясно, что без его устранения совместное выступление правителей Вены и Мадрида против общих врагов было бы невозможно.

4

С самого начала Валленштейн ощущал, может быть, чересчур болезненно, враждебность Австрийского дома, а после отставки в 1630 году жажда мести превратилась в навязчивую идею[1]. Только средства ее реализации оставались неопределенными. Похоже, он вынашивал замыслы объединить свои силы с саксонцами, заключить сепаратный мир с Иоганном Георгом, поднять восстание в Богемии. В его письмах можно найти немало туманных благородных намеков, но ни один из них так и не выкристаллизовался. В последний год своей жизни он выглядел больным, нерешительным и мстительным человеком, подверженным суевериям и окруженным докторами и астрологами[2].

Подагра выводила его из себя, былое крепкое здоровье разрушилось, а вместе с ним деградировал и разум. Показательный сигнал: четкая уверенная роспись 1623 года превратилась в скрюченные каракули к концу 1633-го[3]. Он уже не был столь же эгоистичен и тщеславен, как прежде, потерял вкус к организационным делам, отвечал на уколы Вены и Мадрида вяло, неуклюже или вообще не отвечал. Все действия Валленштейна после Лютцена и до убийства напоминали поведение старого и больного человека, поглощенного призрачными иллюзиями и полагавшегося не на собственные мозги, а на откровения астрологов. В его раздвоившемся сознании жесткий и сильный повелитель мира уступил место слабовольной, суеверно-идеалистичной личности. От грандиозных устремлений, которыми он поражал всех, кто с

[1] Pekař, *Wallenstein*, I, pp. 51 f.

[2] Hallwich, *Wallensteins Ende*, II, p. 22.

[3] Факсимиле приводит Фёрстер: Foerster, *Wallenstein*, III.

ним прежде соприкасался, остались лишь низменные желания получать воздаяния[1].

Тяжелым ударом для Валленштейна стала утрата Паппенгейма. Безжалостный, надменный и своевольный Паппенгейм был в то же время для солдат героем, не знавшим устали, полным задора, боевого духа, шедшим первым в атаке и последним при отступлении[2]. О нем рассказывали захватывающие истории у костров, он превратился в легенду, сотни шрамов на его теле наливались кровью, когда Паппенгейм приходил в ярость[3]. Его верность Валленштейну, его обожание и восхищение им солдат[4] воздействовали на моральное состояние войск гораздо больше, чем думал Валленштейн. Генерал многим был обязан этому человеку, и его потеря была невосполнима.

Обольщаясь своей силой, Валленштейн ни разу не задумался об ее истоках и в результате лишился и преданности, и уважения в войсках. Особенно это проявилось в 1633 году. В гневе за поражение при Лютцене он арестовал и осудил на казнь за трусость и измену тринадцать офицеров и пятеро солдат[5]. Тщетно пытались уговорить его отменить свое решение. Несмотря на то что приговоры посеяли мятежные настроения в армии, он остался непреклонен, и 14 февраля 1633 года его жертв казнили при стечении народа в Праге[6].

Ожесточение Валленштейна подтверждалось и слухами о его озлоблении в повседневной жизни. Он не позволял офицерам входить в комнату со звенящими шпорами, рас-

---

[1] Veit Valentin, *Wallenstein after Three Centuries. Slavonic Review*, 1935, p. 160.

[2] *Bandhauers Tagebuch*, p. 268.

[3] Khevenhüller, *Conterfet Kupfferstich*. Leipzig, 1722, II, p. 261.

[4] Foerster, *Wallenstein als Feldherr und Landesfürst*, p. 436.

[5] Hallwich, *Wallensteins Ende*, I, pp. 41—42.

[6] Srbik, *Wallensteins Ende*. Vienna, 1920, pp. 31 ff.; Gliubich, p. 368; Foerster, *Wallenstein*, II, p. 316; Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, II, p. 24.

порядился выстлать соседнюю улицу соломой, чтобы заглушить грохот колес по булыжнику, повелевал убивать всех собак, кошек и петухов там, где останавливался на постой, повесил слугу за то, что тот посмел разбудить его ночью, наказывал посетителей за чересчур громкую речь[1].

В начале 1633 года он вообще уединился и не пускал к себе никого, кроме слуг, зятя Трчки[2] и генерала Холька. Трчка был полным ничтожеством, а генерал Хольк по всем статьям никак не мог заменить Паппенгейма. Пьянице и хаму Хольку не было равных только в бузотерстве. «Холь Кух»[3] звали его крестьяне за пристрастие к грабежам. Одно время он был лютеранином и вроде бы им оставался, но в народе о нем сочиняли издевательские стишки[4]:

Совесть моя то туда, то сюда,
Но слава земная нужна мне всегда.
Не вера, а золото в сердце моем,
А Бог пусть печется о мире другом[5].

Эти слова как нельзя лучше отражали циничную натуру Холька, не изменившуюся до самой смерти.

Авторитет Валленштейна в армии подрывало и бездумное рекрутирование. В предыдущем году его личные земли подверглись оккупации, впервые ресурсы генерала перестали соответствовать потребностям, и ему пришлось прибег-

---

[1] Poyntz, p. 136; Priorato, *Historia delle Guerre*, 1643, p. 98; Gindely, *Wallenstein während seines ersten Generalats*, I, p. 74.

[2] Онемеченное имя звучит как Терцка, у Шиллера в «Валленштейне» — Терцки.

[3] Прозвище с немецкого языка можно перевести как «уведи корову» или «коровокрад». — *Примеч. пер.*

[4] Opel and Cohn, p. 342:
Gewissen hin, Gewissen her,
Ich acht viel mehr die zeitlich Ehr,
Dien nicht um Glauben, dien um Gelt,
Gott geb, wie es geh in jener Welt.

[5] Перевод английского варианта текста. — *Примеч. пер.*

нуть к старой злостной практике торговли чинами и не обращать внимания на то, какого сорта люди их покупают[1].

Максимилиан тоже испытывал массу треволнений. В то время, когда Валленштейн двинулся к Лютцену, он увел свое войско и Альдрингера в Баварию, где они провели зиму и начало весны в томительной неизвестности. Большой контингент шведской армии под началом маршала Горна осенью 1632 года поднялся по Рейну и оккупировал значительную часть Эльзаса. Затем Горн повернул на восток и в марте воссоединился с войсками Бернхарда Саксен-Веймарского у Оберндорфа в Шварцвальде. Они вместе собирались разгромить Баварию[2]. Начиная с января Максимилиан безуспешно просил Валленштейна прислать подкрепление[3]. Ничего не получив, Альдрингер ушел в Мюнхен, в то время как многие его измотанные маршами и вообще уставшие подразделения сдались шведам[4]. К счастью для Максимилиана, раздоры между Бернхардом и Горном, нужда и мятежные настроения в армии не позволили им предпринять нападение[5]. В мае курфюрст, не дождавшись помощи от Валленштейна, обратился напрямую к Хольку. Соблюдая субординацию, Хольк передал письмо по назначению[6]. Валленштейн, демонстрируя свою лояльность, отправил Холька в Эгер, откуда тот мог наблюдать за развитием событий в Баварии. Какое бы благоприятное впечатление он ни произвел этим актом, Валленштейн тут же его разрушил, заключив перемирие с Арнимом, не посвящая в детали Вену[7]. Возможно, он и считал себя агентом императора на переговорах, но скорее всего хотел потянуть время, чтобы извлечь из этого какую-то

[1] Ritter, *Deutsche Geschichte*, III, p. 558.

[2] *Brefvexling*, II, viii, pp. 97, 99, 117.

[3] Hallwich, *Wallensteins Ende*, I, p. 117.

[4] *Brefvexling*, II, viii, p. 119.

[5] Ibid., pp. 97, 110, 124, 126 f.

[6] Hallwich, *Wallensteins Ende*, I, pp. 98, 149, 224, 230, 239, 260, 273, 300, 312, 327, 379.

[7] Ibid., I, p. 426.

выгоду. Его доверенный человек, богемский изгнанник Кинский, в контакте с Фекьером и шведами с мая разрабатывал в Дрездене планы национального восстания в Богемии[1]. Участвовал ли в этом Валленштейн, неизвестно, однако факт остается фактом: его главным доверенным лицом тогда был зять Трчка, обжегшийся на восстании 1618 года.

Какими бы мотивами ни руководствовался Валленштейн, его переговоры с Арнимом не учитывали отсутствие стремления к миру в Вене. Партия молодого венгерского короля и его друга графа Траутмансдорфа становилась все более влиятельной в совете, тесня постаревшего императора и Эггенберга, а летом младший Фердинанд заручился и поддержкой испанского посла.

Шведская армия маршала Горна уже несколько месяцев стояла у Брайзаха[2], крепости, охранявшей Верхний Рейн, — отсюда можно было держать под контролем все движение по реке. Если бы император и, соответственно, испанский король лишились этого бастиона, то кардиналу-инфанту пришлось бы отказаться от своих планов переправить армию в Германию, надеть снова мантию и биретту и посвятить себя теологии. В мае 1633 года испанский посол информировал императора: король готов взять на себя все расходы на войну[3]. Кардинал-инфант уже собрал армию в Италии для перехода через Альпы[4]. Но в начале июля Горн сомкнул блокаду вокруг Брайзаха.

Тем временем чума, гулявшая по границе Саксонии, постепенно выкашивала армии и Арнима и Валленштейна. Имперские войска, истосковавшиеся по грабежам, роптали на вынужденное бездействие[5]. Желая успокоить их[6], Вал-

[1] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, II, pp. 136—141; Aubéry, *Mémoires pour l'histoire du Cardinal Duc de Richelieu*. Paris, 1860, II, pp. 399—401; Feuquières, I, pp. 152 f.

[2] *Brefvexling*, II, viii, p. 100.

[3] Hallwich, *Briefe und Akten*, IV, pp. 124—126.

[4] Lonchay and Cuvelier, III, p. 2.

[5] Srbik, p. 39.

[6] Gaedeke, *Wallensteins Verhandlungen*, p. 173.

ленштейн наконец отдал приказ о выступлении армии Хольк, но не на помощь Максимилиану, а против Саксонии, намереваясь демонстрацией силы побудить Арнима, Иоганна Георга и Бернхарда Саксен-Веймарского к тому, чтобы уважительно отнестись к его мирным предложениям. Однако чума, эта страшная спутница войны, порушила его планы. Хольк дошел до Лейпцига, теряя людей из-за эпидемии, узнал, что Бернхард не отвечает даже на письма[1], и развернулся обратно, уходя по землям, уже разоренным и разграбленным собственными войсками. В августе лили дожди, его солдаты, истощенные от голода и болезней, гибли в грязи под колесами повозок и ногами проходящих войск, умирали, не получая никакой помощи, в канавах и сараях[2]. Тиф и бубонная чума нанесли тяжелейший урон армии Холька, и сам он умер, заразившись бубонной чумой.

С подкреплениями к нему спешил полковник Хацфельд. Он нашел старого грубияна в Адорфе, съежившегося в злой и перепуганный комок в карете[3]. Полковник распорядился отыскать лютеранского священника, обещая дать ему пятьсот талеров за отпущение грехов. В обезлюдевшей стране, конечно же, никого не нашли. Хольк отверг Бога и, отверженный Богом, умер[4].

В сентябре Валленштейн снова призвал к перемирию, и снова переговоры не дали никакого результата. Протестанты не верили в то, что генерала поддерживают в Вене[5]. Они были правы: к сентябрю назрел разрыв между ним и имперским правительством. Герцог Фериа с передовым отрядом испанской армии уже ждал в Инсбруке команду отправиться в направлении Брайзаха и надеялся на помощь Альдрингера. Весь август генерал колебался — посылать Альдринге-

[1] Hallwich, *Wallensteins Ende*, I, pp. 546—547.

[2] Gaedeke, *Holks Einfall*, p. 153; Sondén, *Lars Tungel*, p. 176.

[3] Hallwich, *Wallensteins Ende*, I, pp. 553—554.

[4] Gaedeke, *Holks Einfall*, I, p. 179.

[5] Feuquières, II, p. 274; Sondén, *Lars Tungel*, pp. 166, 459—460, 462—464; Gaedeke, *Wallensteins Verhandlungen*, II, pp. 305, 339, 341.

ра или нет. Когда испанский посол лично попросил его об этом, Валленштейн набросился на него с руганью[1]. 29 сентября он еще раз написал императору о своем нежелании отправлять Альдрингера в помощь испанцам[2]. Однако ничтожный самодельный полководец из Люксембурга уже обставил его. Семь лет назад Валленштейн обозвал его «чернильным пакостником». Встретившись с герцогом Фериа в Шонгау, «чернильный пакостник» согласился присоединиться к испанцам вне зависимости от желаний Валленштейна[3].

В армии начался разброд, а Валленштейн не видел этого. Пренебрегая своими офицерами, он не понимал, что его сила целиком зависит от их доброй воли.

29 сентября войска герцога Фериа и Альдрингера соединились в Равенсбурге, 3 октября они заняли Констанц, 20-го — Брайзах. Тем временем на востоке Валленштейн пытался восстановить свои позиции, делая очередную глупость. Он внезапно обрушился на Силезию, застав врасплох шведские войска Турна и его беспардонного помощника, большого любителя бренди[4] Дюваля, в Штайнау, и за считанные дни овладел всей провинцией. Но радости было мало. Напротив, в Вене прогневались, узнав, что Валленштейн освободил заклятого бунтовщика Турна. Валленштейн объяснил, что Турн купил свободу, сдав все крепости в Силезии[5]. Хотя его аргумент и был оправдан в военном отношении, освобождение Турна ввиду слухов о симпатиях Валленштейна к богемским мятежникам казалось подозрительным.

Когда Альдрингер уходил к Брайзаху, Бернхард Саксен-Веймарский напал на беззащитную Баварию. Фердинанд и

---

[1] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, II, pp. 188—189; Hallwich, *Wallensteins Ende*, I, pp. 548 ff.

[2] Ibid., p. 594.

[3] Ibid., p. 583.

[4] Gaedeke, *Wallensteins Verhandlungen*, p. 139.

[5] Sondén, *Lars Tungel*, I, p. 190.

Максимилиан призвали на помощь Валленштейна, но получили циничный ответ: баварцам поможет Альдрингер. Сам же Валленштейн не мог снять ни одного человека с богемских границ[1]. 14 ноября 1633 года Бернхард вошел в Регенсбург.

Название города сеймов, связующего звена между Баварией и Богемией, было последним словом, произнесенным умиравшим Тилли, и он был теперь потерян благодаря усилиям одного человека — Валленштейна. Он мог снять с себя хотя бы часть ответственности, придя вовремя на помощь. Однако болезненное самомнение не позволило ему сделать это, и Валленштейн узнал о падении города, когда шел его спасать. Генерал просчитался: не спас ни город, ни собственную репутацию. Нежелание оказать своевременную помощь Регенсбургу лишь подтвердило прежние сомнения в его лояльности.

Условия жизни в Баварии стремительно ухудшались. Два года подряд страну опустошали то войска Тилли, то армии Густава Адольфа и Бернхарда, доведя крестьян до отчаяния. На притеснения они отвечали бунтами. И хороший урожай 1632 года, и плохой, побитый градом урожай 1633 года были загублены проходившими армиями или изъяты чиновниками курфюрста для снабжения собственного войска. Когда Альдрингер расположился здесь на зимний постой, восстание приобрело всеобщий характер. Испуганный Максимилиан пытался запретить расквартирование войск в самых бедных районах, но солдаты, побуждаемые нуждой, игнорировали указания и стреляли в тех, кто оказывал неповиновение. К концу декабря взялись за оружие около двадцати — тридцати тысяч крестьян, перекрыв дороги для голодных войск Альдрингера[2]. Но они восстали против солдатского постоя, а не против правительства, и помощь, предложенную Бернхардом Саксен-Веймарским, не приняли[3].

[1] Hallwich, *Wallensteins Ende*, II, pp. 44—66 *passim*.

[2] Aretin, *Beyträge*, II, iii, pp. 63 ff.

[3] *Brefvexling*, II, vii, p. 141.

Максимилиан утихомирил крестьян тем, что попросил Альдрингера размещать войска в более спокойных районах[1]. Из двух зол он выбрал меньшее.

Страдала не только Бавария. Несмотря на просьбы Фердинанда[2] и местных властей[3], Валленштейн снова расквартировал свои войска на имперских землях в Богемии. Как и прежде, делать это его заставляли военные нужды, но он не мог таким аргументом умиротворить недовольство Вены[4]. Генерал потерял Регенсбург, позволил опустошать Баварию и сам теперь поедал Богемию. Его уже можно было считать чуть ли не изменником: за короткое время он успел нанести столько вреда делу, которому был призван служить.

Сам Валленштейн расположился в Пильзене, понурая, хромая и раздражительная развалина. В Вене открыто поносили его, Максимилиан написал агенту, наставляя воспользоваться даже услугами испанцев для того, чтобы от него избавиться[5]. В армии зрело недовольство, высшее офицерство заподозрило измену. Трчка написал Кинскому, главному богемскому изгнаннику в Дрездене, о том, что генерал готов договориться с Бранденбургом, Саксонией, Швецией и Францией и настало время «сбросить маски»[6]. Действительно, настало время для «сбрасывания масок», но прежде всего с самого Валленштейна, и показать его истинное лицо — лицо человека, опьяненного иллюзией власти, которой у него уже не было.

Еще в мае 1633 года Валленштейн начал вести скрытные переговоры на предмет богемской короны через Кинского в Дрездене[7]; в июле Фекьер через Кинского же сообщил, что Франция признает его королем в обмен на измену импера-

[1] Aretin, *Beyträge*, II, iii, pp. 70 f.

[2] Hallwich, *Wallensteins Ende*, I, p. 540.

[3] Ibid., II, pp. 153, 157.

[4] Aretin, Wallenstein, I, p. 58.

[5] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, III, pp. 68—74.

[6] Gaedeke, *Wallensteins Verhandlungen*, pp. 214—215.

[7] Sondén, *Lars Tungel*, I, pp. 106—107.

тору. В декабре, похоже, он перестал колебаться и принял предложение[1].

В последний день 1633 года император и его совет все-таки решили избавиться от Валленштейна[2]. Надо было выяснить отношение к нему в армии, и в этом Вене охотно помогли его некоторые подчиненные. Альдрингер уже выразил свое мнение, повиновавшись не генералу, а императору. Опасения мести добавили ему нелюбви к главнокомандующему. Хольк, в чьей верности можно было не сомневаться, почил в бозе. Октавио Пикколомини, итальянский наемник, заменивший Паппенгейма, уже продался венскому правительству. Маттиас Галлас, добродушный, беспечный и не очень компетентный артиллерийский генерал, раздумывал над предложением стать главнокомандующим у короля Венгрии. К тем, кто еще сохранял верность Валленштейну, относились, пожалуй, только Адам Трчка, распоряжавшийся восемью полками, Христиан Илов, квартирмейстер, Франц Альбрехт Саксен-Лауэнбургский да еще несколько человек. Тем не менее Валленштейн должен был продемонстрировать открытую измену, прежде чем его можно было бы убрать. По этой причине надо было все делать так, чтобы он ничего не заподозрил.

Звезды Валленштейна помогали больше императору и венгерскому королю, а не ему. Сам же он доверял больше гороскопам своих офицеров, а не их талантам. Гороскопы Пикколомини и особенно Галласа вселяли в него уверенность.

В декабре император попросил его рассказать о контрибуциях, которые он взимает с имперских земель. Валленштейн наотрез отказался[3]. Фердинанд, постаревший и не такой жизнерадостный, как в молодости, предался молитвам, прося Господа указать ему способы избавления от Валленштейна[4]. Генерал действительно зашел слишком далеко

[1] Feuquières, I, pp. 155—160, 258, 290—291; II, pp. 1—9, 68.

[2] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, III, p. 95.

[3] Foerster, *Wallenstein*, III, pp. 114—128.

[4] Srbik, p. 381; Gliubich, p. 418.

и уже встал на путь открытого предательства. Он задумал перейти к врагам со всей армией и 12 января созвал своих главных полковников в Пильзене, заставив их дать клятву верности лично ему, ссылаясь на заговоры против него в Вене. Клятву подписали сорок девять полковников[1], и Валленштейн почувствовал себя в безопасности. Ему и в голову не приходило, что для наемника подпись ничего не значит. Сам человек не слишком совестливый, Валленштейн почему-то положился на честность других людей.

Вести из Пильзена больше встревожили Прагу, а не Вену. В богемской столице опасались национального восстания; как ни странно, именно боялись, а не надеялись на то, что оно произойдет. При императорском дворе попытались скрыть информацию или по крайней мере минимизировать ее значение[2]. Тем не менее она заставила императора поторопиться с принятием окончательного тайного решения. 24 января 1634 года он поставил подпись на декрете об увольнении Валленштейна[3] и сразу же попросил графа Галласа посоветоваться с Пикколомини насчет того, как лучше брать генерала — живым или мертвым[4].

В то же самое время Валленштейн при посредничестве Франца Альбрехта Саксен-Лауэнбургского прорабатывал возможности сближения с Арнимом и Бернхардом Саксен-Веймарским. Он хотел воспользоваться клятвой верности, данной в Пильзене, пока она еще не остыла, но не решался присоединиться к ним, надеясь, что они тоже пойдут ему навстречу и проделают хотя бы полпути. Его колебания дали Пикколомини и Галласу время на то, чтобы отшлифовать свои планы.

Валленштейна в Пильзене окружали истинные его оруженосцы и преданные солдаты, и брать его там было крайне рискованно. Кроме того, и для императора, и для молодого

[1] Hallwich, *Wallensteins Ende*, II, pp. 136—137.

[2] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, III, p. 168; Pekař, p. 600.

[3] Foerster, *Wallenstein*, III, p. 177.

[4] Srbik, pp. 84—86.

венгерского короля было исключительно важно не допустить раскола в армии, который мог бы привести к гражданской войне в Богемии. Армию следовало полностью отрезать от Валленштейна, в противном случае все рухнет.

В начале февраля среди офицеров пошли слухи: Валленштейн собирается стать королем Богемии, сделать Людовика XIII римским королем, отдать курфюршества Саксонию, Баварию, Майнц и Трир Францу Альбрехту, Бернхарду Саксен-Веймарскому, Арниму и маршалу Горну, объявить Галласа герцогом Мекленбурга, Пикколомини — герцогом Милана, Трчку — герцогом Моравии и отрубить голову Альдрингеру[1]. Искусная ложь замутила головы офицеров, посеяла сомнения в здравом уме Валленштейна; ее скорее всего запустил внешне благопристойный, внушающий доверие и дипломатичный Октавио Пикколомини[2].

И в начале же февраля Валленштейн решил действовать. «Нельзя терять ни минуты, — писал Франц Альбрехт Арниму. — Все готово». Он, наверно, имел основания так думать. Валленштейн и его команда все еще ничего не заподозрили, а Галлас даже поддержал идею договориться с Арнимом[3]. Протестанты тем не менее продолжали колебаться, в то время как слухи в Пильзене уже раскалили обстановку. Слуга Трчки отказал в приеме францисканским монахам, презрительно буркнув, что его хозяин — примерный лютеранин. 15 февраля ночью Пикколомини тайно исчез из города, и никто не знал, куда он делся. Сам Валленштейн опять засомневался в своей неуязвимости. Он снова послал гонцов, приглашая к себе главных офицеров. Альдрингер сказался больным, и к нему отправили Галласа[4]; на встречу не явились оба. Не пришел и Пикколомини. 18 февраля Франц Альбрехт признался в возможности раскола в армии. «Им придется уступить, или их сломают, — писал он Арни-

[1] Srbik, op. cit., p. 82.

[2] Ibid., p. 82.

[3] Gaedeke, *Wallensteins Verhandlungen*, pp. 259—260.

[4] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, III, p. 287.

му. — Им придется заплатить за то, что они с Альдрингером... Большинство офицеров здесь, и они согласны»[1]. Это была неправда. Чуть более тридцати офицеров явились на вторую встречу к Валленштейну, и почти все они жутко нервничали и задавали вопросы. Франц Альбрехт написал свое послание 18 февраля и в тот же день обратился к Бернхарду Саксен-Веймарскому с просьбой немедленно идти в Пильзен. Он опоздал: 18 февраля декретом императора, дошедшим до самых отдаленных аванпостов армии Валленштейна, всем офицерам приказывалось подчиняться только Галласу.

20 февраля в Пильзене состоялась вторая встреча. Валленштейн принял полковников в спальне, а потом попросил их удалиться с Трчкой и Иловым. Его дипломатичные и красноречивые соратники добились от офицеров лишь обещания оставаться с генералом только в том случае, если он не предпримет ничего во вред императору, но даже и с такой оговоркой некоторые из них отказались подписывать какие-либо письменные гарантии[2].

Тогда наконец Валленштейн и его самые верные конспираторы Адам Трчка и Христиан Илов поняли свою ошибку. Они полностью зависели от армии, а армия их бросила. Оказавшись в безвыходном положении, они совершили еще один нелепый поступок. Трчка отправился в Прагу, чтобы настроить столицу на поддержку Валленштейна, генерал должен был через некоторое время последовать за ним. Спустя два часа Трчка вернулся. Уже в дороге он узнал, что декрет об отставке Валленштейна в Праге огласил офицер, командовавший гарнизоном[3]. Валленштейн, все еще на что-то надеясь, послал за полковником Беком, верховным командующим в Праге, который находился в Пильзене, и приказал ему немедленно ехать в столицу и осудить действия

[1] Gaedeke, *Wallensteins Verhandlungen*, pp. 281—282.

[2] Hallwich, *Wallensteins Ende*, II, pp. 229—235.

[3] Irmer, *Verhandlungen*, III p. 289; Hallwich, *Briefe und Akten*, IV, p. 616.

подчиненного. К своему удивлению, он натолкнулся на такую твердолобую имперскую верность, какая редко обнаруживалась в армии наемников. Пусть другие поступают так, как хотят, но он лично не пойдет против императора, заявил Бек. Вряд ли имело смысл воспользоваться той властью, которой еще обладал Валленштейн, и расстрелять Бека. Поэтому Валленштейн, делая последний в жизни загадочно-драматический жест, протянул руку командующему и сказал, отпуская его, на прощание: «От меня зависит — быть миру или не быть. Бог милостив».

Трчка тем временем спешно готовился к отъезду из Пильзена, складывая все добытые сокровища, попадавшиеся на глаза, в вещевые обозы. Он не забыл обчистить и покинутое жилище Галласа, и 22 февраля 1634 года Валленштейн, Трчка и Илов выехали из Пильзена, имея около тысячи воинов и сто тысяч гульденов[1].

Их бегство застало Пикколомини врасплох. Он планировал окружить город войсками, верными императору, и заставить заговорщиков капитулировать. Итальянский наемник уже перекрыл дорогу в Вену, но не успел перехватить беглецов, ушедших на соединение с саксонцами[2]. Пикколомини вошел в Пильзен только для того, чтобы убедиться в лояльности войск, оставшихся в городе. Здесь к нему 25 февраля заявился возбужденный ирландский священник отец Тааффе. Он представился духовником полковника Батлера и рассказал случившуюся с ним историю. Батлер вел полк драгун в Прагу к имперцам и повстречался лицом к лицу с Валленштейном и его эскортом. Генерал приказал ему следовать с ним, полковник не решился ослушаться, но успел отослать из полка незамеченным отца Тааффе, вручив ему письменное подтверждение своей верности императору, составленное на английском языке, и устно дав задание выяснить, что он должен делать дальше. Валленштейн шел в кре-

[1] Foerster, *Wallenstein*, III, pp. 230, 254.

[2] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, III, pp. 210, 211, 276.

пость Эгер, на соединение с Арнимом и Бернхардом Саксен-Веймарским. Пикколомини долго не раздумывал: отец Тааффе ускакал с заданием для Батлера доставить Валленштейна живым или мертвым[1].

Но еще до того как отец Тааффе добрался до Батлера, и даже до того как священник встретился с Пикколомини, полковник уже самочинно выполнил его задание. Валленштейн и его спутники прибыли в Эгер 24 февраля около пяти часов вечера. Джон Гордон, один из полковников Трчки, принял их с видимой охотой. Но он открыл им ворота, боясь в равной мере и Валленштейна, и войск Батлера. Вечером ему стало известно о том, что Батлер занимает сторону императора, и его помощнику Лесли ничего не стоило склонить коменданта (к этому подключился и Батлер) на предательство Валленштейна[2]. Трудно разобраться в помыслах этих людей. Батлер по крайней мере считал своим долгом избавить империю от изменника[3]. Так или иначе, все трое были наемниками, и награда оказалась, вероятно, слишком соблазнительна, чтобы от нее отвернуться. Жди, когда еще так повезет.

На следующий день Илов безуспешно пытался добиться от офицеров города заверений в лояльности[4]. Но он не терял оптимизма, тем более что Гордон пригласил его, Трчку и богемского мятежника Кинского отужинать вечером с офицерами в замке[5].

Дальше все было просто. Пока соратники Валленштейна трапезничали в замке, ворвались драгуны Батлера и учинили кровавую расправу. Один Трчка, обладавший неимоверной силой, пробился во двор. Но здесь его встретили мушкетеры, потребовавшие назвать пароль. «Святой Иаков!» —

---

[1] Mailath, *Geschichte des oesterreichischen Kaiserstaates.* Hamburg, 1842, III, pp. 368—371.

[2] Ibid., pp. 373—375.

[3] Ibid., p. 370.

[4] Srbik, pp. 385, 390.

[5] Ibid., p. 185.

крикнул им граф. Этот пароль дал ему Валленштейн. «Австрийский дом!» — заорали мушкетеры и набросились на него, избивая ружейными прикладами, а один из них ударил его кинжалом. В это время в спальню Валленштейна вломился англичанин Деверу с несколькими наемниками. Валленштейн, стоя у окна, повернувшись лицом к убийцам, попытался двинуть ногой, что-то простонал, возможно, просил пощады, и упал, пронзенный алебардой. Огромный итальянец сгреб обмякшее тело и хотел выкинуть в окно, но Деверу, сохранивший хоть какую-то совестливость, остановил его и торопливо завернул мертвого Валленштейна в ковер, обагренный его же кровью[1].

Все это время Франц Альбрехт Саксен-Лауэнбургский уговаривал Бернхарда идти в Эгер. Но Бернхард, подозревавший, что Валленштейн дурачил его, согласился выйти в поход только 26 февраля. Арним был еще более нерешителен и оставил свой лагерь лишь 27 февраля[2]. Уже в пути они узнали, что Валленштейн мертв, а город в руках его убийц. Несчастный Франц Альбрехт, помчавшийся вперед сообщить о том, что они на марше, попал в плен к людям Батлера, и его отправили в заточение в Вену. Спорадические мятежи были подавлены, офицеров, вызывавших подозрение, поместили под арест, и вся армия, за редким исключением, заявила о верности императору[3]. Убийц пригласили в Вену, поблагодарили, поздравили и вознаградили повышением в чинах, деньгами и землями.

Не было никакой необходимости в том, чтобы наказывать семью изменника: его супруга и юная дочь были совершенно невиновны и к тому же безвредны. Главным его наследником был кузен Макс, чьей дружбой уже заручился король Венгрии[4]. Гениальный организатор и управленец, досыта кормивший армию, погиб, но это вовсе не означало,

---

[1] Srbik, p. 386; Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, III, pp. 291—293.

[2] Irmer, *Die Verhandlungen Schwedens*, III, pp. 284, 301, 306.

[3] Ibid., p. 383.

[4] Hallwich, *Wallensteins Ende*, II, p. 485.

что прекратится снабжение войск: с уходом из жизни Валленштейна исчезли и привилегии, которыми пользовались его земли. Более того, кардинал-инфант вот-вот должен был перейти через Альпы с войсками и деньгами для поддержки Габсбургов.

Пугало измены Валленштейна оказалось всего лишь пугалом. Но от одного мимолетного движения рук убийц сгинула величайшая грозная сила, ослеплявшая Европу и ужасавшая Вену. Паутина интриг, протянувшаяся от Парижа до Вены, была сметена тремя эмигрантами-головорезами, замышлявшими убийство за вечерней трапезой[1]. До самой последней минуты Валленштейн наводил страх: он пронизывал письма Альдрингера, Галласа и Пикколомини, сбивал с толку офицеров, собиравшихся в Пильзене[2], заставлял императора Фердинанда денно и нощно молиться[3]. Отец Тааффе в своих душещипательных беседах склонил полковника Батлера к тому, чтобы отмежеваться от Валленштейна. Гордон был не прочь пожертвовать и Эгером, и войском, и своей репутацией, лишь бы только не идти против воли генерала[4].

Под конец некого было бояться, кроме как инвалида, уже готового к тому, чтобы просить снисхождения. А когда все свершилось, остался лишь бездыханный труп, которым пришлось заняться Вальтеру Деверу. Хроника свидетельствует: «Они волокли его за ноги, голова его билась о каждую ступень, все было в крови, закинули в карету и увезли в замок, где уже лежали остальные, обнаженные, друг подле друга... И здесь ему отвели привилегированное место, положив в ряду справа, и это все, что можно было сделать для великого генерала»[5].

---

[1] Mailath, III, pp. 373—375.

[2] См. Hallwich, *Wallensteins Ende.*

[3] Gliubich, p. 418.

[4] Maillath, III, pp. 369, 374.

[5] Poyntz, p. 99.

5

Смерть Валленштейна была выгодна только Габсбургам; Бурбонам она практически ничего не давала. Слухи, распространявшиеся за три дня до его убийства, о том, будто он занял Богемию для Франции, были ложными[1].

Но династия Габсбургов могла торжествовать. Назначение короля Венгрии главнокомандующим, награждения и другие милости, посыпавшиеся на головы правоверных, успокоили и воскресили имперскую армию. Новоиспеченный генерал Маттиас Галлас был человеком малокомпетентным и привыкшим потакать своим слабостям, однако обладал качествами, особенно ценными в кризисное время: доброжелательностью и простотой в отношениях с подчиненными. Он знал, что такое популярность, и горел желанием ее завоевать. Пикколомини стал вторым человеком в армии, уступал Галласу только в возрасте и играл более важную роль, поскольку быстрее и точнее оценивал реалии, отличался организационными способностями и тактичностью, также необходимыми в преодолении трудностей. Более удачного тандема трудно себе представить: их методы резко контрастировали с грубостью и хамством сподвижников Валленштейна.

Венгерский король был официально провозглашен главнокомандующим в апреле. Хотя многие и считали двадцатишестилетнего молодого человека, не имевшего никакого военного опыта, всего лишь номинальной фигурой в армии, в действительности это была очень значимая фигура. Его выдвижение означало завершение подготовки Габсбургов к совместному, всей династией, наступлению на врагов. Оно также свидетельствовало о дальнейшей централизации императорской власти и политики. Неудача в Регенсбурге в 1630 году и успешное, безостановочное продвижение шведов показали несостоятельность прежней стратегии Ферди-

[1] Feuquières, II, pp. 214, 225—227.

нанда. Наконец ему повезло. В 1630 году императору не удалось заменить Валленштейна своим сыном, но в 1634 году он это сделал. Сдача Регенсбурга и Баварии вынуждала Максимилиана соглашаться на то, чтобы главнокомандующим был кто угодно, только не Валленштейн, и он охотно приветствовал назначение, которое категорически отверг четыре года назад.

Одна из угроз, которые создавал Валленштейн, таилась в отношениях между императором и конституционными князьями. С уходом из жизни генерала и назначением на его место венгерского короля она не исчезла. Когда Максимилиан в отчаянии наставлял своего агента в Вене не гнушаться и услугами испанцев, если они помогут избавиться от Валленштейна, он хотел спасти Баварию от разрушения, не думая о том, что может погубить и себя. Не Фердинанд, а обстоятельства заставляли его делать это. И не здравомыслие Фердинанда, а стечение обстоятельств позволило ему извлечь выгоду для династии.

Многое теперь зависело от того, как построит свои отношения с Максимилианом венгерский король. Он делал первые шаги в европейской политике, хотя в имперском совете заседал с девятнадцати лет. Младший Фердинанд после преждевременной смерти Карла оставался самым старшим из сыновей от Марии, сестры Максимилиана Баварского. Принц рос в превосходном окружении. Отец и мать, а затем и мачеха питали самые нежные чувства друг к другу, любили детей, и он блаженствовал, не испытывая никаких неприятностей, в холмах Штирии. Какими бы ни были воспитательные методы в штирийском семействе, они приводили к необычайным результатам. Младший Фердинанд оказался умнее отца и никогда не выказывал ни зависти, ни обиды, ни гнева. Он не боялся выражать свое мнение на совете, отличавшееся от отцовской позиции, и критиковать родителя, особенно в сфере финансов, имел свою партию при дворе, но не позволял разногласиям перерастать в антагонизмы между правителем и наследником, которые обычно отрав-

ляют жизнь придворным. Отец и сын гордились друг другом и легко находили компромиссы.

То, что наследник обладал особым даром доброжелательности, видно по его отношению к младшему брату Леопольду. Этот принц считал себя самым способным в семье, но обделенным, и обижался на то, что его удалили от трона. Старшие братья отличались слабым здоровьем, и когда в 1619 году умер старший сын Карл, никто не сомневался в том, что и Фердинанд долго не проживет. Но Фердинанд выжил, продолжил преграждать Леопольду дорогу к трону, возмужал, женился и еще дальше отодвинул младшего брата от наследования престола. Леопольд не делал никакого секрета из своего недовольства, все при дворе об этом знали, а Фердинанд не осуждал брата — напротив, старался при всякой возможности пропускать его вперед, советоваться с ним, ублажать, удовлетворяя его тягу к власти. Политические амбиции Леопольда оставались нереализованными, но это не мешало братьям дружить[1].

Венгерский король унаследовал добродушный характер и обаятельность отца, правда, не перенял его веселый и легкий нрав. Менее словоохотливый, но такой же великодушный и обходительный, он владел семью иностранными языками и мог самостоятельно и успешно разрешать дипломатические проблемы. От семейства матери младший Фердинанд перенял меланхоличные черные глаза, темно-каштановые волосы, типичную внешность Виттельсбахов. Хотя с детства его приучили интересоваться охотой, он предпочитал в свободное время читать философские труды, сочинять музыку, вырезать фигурки из слоновой кости или проводить эксперименты в своей лаборатории. Иногда он даже выступал с учеными лекциями для придворных, и старый император сиял от радости и гордости за свое чадо. Наследник, по обыкновению, выглядел безмятежным, задумчивым, можно сказать, отрешенным. В отличие от отца

[1] Fiedler, p. 122.

он был бережлив на грани скупости. В детстве его замкнутость создавала впечатление тупоумия, но когда в нем появилась уверенность в себе, ее уже принимали за глубокомыслие[1]. Да, он был действительно мыслящим, творческим, беспокойным интеллектуалом. У него не было такой же твердой веры, как у отца, ни в свою миссию, ни в Бога, который поддерживал старшего Фердинанда. У него не было и такой же целеустремленности, которая придавала величие старому императору. Он оказался слишком умен, чтобы быть счастливым, и недостаточно умен, чтобы стать успешным. Фердинанду II помогали либо проницательность, либо везение, Фердинанд III был лишен и того и другого.

Главной опорой для Фердинанда со дня венчания и до ее смерти в 1646 году была жена — инфанта Мария Испанская, сестра кардинала-инфанта. Эта обаятельная, добрая и умная женщина служила связующим звеном между дворами Мадрида, Брюсселя и Вены[2]. Она была на несколько лет старше супруга, и оба любили друг друга всем сердцем.

Сначала как король Венгрии, а потом как император Священной Римской империи Фердинанд III сыграл свою роль в истории Европы. Он заслуживает того, чтобы исследователи уделяли ему достойное внимание. Однако, по имеющимся свидетельствам, его современники, похоже, говорили о нем больше, чем потомки.

Пока Габсбурги готовились к наступлению в империи, происходили благоприятные для них перемены и за ее пределами. Престарелая эрцгерцогиня Изабелла зимой умерла. Перед кончиной она наказала Гастону, герцогу Орлеанскому, приехавшему ее навестить, не забывать мать, высланную из Франции[3]. А еще раньше эрцгерцогиня со всеми почестя-

[1] Carafa, pp. 268—289; Fiedler, pp. 189—190, 277—278.

[2] Fiedler, p. 279.

[3] A. Langel, *Le Duel de Marie de Médicis et de Richelieu. Revue des Deux Mondes*, Nov. 1877, p. 362.

ми, подобающими дочери короля[1], приняла жену Гастона, Маргариту Лотарингскую. И, уходя на тот свет, она пыталась сделать все для того, чтобы эти никчемные отщепенцы не примирились с королем Франции[2], а продолжали оставаться орудием в борьбе против французской монархии. После смерти эрцгерцогини временное правительство в Брюсселе частично осуществило ее желания, заключив договор об альянсе с Гастоном Орлеанским и побудив к мятежу герцога Лотарингского. Таким образом, ставленники Габсбургов вновь растормошили бунтарей, доставлявших хлопоты Франции. Летом они, подавляя стремление своих фламандских подданных к миру, распустили Генеральные штаты, а посол, отправленный к Филиппу IV для урегулирования проблем, был в Мадриде арестован.

Ришелье выполнил вторую часть сценария. Он возобновил договор с Республикой Соединенных провинций[3], отказался признать брак Гастона с Маргаритой Лотарингской и послал армию, чтобы утихомирить ее неугомонного брата герцога Карла. В Париже маленькая принцесса крови, единственный ребенок Гастона, настоящий сорванец, носилась по Лувру, распевая хулиганские песни о кардинале, услышанные ею где-то. В семь лет она уже была бунтарем[4].

Но центром притяжения интересов Бурбонов и Габсбургов по-прежнему оставалась Германия, где Фекьер осторожно и ненавязчиво усиливал позиции Ришелье. Весной 1634 года во Франкфурте-на-Майне состоялось собрание Хайльброннской лиги. За время, истекшее после предыдущей встречи, произошли некоторые изменения: внешне казалось, что положение французов и шведов осталось та-

[1] Avenel, IV, p. 480. Маргарита была дочерью не короля, а лотарингского герцога Франциска II. — *Примеч. пер.*

[2] Lonchay and Cuvelier, II, p. 718.

[3] Aitzema, op. cit,, pp. 94—95.

[4] *Mémoires de la Grande Mademoiselle*, ed. Petitot, II, xl, p. 373.

ким же, однако на самом деле влияние Оксеншерны уменьшилось, а Фекьер почувствовал себя смелее и увереннее.

Перед ним стояли более легкие задачи. У француза была одна цель в Германии — добиться того, чтобы немцы не могли обойтись без помощи Франции. После создания Хайльброннской лиги он последовательно отрывал князей и сословия от шведов, используя организацию Оксеншерны для переманивания и подкупа его союзников[1]. Его влияние возрастало, а Оксеншерны — падало.

Шведского канцлера вряд ли можно обвинять в том, что он терял доверие союзников. У него было столько проблем, что он в одиночку просто не мог с ними справиться. Самая большая беда — армия. При Густаве Адольфе конгломерат из шведских войск и германских рекрутов как-то еще сохранял единство. Но буря назревала еще до гибели короля и во всю силу обрушилась на Оксеншерну.

После Лютцена в Германии оставались четыре армии: Густава Горна, Юхана Банера, Вильгельма Гессен-Кассельского и Бернхарда Саксен-Веймарского. Из четырех командующих первые два были шведскими маршалами, неукоснительно исполнявшими приказы шведского правительства. Третьего можно было считать единственным реальным независимым союзником шведов помимо, конечно, Иоганна Георга: войско Вильгельма Гессен-Кассельского было небольшим, но прекрасно организованным и управляемым, полностью самостоятельным соединением. Проблемы создавал четвертый командующий — Бернхард Саксен-Веймарский.

В принципе в армии он занимал такое же положение, как Горн или Банер, то есть служил шведской короне[2]. Но Бернхард имел наглость во всеуслышание заявлять, что король должен завидовать ему, и еще до битвы при Лютцене претендовал на отдельное, самостоятельное командование

[1] Feuquières, pp. 96—98, 103, 195, 243, 285.

[2] Struck, p. 20, n. 3.

войсками[1]. После сражения, которое было выиграно во многом благодаря его ловкости и умению, он действительно оставался единственным человеком, способным заменить Густава Адольфа.

Характер Бернхарда малоизвестен. Судя по его запискам и действиям, нельзя сказать, что это была обаятельная личность. Он был скорее человеком жестким и грубым. «*Imperare sibi maximum imperium est*»[2] — эти банальные слова он начертал на рукописной книге, достойной саксонца[3]. Считается, что Бернхард Саксен-Веймарский отличался редким самообладанием, выдержкой, целомудрием, необычайной смелостью и набожностью. Однако лицо его, представленное на гравюрах, непривлекательно: низкий лоб, тяжелый, тусклый взгляд, неприятный эгоистичный рот. Старшим братом ему приходился тот самый Вильгельм Веймарский, который пытался создать «союз патриотов» в 1622 году и попал в плен при Штадтлоне[4]. Этот мягкосердечный, любезнейший и пессимистичный князь[5] тоже командовал шведской армией, но Бернхард грубо и безжалостно убрал его со своей дороги.

Человеку не просто честолюбивому, а остро переживавшему за свою нацию и княжеский род, ему досаждало любое иностранное господство, в данном случае шведское. Он держался независимо, и на него навесили ярлык патриота-индивидуалиста. Индивидуалистом он, конечно, был; насчет его патриотизма свидетельств гораздо меньше. «Превосходный командующий, — писал о нем Ришелье, — но настолько поглощен самим собой, что в нем никогда нельзя быть уверенным»[6].

---

[1] Roese, *Herzog Bernhard der Grosse*. Weimar, 1828—1829, I, pp. 174—175.

[2] «Власть над собой – высшая власть», афоризм Сенеки (*лат.*).

[3] *Melchior Jauch und sein Stammbuch. Archiv für Sächsische Geschichte*, IV, p. 208.

[4] См. выше в главе четвертой.

[5] Aubery, *Mémoires de Richelieu*, p. 395.

[6] Hanotaux and le Duc de la Force: *Revue des Deux Mondes*, March, 1935, p. 380.

Другим претендентом на командование армиями был Густав Горн. При жизни короля Горн и Оксеншерна в равной мере были его правой рукой[1]. И это никого не удивляло, поскольку в своей профессии маршал ни в чем не уступал канцлеру. В роли главнокомандующего Горн устраивал Оксеншерну больше, чем Бернхард: канцлер все-таки приходился маршалу тестем, и они прекрасно ладили друг с другом уже много лет. Бернхард, однако, считал иначе. Говорили, будто он как-то сказал, что один германский князь стоит десятка шведских дворян. Для него были приемлемы только два варианта: если он не может стоять выше Горна, то по крайней мере должен занимать равное и независимое положение. Когда командующие встретились прошлым летом на границе Баварии, Бернхард высокомерно потребовал для себя титул генералиссимуса. Горн не столь высокомерно, но тем не менее так же твердо предложил ему звание генерал-лейтенанта[2]. Однако между ними имелись более серьезные политические и стратегические разногласия. Горн, в большей мере дальновидный, хотя, может быть, и менее одаренный полководец, хотел сосредоточиться на верховьях Рейна и там дать решающий отпор австрийско-испанским армиям. Для Бернхарда главное место в войне занимали его личные интересы[3]. Летом 1633 года он вдруг потребовал отдать ему герцогство Франконию. Его претензию можно расценить двояко. Возможно, он загорелся желанием получить вознаграждение, как это делал Мансфельд, а может быть, исходил из того, что, забрав земли, попавшие в руки к шведам, отвоюет хотя бы часть своего отечества и отстоит интересы нации. Аксель Оксеншерна пошел ему навстречу, подписал патент, учреждающий Франконское герцогство под

[1] J. V. Andreae, *Gustavi Adolphi Suecorum Regis Memoria*. Berlin, 1844, p. 13.

[2] Brefvexling, II, viii, pp. 126 ff.; Pufendorf, VIII, p. 40.

[3] K. Jacob, *Von Lützen nach Nördlingen*. Strassburg, 1904. pp. 65—66, 166—167.

шведской короной[1], и частично разрешил проблему субординации, согласившись на свободный альянс с новым герцогом по той же модели, по которой он возобновил союз с Вильгельмом Гессен-Кассельским[2].

Эти трения, конечно, вредили Оксеншерне и играли на руку Фекьеру: еще в апреле 1633 года он попытался отбить у шведов тщеславного Бернхарда и привязать его к Франции[3]. Тревожила и обстановка в армии. Французы выплачивали субсидии нерегулярно, система распределения средств давала сбои еще при жизни короля, а после его гибели стала еще хуже, вызывая недовольство среди солдат и офицеров и приведя в конце концов к мятежам. Бунт погасили, частично выплатив жалованье и раздав германские поместья самым воинственным офицерам[4]. Опасность большого взрыва миновала, но не исчезла. Оксеншерна понимал, что ему теперь надо сохранять мир между двумя генералами и спокойствие в войсках, если все-таки война продлится. Пока ему удавалось утихомирить офицеров крохами германской земли, но тем самым он досаждал германским союзникам в Хайльброннской лиге, хотя один голландский политик и писал в апреле 1634 года: «J'ai peur qu'enfin tout ne s'éclate contre les Suédois»[5,6].

Когда представители лиги собрались во Франкфурте весной 1634 года, они ополчились против предложений Оксеншерны, особенно в отношении компенсаций для Швеции[7]. Это было малоутешительно для канцлера, намеревавшегося подключить к лиге Нижнесаксонский и Верхнесак-

[1] *Sverges Traktater*, V, ii, pp. 92—100.

[2] Ibid., pp. 71—74, 105—109.

[3] Feuquières, II, p. 96.

[4] *Brefvexling*, II, viii, pp. 97, 110, 124, 248 f.; VI, pp. 51—52.

[5] Prinsterer, II, iii, p. 55.

[6] «Боюсь, что в конце концов никто не пойдет против шведов» (*фр.*).

[7] Lundorp, IV, pp. 425—427.

сонский округа[1] и не желавшего, чтобы их послы знали о разногласиях в его организации. Попытки завлечь Иоганна Георга в лагерь своих союзников закончились неудачей: курфюрст ответил на это призывом ко всем честным немцам не поддаваться лицемерию чужеземцев[2].

Пользуясь разбродом в стане союзников Оксеншерны, Фекьер вновь предложил помощь Франции. Его король готов поддержать дело протестантов и деньгами, и дипломатией, и денег он может дать гораздо больше, чем шведская корона, в обмен на очень маленькую уступку. Ему нужна на время войны лишь крепость Филипсбург на Рейне[3]. Город, располагавшийся на землях епископа Шпейера на правом берегу реки, сдался шведам еще в начале года и формально входил в Хайльброннскую лигу. Если князья дадут свое согласие, то Оксеншерна не может выступить против их решения без того, чтобы не углубить раскол. В то же время уступка означала бы изменение баланса сил влияния в пользу Ришелье.

Предложение было сделано в июле 1634 года. Тем временем в Южной Германии на Дунае армии пришли в движение. Чума и голод[4] держали на привязи войска Бернхарда до самого лета. Кардинал-инфант с войском в двадцать тысяч человек уже находился в пути из Италии. Стремясь перекрыть ему дорогу, Горн осадил крепость Юберлинген, прикрывавшую южный берег озера Констанц, где должны были идти испанские войска. Он стоял у города целый месяц, пока наконец Бернхард[5] не уговорил его вместе разгромить до подхода испанцев армию венгерского короля.

Арним, формально взаимодействуя с Банером (отношения между ними вконец испортились)[6], снова вторгся в Бо-

---

[1] *Brefväxling mellan Oxenstierna och Svenska Regeringen. Handlungen rörande Skandinaviens Historia*, XXIX, pp. 251—252.

[2] Lundorp, IV, pp. 384—389.

[3] Ibid., pp. 416—418; Feuquières, II, p. 35.

[4] *Brefvexling*, II, vii, p. 201.

[5] Ibid., II, viii, p. 275.

[6] Ibid., II, vi, pp. 122 ff., *passim*.

гемию. Это давало возможность Горну и Бернхарду выступить против неопытного венгерского короля и его некомпетентного генерала Галласа: они все еще не решили, что им делать — то ли защищать Прагу, то ли двигаться навстречу кардиналу-инфанту.

12 июля 1634 года Бернхард и Горн встретились у Аугсбурга, имея на двоих около двадцати тысяч человек[1], и отсюда направились в сторону богемской границы. По их информации, венгерский король шел к Регенсбургу, и они рассчитывали на то, что своим маневром, создающим впечатление, будто они намереваются соединиться с Арнимом, им удастся вынудить молодого Фердинанда повернуть обратно. 22 июля они штурмом взяли Ландсхут, который оборонялся кавалерией, главным образом баварской и частично имперской. Альдрингер, спешивший на помощь, опоздал и был застрелен, как предполагают, своими же людьми во время беспорядочного отступления[2]. Почти в это же время Арним появился у стен Праги.

Венгерский король не дрогнул и продолжал свой марш. Не успев взять Ландсхут, Горн и Бернхард уже потеряли Регенсбург[3]. Молодой Фердинанд не поддался искушению пойти в Богемию и, воспользовавшись отсутствием значительной части армии протестантов, решил атаковать их линию коммуникаций по Дунаю. Его расчет оказался верным: как только пал Регенсбург, Бернхард и Горн развернулись и двинулись за ним, а Арним покинул Прагу.

Потеря Регенсбурга была огорчительна для Оксеншерны, находившегося во Франкфурте. Но еще более огорчительные вести от Горна и Бернхарда его ожидали в ближайшие три недели. Фердинанд обгонял их в марше навстречу кардиналу-инфанту. Ни Горн, ни Бернхард Саксен-Веймарский не могли заставить изнуренные чумой и недоеданием

---

[1] *Brefvexling*, I, i, p. 205.

[2] Ibid., II, viii, p. 162; Brohm, *Johann von Aldringen*. Halle, 1882, p. 109.

[3] *Brefvexling*, II, viii, p. 164.

войска идти быстрее, чтобы перехватить имперскую армию до того, как она соединится с испанцами. 16 августа Фердинанд форсировал Дунай у Донаувёрта, кардинал-инфант уже приближался из Шварцвальда. До их рандеву оставались считанные дни. Однако ему было известно, что неподалеку от Донаувёрта, в Нёрдлингене, засел сильный шведский гарнизон, который мог нанести фланговый удар. И Фердинанд, все еще опережавший Горна и Бернхарда на несколько дней марша, решил захватить город и ликвидировать угрозу.

Тем временем продолжала доставлять неприятности Оксеншерне Хайльброннская лига во Франкфурте, чему активно способствовал Фекьер[1]. Попытки канцлера сплотить союзников не давали никакого результата, а узнав о том, что венгерский король захватил Донаувёрт, они тут же согласились в обмен на поддержку Ришелье уступить французам Филипсбург[2]. Договор, принесший Фекьеру первый серьезный дипломатический успех, был подписан 26 августа 1634 года. Примерно тогда же армии Горна и Бернхарда Саксен-Веймарского впервые увидели дымки, поднимавшиеся над лагерем короля Венгрии, расположившегося в лесистых холмах возле Нёрдлингена.

У Горна и Бернхарда было в общей сложности около двадцати тысяч человек[3], у венгерского короля — около пятнадцати тысяч. Ближайшие деревни вряд ли могли прокормить даже одну армию. Бернхард поначалу надеялся на то, что голод вынудит противника отойти без боя[4]. И он и Горн прекрасно понимали, что город нельзя освободить без кровопролитного сражения в крайне тяжелых условиях, хотя и при небольшом численном превосходстве[5]. Когда стало ясно, что Фердинанд будет ждать подхода кардинала-

[1] Feuquières, II, p. 387.

[2] *Sverges Traktater*, V, ii, pp. 200—205.

[3] *Brefvexling*, I, i, p. 205.

[4] Ibid., II, vii, p. 233.

[5] Ibid., p. 231.

инфанта, они тоже начали собирать по всем весям разрозненные подкрепления, все еще надеясь на то, что венгерский король отступит. Их надежды были напрасны: молодой Фердинанд даже и не думал уходить, а подкрепления, которые они набрали, были настолько слабы, малочисленны и небоеспособны, что вряд ли соответствовали этому определению.

Тем временем полковник гарнизона в Нёрдлингене с трудом пытался погасить панику среди бюргеров, настаивавших на капитуляции: им вовсе не хотелось разделить участь Магдебурга. Горн посылал им послание за посланием, прося продержаться еще несколько дней и с содроганием слушая прерывистый грохот пушек Фердинанда, бьющих по стенам города. Когда пушки замолчали надолго, он подумал, что город капитулировал[1].

Наконец в имперских войсках с радостью заметили приближение испанских войск, и 2 сентября король Венгрии лично выехал приветствовать кардинала-инфанта. Кузены встретились в нескольких милях от Донаувёрта, спешились и почти бегом бросились друг к другу[2]. Уже давно ставшие друзьями на расстоянии, они теперь могли обняться и как братья по крови, и как братья по оружию.

Обе стороны начали готовиться к битве. Горн все еще хотел потянуть время до прибытия новых подкреплений, с тем чтобы уменьшить численное неравенство сил, появившееся с прибытием испанцев. Тем не менее оба, и он и Бернхард, понимали, что сдача Нёрдлингена, случившаяся вскоре после падения Регенсбурга и Донаувёрта, поколеблет волю германских союзников и может развалить Хайльброннскую лигу. Политические последствия поспешного отступления будут тяжелее военных потерь[3].

---

[1] *Brefvexling*, viii, pp. 235—239.

[2] D. de Aedo y Gallart, *Viaje del Infante Cardenal Don Fernando de Austria*. Antwerp, 1635, p. 114.

[3] Chemnitz, II, Stockholm, 1653, p. 529.

Местность к югу от Нёрдлингена с ее округлыми холмами, густо усыпанными перелесками, была малопригодна для того типа решающего генерального сражения, который полюбился тактикам XVII века. Имперские и испанские войска расположились непосредственно перед городом, а их передовой отряд оккупировал гребень холма, возвышавшегося над дорогой, ведущей к городу. Шведская армия заняла позиции в миле от них, к юго-западу, на гряде низких холмов. Если шведы вздумают освобождать Нёрдлинген, то им придется спуститься в долину и идти мимо аванпостов неприятеля.

Кардинал-инфант поспешил отправить мушкетеров в небольшой лесок на самом краю холма, чтобы перекрыть маршрут возможного продвижения противника. Отряд был слишком малочислен, и вечером 5 сентября люди Бернхарда выбили его из леса, завладев важным плацдармом на дороге к Нёрдлингену. Они захватили в плен и майора, командовавшего мушкетерами, доставив его к Бернхарду, ужинавшему в это время в карете и пребывавшему в прескверном настроении. На вопрос о численности испанских подкреплений пленный дал почти правдивый ответ — около двадцати тысяч. Бернхард набросился на него с руганью. По имеющимся у него сведениям, испанцев должно быть не более семи тысяч. Если пленный не скажет ему всей правды, то он его повесит. Майор лишь повторил свой ответ, и Бернхард приказал увести его. Горн, находившийся в карете, в основном молчал. Ясно было, что он еще не определился с решением, и оно зависело от того, оправдается или нет оптимистическое преуменьшение Бернхардом сил испанцев[1].

В это время не так уж далеко от них, в ставке имперцев, проходил военный совет. Галлас винил кардинала-инфанта за то, что он послал в лес слишком мало солдат. Принц ответил спокойно: что сделано, то сделано, назад не воротишь.

[1] Aedo y Gallart, p. 127; Canovas del Castillo, *Estudios del Reinado de Felipe*. Madrid, 1888, IV, p. 436.

Затем кузены начали планировать действия на завтра, не особенно советуясь со старшими по возрасту[1]. Они решили усилить войска на холме, чтобы отразить вероятное нападение на этом направлении. Основной контингент армии должен быть сосредоточен на открытой местности перед городом, немцы — впереди, испанцы — позади, готовые в любой момент оказать поддержку там, где в этом будет необходимость, и отбить любую вылазку из города. Гарнизон города был настолько малочислен и измотан осадой, что вряд ли мог предпринять эффективную атаку с тыла. Принцы имели в своем распоряжении тридцать три тысячи человек — около двадцати тысяч пеших воинов, среди которых выделялись своей выучкой, натренированностью и дисциплиной испанские пехотинцы, и тринадцать тысяч всадников[2].

Какие бы иллюзии ни строил Бернхард, в численности войск он значительно уступал противнику. Войска протестантов насчитывали самое большее шестнадцать тысяч пехотинцев и девять тысяч кавалеристов и испытывали нехватку практически во всем. Тем не менее для них было принципиально важно освободить Нёрдлинген. Посоветовавшись, Горн и Бернхард пришли к такому заключению: если им сразу же удастся вытеснить противника с холма и самим занять его, то Фердинанду будет трудно удержать позиции перед городом и ему придется отойти. Этим маневром они хотели избежать генерального сражения. Горн на правом фланге должен был ночью выдвинуться к склонам холма, с тем чтобы днем пойти в наступление. Бернхарду на левом фланге предстояло выйти по долине на равнину, встать перед линиями противника и не позволить ему направлять подкрепления на холм. План двух генералов подразумевал их тесное взаимодействие, несмотря на то что они должны были выполнять раздельные и разные задачи. Однако они не учли одно существенное обстоятельство — пояс

[1] Aedo y Gallart, p. 128.

[2] Ibid., p. 130.

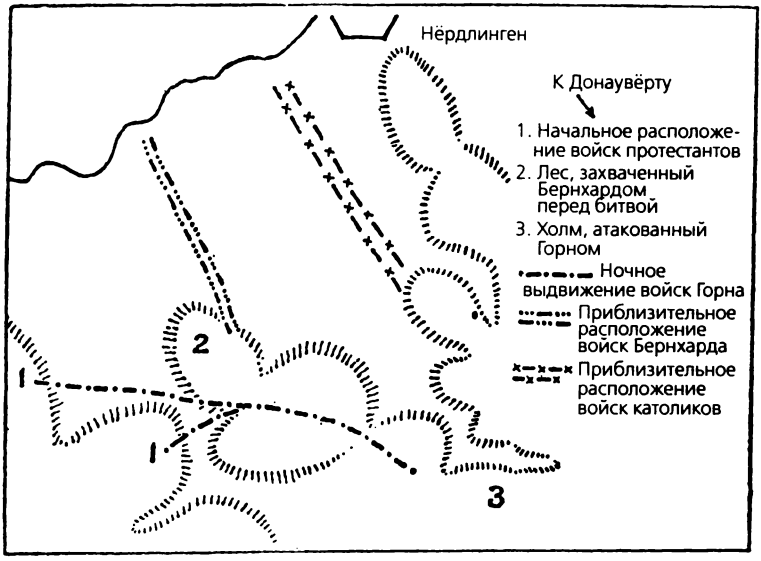
лесов, все еще зеленых и помешавших им видеть и понимать действия друг друга. Негативно сказалась на проведении операции и подспудная ревность к партнеру, извечный спутник совместных военных кампаний. Конечно, они не предали друг друга в день битвы, но впоследствии взаимных обвинений было немало.

С самого начала все пошло наперекосяк. Горн, а скорее, его офицеры, подпортил скрытность ночной операции. Выдвигаться сначала должны были пехота и легкая артиллерия. Однако авангард потащил с собой повозки и тяжелые орудия, которые, застревая и переворачиваясь на узких грязных горных тропах, так грохотали, что разбудили противника и дали ему время на то, чтобы окопаться и подготовиться к нападению.

К восходу солнца 6 сентября Горн успел подвести войска к склону холма. Он планировал пустить вперед пехоту, а когда она завяжет бои с первыми линиями имперцев, бросить в атаку кавалерию с фланга. Горн решил подняться на вершину, чтобы осмотреться. Один из его полковников, неверно оценив намерения командующего, дал кавалеристам приказ начинать штурм. План Горна сорвался. Конница немного потеснила имперцев, но шведской пехоте пришлось наступать без поддержки кавалерии и под сильным пушечным огнем противника. Однако натиск был настолько мощным и организованным, что имперцы, еще не забывшие Лютцен, стали отходить, бросая свои батареи. Два инцидента серьезно помешали шведам добиться полного успеха. Две бригады шведской пехоты, занимая позиции, сцепились, приняв друг друга за врага. И в разгар наступления посреди войск внезапно взорвался склад пороха, оставленный имперцами.

У кузенов на противоположной стороне поля битвы все складывалось намного удачнее. Как только начался штурм, они взошли на небольшой открытый бугор, откуда могли наблюдать за ходом сражения. Они видели и то, как противник взял холм, и то, как во вражеском войске возникло смятение. Кардинал-инфант сразу же послал испанцев, пеших

и конных, чтобы остановить бегство немцев и отбить холм. Горн уже ничего не мог сделать для своей кавалерии, сражавшейся среди беглецов на дальнем правом фланге. Натиск испанцев смял его дезорганизованную пехоту, и в течение часа он потерял вершину холма.

Пехота отошла на прежние позиции. Увидев в просветы между деревьями, как покидают поле боя отдельные кавалеристы Бернхарда, пехотинцы уже запаниковали по-настоящему, и Горн с трудом удерживал их от бегства. Бернхард же действительно вел тяжелый бой на равнине, пушечным огнем не позволяя противнику послать подкрепления против Горна.

До середины дня Горн не прекращал попыток овладеть своим склоном холма, подвергаясь постоянным орудийным ударам кузенов. Он снова собрал кавалерию, бросал поочередно то конницу, то пехоту на позиции испанцев, но безуспешно. Испанские пехотинцы в изощренности не уступали шведам. Когда противник, стреляя, надвигался, они стано-

вились на колено, и пули летели над их головами. Пока шведы перезаряжали ружья, они поднимались и делали залп по наступавшим шеренгам. Испанцы похвалялись, что ни разу не промахнулись.

Снова и снова шведы откатывались назад, оставляя за собой убитых. Снова и снова они смыкали ряды и шли вперед. Испанцы насчитали пятнадцать атак. Каждая неудача лишь разжигала желание Горна добиться успеха. Столько солдат уже полегло. Казалось, еще один рывок, и враг будет сломлен. В битве всегда наступает момент, когда кажется, что вот-вот произойдет перелом. И противники бились уже семь часов, окутанные густым, слепящим дымом пушечных залпов.

Все это время Бернхард также безуспешно пытался прорвать линии имперцев перед городом. Венгерский король и кардинал-инфант, отдавая команды с эскарпа, едва успевали закрывать бреши, усиливать слабые участки и обеспечивать неумолкающие орудия боеприпасами. Когда капитан, стоявший между ними, упал, сраженный пулей, их попросили уйти с открытого бугра, но они отказались[1]. Битва при Нёрдлингене была бы выиграна, наверно, и без их не очень профессионального руководства — за счет численного превосходства, надежности офицеров и высокой подготовленности и дисциплины испанских войск. Однако своим мужеством они заслужили уважение не только своих солдат, но и всей Европы.

В полдень Горн понял, что его люди больше не выдержат, и отправил к Бернхарду посыльного с сообщением о том, что он отходит через долину за его линиями к дальнему кряжу, где остановится на ночь. Швед просил Бернхарда прикрыть его отход.

Имперцы только и ждали этого момента. Вместе с испанцами они хлынули на уставшие войска Бернхарда, ру-

[1] Gualdo Priorato, *Historia di Ferdinando III Imperatore*. Vienna, 1672, p. 492; Chemnitz, II, p. 534.

жейные залпы слились с победными воплями «Viva España!»[1]. Бернхард пытался воодушевить своих людей, мчался от одной батареи к другой, обрушивался с ругательствами на измученных пушкарей, обещая послать их ко всем чертям, если они бросят орудия[2]. Но все было напрасно. В панике его люди бежали, смяв отряды Горна, шедшие в это время по долине. Загнанные лошади падали под своими всадниками. Упал и скакун Бернхарда. Один из его драгун дал ему своего коня, на котором герцог и умчался неизвестно куда. О том, как закончилась битва, король Венгрии рассказывал ночью в своей ставке: «Враг разбежался во все стороны, его и след простыл. Горна взяли, Веймар — никто не знает, жив он или мертв»[3].

Победители насчитали, что враг потерял семнадцать тысяч человек убитыми и четыре тысячи[4] — пленными; почти все пленные, и офицеры и солдаты, поступили на службу к императору. Ту ночь кардинал-инфант провел на небольшой ферме, отдав самый просторный дом, который для него нашли, раненым[5]. Позднее он послал в Испанию пятьдесят захваченных штандартов и икону Пресвятой Девы Марии: ее образ с выколотыми глазами обнаружили среди шведских трофеев[6].

---

[1] «Ура, Испания!» (*исп.*)

[2] Poyntz, p. 111.

[3] *Bandhauers Tagebuch*, p. 313. При описании сражения использованы, помимо уже указанных материалов, следующие источники: свидетельство Горна в *Brefvexling*, II, viii; оценка испанской стороной — Aedo y Gallart, pp. 130 f.; документы того времени — Canovas del Castillo, *Estudios del Reinado de Felipe IV*, pp. 427—442; более поздние материалы — Leo, *Schlacht bei Nördlingen*. Halle, 1900; краткие, но содержательные комментарии Дельбрюка — Delbrueck, pp. 243—248.

[4] По мнению Оксеншерны, общие потери шведов составили около двенадцати тысяч убитых и пленных. Его оценка, видимо, так же грешит неточностью, как и прикидки имперцев. *Brefvexling*, I, i, p. 208.

[5] Aedo y Gallart, pp. 146—147.

[6] Ibid., p. 151.

Через несколько дней о победе узнал и император. Когда он вернулся с охоты в Эберсдорфе под Веной, его уже ждали с этим счастливым известием жена и курьер, только что прискакавший из Нёрдлингена. Фердинанда переполнили чувства гордости за сына и радость правоверного католика, отстоявшего свою церковь и династию от посягательств врага[1]. Все, что было потеряно под Лютценом, он вернул в битве при Нёрдлингене. Враг, разбивший Тилли и войска Католической лиги, пал с Божьей помощью от мечей Фердинанда Венгерского и Фердинанда Испанского.

6

Казалось, поборники протестантской веры и германских свобод потерпели окончательное поражение, и шведы — тоже. Никогда больше Оксеншерна не сможет так вольно обходиться с Германией. Через два дня после катастрофы Бернхард сообщил о ней Оксеншерне из Гёппингена в Вюртемберге, уже находясь за сорок миль от Нёрдлингена. Даже 9 сентября он ничего не знал том, что случилось с Горном, жив он или нет, в плену или на свободе, куда ушла шведская армия[2]. Он рассылал депеши во все гарнизоны во Франконии и Вюртемберге, приказывая им эвакуироваться, с тем чтобы набрать свежие войска и двинуться на запад, как можно дальше на запад. Теперь он ставил целью защищать Рейн, а десять месяцев назад брал Регенсбург, удерживал Ворниц и Лех. Все это означало бегство за сто пятьдесят миль от первоначальных позиций, переход в оборону, полный отрыв от саксонцев Арнима и шведских войск Банера в Силезии. Это означало также и то, что Бернхард бросал и герцогство Францонию, давшее ему титул. Однако и сейчас Бернхард не мог быть уверен в том, что ему удастся удержать Рейн[3].

---

[1] Priorato, *Historia*, III, 1672, p. 495; *Annales*, XII, p. 1230.

[2] *Brefvexling*, II, vii, p. 235.

[3] Ibid., I, i, pp. 208—209; Feuquières, II, pp. 422, 426, 427—429.

Вести о поражении при Нёрдлингене дошли до Франкфурта-на-Майне чуть раньше крестьян, бежавших от католических войск подобно птицам, улетающим от надвигающейся бури. Оксеншерна снова провел тревожную бессонную ночь[1]. Фекьер волновался гораздо меньше: в неудаче шведов, хотя и очень драматичной, для него была и положительная сторона. Делегаты Хайльброннской лиги дружно шли к нему на поклон, прося протекции. К альянсу присоединились два саксонских округа, испугавшиеся возможного проникновения католической церкви на север Германии и решившие заручиться поддержкой Ришелье[2].

В плане конфликта религий победа в битве под Нёрдлингеном была важна для католиков не меньше, чем их поражение при Брейтенфельде для протестантов. Если ее рассматривать под углом соперничества династий, то она подняла престиж Габсбургов. В военном отношении успех католиков нанес смертельный удар по репутации шведской армии и прославил испанцев[3]. В сфере политики их триумф окончательно связал протестантов с Ришелье и поднял занавес для последнего акта германской трагедии, в котором Бурбоны и Габсбурги вступят в открытое противоборство и будут вести его до тех пор, пока одна из сторон не возьмет верх.

Битва под Нёрдлингеном была во многом острее и драматичнее сражения при Брейтенфельде, но она не отметила какой-либо определенный период в европейской истории. Аплодисменты в адрес победителей и стенания потерпевших поражение, как и после битвы при Брейтенфельде, вскоре позабылись. В противоборстве двух династий Бурбоны, проводившие более разумную и гибкую политику, были обречены на то, чтобы сокрушить Габсбургов, зараженных и изъеденных испанским грибком. Победа двух принцев, стремительное развитие успеха и воскрешение династиче-

[1] Archenholtz, II, p. 46.

[2] Feuquières, II, p. 426.

[3] Canovas, *Bosquejo Historico*, p. 253.

ского энтузиазма были не чем иным, как внезапной вспышкой пламени угасающей свечи. Два Фердинанда, проскакавшие на следующий день после битвы перед своими войсками под громкие возгласы «Viva España!», направились затем в дальнюю дорогу: одного из них ожидало горестное поражение, другого — смерть в Брюсселе, наступившая, возможно, и к счастью для него, еще до того, как он лишился последних надежд.

Сразу же после победы венгерский король предложил кузену остаться в Германии на осень и довершить начатое дело, но кардинал-инфант стремился, и не без причин, в Брюссель[1]. Нидерланды в конце концов были его главной целью. Уговоры Фердинанда Венгерского на него не подействовали, испанские и имперские войска вновь разделились, кардинал-инфант, взяв с собой несколько германских вспомогательных отрядов под командованием Пикколомини, пошел к Рейну, король Венгрии направился на запад через Франконию и Вюртемберг.

Победа вдохновила имперские войска, и они, проходя по Вюртембергу, сметали все на своем пути. Иоганн фон Верт, командующий баварской конницей, в прошлом рядовой кавалерист, и Исолани, командовавший хорватским контингентом, подавили последние очаги протестантского сопротивления. 15 сентября пал Гёппинген, 16-го — Хайльбронн, 18-го — Вайблинген, а 20 сентября венгерский король вошел в Штутгарт и фактически овладел всем Вюртембергом. Тем временем Пикколомини и испанцы быстро продвигались к Рейну. 18 сентября они взяли Ротенбург, 19-го — форсировали Майн, 30-го — захватили Ашаффенбург, 15 октября — Швайнфурт. Хайльброннская лига спешно переместилась из Франкфурта-на-Майне в Майнц. Оксеншерна остался в городе, чтобы принять бежавшие войска — не более двенадцати тысяч человек, деморализованных, измотанных и мятежных[2]. У него не было иного выхода, кроме как назначить

[1] Lonchay and Cuvelier, III, p. 21.

[2] *Brefvexling*, II, vii, p. 241.

Бернхарда главнокомандующим и просить денег у Ришелье[1].

На глазах Оксеншерны обрубались одна за другой ветви только что выросшего дерева Хайльброннской лиги. 23 сентября был взят Нюрнберг, 5 октября — Кенцинген, 21 октября — Вюрцбург. На юге Германии еще держались Аугсбург и крепость Гогентвиль, на Майне — Ханау, в южном Рейнланде — Страсбург и Гейдельберг. Лига потеряла два из четырех округов и все главные города, кроме Аугсбурга, в Центральной и Южной Германии. В оскудевшей Швеции уже было не собрать столько податей, как прежде, сами шведы все настойчивее требовали мира[2], а ресурсы германских союзников были в значительной мере потеряны. От Банера из Силезии поступили удручающие известия о том, что курфюрсты Саксонии и Бранденбурга вот-вот уйдут от шведов, голодные и оборванные войска в Северной Германии остались без денег, в Силезии им отказали в зимних квартирах[3], и им придется искать пристанище на зиму в Магдебурге или в Хальберштадте[4].

В этих тяжелых условиях Бернхард и те немногие еще уцелевшие члены Хайльброннской лиги и повели переговоры с Ришелье. 1 ноября 1634 года они подписали так называемый Парижский договор: Людовик XIII обещал выделить двенадцать тысяч человек и выплатить сразу же полмиллиона ливров[5] в обмен на гарантии католической веры в Германии, уступку Шлеттштадта и Бенфельда в Эльзасе и плацдарма в Страсбурге. Без ведома Франции не позволялось заключать ни мир, ни перемирие; французское правительство не брало на себя обязательств вступать открыто в войну и готово было предоставить только двенадцать тысяч

[1] *Brefvexling*, I, i, pp. 209—211.

[2] Ibid., II, iii, pp. 347 f.

[3] См. письма Банера за 1634 год: *Brefvexling*, II, vi, pp. 122—150.

[4] *Brefvexling*. I, i, p. 216.

[5] Ibid., p. 224.

человек, не более[1]. Аксель Оксеншерна, давший согласие на переговоры, отказался ратифицировать договор от имени юной королевы Швеции[2]. Он рассудил верно: Ришелье, радовавшийся поражению своего чересчур могущественного союзника, еще не осознавал всей серьезности собственных проблем. Когда он их поймет, то, конечно же, изменит условия договора. Оксеншерна умел сохранять хладнокровие в моменты опасности и тянуть время.

Где-то в начале ноября кардинал-инфант миновал фламандскую границу и вошел в Брюссель при полном параде: не как священник, а как полководец, одетый в пурпур и золото и опоясанный мечом своего бургундского предка Карла V[3]. На Рейне Бернхард Саксен-Веймарский перебрался на левый берег, чтобы соединиться с французскими войсками, спешно для него набранными[4]. В Германии наступала сравнительно мирная зима.

7

Зима 1634/35 года давала Бурбонам и Габсбургам последнюю возможность для того, чтобы одуматься, и последний шанс, по крайней мере в теории, для установления мира в империи. Именно в это время Иоганн Георг, тянувший за собой курфюрста Бранденбурга, выступил инициатором и добился нужного ему мирного урегулирования. Однако условия, нацеливавшиеся на мир, способствовали продолжению войны.

Переговоры, закончившиеся подписанием Пражского мира, и объявление Францией войны Испании были знамением нового времени. За семнадцать лет в Европе сформировалась совершенно иная военно-политическая ситуация.

---

[1] *Sverges Traktater*, V, ii, pp. 241—54; Lünig, V, i, pp. 297—301.

[2] *Brefväxling mellan Oxenstierna och Svenska Regeringen. Händlingar rörande Skandinaviens Historia*, XXXII, pp. 198, 201, 206; XXXIII, p. 3.

[3] Aedo y Gallart, p. 194.

[4] *Brefväxling*, I, i, p. 224; Avenel, IV, pp. 603, 618—619.

Стареющий император, курфюрсты Саксонии, Бранденбурга и Баварии, шведский канцлер и Ришелье придерживались прежних политических приоритетов, но вокруг них появилось новое поколение полководцев и государственных деятелей. Выросшие в атмосфере войн, они выработали в себе подозрительное, пренебрежительное и даже циничное отношение к прежним духовным идеалам.

Человеческая похоть и страсть к наживе способны погубить любой идеологический крестовый поход, и в Тридцатилетней войне исчезли последние признаки религиозного противоборства. «Великая борьба верований перестала интересовать человека», — заключил Ранке[1]. Объяснялось это очень просто. Увлечение естественными науками открыло перед просвещенными людьми новый мир, а прикладная религия дискредитировала церковь, взявшую на себя роль руководителя государства. Это еще не свидетельствовало о том, что вера потеряла свое значение, она по-прежнему занимала важное место и в мировоззрении образованных людей, но приняла более личностный характер, превратившись в комплекс личных отношений между человеком и Создателем.

Фридрих Богемский лишился короны в том числе и по той причине, что оскорблял подданных, заставляя их повиноваться кальвинистской вере. Его сын, принц Руперт, исповедовавший кальвинистскую веру и мораль, сражался в Англии за католическую и англиканскую церковь против пресвитериан и конгрегационалистов, поскольку, как и большинство его сверстников, считал, что вера — личное дело каждого человека.

Неизбежно общество теряло духовность, религия становилась предметом частных догадок и гипотез, а священники, забытые государством, в одиночку вели неблагодарную борьбу против естественных наук и философии. Пока в Германии еще сохранялась религиозная стерильность, над Ев-

[1] Ranke, *Sämmtliche Werke*, XXXVIII; *Die römischen Päpste*, p. 376.

ропой поднималась заря нового знания. Она занялась в Италии и быстро распространилась по Франции, Англии и северу Европы. Уже печатали свои сочинения Декарт и Гоббс, широкую известность приобрели открытия Галилея, Кеплера и Гарвея. Призывы к здравому смыслу и разуму восторжествовали над слепыми импульсами души.

В основном все и заканчивалось призывами. Оценить новое знание могла лишь очень небольшая группа высокообразованных людей. Подменить эмоции, вызываемые религиозными убеждениями, должны были равноценные по силе страсти.

Незаметно над религиозными чувствами взяло верх осознание своей национальной принадлежности. Это и определяло характер заключительной стадии войны. Понятия «протестант», «католик» постепенно потеряли свою привлекательность, их место заняли наименования наций: «немец», «француз», «швед». Борьба династии Габсбургов против своих недругов переросла из конфликта религий в войну наций за господство. В мир политики вошли новые стандарты «правоты» и «неправоты». Прежние моральные и религиозные принципы были нарушены уже тогда, когда папа воспротивился крестовому походу Габсбургов, а католическая Франция, направляемая своим великим кардиналом, начала субсидировать протестантскую Швецию. И очень скоро после этого воины шли на битву не с крестом, а с флагом, и кричали не «Пресвятая Мария!», а «Viva España!».

Фердинанд Венгерский, быстро входивший в роль отца на посту главы государства, должен был сделать один важный выбор. Кем ему стать — германским или австрийским сюзереном? Он избрал австрийский вариант. И это было неизбежно и предопределено. Династия по своему темпераменту и характеру тяготела к югу. Рывок старшего Фердинанда на север был смят королем Швеции, и он сам пожертвовал Испании империю Валленштейна на Эльбе. Религия, служившая ему орудием для объединения Германии, когда он был молод, превратилась в его же руках в средство ее разру-

шения. Все, что он создал за свою жизнь, состояло из зыбкой конфедерации Австрии, Богемии, Венгрии, Силезии, Штирии, Каринтии, Крайны и Тироля и представляло, по сути, предварительный набросок Австро-Венгерской империи.

Король Венгрии не относился к числу людей недалеких и недальновидных. Его отец был рожден и воспитан, когда над династией еще довлели традиции средневековой империи. Он родился в доме штирийского эрцгерцога, но главной столицей его собственного мира был Франкфурт-на-Майне, город имперских выборов, духовный центр Священной Римской империи. Для младшего же Фердинанда Франкфурт-на-Майне давно уже был враждебным городом, расположенным за линиями иностранных армий, местом сосредоточения шведских интервентов. Он появился на свет в 1608 году, и вряд ли помнил те времена, когда германские государства жили в мире и добрососедстве. Империя для него была лишь географическим обозначением конгломерата постоянно ссорящихся друг с другом княжеств. Не случайно он предпочитал строить свой мир на основе солидарности Вены, Праги и Пресбурга (Братиславы).

Таковы в общих чертах перемены на политическом фоне. Но появилась еще одна серьезная проблема — с армиями. Проблема наемных армий всегда была непростой, а в последнее время стала чрезвычайно острой и доминирующей. С ними теперь надо было обращаться с особой осторожностью и вниманием, как с любым политическим союзником. Это почувствовали и имперские правители в Вене, организуя заговор против Валленштейна, и протестанты на переговорах, погасивших мятеж в 1633 году.

Рост национализма меньше всего касался армий. Особым патриотизмом отличалась шведская армия, но от него почти ничего не осталось, когда ее разбавили многочисленные германские и другие иностранные рекруты. Чувство национальной гордости было присуще некоторым испанским полкам, его проявляли и французы, однако большинство воинов всех армий, сражавшихся в 1634 году, считали

себя просто солдатами. С обеих сторон воевали представители самых разных национальностей. Среди тех, кто подписал Пильзенский манифест, были шотландцы, чехи, немцы, итальянцы, фламандцы, французы, а также поляк, хорват и румын. Шведскими командующими в разное время служили гессенский наемник Фалькенберг, богемский мятежник Турн, поляк Шаффлитский, шотландцы Рутвен и Рамсей, нидерландец Мортень, француз Дюваль. Офицерами шведской армии были ирландцы, англичане, чехи, поляки, французы и даже итальянцы. В баварских полках можно было встретить турок, греков, поляков, итальянцев и наемников из Лотарингии[1]. В протестантских войсках воевали католики, а в католических — протестанты. Однажды имперский полк поднял мятеж, протестуя против мессы[2].

От этих людей, зарабатывавших себе на жизнь мечами и мушкетами, вряд ли можно ожидать проявлений верности воинскому долгу, тем более если их не кормить и им не платить. Больше половины из двух тысяч вюртембержцев, вступивших в армию Горна, дезертировало в течение месяца[3]; смешанный гарнизон Филипсбурга, которым командовали испанцы, сдался шведам, перейдя на их сторону[4]; когда Валленштейн брал в Силезии Штайнау, «шведские» войска Турна и Дюваля, стоявшие в близлежащих аванпостах, без колебаний переметнулись к противнику[5]. Пример Арнима, успевшего покомандовать армиями и на той, и на другой стороне конфликта, — не единственный в истории Тридцатилетней войны. Верт намеревался уйти от баварцев к французам[6], Крац поменял ответственный пост у Валленштейна на такой

[1] Riezler, *Geschichte*, VI, p. 164.
[2] Ibid., V, p. 536.
[3] *Brefvexling*, II, viii, p. 101.
[4] *Annales*, XII, p. 1299.
[5] Hallwich, *Wallensteins Ende*, I, p. 633.
[6] Avenel, V, pp. 380—381.

же ответственный пост у шведов[1]; Гёц начинал воевать под началом Мансфельда, а закончил под знаменами Максимилиана Баварского; Франц Альбрехт Саксен-Лауэнбург служил имперцам, потом шведам, а затем снова имперцам. Даже Альдрингера перед смертью подозревали в том, что он собирается перейти к неприятелю[2]. Конрад Видерхольд, комендант Гогентвиля, крепости у озера Констанц, недовольный нанимателем, регентом Вюртемберга, склонял герцога к тому, чтобы сдать ее имперцам, и в итоге, вспомнив о своем протестантизме, держал замок для Бернхарда Веймарского.

За эти годы изменился и характер армии. Войска всегда набирали рекрутов на тех землях, по которым проходили. Война сделала жизнь крестьян и ремесленников невыносимой, и солдатская доля для них стала привлекательной. Молодых людей соблазняли истории о героях, очень и очень немногочисленных, добивавшихся головокружительных успехов; их имена завораживали и притягивали как магнитом: Верт, Штальханс, Сент-Андре[3]. Одних манила возможность получать жалованье, других — вольница и грабежи: как-никак грабить самому лучше, чем быть ограбленным. Разбухали армии, еще быстрее разрастались их обозные сопровождения. Если и раньше позволялось каждому солдату содержать мужчину-носильщика и служку-мальчика, то теперь за войсками тащились обозы с женщинами, детьми, торговцами, слугами и прочей челядью. Их набиралось обычно больше, чем солдат, в три, четыре, а то и пять раз. У этой огромной людской массы была своя жизнь, свои интересы, чувства, настроения, и с ней приходилось считаться. Арним, например, одно время серьезно опасался, что в войсках поднимется бунт, если им станет известно о его мирных перего-

[1] Его пленили при Нёрдлингене и обезглавили как предателя. Дезертируя, он допустил ошибку: формально не снял с себя обязанности командующего!

[2] H. Hallwich, *Aldringens letzter Ritt. Mitteilungen des Vereins für die Geschichte der Deutschen in Böhmen*, XLV, p. 25.

[3] Grimmelshausen, *Simplicissimus*.

ворах[1]. Маршал Банер называл свою армию «особым государством», Оксеншерна после мятежа в 1633 году характеризовал армию как «политическое сословие»[2], и он был недалек от истины: армия действительно превратилась в Швеции в самостоятельное и влиятельное сословие.

Все эти новые обстоятельства стали определяющими на завершающем этапе войны, проявившись, в частности, и при заключении Пражского мира.

8

Иоганн Георг и его генерал вели переговоры о мире весь 1634 год, раздражая и Банера, контактировавшего с Арнимом, и Оксеншерну. Курфюрст всеми силами пытался отвратить два саксонских округа от Хайльброннской лиги и порушить саму лигу[3]. Он искренне хотел мира и выдворения интервентов. К этому же стремился и император, уже готовый к тому, чтобы совершить то, что отказался сделать четыре года назад в Регенсбурге, — аннулировать «Эдикт о реституции». В его политике мирское наконец возобладало над духовным. Этого от него давно добивался Эггенберг, и если бы он поменял свои приоритеты в 1630 году в Регенсбурге, то смог бы сплотить Германию против Густава Адольфа. Достойно сожаления, что он не сделал этого раньше, но Фердинанд никогда не менял свою политику без борьбы.

Еще до битвы при Нёрдлингене император уже был согласен на то, чтобы удовлетвориться *status quo* 1620 года. После поражения шведов он повысил планку, требуя сохранения за католической церковью всех земель, которые она вернула себе к ноябрю 1627 года[4]. В этих претензиях не было ничего сверхъестественного. Иоганн Георг одержал убеди-

---

[1] Gaedeke, *Wallensteins Verhandlungen*, p. 163.

[2] *Brefvexling*, II, vi, p. 529.

[3] *Brefväxling mellan Oxenstierna och Svenska Regeringen. Händlingar rörande Skandinaviens Historia*, XXX, pp. 84—85.

[4] Hurter, *Friedensbestrebungen Ferdinands II*, p. 71.

тельную моральную победу, «Эдикт о реституции» отменен, император пошел на компромисс. Фердинанд понес моральные издержки, но выигрывал в политическом плане. Он привлек Иоганна Георга, а за ним в лагерь императора могут последовать и другие германские князья.

Эта хитроумная операция, очевидно, была проведена не без участия венгерского короля, который, собственно, и вел переговоры. Условия соглашения оказались достаточно великодушными. Провозглашалась амнистия всем, кроме богемских изгнанников и семьи самого Фридриха. Иоганну Георгу передавалось епископство Магдебург. Все частные альянсы между германскими князьями объявлялись противозаконными, хотя за Иоганном Георгом сохранялось право иметь собственную армию в качестве союзника императора.

Обе стороны проявили здравомыслие и готовность к компромиссам, и мирный договор, казалось, предлагал наилучшее решение проблемы, по крайней мере на бумаге. Не случайно многое из него потом вошло в итоговый Вестфальский мирный договор. Однако в практическом отношении он был ущербен. Имперская сторона вела переговоры с умозрительной надеждой на мир, имея в виду вероятность продолжения войны. Она рассчитывала на то, чтобы привязать Иоганна Георга и всех тех, кто последует его примеру, к политическому курсу императора. К договору могли присоединиться все желающие, и тогда он мог действительно привести к установлению мира. Пока же он должен был заинтересовать как можно больше умеренных германских правителей. Пренебрегать им было бы неразумно: те, кто откажется его подписать, встанут в один ряд с ярыми противниками мира вроде французов, шведов и их уже немногочисленных сторонников. Так все выглядело в теории. На практике подписать договор означало вступить в альянс с императором и встать под знамена Габсбургов. Шведские войска все еще находились в Германии, война неизбежно должна возобновиться, и в этих условиях Пражский мирный договор служил только лишь интересам Фердинанда.

В последний момент император чуть не сорвал переговоры. Его одолели сомнения в отношении «Эдикта о реституции», и он задумал подарить королю Франции Эльзас, с тем чтобы вывести его из войны и лишить своих врагов финансовой поддержки. Его проект на корню зарубил венгерский король. Прежде всего австриец и Габсбург, а не католик, он предпочитал уступить церковные земли в Германии, но не отдавать домены династии и не допускать французов на Рейн.

На протестантской стороне пфальцский курфюрст и английский король заговорили об измене[1], а в Саксонии появились пророки, предсказывавшие Иоганну Георгу возмездие Небес, если он предаст дело протестантов. Его жена выступала против подписания мира[2], Арним — тоже. Генерал добивался мирного урегулирования с 1632 года, и когда готовился Пражский договор, от радости посвятил ему поэму, но Арнима не устраивало то, что из него исключена Швеция[3]. Он не мог позволить себе так цинично предать союзника. По его мнению, это был договор не о мире, а о новом военном альянсе.

Венгерский король подписал мир с саксонцами в Лауне (Лоуни) 28 февраля 1635 года[4]. Нетрудно представить, какие чувства испытывал Оксеншерна. Дезертирство Иоганна Георга теперь было неизбежно, и он мог увлечь за собой и Георга Вильгельма Бранденбургского, которому так и не удалось добиться от шведов Померании. Единственной его надеждой — можно сказать, другом — оставался Ришелье, поскольку Бернхард Саксен-Веймарский, истинный наемник, занимался в основном шантажом. Оксеншерна после Нёрдлингена признался Фекьеру, что он опасается Бернхарда. Фекьер немедленно встретился с Бернхардом и попытал-

[1] Dässler, *Diplomatischer Zusammenstoss zwischen England und Sachsen. Neues Archiv für Sächsische Geschichte*, LVI, pp. 113 f.

[2] Opel, *Eine politische Denkschrift. Neues Archiv für Sächsische Geschichte*, VIII, p. 189; Hitzigrath, *Die Publicistik des Prager Friedens*. Halle, 1880.

[3] Irmer, *Hans Georg von Arnim*. Leipzig, 1874, pp. 307 316 f.

[4] Lünig, VI, i, pp. 391—393.

ся сманить остатки его войск на сторону Франции[1]. Хитрый Бернхард стал тянуть время и зимой 1634/35 года получил сразу два предложения — от Саксонии и императора, которые он, по всей видимости, принял к рассмотрению[2]. Таким образом, он заставил охотиться за ним одновременно Оксеншерну, Хайльброннскую лигу и Фекьера. Бернхард мастерски разыграл свою карту и весной 1635 году получил то, что хотел: его назначили в Германии главнокомандующим армии Хайльброннской лиги и короля Франции. Бернхард четко обозначил свои условия: полнота власти, политическая независимость, право взимать контрибуции по своему усмотрению, возмещение убытков и освобождение от какой-либо ответственности при заключении мира[3].

Оксеншерна обладал одним ценным качеством: никогда не терял присутствие духа. Канцлер в определенной степени зависел от Ришелье, поскольку надо было платить Бернхарду. Однако и Ришелье был зависим в какой-то мере от Оксеншерны, поскольку Бернхард в любой момент мог воспользоваться преимуществами, которые ему давал двойной мандат на командование войсками. Оксеншерну раздражали дезертирство саксонского курфюрста и перспектива столкнуться с враждебностью в восточной и северо-восточной Германии, но он мог успокаивать себя тем, что Ришелье вряд ли откажется от альянса со Швецией, особенно теперь, когда император усилил свои позиции, переманив к себе Иоганна Георга, а в районе Эльбы остался лишь один контингент шведской армии под командованием Банера[4].

Он правильно сделал, что не ратифицировал договор, подписанный от отчаяния в ноябре Хайльброннской лигой с королем Франции. Угрозы наваливались на Ришелье как снежный ком, и Оксеншерна, пользуясь теперь страхами французского кардинала, а не собственным могуществом,

[1] Roese, II, pp. 437—439.

[2] Ibid., pp. 444, 447.

[3] Ibid., pp. 457—461, 463—466.

[4] *Händlingar rörande Skandinaviens Historia*, XXXIII, pp. 27 f.

которого уже не было, весной смог добиться для себя лучших условий. Отход Бернхарда на левый берег Рейна, опасное приближение испанцев к французским границам, появление в Нидерландах энергичного статхаудера, неожиданное возрождение дружбы между испанскими и австрийскими Габсбургами — все это не могло не тревожить Ришелье[1]. В конце сентября он узнал о том, что испанцы набирают войска в Сицилии и Сардинии, а в октябре возникла угроза нападения на Прованс с моря[2]. Спешно кардинал заключил новый договор с голландцами в феврале 1635 года на условиях, наглядно отражавших его страхи. Ришелье согласился выставить против испанцев армию численностью тридцать тысяч человек и поставить во главе совместных военных действий принца Оранского[3].

Аксель Оксеншерна, полагаясь на то, что начало весенней кампании, как обычно, затянется, выждал два месяца и, решив иметь дело непосредственно со скользким кардиналом, а не с его еще более скользкими агентами, в апреле прибыл в Париж, где его приняли чрезвычайно любезно. Переговоры, несмотря на взаимную подозрительность, прошли успешно. «Манера французов вести переговоры очень странная, у них все построено на ловкости и изяществе»[4], — отметил Оксеншерна. Его нордические манеры тоже, видимо, произвели впечатление на Ришелье. Кардинал определил их как «un peu gothique et beaucoup finoise»[5,6]. 30 апреля 1635 года они подписали Компьенский договор. Французское правительство в обмен на левый берег Рейна от Брайзаха до Страсбурга признавало шведов равноправными союз-

[1] Feuquières, pp. 429—430, 458.

[2] Avenel, IV, pp. 612, 630.

[3] Aitzema, II, pp. 117 ff., 198—201; *Mémoiresde Frédéric Henri*, p. 174: Waddington, *La République des Provinces Unies*, pp. 421, 432—433; Avenel, IV, p. 424.

[4] *Brefväxling mellan Oxenstierna och Svenska Regeringen. Händlingar rörande Skandinaviens Historia*, XXXIV, p. 12.

[5] Avenel, IV, p. 735.

[6] Немножко готические и очень финские (*фр.*).

никами, уступало им Вормс, Майнц и Бенфельд, соглашалось объявить войну Испании и не заключать без их участия никаких мирных договоров[1]. Лучших условий Оксеншерна никогда прежде не добился бы. Ришелье, обладавший большими ресурсами, играл в альянсе ведущую роль, но канцлер по крайней мере мог считать себя партнером, а не вассалом. В общем, не имея за собой ничего, кроме оскудевшей страны, управляемой погрязшим в дрязгах регентством, и мятежных войск Банера в Хальберштадте и Магдебурге, Оксеншерна блестяще исполнил свою миссию.

21 мая 1635 года герольд на главной площади Брюсселя возвестил о том, что его величество христианнейший король Франции Людовик XIII объявил войну его католическому величеству королю Испании Филиппу IV. Формальным поводом стало то, что испанские войска напали на Трир и взяли в плен курфюрста; последние три года он находился под протекцией Франции.

Девятью днями раньше в Вене были опубликованы условия Пражского мира. К договору мог присоединиться любой правитель. Саксонский курфюрст и отчасти император искренне хотели, чтобы в Германии наступил мир. Но появление Франции на левом берегу Рейна в качестве союзника Швеции и объявление Францией войны Испании ситуацию коренным образом изменили. Тем, кто подписал мирный договор, теперь предстояло выдворять из Германии не только Швецию, но и Францию. Вступая в конфликт с Францией, они солидаризируются с королем Испании. Подписание Пражского мира, по сути, означало формирование нового альянса для войны. Те, кто поставил под ним свои подписи, взяли на себя обязательство сражаться за Австрийский дом.

«Саксонцы получили такой мир, какой хотели, — написал Ришелье. — Он нас не касается, если не считать того, что нам теперь придется удвоить свои усилия»[2]. Начинался последний акт германской трагедии.

---

[1] *Svereges Traktater*, V, ii, pp. 18—19; *Brefvexling*, I, i, pp. 558—559.

[2] Avenel, V, pp. 82—83.

Глава девятая

БОРЬБА ЗА РЕЙН 1635—1639

По мнению его величества, принимая всякого рода мирные предложения, не просто сомнительные, но и опасные, мы позволяем врагам вводить нас в заблуждение.

Фекьер

1

Позиции императора в Германии теперь были, как никогда, сильны. Имперские и союзнические армии занимали правый берег Рейна, Вюртемберг, Швабию и Франконию. Здесь они облагали население военными поборами, а австрийские земли могли передохнуть. Иоганн Георг записался в союзники Фердинанда, вскоре за ним против своего желания последовал и Максимилиан Баварский.

У него не было выбора. Если бы он отказался подключиться к Пражскому миру, то ему пришлось бы объединяться с Ришелье, но кардинал и его союзник Оксеншерна открыто поддерживали его пфальцских кузенов, оставшихся и без владений, и без отца. Не в первый и не в последний раз Максимилиана подводила тщеславная глупость, совершенная в 1622 году. Ему ничего не оставалось, как подписать Пражский мир и согласиться на то, чтобы распустить Католическую лигу и поставить уцелевшие войска под знамена императора на тех же условиях, что и Иоганн Георг Саксонский. Впервые он должен был служить Австрийскому дому, не имея никаких гарантий, что ему будет дано право участвовать в его делах.

Фердинанд подсластил пилюлю несколькими дешевыми жестами. Подтвердил ему права на курфюршество, а бра-

ту — на епископство Хильдесхайм. Император предложил также в супруги Максимилиану, у которого жена умерла, так и не родив детей, свою дочь эрцгерцогиню Марию Анну, принцессу, бывшую почти на сорок лет моложе вдовца. Максимилиан принял предложение, в Вене быстро организовали торжественное венчание, и через несколько недель жених преподнес невесте дар, ратифицировав Пражский мир.

К договору уже присоединились курфюрст Бранденбургский, герцоги Саксен-Кобургский, Гольштейнский, Мекленбургский, Померанский, регент Вюртемберга, князья Ангальтский, Гессен-Дармштадтский и Баденский, города Любек, Франкфурт-на-Майне, Ульм, Вормс, Шпейер и Хайльбронн. Искусная дипломатия венгерского короля позволила отцу возглавить коалицию правителей, поставившую узкую группу кальвинистов в крайне неудобное положение противников мира и чужеземных агентов. Вне объединенной империи оставались только ссыльный курфюрст Пфальцский, ландграф Гессен-Кассельский и герцог Брауншвейг-Люнебург.

Позиции императора упрочились и за пределами империи. Враждебность Швеции компенсировалась дружбой Кристиана Датского. Фердинанд приберег ее на случай чрезвычайных обстоятельств: взорвать бомбу замедленного действия за спиной Оксеншерны, когда в этом возникнет необходимость. Польского короля Владислава IV, заменившего Сигизмунда, вначале вряд ли можно было считать союзником. Он согласился на двадцатишестилетнее перемирие со Швецией и собирался жениться на Елизавете, старшей дочери Фридриха Богемского[1]. Вмешался венгерский король, предложив ему в жены свою сестру эрцгерцогиню Цецилию Ренату, по всем статьям более подходящую кандидатуру. Владислав соблазнился и стал союзником Австрии.

Благоприятная ситуация в Европе складывалась и для испанской ветви династии Габсбургов. Английское правительство проводило политику нейтралитета, отдавая еле за-

[1] Feuquières, III, p. 41.

метное предпочтение Испании. В Нидерландах кардинал-инфант, пустив в ход свое обаяние и тактичность, повторил успехи дона Хуана[1] шестидесятилетней давности в умиротворении фламандцев[2]. Опасаясь, что Франция и Соединенные провинции готовятся вторгнуться к ним не ради их освобождения, а для того, чтобы поделить страну между собой, они стали искать защиты у Австрийского дома.

В самих Соединенных провинциях, несмотря на тревоги, вызванные поражением протестантов при Нёрдлингене, продолжала существовать влиятельная партия мира. Популярность принца Оранского упала, многие в республике боялись авторитаризма Оранского дома больше, чем испанцев. Эти настроения неизбежно должны были отразиться на том, как пойдет война.

Тем не менее Австрийский дом не смог в полной мере воспользоваться появившимися преимуществами, и его судьба была предрешена. Если бы Филипп IV и Оливарес позволили определенную свободу действий своим союзникам в Австрии и Нидерландах, то все могло бы развиваться по другому сценарию. Однако они настояли на том, чтобы направлять все события, и вынудили императора повиноваться ради получения субсидий. Исподтишка они лишили кардинала-инфанта власти, поручив Айтоне, его фактическому подчиненному и их креатуре, следить за тем, чтобы исполнялись приказы Мадрида, а не штатгальтера[3]. Неспособные решать простейшие проблемы у себя дома, Оливарес и король взялись командовать теми, кто был умнее, лучше информирован и знал обстановку и в Германии, и в Нидерландах.

Положение кардинала-инфанта было действительно безвыходным. Он являлся, по сути, наместником короля и не имел права ему возражать. Император и венгерский ко-

[1] Дон Хуан Австрийский (1547—1578), внебрачный сын императора Карла V. — *Примеч. ред.*

[2] Gualdo Priorato, *Historia delle Guerre*, Part I, p. 240.

[3] Lonchay and Cuvelier, III, pp. 18—19.

роль могли бы потребовать побольше свобод, если бы так не нуждались в серебре из перуанских рудников. В итоге все они оказались заложниками испанского двора. Когда у Филиппа IV начались серьезные проблемы в Испании, субсидии сразу же прекратились и на Австрийский дом как из рога изобилия посыпались беды.

2

Опасности таились уже в кратковременных успехах Габсбургов. 1635 и 1636 годы оказались самыми неудачными для Бурбонов и шведов за всю войну. Едва успели просохнуть подписи на Пражском договоре, как взбунтовались войска Банера. Его армия, насчитывавшая двадцать три тысячи человек, на девяносто процентов состояла не из шведов, а из иностранцев, главным образом немцев[1]. Среди них активно действовали саксонские агенты, убеждая солдат в том, что в их же интересах уйти от шведов. Дезертирство — лучший способ заставить Оксеншерну заговорить о мире. Он вынуждает их попусту жертвовать собой, им не платят, и у них нет никаких шансов на победу[2].

На какое-то время волнения стихли, когда Оксеншерна в августе 1635 года удовлетворил требования самых настырных офицеров и подписал с ними соглашение о лояльности. Однако деятельность саксонских агентов не прекращалась, вскоре недовольство вспыхнуло с новой силой, и Оксеншерна после безуспешных попыток вытянуть деньги у союзников[3] поручил Банеру самому разбираться со своими войсками любыми средствами. Банер, хотя и был отъявленным головорезом, не располагал ни дипломатическим терпением, необходимым для разрешения таких проблем, ни достаточными силами для того, чтобы закрыть рот бунтовщикам,

[1] Lorentzen, p. 53.

[2] *Händlingar rörande Skandinaviens Historia*, XXXVI, pp. 368 ff.

[3] Ibid., p. 375.

которых оказалось слишком много. В октябре создалась критическая ситуация, отказывались выполнять его приказы целые полки, и он признавался Оксеншерне: ему придется либо персонально сдаваться Иоганну Георгу, либо найти какое-то другое применение себе и своим шведским соратникам и бросить мятежников на произвол судьбы[1]. Все шло к тому, чтобы потерять долину Эльбы и лишиться линии коммуникаций между Стокгольмом и канцлером на Рейне. Катастрофы удалось избежать в последнюю минуту. Подписание перемирия с поляками высвободило значительную часть шведских войск, недавно набранных на случай войны. Эти войска вовремя были отправлены к Банеру и изменили баланс сил в его пользу[2]. Мятежники, видя бесперспективность своих расчетов на успех и возможность поживиться грабежами, поняли, что они больше выиграют, если останутся с Банером и не перейдут к Иоганну Георгу. Мятеж прекратился, но о восстановлении более или менее сносной дисциплины не могло быть и речи. «К сожалению, — писал Банер, — каждый офицер считает себя вправе отдавать приказы так, как ему заблагорассудится»[3]. Действительно, Банеру оставалось лишь сожалеть по поводу отсутствия элементарной дисциплины в войсках. Попытки навести порядок могли только вызвать новый кризис.

Воспользовавшись возрождением лояльности армии, Банер, решив до прихода зимы предпринять быстрый наступательный бросок, нанес внезапный удар по аванпосту Дёмиц на Эльбе и разгромил саксонцев у Гольдберга, окончательно восстановив доверие войск. В дезертирстве германских союзников шведы обнаружили для себя и положительную сторону: они теперь могли считать всю страну вражеской и опустошать ее вволю и без пощады, что непозволительно было делать даже в условиях эфемерного союзничества.

---

[1] *Brefvexling*, II, vi, p. 225.

[2] Lorentzen, p. 63.

[3] *Brefvexling*, II, vi, p. 254.

Но и этот довольно скромный успех шведского маршала и его разношерстной армии стал возможен только благодаря вмешательству Франции, которая, через своего дипломата, вовремя посодействовала заключению перемирия с Польшей и предотвратила полный крах Банера[1].

На юге и юго-западе положение было еще тяжелее. Имперцы осаждали Аугсбург почти полгода, а когда взяли его, он напоминал город мертвых. Люди выглядели как призраки, солдаты валились с ног от слабости. За последние три месяца они съели почти всех кошек, крыс и собак, а потом вымачивали шкуры животных, резали на мелкие куски и жевали. Одна женщина призналась в том, что варила и ела мясо солдата, умершего в ее доме. Тем не менее победители, войдя в город, устроили пышный банкет, кутили до глубокой ночи, а голодные бюргеры гадали: откуда у них взялось столько еды и питья[2]?

Ханау-на-Майне в условиях не менее суровых[3] держался более восемнадцати месяцев. Однажды его выручили из беды, но потом город снова был блокирован и наконец покорен. Странным образом командующему гарнизоном, шотландцу Джеймсу Рамсею, оккупанты разрешили остаться в городе как частному лицу[4]. Шотландец, пользуясь своим влиянием, поднял восстание, но силы были неравны и он закончил свою карьеру узником у имперцев.

На Рейне один за другим сдались испанцам Филипсбург и Трир. Ришелье не прислал войска, и Бернхард не смог помочь Гейдельбергу. В ноябре Галлас вторгся в Лотарингию, столкнувшись с новехонькой французской армией, которой командовал сам король. «Все они были одеты в алые кавалерийские мундиры с серебряными галунами, — писал один из изумленных вояк Галласа. — На следующий день на них сверкали доспехи и развевались огромные перья, любо-до-

[1] Lorentzen, p. 63.

[2] *Chronik des Jakob Wagner*, pp. 55—69; *Annales*, XII, p. 1765.

[3] Wille, *Hanau im Dreissigjährigen Krieg*. Hanau, 1888, p. 690.

[4] Lundorp, IV, pp. 687—688.

рого смотреть»[1]. Грязные и завшивевшие солдаты имперской армии уже давно не видели ничего подобного. Но холод, голод и эпидемии сделали свое дело: плюмажные французы быстро лишились своего лоска. На глазах имперцев удалые кавалеристы «сникли и скукожились», позволяя Галласу оставаться хозяином положения[2]. Однако зима была одинаково суровой для всех; оскудевшие земли не могли прокормить ни людей, ни животных. Чума, принесенная в этом году дождливой весной и тропическим летом, была в равной мере губительна и для населения, и для армий. Галлас отошел к Цаберну, встал на зимние квартиры, контролируя горный проход в Вогезах и угрожая Франции. Чума и голод свели его угрозу на нет[3].

В Нижних странах французы, вторгнувшись в страну почти одновременно с объявлением войны, разгромили испанцев у Намюра[4] и пошли на соединение с принцем Оранским в Маастрихте. Однако он не спешил объединяться с ними[5], а Генеральные штаты неблагодарно предложили, чтобы французы оставили Фландрию в покое и воевали с Испанией[6]. Поведение голландцев объяснялось скорее политическим благоразумием, а не военными соображениями, но от этого оно не становилось менее вредоносным. Конечно, трудно провести грань между войной на уничтожение противника и войной с целью его сдерживания. Так или иначе, Фридрих Генрих недооценил ни династическое рвение кардинала-инфанта, ни его популярность[7]. Уже до конца года французы, оскорбившись и негодуя, отступили, а Фридрих Генрих обнаружил, что потерял Дист, Гох, Геннеп, Лимбург и Схенк. Над его границами нависла угроза

[1] Poyntz, p. 120.

[2] Ibid.

[3] *Chronik des Jakob Wagner*, p. 32.

[4] Avenel, V, p. 30.

[5] Ibid., IV, p. 757.

[6] Prinsterer, II, iii, pp. 78—79.

[7] *Relazione dagli Ambasciatori, Spagna*, II, p. 108.

уже в трех местах, а Маастрихт, самое его ценное завоевание, оказался практически отрезанным.

Более успешно французы действовали на юге, где Ришелье вновь задумал создать против испанцев Северо-Итальянскую лигу[1] и предпринял две удачные операции — против Франш-Конте[2] и на Вальтеллине. Последнюю операцию провел Роан (Роган), бывший вождь гугенотов, чья вера, как ожидалось, приведет его в стан протестантской партии в Граубюндене, настроенной против испанцев. Ожидания оправдались, швейцарцы под руководством одного из своих пасторов, непримиримого Юрга Енача, поднялись на завоевание и превращение в другую религию Вальтеллины. Войска, посланные из Тироля и Милана, потерпели поражение в четырех боях, и им пришлось оставить долину на попечение Роана, швейцарского пастора и французского короля. Но это было единственное значительное достижение Ришелье за весь 1635 год, и он должен был благодарить за него не свои войска, а персонально Роана и его религиозных сподвижников.

Дипломатия кардинала и его политические амбиции совершенно не соответствовали реальному военному потенциалу страны. Он знал об этом и старался как можно дольше уходить от большой войны. Когда она стала неизбежной, Ришелье потребовал от Фекьера набирать рекрутов в Германии[3], ссылаясь на то, что французские войска ненадежны, плохо подготовлены, склонны к дезертирству и состоят в основном из протестантов[4]. Еще одну проблему создавало дворянство. Феодальное отношение к армии все еще сохранялось, любая война означала усиление власти молодых дворян, набиравших полки на своих землях, и дворянство, особенно молодое, всегда было проклятием для Ришелье. Он опасался новой вспышки их претензий к монархии.

[1] Avenel, V, pp. 103—108.

[2] Ibid., V, pp. 209—210.

[3] Ibid., IV, p. 606.

[4] Ibid., pp. 603, 606, 690.

Кроме всего прочего, они отличались своеволием и разнузданностью. Один молодой господин, когда ему пообещали сообщить королю о плохом поведении его роты, ударил по голове стоявшего рядом офицера и сказал: «Доложите королю и об этом тоже»[1]. Имея такую армию, Ришелье вряд ли мог справиться с Габсбургами и испанскими войсками.

С 1633 года Ришелье пытался завлечь на свою сторону Бернхарда Саксен-Веймарского. Как всегда, он руководствовался и политическими, и военными мотивами. Фекьер предупреждал: германские князья с недоверием относятся к французам, подозревая их в стремлении завладеть Рейном. Соответственно, кардинал полагал, что германский генерал на его службе будет принят немцами более доброжелательно, чем французский маршал.

Бернхард отверг предложения кардинала в 1633 году: они его не устраивали. В 1635 году он уже проявлял интерес, поскольку в битве при Нёрдлингене потерял герцогство Франконию и прекрасно понимал: не Оксеншерна, а Ришелье способен дать ему что-то взамен. Он уже нацелился на ландграфство Эльзас. Его расчеты совпадали с планами Ришелье. Эльзас, завоеванный германским князем на деньги Франции, не будет ничем отличаться от Эльзаса, завоеванного французскими войсками, с той лишь разницей, что первый вариант не вызовет никаких подозрений у германских союзников. К июню 1635 года он уже пустил в ход слухи о том, что Эльзас предназначен французским правительством в качестве вознаграждения Бернхарду[2].

С герцогом вести дела было нелегко даже тогда, когда казалось, будто обо всем договорились. Он не любил привычку французов к скрытности и, подобно шведскому королю, с удовольствием разглашал конфиденциальные предложения французского правительства. Улучив момент, когда Бернхард объезжал полевой лагерь и немного оторвался от

[1] *Le Comte de Caix de Saint-Aymour, L'enlèvement d'une princesse de Hohenzollerns au XVII siècle. Revue des Deux Mondes*, July 1915, p. 146.

[2] Avenel, V, p. 47.

спутников, Фекьер вполголоса передал ему предложение о субсидиях и вознаграждении. К величайшему изумлению француза, Бернхард громоподобно объявил: он приветствует готовность французского правительства оказать ему помощь и надеется на то, что в Париже сдержат свое слово, поскольку его люди заслужили поощрение[1]. Его прямолинейность и кажущаяся простоватость дали свои плоды. О предложении Ришелье скоро узнала вся армия, кардинал уже не мог пойти на попятную, а упоминание справедливого поощрения войск еще выше подняло авторитет командующего в полках. В наемной армии мнение солдат для командира ценнее золота.

Летняя кампания закончилась еще до подписания договора. Бернхард и приданные ему французские войска под командованием кардинала де ла Валлетты форсировали Рейн у Майнца, но вернулись обратно на левый берег на зиму: Бернхард, сгущая краски, утверждал, будто его офицеры вот-вот дезертируют, а солдаты поднимут мятеж из-за нехватки денег[2]. Ситуация была действительно сложная, но Бернхард намеренно преувеличивал трудности, с тем чтобы добиться от французского правительства еще более выгодных условий. Ришелье не стал торговаться и в октябре 1635 года подписал с Бернхардом контракт, который затем был дополнен и ратифицирован во время личной встречи в Париже. Бернхард обязывался держать армию численностью восемнадцать тысяч человек, шесть тысяч конных и двенадцать тысяч пеших воинов. Французское правительство обещало выплачивать на содержание армии четыре миллиона ливров в год, ему лично — еще двести тысяч ливров, и назначало его верховным командующим всеми войсками, включая французские. Мир не может быть подписан до тех пор, пока ему не возместят все убытки, и ему, кроме того, гарантировались ежегодная рента в размере ста пятидесяти

[1] Feuquiéres, III, pp. 211—213.

[2] Ibid., pp. 260—277.

тысяч ливров и, по секретному соглашению, графство Хагенау и ландграфство Эльзас. Оставалось неясным, будут ли его владения полностью независимыми. Поскольку французское правительство могло распоряжаться только землями, отвоеванными у империи Габсбургов, вероятным представлялся лишь один вариант: Бернхард должен был добыть Эльзас для Франции и затем уж владеть им от ее имени. Так по крайней мере решал проблему Ришелье. Бернхард позднее дал ей свою интерпретацию. Еще одно секретное соглашение предусматривало беспрекословное подчинение германского князя приказам Парижа в продолжение всей войны[1]. Скорый на выдумки, Ришелье предпринял дополнительные меры предосторожности, попытавшись устроить бракосочетание своего нового союзника с дочерью Роана и обращение обоих в католическую веру[2]. Таким манером он хотел оторвать Бернхарда от его германизма и включить во французское дворянство. Бернхард сопроводил молодую особу пару раз в театр, и на этом все закончилось.

Отношение Бернхарда к договоренностям с французами вполне отражало характер германского национализма того времени. Освобождение Эльзаса, как и Франконии, от иностранного влияния предоставляло ему возможность создать германскую партию на основе владения этими землями. Историку остается лишь строить догадки на предмет того, почему его карьера, как и жизнь Валленштейна, оборвалась прежде, чем начали осуществляться его замыслы. Бернхард остро осознавал свою национальную принадлежность и, по крайней мере теоретически, свой долг перед нацией. Он был правоверен, благочестив, властен, дисциплинирован — все эти качества вселяют в их обладателя веру в свое особое предназначение, свойственную всем фанатичным лидерам. Не исключено, что он считал себя освободителем и объединителем Германии. Сохранившиеся свидетельства малоубедительны либо могут трактоваться по-разному. Призванный

[1] Lünig, VIII, pp. 430—432.

[2] *Brefvexling*, II, ii, p. 169.

командовать многоязыким сбродом, каким являлась армия наемников, Бернхард по крайней мере обладал необходимыми для этого способностями. Он был скорее сродни Мансфельду, а не Валленштейну в том, что касается скромных личных материальных ресурсов. Младший сын в семье, безземельный, он был очень охоч до личного обогащения. Франкония и Эльзас могли значить для него нечто большее, чем Хагенау для Мансфельда, хотя этому и нет никаких подтверждений. Две разноречивые черты в личности Бернхарда вовсе не кажутся несовместимыми. История знает немало примеров того, как патриот превращается в авантюриста и авантюрист становится патриотом. Вероятно, Бернхард не был в полной мере ни тем ни другим.

Ришелье теперь располагал такой же армией, какую Фердинанд имел, когда ему служил Валленштейн. Он не мог довериться ей без оглядки, тем более распоряжаться ею по своему усмотрению. Ему оставалось рассчитывать лишь на то, что кондотьеры ничего не сделают во вред самим себе и должны быть заинтересованы в успехе правительства, которое их кормит и вознаграждает. Более серьезная опасность заключалась в неспособности Ришелье изыскивать средства для исполнения своей части контракта. Кардинал блистал талантами во многих областях человеческой деятельности, но не в финансах. Он не обладал даром находить источники доходов, а с привилегиями и обычаями, разорявшими французские финансы, бороться было чрезвычайно трудно. Теперь, когда пришло время брать на себя все бремя расходов на войну, содержать армии на границах Фландрии, Италии и Испании, платить Бернхарду и охранять морское побережье, Ришелье ничего не оставалось, кроме как поднимать налоги.

Налоговые поступления в казну Франции обеспечивало главным образом крестьянство — самый бедный и самый непокорный класс, составлявший значительное большинство населения, опора государства. Прижимистый, трудолюбивый и настырный народ не раз восставал против угнете-

ния. В 1630 году крестьяне бунтовали в Дижоне, в 1631-м — в Провансе, в 1632-м — в Лионе. В 1635 году крестьянские волнения охватили Бордо, Гасконь, Перигор, Анжу, Нормандию[1]. Все это отвлекало и финансовые ресурсы, и войска. На свои жалобы о невыплате субсидий и нехватке подкреплений Бернхард получал стандартные пустые обещания разобраться и оказать помощь[2].

Очевидная слабость Франции побудила Максимилиана Баварского выступить с очередной инициативой. Он предложил императору предпринять нападение на Париж, доказывая, что только это может заставить кардинала Ришелье пойти на уступки и прекратить войну. К его инициативе вначале отнеслись скептически, пока ее наконец не поддержал с энтузиазмом кардинал-инфант. В середине лета 1636 года он попросил Максимилиана направить к нему Иоганна фон Верта и лучших баварских кавалеристов для взаимодействия с его войсками в Пикардии. Фердинанд должен был в это же время совместно с Галласом вторгнуться во Франш-Конте[3].

Промедление кардинала-инфанта отразилось на эффективности исполнения замысла Максимилиана. Верт, решив, что вторжение во Францию отложено, не привел в надлежащее состояние оснащение своих войск. Тем не менее он соединился с кардиналом-инфантом в Ла-Капеле, и они, имея в общей сложности тридцать две тысячи человек[4], вторглись в Пикардию и двинулись между Соммой и Уазой, тесня французов к Парижу. 14 августа они взяли ключевую крепость Корби недалеко от Амьена на дороге, ведущей в Париж.

На юге Галлас при содействии Карла Лотарингского прошел через Бельфор и занял весь Франш-Конте. Верт, обойдя основной контингент французской армии, взял Руа,

---

[1] Avenel, V, p. 485; Fagniez, *Le Père Joseph à Ratisbonne. Revue Historique*, XXVIII, pp. 306—307.

[2] Roese, II, pp. 483, 509, 515—517; Avenel, VI, p. 114; VIII, pp. 306—307.

[3] Schulze, pp. 31—40.

[4] Ibid., pp. 44 f.

Мондидье и добрался до Компьеня. В Париже началась паника. На Ришелье обрушилась лавина проклятий, при дворе требовали его отставки. Этого, конечно, не случилось. Кардинал умел держать удар, принял все меры для организации обороны города. Король выехал к войскам в Санлис, пообещав умереть, защищая свой народ[1].

Наступление на Париж внезапно прекратилось. Бернхард Саксен-Веймарский остановил Галласа между Шамплитом и Лангром, и тому пришлось отойти: из-за чумы и дезертирства его армия изрядно поредела, к тому же поступили сведения о прорыве шведов в Бранденбурге. Без него кардинал-инфант не решился продолжать вторжение, и в ноябре Максимилиан, на которого наседала с тыла гессенская армия, отозвал Верта. Интервенты были вынуждены отступить и на севере, и на юге.

Срыв вторжения во Францию Габсбургам компенсировала неудача, совершенно неожиданно постигшая Ришелье в Вальтеллине. Все шло хорошо, пока Роан, вождь гугенотов, пытался отвоевать долину у испанских католиков для швейцарских протестантов. Когда же он нацелился на то, чтобы заключить мир, приемлемый и в военном, и в религиозном отношении для правительства католической Франции, швейцарцы взбунтовались. Возмутившись условиями, которые он хотел им навязать, они, не ставя его в известность, начали консультироваться с испанцами. Узнав, что испанцы готовы купить у них право пользоваться долиной ценой религиозных уступок, швейцарские лидеры отказались от альянса с Францией и фактически прогнали Роана и его войска[2]. В этой дикой и горной стране любой успех зависел от доброй воли местных жителей. Потеряв их доверие, Роан потерял все.

---

[1] *Brefvexling*, II, ii, pp. 215—216, 222, 230, 231—232; Avenel, V, pp. 514—674 *passim*; Puysegur, *Mémoires sur les règnes de Louis XIII et XIV.* Paris 1881, pp. 197 f.; Vincart, *Relacion de la Campaña de Flandes en 1636.* Madrid, 1873.

[2] Avenel, V, pp. 762—763; Dumont, VI, pp. 146—147.

В то время как династия Габсбургов пыталась восстановить свое могущество в Европе, Фердинанд прилагал все усилия к тому, чтобы упрочить единство империи. Он привлек на свою сторону почти всех правителей Германии, кроме ссыльных пфальцских принцев, Бернхарда Саксен-Веймарского, Вильгельма Гессен-Кассельского и герцога Брауншвейг-Люнебурга. Три курфюрста — Баварский, Бранденбургский и Саксонский, — по сути, уже встали под его знамена. Никогда еще у него не было столь благоприятных возможностей для окончательного утверждения своего всевластия и избрания сына римским королем. Именно с этой целью, а заодно и для того, чтобы подтвердить Пражский мир, он и объявил созыв собрания курфюрстов в Регенсбруге осенью 1636 года.

Конференция открылась 15 сентября[1]. Поскольку она проходила без какого-либо вмешательства со стороны Франции, Фердинанду удалось выполнить всю свою программу. Эрцгерцогиня Мария Анна, молодая супруга постаревшего Максимилиана, родила сына, и он воспринял это как знак того, что Небеса благословили его возвращение в стан Габсбургов. Два других светских курфюрста, метавшихся между императором и Оксеншерной, отдали предпочтение Фердинанду, подписав Пражский мир, и подтвердили свой выбор, объявив весной 1636 года войну бывшему союзнику. В становлении нового военно-политического союза немалую роль, конечно же, сыграла воинская доблесть молодого венгерского короля.

Нет ничего удивительного в том, что он наконец и был единодушно избран в Регенсбурге римским королем 22 декабря 1636 года[2]. Князья выдвинули лишь несколько символических требований: по возможности назначать в армии германских офицеров, воздерживаться от бездумного расквартирования войск на территории империи, не позволять

[1] Lundorp, IV, pp. 576—580.

[2] Ibid., p. 606.

своей австрийской канцелярии вмешиваться в дела империи и уважать конституцию. Можно было заранее сказать, что его коронационные обещания будут столь же необязательными и недейственными, как и те, которые давал семнадцать лет назад его отец. Так или иначе, конституционная политика Фердинанда II преуспела по всем пунктам. Он отвоевал, укрепил и очистил от ереси земли Габсбургов, заимел собственную армию, вынудил большинство германских князей воевать вместе с ним и за его интересы, обеспечил сыну наследование короны. В этом отношении собрание курфюрстов в 1636 году ознаменовало наивысшую степень признания в Германии австрийского имперского господства.

Кардинал-инфант в Нидерландах стал популярен, конституционную партию венгерский король превратил в живой труп. Вальтеллиной можно было снова пользоваться, правый берег Рейна был оккупирован, во Францию Габсбурги вторглись и чуть было не взяли Париж. Нервозный и покинутый всеми Оксеншерна и расколотое правительство Соединенных провинций всеми руками держались за Ришелье, в лагере реальных германских оппонентов императора остались только Вильгельм Гессен-Кассельский с небольшой армией в Восточной Фрисландии и Георг Брауншвейг-Люнебург, чья еще меньшая по численности армия стояла на Везере. Оба они бездействовали. Бернхард Саксен-Веймарский ждал французских субсидий на левом берегу Рейна, курфюрст Пфальца обольщал английских аристократов в Лондоне. В конфликте Бурбонов и Габсбургов, похоже, побеждал Австрийский дом.

3

В продолжение всей конференции в Регенсбурге Фердинанд II занимался и домашними делами, вникая в мельчайшие детали. Ему надо было заняться ремонтом набережной в Вене, разобраться с девицей, выдававшей себя за прорица-

тельницу, послать новую игру венгерской королеве[1]. Однако он стал явно немощнее, его мучила астма, и император после избрания сына римским королем все чаще и с радостью заговаривал об уходе в мир иной. «Римской империи я больше не нужен, — удовлетворенно заявлял Фердинанд. — У нее теперь есть другой правитель, и даже очень хороший»[2].

Ему исполнилось всего пятьдесят девять лет, но моральное и физическое перенапряжение, обильные трапезы и религиозное рвение сделали из него дряхлого старика раньше времени. Супруга нередко, пробудившись ночью и видя, как он молится на коленях у постели, протягивала ему руки, умоляя пожалеть себя, а Фердинанд даже не отвечал[3]. Он почувствовал резкий упадок сил на пути в Вену, возвращаясь с конференции, и из Штраубинга послал отцу Ламормену просьбу разрешить ему не совершать утренние молитвы[4]. Исповедник сразу же понял, что император тяжело болен, и поспешил к нему навстречу. Фердинанд продолжил тяжелый и долгий путь в Вену, прибыв в столицу 8 февраля 1637 года умирающим человеком.

Фердинанд умирал тихо и покойно, обложенный подушками, его лицо озаряла добрая улыбка, когда он поднимал глаза на жену и дочь, которые не отходили от него ни на минуту[5]. За восемнадцать лет непрерывной борьбы он никогда не терял веры в правоту своей миссии, в Господа, направлявшего его, и мог с полным основанием сказать «Nunc dimittis»[6]: ему действительно удалось исполнить почти все свои замыслы. Император не смог полностью отобрать Гер-

[1] *Briefe Ferdinands II und III an S. von Breuner. Archiv für Ousterreichische Geschichte. Vienna*, 1852; *Notinzeblatt*, II, ii, pp. 152—155.

[2] *Annales*, XII, p. 2415.

[3] Ibid., XII, p. 2398.

[4] Dudik, *Correspondenz Kaiser Ferdinands II*, p. 278.

[5] *Annales*, XII, p. 2362.

[6] Ныне отпущаеши (*лат.*) — Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром. От Луки святое благовествование, Лк. 2:29.

манию у еретиков, но Пражским миром он затвердил права церкви на все земли, которые она имела в 1624 году. Уже одного этого, если даже не считать очищение от ереси Австрии и Богемии, было достаточно для того, чтобы он мог гордиться своими достижениями. При виде толп людей, обращенных в его веру и идущих в католические храмы в Линце, его глаза наполнялись слезами умиления и благодарности[1]. Император преуспел и во многом другом: сплотил австрийскую династию, еще теснее сблизил ее с испанским родом, привив к нему своего сына, реформировал управление своими землями, порушил и лигу и унию, объединил большинство германских князей, хотели они этого или нет, под своим скипетром. Все эти достижения он смело мог представить на суд Всевышнего. Его ничто не тревожило, и его совесть была чиста, когда он готовился отчитаться на Божьем суде. В девять утра 15 февраля его душа и тело расстались: его останки отправились гнить в фамильном склепе в Граце, а душа полетела получать вознаграждение за труды.

Однако его политические достижения обошлись дорого, даже слишком дорого. Теоретически в Германии верховной считалась власть императора, в действительности всем заправляла солдатня. Везде и повсюду верховодили солдаты, а не генералы. Банер чистосердечно признавал, что он совершенно не мог контролировать своих людей, и стынет кровь от рассказов о разграблении Кемптена имперцами, Ландсберга — шведами и Кальва — баварцами. Имперские солдаты убивали детей в подвалах, выбрасывали женщин из окон верхних этажей, сварили одну домохозяйку в ее же котле. Шведы сыпали на своих узников порох и поджигали, баварцы Верта заперли жителей Кальва, запалили стены, направили пушки на ворота и расстреливали людей, пытавшихся вырваться из огня. В историях о зверствах не исключены преувеличения, но они потрясают, даже если в них есть хоть какая-то доля правды. Не было ничего необычного в том,

[1] Hurter, *Ferdinand II*, X, p. 118.

чтобы оставить мирных граждан, захваченных в плен, умирать на обочинах дорог с удавками на шее и привязывать священников к повозкам и заставлять их, как собак, бежать на четвереньках. Солдаты с легкостью брали детей в заложники и требовали за них выкуп, морили голодом в застенках пойманных бюргеров и крестьян и пытали их со всей изобретательностью, на какую только способен человек[1].

За шесть лет беспрерывно перемещавшиеся многотысячные войска опустошили Центральную Германию, понасажали всюду чуму и голод, сорвали людей с насиженных мест, превратив их в беженцев и бродяг. Деревни обезлюдели, во многих городах едва уцелела десятая часть прежнего населения. Когда ситуация относительно нормализовалась, жители возвращались, но прежде богатые бюргеры находили там, где стояли их дома, одни пепелища. Бернхард Саксен-Веймарский и Верт взяли за правило сжигать все на своем пути во вражеских землях. Одни руины остались от Фюрта, Айхштетта, Кройссена, Байрёйта, Кальва, стерты с лица земли бесчисленные деревни, в подвалах уцелевших домов развелись полчища крыс[2]. Мелкопоместное дворянство, позабывшее о своем долге, сбежало в города или предалось грабежам и устраивало набеги на одиноких путников, как в давние времена. В Моравии и чиновники, и местные землевладельцы смешались со странствующими мародерами, делясь с ними своей добычей[3].

Беженцы, уходившие с юга после Нёрдлингена, умирали от чумы, истощения и голода в лагере под Франкфуртом или в переполненных лечебницах Саксонии. Семь тысяч человек были высланы из кантона Цюриха: для них там не было ни еды, ни пристанища. В Ханау заперли ворота, чтобы не

[1] Morgenbesser, *Geschichte von Schlesien*, Breslau, 1908, pp. 235, 239; Nebelsieck, *Geschichte des Kreises Liebenwerda*. Halle, 1912, p. 36; Riezler, *Geschichte*, V, p. 421; Sierk, pp. 182, 186; Einert, p. 43.

[2] *Annales*, XII, pp. 1955—1957; Czerny, *Tourist*, pp. 54—54; Lammert, p. 133.

[3] Riezler, *Geschichte*, V, p. 538: d'Elvert, I, p. 451.

пускать беженцев. В Страсбурге они в мороз лежали на улицах, жители днем перешагивали через тела, а по ночам слушали стоны страдающих от холода и болезней людей, пока магистрат насильно не выдворил их за стены города, тридцать тысяч человек. Иезуиты всеми силами пытались помочь несчастным; после сожжения Айхштетта они собрали детей, прятавшихся в подвалах и кормившихся убитыми крысами, увезли к себе и воспитывали по своим обычаям. В Хагенау монахи выдавали еду беднякам из своих запасов, но вскоре французские войска захватили их амбары и склады, экспроприировав зерно для армии[1].

Урожай в 1634 году обещал быть неплохим, но его вытоптали беженцы и интервенты. Такая же участь постигла и урожай в 1635 году, и наступившая зима была самой голодной за многие годы для всех районов от Вюртемберга до Лотарингии. В Кальве пастор видел, как женщина грызла мертвую лошадь вместе с собаками и воронами. В Эльзасе помешавшиеся от голода люди срывали с виселиц трупы и пожирали их. По всему Рейнланду стражники охраняли кладбища от мародеров, разрывавших свежие могилы и продававших человеческое мясо. В Цвайбрюккене одна женщина призналась в том, что съела собственного ребенка. В Эльзасе употребляли в пищу желуди, шкуры коз, траву, на рынках в Вормсе продавалось мясо кошек, собак и крыс. В Фульде, Кобурге, в предместьях Франкфурта жители боялись, что их могут поймать, убить и съесть сумасшедшие, лишившиеся разума из-за голода. Под Вормсом в цыганских котлах находили сваренные человеческие руки и ноги. Неподалеку от Вертхайма в карьере были обнаружены человеческие кости, свежие, без тканей, обглоданные и обсосанные[2].

Английский посол и его свита немало удивились тому, что им довелось увидеть на пути в Регенсбург на собрание кур-

[1] Bothe, *Geschichte der Stadt Frankfurt*. Frankfort, 1929, p. 450; Lammert, p. 185; Walther, pp. 31—32; Reuss, *Alsace*, p. 113; Duhr, II, i, p. 131; Wille, p. 167.

[2] Kayser, *Heidelberg*, p. 412; Pufendorf, VIII, p. 44; Reuss, *Alsace*, p. 129; *Annales*, XII, pp. 2357, 2359; Lammert, p. 228.

фюрстов. Жители деревень, по которым они проезжали, не встречали их, как прежде, а бежали, принимая за интервентов. На дорогах орудовали разбойники, несколько человек из его свиты подверглись нападению — их захватили и убили недалеко от большой дороги, в четырех милях от Нюрнберга. Путешествие для мирных англичан превратилось в настоящий кошмар, и человек, оставивший о нем свои воспоминания, описывал его как страшный сон, а не реальность. «От Кёльна и дальше все города, деревни и замки были разрушены, разграблены и сожжены». В Нойкирхене «догорал дом», и в деревне они «не встретили ни единой души». На улице они натолкнулись на два мертвых тела, «одно из них было явно только что извлечено из могилы». В Айльфкирхене англичане «перекусили тем, что у нас оставалось, так как вокруг ничего нельзя было найти». В Нойштадте, «прекрасном городе когда-то, теперь разграбленном и сожженном», они увидели лишь «изможденных детей, сидевших на ступенях и уже почти полумертвых». В Бахарахе им попадались на дороге «мертвые тела, у которых изо рта торчала трава». В Рюдесхайме «его превосходительство подал что-то несчастным, и они чуть не убили друг друга, дерясь за подаяние». В Майнце «они просто лежали на навозных кучах, не в силах даже подползти за милостыней его превосходительства». Здесь город тоже был «неимоверно сокрушен», и путникам пришлось ужинать и ночевать в лодке на реке, откуда они бросали остатки еды нищим на набережной, которые так дрались, что один из них свалился в Рейн и, похоже, утонул[1].

Самое тяжелое положение сложилось на Рейне, но плохо было везде и всем. В Мюнхене проходившие через город испанские войска оставили после себя чуму, которая за четыре месяца унесла жизни десяти тысяч человек[2]. Банер жаловался, что в амбарах Ангальта и Галле для его людей не осталось ни одного зернышка[3].

---

[1] Crowne, pp. 3—4, 8—12, 46, 60—61.

[2] Lammert, p. 168.

[3] *Brefvexling*, II, vi, p. 298.

Даже в Штирии, на родной земле Фердинанда, крестьяне подняли восстание, в результате которого тридцать шесть человек отправились на галеры, а пятеро — на эшафот[1]. В такие времена трудно разобрать, где безумие, а где идеализм. Обездоленный австрийский фермер-протестант Мартин Лаймбауэр набрал банду сообщников и начал выступать с антиправительственными проповедями и пророчествами. Его арестовали и отпустили, посчитав душевнобольным. Он еще пару раз тревожил власти. На третий раз его предали соратники. Место, где он скрывался, окружили, пророка извлекли из-под широких юбок двух старух и вместе с молодой женой поместили в темницу в Линце. Здесь он сначала объявил себя заместителем Господа на земле, потом под страхом смертной казни сломался, раскаялся и стал католиком. Его жена, приговоренная к пожизненному заключению, сбежала с помощником палача, который должен был на следующий день казнить ее мужа[2]. Эта трагикомичная история была типична для той эпохи.

4

Смерть Фердинанда совпала с восстановлением шведами своей боеготовности.

А началось все еще осенью. Имперцы двинулись к Бранденбургу на соединение с саксонцами, чтобы ударить по Банеру, но маршал при содействии очень способного соотечественника Торстенссона и двух шотландцев, Лесли и Кинга, переиграл наступавшего противника. Ловким маневром он отрезал их объединенные силы у Виттштока на реке Доссе, притоке Хавеля. Здесь 4 октября 1636 года имперцы заняли позиции на холме, защищенном от войск Банера длинной и узкой лесополосой, окопались, поставили батареи и из повозок соорудили баррикады. План Банера заключался

[1] A. Mell, *Der Windische Bauernaufstand. Mitteilungen des Historischen Vereins für Steiermark*, XLIV, pp. 212—257.

[2] *Annales*, XII, pp. 1955—1958; Czerny, *Tourist*, pp. 53—54.

в том, чтобы выманить противника из его укреплений, окружить и разбить на ровной местности. Соответственно, он и Торстенссон, взяв с собой лишь половину кавалерии, должны были выйти из леса на нижние склоны холма, словно приглашая противника к бою. А пехоте Лесли и Кингу с остальной кавалерией предстояло неожиданно ударить по имперцам с фланга и тыла.

Хитроумный замысел Банера чуть не сорвался. Его выход из леса действительно привлек внимание имперцев, и их атака была убийственной, шведы уступали им в численности, и значительно, а Лесли и Кинг опаздывали. Когда наконец появилась пехота Лесли и начала крушить фланг имперцев, она дала Банеру и Торстенссону лишь возможность передохнуть, но не выбила имперские батареи с вершины холма. Конница Кинга, которой пришлось сделать немалый крюк, появилась на поле брани, когда и Лесли и Банер думали, что уже все потеряно. Кинг прибыл вовремя, и после его вступления в сражение оно закончилось в считанные минуты. Атакованный с трех сторон, противник предпочел капитуляции бегство. Имперцы оставили на вершине холма девятнадцать штандартов, сто тридцать три пушки, все повозки и большое количество оружия. Их спас от пленения только подрыв обозов[1].

В тактическом отношении план Банера был рискованный и дорогостоящий, но реализовался он успешно. Это сражение несопоставимо по значимости с эпохальными битвами при Нёрдлингене, Лютцене и Брейтенфельде, но победа в нем позволила шведам восстановить свою пошатнувшуюся репутацию. Не менее важно и то, что она нанесла тяжелый урон военному потенциалу саксонцев и лишила обороноспособности Георга Вильгельма Бранденбургского. Шведы заново оккупировали его земли, к маю 1637 года подошли к Торгау и даже угрожали Иоганну Георгу. Чуть не пал Лейпциг, на западе авангард шведских войск добрался почти до Тюрингии и занял Эрфурт.

[1] Chemnitz, III, pp. 39—40; *Brefvexling*, II, vi, pp. 856—863. План сражения можно найти у Тингстена: Tingsten, *Baner och Torstensson*.

Возрождению шведской армии отчасти способствовали перемены в Стокгольме. Отдав германские дела на откуп Ришелье не по своей воле, а в силу необходимости, Оксеншерна вернулся на родину, чтобы навести порядок в правительстве. В столице перед ним сразу встали две серьезные проблемы. Королева-мать и ее клика готовились выдать ее дочь за датского принца[1]. Сама она замкнулась в комнате, где все окна были затянуты черными занавесями, и собиралась держать там и Кристину в окружении лишь шутов и карликов, чем юная королева была крайне растревожена. Аксель Оксеншерна спас Кристину и от замужества, и от заточения. Он заслужил за это непреходящее неудовольствие королевы-матери и глубочайшую признательность юной королевы, о которой та, став взрослой женщиной, всегда вспоминала, если вдруг гневалась на канцлера[2].

[1] Schulze, *Die Vermählung Friedrich Wilhelms von Brandenburg*, p. 14.

[2] См. биографию Кристины: Arckenholtz, II, pp. 46, 63, 66.

Возвращение Оксеншерны в Стокгольм означало, что теперь шведские маршалы могли не беспокоиться ни о финансовых, ни о людских ресурсах для своих армий. Они могли рассчитывать на любую государственную поддержку и выделение средств для надежной защиты северогерманских и балтийских рубежей от нападения со стороны Дании.

Не в пользу Габсбургов развивались события и в Нижних странах. После длительной осады, о которой вся Европа говорила почти целый год, крепость Бреда сдалась Фридриху Генриху 10 октября 1637 года. Она находилась в руках испанцев двенадцать лет, и ее потеря, обнажавшая границу Брабанта, была первой серьезной неудачей для кардинала-инфанта. Неспособность ее отстоять дискредитировала Фердинанда Испанского не меньше, чем принца Оранского двенадцать лет назад.

Победа Банера и взятие крепости Бреда несколько снизили напряженность обстановки на Рейне, Бернхард наконец прислушался к настойчивым требованиям французского правительств и после двухлетнего топтания на месте начал готовиться к форсированию реки. Он вышел в поход в феврале 1638 года, направляясь к стратегически важному мосту у небольшого городка Рейнфельден, располагавшегося в нескольких милях к востоку от Базеля. В этом месте река течет почти строго с востока на запад, и Рейнфельден стоит, таким образом, на южном, или левом, берегу. Бернхард окружил его на южной стороне и, пользуясь паромом в Бойггене, находящимся чуть-чуть восточнее, стал переправлять часть своих людей на северную сторону, где он намечал захватить предмостный плацдарм. Атака была запланирована на 1 марта, но из Шварцвальда неожиданно подоспели имперцы во главе с Савелли, итальянским наемником, и Вертом.

Бернхард оттеснил авангард Савелли, шедший по правому берегу со стороны Зекингена. Имперцы отступили и, сделав обходной маневр через холмы, поросшие лесом, приготовились напасть на Бернхарда с фланга. Воспользовавшись короткой передышкой, он начал спешно перевозить

на пароме с левого берега часть артиллерии и конницы. Времени у него было очень мало, и когда Савелли появился на фланге, половина армии Бернхарда все еще оставалась на другой стороне реки.

Он стянул имевшиеся войска к предмостному плацдарму, чтобы не пустить Савелли к осажденному городу. Организовать единство действий разрозненных войск по всему фронту, к тому же на пересеченной местности, было крайне сложно, и сражение превратилось в отдельные и беспорядочные схватки. Савелли, ударив по левому флангу Бернхарда, заставил его отойти. Но на другом крыле сражения правый фланг Бернхарда потеснил левый фланг имперцев. В результате армии почти поменялись местами. Савелли, пользуясь благоприятным моментом, проскользнул между Бернхардом и мостом, и армии закончили день на позициях, обратных тем, которые они занимали вначале.

Положение Бернхарда было незавидное. Потери его, если не считать артиллерию, были незначительные, но его отрезали от остальной армии на левом берегу реки, а Савелли стал хозяином моста и мог держать под контролем подступы к Рейнфельдену. Оставался единственный выход — отойти к ближайшей переправе и воссоединиться с армией на другом берегу. Бернхард так и сделал: отступил к Лауфенбургу, по счастливой случайности не встретив отряды Савелли, оставленные итальянцем в Шварцвальде. Здесь он переправился через Рейн, собрал войска и пошел по левому берегу к Рейнфельдену.

Около семи утра 3 марта аванпосты Савелли с изумлением увидели, как на них идет армия, которую, по их предположениям, имперцы уже разгромили. Бросив пушки, имперцы в смятении отошли к Рейнфельдену поднимать тревогу. Бернхард остановился лишь для того, чтобы отыскать свои легкие полевые орудия, и вскоре уже появился перед городом. Он сделал три залпа по растерявшимся войскам Савелли, еще не успевшим организоваться для обороны. Их ряды дрогнули, прежде чем Бернхард нанес третий удар.

Они начали беспорядочно отступать; отряды, посланные из города, появились слишком поздно и сами оказались меж двух огней. Половина имперцев бежали, половина — сдались в плен. Савелли с позором извлекли из зарослей, а Верта, пешего и одинокого, опознали и захватили в близлежащей деревне[1].

В Париже пели «Те Деум»[2], славя поимку Верта, а Бернхард, пополнив свою армию пленными, внезапно двинулся на север брать Брайзах, который теперь был отрезан с трех сторон.

И трудно и опасно воевать, имея ненадежных союзников. Успехи Ришелье во многом зависели от того, как ему удавалось держать под контролем Бернхарда и шведских компаньонов, придавать их разрозненным действиям хоть какое-то единство. Если один упрямец наконец сдавался, начинал артачиться другой, и к нему тоже надо было находить свои подходы. После того как Бернхард, проведя несколько месяцев в бездействии, все-таки показал, на что способен, Ришелье пришлось разбираться со шведами. Договорные сроки истекали, и Оксеншерна, посчитав, что наступил удобный момент для выхода из альянса, прежде необходимого, но теперь все более обременительного, решил искать пути к миру самостоятельно[3].

Он верно рассчитал, что мир нужен и новому императору. Если Фердинанд оторвет его от Ришелье, то освободится от фланговой угрозы и сможет оказать помощь кузену, кардиналу-инфанту, в Нижних странах. Почувствовав опасность, Ришелье отправил посла в Гамбург для переговоров с Адлером Сальвиусом, полномочным представителем Ок-

[1] Munch, *Geschichte des Hauses und Landes Fuerstenberg*. Leipzig, 1832, Appendix, Vol. III, *passim*; Leupold, *Journal der Armee des Herzogs Bernhard von Sachsen-Weimar. Basler Zeitschrift*, XI, pp. 303—308, 347—348, 354—361; Noailles, *Épisodes de la Guerre de Trente Ans*, Paris, 1908, II, pp. 269—80.

[2] Avenel, VI, p. 140.

[3] Pufendorf, *De rebus Suecicis*. Utrecht, 1686, VIII, p. 59.

сеншерны. В итоге новые обещания французского содействия, нежелание императора уступить Померанию и надежды на продолжение военных успехов Банера побороли мирные настроения канцлера, и Швеция возобновила альянс с Францией, подписав соглашение, известное как Гамбургский договор[1].

Фердинанд не смог разрушить шведско-французский альянс, и 5 июня 1638 года Бернхард Саксен-Веймарский появился у Брайзаха. Ришелье незамедлительно прислал ему французские подкрепления, чтобы не упустить шанс завладеть этим важнейшим для Габсбургов городом. Поспешивший на выручку баварский генерал Гёц 30 июля потерпел сокрушительное поражение при Виттенвейере, а через шесть дней Бернхард соединился с французами генерала Тюренна. К середине августа город был полностью блокирован. В октябре армия Карла Лотарингского, шедшего на помощь городу по настоянию императора, была отрезана и уничтожена войсками Бернхарда под Зенхаймом.

У гарнизона Брайзаха больше не оставалось никаких надежд на освобождение, но он продолжал держаться неделю за неделей, рассчитывая на то, что ресурсы истощатся и у противника. Действительно, только голод мог покорить Брайзах, расположенный на крутизне и защищенный с одной стороны быстрыми водами Рейна. Все попытки взять город штурмом заканчивались безрезультатно, но время помогало Бернхарду: как бы ни были малы запасы в его лагере, в городе их было еще меньше. К ноябрю жены богатых бюргеров уже продавали свои драгоценности на рынке за какую-нибудь толику муки. Люди ели конину, мясо кошек, собак, мышей, вымачивали и употребляли в пищу шкуры овец и коров. 24 ноября в замке умер один из солдат Бернхарда, попавший в плен. Его не успели вынести и похоронить: сокамерники разорвали тело и съели. В последующем

[1] Fagniez, II, p. 355; *Sverges Traktater*, V, ii, pp. 424—429.

умерли и были съедены еще шестеро заключенных. Только в одно утро на главной площади были подобраны тела десяти человек, умерших от голода. В декабре бесследно пропали дети-беспризорники[1].

Казалось невероятным, что город может так безнадежно и долго держаться. И именно в тот момент, когда фортуна наконец улыбнулась Ришелье и ключевой форпост на Рейне вот-вот будет в его руках, вдруг тяжело заболел отец Жозеф. В Париже с нетерпением ждали вестей о падении Брайзаха, но крепость не сдавалась, а старый капуцин с каждым днем слабел. История сохранила легенду о редкостном проявлении кардиналом мягкосердечия. Стремительно войдя в комнату, где лежал умирающий старик, Ришелье, изображая на лице радостную улыбку, воскликнул: «Отец Жозеф, Брайзах наш!»[2] За день до смерти священника, 17 декабря 1638 года, Брайзах капитулировал. В Париже узнали об этом 19 декабря.

Эльзас теперь был оккупирован от края до края на французские деньги. Брайзах, ключевая крепость на Рейне и ворота в Германию, пал. На востоке Банер нанес поражение Иоганну Георгу под Хемницем, занял Пирну, потеснил противника у Брандейса и вторгся в Богемию. Кардинал-инфант не мог ни остановить набеги французов во Фландрии, ни оказать помощь в Германии новому императору, победителю в битве при Нёрдлингене, испытывавшему нехватку и субсидий, и хороших генералов. Пикколомини затерялся в Нижних странах, Арним ушел в отставку, Верт томился в заточении у французов. Теперь Фердинанду приходилось полагаться на трех не очень надежных полководцев: Галласа, постепенно спивавшегося и забывавшего о своих обязанностях[3], Хацфельда, служившего прежде полковником у Валленштейна и однажды действительно разнесшего в пух и прах небольшой контингент курфюрста Пфальцского у Фло-

[1] *Alemannia*, XLII, pp. 55—58; Roese, II, p. 521.

[2] Fagniez, II, p. 409.

[3] Fiedler, p. 225.

то на Везере, и Гёца, перебежчика, человека с ограниченными способностями, заменившего Верта на посту командующего баварцами. Фердинанду было нелегко набирать рекрутов и взимать подати на обезлюдевших землях, выплачивать жалованье и содержать армию. Но внезапно на Рейне весной 1639 года разразился политический кризис, поставивший в трудное положение Ришелье и давший Фердинанду время для обдумывания своих дальнейших действий.

Бернхард Саксен-Веймарский жестко заговорил о своих правах. По договору, заключенному в 1635 году, ему был обещан Эльзас. Теперь, когда его войска заняли этот край, он поставил вопрос ребром — передать ему Эльзас незамедлительно и без каких-либо оговорок или претензий со стороны Франции. Бернхард заявил также, что Брайзах сдался не французской короне, а ему персонально, и посему он намерен им владеть. Он потребовал от французов уважать целостность германских земель, верховенство германских князей и относиться к союзу с ним так же, как к альянсу со шведами[1].

5

Проблема отношений, поощрения и вознаграждения наемников стояла остро с самого начала войны. Мансфельд требовал Хагенау, Валленштейн — Мекленбург, Рейнский Пфальц, Бранденбург и Богемию, шведские маршалы хотели, чтобы им давали имения, Бернхард заявлял права на Франконию, а теперь и на Эльзас. В заявках Бернхарда, возможно, не было ничего, кроме личной заинтересованности в собственности, но значимость, которую Эльзас приобрел впоследствии, наложила особый высоконравственный отпечаток на его сделки, отсутствовавший в требованиях Мансфельда, шведских военачальников и тем более в притязаниях Валленштейна.

[1] Roese, II, pp. 528 ff.

Репутация патриота приклеилась к Бернхарду еще до Брайзаха. Он не скрывал своего враждебного отношения к Ришелье, требуя от него безоговорочной уступки Эльзаса и не желая идти ни на какие компромиссы. Однако патриотизм его скорее был напускным или даже лицемерным: он вовсе и не пытался создать в империи германскую партию и привлечь для этого влиятельных князей. Более того, он сознательно отверг предложение сформировать такую партию, поступившее от ландграфини Гессенской.

Имеющиеся свидетельства опять же малоубедительны. Бернхард вполне мог сомневаться в искренности ландграфини. Поскольку он сам реально ничего не предложил, то напрашивается вывод: его неприязнь к французам носила частный характер и не оказывала серьезного влияния на расстановку политических сил в Германии.

Бернхард выступил со своими претензиями в феврале 1639 года, потребовав права на Брайзах и четыре так называемых лесных города: Лауфенбург, Зекинген, Вальдсхут и Рейнфельден[1]. Всю весну Париж не мог отговорить его, посылая ему письмо за письмом. В июне к нему прибыл со свежими войсками маршал Гебриан, но Бернхард по-прежнему упорствовал[2]. Удовлетворить его грандиозные запросы нельзя было без того, чтобы не наделить его военным и территориальным всевластием, равноценным могуществу Валленштейна.

Однако неумолимый рок уготовил для него другой финал. «Преждевременно нагрянувшая смерть остановила победную поступь на середине пути и поставила пределы его амбициям»[3]. Так гласит на латыни хроника той эпохи. Менее чем через неделю Бернхард из опасного соперника пре-

[1] Roese, II, pp. 528, 536.

[2] Ibid., II, pp. 539 seq.; Avenel, VI, pp. 408—410.

[3] *Alemannia*, 1915, p. 190. «Mors praecox et immatura, statuente sic aliud Jehova, festinantem et in media victoriarum via currentem pedem, sistere jussit et conatibus ejus ulterioribus finem imposuit».

вратился в оплакиваемого героя, и весь королевский двор был принужден облачиться во все черное[1].

Последние месяцы его мучила лихорадка[2], а в середине июля болезнь окончательно завладела им и его жизнь оборвалась в считанные дни. Для Ришелье его смерть была очень кстати, и многие заподозрили кардинала в том, что он приказал отравить Бернхарда[3]. Однако в этой легенде нет ни грана правды. Смерть молодого организма от истощения и болезни, существовавшего на пределе своих возможностей, столь же вероятна, как и гибель солдата во время сражения. Ришелье повезло с кончиной Бернхарда, так же как и с гибелью Густава Адольфа.

Бернхард и сам предчувствовал приближение смертельного исхода, требовал от лекарей стимуляторы и успел составить завещание[4]. Можно подумать, что в своей последней воле он подтверждает репутацию патриота. Он завещал Эльзас старшему брату, хотя и должен был понимать, что у Вильгельма Веймарского нет ни сил, ни желания идти против французского короля. Бернхард поручил свою армию второму командующему, Эрлаху, господину из Швейцарии, которому всецело доверял, а лучшего коня подарил Гебриану в качестве компенсации за напрасные дипломатические старания[5]. Перед смертью Бернхард мог бы раскрыть свои истинные намерения и предпринять какие-то последние действия по реализации замыслов. Однако завещание, что бы ни утверждали его апологеты, такое же туманное, как и вся его политическая программа. Оно ничего не доказывает, кроме того, что Бернхард считал Ришелье единственным человеком, способным отстоять интересы протестантов, а у него самого в Германии не было партии, которой он мог бы передать и Эльзас и армию.

---

[1] Avenel, VI, p. 462.

[2] Ibid., p. 304.

[3] *Brefvexling*, II, ii, p. 655.

[4] Droysen, *Bernhard von Weimar*, Leipzig, 1885, II, p. 572.

[5] Roese, II, pp. 554—556.

Он умер достойно, с чистой совестью, человеком добродетельным и практически безгрешным. Что касается долга перед нацией, то, думается, разорение Рейнланда, разрушение Ландсхута или разгром Баварии беспокоили Бернхарда так же мало, как покойного императора Фердинанда — перспектива полного уничтожения империи. Какими бы ни были его амбиции, вряд ли можно сомневаться в том, что он всегда оставался правоверным протестантом в такой же мере, в какой считал себя католиком Фердинанд. «Господи Иисусе, Тебе я вверяю свою душу», — прошептал он, уходя из жизни. Ему было всего-навсего тридцать пять лет.

Бернхарда не в чем ни укорять, ни обелять. Смерть подвела черту под всеми его деяниями, и если он совершил какое-то зло, то она вынесла и свой приговор — «не доказано».

6

То, как мало сделал Бернхард во благо германских национальных интересов, подтвердили события, происходившие после его смерти. Реальными властителями в Эльзасе и Брайзахе были солдаты Бернхарда, а их властителем был Эрлах. Подружиться с Эрлахом означало получить в свое распоряжение Верхний Рейн. Из всех германских правителей только один попытался завязать с ним дружбу.

Двадцатитрехлетний пфальцский курфюрст Карл Людвиг, трезвомыслящий, эгоистичный, хотя и совестливый молодой человек, с ранних лет научился заботиться о себе сам. Он был в какой-то мере мизантропом, и дома его даже называли Тимоном, но в тот период его человеконенавистничество перемешалось с безрассудным оптимизмом юности. В октябре его армия, которую он набрал на деньги Англии, была разгромлена при Флото, его младший брат оказался в плену, а сам он едва избежал гибели. Неудача его не обескуражила, и Карл Людвиг нацелился на то, чтобы

завладеть армией Бернхарда и, соответственно, Верхним Рейном.

Играя на чувствах протестантов, осуждая ошибки отца, пользуясь своим германским происхождением и обещая субсидии якобы очень богатого дяди, короля Великобритании, Карл Людвиг занял в армии Бернхарда такое положение, которое не могло не встревожить Ришелье. Он действительно имел все шансы заменить германского князя, но его подвела обыкновенная детская шалость. Карл решил добираться в войска через территорию Франции. Ришелье изловил его в Мулене и отправил в заточение в Венсенн[1], где курфюрст и томился до тех пор, пока Эрлах не продал армию Людовику XIII.

После ухода из жизни Бернхарда возвели в ранг героя. Эрлаха, поставившего армию на службу Ришелье и отдавшего французам Эльзас и Брайзах, немцы должны были считать предателем. Но Бернхард был всего лишь амбициозным лидером наемников, и в этом отношении Эрлах ничем от него не отличался. Он обязан был найти нового работодателя для своих людей, чтобы их и кормить, и платить им. Винить надо было не Эрлаха, а германских князей, ничего ему не предложивших. Он, как верный пес, нуждался в хозяине, и Ришелье подобрал его[2].

9 октября 1639 года войска по контракту поступили на службу королю Франции, и их называли либо «веймарскими», либо «бернхардскими». Они были на содержании французского правительства и подчинялись французскому главнокомандующему на Рейне. Они имели статус самостоятельного контингента и своего генерала, наделенного правом назначать офицеров, и они должны были удерживать для французской короны важнейшие крепости, в частности Брайзах. Эрлах оправдывался перед курфюрстом Пфальцским: «Невозможно стало содержать армию, натерпевшуюся

[1] *Brefvexling*, II, ii, pp. 649, 660; Avenel, VI, p. 601.

[2] Gonzenbach, *General von Erlach*, Bern, 1880—1881, I, pp. 203 f.

столько лишений. Наступающая зима могла ее окончательно погубить»[1].

Договор с французами, подписанный после смерти Бернхарда, означал, что германские патриоты отказались даже от символического участия в планировании и руководстве военными действиями своих союзников. Правители Гессен-Кассельские продолжали претендовать на независимость и считать себя равноправными союзниками и Ришелье и Оксеншерны, но у них не было ни военных, ни территориальных возможностей для проведения самостоятельного курса и влияния на ход войны. Какими бы ни были истинные намерения Бернхарда, он как германский командующий по крайней мере заставлял считаться со своим мнением и Ришелье и Оксеншерну. После его смерти и перехода его армии под иностранный контроль война трансформировалась в битву королей Франции и Испании на германской земле.

[1] Gonzenbach, I, p. 236 f.

Глава десятая

КОЛЛАПС ИСПАНИИ 1639—1643

Испания — это такая язва, которая изгложет и сожрет любое тело, к которому пристанет.

Ришелье

1

В Мадриде корили кардинала-инфанта за сдачу Брайзаха. Ему следовало, считал Оливарес, послать на помощь городу подкрепления[1]. Фаворита не интересовало, мог ли он это сделать в условиях, когда из Мадрида вместо денег поступали разноречивые указания. С другой стороны, на короля и его фаворита сразу навалилось столько неприятностей, что они, конечно же, нуждались в козлах отпущения, хотя сами и были причиной всех бед.

Недовольство, назревавшее при Филиппе II, переросло в ропот при Филиппе III и вылилось в яростное возмущение при Филиппе IV, сопровождавшее все, что бы он ни делал. Неумелое обращение с финансами вызвало такую бешеную инфляцию, что в отдельных районах страны люди перешли на бартерный обмен[2]. По некоторым оценкам, в начале сороковых годов три четверти товаров, поступавших в Испанию, доставлялось на голландских кораблях. Несмотря на всю нелепость сложившегося положения — эмбарго на заход вражеских судов никто не отменял, — только нелегаль-

[1] Lonchay and Cuvelier, III, p. 298.

[2] Canovas del Castillo, *Bosquejo Historico*, pp. 225 ff., *Decadencia de España*. Madrid, 1910, pp. 232—233; E. J. Hamilton, pp. 84, 86.

ные морские перевозки и спасали Испанию. В 1639 году блистательный и отважный голландский адмирал Тромп вынудил испанскую флотилию, семьдесят семь кораблей, уйти в нейтральные английские воды, и здесь, игнорируя нормы международного морского права и протесты английского правительства, напал на него, пользуясь численным превосходством. Тромп потопил или захватил семьдесят кораблей. Эта грандиозная победа голландцев означала конец морского могущества Испании. Насквозь прогнивший исполин рухнул, чтобы уже никогда не подняться.

Тем временем Ришелье прибрал к рукам крошечное герцогство Савойю в Альпах, которое Габсбурги давно хотели использовать как ворота во Францию. Им тогда управляла за несовершеннолетнего сына вдовствующая герцогиня Кристина, сестра Людовика XIII.

В Германии Оливарес растрезвонил, что курфюрсты Баварии и Кёльна находятся на содержании Франции, и император, так хорошо начинавший, превратился в очередного козла отпущения. Его министры якобы ненадежны, а подданные нелояльны[1]. Так ответил Оливарес на попытки Фердинанда спасти свою, а не испанскую монархию.

В самой же Испании обанкротившийся двор вел прежний расточительный образ жизни. Король постарел, здоровье его пошатнулось, он все чаще грустил и молился, однако не жалел денег на маскарады, театры, бои быков, содержание любовниц и внебрачных детей[2]. Тем временем французская оборонная политика трансформировалась в наступательные действия во Фландрии и на Пиренеях. На обоих фронтах испанцы пока отбивали атаки интервентов, оттягивая неминуемую развязку, которая рано или поздно наступит, если в Мадриде, конечно, не произойдет какое-нибудь чудо.

---

[1] Canovas del Castillo, *Estudios del Reinado de Felipe IV*, I, pp. 414—415.

[2] *Relazioni dagli Ambasciatori, Spagna*, II, pp. 11, 107; Canovas del Castillo, *Decadencia de España*, pp. 234 ff.

Чуда не случилось. В 1640 году восстали Каталония и Португалия. В течение года в Лиссабоне кроткий герцог Жуан Браганса стал Жуаном IV, заключив политический договор с Францией[1], перемирие с голландцами[2] и торговые соглашения с Англией и Швецией[3]. В Каталонии восстание приобрело еще более опасный характер. Ришелье был непричастен к нему, но когда восстание началось, сразу же установил связь с лидерами, поняв его исключительную важность для Франции. В декабре 1640 года кардинал подписал договор с каталонцами, в начале нового года обещал им направить французский военно-морской флот, а они в ответ избрали Людовика XIII герцогом Барселоны, независимой от испанской короны[4].

Таким образом, Испанские Нидерланды были покинуты всеми, как тонущий корабль во время шторма. Мадридское правительство от них отказываться не собиралось, но и не помогало. Даже если бы Филипп располагал и деньгами и людьми, он не мог переправить их ни морем, ни по суше: голландцы контролировали малые моря, а французы — Брайзах. Великий путь Габсбургов из Италии во Фландрию был заблокирован, и долина Вальтеллина утратила свое былое значение. Названная «дорогой мира», она была отдана Граубюдену, и теперь бесполезные проходы цинично предложили испанцам[5].

Напрасна была победа при Нёрдлингене, напрасны были стратегические труды кардинала-инфанта на границах Фландрии и Брабанта. В 1640 году прекратилась всякая помощь. Вместо нее принц получил запрос, звучавший как приказ, на то, чтобы выслать оружие и боеприпасы в Испанию для борьбы с Португалией[6]. Запутавшись в приказах,

[1] Abreu y Bertodano, V, p. 570.

[2] Avenel, Additional volume, p. 653.

[3] *Sverges Traktater*, V, ii, pp. 486—500.

[4] Vassal-Reig, *Richelieu et la Catalogne*, pp. 220—230.

[5] Abreu y Bertodano, V, p. 313.

[6] Lonchay and Cuvelier, III, p. 392.

контрприказах и разноречивых слухах из Португалии и Каталонии[1], кардинал-инфант все-таки не сдавался и продолжал отбиваться от голландцев. Он сдерживал их весь 1640 год; в 1641 году им удалось лишь вернуть Геннеп, который они потеряли шесть лет назад. Но как долго он мог выстоять? Моральное переутомление, неопределенность отношений с королевским двором, физическое перенапряжение подорвали и без того некрепкий организм принца. Поздней осенью 1641 года он заболел, 8 ноября проверил и подписал шесть депеш испанскому королю[2], а 9 ноября скончался. Он до последнего дня сохранял стойкость духа.

2

Еще менее счастливо сложилась судьба кузена, императора Фердинанда III. В то время как рушилась испанская монархия, он всеми силами старался уберечь от краха австрийскую династию. Несмотря на брюзжание Мадрида[3], Фердинанд почти достиг успеха, и его провал кажется особенно трагичным. Будучи венгерским королем, он заложил основы мирного урегулирования, отвечавшего интересам империи, добившись подписания Пражского договора. Став императором, он должен был лишь руководствоваться уже известными принципами. Постепенно Фердинанд завлек на свою сторону и настроил против Ришелье и Оксеншерны практически всех германских князей, кроме трех. Об одном из них — курфюрсте Пфальцском — он вообще мог не беспокоиться, поскольку у того за душой не было ничего, кроме звания. Вторым оппозиционером был неисправимый эгоист Георг Брауншвейг-Люнебург, с самого начала вступивший в альянс с Густавом Адольфом и связавший все свои расчеты на успех и обогащение со шведами. Третьим был ландграф Вильгельм V Гессен-Кассельский.

---

[1] Lonchay and Cuvelier, III, pp. 392 ff.

[2] Ibid., III, pp. 451—453.

[3] *Relazioni dagli Ambasciatori, Spagna*, II, pp. 114.

Смерть ландграфа дала Фридриху надежду на то, что вдова, регентша своего сына, будет стремиться к миру. Однако он не учел ее строптивый и независимый нрав. Внучка Вильгельма Молчаливого и сама графиня Ханау, Амалия Елизавета отличалась решительным и сильным характером. У нее были и свои принципы. Она была страстным приверженцем кальвинизма, всей душой болела за свою династию и твердо настроилась на то, чтобы передать сыну владения отца, не потеряв ни одного акра земли, а может быть, и прирастив их.

С самого начала войны правящие семьи Гессен-Дармштадта и Гессен-Касселя относились друг к другу с ревностью. В Дармштадте поддержали императора, а в Касселе — потянулись к его оппонентам, и этот процесс ускорился, когда значительная часть их земель отошла к кузенам по решению собрания курфюрстов в Регенсбурге в 1623 году. Важность семейства в Касселе для протестантской партии, голландцев и для французов в особенности обусловливалась не столько землями вокруг Касселя, а тем, что ему также принадлежала значительная часть Восточной Фрисландии. Вдобавок ко всему Вильгельм V был способным генералом и уважаемым государственным деятелем, умевшим сохранять самостоятельность, будучи в то же время союзником короля Швеции. Его вдова в равной мере не желала заключать позорный мир и стремилась проводить независимую политику в альянсе с Францией. Ришелье, полагала она, скорее всего попытается воспользоваться ее вдовством для того, чтобы втянуть ее в зависимость от Франции и применить в своих целях небольшую, но крепкую и профессиональную гессенскую армию.

Амалию Елизавету вряд ли можно было бы отнести к числу дальновидных государственных людей. Она не могла претендовать и на то, что ее волнуют проблемы целостности Германии. Принципы у нее были здравые и правильные, но она не терзалась угрызениями совести, если вдруг их приходилось нарушать. Что касается Гессен-Кесселя и его наследования сыном, то она решала все вопросы с присущей ей практичностью, благоразумием и последовательностью.

Она поддалась на уговоры императора и согласилась на перемирие, но ставку делала на Ришелье, а не на Фердинанда. Уловка удалась. Кардинал, не желая лишиться ее денег, владений и армии, предложил ей даже более выгодные условия альянса, чем те, которыми пользовался супруг. Подписав договоры об альянсе отдельно с королем Франции и герцогом Брауншвейг-Люнебургом, регентша без церемоний порвала с Фердинандом. На маленьком шахматном поле гессенской политики Амалия Елизавета сделала ход конем и обыграла императора.

Однако неудача с Амалией не остановила попытки Фердинанда разрушить противостоящие ему альянсы. Призыв к Георгу Брауншвейг-Люнебургу был с пренебрежением отвергнут[1], но еще оставалась возможность оторвать Оксеншерну от Ришелье. И в 1639-м, и в 1640 году послы императора вели переговоры в Гамбурге. Предложив шведам Штральзунд и Рюген, Фердинанд почти достиг цели: их договоренности с французами заканчивались, и в Стокгольме утвердилось мнение, будто Ришелье не оправдал их надежд. Шведские дипломаты потребовали от французов прямого военного вмешательства в Центральной Германии, заявляя: такие союзники, которые интересуются только Рейном и заставляют других защищать Эльбу и воевать на наследственных австрийских землях, ничего не стоят. Ришелье привел их в чувство, прекратив все поставки. Поняв, что без Ришелье они не могут даже договариваться о мире, шведы возобновили альянс[2].

Ничего не добившись от шведов, Фердинанд мог рассчитывать теперь только на то, чтобы освободиться от обязательств перед испанцами, которые, собственно, и были причиной враждебности французов. К этому его побуждал и самый доверенный советник Траутмансдорф, но ему надо было сначала побороть собственные предубеждения и пристрастия. Союзничество с Испанией горячо поддерживали

[1] Lundorp, IV, pp. 905—911.

[2] G. H. Bougeant, *Hstoire des guerres et des négociations qui précédèrent le Traité de Westphalie*. Paris, 1767, pp. 31 f., 94—104, 116.

и любимая жена, и брат Леопольд, да и сам он был привязан к Мадриду не только кровными узами.

Поддавшись их настояниям, он согласился назначить Леопольда главнокомандующим[1]. Фердинанд совершил необдуманный поступок, поскольку эрцгерцог был никудышным солдатом. Он совершенно не разбирался в людях и не обладал ни стратегическим, ни тактическим чутьем. Только появившись в ставке, Леопольд сразу же подпал под влияние вечно хмельного и скорбного Галласа. Генерал довел до ручки и себя и армию. Эрцгерцог тем не менее сообщил в Вену, что во всем виноваты офицеры: из-за их недоброжелательного отношения генерал якобы и спился[2]. Такая субъективная оценка положения в армии уже говорила о неадекватности Леопольда на посту командующего, и вряд ли стоило удивляться тому, что он терпел поражение за поражением. Будучи в принципе человеком неглупым и добродушным, он все же очень много мнил о себе, и, когда от неудач и разочарований начало страдать самолюбие, эрцгерцог озлобился и стал невероятно мстительным. Леопольд, безосновательно считавший себя более достойным на трон императора, чем брат, оказался к тому же и никчемным генералом.

Обстоятельства для всех складывались не лучшим образом. Выработка какой-либо ясной стратегии была бессмысленна. Обеспеченность провиантом на разоренных землях стала главной заботой командующих. Перемещение войск больше не определялось стратегическими соображениями. Значительные контингенты войск на той и другой стороне овладевали каким-нибудь районом и оставались там от посева до сбора урожая, зачастую сами же сеяли и убирали зерно, так как крестьяне были слишком напуганы и отказывались и обрабатывать землю, и поставлять продовольствие.

Снижение финансирования из Испании привело к тому, что выплата денежного содержания в имперской армии стала нерегулярной. Интендантская служба разладилась, ни

[1] Dudik, *Die Schweden in Böhmen und Mähren*. Vienna, 1879, pp. 13 f.

[2] Koch, *Geschichte Ferdinands III*. Vienna, 1865, I, pp. 179—180.

Галлас, ни эрцгерцог не обладали организационными способностями. «Нам пришлось самим заботиться о себе», — писал английский наемник[1]. И командование вынуждено было отпустить вожжи. Командиры вели роты в рейды добывать еду. Офицер, способный организовать успешный рейд, мог в одночасье превратиться в «Валленштейна» и пренебрегать любыми указаниями. За переходом солдат из одного полка в другой всегда было трудно уследить, а теперь они совершенно свободно меняли роты, выискивая, где лучше кормят и где легче грабить, и не интересуясь, на чьей стороне рота воюет. «Я был в полном смятении... Мне было все равно, где я и за кем мне идти»[2], — признавался английский наемник Пойнц. По всей Германии бродили банды оборванцев, им не было никакого дела до войны, они хотели лишь поживиться чем-нибудь и избежать сражений. Они дрались только за еду со своими конкурентами, не обращая внимания на их принадлежность к той или другой армии.

Этот феномен определял сумбурный характер военных действий, происходивших в последнее десятилетие. Сражения были нескоординированными и эпизодическими, в передвижениях войск отсутствовала четкость и целенаправленность. Фронт борьбы шведов с имперцами и саксонцами проходил по Эльбе, углубляясь в земли Габсбургов, линия противостояния французов, имперцев и баварцев пролегала через Верхний Рейн и Черный Лес. Спорадические стычки возникали повсюду, мешали сконцентрировать силы для решающего наступления и оттягивали завершение войны. Как бы ни была тяжела участь солдата, но только она могла дать средства для существования огромной массе населения, бравшейся за оружие. Когда же все-таки наступил мир, чрезвычайно трудно оказалось распустить эту человеческую массу и найти ей применение.

В то время как армии, подобно саранче, опустошали империю, Фердинанд искал пути к миру. На собрании кур-

[1] Poyntz, p. 127.

[2] Ibid., p. 128.

фюрстов в Нюрнберге в начале 1640 года он даже предложил модифицировать Пражский договор, если это поможет убедить правителей Гессен-Касселя и Брауншвейг-Люнебурга сложить оружие. Курфюрсты поддержали его, даже Максимилиан сквозь зубы пообещал вернуть часть земель, захваченных в Пфальце[1]. Заручившись согласием курфюрстов, император решил до конца года созвать рейхстаг.

Фердинанд III открыл рейхстаг в Регенсбурге 13 сентября 1640 года и закрыл 10 октября 1641 года. В этот период он дошел до той отметки в своем властвовании, которая означала одновременно верх достижений, поворотный пункт и отправную точку для неуклонного скатывания вниз.

Все шло хорошо до января 1641 года. Призывы императора к миру и проявлению доброй воли были восприняты благожелательно[2]. 9 октября рейхстаг согласился выпустить охранные грамоты послам Гессен-Касселя и Брауншвейг-Люнебурга[3]. 4 ноября депутаты ввиду шведской угрозы разрешили императору расквартировать войска поблизости и в самом городе. Такое решение было принято впервые за пятьдесят лет. Раньше подобный запрос императора был бы расценен как попытка запугать высокое собрание[4]. 21 декабря рейхстаг одобрил финансирование и численность имперской армии по состоянию на текущий момент[5]. 30 декабря депутаты приняли решение объявить по всей империи амнистию, обсудить проблему удовлетворения шведских притязаний и условия всеобщего мирного урегулирования на основе Пражского договора[6]. Они даже изъявили готовность выдать охранные грамоты Елизавете Богемской и ее дочерям, на случай если им потребуются рента и приданое,

[1] Brockhaus, *Der Kurfürstentag zu Nürnberg*. Leipzig, 1883, pp. 99, 126—127.

[2] Lundorp, op. cit., IV, pp. 863—866.

[3] Ibid., p. 935.

[4] Ibid., p. 954.

[5] Ibid., pp. 1099—1112.

[6] Ibid., pp. 1116—1118.

достойные вдовы германского князя и его детей[1]. Никто и не вспомнил об охранных грамотах для ее сына, курфюрста Пфальцского[2], и его братьев. Один из них служил в голландской армии, другой — у шведов, третий находился в Париже, а четвертый уже более двух лет томился в заточении у императора и надоедал своим тюремщикам разговорами о правоте отца[3].

В первой половине января 1641 года к Регенсбургу подошла шведская армия Банера и потребовала сдачи города. Дунай покрылся льдом, и генерал угрожал перейти реку и осадить Регенсбург[4]. Проявив хладнокровие и выдержку, Фердинанд не отменил рейхстаг, сессии продолжались. К тому же император догадывался, что шведы блефуют, хотят сорвать ассамблею и помешать его триумфу, и у них нет достаточных сил для взятия города. Фердинанд распорядился усилить оборону Регенсбурга и ближайших гарнизонов. Он не ошибся. Когда лед на реке растаял, противник отступил, оставив после себя среди прочих трофеев скелеты двадцати императорских соколов: шведы, приняв их за фазанов, поймали, сварили и съели[5]. Самообладание и решительность, проявленные императором, окончательно укрепили веру в него князей. Это были дни и триумфа, и назревавшего кризиса.

Пражский мир поставил крест на прежней конституционной партии: Иоганн Георг Саксонский замолчал навсегда, Максимилиан Баварский — на несколько лет. После вторжения в Германию Франции и ухода от шведов почти всех германских князей внутренняя гражданская война превратилась во внешнюю, и любая оппозиция императору после Пражского мира означала непорядочность, если не предательство. Получалось так, что именно император защищает целостность Германии от посягательств Франции и Швеции.

---

[1] Lundorp, V, pp. 35—36.

[2] Fiedler, p. 273.

[3] Scott, *Rupert, Prince Palatine*, p. 45.

[4] *Dispacci Ridolfi. Regensburg*, 1871, p. 279.

[5] Koch, I, p. 256; *Dispacci Ridolfi*, p. 279.

Морально никто из германских князей не мог выступить против решений императора, не подвергая себя риску быть обвиненным в мятеже. Но на восемнадцатой сессии рейхстага внезапно разразился скандал, инициированный коллегией курфюрстов. Представитель Бранденбурга вдруг заявил, что его хозяин не считает Пражский договор основой для переговоров о мирном урегулировании. Сразу же, несмотря на яростные возражения курфюрстов Баварии, Кёльна и Саксонии[1], на сторону Бранденбурга переметнулись другие, хотя и менее влиятельные протестантские князья, и в рейхстаге образовалась довольно значительная конституционная протестантская оппозиция императору[2]. Страхи по поводу иностранной интервенции возродили подозрительность, и рейхстаг, вместо того чтобы упрочить единство и силу империи, вскрыл ее разобщенность и слабость.

Фердинанд открывал рейхстаг, когда в Бранденбурге все еще правил Георг Вильгельм, во всем слушавшийся главного министра Шварценберга, католика и ярого приверженца императорского двора. Но Георг Вильгельм, в сорок с небольшим лет ставший полным инвалидом, скончался 1 декабря 1640 года. Его наследнику Фридриху Вильгельму было двадцать лет, и он разительно отличался от отца во всем, кроме роста и импозантной внешности. Если рослый, внушительного телосложения Георг был кроток и непредприимчив, то не менее дюжий Фридрих обладал натурой отважной, решительной и дерзкой. Рожденный и взращенный войнами, он подходил к любым проблемам только с точки зрения практической целесообразности, и принципы для него в общем-то ничего не значили[3]. Фридрих Вильгельм мог пойти на все ради блага своей династии и, надо отдать ему должное, своих подданных. Можно сказать, талеры для

[1] *Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte Friedrich Wilhelms.* Berlin, 1864, I, pp. 728—732.

[2] Ibid., I, p. 744.

[3] Своими взглядами он делился с принцем Оранским в 1646 году: Groen van Prinsterer, II, iv, p. 172.

него были дороже принципов. Впоследствии он выпустил примечательный манифест, провозглашавший, что водные пути Германии должны и принадлежать Германии. Естественно, он преследовал прежде всего свою корысть — утверждал право на собственный водный путь. Тем не менее Фридрих Вильгельм не стеснялся тайно получать субсидии от французов, обменял Померанию на Магдебург и обманным путем возвратил ее себе. Его внутренняя политика была жесткой и непопулярной, но целительной и эффективной, он сумел создать прусское государство из того, что ему оставил в наследство отец, и за это его прежде всего ценит потомство.

Когда Фридрих Вильгельм вошел во власть, о личности нового курфюрста никто ничего не знал. Он довольно долго рос и воспитывался в Гааге, проводя время в основном среди своих кузенов и кузин, детей Фридриха Богемского. Он пренебрег приказом отца вернуться домой, но когда ему все-таки пришлось это сделать, Фридрих Вильгельм возненавидел Шварценберга, подозревая министра в том, что он собирается его отравить[1].

Поскольку старший курфюрст подписал Пражский мир, то и его войска сражались за императора против шведов. Для Фердинанда, понятно, была важна его поддержка, тем более во время рейхстага, который должен был продемонстрировать хотя бы видимость единства. Фридрих Вильгельм повел себя совершенно иначе. Для своей страны он хотел прежде всего подлинного мира. Курфюрст унаследовал земли, опустошенные и оккупированные иностранными войсками и собственной разнузданной армией, существовавшей только за счет грабежей[2]. Он лишился лучших владений, распроданных или заложенных, ему достался доход, составлявший в лучшем случае восьмую часть того, что имел ког-

[1] Pufendorf, *De Rebus Gestis Friderici Wilhelmi*, Leipzig, 1733, XIX, p. 102.

[2] *Urkunden und Aktenstücke*, XV, pp. 259, 322—323; X, p. 61.

да-то отец[1]. Фридриху пришлось вначале жить в прусском Кёнигсберге из-за того, что в берлинском замке обвалилась крыша и провинция не могла обеспечить продуктами двор курфюрста[2]. «Померания потеряна, Юлих потерян, нам едва удается удерживать Пруссию, как угря за хвост, и нам придется заложить Марку», — сокрушался один из его советников[3].

Фридрих Вильгельм не собирался ни закладывать Марку, ни терять земли и деньги ради императора. Он сразу же отдал приказ войскам ограничиваться лишь оборонительными действиями. Когда шведы вторглись, он запросил у них условия, на которых они готовы гарантировать ему нейтралитет. Шварценберг попытался поднять бунт, но в январе был уволен и вскоре умер — вероятно, от расстройства[4].

К началу марта 1641 года Фердинанд в Регенсбурге уже предостаточно наслышался о сепаратном мире между Бранденбургом и шведами. В мае курфюрст отправил послов в Стокгольм, в июле шведское правительство согласилось приостановить военные действия и рассмотреть возможность более длительного перемирия[5]. 24 июля в частном порядке были согласованы условия бессрочного прекращения огня[6]. В начале сентября представитель курфюрста в Регенсбурге сообщил о том, что Бранденбург и Швеция договорились о полном прекращении военных действий[7].

Фридрих Вильгельм выкручивал Фердинанду руки. Император тоже добивался мира, но на таких условиях, чтобы не потерять слишком много из того, что Австрийский дом

---

[1] Philippson, *Der Grosse Kurfürst Friedrich Wilhelm von Brandenburg.* Berlin, 1897, I, p. 29.

[2] Ibid., p. 28; Streckfüss, p. 223.

[3] Meinardus, *Protokolle und Relationen des Geheimenrates.* Leipzig, 1889, I, p. 45.

[4] *Urkunden und Aktenstücke*, XXIII, pp. 1—8; I, pp. 382—383; XV, pp. 388—389, 398—434.

[5] Ibid., XV, pp. 713—724, 522 ff.; XXIII, i, p. 9.

[6] *Sverges Traktater*, V, ii, pp. 475—483.

[7] *Urkunden und Aktenstücke*, XXIII, i, p. 11.

приобрел за столько лет войны. Он по-прежнему опирался на Пражский договор, не понимая, очевидно, что урегулирование, казавшееся великодушным до вмешательства Ришелье в 1635 году, уже выглядело бескомпромиссным ультиматумом в 1640-м. Новый курфюрст Бранденбурга сорвал все маски. Будучи формально союзником императора, он пренебрег переговорами в Регенсбурге и сам заключил перемирие. Выходило так, будто не кто иной, а император не хотел искать пути к мирному согласию.

Объяснение поступку Фридриха Вильгельма можно найти в книге, изданной незадолго до этих событий под заглавием «*Dissertatio de ratione status in Imperio nostro Romano-Germanico*»[1]. Этот труд был написан с таким пафосом, драматизмом и логикой, что сразу же приобрел необычайную известность. Автор скрыл свое настоящее имя под псевдонимом Ипполит Лапид. Реально им был Богислав фон Хемниц, впоследствии историограф шведской короны. В этом исследовании убедительно показано то, как династия Габсбургов манипулировала имперской конституцией в своих интересах, прибегая где к хитрости, а где к силе, пользовалась чрезвычайными обстоятельствами для наступления на права германских князей.

Фердинанд открывал рейхстаг в сентябре 1640 года, держа в руках, как он думал, оливковую ветвь. К маю 1641 года в Европе ни у кого не было сомнений в том, что ему была нужна только война[2], а переговоры в Регенсбурге были таким же спектаклем, какой он разыграл с Пражским миром, нацеленным на то, чтобы удержать союзников и одурачить оппонентов.

Фердинанд был человеком далеко не глупым. Он предвидел, чем все может закончиться, и хотел предотвратить невыгодный для себя исход. Он протянул оливковую ветвь, но ему сказали, что это обнаженный меч. В такой ситуации

---

[1] «Рассуждение о порядках в нашей Римско-Германской империи» (*лат.*).

[2] *Urkunden und Aktenstücke*, XXIII, pp. 535, 550.

император мог сохранить свое лицо единственным способом — доказать, что он тоже прав. Узнав о перемирии между шведами и Бранденбургом, Фердинанд поступил благоразумно: изобразил радость подлинного миротворца. Этот ловкий ход помог ему обезоружить брюзгливых сторонников Бранденбурга[1]. Воспользовавшись благоприятным моментом, он предложил им пересмотреть свое отношение к Пражскому договору исходя из интересов всеобщего мира. Только оппозиция Бранденбурга и некоторых экстремистов, утверждал он, мешает созыву всеобщей мирной конференции. Ему таким образом удалось переложить ответственность и обвинить в обструкционизме бранденбургского курфюрста. Делегатам Бранденбурга ничего не оставалось, как согласиться с планом императора[2]. 10 ноября 1641 года Фердинанд распустил рейхстаг с таким решением: незамедлительно избрать полномочных представителей для выработки мирных соглашений и с бунтовщиками, и с интервентами на основе Пражского договора и всеобщей амнистии[3].

Кризис был предотвращен, но лишь на время. Рано или поздно Фердинанду придется договариваться о мире с Фридрихом Вильгельмом, и эти переговоры с человеком, ищущим дружбы со Швецией и Францией, вряд ли пойдут на пользу империи. Рано или поздно кто-то из них возьмет в руки меч, который они временно отложили в сторону.

3

30 ноября 1641 года в Кёльне на Шпрее, на земле курфюрста Бранденбурга, появился императорский указ об амнистии. Дождь и ветер превратили его в клочья и раскидали по улице[4]. Это чисто природное явление полностью соот-

[1] *Urkunden und Aktenstücke*, I, p. 775.

[2] Ibid., XXIII, pp. 775—776.

[3] Lundorp, V, pp. 734—735.

[4] *Urkunden und Aktenstücke*, I, p. 488. См. текст указа у Люнига: Lünig, III, ii, pp. 129—133.

ветствовало мнению людей о мирных намерениях Фердинанда.

В Гамбурге имперские, шведские и французские представители тем временем обговаривали предварительные условия проведения мирной конференции. Фердинанд поочередно отправил трех послов, и ни один из них не убедил ни шведов, ни французов в серьезности намерений имперского правительства. «Они заменили Лютцова Курцем и Аверсберга Лютцовом. Люди разные, а разговоры те же самые»[1], — жаловался французский посол. На самом деле такое положение его вполне устраивало. В Париже были убеждены: промедление принесет лишь новые неприятности Габсбургам. Под различными предлогами переговоры постоянно откладывались или переносились. Французы потребовали для герцогини Савойской особый титул, австрийцы отказались, и обе стороны были чрезвычайно недовольны, когда датчанин предложил им разумный выход из затруднительного положения[2]. Австрийцы придумали еще одно затруднение: ратифицируя предварительные условия созыва конференции, они представили такой путаный документ, что французы отказались его принимать. И эта игра в жмурки продолжалась и продолжалась, и каждая из сторон обвиняла оппонента в затягивании мирного урегулирования[3].

Уже тогда австрийское правительство излучало тот оптимизм, которым впоследствии всегда славилась Австрия, основывая свои надежды на лучшее даже на самых незначительных обстоятельствах. Вскоре после рейхстага умер непокорный герцог Брауншвейг-Люнебурга, а его наследники покинули шведов, чтобы договориться о мире с императором[4]. Последовательными противниками императора остались только ландграф Гессен-Кассельский и изгнанник курфюрст Пфальцский. Фердинанд мог рассчитывать также на

[1] Le Clerc, *Négotiations Secrètes*, The Hague, 1725, I, pp. 128 f.

[2] Bougeant, II, pp. 209—212; Lundorp, V, pp. 761, 768—769.

[3] Le Clerc, I, pp. 113—152.

[4] Lundorp, V, pp. 762—768.

вражду между Швецией и Данией и уже определил Кристиана IV посредником на мирных переговорах, хотя и знал, что это вызовет неудовольствие Стокгольма[1].

В отношениях между Швецией и Бранденбургом возникли определенные трудности. Молодая королева не захотела выходить замуж за курфюрста, разошлись союзники и во мнениях относительно принадлежности Померании. Фердинанд вполне мог рассчитывать на то, что никакой дружбы между ними не будет[2].

Действительно, Вену приободрила враждебность между Швецией и Данией и напряженность в отношениях между Швецией и Бранденбургом, которая отчасти проявлялась и на театре военных действий. За два года, после смерти Бернхарда Саксен-Веймарского, ситуация на шведской стороне конфликта значительно ухудшилась. Маршал Юхан Банер служил королеве Швеции, но он был еще аристократом из древнего дворянского рода и сыном человека, преданного смерти Карлом IX за бунтарство. Как и большинство военных командующих, и не обязательно шведских, он хотел получить в Германии земли, а его поведение в последние годы убедительно свидетельствовало о том, что ему не чуждо и властолюбие. Перед людьми типа Мансфельда, Валленштейна и Бернхарда обычно открываются такие возможности, перед которыми трудно устоять. Банер был, безусловно, человеком тщеславным и не особенно обремененным угрызениями совести. Более того, уничтожение значительной части армии Горна при Нёрдлингене сразу же выдвинуло его на видное место и очень сильные позиции. В продолжение не одного года он был единственной надеждой шведского правительства. Банер служил бастионом и против имперцев, и против саксонцев, и против бранденбуржцев в Северной Германии. Он обеспечивал линию коммуникаций между Швецией и Рейном или Центральной Германией; его уход мог привести к тому, что Ришелье потерял бы интерес к аль-

[1] Lundorp, V, p. 1067; Bougeant, II, pp. 304—305.

[2] *Urkunden und Aktenstücke*, XXIII, i, pp. 17 ff.

янсу с Оксеншерной, а Швеции пришлось бы заключать позорный мир.

Его армия, безденежная и вынужденная располагаться на постой там, куда ее загонял противник, утеряла все признаки воинской организованности и дисциплины, в чем признавался и сам Банер в докладах Оксеншерне. «Квартирмейстер Рамм остался в Мекленбурге, не получив от меня разрешения. Не понимаю, что с ним произошло»[1], — писал он канцлеру. И затем: «Я могу давать им только обещания (заплатить)... ручаясь именем ее величества и приводя всевозможные объяснения»[2]. Немного спустя он сообщал: «У нас не было бы серьезных проблем с численностью войск, если бы не бродяжничество, мародерство и грабежи... ничто не может остановить их и привести к порядку»[3]. Он писал о полном отсутствии дисциплины[4], о том, что пехотинцы взяли за привычку обменивать оружие на еду[5], предупреждая: положение настолько скверное, что армия вот-вот развалится[6].

Банер наверняка сгущал краски, поскольку армия продолжала действовать. Он, вероятно, хотел создать впечатление, будто все держится на нем, на его изобретательности и авторитете. В его самооценке была доля истины, Оксеншерна знал это, правительство в Стокгольме боялось остаться наедине с неуправляемыми и буйными бандами и должно было относиться к маршалу с повышенным вниманием. Очень быстро Банер стал для Оксеншерны таким же незаменимым человеком, каким для Ришелье был Бернхард. После смерти Бернхарда лишь недостаток денег не позволил Банеру обставить Ришелье и купить и Эрлаха, и оставшуюся без призора армию[7].

---

[1] *Brefvexling*, II, vi, p. 349.
[2] Ibid., p. 529.
[3] Ibid., p. 840.
[4] Ibid., II, p. 538.
[5] Ibid., p. 530.
[6] Ibid., pp. 400 ff.
[7] Aitzema, II, p. 830.

Банер решил утверждаться другими средствами. В 1639 году он вторгся в Богемию, и, если бы ему не помешали умелые оборонительные действия Пикколомини в Праге, нежелание крестьян поднять восстание[1] и нехватка провианта, то маршал мог бы завладеть всей провинцией. «Мне и в голову не приходило, что Богемское королевство столь оскудевшее, опустошенное и разграбленное, — сообщал он Оксеншерне. — На всем пространстве от Праги до Вены полная разруха и вряд ли отыщется хотя одна живая душа»[2].

Тем не менее он с толком использовал вторжение в Богемию, и в Стокгольме вскоре узнали, что маршал ведет мирные переговоры и ему якобы предлагают и поместья в Силезии, и титул имперского князя[3]. Когда о торгах стало известно, это ему повредило, но в 1640 году Банер предпринял новый впечатляющий бросок на юг к Эрфурту, где он соединился с бернхардской армией французского маршала Гебриана и контингентом из Гессена и Брауншвейга. Хотя в его распоряжении теперь было около сорока тысяч человек, он почему-то стал проявлять нерешительность. Имперцы маневрировали, избегали сражения, а он не пошел к Дунаю и последовал примеру Валленштейна — начал переговоры с эрцгерцогом Леопольдом. Сам император отнесся к его реверансам с большим подозрением[4], а в шведско-французском лагере неопределенность намерений Банера привела к отставке гессенского генерала Петера Меландера, который затем оказался командующим в баварской армии. У французского командующего Гебриана было больше оснований для беспокойства: Банер вновь пытался склонить бернхардинцев к тому, чтобы от французов уйти к нему[5].

Ничего не добившись, Банер отошел обратно к Везеру. Начало сказываться многолетнее пьянство, подкосила мар-

[1] *Brefvexling*, VI, p. 634.

[2] Ibid., p. 625.

[3] Bougeant, op. cit., pp. 66—67.

[4] Lundorp, op. cit., IV, pp. 237—239 f.

[5] Noailles, *Épisodes de la Guerre de Trente Ans*, III, p. 147.

шала и смерть жены Елизаветы в июне 1640 года. Она постоянно находилась с ним почти во всех кампаниях, изящная и добросердечная женщина, единственный человек, знавший, как справиться с неуравновешенным, тщеславным и капризным маршалом. Солдаты относились к ней с благоговением и любовью, как к матери, а горожане и крестьяне нередко просили защитить их от вымогательств мужа; в одном городе муниципалитет даже посчитал нужным поддерживать добрые контакты с ее служанкой[1].

На похоронах жены маршалу приглянулась юная дочь маркграфа Баденского, и, не успев оправиться от горя, он загорелся новой страстью. Венчание было устроено за скандально короткий срок, и маршал, приводя в бешенство своих офицеров, начал новую жизнь со своей молодой женой: три четверти ночного времени проводил в кутежах с общими друзьями, а три четверти светового дня валялся в постели[2].

Конечно, брак состоялся по причине сентиментальности и внезапной неодолимой страсти, но отчасти он был вызван и положением, которое молодая леди занимала в Германии. Статус зятя маркграфа Баденского позволял Банеру занять достойное место среди германских князей, которым он мог воспользоваться в случае возникновения претензий со стороны шведской короны. Незадолго до обручения ему пришлось взять в свой лагерь человека, которого он презирал как плохого солдата[3], еще осваивавшего науку войны, — одного из младших братьев курфюрста Пфальцского. Поначалу Банер демонстрировал принцу неприкрытое пренебрежение, но после женитьбы, возвысившись до равного, как он считал, социального положения, маршал стал относиться к нему с высокомерной фамильярностью[4].

---

[1] M. Schilling, *Zur Geschichte der Stadt Zwickau, 1639—1640. Neues Archiv für Sächsische Geschichte*, IX, pp. 291, 298—299.

[2] Bougeant, II, pp. 132—133.

[3] *Brefvexling*, II, vi, p. 802.

[4] *Calendar of State Papers. Domestic, 1640—1641*, p. 469.

Каким бы странным и неадекватным ни выглядело поведение Банера, брак оказал на него благотворное влияние. В нем вновь пробудилась кипучая энергия, и он опять пошел к Эрфурту, в декабре 1640 года соединился там с бернхардинцами маршала Гебриана, предпринял совместный марш-бросок к Регенсбургу и даже обстрелял город с противоположного берега реки. Но плохая погода и острые разногласия с Гебрианом не позволили продолжить кампанию, и он отступил в январе 1641 года сначала к Цвиккау, а потом в Хальберштадт. То проявляя бурную активность, то впадая в спячку и не доводя до конца начатую операцию, Банер вел себя как человек непоследовательный, беспринципный и, очевидно, потерявший интерес к своей профессии. Он не оставлял попыток подчинить себе бернхардинцев и успел даже спровоцировать у них беспорядки[1]. Однако, подобно Валленштейну, маршал плохо знал свою армию. Он никогда не пользовался особой популярностью в войсках, а после смерти жены его связь с ними окончательно оборвалась. Он все меньше и меньше обращал внимания на дисциплину, своевременную выплату жалованья, обеспеченность солдат провиантом и оружием, и в армии назревал мятеж[2]. Но прежде чем начался бунт, Банер умер в Хальберштадте 20 мая 1641 года, оставив войска на попечение шведского правительства, и властям теперь надо было поправлять то бедственное положение, которое маршал так красочно описывал в своих докладах.

Получив известие о смерти Банера, Оксеншерна назначил на его место Торстенссона[3], прошедшего выучку у Густава Адольфа, в полной уверенности, что ему можно доверять. Торстенссону, находившемуся в Швеции, могли потребоваться недели, а то и месяцы на то, чтобы приступить к делам, и пока армию возглавил Карл Густав Врангель, способный, хотя и малоизвестный в войсках генерал. Под его ко-

[1] Noailles, III, pp. 180—182.

[2] *Urkunden und Aktenstücke*, I, pp. 537—541.

[3] *Brefvexling*, II, viii, p. 348.

мандованием в июне 1641 года шведы отбили атаку имперцев у Вольфенбюттеля[1], но вскоре ропот, несколько поутихший после победы, возродился с новой силой. Науськивал мятежников Мортень, один из старших и авторитетных офицеров. Бунтовщики требовали немедленной выдачи денег, угрожая уйти с бернхардинцами в Рейнланд и оставить шведское правительство без армии[2]. Конфликт разрешился с появлением Торстенссона.

Он прибыл в середине ноября, нагоняя страх уже только своей суровой и давящей на психику внешностью. Его нисколько не обеспокоили ни мрачные рассказы Врангеля о состоянии армии, ни разыгравшаяся вдруг подагра. Торстенссон привел с собой настоящее шведское войско — семь тысяч человек — и, что не менее важно, привез достаточно денег для успокоения самых шумных бузотеров. Удовлетворив требования наиболее настырных мятежников, разбавив войска свежими шведскими полками и продемонстрировав, что его не так-то легко запугать, Торстенссон усмирил бунт без применения силы[3].

Торстенссон, безусловно, оказался гораздо более сильным и надежным командующим, чем Юхан Банер. Шведское правительство могло совершенно не сомневаться в его преданности короне, а сам он обладал организационными способностями, особенно необходимыми в трудных и сложных ситуациях. Французских субсидий всегда было недостаточно, и приходили они, как правило, с перебоями или поздно. Торстенссон придумал, как выйти из этого положения: перестал набирать рекрутов на военную службу за денежное вознаграждение. Обнищавшему крестьянству, которое и пополняло его войска, он обещал еду, одежду, оружие и поживу за счет разумного грабежа. В сущности, Торстенссон узаконил то, что уже давно существовало неофициально. Как бы то ни было, теперь командующий обязывался изыскивать

[1] *Brefvexling*, pp. 570—572.

[2] Ibid., p. 352; Pufendorf, XIII, pp. 37, 52.

[3] Chemnitz, IV, pp. 92—104; Pufendorf, XIII, pp. 52—55.

деньги только для ветеранов, пришедших в армию до него[1]. Из-за голода, чумы, тяжелых бытовых условий их численность из года в год сокращалась.

Банду патентованных грабителей можно было держать в узде только свирепой дисциплиной, и Торстенссон лучше всего подходил для этой роли. Он не нуждался в популярности. Солдаты ненавидели командующего, а он терроризировал их, отдавая приказы в основном из громоздких носилок, к которым его приковала болезнь. Он вряд ли избежал бы очередного мятежа, если бы был менее жестким человеком, но самый лютый враг не нашел бы ни единого промаха в его кампаниях. Он давал своим людям возможность грабить, они приносили ему победу. Они боялись его виселиц, расстрелов и плетей, но не восставали против него.

Появление Леннарта Торстенссона разрушило надежды императора на лучшее будущее. Новый шведский маршал начал весеннюю кампанию 1642 года, ударив непосредственно по наследственным землям. Он наголову разбил саксонскую армию под Швейдницем, оставив ее почти без артиллерии и боеприпасов[2], и беспрепятственно вошел в Моравию. Здесь практически нечего было грабить, но солдаты в одном монастыре вскрыли склепы, отрезали у мертвых аббатов пальцы с кольцами и перстнями, разбили сундуки с церковными одеяниями и направились маршем в Ольмюц, повязав ризы и напрестольные пелены поверх грязных кожаных курток и размахивая знаменами со священными символами[3]. Ольмюц пал в июне, и Торстенссон сразу же начал строить фортификационные сооружения. Он приказал вырубить насаждения и соорудить хижины к зиме, выгнать из города студентов, больных и нищих как ненужный балласт[4],

[1] Lorentzen, p. 76; Meiern, *Acta Pacis Executionis*. Hanover, 1736, I, p. 19.

[2] *Brefvexling*, II, viii, pp. 369, 376.

[3] *Chronik des Minoriten Guardians in Olmütz. Archiv für Oesterreichische Geschichte*, LXII, p. 481.

[4] Ibid., pp. 472, 482; LXV, pp. 322, 348.

заставил императорского наместника уйти из города пешком вместе с женой и детьми[1]. Заподозрив крестьян в верности императору, Торстенссон сжигал их деревни, пытал и вешал узников, угрожал без пощады казнить всех, кто посмеет украсть что-нибудь в армии[2].

Его дозоры уже были в двадцати пяти милях от Вены, прежде чем имперские генералы, сам эрцгерцог и Пикколомини успели собрать силы, достаточные для того, чтобы отразить наступление. Но Торстенссон проявил благоразумие. С основным контингентом он отступил через Силезию в Саксонию, намереваясь поставить на колени Иоганна Георга до того, как подойдут имперцы. Шведы осадили Лейпциг, когда эрцгерцог показался на горизонте 2 ноября 1642 года. Торстенссон стал отходить на север, к Брейтенфельду, Леопольд пустился в погоню, надеясь на второй Нёрдлинген. Но получился второй Брейтенфельд.

Эрцгерцог начал сражение, открыв бешеную стрельбу, прикрывая свои позиции, пока кавалерия на флангах готовилась к атаке. Он применил «чейн-шот», стрельбу цепями с ядрами, новшество, по тем временам весьма эффективное для того, чтобы привести в смятение шведскую армию. Торстенссон, уступая в численности войск Леопольду, решил опередить противника и, несмотря на артиллерийский обстрел, нанести удар по его левому флангу, прежде чем он подготовится к бою. Дезорганизованные ряды имперцев не выдержали натиска, и как бы их ни вдохновлял эрцгерцог, скакавший между ними и пытавшийся остановить беглецов, его ругань и угрозы не действовали ни на солдат, ни на офицеров.

На другой стороне сражения имперская кавалерия отбила атаку шведов, а пехота активно наседала на шведский центр. Но конница Торстенссона, рассеяв противника на правом фланге, примчалась на помощь центру и принудила

[1] *Chronik des Minoriten Guardians in Olmütz*, p. 334.

[2] Ibid., pp. 328—331, 337—338.

имперскую пехоту к отступлению. Теперь Торстенссон все силы бросил на то, чтобы окружить и уничтожить отсеченный правый фланг имперской кавалерии. Многие сдались сразу, другие — бежали, и шведы преследовали их, добивая или беря в плен. Имперцы сдавались и бросали оружие целыми ротами и охотно переходили на службу к шведам. По самым скромным оценкам, эрцгерцог потерял четверть армии на поле битвы и еще четверть армии сдал врагу. Шведы насчитали у него почти пять тысяч человек убитых и четыре с половиной тысячи пленных. Они, кроме того, захватили сорок шесть пушек, пятьдесят повозок с боеприпасами, а также все документы и деньги эрцгерцога[1]. Сам он, чуть не лишившись жизни или свободы, ушел в Богемию. Здесь эрцгерцог предал военному трибуналу командира и офицеров полка, дрогнувшего, по его мнению, первым и потянувшего за собой весь левый фланг. Поражение настолько его разозлило, что он обезглавил всех старших офицеров, повесил младших офицеров, расстрелял каждого десятого солдата, а всех остальных раскидал по другим полкам. Закончив расправу, Леопольд отправился в Пильзен за причащением и помощью[2].

Минуло несколько недель, и плохие новости теперь пришли в Вену с другого конца империи. Видерхольд, тот самый независимый протестант, отказавшийся восемь лет назад сдать императору замок Хохентвиль, вдруг обрушился на город Юберлинген на северном берегу озера Констанц и занял его для французов[3].

Фортуна явно отвернулась от Габсбургов, и курфюрст Майнца решил созвать во Франкфурте-на-Майне имперскую депутацию для обсуждения назревших проблем и путей выхода из войны[4]. Фердинанд рассчитывал на то, что

[1] Chemnitz, IV, ii, pp. 139, 142; *Brefvexling*, II, viii, pp. 376—378. Битва в подробностях описана Тингстеном: Tingsten, *Johan Baner och Lennart Torstensson*, pp. 213—220. Там же дается ее план.

[2] Chemnitz, IV, ii, p. 153.

[3] Heilmann, *Die Feldzüge der Bayern*. Leipzig, 1851, pp. 4—6.

[4] Lundorp, V, pp. 821—822.

ассамблея возьмется за урегулирование германских неурядиц и ему, таким образом, удастся лишить Францию и Швецию возможности вмешиваться в дела империи и мирные переговоры. Но реализации его замыслов помешали шведы. Полномочные представители Швеции в Гамбурге выпустили манифест, приглашая все сословия Германии представить свои претензии и предложения для международной мирной конференции[1].

Определились и города, где должны проходить встречи: Оснабрюк — для Швеции, Мюнстер — для Франции; ассамблею назначили на 25 марта 1642 года. Фердинанд всячески уклонялся от проведения конференции, затянул ратификацию условий ее организации до того момента, когда прошли все сроки, так и не выдав верительные грамоты своим полномочным представителям.

Увертки Австрии осудили даже католические союзники Фердинанда. Максимилиан Баварский, чья шаткая лояльность наконец стабилизировалась женитьбой на эрцгерцогине, снова потянулся к Франции, увлекая за собой курфюрстов Майнца и Кёльна. Все трое были заинтересованы в том, чтобы ублажить державу, господствовавшую на Рейне. Курфюрсты Майнца и Кёльна нуждались в защите, Максимилиан — в утверждении своих прав на курфюршество и рейнские приобретения.

Разлад в семействе еще больше усугубил положение Фердинанда. После смерти кузена, кардинала-инфанта, Оливарес вначале хотел сделать его преемником эрцгерцога Леопольда[2]. Принц ничем не прославился в Германии, но был человеком неглупым и обладавшим некоторой долей обаяния кардинала-инфанта, и его могли бы благожелательно принять высокомерная брюссельская знать и фламандское чиновничество. Филипп Испанский, поначалу согласившийся с его предложением, вдруг переменил свое

[1] Meiern, *Acta Pacis Westphalicae*. Hanover, 1734, I, pp. 11—12.

[2] Lonchay and Cuvelier, III, p. 456.

мнение и, желая якобы учесть традиционные симпатии фламандцев к лицам королевской крови, заявил о намерении назначить наместником собственного сына дона Хуана[1]. Этот юнец действительно был сыном короля, но родила его актриса Мария Кальдерон. По всем отзывам, он был умен и добродетелен[2], но ему было всего двенадцать лет. Народ — и чиновников и чернь — возмутило то, что ими будет править бастард. В правительственных кругах заподозрили, что, назначая сына, король хочет лишь покрепче привязать к Мадриду их строптивое государство. Поднявшаяся волна протестов вынудила Филиппа отложить на неопределенный срок отправку дона Хуана в Нидерланды и назначить пока регентом дона Франсиско де Мело[3].

Но рана была нанесена. Австрийская семья оскорбилась тем, что после стольких лет союзничества король предпочел своего внебрачного сына эрцгерцогу Леопольду, признанному лидеру испанской партии в Вене. Глупая высокомерная выходка Филиппа надорвала моральные узы, связывавшие Вену и Мадрид; оставалось лишь бездарному Мело ввергнуть Испанские Нидерланды в еще одну беду и дать императору дополнительный стимул для того, чтобы оставить тонущий корабль испанской монархии и спасать самого себя.

4

Война между Францией и Испанией то вспыхивала, то затихала, но чаша весов склонялась в пользу Парижа. Головную боль для Ришелье создавала армия. Лучшие офицеры ему были нужны в Германии, где он видел главную для себя угрозу, и кардинал не доверял дворянам, командовавшим на Пиренеях, во Фландрии и Бургундии. Пока он возлагал надежды на герцога Энгиенского, старшего сына принца де

[1] Lonchay and Cuvelier, III, p. 459.

[2] *Relazioni dagli Ambasciatori, Spagna*, II, pp. 112, 113.

[3] Lonchay and Cuvelier, III, p. 488.

Конде[1]. По настоянию Ришелье этого молодого человека, которому было двадцать с небольшим лет, назначили зимой 1642 года главнокомандующим на фламандской границе.

Герцог Энгиенский воспринимался другими людьми совершенно иначе, чем кардиналом Ришелье. В детстве он был необычайно вспыльчив и неуравновешен, и многие сомневались в том, что из него вырастет психически здравый человек. К двадцати двум годам он стал поспокойнее, но сохранил импульсивность, добавив к ней шокирующую манеру поведения и неприятие каких-либо возражений.

За последние годы французская армия претерпела существенные изменения. Ришелье из экономии и стремления ограничить власть командующих, особенно дворян, сосредоточил свое внимание на технической оснащенности войск, а не на их численности[2]. При поддержке короля он ввел в армии жесточайшую дисциплину, применяя драконовские меры против любых нарушений, в том числе и сквернословия[3], пытался сократить число людей, идущих с войсками, особенно женщин; правда, это ему не всегда удавалось[4]. Поощряя продвижение по службе талантов, а не бездарей со связями, Ришелье открыл дорогу для способных и честолюбивых детей крестьян, ремесленников, лавочников и обедневших аристократов. За одно десятилетие он создал высокоэффективные вооруженные силы, всецело подготовленные в том числе и для ведения осадных военных действий. Кардинал не разбавлял их дезертирами и военнопленными, и его армия была такой же национально однородной, как и когда-то шведская. Военнопленные незамедлительно обменивались или отправлялись на корабли военно-морского флота гребцами[5].

Ришелье не дожил до того дня, когда смог бы увидеть плоды своих многолетних усилий, увенчавшихся блестящей

[1] Hanotoux and le Duc de la Force, *Revue des Deux Mondes*, April 1935, p. 612.

[2] Hanotoux and le Duc de la Force, March 1935, pp. 73 f.

[3] Noailles, I, pp. 567—571.

[4] Ibid., loc. cit.; Hanauer, pp. 190—191, 193, 263 f.

[5] Avenel, V, p. 277.

победой его протеже. В 1642 году взорвалась последняя и самая страшная мина на его жизненном пути, усеянном опасностями. Поднял бунт Сен-Мар, красавец фаворит короля, втянув в мятеж несколько аристократов, — слишком мало для достижения успеха, но достаточно для того, чтобы возмутить кардинала[1]. Ришелье отправил его на эшафот, но и сам пережил Сен-Мара менее чем на три недели. 28 ноября 1642 года он тяжело заболел и по прошествии четырех дней попросился в отставку. Кардинал уже давно чувствовал недомогание, и наконец его ослабленный организм уступил недугу. Король не принял отставку, пришел навестить министра, сидел у его постели и угощал яичными желтками, в своей обычной сдержанной манере выказывая всю нежность, на какую был способен[2]. Их отношения всегда были чисто духовными и свободными от каких-либо эмоций. Для короля Ришелье был становой жилой государства, для Ришелье король служил опорой в наращивании и поддержании собственного могущества. Правда, их союз иногда посещали те страстные чувства, которые испытывает больная вялость к чему-то более молодому, здоровому и пылкому. Ришелье, не находя эмоционального счастья в браке и во власти, получал его от общения с Людовиком. Так или иначе, несмотря на неуравновешенность страстей, разум в поступках Ришелье обычно побеждал чувства, и его доминирование в отношениях с королем было очевидным.

Король приходил к Ришелье 2 декабря, а вечером следующего дня после помазания кардинал впал в кому. Около полудня 4 декабря он скончался, и парижане больше из любопытства, а не от горя толпами шли попрощаться с человеком, которого в народе не очень любили, но уважали, боялись и во времена кризисов призывали на помощь.

Весной герцог Энгиенский с двумя искушенными в военном деле командующими, Лопиталем и Гассионом, начал

[1] Avenel, VII, pp. 866—867.

[2] *Un recit inédit de la mort du Cardinal de Richelieu. Revue Historique*, LV, pp. 304—308; Avenel, VI, pp. 507—508, 696, 704.

кампанию на фламандской границе. Ее омрачала печаль, охватившая королевский двор: заболел Людовик, и врачи не предвещали ничего хорошего. Место Ришелье занял человек, которому он доверял, его «правая рука» кардинал Мазарини. В случае смерти короля его преемником становился ребенок, которому еще не исполнилось и пяти лет. Фактически над ним должны будут взять шефство регентша-мать и совет. Пока король жив, дворянство и парижская толпа могли еще стерпеть Мазарини, но после его смерти они вряд ли согласятся с тем, чтобы ими управляли королева-испанка и кардинал-итальянец.

В постоянном ожидании тяжелых вестей из Парижа герцог Энгиенский и выдвинул войска на линию по реке Мёз. А в Лувре король днями не вставал со своей огромной постели, но его тело, уже несколько лет казавшееся почти безжизненным, никак не хотело умирать. Сердце не переставало биться в этом полумертвом человеке. Он лежал почти без движения, иногда засыпал тревожным сном, иногда терял сознание, иногда что-то бормотал, а супруга громко рыдала, денно и нощно сидя возле его ложа. Входили и выходили придворные и доктора, неподалеку играл со своими маленькими друзьями дофин, а герцог Анжуйский[1], сидя на коленях незнакомой графини, истошно звал няню, которой было запрещено переступать через порог[2]. Незадолго до кончины король пробудился и увидел Конде, стоявшего рядом. «Месье Конде, — тихо сказал он. — Мне приснилось, что ваш сын одержал величайшую победу»[3]. Утром 15 мая 1643 года он умер.

Герцог Энгиенский получил печальные известия вечером 17 мая. Он находился в это время где-то между Обертоном и Рюминьи[4], на равнине к западу от реки Мёз, направ-

[1] Трехлетний Филипп, младший брат дофина.

[2] M. L. Cimber, *Archives curieuses de l'histoire de France*. Paris, 1834, II, v, pp. 427—439.

[3] Ibid., p. 436.

[4] H. de Besse, *Relation des campagnes de Rocroy et de Fribourg*. Paris, 1673, p. 283.

ляясь к Рокруа, мощной приграничной крепости, осажденной войсками Мело. Он решил, что будет разумнее пока ничего не сообщать, дабы не посеять панику в армии, а на следующее утро в Рюминьи собрал офицеров и ознакомил их с планом операции. Рокруа располагалась на возвышенности, но местность между крепостью и Рюминьи была плоская, песчаная, пересеченная низкорослыми перелесками и заболоченными речушками. Перед самим городом пространство было открытое и безлесное. Мело, имевший восемь тысяч всадников и восемнадцать тысяч пехотинцев, разместился между войском герцога Энгиенского и городом и основательно окопался. План принца заключался в том, чтобы по узким лесным дефиле выйти к Рокруа, оставив обозы и артиллерию позади. Если Мело, увидев его выдвижение, покинет свои позиции, то французы обогнут его с фланга и подойдут к Рокруа с тыла. Если же им не удастся выманить его из укреплений, то они вынудят Мело вступить в схватку перед городом. Изложив свой план — Гассион с ним согласился, а Лопиталь категорически возражал, — гер-

цог сообщил офицерам о смерти короля и призвал продемонстрировать верность новому суверену и регентству[1].

На следующий день, 18 мая, первая часть плана была успешно реализована. Мело позволил французской армии — пятнадцать тысяч пехотинцев и семь тысяч всадников — выйти на открытую равнину. Он решил, что будет гораздо лучше окружить и захватить всю французскую армию, нежели принуждать ее к бегству. Мело располагал численным преимуществом, хотя и не столь значительным, как он полагал, и хорошо подготовленными войсками. Под его командованием оказались лучшие испанские пехотинцы и полки кардинала-инфанта, наследники традиций Спинолы. Когда же Мело увидел идущие навстречу колонны герцога Энгиенского, он оторопел. Принц расставил своих людей так, что пехоту скрывала кавалерия, шедшая впереди и с обеих сторон. Мело тщетно пытался отвлечь конницу и оценить реальную численность пехоты, разведчики либо не возвращались, либо давали разноречивые сведения.

К шести вечера герцог Энгиенский вывел войска на равнину на расстояние пушечного выстрела от испанцев. Его правый фланг, которым он сам и командовал, оказался на слегка поднимавшемся вверх склоне, и его отделяла от кавалерии герцога Альбукерке узкая лесная полоса, в которой Мело спрятал мушкетеров. Левое крыло Сеннетерра и Лопиталя располагалось в низине, и с фланга его защищало болото. Мело командовал испанским правым флангом, противостоявшим Сеннетерру, а старый фламандский генерал Фонтен возглавлял пехоту, занимавшую позиции в центре испанских построений тоже на небольшом склоне. Здесь, конечно, не было ни холмов, ни оврагов, только пологие складки местности. Но армии разделяла небольшая впадина, и атакующим надо было сначала идти вниз, а потом подниматься выше.

Шесть вечера в прекрасную майскую погоду еще не самое позднее время для того, чтобы начать сражение. И гер-

[1] H. de Besse, pp. 284—286.

цог Энгиенский так бы и поступил, если бы Сеннетерр внезапно, без приказа, не отправил половину своей конницы с заданием обойти испанцев и прорваться к Рокруа. Это было очень неудачное решение: всадникам надо было пересечь болото на виду испанских войск. Мело уже собирался воспользоваться промахом Сеннетерра, но герцог поспешил к нему на помощь с подкреплениями, переброшенными с другого фланга, приказал Сеннетерру повернуть обратно и прикрыл его отход. Мело не стал ввязываться в ненужную схватку. Наступила ночь, и армии отдыхали до утра.

На рассвете герцог Энгиенский выдвинулся к лесной полосе, отделявшей его от испанцев, и очистил ее от мушкетеров. Это произошло прежде, чем Альбукерке понял, что лишился защитного барьера, а на него уже одновременно обрушились Гассион с фланга и герцог — по прямой линии. Испанцы вначале держались стойко, а потом сломались и начали отходить. Поручив Гассиону преследование беглецов, герцог все внимание обратил на центр сражения. На дальнем левом фланге Мело отбил атаку Лопиталя, и его кавалерия, беспорядочно отступавшая, могла вообще покинуть поле битвы, если бы вовремя не подоспели резервы. Тем не менее положение на левом фланге продолжало оставаться тяжелым, а в центре пехота едва сдерживала натиск более многочисленных испанских и фламандских войск.

Мгновенно оценив ситуацию, герцог Энгиенский собрал свою кавалерию и с безрассудством, на которое способны только настоящие гении, ринулся на прорыв плотных рядов испанского центра. Первая линия вражеской пехоты, испанские ветераны бились с французской пехотой и явно ее теснили. Герцог ударил между ними и первой и второй линиями итальянцев, немцев и валлонов. Менее обученные, чем испанцы, они не выдержали внезапного натиска. После короткой и жесткой схватки герцог Энгиенский вскоре оказался на дальней стороне сражения. Отсюда он уже мог атаковать Мело с тыла и прийти на помощь уставшим полкам Сеннетерра и Лопиталя. Всадники Мело, попавшие

в тиски, отступили к болоту на правом фланге и, преследуемые французами с двух сторон, вовсе ретировались с поля битвы.

На небольшом возвышении остались лишь испанские пехотинцы, около восьми тысяч человек. Если бы они, проявляя невероятную стойкость, продержались до прихода подкреплений, то герцог мог потерпеть поражение. Казалось, что так оно и случится. Французская пехота продвигалась на расстояние пятидесяти шагов до вражеских рядов, на нее обрушивался град мушкетного огня, и она беспорядочно отходила назад, даже быстрее, чем выдвигалась вперед. Герцог бросал в атаку кавалерию, но и поддержка всадников оказывалась безуспешной. Трижды французы шли на штурм испанских линий и отступали, неся тяжелые потери. Тем временем Гассион и Сеннетерр отогнали бежавших кавалеристов Альбукерке на достаточно безопасную дистанцию и вернулись на поле битвы. Герцог Энгиенский предпринял последнюю и решающую атаку, окружив испанскую пехоту со всех сторон. Их командующий Фонтен погиб от шальной пули, дальнейшее сопротивление стало бессмысленным, и его офицеры подали сигнал о прекращении огня.

Герцог был готов к переговорам о перемирии. Уже надвигалась ночь, и он не горел желанием сражаться *à outrance*[1]. В сопровождении ближайших офицеров он стал подниматься на вершину холма, и кто-то на вражеской стороне, решив, что начинается новая атака, открыл огонь. Французы бросились защищать своего командующего. Пехота и кавалерия навалились на испанцев, сбивая с ног каждого, кто попадался под руку. Герцог пытался остановить своих людей, но безуспешно. Ему удалось спасти несколько человек, ухватившихся за его стремена и моливших о помиловании. Когда опустилась ночь, Мело подсчитал свои потери: из восемнадцати тысяч пехотинцев восемь тысяч были убиты и семь тысяч сдались в плен, и среди них оказалось немало

[1] До последнего солдата, до победного конца (*фр.*).

испанцев. Герцог Энгиенский захватил двадцать четыре пушки, военную казну и огромное количество оружия. На следующий день он с триумфом вошел в Рокруа, этот факт запечатлен на воротах по-прежнему маленького городка[1].

Поражение под Рокруа означало конец испанской армии. Кавалерия уцелела, но ее моральный дух был сломлен, и она уже не могла играть сколько-нибудь важную роль без великолепной испанской пехоты, от которой остались одни крохи. При Рокруа испанцы не замарали свою воинскую репутацию, как это сделали шведы под Нёрдлингеном, но отдали свои жизни за сохранение воинской чести. Ветераны погибли, традиции погибли, не осталось никого, кто мог бы готовить новое поколение воинов. В центре расположения испанских войск перед Рокруа стоит небольшой монумент, непритязательный серый монолит, похожий скорее на надгробие, — надгробный камень, напоминающий о месте, где было похоронено величие испанской армии, можно сказать, величие самой Испании.

---

[1] Описание сражения основано на следующих источниках: H. de Besse, *Relation des campagnes de Rocroy et de Fribourg*, pp. 287—305; Canovas del Castillo, *Estudios del Reinado de Felipe IV*, II, pp. 449—483. См. также: Rodriguez Villa, *El Duque de Albuquerque en la Batalla de Rocroy* and M. Le Duc d'Aumale, *La Premiére campagne de Condé. Revue des Deux Mondes*, April 1883, pp. 733 ff.

Глава одиннадцатая

НА ПУТИ К МИРУ 1643—1648

Мы должны умереть или стать рабами, ибо нож приставлен к нашему горлу.

Исаак Фольмер,
имперский полномочный представитель
в Мюнстере

1

Спустя пять недель после битвы при Рокруа, 23 июня 1643 года, Фердинанд III дал согласие на переговоры с Францией и Швецией. Конгресс в Мюнстере открылся лишь 4 декабря 1644 года. И повинен в этом был не только император. Три обстоятельства помешали начать дискуссии сразу же: разногласия между императором и германскими сословиями, ослабление позиций Франции и обострение ее отношений с Соединенными провинциями, ссора между Швецией и Данией.

Император прежде согласился на созыв имперской депутации во Франкфурте-на-Майне в надежде на то, что она без иностранного вмешательства разрешит внутренние проблемы Германии и будет способствовать установлению религиозного мира. Каких бы союзников ни находили противоборствующие стороны, казалось вполне реальным, что сугубо германская ассамблея сможет урегулировать сугубо германские трудности. Фердинанд недооценил степень высокомерия Швеции и Франции и явно переоценил собственные возможности.

С того времени, когда курфюрст Фридрих Вильгельм выступил против императора в Регенсбурге, и особенно после распространения памфлета *«Dissertatio de ratione status»*

любые действия Фердинанда вызывали подозрения. Депутат из Бранденбурга во Франкфурте-на-Майне открыто обвинил императора в том, что он препятствует мирным договоренностям[1]. Не случайно германские сословия доброжелательно отнеслись к предложениям сначала шведского[2], потом французского[3] и затем снова шведского[4] послов представить свои претензии для международной конференции. На контрпредложение императора никто не отреагировал[5]. В его добрую волю уже не верили, тем более что на предыдущем собрании во Франкфурте он запросил субсидию в размере почти тринадцати миллионов гульденов: такая сумма могла понадобиться только для ведения войны. Не во власти императора было не пускать германских представителей на мирный конгресс, и он лишил их права голоса в Мюнстере и Оснабрюке. По сути, Фердинанд пригрозил: «Либо вы предъявляете свои жалобы во Франкфурте, либо держите их при себе». Сословия, поддерживаемые иностранными союзниками и вдохновленные примером Фридриха Вильгельма Бранденбургского, выразили такой бурный протест, что Фердинанд уступил и согласился на то, что обсуждения в Вестфалии будут приравнены по значимости к дискуссиям в рейхстаге и любой договор, принятый конгрессом и подписанный императором, будет иметь силу имперского закона[6].

На Фердинанда в определенной степени подействовали внешние факторы. Ландграфиня Гессен-Кассельская отказалась представлять ассамблее во Франкфурте какие-либо доклады[7]: она расценила этот форум как продолжение Имперского суда. Максимилиан Баварский пообещал подпи-

[1] *Urkunden und Aktenstücke*, I, pp. 832—833.

[2] Meiern, *Acta Pacis*, I, pp. 11—12.

[3] Lundorp, V, pp. 905 f.

[4] Ibid., pp. 912—913.

[5] Meiern. *Acta Pacis*, I, pp. 223—228.

[6] Stöckert, *Die Reichsstände und der Friedenskongress*. Kiel, 1869, p. 23.

[7] Lundorp. V, pp. 831—813.

сать сепаратный мир, если император будет упорствовать[1]. Упрямство ландграфини не имело особого значения, хотя и свидетельствовало о том, что экстремистов урегулирование во Франкфурте не устроит ни в каком виде. Угроза Максимилиана была более существенной: его дезертирство привело бы к краху вооруженных сил империи.

Позиции Максимилиана существенно переменились со времени подписания Пражского мира в 1635 году, когда ему пришлось отказаться от своего любимого детища — Католической лиги и стать союзником Фердинанда в войне, чуть ли не прислуживать ему. Тогда от его армии почти ничего не осталось, и он не мог оказывать серьезного влияния на имперскую политику, в то время как другой союзник, Иоганн Георг, располагал сильной армией, превосходным командующим и независимостью. С тех пор все изменилось. Пока Иоганн Георг пьянствовал, теряя из-за халатности войска, и лишился способного командующего Арнима, Максимилиан, оберегая и накапливая ресурсы, поднял свою армию на ноги и снова занял лидирующее положение в империи. «Он относится с уважением к императору, — говорил о нем в 1641 году венецианский посол, — но все делает так, как ему захочется»[2]. К 1644 году баварец привел в порядок и свои финансы[3], и его войска стали ядром имперских вооруженных сил.

Испанское правительство, само того не желая, подрывало военный потенциал Фердинанда. Его армия, восстановленная неутомимым Пикколомини после второй битвы при Брейтенфельде[4], вновь стала деградировать после Рокруа, когда Пикколомини понадобился в Нидерландах. Фердинанду, лишившемуся своего лучшего командующего, пришлось доверить конницу Верту, кавалерийскому генералу

[1] Koch, I, pp. 469 f.

[2] Fiedler, p. 283.

[3] Dengel, *Kardinal Rossettis Wanderung. Forschungen und Mitteilungen zur Geschichte Tyrols und Vorarlbergs*, I, p. 267.

[4] Elster, *Piccolomini Studies*, pp. 101 ff.

Максимилиана, вернувшемуся из французской тюрьмы. Тем временем заметную роль в окружении императора стал играть французский профессионал по имени Франц фон Мерси, командовавший баварскими войсками. Осенью 1643 года французская армия Гебриана и ветераны-бернхардинцы выдвинулись из Эльзаса через Шварцвальд в Вюртемберг и заняли Роттвайль. Однако Мерси и Верт обставили их, внезапно напав неподалеку от Туттлингена, где они меньше всего ожидали опасности, заставили отойти с большими потерями и освободили Роттвайль. Мазарини, встревоженный гораздо больше, чем это пытались представить его делегаты в Мюнстере, спешно набрал подкрепления и поручил Тюренну продемонстрировать силу французского оружия. Имперцы со своей стороны протрубили на всю Европу о победе и достойном ответе на поражение при Рокруа[1].

Это был, конечно, кратковременный успех. Однако теперь, когда Мерси взял под защиту Вюртемберг, для Тюренна стало значительно труднее соединиться со шведскими войсками Торстенссона. Кроме того, эта победа моментально превратила Максимилиана, которому служили и Мерси и Верт, в незаменимого союзника Фердинанда, и французам надо было задуматься над тем, как снова заручиться дружбой Максимилиана, без которого им не так просто будет сломить сопротивление имперцев. Мало того, в мае 1644 года Мерси осадил и взял Юберлинген, а в июле — Фрейбург[2]. В продолжение трехдневного сражения Мерси стойко удерживал свои позиции от наседавших полков Тюренна и герцога Энгиенского. Но он существенно уступал противнику в численности войск, и герцог Энгиенский, совершив обманный обходной маневр, угрожавший отсечь Мерси от базы в Швабии, вынудил его отступить[3].

---

[1] Chéruel, pp. 475—479; Heilmann, p. 91; Chemnitz, iii, IV, pp. 185—186.

[2] Heilmann, pp. 97 f., 122—125.

[3] Ibid., pp. 138—155; Besse, *Relation de Rocroy et de Fribourg*, pp. 356—357, 365 f.

В битве за Фрейбург французы проявили немало доблести и военного искусства, и она была впоследствии широко разрекламирована. В действительности Мерси удержал свои первоначальные позиции в Вюртемберге и нанес тяжелые потери французской армии. Баварские войска оставались главным оплотом империи. И когда Максимилиан пообещал заключить сепаратный мир, отозвать Мерси и открыть дорогу для Тюренна, император не мог пренебречь такой угрозой.

Прижатый к стенке собственным союзником, император мог лишь надеяться на ослабление позиций Франции. Новое правительство было не такое сильное, как прежнее. Ришелье не любили, но он вызывал и определенное восхищение. В народе совершенно иначе относились к кардиналу Мазарини. Маленький, проворный и тщеславный сицилиец[1] не обладал никакими выдающимися способностями, кроме детского упрямства, хитрости и плутовства. У него не было и намека на гениальность Ришелье, он не понимал и не мог управлять внутренними делами Франции.

В некотором отношении никчемность Мазарини приносила и пользу. Его коварство, тяга к интригам, умение разбираться в мелких деталях и противоречивых побочных проблемах очень пригодились французской дипломатии на мирном конгрессе в Мюнстере. Ришелье вряд ли владел бы сложной ситуацией на переговорах лучше, чем его преемник.

Даже в домашних делах особенности натуры Мазарини давали ему определенные преимущества. Покойный король назначил королеву регентшей, которая должна была вместе с советом шефствовать над их пятилетним сыном. Анну Австрийскую, старшую сестру императрицы, испанского короля и кардинала-инфанта, подозревали в симпатиях к Испании, и смерть Людовика породила в королевских дворах Вены и Мадрида большие надежды на перемены. Но они просчитались. Анна Австрийская сразу же пообещала шведскому ре-

[1] Мазарини родился в Центральной Италии.

зиденту в Париже продолжать политический курс супруга[1]. Она охотно передала свои полномочия Мазарини, который, не теряя времени, подтвердил Оксеншерне приверженность прежним договоренностям[2]. Отношения между королевой и ее министром покрыты тайной. Его письма к ней проникнуты лестью и нежностью[3], но он сохраняет некоторую дистанцию, и их связь скорее напоминает благоговейный флирт Дизраэли и Виктории. Обоим еще не исполнилось и пятидесяти, оба были достаточно привлекательны для противоположного пола: маленький и чрезвычайно любезный кардинал с оценивающим взглядом и заискивающей улыбкой и королева с ее вялой статью, гладкими и ясными чертами лица и лениво-задумчивыми глазами. Живость молодости уступила место флегматичному спокойствию зрелого возраста, потому она, наверное, и согласилась принимать, но не удовлетворять обожание министра.

Дружба королевы и министра, служившая предметом коридорных сплетен и готовым сюжетом для любовных романов, оставила свой след в истории Европы. Она удерживала регентство во Франции строго на том курсе, который предначертал Ришелье, и позволила разрушить тщетные надежды Австрийского дома.

Однако если регентство не предвещало ничего хорошего и для Мадрида, то испанское правительство могло по крайней мере ожидать перемен к лучшему в регионе по соседству с Францией. В битве при Рокруа была почти полностью уничтожена армия, защищавшая Фландрию. Одновременно Франция получила возможность стать господствующей державой не только в искусствах, но и на войне. Опасения, нараставшие в Соединенных провинциях последние тринадцать лет, заняли доминирующее место в голландской политике. Голландцы начали бояться Франции больше, чем

---

[1] *Hugo Grotii Bref till Svenska Konungahuset. Historiska Handlingar. Ny följd*, XIII, ii, p. 6.

[2] Chéruel, I, pp. 40—41.

[3] Mazarin, *Lettres à la Reine*, ed. Ravenel. Paris, 1886, pp. 31, 338.

Испании. Партии войны и мира в Провинциях можно было называть соответственно «французской» и «испанской» партиями, и «испанская» партия преобладала.

Бюргеров в Соединенных провинциях пугало многое. Они боялись того, что граничат с Францией, опасались французской конкуренции, страшились тайных римских католиков в своей среде и деспотизма дома Оранских. Фридрих Генрих, приобретший огромную популярность в последние десять — пятнадцать лет, потерял ее, когда постарел[1]. Измученный подагрой и желтухой, он стал выглядеть бесцветным и угнетенным, его прославленная осторожность и благоразумие превратились в нерешительность и апатичность[2]. Он полностью подпал под влияние жены[3]. Принцесса Амалия фон Зольмс, когда-то веселая юная красавица, трансформировалась в тучную, пустую и сварливую женщину, думающую только о династическом будущем сына. В 1641 году они обручили своего двенадцатилетнего подростка с девятилетней дочерью английского короля. Это посеяло подозрения у голландцев-республиканцев, и, когда вскоре в Англии разразилась гражданская война между королем и парламентом, голландский сейм солидаризировался с парламентом, а принц Оранский неосмотрительно разрешил королеве Англии и группе аристократов использовать Гаагу как базу для набора войск и сбора денег для короля. Неразумные амбиции Фридриха Генриха довели его до того, что испанцы попытались склонить принца к заключению частного мира, предложив семье некоторые весьма ценные земли[4].

Фридрих Генрих говорил по-французски как на родном языке, его мать была француженкой, он женил сына на принцессе, наполовину французского происхождения, а Амалия получала из Франции бесчисленные подарки[5]. Все это наво-

[1] Prinsterer, II, iv, p. 272.

[2] Huygens, *Mémoires*, p. 90.

[3] Prinsterer, IV, p. 159.

[4] Geest, *Amalia van Solms en de Nederlanshe politiek*. Baarn, 1909, p. 21.

[5] Dohna, *Mémoires. Königsberg*, 1898, p. 31.

дило подозрительных голландских бюргеров на мысль о том, что дом Оранских пользуется поддержкой Франции. На этот счет не имелось никаких свидетельств, кроме, может быть, одного: правительство Франции, монархии, не очень расположенной к республиканскому строю, удостоило принца Оранского титула «Altesse»[1,2] и относилось к нему так, как будто он был самим сеймом, а не статхаудером шести из семи провинций.

Религиозные трения тоже тянули голландцев больше к Испании, а не к Франции. Проблема веротерпимости для католиков в республике всегда была камнем преткновения на мирных переговорах, но испанцы по крайней мере не скрытничали. В последние годы голландцы стали подозревать французов в том, что они тоже замышляют добиться у себя религиозной чистоты, но делают это тайно и бесчестно. Во Франции один кардинал-католик сменил другого, и оба они, руководствуясь какими-то потаенными мотивами, вступили в альянс с протестантскими державами. Католики Соединенных провинций только усилили подозрения протестантского большинства, когда обратились к французской королеве с призывом встать на их защиту[3].

Один из французских послов, направлявшихся в Мюнстер, остановился в Гааге. Клод д'Аво был человеком достаточно разумным, превосходно показал себя в контактах с немцами и шведами в Гамбурге, но он плохо знал голландцев. Гордый своими дипломатическими успехами, презирающий тупых голландцев и уверенный в себе настолько, что не счел нужным посоветоваться с коллегой Абелем Сервьеном, лучше разбиравшимся в ситуации, посол решил выступить перед голландским сеймом и 3 марта 1644 года заявил: король Франции всегда считал желательным, чтобы в провинциях терпимо относились к католикам[4].

---

[1] Aitzema, II, p. 417.

[2] «Высочество» (*фр.*).

[3] Waddington, *La République des Provinces Unies*, pp. 382—385.

[4] Le Clerc, p. 193.

Его речь вызвала такую бурю негодования, что могла перевернуть утлое суденышко французско-голландского альянса. Только дополнительные разъяснения и заверения в том, что в намерениях французского правительства нет никакого злого умысла, помогли на время снять напряженность, но проблема оставалась и висела дамокловым мечом над переговорами в Мюнстере, угрожая разразиться новым конфликтом[1].

Французскую дипломатию поджидала еще одна трудность. Престарелый папа Урбан VIII умер в 1644 году, и его заменил Иннокентий X. Маффео Барберини симпатизировал Франции, Джамбаттиста Памфили был ее противником. Нельзя сказать, что он был страстным поклонником Испании. В историю папства Иннокентий вписал только свое имя. Всегда унылый, нервозный и преисполненный благих намерений, он не был ни плохим, ни хорошим папой. Вообще его с большой натяжкой можно было бы назвать папой римским. Потомки знают о нем не по его делам, а потому, что его портрет написал Веласкес. Он жил в Ватикане, играл в шары в саду, подписывал буллы и исполнял время от времени обязанности святого отца, но вся его политическая и личная жизнь была оккупирована амбициозной невесткой, которая использовала его положение и в достижении своих целей, и в разрешении личных конфликтов. Что касается исполнения роли святого отца, то, как заметил один недоброжелатель, даже дети убегали от него: «*tant il était effroyable à voir*»[2,3].

Избрание Иннокентия, которое сразу же объявили simoniacal[4,5], лишило французское правительство очень ценной подпоры. Французский католический средний класс не

[1] Chéruel, pp. 656, 690.

[2] *Relazioni Veneziane*, Roma, II, pp. 69—70, 88—89; Coville, *Mazarin et Innocent X*, p. 30.

[3] «Так страшно на него смотреть» (*фр.*).

[4] Brosch, *Geschichte des Kirchenstaates*. Gotha, 1880, I, p. 410.

[5] Продажа и покупка церковных привилегий — индульгенций, дарований и т.д. — *Примеч. пер.*

возражал против фантастического протестантского альянса Швеции, Республики Соединенных провинций, Гессен-Касселя, Хайльброннской лиги, созданного на деньги католического «казначея» — Франции, только потому, что его благословил папа римский. Кроме того, Урбан успел послать на мирный конгресс в Мюнстер в качестве представителя Ватикана своего человека — Фабио Киджи. Мазарини опасался, что теперь Иннокентий отзовет Киджи и направит вместо него какого-нибудь испанского или купленного Испанией нунция[1]. Однако ему не стоило беспокоиться: Иннокентий не относился к числу деятельных людей, и Киджи остался в Мюнстере. Его больше должна была тревожить Италия, где политика нового папы привела к разрыву дипломатических отношений между Парижем и Ватиканом и шумной ссоре на Итальянском полуострове[2]. Эти новые катаклизмы раздражали и дорого обходились, но они в конечном счете не слишком повлияли на мирный конгресс в Вестфалии.

В долгосрочном плане позиции Франции не ослабли до такой степени, чтобы порадовать испанцев и оправдать их надежды, которые они лелеяли в 1644 году. Мадриду оставалось извлекать пользу из текущих событий, стремления Соединенных провинций к миру, их нарастающего недовольства Францией, из того, что Франция лишилась папской поддержки, и добиваться выгодного для себя мирного урегулирования. Надежды на войну рухнули при Рокруа; теперь испанцы ухватились за дипломатию.

По французским понятиям, конгресс в Мюнстере и Оснабрюке должен был подвести черту под войной в Германии — иными словами, принудить императора к миру и таким образом отторгнуть его от Испании. Меньше всего Мазарини хотел заключения всеобщего мира с участием Испании. Ей не следовало позволять, выкарабкавшись из войны, залечить раны и через десять лет вновь вступить в борьбу с Францией. Ее надо изолировать, и пусть она воюет до

[1] Bougeant, III, pp. 107—108.

[2] Более подробно о проблемах см. Coville, *Mazarin et Innocent X*.

последнего солдата. Каково же было негодование французских послов, когда они, проделав долгий и утомительный путь по раскисшим от тающего снега дорогам[1], в марте 1644 года прибыли в Мюнстер и увидели там не только имперского, но и испанского делегата! Они тут же отказались признавать испанца, ссылаясь на то, что в его верительных грамотах король Испании представлен как король Наварры и Португалии и герцог Барселоны[2]. Французы напомнили: их монарх является королем Наварры и герцогом Барселоны, а королем Португалии они считают Жуана Брагансу. Создав испанскую проблему, французские дипломаты настояли на том, чтобы отложить встречи, и предались дебатам с испанским представителем по поводу первенства их сюзеренов[3].

Конфликт между императором и германскими сословиями, ослабление позиций Франции и вмешательство Испании затягивали открытие конгресса. Но внезапный разрыв отношений между Швецией и Данией мог вообще сорвать его проведение. Еще с 1629 года, со времени выхода из войны, Кристиан Датский не уставал предлагать свои услуги в качестве «посредника» в переговорах между враждующими сторонами, а в 1640 году его делегатам удалось утвердиться в роли «беспристрастной стороны» на обсуждениях в Гамбурге. Но шведы абсолютно не верили в его «беспристрастность»: он имел прямое отношение к отречению королевы-матери, правда, при ее согласии, и это обстоятельство могло привести к серьезным внутренним раздорам в Швеции. Кристиан подписал торговый договор с Испанией. Он женил сына на дочери курфюрста Саксонского, союзника императора. Весной 1643 года датский монарх блокировал Гамбург, а повысив зундские пошлины, желая пополнить дефицитный бюджет, нанес ущерб шведской торговле и нажил врагов по всей Балтике.

---

[1] Ogier, *Journal du Congrès de Münster*. Paris, 1893, p. 51.

[2] Prestage, *Diplomatic Relations of Portugal to France, England and Holland*. Watford, 1925, p. 17.

[3] Fiedler, pp. 301—302; Meiern, *Acta Pacis*, pp. 195—197.

И именно тогда, когда у Кристиана не осталось на севере ни одного доброжелателя, Оксеншерна в сентябре 1643 года отправил Торстенссону указания напасть на датские домены. Приняв меры по усилению оборонительных позиций с прицелом на борьбу за Богемию и Моравию, маршал повел большую часть армии на северо-восток и в декабре вторгся в Гольштейн, а к концу января 1644 года оккупировал Ютландию. Только после этого шведское правительство соизволило выпустить манифест, разъясняющий мотивы действий своего маршала. Никакого объявления войны, естественно, не было.

Какие бы причины ни приводили шведы в свое оправдание, на них обрушился поток гневных и справедливых обвинений в агрессии. В Гааге единодушно выступили в поддержку незлобивых датчан. Мазарини тоже запротестовал, хотя его недовольство вызывалось опасениями по поводу несвоевременного возрождения военного могущества шведов, которое могло сделать из них менее послушных союзников. Кардинал вскоре принял сакраментальное решение прекратить отправку субсидий до тех пор, пока Торстенссон не выведет войска из Ютландии[1].

В это время датские делегаты, обосновавшиеся в Мюнстере и Оснабрюке, засыпали шведских послов требованиями дать разъяснения действиям Торстенссона. Не получив удовлетворительного ответа, они покинули конференцию. Тем не менее их демарш не произвел никакого эффекта. Остальные делегаты настроились на то, чтобы продолжить конгресс, невзирая на возникающие проблемы[2].

Весной 1644 года грозовые тучи вновь собрались над конгрессом. Император решил помочь датчанам и бросил все оставшиеся ресурсы на оснащение армии. Имперцы должны были атаковать Торстенссона с тыла и заставить его капитулировать. Замысел был здравый, но исполнялся он неуклюже и нелепо. Галлас, теперь редко бывавший трезвым, беспре-

[1] Meiern, *Acta Pacis*, I, pp. 88—116, 175; Bougeant, III, pp. 119—126.

[2] Gärtner, *Westphälische Friedenscanzlei*. Leipzig, 1731, II, pp. 337—339.

пятственно дошел почти до Киля, а Торстенссон, поручив Врангелю завершать войну в Ютландии, проскользнул мимо имперских аванпостов и направился прямиком в земли Габсбургов, оставшиеся без защиты. Галлас поплелся за ним, но был остановлен и разбит под Ашерслебеном. С уцелевшими отрядами он каким-то образом добрался до Богемии[1]. На этот раз не было рядом эрцгерцога Леопольда, который мог бы сказать, что Галлас был отличным командующим, но ему не повезло с офицерами. От его армии сохранилась треть, некоторые считали, что всего лишь десятая часть, и Галласа теперь презрительно называли «der Heerverderber», «злым духом войск». Не выдержав позора, он ушел в отставку.

Датская война выдыхалась. Сам король возглавил флот в сражении у Кольберга и не позволил шведам напасть на Копенгаген с моря, но, после того как Галлас потерпел сокрушительное поражение, стало ясно, что Кристиан не сможет продолжать войну на суше.

Тем временем в Швеции восемнадцатилетняя королева Кристина 18 сентября 1644 года наконец взяла правление страной в свои руки. Это обстоятельство скоро окажет влияние и на конгресс, и на датскую войну: несмотря на возраст, ее нельзя было ни обольстить, ни обмануть, и она отличалась острым умом и непокладистостью юности. Она переняла характер отца, но, обладая здравомыслием и смелостью, могла легко отказаться от сентиментального следования его политике. Своей высшей целью королева Кристина поставила достижение мира, а не территориальные приобретения.

Со сменой власти в Стокгольме сразу замолчали поборники войны и заговорили сторонники мирного урегулирования[2]. С этого момента датская война фактически прекратилась, и подписание мира, состоявшееся позднее в Брёмсебро, было предрешено, когда в ноябре 1644 года шведское правительство согласилось на посредничество Бранденбурга[3].

---

[1] Chemnitz, III, iv, pp. 167—168.

[2] Chanut, *Mémoires*, Paris, 1675, I, p. 28.

[3] *Urkunden und Aktenstücke*, XXIII, i, p. 67.

Главные препятствия в основном были преодолены, дальнейшее затягивание конгресса стало невозможным, и он открылся 4 декабря 1644 года. Прошло полтора года с того времени, когда император санкционировал переговоры со Швецией и Францией, и тридцать два месяца с того дня, когда в Гамбурге делегаты впервые определили дату его проведения. Все это время и еще три года и десять месяцев в Германии продолжалась война.

2

В империи никогда не существовало средств коллективного выражения общественных настроений и каналов для передачи мнений сторонников мира. Призывы к миру властей — не обязательно князей, но и любых организованных формирований — обычно носили общий характер, а когда дело доходило до практических действий, то они никак не могли остановиться: продолжали сражаться в надежде получить еще какие-то выгоды и преимущества или добиться гарантий более длительного и прочного мира. Так происходило и во время конгресса в Вестфалии. Не только курфюрст Бранденбургский, ландграфиня Гессен-Кассельская, курфюрст Пфальцский и с десяток других деятелей тянули резину, желая заработать дивиденды. Такие забытые всеми люди, как богемские протестантские изгнанники, даже после подписания мира все еще настаивали на том, чтобы его не ратифицировали до тех пор, пока они не будут реабилитированы.

В Германии с самого начала присутствовало стремление к миру. Оно исходило прежде всего от того класса, который не имел никаких реальных возможностей выразить свои обиды. Война нещадно эксплуатировала этот класс, забирая у него людей, еду и деньги, а он не мог ни предотвратить ее, ни управлять ею, ни остановить. Крестьянство могло привлечь внимание к своим страданиям только одним способом — восстанием. Однако восстания заканчивались, без

вариантов, поражением и казнью его вожаков, но войнам они не препятствовали. Очень часто мятежники тешили себя иллюзорными надеждами на то, что им повезет больше, чем другим, и сражались они только ради того, чтобы продемонстрировать свое возмущение, поскольку у них не было иных средств сделать это.

За последние восемь лет войны таких восстаний было не много. Причина простая. Рано или поздно наступает момент, когда человек уже не может более ни протестовать каким-то образом, ни опускаться еще ниже нравственно и физически. Социальная сторона Тридцатилетней войны настолько трагична, что этот момент должен был наступить уже давно, еще до начала мирного конгресса в Мюнстере.

В Тридцатилетней войне солдат был жесток и беспощаден. Сам Торстенссон сравнил разграбление Кремзира в июне 1643 года с расправой в Магдебурге[1]. Банер совершенно спокойно, как о чем-то обыденном говорил о расстреле граждан за отказ накормить и напоить войска, что они в любом случае не могли сделать, поскольку сами голодали. В Ольмюце полковник насильно выдавал дочерей богатых бюргеров замуж за своих офицеров[2]. В Тюрингии отцу, чью дочь изнасиловал и убил солдат, его офицер, глумясь, сказал, если бы девочка не так боялась за свою невинность, то была бы жива. Здесь же шведы заставляли горожан не только обеспечивать их едой, одеждой и жильем, но и выплачивать недоимки[3]. Балтийские порты оказались под двойным гнетом: их корабли облагали пошлинами и шведы и датчане[4].

Но в Мюнстере и Оснабрюке, хотя вокруг свирепствовал голод, продуктов хватало всем и никто никуда не спешил. Полгода ушло на то, чтобы решить, кому и где сидеть, кому входить в комнаты первым. Французские послы оспаривали

[1] *Brefvexling*, II, viii, p. 408.

[2] *Chronik des Minoriten Guardians*, pp. 466, 469.

[3] Einert, p. 35.

[4] *Brefvexling*, p. 630.

первенство со шведами, Бранденбургом[1] и испанцами, ссорились с делегатами Ганзейского союза[2], венецианским посредником[3] и друг с другом[4]. За старшинство боролись делегаты Бранденбурга и Майнца[5], венецианский медиатор и епископ Оснабрюка[6]. Лонгвиль, французский посол, отказывался входить в зал, требуя себе титул «Altesse»[7], и в продолжение всего конгресса так и не встретился с испанским послом, ссылаясь на то, что не соблюдены все формальности[8]. Папский нунций установил для себя помост в главной церкви, французы попросили снести его[9], испанцы совершили налет на дом португальского делегата[10], голландцы настаивали на первенстве монархии[11]. Слуги французской делегации чуть не подрались с уличными уборщиками мусора в Мюнстере, слишком громко шумевшими по ночам под окнами и дурно пахнувшими[12]. Как кто-то ехидно заметил, ребенок, которого тогда вынашивала жена французского посла, родится, вырастет и умрет, а конгресс так и не закончится[13].

Мешали конгрессу и продолжавшиеся военные действия. Прекращение огня способствовало бы скорейшему завершению переговоров, но война шла, и дипломаты в Мюнстере и Оснабрюке, внимательно следя за военным противоборством, сознательно затягивали решение проблем в надежде получить определенные преимущества на полях

[1] Le Clerc, II, pp. 22, 25.
[2] Meiern, *Acta Pacis*, I, pp. 363—368, 393.
[3] Bougeant, II, p. 411.
[4] Meiern, *Acta Pacis*, I, p. 382; Le Clerc, II, p. 123.
[5] Gärtner, V, p. 5.
[6] Bougeant, III, p. 256.
[7] Meiern, *Acta Pacis*, I, pp. 424, 495—496.
[8] Fiedler, p. 315.
[9] Bougeant, II, p. 416.
[10] Prestage, *Diplomatic Relations*, p. 18.
[11] Bougeant, III, p. 247.
[12] Le Clerc, II, p. 4.
[13] Ogier, p. 88.

сражений. Французы, располагавшие большими ресурсами и менее обремененные экономическими и социальными заботами, вообще были настроены на то, чтобы вести переговоры до бесконечности, лишь бы не потерять завоеванное. Их главный посол Лонгвиль развел вокруг своего жилища в Мюнстере сад и затребовал к себе жену, словно демонстрируя, что он устроился здесь надолго. В то же время Мазарини наставлял командующих удвоить свои усилия на фронтах[1].

Французские послы не блистали талантами. Клод де Месм, маркиз д'Аво, обладал некоторыми способностями, но был чересчур самонадеян, о чем свидетельствовали и его безапелляционные поучения голландцев в отношении католиков. Высокомерный и обидчивый, он не ладил с другими делегатами, и прежде всего со своим коллегой Сервьеном. «Надо быть ангелом, чтобы найти средство для излечения всех ваших пороков», — написал Сервьен в пылу гнева[2]. Абель Сервьен, маркиз де Сабле, очевидно, был менее тщеславен, хотя из его писем — и отношений с коллегой в особенности — следует, что он тоже отличался немалым самомнением. Он был правой рукой Мазарини, и д'Аво одновременно и завидовал ему, и боялся его[3], а Сервьен ничего не делал для того, чтобы избавить его от этих неприятных ощущений. Не в пример д'Аво, Сервьен умел находить общий язык с другими делегатами и в этом смысле был в большей мере дипломатом, однако в кризисные моменты они зачастую не могли понять друг друга и вместе, и по отдельности проигрывали. Третьего посла, герцога де Лонгвиля, прислали лишь для придания лоска делегации, а заодно и выручили из беды во Франции[4].

Похожий антагонизм существовал и между шведскими послами. Главным среди них был Юхан Оксеншерна. Его

[1] Chéruel, II, pp. 306—307; Le Clerc, III, pp. 136—137.

[2] Ibid., I, p. 102.

[3] Fiedler, p. 300; *Correspondencia diplomatica de los plenipotenciarios Españoles en el congresso de Munster, 1643—1648.* Madrid, 1884, II, p. 344.

[4] Bougeant, IV, pp. 61—62.

единственное достоинство состояло в том, что он приходился сыном Акселю Оксеншерне. Это был крупный, краснолицый, чопорный и легковозбудимый человек, большой любитель выпить и приударить за женщинами[1]. Он требовал, чтобы его будили, приглашали на обед и подавали сигнал готовиться ко сну фанфарами, которые слышно было по всему Оснабрюку[2]. Его подчиненный Юхан Адлер Сальвиус оказался одним из немногих относительно способных дипломатов. Он отличался ясным умом, сметливостью, решительностью и приятным чувством юмора. Оксеншерна, как говорили, был настроен против мирных договоренностей, поскольку они умалили бы престиж и его самого, и отца. Сальвиус же имел от королевы инструкции не позволять Оксеншерне без необходимости препятствовать переговорам. Королева желала только мира, и ее не интересовали мнения и возражения ни младшего, ни старшего Оксеншерны[3]. Таким образом, Сальвиус оказался в таких же отношениях с Оксеншерной, в каких Сервьен был с маркизом д'Аво. Оба они занимали подчиненное положение, но располагали более важными личными контактами с власть имущими у себя дома.

Испанский посол граф Гусман де Пеньяранда тоже не относился к разряду людей, одаренных интеллектом. Он имел привлекательную и элегантную внешность, хорошие манеры, но был чрезвычайно горделив, импульсивен и лжив[4]. Он превосходно владел известной испанской привычкой копаться в деталях и не видеть сути проблем. Если испанская дипломатия и добилась каких-то успехов в Мюнстере, то только лишь благодаря усилиям его подчиненного Антуана Брюна[5], литератора и гуманиста, представителя класса государственных деятелей, обладающих организа-

[1] Fiedler, pp. 310—311.

[2] Bougeant, III, p. 67.

[3] Fiedler, p. 394; Chanut, I, pp. 26, 28, 83.

[4] Fiedler, p. 334; Wicquefort, *L'Ambassadeur*. The Hague, 1681, p. 208.

[5] Ibid., pp. 296—297; См. также: Truchis de Varennes, *Un diplomate Franc-Comtois*. Dôle, 1932.

торскими талантами, практицизмом и готовностью к компромиссам.

От Соединенных провинций приехали Адриан Пау (Голландия) и Ян ван Кнёйт (Зеландия). Отношения между ними тоже были непростые, но внешне это никак не проявлялось. Пау представлял испанскую партию мира, Кнёйт — партию оранжистов, тяготевшую к Франции. Оба были знающими свое дело дипломатами, Пау — особенно. Говорили, будто бы только ему удалось провести Ришелье[1]. Ни один из голландцев не внушал доверия, они ни разу не сказали лишнего слова. И французы и шведы относились к ним с подозрением, но находили подтверждение своим сомнениям, когда уже было поздно что-то исправить.

Посредниками или, по современным понятиям, председателями на конгрессе были папский нунций Фабио Киджи и венецианский посол Альвизе Контарини. Влияния примирителей вполне хватало для того, чтобы любой мог усомниться в их непредвзятости, но явно недоставало для достижения практических результатов. Киджи был в целом покладистее и стремился сглаживать острые углы. Контарини, напротив, отличался трудным характером и моментально взрывался, если ему возражали[2].

В остальной массе делегатов, собравшихся в Мюнстере и Оснабрюке — всего сто тридцать пять человек[3], — выделялась каста теологов, писателей и философов. Что касается самих участников переговоров, то они, за исключением Пау, Брюна и Сальвиуса, ничем особенно не блистали, кроме добродушного либо злостного и эгоистичного тупоумия. Даже тот успех, которого к концу конгресса добилась французская дипломатия, в большей мере объяснялся наивной простотой Пеньяранды и военными победами Тюренна.

Нельзя не упомянуть еще одного делегата, возможно, и не обладавшего выдающимися качествами дипломата, но

[1] F. de Dohna, *Mémoires*, p. 35.

[2] Le Clerc, III, p. 96.

[3] Meiern, *Acta Pacis*, I, p. 9.

демонстрировавшего незаурядную выдержку, упорство и тактичность, — имперского посла Траутмансдорфа, прибывшего, правда, в Мюнстер только в конце ноября 1645 года. До его приезда интересы императора отстаивал Исаак Фольмер, действующий адвокат и правительственный чиновник, которого французы игнорировали, считая, что его ранг не соответствует уровню и назначению переговоров. Предвидя такую ситуацию, император прислал еще и приветливого и любезного графа Иоганна Нассауского в качестве декоративного придатка к делегации. Французы, однако, заявили, что они не будут принимать во внимание имперскую делегацию до тех пор, пока в ней не появится человек, чей ранг и квалификация будут достаточно высокими и пригодными для решения задач, стоящих перед конгрессом[1]. Поэтому до приезда Траутмансдорфа, то есть в продолжение одиннадцати месяцев после официальной церемонии открытия конгресса, делегаты занимались всего лишь обсуждением малозначительных предварительных деталей, относящихся к процедуре его проведения.

3

Делегаты заседали уже почти год, когда вдруг обнаружилось, что у них нет четко обозначенной ***subjecta belligerantia***[2]. Соответственно начались дебаты по вопросам, которые уже давно надо было прояснить: из-за чего и ради чего идет война, какие проблемы должна разрешить мирная конференция[3]. В упрощенном варианте обозначились четыре основные темы: претензии имперских сословий, условия амнистирования мятежников, удовлетворение притязаний союзников, компенсация потери прав собственности и владений. Первая тема касалась практически всех основных причин

[1] Bougeant, III, pp. 25—26.

[2] Вопросы, относящиеся к причинам и целям войны (*лат.*)

[3] Meiern, *Acta Pacis*, II, p. 75.

возникновения и продолжения войны: проблема Донаувёрта, ждущая своего решения с 1608 года; наследование Клеве-Юлиха; законные права рейхсхофрата; конституционные права императора; положение кальвинистов; распределение земель между католическими и протестантскими правителями.

Амнистирование мятежников предполагало восстановление в прежних правах курфюрста Пфальца и его дяди графа Пфальц-Зиммерна; маркграфа Баден-Дурлахского в отношении земель, конфискованных во время войны в пользу Баден-Бадена; ландграфини Гессен-Кассельской, выступавшей от имени сына, в отношении земель, дарованных Гессен-Дармштадту, и, конечно же, возвращение протестантских изгнанников в их дома.

Третья группа проблем, касавшаяся притязаний союзников, стала доминирующей на конгрессе. Без удовлетворения их претензий мир на континенте казался недостижимым. Швеция требовала Померанию, менее настойчиво — Силезию, а также Висмар, епископства Бремен и Ферден и денег для роспуска армии. Франция претендовала на Эльзас, уже давно оккупированный ее войсками, Брайзах, подтверждения прав на Мец, Туль и Верден, а в имперской Италии хотела получить крепость Пинероло. Кроме того, Париж требовал гарантий, что император не будет помогать Испании.

Четвертая проблема тесно переплеталась со второй и третьей. Она предусматривала компенсации для тех, кто понес потери в войне или понесет их в результате заключения мира. К примеру, что должен получить курфюрст Бранденбурга, если Померания отойдет к Швеции? Или как удовлетворить Максимилиана Баварского, если он согласится уступить земли и титулы курфюрсту Пфальцскому?

Участники конгресса разделились на две группы: представители Швеции и германских протестантов собирались в Оснабрюке; делегаты Франции, императора и германских

католиков — в Мюнстере. И в Мюнстере же обсуждались отдельно проблемы мира между Испанией и Соединенными провинциями и между Францией и Испанией. Франция и Испания имели свои интересы во всех мирных переговорах: Франция — как союзник голландцев в конфликте между Испанией и Соединенными провинциями, Испания — как союзник императора в конфликте империи с Францией и Швецией.

Проведение мирной конференции чрезвычайно затруднялось напряженными отношениями между самими союзниками. Французы и шведы по-прежнему не доверяли друг другу. Франция всеми силами стремилась не допустить вмешательства Швеции в Германии. Французы прежде всего хотели создать для сдерживания императора католическую конституционную партию; шведы, поддерживавшие протестантских делегатов в Оснабрюке, добивались того, чтобы империя была преимущественно протестантской. Шведы настаивали на полном восстановлении в правах курфюрста Пфальца, отмене «духовной оговорки»[1], возвращении религиозного *status quo* по состоянию на 1618 год. Французы, попрежнему заинтересованные в изъятии Максимилиана Баварского из альянса с императором, хотели сохранить за ним курфюршество и приобретенные земли, поддерживали в Мюнстере германских католических делегатов, добивавшихся религиозного *status quo* 1627 года, зафиксированного Пражским миром в 1635 году.

Постоянно раздражали друг друга французы и их голландские союзники, Максимилиан Баварский держал в напряжении императорский двор в Вене, не раз могла расстроиться дружба Австрии и Испании.

Каждый посол преследовал двоякую цель: соблюсти интересы своего правительства и сеять раздоры между оппонентами. Испанцы стремились разрушить французско-гол-

[1] Ecclesiastical Reservation – одна из статей Аугсбургского мира, предусматривавшая лишение сана, должности и церковных прав в случае обращения в лютеранство. — *Примеч. пер.*

ландский альянс, и это им в конце концов удалось. Имперские дипломаты стравливали французов и шведов и настраивали против них германских союзников[1]. Французская дипломатия добивалась отчуждения Баварии от Австрии[2]. Усложняло ситуацию присутствие делегатов малых государств, оказавшихся на периферии европейского конфликта: Португалии, Швейцарской Конфедерации, герцогств Савойи и Лотарингии.

Противоборство, хотя и в малой степени, все еще носило характер германской гражданской войны, и нельзя было забывать о национальных интересах, если даже они и не занимали важное место на конгрессе в Вестфалии. Их могли представлять два князя, не имевшие реальной возможности влиять на войну и в разное время пытавшиеся сформировать германскую партию. Иоганн Георг Саксонский и Максимилиан Баварский не действовали сообща, но на переговорах и в Мюнстере, и в Оснабрюке оба добивались одной и той же цели — утрясать германские дела без навязчивого вмешательства иностранных держав.

Как всегда, Иоганн Георг повел себя слишком прямолинейно, Максимилиан — малопонятно. Саксонец стремился примирить германских католиков и протестантов, с тем чтобы ни те ни другие не обращались за помощью к иностранцам. Его политика была бы более эффективной, если бы он прежде добился хоть каких-то успехов. Германия решила религиозные проблемы, но уже после того, как Франция и Швеция извлекли свои выгоды из конфессионального противостояния.

Максимилиан же опасался Испании больше, чем Швеции или Франции. Соответственно, он считал целесообразным удовлетворить притязания Франции и Швеции, отдать Франции Эльзас и Швеции Померанию и таким образом лишить их поводов для вмешательства в дела Германии в будущем. Баварский курфюрст вообразил, будто покинутых

[1] Chéruel, II, pp. 122—123.

[2] Ibid., p. 754; Fiedler, p. 327.

всеми протестантов легко приструнить, а сильная католическая конституционалистская партия сможет противостоять императору и его испанским союзникам без дальнейшего иностранного содействия. Он был готов пожертвовать территориальной целостностью Германии ради упрочения внутреннего национального единства в борьбе против императора и Испании[1].

Идеи Максимилиана оказали на конгресс больше влияния, чем замыслы курфюрста Саксонии, и имели катастрофические последствия. Он добился передачи Померании шведам и Эльзаса — Франции, не получив никаких гарантий, что они не будут вмешиваться в конституционные проблемы, и не сплотив католиков против императора. Империя не сохранила ни конституционную, ни территориальную неприкосновенность. Франция использовала Максимилиана в своих целях, шведы даже не обратили на него внимания. Менее значительные правители Германии и в Оснабрюке, и в Мюнстере продолжали заискивать перед иностранными державами, выбирая, кто из них предложит лучшие на данный момент условия. И в этой последней кризисной ситуации Иоганн Георг и Максимилиан действовали так же бездарно и недальновидно, как и прежде.

4

В продолжение всего первого года конгресса — со времени его открытия в декабре 1644 года и до приезда Траутмансдорфа в ноябре 1645-го — военная обстановка складывалась не в пользу императора. В начале 1645 года шведская армия Торстенссона, находившаяся на Эльбе, перешла через Эрцгебирге[2] и во второй половине февраля уже приближалась к Праге. Смешанные войска имперцев и баварцев остановили его под Янковом (Янкау) в девяти милях от Та-

[1] H. Egloffstein, *Bayerns Friedenspolitik*. Leipzig, 1878, p. 43 passim.

[2] Paul Gantzer, *Torstenssons Einfall und Feldzug in Böhmen, 1645. Mitteilungen des Vereins für die Geschichte der Deutschen in Böhmen*, XLIII, p. 3.

бора, принуждая к битве. Местность здесь неровная и лесистая, и сражения, в котором могло проявиться численное превосходство противника[1], не состоялось, а происходили отдельные схватки. Торстенссон тактически переиграл Гёца: кавалерия противника рассыпалась, сам Гёц был убит, пехота, узнав о его гибели, в панике бежала, бросив орудия. Баварская конница Мерси и Верта и подтянувшиеся резервы Хацфельда не смогли оттеснить шведов даже ценой тяжелых потерь. Генерала Хацфельда шведы взяли в плен, остатки имперской и баварской кавалерии ушли к Праге[2].

Янков стал своего рода германским Рокруа: если в битве при Рокруа погибла почти вся испанская пехота, то под Янковом была уничтожена почти вся баварская конница[3]. Однако важнее всего было то, что перед армией Торстенссона открылась прямая дорога на Прагу. В землях Габсбургов началась паника. Фердинанд, пребывавший в Праге, отозвал из отставки бездарного Галласа и поручил ему собрать и возглавить то, что уцелело от имперской армии. Не надеясь удержать свою столицу, император в сопровождении слуг выехал в Регенсбург, оттуда в Линц, забрал там жену и отправился в Вену. Его спешный отъезд назвали «*Friedrichsflucht*» — «бегством Фридриха»: действительно, он ретировался так же быстро и с такой же немногочисленной свитой, как «зимний король» четверть века назад[4]. Сам Фердинанд остался в Вене, но мачеху и детей отослал в Грац, и это свидетельствует о том, что император серьезно опасался нашествия шведов[5].

Императора отчасти спасла невероятная нищета Богемии, где для шведских солдат было вволю вина, но не было хлеба[6]. Торстенссон просчитался, ожидая помощь Сигиз-

[1] Tingsten, *Johan Baner och Lennart Torstensson*, pp. 267—279.

[2] Chemnitz, II, v, pp. 40—43; *Brefvexling*, II, viii, pp. 446—448.

[3] Ibid., p. 44.

[4] Ibid., p. 45.

[5] Ibid., p. 50.

[6] Ibid., p. 101.

мунда Трансильванского, как в свое время Фридрих понапрасну надеялся на Бетлена Габора[1]. И после того как гарнизон Брюнна, которым командовал бесстрашный французский наемник, продержался почти пять месяцев, шведы сняли осаду и отошли к границам[2].

Битва при Янкове не оказала существенного влияния на конгресс. Единственным ее последствием было то, что император освободил курфюрста Трира, но сделал он это опять же скорее по настоянию папы римского, других духовных курфюрстов и французов[3].

Тем временем Верт остановил вторжение Тюренна, внезапно напав на французов у Мергентхайма, разгромив и нанеся им тяжелейшие потери[4]. Тюренн отступил к Рейну и уже посчитал своим долгом подать в отставку, но с благословения Мазарини воспрянул духом и объединился со свежей армией под командованием герцога Энгиенского. Летом 1645 года они вместе двинулись по Дунаю на соединение со шведским войском Кёнигсмарка[5]. Мерси, проявляя осторожность, отошел к югу. Он значительно уступал в численности полков и мог лишь удерживать линию по Дунаю. В это время Кёнигсмарка неожиданно отозвали в Богемию. Тогда Мерси решил воспрепятствовать продвижению французов и 24 июля 1645 года окопался на холмах возле Аллерхайма к юго-востоку от Нёрдлингена.

Согласно преданию, когда герцог Энгиенский отдал приказ штурмовать холмы, то Мерси радостно обнял жену и воскликнул: «Они сами идут к нам в руки!» Легенда сомнительная: у Мерси не было жены, а сам он не отличался эмоциональностью[6].

Furia francese (французская ярость) тем не менее одолела баварцев. Это, конечно, была Пиррова победа: и герцог Эн-

---

[1] *Brefvexling*, II, viii, p. 637.

[2] d'Elvert, *Die Schweden vor Brünn*, pp. 51—75.

[3] Meiern, *Acta Pacis*, I, pp. 389 f.

[4] Heilmann, pp. 200—202, 203—208.

[5] Chemnitz, II, v, pp. 118—121.

[6] Heilmann, p. 270; Chemnitz, II, v, pp. 186—189.

гиенский, и Тюренн потеряли множество солдат и офицеров и не могли преследовать противника. Баварцы отошли к Донаувёрту и здесь заняли позиции, готовясь к новому сражению с французами[1]. Но теперь баварские и имперские войска остались без своего командующего. Франц фон Мерси, ветеран армии бернхардинцев, два года удерживавший Шварцвальд от вторжения Тюренна, погиб.

Наступление французов по Дунаю и интервенция шведов в Богемии были остановлены, но ничто не могло остановить дезертирство германских князей. Еще в июне 1644 года Фридрих Вильгельм Бранденбургский заключил мир со шведами, и на северо-востоке Иоганн Георг должен был один противостоять Торстенссону без какой-либо надежды на помощь Фердинанда. В семье его давно осуждали за дружбу с императором и советовали последовать примеру Бранденбурга, а Торстенссон, стремившийся обезопасить свои тылы и фланги, предлагал неплохие условия. Предварительное перемирие было объявлено в августе 1645 года в Кётшенброде[2].

Земли Габсбургов лишились последнего барьера, защищавшего их от шведов. Хуже того, дезертирство Иоганна Георга могло повлиять и на практичного Максимилиана, который вряд ли захочет оставаться на тонущем корабле Фердинанда. Баварский делегат в Мюнстере уже дал понять: Максимилиан готов пойти на сепаратный мир, если будут учтены его интересы. А французы, никогда не терявшие надежды на сотрудничество с ним, с радостью восприняли эту новость. Весной 1646 года имперский альянс, существенно ослабший за последние два года, повис на волоске, и это обстоятельство не могло не отразиться на конгрессе в Мюнстере.

---

[1] Riezler, *Schlacht bei Allerheim. Sitzungsberichte der Königlichen Bayerischen. Akademie der Wissenschaften*, 1901; Heilmann, pp. 270—290.

[2] Lundorp, V, p. 1031; K. G. Helbig, *Die sächsisch-schwedischen Verhandlungen zu Kötschenbroda und Eilenburg 1645 und 1646. Archiv für Sächsische Geschichte*, V, pp. 269—279.

5

Граф фон Траутмансдорф с инструкциями императора появился в Мюнстере поздно вечером 29 ноября 1645 года инкогнито. Только на следующее утро он официально сообщил о своем прибытии[1], что было положительно отмечено обеими сторонами. Особенно поразил всех (и прежде всего оппонентов)[2] своей броской помпезностью и грандиозностью приезд главного французского посла Лонгвиля. Испанец Пеньяранда въезжал в город в проливной дождь, и его кортеж не произвел никакого впечатления: бургомистр и советники встретили его в плащах и наспех. Один из испанских дипломатов высовывался из кареты, раскланивался и махал рукой редким прохожим, пока экипаж не опрокинул на узкой улице горку глиняной посуды[3]. Лишь скрытный въезд Траутмансдорфа не вызвал ни зависти оппонентов, ни ехидства прохожих.

Траутмансдорф нанес визит сначала испанским послам, а затем французам. Лонгвиль готов был оскорбиться, но тут же оттаял, когда увидел перед собой этого громоздкого добродушного увальня[4]. Советник императора мог действительно удивить своей совершенно неаристократической внешностью: высокий, плотного телосложения, плосконосый, скуластый, насупившийся, с темными, глубоко посаженными глазами под густыми нахмуренными бровями и в потрепанном парике, зачесанном на лоб[5]. Несмотря на уродство, Траутмансдорф сумел обаять как испанцев и французов, так впоследствии и шведов.

Его приезд означал, что в настроениях императора произошли серьезные перемены: Траутмансдорф был ближайшим другом и советником Фердинанда, главным государ-

[1] Ogier, p. 140.

[2] Fiedler, pp. 314—315; Ogier, op. cit., pp. 125—129.

[3] Le Clerc, op. cit., pp. 376—377.

[4] *Correspondencia Diplomatica*, I, p. 211; Fiedler, p. 318.

[5] Le Clerc, I, p. 468.

ственным министром со времени смерти Эггенберга. Кто еще, как не он, мог безошибочно трактовать реакцию императора на те или иные события на конгрессе и предлагать решения? Кроме того, он не принадлежал к испанской партии в Вене, даже был ее противником, чем вызывал недовольство императрицы. Прибытие Траутсмандорфа свидетельствовало: Фердинанд не только настроился на достижение мира, но и готов поступиться испанскими интересами.

Еще до появления Траутсмандорфа переговоры между французскими и имперскими послами зашли в тупик. Камнем преткновения стал Эльзас. Фердинанд заявил, что не уступит Эльзас французской короне ни при каких обстоятельствах. Во время первого разговора с д'Аво и Сервьеном имперский советник предложил им взамен Пинероло, Муайенвик в Лотарингии, Мец, Туль и Верден. Этого было явно недостаточно ввиду крайне отчаянного положения Фердинанда, но, прежде чем дать понять французам, что он может пойти еще дальше, Траутсмандорф решил съездить в Оснабрюк и уломать шведов на заключение сепаратного мира[1].

Французы догадались о его уловке, когда их представителя в Оснабрюке месье де ла Барда не допустили на переговоры[2]. В действительности им не о чем было тревожиться. Шведов можно было подкупить только Померанией, но император не мог отдать ее без согласия Бранденбурга, а уговорить курфюрста он мог, только предложив ему что-нибудь стоящее взамен. Фердинанд втайне инструктировал Траутсмандорфа согласиться на уступку Эльзаса Франции в том случае, если не удастся договориться со Швецией и Бранденбургом[3].

Ускорил разрешение проблемы делегат Максимилиана. В разговоре с Траутсмандорфом 24 марта 1646 года он повторил угрозу подписать с французами сепаратный мир, если

[1] Le Clerc, II, b. p. 242.

[2] Ibid., III, p. 18.

[3] *Urkunden und Aktenstücke*, XXIII, i, p. 86; K. Jacob, *Die Erwerbung des Elsass durch Frankreich*. Strassburg, 1897, pp. 316—318.

император не предложит достойные условия[1]. Расчеты Максимилиана, как всегда, были просты и своекорыстны. В Париже его посол ныл: курфюрст «стар и немощен, а его дети молоды»; он должен добиться мира, прежде чем умрет; ему больше всего нужна защита французов от шведов и их протеже курфюрста Пфальца[2], и он готов ради этого сослужить Франции добрую службу. И, как всегда, Максимилиану, конечно, не было никакого дела до целостности империи. За последние два года он уже в третий раз пригрозил уйти от императора, но Траутмансдорф отнесся к предупреждению со всей серьезностью[3]. Через две недели советник все-таки предложил французам Эльзас[4]. Но их это не устроило. Сервьен и д'Аво потребовали еще и Брайзах. Он располагался на другом берегу Рейна, они его захватили и возвращать не собираются. Траутсмандорф сердился, баварский делегат в течение месяца еще два раза пугал сепаратным миром[5], шведы уже оккупировали всю Северную Германию, взяли католическое епископство Падерборн и, по слухам, двигались к Мюнстеру, чтобы внушить страх имперской партии[6], а в Оснабрюке Виттгенштейн, представитель Бранденбурга, продолжал изливаться желчью по поводу Померании.

Траутсмандорф постепенно сдавался. Испанский посол уговаривал его не уступать, но французско-баварская коалиция была сильнее. 11 мая французы обвинили его в обструкции. Вначале он предложил им полный суверенитет в Эльзасе, а затем добавил Бенфельд, Цаберн и Филипсбург[7]. Они же по-прежнему требовали Брайзах, и спустя четыре дня, 16 мая, он дал согласие[8].

---

[1] Cortreius, *Corpus Juris publici.*

[2] Chéruel, II, pp. 104, 147—149.

[3] Cortreius, IV, pp. 167—168, 174.

[4] Meiern, *Acta Pacis*, III, pp. 5—7.

[5] Ibid., pp. 3, 22—23; Gärtner, IX, pp. 126—127.

[6] Le Clerc, III, p. 171.

[7] Meiern, *Acta Pacis*, III, pp. 24—26; *Correspondencia Diplomatica*, I, pp. 302, 305, 318, 319.

[8] Ibid., p. 29.

Уступчивее становился и курфюрст Бранденбурга. Фридрих Вильгельм проехал через Вестфалию на пути в Гаагу. Поняв, что со шведами ему не сойтись, он отказался от идеи жениться на Кристине и решил связать свою судьбу с Оранским домом и с его помощью завладеть Клеве-Юлихом. Еще в июне 1646 года курфюрст начал пересматривать свою позицию в отношении Померании, а в середине октября согласился на компромисс: разделить Померанию со шведами и отдать им Штеттин[1]. В начале ноября Фридрих Вильгельм неожиданно попытался завладеть Бергом как своей законной долей в наследстве Клеве-Юлиха, и имперцы, восприняв это как знак того, что он теперь стремится больше на запад, где теперь даже собирается и жениться, предложили ему епископства Хальберштадт, Минден, а также Магдебург в порядке компенсации за Померанию. Фридрих Вильгельм согласился[2]. 7 декабря 1646 года он сочетался браком с Луизой, старшей дочерью принца и принцессы Оранских, а через неделю ушел из Берга в надежде на то, что с их помощью в деле Клеве-Юлиха добьется большего дипломатией, а не военной силой[3].

В переговорах по поводу Эльзаса и Померании правители торговались так, как будто имели дело с личными вещами и недвижимостью, а не с провинциями, населенными людьми, их подданными. Жители Померании послали в Мюнстер своих делегатов, но никто даже и не выслушал их жалобы на то, что они не хотят быть под властью шведов[4].

С Эльзасом вообще получилась странная история. Император хотел полностью отсечь от империи отчуждаемую территорию, против чего категорически возразил француз-

[1] *Urkunden und Aktenstücke*, XXIII, i, pp. 81—89; IV, p. 443, 463.

[2] *Urkunden und Aktenstücke*, IV, pp. 220 f.; Meiern, *Acta Pacis*, III, pp. 752 f.; *Urkunden und Aktenstücke*, XXIII, i, p. 101.

[3] Ibid., IV, p. 245.

[4] *Baltische Studien*, IV, V, *passim*; Meiern, *Acta Pacis*, II, pp. 231—232; Bks. XXIV, XXVI; см. также G. Breucker, *Die Abtretung Vorpommerns an Schweden*. Halle, 1879.

ский король[1]. Странное великодушие обоих монархов объяснялось очень просто. Если бы Эльзас отошел к Франции, то изменились бы только границы. Если же Франция сохранила бы Эльзас под имперской короной, то ее король имел бы право посылать своего представителя в рейхстаг и вмешиваться в германские дела. Компромиссное решение, которое было все-таки принято, один комментатор назвал «un semenence éternelle de guerres»[2,3]. Император уступил суверенные права на Эльзас королю Франции. Характер этих прав не был определен, и города сохранили имперские привилегии. В обмен на разоружение правого берега Рейна от Базеля до Филипсбурга Франция согласилась не претендовать на участие в рейхстаге. Статьи договора были так сформулированы, что каждая из сторон могла трактовать их по своему разумению[4].

В продолжение переговоров представители Страсбурга и Декаполиса, десяти свободных городов Эльзаса, постоянно обивали пороги французского и имперского посольств в Мюнстере, пытаясь донести до них свои претензии. Но, как и тревоги делегатов Померании, их мнение было неинтересно для тех, кто решал их судьбу.

6

Зимой 1646 года союзники удовлетворили свои территориальные притязания. Оставалось урегулировать внутренние конфликты в империи, раздоры между отдельными князьями и разобраться в конституционных и религиозных правах, из-за чего, собственно, и шла война.

После долгих перепалок наконец было найдено решение проблемы Пфальцского курфюршества. Максимили-

[1] Le Clerc, III, pp. 102, 161.

[2] Vast, *Les Grands Traités du règne de Louis XIV.* Paris, 1886, p. 7.

[3] «Вековечный повод для войн» (*фр.*).

[4] B. Auerbach, *La France et la Sainte Empire Germanique.* Paris, 1912, pp. 7—36.

ан, обратившийся за поддержкой к папе[1], с негодованием отверг предложение, предусматривавшее поочередное ношение титула курфюрста[2]. Карл Людвиг, сына Фридриха Богемского, со своей стороны вначале тоже не согласился с тем, чтобы для него было создано новое курфюршество, включающее в себя только Гейдельберг и Рейнское пфальцграфство и ставящее его на последнее место по старшинству в коллегии курфюрстов. Но этот вариант очень устраивал Максимилиана и французов, и они совместно надавили на шведов, которые упорно пытались отстоять права Карла Людвига[3]. Курфюрст Пфальцский, брошенный своими единственными союзниками и угнетенный несчастьем, постигшим его дядю в Англии[4], в конце концов смирился. В память об этом событии он выбил медаль с изображением льва, раненого и распростертого у его ног, и надписью «Cedendo non cedo»[5,6].

Ландграфиня Гессен-Кассельская, заставившая и французов и шведов уважать себя, добилась большего, чем курфюрст, который всегда создавал только головную боль. Она получила значительную часть земель, на которые претендовала, и более полумиллиона талеров для своей армии[7].

Повезло швейцарцам: они ухитрились остаться в стороне от войны и теперь поспешили подключиться к миру. Они уже свыше трехсот лет пользовались независимостью, и к их конфедерации, состоявшей вначале из кантонов Ури, Швиц и Унтервальден, добавились Люцерн, Цюрих, Базель, Граубюнден, Золотурн, Санкт, Галл, Аппенцель и Фрибург, но Швейцарскую Конфедерацию как таковую до сего времени никто не признавал. Теперь это случилось.

---

[1] *Quellen und Forschungen aus Italienischen Archiven*, IV, p. 245.

[2] Meierns, *Acta Pacis*, III, pp. 587—589.

[3] Le Clerc, III, pp. 249, 255.

[4] Карла I Стюарта.

[5] *Die Schicksale Heidelbergs*, p. 236.

[6] «Отступая, не уступаю» (*лат.*).

[7] *Sverges Traktater*, VI, i, pp. 209—214.

Более сложной оказалась проблема оплаты шведской армии. Александр Эрскин, специально присланный на конгресс для решения этого вопроса, с полным основанием заявил, что войска не уйдут до тех пор, пока им не заплатят. Он потребовал шесть миллионов талеров, имперцы предложили три, сошлись же на пяти[1].

Обсуждение проблем правосудия в империи, прав рейхсхофрата, пересмотра решения по Донаувёрту, принятого в 1608 году, посчитали целесообразным отложить до следующего рейхстага; такая же участь постигла и неурегулированный конфликт по поводу наследования Клеве-Юлиха. Внимание всех участников конгресса сосредоточилось на религии. Вначале возникла тупиковая ситуация: католики в Мюнстере наотрез отказались разговаривать с протестантами в Оснабрюке, а посредник, папский нунций, провозгласил, что ни за что не сядет в одной комнате с еретиком[2]. Когда наконец эти трудности были преодолены, появились другие: католики заявили свои права на все земли, которые принадлежали церкви в 1627 году, протестанты потребовали возврата к положению на 1618 год. Иоганн Георг проявил чудеса дипломатии, уговорив их согласиться на компромиссный 1624 год[3].

Навсегда было покончено с «Эдиктом о реституции», конгресс подтвердил право князей менять по желанию и свою веру, и веру своих подданных. Гарантии равенства были даны католикам и протестантам в традиционно и явно разделенных городах, таких как Аугсбург и Регенсбург.

Фердинанд III вначале, проявляя добрую волю, согласился признать кальвинизм в качестве третьей религии в своей империи[4]. Однако когда, казалось, страсти улеглись, в нем вдруг пробудился нрав отца. Он категорически отказался разрешить протестантское вероисповедание на землях

[1] Meiern, *Acta Pacis*, V, pp. 849—850, 854, 877—883.

[2] Ibid., II, Bk. XV.

[3] Ibid., V, pp. 718—723.

[4] Ibid., II, pp. 8—11.

Габсбургов и обратился за поддержкой к папе римскому[1]. Император настоятельно потребовал взять за основу в урегулировании конфликта вокруг церковных земель не 1624-й, а 1627 год, то есть договоренности религиозного status quo, которые затем были зафиксированы Пражским миром.

Траутмансдорф, на первых порах демонстрировавший дипломатичность и добродушие, тоже вдруг поддержал своего хозяина. Граф заявил: если бы даже император находился не у себя дома, а в стокгольмской тюрьме, то все равно не рекомендовал бы ему подписывать такое соглашение. 16 июля 1647 года у него состоялся еще один разговор на эту тему с Сальвиусом, и, не удовлетворившись результатами беседы, вечером граф отбыл в Вену. Но, как свидетельствуют очевидцы, он выглядел весьма довольным собой, и у него, видимо, были для этого основания.

7

Пока шли переговоры, политическая обстановка вокруг них неожиданно переменилась. Зимой 1645 года, когда Фердинанд посылал Траутсмандорфа в Мюнстер, он был в отчаянном положении. Через восемнадцать месяцев император воодушевился новыми надеждами.

В продолжение полутора лет Фердинанд терял позиции. Летом 1647 года случилось то, что могло не только отсрочить поражение, но и принести победу династии Габсбургов.

В начале 1646 года шведское правительство наконец отреагировало на мольбы Торстенссона отозвать его по причине нездоровья[2] — он неделями лежал в постели, и его руки, пораженные подагрой, не могли даже подписывать приказы[3] — и назначило Карла Густава Врангеля. Горделивый, аг-

[1] W. Friedensburg, *Regesten zur deutschen Geschichte aus der Zeit des Pontifikats Innocenz X. Quellen und Forschungen aus Italienischen Archiven*, IV, pp. 251, 254.

[2] Chemnitz, II, iii, pp. 29, 79; IV, p. 166.

[3] Ibid., II, vi, p. 200.

рессивный и не вызывавший симпатий[1] Врангель был тем не менее хорошим генералом — даже чересчур хорошим, чтобы понравиться французам. Летом 1646 года он начал успешное наступление на Баварию. Мазарини, больше беспокоившийся не о лаврах объединенной армии, а по поводу шведских успехов, хотел во что бы то ни стало сдержать Тюренна или по крайней мере спасти Баварию[2]. Однако совместные войска Швеции и Франции независимо от желания Тюренна вряд ли были способны на то, чтобы ориентироваться на интересы дворцовой дипломатии. Врангель хотел вторжения в Баварию, а солдаты предвкушали вольницу и грабежи.

Иоганн фон Верт поспешил на помощь, отстоял Аугсбург, но не смог остановить шведов, и они осенью 1646 года хлынули в Баварию. Максимилиан, напуганный крестьянским бунтом, лишил подданных оружия, а разрушив мельницы и зернохранилища, чтобы задушить голодом интервентов, вызвал массовый голод на собственной земле[3]. К весне он запросил перемирие, в марте подписал его, и только в апреле Врангель прекратил военные действия[4].

Но для Мазарини Австрийский дом оказался гидрой, у которой на месте одной отрубленной головы вырастает другая. Потеря Баварии тут же компенсировалась. Казалось, приезд Траутсмандорфа в Мюнстер действительно указывал на то, что император перестал оглядываться на Испанию. После смерти жены, инфанты Марии, Фердинанд, похоже, собрался вообще порвать с Мадридом. Мазарини воспользовался моментом и, желая завлечь Фердинанда в свои дипломатические сети, предложил ему в жены девчонку-сорванца, «мадемуазель», дочь Гастона Орлеанского. Инициативу кардинала отвергли на том основании, что император еще не оправился от горя и ему рано думать о втором браке.

---

[1] Chéruel, III, p. 2; *Detlev von Ahlefeldts Memoiren*, ed. L. Bobé. Copenhagen, 1896, pp. 54—55.

[2] Le Clerc, III, pp. 189—190, 345, 348.

[3] Czerny, pp. 91, 95.

[4] Lundorp, VI, pp. 186—191; *Brefvexling*, II, viii, p. 728.

Как бы тяжело ни переживал Фердинанд утрату инфанты Марии, это не помешало ему найти жену в собственном роду, и он предпочел французскому варианту надежный брачный союз, посредством которого Габсбурги всегда укрепляли свою династию. Он избрал в невесты кузину Марию Леопольдину Тирольскую.

Его помолвка вызвала в Европе гораздо меньше шума, чем бракосочетание короля Испании, случившееся почти одновременно. Филипп IV, лишившийся сначала супруги, а вскоре и единственного сына, начал судорожно подыскивать себе молодую жену. Он был далеко не красавец, в свои сорок лет выглядел вечно хмурым стариком, а правитель из него получился тупоумный, недалекий и никчемный. Единственной отрадой ему была дочь, юная и легкомысленная инфанта, которая, несмотря на воспитательное воздействие мадридского и версальского дворов, так всю жизнь и оставалась глупенькой и благодушной школьницей[1]. Испанская монархия была при смерти, но ее король захотел себе в жены австрийскую принцессу. Он избрал в спутницы собственную племянницу, дочь Фердинанда Марию Анну. Фердинанд не возражал[2].

Дабы привязать к себе покрепче австрийских родственников, Филипп поддержал предложение Пеньяранды и вместо внебрачного сына губернатором Нидерландов назначил эрцгерцога Леопольда[3]. В то же самое время, когда Мазарини отобрал у Фердинанда Баварию, Испания возобновила опеку над Австрией. И тогда же испанцы лишили кардинала голландской поддержки.

Зимой — ранней весной 1646 года французы соблазняли испанцев проектом обмена Каталонии, оккупированной французскими войсками, на Нидерланды[4]. Испанцы согла-

[1] *Relazioni dagli Ambasciatori, Spagna*, II, pp. 128, 131, 141.

[2] Abreu y Bertodano, VII, pp. 97 f.

[3] Lonchay and Cuvelier, III, p. 615; *Correspondencia Diplomatica*, I, pp. 65—66.

[4] Le Clerc, III, pp. 14, 21; *Correspondencia Diplomatica*, I, pp. 281, 285—286.

сились, хотя трудно сказать, из чего они исходили: то ли действительно со всей серьезностью отнеслись к предложению, то ли рассчитывали на неизбежную вражду между голландцами и французами. В любом случае, как только голландцам стало известно о сделке, они, всегда подозревавшие союзника в недобросовестности, сразу же начали готовить условия мира, приемлемые для испанцев и совершенно не учитывающие интересы Франции[1].

Французы сами же и попались в ловушку, расставленную испанской дипломатией. Сын Филиппа умер, и испанцы задумали выдать инфанту, единственную наследницу короны, за мальчика — короля Франции. Париж утаил этот факт от голландцев, и детское притворство раскрылось, когда испанцы, не относившиеся к проекту с должной серьезностью, предали его гласности[2]. Не подействовали ни опровержения, ни протесты, ни депутации[3]. Возмутились и запрезирали союзника шведы, а Соединенные провинции подписали с Испанией перемирие[4], предоставив своим ненадежным друзьям самим искать выход из щекотливого положения[5].

Французам ничего не оставалось, как продолжить войну в Нижних странах. Тем более что эрцгерцог Леопольд, приехав спешно и инкогнито, в самом начале 1647 года перешел границу Брабанта и готовился к новой кампании против Франции с рвением кардинала-инфанта[6]. Мазарини, принудив Баварию к нейтралитету, решил, что Тюренн все силы, имевшиеся в Германии, теперь должен использовать в Нижних странах[7].

В схеме нейтрализации Баварии и наступления Тюренна во Фландрии содержался один серьезный изъян. Иоганн

[1] Le Clerc, III, pp. 49, 83.

[2] Ibid., III, p. 373.

[3] Ibid., III, p. 387; IV, pp. 86 f.

[4] Chanut, I, p. 25.

[5] Abreu y Bertodano, VII, p. 111.

[6] Lonchay and Cuvelier, III, pp. 625—626, 629.

[7] Chéruel, op. cit., II, pp. 419, 431, 439.

фон Верт, командующий войсками Максимилиана, вовсе не собирался признавать навязанный нейтралитет, а армия бернхардинцев у французов не горела желанием повиноваться Тюренну. Мятежи, произошедшие летом 1647 года, сыграли на руку Габсбургам и нарушили французские планы. В конце июня бернхардинцы на Рейне подняли бунт против французских командиров, а в начале июля Верт объявил о своей верности императору, а не курфюрсту Баварии. Вряд ли стоило удивляться тому, что Траутсмандорф довольно улыбался, когда покидал Мюнстер вечером 16 июля 1647 года.

Максимилиан уже давно конфликтовал с Вертом: генерал не любил дисциплину, его происхождение было сомнительным, манеры вызывали отвращение, он едва мог писать, и курфюрст, хотя и восхищался им как кавалерийским офицером, считал его забулдыгой и упорно не давал ему звание фельдмаршала. Соответственно для Фердинанда не составляло никакого труда подкупить недобросовестного и всем недовольного карьериста. Прослышав что-то о заговоре, Максимилиан в июне вызвал к себе Верта, но генерал без тени смущения отверг все голословные обвинения и ускакал в войска, чтобы подготовить их к действию. А в первую же неделю июля 1647 года он во главе своей армии отправился к императору.

Тем временем лопнуло терпение бернхардинцев в Страсбурге. Тюренн давно ожидал этого момента. Мятеж, произошедший три года назад в Брайзахе, удалось смирить только благодаря мужеству и популярности Эрлаха[1]. Генерал отсутствовал, а Тюренн, пренебрегавший им, еще больше третировал его преемника Рейнгольда фон Розена. В войсках опасались, и не без оснований, что французы намерены постепенно растворить их среди основного контингента армии. Бернхардинцев оскорбляло то, что ими командуют французы и не считаются с их интересами; мало того, по условиям контракта Тюренн не имел никакого права посылать

[1] Chemnitz, IV, iv, p. 34; Chéruel, I, p. 710; Gonzenbach, II, p. 45.

их во Фландрию. Мятеж, начавшись, распространился с молниеносной быстротой. Розен, возомнивший, что ему удастся влиять на войска, стал во главе бунтовщиков. Тюренн арестовал его, и бернхардинцы, избрав себе командующего, отправились, четыре тысячи человек, грабя и круша все на своем пути, к шведам[1].

После всего этого Тюренн уже не мог идти во Фландрию. Кроме того, после фиаско с нейтралитетом Баварии его присутствие было крайне необходимо в Германии. Но и здесь последствия мятежа связали ему руки: Врангель, немного поколебавшись[2], принял бернхардинцев, а Тюренн поначалу отказался иметь дело с армией, в которой оказались его бунтовщики[3]. Создалось такое положение, когда стало опасно воевать без шведов и еще опаснее с их помощью.

Мятеж бернхардинцев принес успех им самим, бунт Верта был полезен только императору. Верт не смог увести с собой все войска, в большинстве своем они вернулись к Максимилиану, и он перешел австрийскую границу практически один, а за его голову была объявлена немалая цена[4]. Так или иначе, Максимилиану пришлось отказаться от своих мирных намерений. 27 сентября 1647 года французские послы в Мюнстере узнали, что курфюрст снова присоединился к Фердинанду со всей армией[5]. Они расстроились бы еще больше, если бы им стало известно о том, что бывший гессенский генерал Меландер, произведенный в генералиссимусы имперских и баварских войск, подключился к Фридриху Вильгельму Бранденбургскому в попытках наскоро

---

[1] Heinrich Almann, *Turenne und Reinhold von Rosen. Historische Zeitschrift*, XXXVI, pp. 368—409; Walther, *Strassburger Chronik*, p. 40; Gonzenbach, II, pp. 66—71.

[2] *Brefvexling*, II, viii, pp. 736—737.

[3] Chéruel, III, pp. 63—65.

[4] Riezler, *Die Meuterei Johanns von Werth, Historische Zeitschrift*, LXXXII, pp. 40 ff.; Pufendorf, XIX, p. 34.

[5] Ogier, p. 192.

создать «германскую» партию и сорвать мир, навязываемый чужеземцами[1].

30 января 1648 года Испания и Соединенные провинции подписали Мюнстерский мир[2]. Благосостоянию Испанских Нидерландов пришел конец; Испания была готова принести в жертву свои лояльные провинции, сражавшиеся ради нее, с тем чтобы добиться лучших условий для себя. Шельду закрыли, а Антверпен уступил место Амстердаму. Франция стремилась к миру, но не из-за какой-то особой любви к Фландрии, и ее послы, несмотря на протесты[3], приняли решение прекратить переговоры с испанцами, сославшись на то, что Пеньяранда покинул Мюнстер и они не могут вести дела с представителями меньшего уровня. Они рассчитали, что вполне могут возместить свой разрыв с голландцами развалом австрийско-испанского альянса. Император вряд ли сможет воспротивиться условиям, утвержденным в Мюнстере и Оснабрюке германскими сословиями и их иностранными союзниками. Если он их подпишет, то ему придется поставить крест на испанских интересах в Германии и отказаться от какой-либо помощи Мадриду.

Успех французской дипломатии был подкреплен ее армиями. Дезертирство Баварии вынудило Тюренна действовать в унисон с Врангелем и отрешиться от фламандского плана. Они на время забыли о раздоре по поводу бернхардинцев и сосредоточились на проведении совместной кампании на юге Германии[4]. Поначалу их затея казалась безнадежной. Врангель опасался, что с окончанием войны закончится и его карьера, и завистливого маршала принуждало к действию только лишь назначение главнокомандующим кузена королевы, который уже ехал в Германию. И он рассудил: если уж война должна быть завершена, то лучше он

[1] См. W. Hofmann, *Peter Melander Reichsgraf zu Holzappel*. Munich, 1882.

[2] Aitzema, III, pp. 259 ff.

[3] Chéruel, III, pp. 359—364.

[4] Ibid, II, pp. 536—545; 568—571; III, pp. 63—65, 103.

сделает это сам, нежели кто-нибудь еще[1]. Тем не менее маршал представил все дело так, как будто Тюренн пытается избежать решающей битвы, с тем чтобы не дать войне закончиться[2]. В действительности же очевидная слабость противника не позволяла откладывать его поражение в долгий ящик. Меландер, получивший звание имперского фельдмаршала в прошлом году, укрепился на линии Дуная. Однако объединенные баварская и имперская армии уступали в численности шведам и французам, а Грёнсфельд, баварский командующий, мешал совместным действиям нескончаемыми требованиями первенства в сравнении с Меландером[3]. В таком состоянии они и были застигнуты врасплох неподалеку от Аугсбурга возле деревни Цусмарсхаузен. Отягощенный обозниками — по некоторым оценкам, их было в четыре раза больше, чем солдат, — Меландер тщетно пытался спасти артиллерию, поручив итальянскому генералу Монтекукколи оборонять тылы, и Монтекукколи мужественно защищался, отходя с хребта на хребет, бросая против наседавшего противника кавалерию и прикрывая пехоту. Меландера смертельно ранили, и итальянец, решив, что гораздо полезнее сохранить армию, а не военное снаряжение, отступил к Ландсбергу, потеряв все, кроме войск.

В Австрию срочно вернулся Пикколомини, с тем чтобы попытаться выправить катастрофическое положение. Но и его неуемной энергии и выдержки уже было недостаточно для того, чтобы организовать нечто похожее на армию из тех деморализованных остатков войск, уцелевших после схватки у Цусмарсхаузена. Добавил печали и Максимилиан, арестовав Грёнсфельда за измену[4].

Тем временем армии Тюренна и Врангеля оккупировали Баварию, нещадно мстя жителям за уклончивость их

---

[1] Chéruel, p. 119.

[2] Ibid., p. 142.

[3] Steckzén, *Arriärgardesstriden vid Zusmarshausen. Historisk Tidskrift*, 1921, p. 136.

[4] Dudik, *Die Schweden in Böhmen*, Vienna, 1879, p. 397.

курфюрста. Врангель отправил ему суровое послание, недвусмысленно предупредив: у него осталось единственное средство для спасения своей страны — еще раз подписать перемирие.

Вторая шведская армия — под командованием Кёнигсмарка — вторглась в Богемию и потребовала капитуляции Праги. 26 июля 1648 года шведы взяли Клайнзайте[1], и казалось — все кончено. Но возрожденный город католиков и Габсбургов сражался за свою религию и короля так, как никогда прежде. Практически без выстрела его брали в 1620 и 1635 годах, однако в 1648 году он решил биться не на жизнь, а на смерть. Плечом к плечу с солдатами Карлов мост отстаивали студенты, бюргеры и монахи. Как долго они могли продержаться, теперь сказать трудно. Они не могли надеяться на помощь и тем не менее держались больше трех месяцев, и заключение мира, а не капитуляция заставило их сложить оружие.

Не менее стойко не хотел поступиться своими религиозными убеждениями, наследием отца, династическим долгом и подписывать мир Фердинанд. Самым большим препятствием стало религиозное урегулирование, но у него имелись и политические резоны. Вправе ли Фердинанд бросить своих испанских кузенов в тот момент, когда они подписали мир с голландцами и наконец могут разговаривать с французами как равные[2]? Кроме того, его возлюбленный брат ведет борьбу в Нижних странах и надеется на то, что его одного не оставят.

Эрцгерцог с самого начала показал себя как человек активный и дисциплинированный. Он прорвался через французскую границу и отвоевал Армантьер, Комин, Ланс и Ландреси. В первые месяцы губернаторства он выглядел вовсе не тем вялым и разочарованным эрцгерцогом, изображенным Давидом Тенирсом в его брюссельской картинной галерее. В первый год правления Леопольд, похоже, ни в чем

[1] Мала Страна, малый град в Праге. — *Примеч. пер.*

[2] Chéruel, III, p. 191.

не уступал кардиналу-инфанту. А в августе 1648 года под Лансом вследствие некомпетентности, небрежности или невезения или вследствие всех трех причин он попал в капкан к герцогу Энгиенскому и лишился практически всей своей армии[1].

Для Фердинанда это был последний удар. Бавария потеряна, Прага осаждена, Леопольд разгромлен у Ланса. Фердинанд подчинился судьбе, согласился с предложенным религиозным урегулированием и подписанием мира. Но делегаты заседали в Мюнстере три года не для того, чтобы подписать его за три минуты. Когда в Мюнстер поступила депеша от Фердинанда, оказалось, что утерян ключ к шифру, и прочитать ее невозможно. Когда преодолели и эту трудность, начались длительные дебаты по поводу процедуры подписания договоров, и лишь только в субботу 24 октября, почти через три недели после разрешения всех политических проблем, состоялось официальное подписание документов. И даже в назначенный день делегаты в Мюнстере прождали с девяти до часу, а затем их попросили прийти к двум. Только потом появились главные послы и поставили свои подписи на двух мирных договорах. Это знаменательное событие было отмечено тремя залпами, произведенными из семидесяти пушек, установленных на городских стенах.

Но и они не были последними выстрелами Тридцатилетней войны. Все эти последние недели, все эти последние дни, все эти последние часы перед подписанием договоров продолжалось сражение в Праге, и оно длилось еще девять дней, когда наконец до города дошли известия о мире[2]. И тогда в городе тоже устроили салют, отслужили «Те Деум» и ударили в колокола, празднуя завершение войны.

---

[1] Chéruel, pp. 181, 198—199; Canovas, *Estudios*, pp. 488—498.

[2] О перемирии было объявлено 2 ноября. Известия о достижении мира были подтверждены 9 ноября; Dudik, *Die Schweden in Böhmen*, p. 342; Pufendorf, XX, p. 65.

Глава двенадцатая

ПОСЛЕ МИРА

Думается, надо признать тот факт, что каждый будет толковать и объяснять договор так, как его понимает.

Сервьен, январь 1649 года

1

Через тридцать лет в Германию наконец пришел мир. В Праге звон колоколов заглушал грохот пушек, ночное небо над холмами у реки Майн озаряли фейерверки[1], но не было никакой радости в моравском Ольмюце, где шведская армия стояла восемь лет. Солдаты приуныли и помрачнели, а женщины, следовавшие за ними в обозах, бродили по лагерю понурые и зареванные. «Я на войне родилась, — жаловалась одна из них полковому командиру. — У меня нет ни дома, ни друзей, ни родины. Война — это моя жизнь. Что мне теперь делать? Куда пойти?»[2] От Ольмюца на три мили растянулся поток повозок, фургонов и путников, уходивших из города. Немногочисленные бюргеры, оставшиеся в Ольмюце, собрались в полуразрушенной церкви и пели благодарственный гимн:

> От прещения Твоего бегут они, от гласа грома Твоего
> быстро уходят,
> Восходят на горы, нисходят в долины, на место, которое
> Ты назначил для них.

---

[1] Bothe, *Geschichte Frankfurts*, p. 451.

[2] *Chronik des Minoriten Guardians*, p. 600.

Ты положил предел, которого не перейдут,
и не возвратятся покрыть землю[1].

Но и через два года после подписания мира все еще не было уверенности в том, что солдаты не вернутся обратно. Мир, который Германия получила в Мюнстере и Оснабрюке, был ничем не лучше урегулирования, достигнутого в Праге тринадцать лет назад.

На переговорах Эрскин особенно настаивал на необходимости учитывать интересы не только шведского государства, но и шведской армии. Да и все союзники хотели застолбить за собой право на расквартирование войск в продолжение еще одного года, чем отчасти и было вызвано затягивание конгресса[2]. Они просто-напросто пытались отодвинуть подальше наступление критического момента. Перед французским правительством, все еще воевавшим с Испанией и державшим под контролем свою преимущественно однородную национальную армию, такой проблемы не стояло. Неприятности поджидали шведские власти — надо было демобилизовать почти сто тысяч человек, в основном немцев, не имевших никаких иных средств для существования, кроме тех, которые давала война. У шведов же служили протестанты, изгнанные Габсбургами, чехи и австрийцы, возмущенные тем, что правительство, за которое они проливали кровь, предало их ради эфемерного мира. Не устраивала перспектива обнищания бернхардинцев, переметнувшихся к шведам в надежде на лучшее обхождение, чем у Тюренна.

Прескверно складывалась ситуация и с имперской армией. Пикколомини предстояло избавиться от двухсот тысяч мужчин и женщин. Найти занятие в мирной жизни для такой огромной массы людей — задача непростая, даже если бы они все были семи пядей во лбу.

---

[1] *Chronik des Minoriten Guardians*, p. 610. Псалтырь, 103: 7—9.

[2] Chéruel, III, p. 227.

После подписания мира сразу же возникли две нешуточные угрозы. Армии все еще находились в Германии, и любая из конфликтующих сторон, решив, что она прогадала, могла возобновить военные действия, пока у нее для этого имелись наличные средства. Вторая опасность: сами солдаты могли взбунтоваться против генералов, желая продолжить прежний образ жизни, дававший им возможность обогащаться за счет грабежей, и войска превратились бы в обыкновенные банды. В Вене, например, серьезно опасались совместного выступления против миротворцев шведских и баварских войск[1]. Назначение главнокомандующим Карла Густава, кузена королевы Кристины, не добавило уверенности в том, что не случится ничего непредвиденного. Принц был молод, тщеславен и воинствен. Он хотел завоевывать славу, а не заниматься таким прозаическим делом, как расформирование армии.

Нерешенность определенных проблем также создавала повод для беспокойства. Ни католики, ни протестанты не были удовлетворены компромиссным подходом к урегулированию их притязаний. Миротворцы не предусмотрели никакого механизма для реализации этой части соглашения, и любые попытки навязать новые правила могли моментально привести к возобновлению войны.

Папский нунций осудил весь пакет договоренностей как противоречащий интересам церкви. Испанское правительство выразило свое недовольство императору, обвинив его в предательстве. Флибустьер Карл Лотарингский, полностью исключенный из соглашений, продолжал удерживать в Германии крепость Хаммерштайн, несмотря на протесты. Испанцы объявили о намерении не уходить из Франкенталя. Герцога Мантуи возмутило то, что французское правительство забрало у него часть земель, даже не попросив согласия[2].

---

[1] Koch, II, p. 520.

[2] B. Erdmannsdörffer, *Deutsche Geschichte*. Berlin, 1892, pp. 5—6; Lorentzen, pp. 179—181, 189.

Последний неприятельский гарнизон был выведен из Германии через пять с половиной лет, в мае 1654 года. Первые два года угроза возобновления войны считалась вполне реальной, и только последние три года лишь локальные конфликты угрожали общей стабильности.

Мир был провозглашен в Праге в середине ноября 1648 года. До конца декабря шведские и имперские командующие регулярно встречались друг с другом, и население ожидало скорую демобилизацию. Однако до завершения года генералы продвинулись вперед только на один шаг — определили промежуточную контрибуцию, которую должны выплатить подданные императора на содержание войск до их расформирования[1]. О самом расформировании даже не было и речи, рассмотрение этой проблемы — условий и порядка демобилизации — отложили до созыва нового конгресса в Нюрнберге.

Можно представить, какой взрыв возмущения поднялся по всей Германии, когда эту сумму огласили. В Страсбурге народ чуть не взбунтовался[2], а в епископство Льеж Карлу Густаву пришлось послать войска для того, чтобы изымать деньги[3]. Все же желание покончить с войной возобладало, и огромная контрибуция с помощью швейцарских и отечественных банков была собрана[4].

Теперь все зависело от генералов — Карла Густава, Врангеля, Пикколомини, и они, как ни странно, повели себя достойно. В сентябре 1649 года Карл Густав уже смог отпраздновать общий успех и устроить для коллег «банкет мира» в Нюрнберге, на котором Врангель, выстрелив из пистолета в потолок, провозгласил, что он больше не нуждается в оружии[5]. Карл Густав тем временем занялся демобилизацией и проводил ее так же рьяно, упорно и решительно, как впо-

[1] Lorentzen, p. 155.

[2] Walther, p. 41.

[3] Meiern, *Acta Executionis*, II, p. 686 f.

[4] Lorentzen, pp. 179—181, 189.

[5] Meiern, *Acta Executionis*, II.

следствии вел свою армию в битвы. Уволив лишних офицеров и объединив неполные роты, он довел войска до оптимальной численности, рассредоточил полки, подозревавшиеся в мятежности, по разным районам, а когда бунт все-таки произошел, безжалостно подавил его.

Правители с обеих сторон, стремясь уменьшить остроту проблемы, пытались привязать часть солдат к земле, однако если они и добились хоть какого-то успеха, то лишь в Баварии, Гессене и Пфальце[1]. Обозленные офицеры и солдаты предпочитали сами устраивать свою судьбу. Ударялись в бега целые роты: нанимались к французам, испанцам, англичанам, венецианцам, к герцогу Савойскому, князю Трансильванскому, даже к царю России. Но бесприютных солдат оказалось слишком много, и не все могли найти себе нового хозяина. Немало бывших вояк ушли в леса и предгорья, организовавшись в разбойничьи банды. В одном или двух районах пришлось оставить, правда, ненадолго, небольшие контингенты для борьбы с мародерами[2], и в продолжение многих лет купцы отправлялись в путешествие группами и с надежной охраной.

Не раз назревал серьезный военный конфликт. Шведские войска поднимали мятежи в Юберлингене, Ноймаркте, Лангенархе, Майнау и Эгере. Бунт в Швайнфурте подавлял сам Врангель. Несколько полков умудрились перехватить деньги, посланные их командирам для выдачи жалованья, и скрыться в неизвестном направлении, скорее всего к вербовщикам. В июле 1650 года в Ангальте применили военную силу против банды мятежников, самой опасной из всех, какие орудовали до сего времени, окружили ее и расстреляли[3]. С не меньшей жестокостью был подавлен бунт в баварской армии: курфюрст приказал открыть огонь из пушек по мятежникам, а затем повесил пятнадцать главарей и

[1] Riezler, *Geschichte*, V, p. 660; Lorentzen, p. 207.

[2] Lorentzen, p. 204.

[3] Ibid., pp. 188—189.

зачинщиков за то, что они посмели заявлять о каких-то своих правах[1].

Летом же 1650 года стало известно о том, что имперские войска вошли в состав испанской армии, и это вызвало бурю протеста со стороны шведов и французов. Казалось, вот-вот снова начнется война. Демобилизация приостановилась, и появились сообщения, будто шведы опять набирают рекрутов. Лишь каким-то чудом удалось избежать кризиса, и 14 июля 1650 года участники переговоров встретились в последний раз на банкете, устроенном для них теперь уже генералом Пикколомини. За городом он установил гигантскую палатку, украшенную зеркалами, канделябрами, цветами и символикой. Рядом была сооружена картонная крепость, напичканная фейерверками. После обычной перепалки, произошедшей между Врангелем и каким-то имперским генералом за первенство, гости расселись по местам в пять часов вечера и предались обильному пиршеству, сопровождавшемуся оглушительными залпами и тостами за мир и здоровье всех присутствующих. Когда пир закончился, Пикколомини собственноручно зажег запал, и картонная крепость взмыла в небо в вихре ракетных огней. Публику развлекал очень добродушный лев, у которого в лапе торчала оливковая ветвь, а из пасти лился нескончаемый поток вина[2].

Главные переговорщики разъехались, но конференция заседала еще год, разрешая самые разные менее значительные трудности. Но и тогда остался неурегулированным целый ряд проблем. Испанцы не уходили из Франкенталя до тех пор, пока в 1653 году император не уступил им Безансон. Карл Лотарингский ретировался из крепости Хаммерштайн только в начале 1654 года, а в мае этого же года шведы наконец убрали свой последний гарнизон в Германии — из Фехты. Эвакуация войск тем не менее не прекращалась со вре-

[1] Riezler, *Geschichte*, V, p. 658.

[2] Meiern, *Acta Executionis*, II, pp. 444—446.

мени первого заседания конференции в Нюрнберге в 1649 году. Урожай 1650 года жители большинства районов Германии уже могли собирать в условиях гарантированного мира. Знаменательно, что в празднованиях благодарения принимали участие дети: школьники в белых одеяниях и зеленых коронах пели в Долльштедте[1], и школьники же приветствовали возвращение курфюрста Карла Людвига на границе Пфальца[2]. Они символизировали будущее Германии, они были ее надеждой, возможно, единственной.

2

Немцы не впервые воевали на протяжении целого поколения, но легенды превратили именно эту войну в нечто исключительное и уникальное в истории и Германии и Европы. По крайней мере до середины XIX века никакие самые завышенные оценки людских и материальных потерь не казались чересчур экстравагантными и неправдоподобными. Считалось, что население страны сократилось на три четверти; еще более значительный урон был нанесен животноводству и материальному благосостоянию нации; сельское хозяйство вышло на довоенный уровень в некоторых регионах только через два столетия. Экономическая жизнь и торговля вымерли в большинстве городов; все последующие политические грехи обычно списывались на последствия Тридцатилетней войны — от причуд имперской конституции до заморской германской империи.

Критические исследования, проведенные за последние десятилетия, вскрыли два прежде не отмеченных обстоятельства: первое — в 1618 году Германия уже находилась на пути к краху; второе — данные того времени ненадежны.

---

[1] Freytag, *Bilder aus der deutschen Vergangenheit.* Leipzig, 1859, II, p. 202.

[2] L. Häusser, *Geschichte der rheinischen Pfalz.* Heidelberg, 1856, II, p. 583.

Князья, стремившиеся уйти от финансовой ответственности, приводили собственные сведения об ущербе, граждане старались освободиться от уплаты налогов — в результате рисовалась крайне мрачная картина о положении в стране. В перечне ущерба, нанесенного Германии и представленного шведскому правительству, данные о разрушенных деревнях в некоторых районах превышали их общее количество, известное до начала военных действий[1]. И журналисты и памфлетисты не скупились на гиперболизации.

В преувеличениях не было ничего необычного. Они ценны уже тем, что, помимо доли истины, которая в них содержалась, отражали умонастроение той эпохи, душевное состояние людей, определявшееся жуткой реальностью. Независимо от того, три четверти населения потеряла Германия или меньше, ясно одно: никогда прежде, да, вероятно, и впоследствии, в ее истории не было такого всеобщего ощущения беды и животного страха.

Изучая немногочисленные достоверные факты и критически осмысливая гиперболизации и явные легенды, приходишь к выводу: война была страшна в большей мере для отдельного человека, деревни или города, чем для нации. Конечно, совершенно беззащитный крестьянин страдал от налогов, грабежей и насилия, однако крестьянство же в целом стало сильнее в сравнении с другими слоями общества. Дворянство полностью зависело от крестьян в восстановлении сельского хозяйства, и это давало им возможность для самоутверждения[2]. Похожее противоречие можно заметить и в бытовой экономике. Начиная с 1622 года и в продолжение последующих пятидесяти лет цены неуклонно снижались[3]. Этот процесс сопровождался ростом заработков, и в результате стоимость жизни падала, а уровень жизни повышался в течение всей Тридцатилетней войны. Такая общая

[1] Dudik, *Die Schweden in Böhmen*, p. 377.

[2] Wuttke, *Gesindeordnung und Gesindezwangsdienst*, Leipzig, 1893, pp. 62, 69—70.

[3] Elsas, pp. 22—25.

тенденция вовсе не доказывает, что люди не страдали от периодически возникавшего голода, мародерства и миграции. В сухом графическом изображении цены на зерно в Аугсбурге действительно снижались, но каждый внезапный рывок вверх означал голод и неминуемую смерть[1].

Отчеты и цифры, оставленные нам людьми, жившими в ту эпоху, несмотря на все преувеличения, дают общее представление о тех последствиях войны, с которыми столкнулись в 1648 году власти и специалисты, взявшиеся за восстановление Германии. В этих данных, не важно, насколько они достоверны или гиперболизированы, содержится огромное человеческое горе, представляющее интерес если не для экономиста, то для историка. Одни только шведы обвиняются в том, что они разрушили почти две тысячи замков, восемнадцать тысяч деревень и более полутора тысяч городов[2]. Бавария заявляла, что потеряла восемьдесят тысяч семей и девятьсот деревень, Богемия лишилась семидесяти пяти процентов населения и более восьмидесяти процентов деревень (каждых пяти из шести). В Вюртемберге, утверждают свидетельства, сохранилась одна шестая населения, в Нассау — одна пятая, в Хеннеберге — одна третья, в разоренном и опустошенном Пфальце — одна пятидесятая[3]. Население Кольмара сократилось вдвое, от населения Вольфенбюттеля осталась только восьмая часть его прежней численности, в Магдебурге — десятая, в Хагенау — пятая, в Ольмюце — менее пятнадцатой[4]. Мин-

[1] Elsas, pp. 34—35, 41—42, 48—49, 54.

[2] Dudik, *Die Schweden in Böhmen*, p. 37.

[3] Meiern, *Acta Pacis*, V, p. 774; Inama-Sternegg, *Die volkswirtschaftlichen Folgen des dreissigjährigen Krieges. Historisches Taschenbuch.* Vierte Folge, V, p. 16; Spielmann, *Geschichte von Nassau.* Wiesbaden, 1910, I, p. 86; Brückner, *Beitrag zur Statistik und Geschichte des dreissigjährigen Krieges. Zeitschrift für Deutsche Kulturgeschichte*, 1857, pp. 212—213; Häusser, *Geschichte der Rheinischen Pfalz*, II, p. 583.

[4] Reuss, *Alsace au XVII siècle*, pp. 110—112; Heinemann, *Geschichte von Braunschweig.* Gotha, 1892, III, p. 100 f.; Haendke, *Deutsche Kulturge-*

ден, Хамельн, Гёттинген и Магдебург, судя по отчетам, лежали в руинах[1].

Такова легенда. Можно привести и другие данные, которые трудно подтвердить. Население Мюнхена насчитывало двадцать две тысячи человек в 1629 году, а в 1650-м — семнадцать тысяч; в Аугсбурге в 1620 году проживало сорок восемь тысяч человек, в 1650-м — двадцать одна тысяча[2]. В Хемнице от почти тысячи человек осталось менее двухсот, в Пирне из восьмисот семидесяти пяти жителей осталось пятьдесят четыре[3]. Население Марбурга, подвергавшегося оккупации одиннадцать раз, уменьшилось вдвое, а муниципальный долг вырос в семь раз; и через двести лет бюргеры все еще выплачивали проценты по займам, сделанным во время войны[4]. Население Берлин-Кёльна сократилось на четверть, а Ной-Бранденбурга — почти наполовину. Альтмарк, Зальцведель, Тангермунде и Гарделеген потеряли треть своих жителей, Зеехаузен и Штендаль — больше половины, Вербен и Остербург — две трети[5]. Через Зунд из портов Восточной Фрисландии до 1621 года проходило ежегодно до двухсот судов; в последнее десятилетие войны — в среднем не более десяти[6].

«Я никогда не поверил бы в то, что так можно изничтожить страну, если бы все это не видел собственными глазами», — говорил генерал Мортень в Нассау[7]. У правителей, собиравшихся восстанавливать Германию, было предостаточно таких свидетельств.

---

schichte im Zeitalter des dreissigjährigen Krieges. Leipzig, 1906, p. 186; Hanauer, p. 397; d'Elvert, IV, pp. XXIX, cclxxvi.

[1] Heinemann, p. 100 f.

[2] Elsas, p. 79.

[3] Wuttke, *Gesindeordnung*, p. 65.

[4] Kuerschner, *Geschichte Marburgs*, pp. 135—136, 149, 150, 151, 166.

[5] Kaphahn, *Die wirtschaftlichen Folgen des dreissigjährigen Krieges.* Gotha, 1911, pp, 37, 45.

[6] Hagedorn, *Ostfrieslands Handel und Schiffahrt.* Berlin, 1912, p. 504.

[7] Inama-Sternegg, p. 11.

Ущерб, нанесенный земледелию и скотоводству, оценить трудно в силу недостаточности достоверных данных о состоянии сельского хозяйства до и после войны. Можно отметить лишь одно обстоятельство: легче всего списывать на войну потери домашнего скота, зерна и прочих продуктов сельского хозяйства. Армии, несмотря на стенания, умудрялись жить до последнего дня на квартирах и сохранять хотя бы часть четвероногих животных, не обязательно лошадей, для всадников и обозов. Что касается мародеров, которые время от времени выходили за пределы своих баз, то деревни, стоявшие в стороне от дороги или укрывавшиеся в глухих долинах, могли избежать грабежей и разорения.

Лейпциг обанкротился в 1625 году, но муниципалитет испытывал финансовые затруднения уже давно[1]. Отдельные города пережили совсем немного неудобств, а некоторые из них обогатились на войне. Эрфурт взялся у себя устраивать ежегодную ярмарку, когда в 1623—1633 годах Лейпциг оккупировали войска[2]. Постоянно возрастало население Вюрцбурга[3]. Бремен умудрился монополизировать рынок английских тканей[4]. Гамбург перехватил у своих конкурентов торговлю сахаром и пряностями и вышел из войны одним из богатейших городов Европы, способным соперничать на Балтике со Швецией и Соединенными провинциями[5]. Графству Ольденбург благодаря искусной непорядочности своего правителя удавалось так маневрировать среди непостоянных альянсов, что оно всегда оставалось в выигрыше и избежало оккупации войсками. Франкфурт-на-Майне, пережив несколько трудных лет после Нёрдлигена, вновь обрел относительное благополучие и благосостояние. Население Дрездена, восполнившего бе-

[1] Kroker, *Handelsgeschichte der Stadt Leipzig*. Leipzig, 1925.

[2] Kroker, p. 128.

[3] Elsas, p. 79.

[4] B. Hagedorn, *Ostfrieslands Handel und Schiffahrt*, p. 510.

[5] Aubéry du Maurier, *Mémoires de Hambourg*, p. 28 f.

женцами потери людей из-за чумы, за годы войны не выросло, но и не уменьшилось[1].

Нельзя забывать и о том, что разрушительный потенциал армий был значительно меньше, чем в наши дни. Вследствие неспособности властей защитить своих граждан, зачаточного состояния благотворительности и полного отсутствия дисциплины в ее современном понимании война приобретала особенно жестокий характер. Однако не происходило столь масштабных операций и разрушений, как сегодня. Строения в основном были деревянные и достаточно легко и быстро восстанавливались. Каменные и кирпичные дома вполне выдерживали злость солдата XVII века. Здания возрождались в некоторых районах столь оперативно, что некоторые скептики засомневались в реальности ужасов Тридцатилетней войны.

Вряд ли были велики и финансовые потери, заявленные тогдашними властями. Большая часть финансовых средств, полученных в виде военных контрибуций, просто переходила из рук в руки, возвращаясь в карманы людей, содержавших солдат. Не так уж много денег накапливалось в сбережениях или пересылалось в иностранные банки и вкладывалось в иностранные земли расчетливыми генералами[2]. В любом случае потери с лихвой возмещались поступлениями из Испании, Швеции, Соединенных провинций и, в особенности, из Франции.

Тем не менее нехватка капитала, особенно на местах, ощущалась постоянно. В период между 1630 и 1650 годами саксонское правительство отчеканило всего лишь два с половиной миллиона талеров — в два с лишним раза меньше, чем за последние двадцать лет предыдущего века[3]. Стабильное уменьшение налоговых поступлений свидетельствовало о девальвации собственности и снижении благосостояния

---

[1] Müller, *Dresden im dreissigjährigen Kriege. Neues Archiv für Sächsische Geschichte*, XXXVI, p. 248.

[2] Kaphahn, pp. 56—57.

[3] Wuttke, *Gesindeordnung*, p. 66.

налогоплательщика. Трудно поверить, но выручка пивного подвальчика в Лейпциге составляла менее двадцати пяти центов[1].

Крестьяне даже наживались на финансовой неразберихе. Солдаты не торговались, и крестьянский мальчишка мог спокойно обменять кружку пива на серебряный кубок[2]. В Аугсбурге во время шведской оккупации крестьяне покупали угнанный скот за нелепо мизерные цены: солдаты понятия не имели о реальной стоимости украденных животных. Безвластие было на руку нечистоплотным людям. Нередко особо храбрые фермеры продавали войскам лес и урожай, выращенный на земельных угодьях струсившего и сбежавшего соседа[3]. К концу войны выросло целое поколение людей, привыкших в своих интересах использовать свободу, которую дает слабое гражданское управление.

Катастрофическое сокращение населения, заявленное многими регионами, в определенной степени объяснялось миграцией; при более внимательном рассмотрении положения в Германии до и после войны выясняется, что население страны не столько вымирало, сколько перемещалось из одного места в другое. Однако шрамы, оставшиеся после массовой миграции, еще долго давали о себе знать.

Действительные масштабы потерь мирных жителей оценить чрезвычайно сложно. Детальный анализ ситуации в Альтмарке показывает: число жителей в городах сократилось на сорок процентов, а в сельской местности — наполовину[4]. Потери были почти равные среди мужчин и женщин. Надо сказать, что в годы войны смертность среди мирного населения в пропорциональном отношении была почти такая же, если не больше, как и в армиях. Война не разделяла своих жертв на мужчин и женщин.

---

[1] Wuttke, pp. 63, 64; Kroker, pp. 129, 130.

[2] Einert, p. 52.

[3] Ehrenberg, *Aus dem dreissigjährigen Kriege. (Altona unter Schauenburgischer Herrschaft*, v. Altona, 1892), p. 33.

[4] Kaphahn, p. 98.

Согласно легенде население Германии сократилось с шестнадцати до четырех миллионов человек. Обе цифры неверны. В германской империи, включая Эльзас и исключая Нидерланды и Богемию, в 1618 году, вероятно, можно было насчитать двадцать один миллион человек и менее тринадцати с половиной миллионов в 1648-м[1]. Некоторые авторитеты полагают, что потери были еще меньше[2]. Так или иначе, любые данные, муссировавшиеся пропагандой в продолжение многих поколений, не представляется возможным ни подтвердить, ни опровергнуть с некой долей уверенности.

3

Значительно более серьезное влияние на дезинтеграцию общества оказали социальный хаос и постоянная смена властей и религий. Небольшое улучшение в положении крестьянства, вызванное в некоторых регионах ослаблением власти, долго не продержалось. В Саксонии дворянство сразу же обратилось к правительству с требованием обуздать самоволие крестьян. В прежние времена крепостные не

[1] Elsas, p. 78; см. также E. Keyser, *Bevölkerungsgeschichte Deutschlands*. Leipzig, 1938.

[2] Hoeniger, *Der dreissigjährige Krieg und die deutsche Kultur. Preussische Jahrbücher*, CXXXVIII, pp. 421, 425—426. Наиболее аргументированный ответ на гиперболизацию последствий Тридцатилетней войны дает д-р Роберт Эрганг: Dr Robert Ergang, *The Myth of the All Destructive Fury of the Thirty Years War*, Pocono Pines, Pennsylvania, 1956. В этом сжатом исследовании, основанном на добротных источниках, аргументированно доказывается, что экономический спад в Германии начался – это и я пыталась показать в первой главе – задолго до войны. Причины упадка в общем-то являлись и причинами развязывания войны. Они же задержали и развитие торговли и промышленности в Германии по сравнению с другими западноевропейскими нациями, а именно, как отметил д-р Эрганг, «отсутствие сильного централизованного правления, которое могло бы поддерживать национальную экономику».

имели права оставлять землю, но в хаосе войны многие из них ушли в города и освоили ремесла. Потом они вернулись и стали применять новые профессии дома и обучать им своих детей, что не могло не сказаться на повышении благосостояния семей. Пока война продолжалась, дворяне могли только злиться от бессилия; с наступлением мира все изменилось. В Саксонии дворяне заставили курфюрста, задолжавшего им немалые деньги, выпустить указы, запрещавшие крестьянам уходить из деревень и заниматься какими-либо ремеслами[1]. Таким образом, пришедший в Германию мир отобрал у крестьян одно из важных приобретений, которое им дала война.

Этот процесс особенно был заметен в Саксонии, но имел место — правда в не столь выраженном виде — почти во всех регионах. Экономические последствия такого постыдного классового самоуправства были менее значительными, чем социальные. Землевладельцы, естественно, стремились к процветанию, и если им не хватало дальновидности, то это еще не значит, что они были плохими хозяевами. В послевоенные годы повсюду внедрялись научно-интеллектуальные новшества. Однако в моральном и социальном отношении феодальный деспотизм оставался бесспорным злом. Феодальные обязательства вроде бы исчезли, но заново выстроились феодальные барьеры и снова пустило корни кастовое самосознание.

Аналогичная кастовость была присуща и отношениям между городом и деревней, между купечеством, крестьянством и аристократией, и разрыв еще больше углублялся стремлением господствующих классов утвердить свое социальное превосходство, несмотря на экономическую разруху. Война породила еще один социальный слой — безземельных дворян, живших за счет родственников, их предприимчивости и накоплений и паразитировавших не одно десятилетие. Никакого выравнивания классов в условиях затянув-

[1] Wuttke, pp. 68, 72, 77.

шегося бедствия не произошло. Напротив, социальная иерархия стала еще контрастнее и наглее. Редкий случай, чтобы удачливый генерал приобрел поместье или женился на аристократке. Иоганн фон Верт ушел в отставку богатым и взял в жены фрейлину фон Кюфштейн. Крестьянское происхождение Меландера не помешало ему стать графом и умереть, имея четверть миллиона талеров. Но это исключительные примеры. Хотя солдат иногда и мог разбогатеть на грабежах, изменить свой социальный статус было практически нереально. Иностранные наемники, добившиеся каких-то привилегий, происходили, как правило, из дворянских, пусть и обедневших, семей. Пикколомини был представителем известной сиенской династии, Исолани считался потомком кипрских аристократов, шведские офицеры, почти поголовно, представляли класс землевладельцев[1]. Даже убийцы Валленштейна подавали себя господами. Хотя среди офицеров во всех армиях было немало необразованных невежд, в большинстве своем они происходили из семей с родовыми гербами. Аристократическая отличительность, в общем-то бесполезная и абсурдная, имела тогда огромную притягательную силу. Среди иностранных наемников блистали такие известные аристократические имена, как Деверу, Рутвен, Монтекукколи. В войсках и в 1618-м, и в 1648 году сражалось немало офицеров-отпрысков из древних германских родов — тех же Фалькенбергов и Кюфштейнов, а не Мюллеров и Шмидтов.

Если война не оказала практически никакого влияния на социальное расслоение, то она все-таки слегка перемешала расы. Наплыв испанской, шведской, итальянской, хорватской, фламандской и французской солдатни, естественно, не мог не отразиться на этнической экологии. Меньше всего приток чужеземной крови коснулся средних и высших классов. И конечно, вряд ли можно говорить о каких-то фундаментальных изменениях в этносе или физическом об-

[1] Delbrück, p. 20.

лике. На германцев не особенно повлияли периодические нашествия гуннов, славян и викингов. Рассуждения о расовом воздействии на чехов шведской оккупации основаны лишь на народных поверьях. Почти все многочисленные «*Schwedenshantz*»[1] в Германии имеют более древнее происхождение[2].

Торговый средний класс давно переживал упадок, и война лишь довершила его крах. Буржуазия будущего выросла не из свободных купцов, а из подневольных чиновников, самого паразитического и консервативного социального слоя[3]. Бюргерство, превратившись в придаток господствующего класса и связав свою корысть с интересами правителей, разрушило барьер между дворянством и крестьянством.

Малые города сохранили свое значение, но теперь целиком зависели от настроений князя, бравшего их под свою опеку и использовавшего крепостные стены для защиты своих земель. Многокрасочная городская вольница уступила место чопорно изысканному стилю княжеского двора. Этот нарочито-утонченный стиль был далек от реальной жизни людей и нередко от естественных склонностей немцев, но привносил в маленькие города элемент цивилизованности и космополитизма. Лишившись традиционного аскетизма, германское искусство влилось в русло европейской культуры, которая тогда была преимущественно французской.

Националисту не нравились перемены. Пуританин противился любому иностранному влиянию. Ему не нужны были ни великолепные росписи Тьеполо в Вюрцберге, ни парижское изящество дворцового ансамбля Цвингер в Дрез-

[1] Земляные укрепления-убежища, создававшиеся жителями деревень в глухих местах в Средние века; сооружались и в годы Тридцатилетней войны. — *Примеч. пер.*

[2] Hebbe, *Svenskarna i Böhmen*. Stockholm, 1932, pp. 135—150.

[3] Gebauer, *Deutsche Kulturgeschichte*, p. 111.

дене. Он готов был закрыть уши руками, чтобы не слушать музыку, если она написана за пределами Германии.

Агрессивность национального самосознания немцев после войны сохранилась в неизменном виде. Они не признавали французскую культуру с первых же дней ее появления на германской земле, и не из-за французской интервенции и поражения императора. Побежденные австрийцы приняли ее сразу же и с удовольствием пользовались ее шедеврами. Более или менее благожелательно отнеслись к ней жители севера и запада страны. Князья не позволили им иметь свое мнение, и писатели-сатирики понапрасну точили свои перья. Филандер фон Зиттевальд[1] тщетно обрушивался на молодое поколение, которое хотело, чтобы все было «*à la mode*», и называло старые времена «*altfränkisch*»[2], подобно тому как мы приклеили к определенному периоду в нашей истории ярлык «викторианского»[3].

Что касается поглощения германской культуры иноземной, то война здесь ни при чем. Мода на Францию охватила весь мир: и Англию, и Италию, и Соединенные провинции, и даже Швецию с Данией.

4

Политические последствия войны были более значительными, нежели социальные и экономические. Границы империи совершенно изменились. Признание независимости Швейцарии и Соединенных провинций лишь подтвердило уже существующее де-факто положение. Эльзас и

[1] Мошерош, Иоганн Михаэль, «Диковинные и истинные видения Филандера фон Зиттевальда».

[2] Древнефранкские (*нем.*).

[3] Sittewald, *Visiones de Don Quevedo*, Part II, *passim*; K. Bidermann, *Der dreissigjährige Krieg und seine Wirkungen auf die gesellschaftlichen und die sittlichen Zustände Deutschlands. Zeitschrift für Deutsche Kulturgeschichte*. 1856, p. 165.

Задняя Померания[1], формально еще остававшиеся частью империи, фактически переходили под контроль иностранных держав, и их отторжение, по крайней мере Эльзаса, было делом времени. Устья четырех рек оказывались теперь на чужой территории: дельтой Рейна владели испанцы и голландцы, дельтой Эльбы распоряжались датчане, Одера — шведы, Вислы — поляки. Ситуация с Эльбой и Вислой вернулась к состоянию на 1618 год, но фактическое обладание агрессивной Голландией выходами из Рейна[2] и захват Одера шведами должны были неминуемо отразиться на торговых интересах Германии и ее национальной гордости.

Сложнее связать с войной политические изменения в самой империи. Причины, породившие конфликт, приобрели новый характер, а некоторые из них исчезли. Трансформация отношений между церковью и государством уже происходила в 1618 году и вполне могла завершиться без кровопролития. Официально не признанный кальвинизм до войны исповедовало больше людей, чем после нее. Борьбу против абсолютизма в Германии с самого начала загубили привилегированные классы. Хотя в 1618 году и не могло быть уверенности в том, что князья одержат победу над императором, она была все же вероятна.

Война ускорила процесс превращения князей в единственных властителей, кому подданные реально могут адресовать свои тревоги. Она подтвердила необходимость в сильной власти для выживания нации, деспотизм оказался более действенным, чем самоуправление, бюрократия эффективнее обеспечивает стабильность, нежели система свободного выбора.

---

[1] Задняя Померания отошла к Брандебургу, а Передняя Померания стала Шведской Померанией. — *Примеч. ред.*

[2] По условиям Мюнстерского мирного договора, Шельда закрывалась для транспорта, и все рейнские торговые операции должны были осуществляться через голландские порты.

Империя стала лишь географическим понятием. Фердинанд III забаррикадировался в отцовском территориально-политическом образовании под названием «Австрия». Его теперь можно было величать королем-императором Австрии и ее ближайших провинций, он уже исполнял эту роль в Мюнстере и будет играть ее и впоследствии. Подтвердив право князей на заключение иностранных альянсов, мирный конгресс завершил процесс дезинтеграции империи как единого государства. Из ее развалин поднялись Австрия, Бавария, Саксония и Бранденбург, будущая Пруссия.

Ослабив Австрию, Франция распахнула двери перед новой могущественной силой в Германии. Фридрих Вильгельм Бранденбургский и его потомки позаботились о том, чтобы такой силой не стала ни Бавария, ни Саксония, ни возродившаяся Австрия. Верно, нельзя говорить, что именно война породила Фридриха Вильгельма. Тяжелая юность выковала в нем определенные качества, но способности у него были собственные. Война дала ему шанс, и он им воспользовался.

Однако война способствовала тому, что на севере Германии подозрения, которые там всегда питали к Габсбургам, переросли в лютую ненависть к ним как виновникам всех несчастий. Они пожертвовали империей ради Австрии и обрели мир, заплатив за него священными германскими землями. Из-за их дурной политики шведы пришли на Одер, а французы получили Эльзас. Критики не хотели замечать очевидных вещей: Габсбурги все-таки стремились объединить Германию, шведы ступили на Балтийское побережье, воспользовавшись сепаратизмом строптивых князей, а пожертвовать Эльзасом императора вынудил Максимилиан Баварский. Как бы то ни было, факт остается фактом: Тридцатилетняя война сделала необратимой ненависть северян к династии, правившей на юге. И ее самым главным результатом можно считать то, что отчуждение и разрыв между Германией и Австрией стали неизбежными.

Иногда встречаются утверждения, будто Германия, если бы не было войны, могла превратиться в величайшую или по крайней мере в одну из великих держав в Европе. Такие эмоциональные заявления несерьезны. В 1618 году империя не выказывала ни малейших признаков того, что она развивается как колониальная держава. Более того, она даже не собиралась конкурировать с Данией, Испанией или Англией. В Германии имелись такие экономические инструменты, как рынок, товарный и денежный обмен, но их было недостаточно для осваивания колоний. Упадок городского предпринимательства был одной из удручающих особенностей Германии 1618 года. Только какое-то экономическое чудо и внезапное появление крепкой направляющей силы могли превратить империю 1618 года в мощное и ведущее торговое государство.

Экономическая предприимчивость испанцев, португальцев, англичан и голландцев поддерживалась либо политикой государства, способного финансировать колониальные проекты, либо частной инициативой и частными ресурсами, либо стремлением найти земли, свободные от религиозной тирании. В империи отсутствовала централизованная власть, частный капитал истощался, а принцип *cujus regio ejus religio* означал, что человек мог иметь определенную свободу вероисповедания дома и не отправляться в ее поисках за океан. С другой стороны, мирные договоры закрыли выход в моря, и германский предприниматель должен был ставить перед собой цели, весьма далекие от освоения заморских колоний.

5

В своей трагедии Германия должна винить прежде всего саму себя. Нисколько не умаляя достоинств Ришелье, Оливареса, двух Фердинандов и шведского короля, следует сказать: не *они*, а *им* создавали благоприятные возможности для тех или иных действий. Всегда оказывалось слишком легко

разделять политических союзников, манипулировать корыстными интересами правителей и настраивать их друг против друга. Разобщенность Бранденбурга и Саксонии помешала создать единую германскую партию и использовать для этого потенциал протестантского манифеста, принятого в Лейпциге в 1631 году, и раздоры между иностранными державами. Саксония и Бавария сепаратно втянулись в 1635 году в обманчивый Пражский мир и встали на сторону императора в то время, когда, казалось, дело пошло к всеобщему урегулированию.

Не вызывает удивления то, что чистейший эгоизм ландграфини Гессен-Кассельской и авантюриста Бернхарда Саксен-Веймарского иногда выдается за проявление германского патриотизма. Действительно, в этом сонме правителей с путаными и непостоянными намерениями и желаниями трудно обнаружить человека, имевшего ясную и четкую политическую программу.

Ответственность за катастрофу настолько расплывчата, что невозможно выделить какого-то конкретного виновника. В некотором смысле каждый человек, обладавший определенным влиянием в германских государствах, виновен в том, что война длилась так много лет. Однако чем больше у человека власти, тем больше и ответственности. Следовательно, надо осуждать прежде всего тех, кто мог остановить войну, но не сделал этого.

Фридрих и Фердинанд, главные антагонисты в 1618 году, могли бы сослаться хотя бы на то, что они руководствовались указаниями Всевышнего. С этой точки зрения каждый вправе оценивать их действия в соответствии с собственными убеждениями. В отношении Иоганна Георга и Максимилиана правильнее было бы применять другие стандарты. Им хватало ума на то, чтобы извлекать выгоды из конфликта. Они должны были воспользоваться им и для того, чтобы прекратить войну. Они были людьми благоразумными вначале, но надо было оставаться таковыми до конца.

Надо сказать, немногим участникам трагедии, среди них оказались Иоганн Георг и Максимилиан, довелось увидеть, как начиналась и заканчивалась война. Иоганн Георг в преклонном возрасте умер в своем дворце в Дрездене в 1654 году, окруженный детьми и внуками. Максимилиан Баварский скончался тремя годами раньше в Ингольштадте, лежа в пустой комнате среди отцов-иезуитов.

Эти два князя должны были подавить свои амбиции и создать единую германскую партию, достаточно сильную для того, чтобы обуздать претензии Фердинанда и утихомирить Фридриха без вмешательства как испанцев, так и французов. Они пытались сделать нечто подобное в 1620 году, вступив в альянс с Фердинандом, с тем чтобы он не обращался за помощью к испанцам. Однако Максимилиан скомпрометировал себя, позарившись на титул и земли Фридриха, и Иоганн Георг остался в одиночестве. Требуя себе Лусатию, Максимилиан совершал ошибку, но по крайней мере эту землю давал ему Фердинанд. Иначе дело обстояло с Пфальцем, и притязания на него Максимилиана были преступны и опасны. Он никогда не смог смыть с себя это позорное пятно. Курфюршество постоянно мешало ему играть роль истинного патриота Германии. Он не мог серьезно заниматься созданием единой германской партии, потому что никакая центральная партия не согласилась бы с наглым ограблением другого князя, совершенным с санкции императора. Из-за курфюршества он переметнулся в испанский лагерь, когда появились шведы, а французы бросили его. По этой же причине он потом гнул спину перед Францией и при заключении Вестфальского мира оторвал Эльзас от империи и отдал Мазарини. Эльзасом Германия заплатила за то, чтобы Максимилиан сохранил за собой Пфальц.

В душе он был конституционалистом и противником иностранного вмешательства во внутренние дела Германии, но неправедные поступки привели его сначала к испанцам, а потом к французам. Думал бы князь в решающие

моменты больше об интересах Германии, а не Баварии, он мог бы остановить войну: в 1620 году у него были для этого все возможности, и он ими не воспользовался. В масштабах того государства, которым Максимилиан правил, он казался действительно великим человеком: раздвинул границы и стал самым влиятельным светским князем в Германии, — но в масштабах нации и империи, верностью которой постоянно похвалялся, его скорее следовало бы считать либо простофилей, либо предателем, либо тем и другим одновременно.

Иоганн Георг Саксонский вел себя достойнее и продержался дольше, хотя у него было и меньше возможностей для противостояния иностранной интервенции. В 1624 и 1631 годах он сделал серьезную заявку на то, чтобы возглавить единую германскую партию, но ему помешали сначала Максимилиан, а потом шведский король. Тем не менее после гибели Густава Адольфа и до заключения Пражского мира саксонский князь всеми силами старался остановить интервенцию шведов, французов и испанцев. Не получив поддержки, он позволил вовлечь себя фальшивкой Пражского мира в императорский альянс войны. Этот ложный мир, появившийся в результате французско-шведского конфликта и заговора Габсбургов, побудил патриота Арнима уйти в отставку. Иоганну Георгу ничего не оставалось, как плыть по течению.

Его карьера не была блистательной. По крайней мере намерения князя всегда были честны, и потомки могут лишь сожалеть о том, что Иоганн Георг оказался не на высоте в исполнении своего долга, но не обвинять его в предательстве.

6

Война оставила трагические последствия не только для Германии. Мир, лишь отчасти разрешивший конфликты и охладивший страсти в Германии, создал проблемы и для Ев-

ропы. Крайне непопулярная среди немцев уступка Эльзаса рано или поздно должна была привести к новой войне; захват шведской короной половины Померании представлял меньшую опасность только потому, что Швеция была явно слишком слаба для ее удержания. Подрывало урегулирование возрастающее влияние Бурбонов на Рейне и стремление Мазарини прибрать к рукам ключевые стратегические районы на границе. Вестфальский мир, подобно многим другим мирным договоренностям, расставил на карте Европы лишь очаги для разжигания новой войны.

Вестфальский мир обычно преподносится как эпохальный в истории Европы. Он как бы разделяет периоды религиозных и национальных войн и отделяет идеологические войны от войн агрессии. Эта демаркация искусственная и надуманная, как и все произвольные разграничения. Агрессивность, династические или другие амбиции и фанатизм всегда присутствуют в войне, и последняя из религиозных войн незаметно переросла в псевдонациональную войну будущего.

Протестантский богемский изгнанник Коменский[1] писал в Лиссе[2] в Польше: «Они принесли нас в жертву договорами в Оснабрюке... Заклинаю вас Господом Богом не бросать нас, преследуемых за деяния во имя Христа». В Ватикане Иннокентий X заклеймил Вестфальский мир как «пустой, бессмысленный, несправедливый, предосудительный, безнравственный, негодный, нечестивый, мерзкий, не имеющий никакого значения и законной силы ни сейчас, ни во все времена». После тридцати лет войны как были, так и остались недовольными и экстремисты-католики, и экстремисты-протестанты. И Фердинанду и Кристине пришлось запретить своим священникам выступать с публичными осуждениями Вестфальского мира[3], а булла Ватикана возы-

[1] Комениус, Ян Амос, чешский гуманист, философ и теолог. — *Примеч. пер.*

[2] Польский город Лешно. — *Примеч. пер.*

[3] Chanut, p. 367.

мела практическое действие не больше, чем воззвания изгнанных богемских протестантов.

Война, унесшая столько жизней неизвестно во имя чего, заставила людей задуматься над целесообразностью отстаивать свои убеждения посредством меча. Они отвергли религию как повод для войн и придумали другие.

Конфликт, так долго длившийся и столь усердно поддерживавшийся, в итоге не доказал правоту ни одной из сторон. Проблемы война не разрешила. Морально отвратительная, экономически разрушительная, социально губительная, преследовавшая малопонятные цели, бесчестная и фактически безрезультатная, эта война вошла в историю Европы как выдающийся пример бессмысленного кровопролития. Подавляющее большинство населения Европы, подавляющее большинство населения Германии не хотело войны, но как бы ни была велика эта людская масса, она не имела голоса. Их судьба решалась во дворцах. Но и среди тех, кто один за другим втягивался в войну, мало было людей, кто не питал бы надежд на подлинный и прочный мир. Почти все — за исключением, может быть, короля Швеции — вовлекались в конфликт больше из-за страха, а не из-за пристрастия к завоеваниям или к вере. Они стремились к миру и за мир воевали тридцать лет. Люди не понимали тогда и не понимают сейчас, что всякая война порождает только войну.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Источники, использованные в книге, указываются на страницах. Я следую принятой практике вначале полностью указывать автора, название, место и год издания, а далее приводить эти данные в сокращенном виде.

Наиболее полная библиография по Тридцатилетней войне содержится в исследовании Дальмана-Вайца: Dahlmann-Waitz, *«Quellenkunde der Deutschen Geschichte»*. На английском языке крайне мало изданий, посвященных Тридцатилетней войне, а в последнее время их почти и вовсе не выходило. В журнале *«Cambridge Modern History»*, volume IV (Cambridge, 1906) также приводится полная библиография источников и комментариев, имевшихся в то время. Новый выпуск журнала, посвященный этой эпохе, на момент написания этих строк (1960) находился в стадии подготовки.

Сравнительно немного появилось новых исследований на английском языке и со времени издания моей книги в 1938 году. Среди них я обратила внимание на две очень интересные биографии. Поразительно откровенно жизнеописание Валленштейна, опубликованное Фрэнсисом Уотсоном: Francis Watson, *«Wallenstein, Soldier under Saturn»* (1938). Олдос Хаксли раскрывает малоизвестные духовные мотивации политики Ришелье и отца Жозефа: Aldous Huxley, *Grey Eminence*. Самым значительным биографическим исследованием последнего времени я назвала бы книгу Майкла Робертса о Густаве Адольфе: Michael Roberts, *«Gustavus Adolphus:*

A History of Sweden», 1611—1632. Второй том (1958) посвящен участию шведского короля в Тридцатилетней войне.

Исследование Карла Буркхардта о Ришелье — Carl Burckhardt, *«Richelieu: Der Aufstieg zur Macht»* (Munich, 1935) — доступно в великолепном английском переводе с 1940 года. Имеется также мое краткое жизнеописание кардинала в серии «Изучай историю самостоятельно»: *«Teach Youself History Series»* (London, 1949).

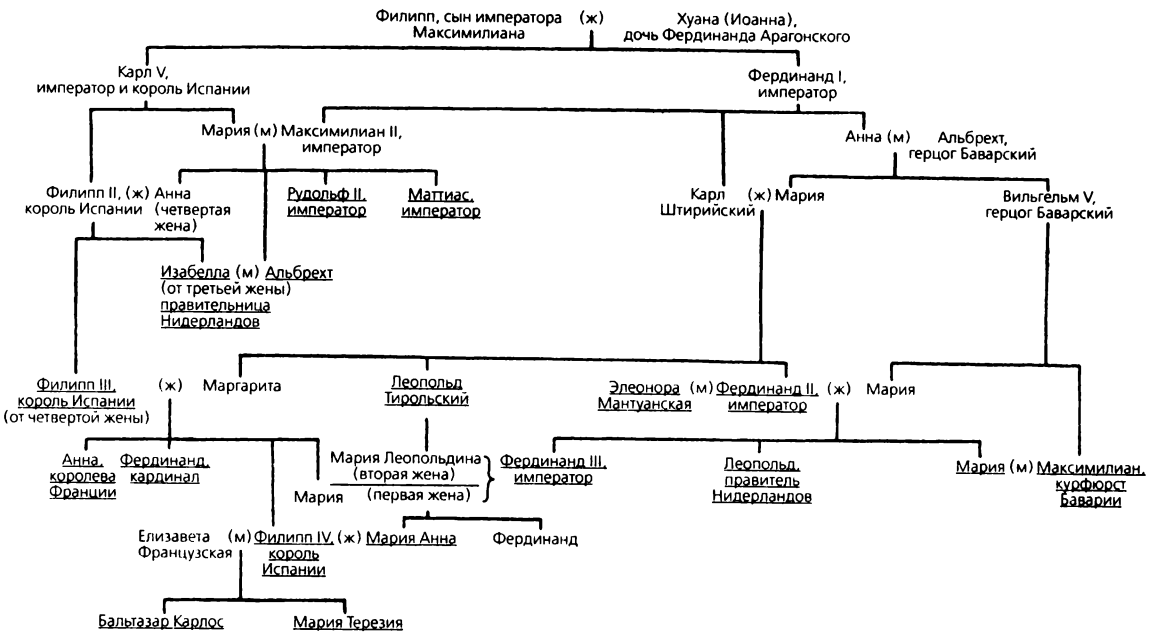
Журнал «Паст энд презент» в ноябре 1954 года опубликовал содержательную статью д-ра Й. В. Полишенского, раскрывающего чешский компонент Тридцатилетней войны и ее экономическую подоплеку: J. V. Polišensky, *«Past and Present»*, November 1954.

Д-р Н. Г. Анлунд, написавший биографию Густава Адольфа — N. G. Ahnlund, *«Gustav Adolf den Store»* (Stockholm, 1932), переведенную на немецкий язык, — в 1940 году издал биографическое исследование об Акселе Оксеншерне: *«Axel Oxenstierna intill Gustav Adolf's Dôd»*.

Во Франции вышло несколько блестящих исторических трудов, относящихся к периоду Тридцатилетней войны. К сожалению, работа Пажеса появилась уже после опубликования моей книги: G. Pagès, *«La Guerre de Trente Ans»*. Paris, 1939. Анри Озер, опубликовав «Испанское превосходство» — Henri Hauser, *«Prépondérance Espagnole», 1559—1660* (Paris, 1933), — дополнил эту тему экономическими изысканиями. Захватывающее описание жизненного пути Ришелье, начатое Габриелем Аното в 1893 году, было завершено с помощью герцога де ла Форса в 1947 году. Шеститомный труд (Gabriel Hanotaux, Paris, 1893—1947) по праву считается шедевром научного познания.

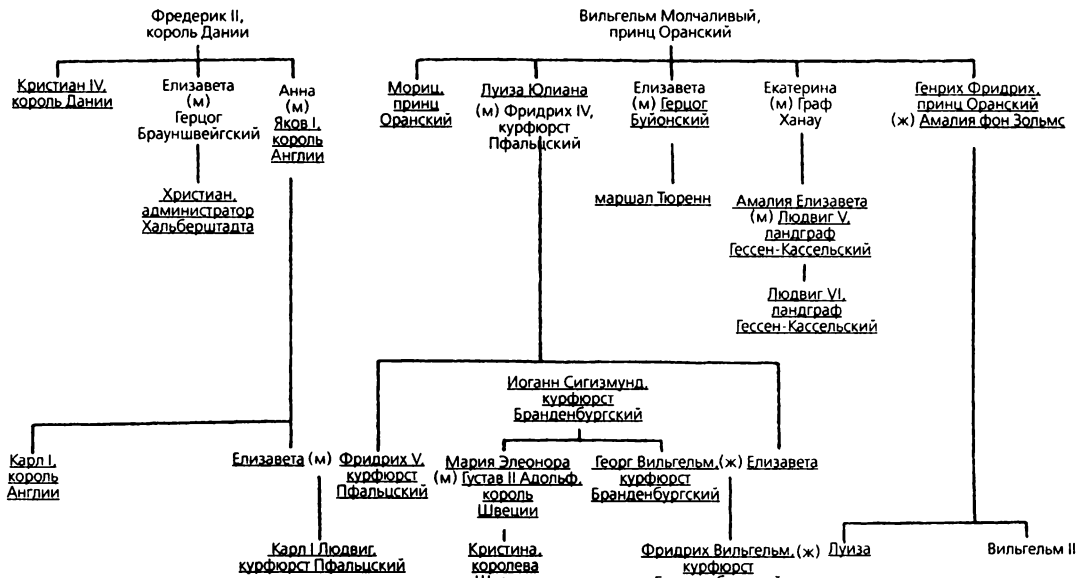
Обстоятельное исследование Огюстом Леманом франц-ско-испанского дипломатического противоборства появилось также после издания моей книги, и я, естественно, не могла им воспользоваться. В «Ришелье и Оливарес: их секретные переговоры в 1636—1642 годах» ярко отображена причудливая и каверзная дипломатия XVII века: Auguste Leman, *«Richelieu et Olivares, leurs négociations secrètes de 1636 à 1642»* (Lille, 1938).

БРАКИ В ДИНАСТИИ ГАБСБУРГОВ

Подчеркивание означает прямое отношение к Тридцатилетней войне.

СЕМЕЙНЫЕ СВЯЗИ В ОСНОВНЫХ ПРОТЕСТАНТСКИХ ДИНАСТИЯХ

Подчеркивание означает прямое отношение к Тридцатилетней войне.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7
Вступление 13
Глава первая. Германия и Европа 16
Глава вторая. Король для Богемии 84
Глава третья. Король на одну зиму 119
Глава четвертая. Император Фердинанд
и курфюрст Максимилиан 158
Глава пятая. На Балтике 220
Глава шестая. Тупик 254
Глава седьмая. Поход шведского короля 293
Глава восьмая. От Лютцена до Нёрдлингена и дальше 366
Глава девятая. Борьба за Рейн 430
Глава десятая. Коллапс Испании 465
Глава одиннадцатая. На пути к миру 500
Глава двенадцатая. После мира 544
Библиографические заметки 570

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ Буква

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Щука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул.Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья» т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-67
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т.(8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18 , т. (4852) 30-47-51

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06,
факс 615-51-10, E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Веджвуд Сесили Вероника

Тридцатилетняя война

Научный редактор Н.Л. Зайцева
Редактор Н.Н. Степанов
Компьютерная верстка: С.Б. Клешёв
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а
Типография ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25